

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

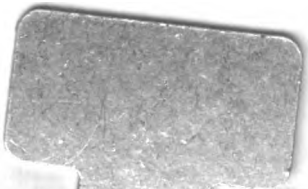
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A Law 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

МАРТЪ.

7245
95-21

1873.

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ВЕЗЪ ИСХОДА. Романъ. (Гл. XV — XXIV) . . . К. М. СТАНЮКОВИЧА.
- II. ПОДЪ ОДНОЙ КРОВЛЕЙ. Стихотвореніе . . . П. БЫКОВА.
- III. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ПРУССІИ.
(Окончаніе.) . . . А. МИХАЙЛОВА.
- IV. ОТЕЦЪ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.) . . . О. ОХТЕНСКОЙ.
- V. НАДЪ ПРОПАСТЬЮ. Романъ. (Гл. I — VIII) . . . Ф. ВЕРНЕРА.
- VI. НОВЫЙ ГОДЪ — НОВЫЙ ДРУГЪ. Стихотвореніе. А. Ш.
- VII. ОЧЕРКЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. . . . А. П. РАВЕСКАГО.
- VIII. БРАТУ. Стихотвореніе . . . ИВАНЦКАГО.
- IX. СЪ ТОГО СВѢТА. Замогильныя записки. Окончаніе.) . . . Д. СВЯЖСКАГО.
- X. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖЕНЩИНА. (Этнографическій этюдъ.) (Окончаніе.) . . . А. Я. ЕФИМЕНКО.
- XI. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ. Романъ. (Гл. V — VIII). П. П. КАРИЗНА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ. (Ст. первая.) II II

(«Вѣсы», романъ Федора Достоевскаго, въ трехъ частяхъ. Спб. 1873.)

ХІІІ. СТЭНЛЕЙ И ЛИВИНГСТОНЪ. (Окончаніе)

(How I found Livingstone? Travels, adventures and discoveries in Central Africa, including four months residence with dr. Livingstone. By Henry M. Stanley, travelling correspondent of the «New-York Herald». London. 1872.)

ХІV. ПОВЫЯ КНИГИ.

Благодѣтели челоувѣчества. Вильямъ Пеннъ, основатель Пенсильваніи. Соч. Вильяма Генворта Диксона, автора «Лондонской башни», «Свободной Россіи» и пр. Спб. 1873. — **Природа.** Популярный естественно-историческій сборникъ. Книга I, съ 8-ю таблиц. и мног. политип. въ текстѣ. М. 1873. — **Общедоступныя чтенія профессора Петтенкофера:** Отношеніе воздуха къ одеждѣ челоувѣка. — Вентиляція жилыхъ помѣщеній. — Почвенный воздухъ. Переводъ Ф. Лесгафта. Съ прилож. статьи проф. Китарры и политип. въ текстѣ. Спб. 1873. — **Строеніе и жизнь челоувѣческаго тѣла.** Популярная физиологія. Съ 276 рисунками въ текстѣ. Проф. медицины К. Реклама. Спб. 1872.

ХV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Впечатлѣніе, произведенное отреченіемъ короля Амедея отъ испанскаго престола. — Невзбѣжность этой катастрофы. — Неловкость и недальновидность Зорильи. — Диктаторскія замашки Сагасты. — Распущеніе палаты. — Пагубныя послѣдствія этой мѣры. — Мошенничества и подкупы на выборахъ. — Отношеніе консерваторовъ къ монархіи Амедея. — Объявленіе войны карлистами. — Исчезновеніе полумилліона рублей. — Изобрѣтенные заговоры. — Аморовіетскій договоръ. — Выходъ изъ палаты депутатовъ радикальной и республиканской партій. — Король отказывается нарушить конституцію. — Необходимость реформистской политики. — Орденomanія Зорильи. — Покушеніе на жизнь короля. — Неудачное путешествіе короля на сѣверъ Испаніи. — Новые выборы въ палату — Неудачное разрѣшеніе церковной и военной реформъ. — Колебанія радикальнаго министерства. — Проектъ закона объ уничтоженіи неволинчества. — Недовольство консерваторовъ. — Разбой и грабежи. — Мятежи, имѣвшіе поводъ и безъ всякаго повода. — Серрано отказывается составить министерство. — Дѣло Гидальго и артиллерійскихъ офицеровъ. — Отреченіе короля. — Интересная корреспонденція газеты «Daily News».

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція жалобъ не принимаетъ.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Въ Контору Редакціи журнала «Дѣло» поступаютъ жалобы на неполученіе 1-й и 2-й книжекъ этого журнала отъ многихъ изъ подписчиковъ, подписавшихся на нашъ журналъ черезъ книгопродавцевъ. Контора Редакціи считаетъ долгомъ объяснить, что на многія изъ этихъ жалобъ она не имѣетъ возможности даже отвѣчать, такъ какъ въ ея книгахъ нѣтъ ни именъ, ни адресовъ этихъ подписчиковъ, или вовсе недоставленныхъ нѣкоторыми книгопродавцами, или доставленныхъ такъ поздно, что Редакція не имѣла физической возможности приготовить адреса, напечатать ихъ и, такимъ образомъ, выслать своевременно первыя книжки «Дѣла». Изъ доставляющихъ подписку въ свое время и совершенно исправно Редакція «Дѣла» съ удовольствіемъ можетъ указать только на слѣдующіе книжные магазины: Мелье, Вольфа, Глазунова, Анисимова и Бортневскаго, а остальные доставляютъ подписку или передъ самымъ выходомъ журнала и даже гораздо позже, а бываютъ не рѣдко и такіе случаи, что и вовсе ее не доставляютъ. Такъ какъ нѣкоторые книгопродавцы, особенно въ послѣднее время, сдѣлали изъ этого страннаго распоряженія чужими деньгами особый родъ спекуляціи и ставятъ въ крайне неловкое положеніе Редакцію, осаждаемую жалобами, то Главная Контора «Дѣла» рѣшилась на будущее время печатно доводить до свѣденія своихъ подписчиковъ, *кто* именно изъ книгопродавцевъ и *когда* доставляетъ списки подписчиковъ на журналъ «Дѣло». Только такое заявленіе можетъ снять съ Конторы Редакціи отвѣтственность и незаслуженные упреки въ неисправной высылкѣ журнала, когда эта неисправность прямо зависитъ отъ того или другого книжнаго магазина.

Контора Редакціи считаетъ долгомъ довести до свѣденія своихъ подписчиковъ, заявившихъ ей о неполученіи книжекъ нашего журнала: г. Янова, ст. Шептуховъ, Б—ки саратовскаго губернскаго баталіона и Б—ки 160 пѣх. абхазскаго полка, что высланныя ими деньги *съ контору Германа Гоппе* на журналъ «Дѣло» и до сихъ поръ (т. е. по 23 марта) не представлены въ Контору Редакціи «Дѣла» и потому журналъ не высылается имъ.

Редакція уже нѣсколько разъ рекомендовала своимъ подписчикамъ адресоваться *исключительно* въ Контору Редакціи. Прямой ея интересъ — удовлетворять требованія немедленно.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. КОРИТКОВОСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

Киб. № 24473

План 236,4 ($\frac{1873}{3}$)

Дозволено цензуров. С.-Петербургъ, 23 марта, 1873 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

63 * 2

ЗВІСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

БЕЗЪ ИСХОДА.

РОМАНЪ.

XV.

— Вамъ кого угодно? по обыкновенію, невозмутимо вѣжливо спрашивалъ Филать, отворивъ Черемисову двери стрекаловскаго дома.

— Скажите г. Стрекалову, что Черемисовъ пріѣхалъ. Учитель, молъ...

— Барина нѣтъ дома... Пожалуйте наверхъ, ваша комната давно готова... Прикажете взять вещи?

— Сдѣлайте одолженіе...

Филать взялъ тощій чемоданчикъ и не безъ улыбки встряхнулъ его. „Малюсенькій!“ подумалъ онъ, провожая наверхъ и оглядывая костюмъ Черемисова. „Шитье не важное и товаръ не Богъ знаетъ какой!“ размышлялъ Филать, подымаясь по лѣстницѣ; затѣмъ, когда они поднялись наверхъ, онъ не безъ ловкости забѣжалъ впередъ, распахнулъ двери комнаты и, деликатно отступивъ назадъ, промолвилъ: „пожалуйте!“

Комната оказалась удобной во всѣхъ отношеніяхъ: свѣтла, просторна, окнами въ садъ, отлично меблированная, полная комфорта; ничто въ ней не было забыто; все сіяло чистотой и порядкомъ.

— Апартаментъ—роскошный! промолвилъ Черемисовъ.

„Чай, никогда я не живалъ въ такихъ!“ про себя подумалъ Филать.

— Ну-ка, давайте чемоданъ!.. обратился Черемисовъ, принимая изъ Филатовыхъ рукъ чемоданъ.

Такая выходка нѣсколько озадачила Филата. Онъ выступилъ шага три впередъ и замѣтилъ:

— Прикажете открыть?

— А я-то что буду дѣлать? засмѣялся Черемисовъ.

Филатъ удивленно взглянулъ на Черемисова и, отступивъ къ дверямъ, сталъ глубокомысленно наблюдать, какъ Черемисовъ разбиралъ вещи.

„Мало-жъ у тебя бѣльишка... мало!.. всего шесть рубахъ, а ночныхъ ни-ни!.. И одежды всего на всего двѣ пары! Видно и ты подневольный человекъ, хоть и баринъ. А можетъ, и не изъ господъ? философствовалъ Филатъ. Нынче обучился и сталъ баринъ! Эка, книжекъ сколько! Должно, любопытныя есть! порадовался Филатъ, большой охотникъ до чтенія любовныхъ и страшныхъ исторій. Прочтемъ!“

Замѣтивъ Филата, въ почтительной позѣ стоявшаго у дверей, Черемисовъ не могъ удержаться отъ улыбки: красноватое, солидное лицо, подпертое туго накрахмаленнымъ галстукомъ, полная безастраснаго достоинства фигура, наконецъ, самая молчаливость были въ высшей степени комичны.

— Какъ васъ звать? спросилъ Черемисовъ.

— Филатомъ-съ.

— Ладно. Чего вы стоите здѣсь, Филатъ?

— Не будетъ-ли съ вашей стороны какихъ приказаній? Назначенъ къ вамъ для услугъ! тихо отчеканилъ лакейски-официальнымъ тономъ солидный лакей.

Черемисовъ расхохотался такъ, что Филатъ очень странно взглянулъ на него; впрочемъ, черезъ минуту онъ по-прежнему сталъ серьезенъ и важенъ.

— Ничего мнѣ не надо. Ступайте себѣ съ Богомъ!

— Быть можетъ, одѣваться изволите?

— Самъ одѣнусь...

— Платье не прикажете-ли почистить?

— И платье вычищу!

Филатъ окончательно былъ сраженъ. Желая щегольнуть знаніемъ своихъ обязанностей и въ то-же время козыгнуть Черемисова, онъ снова отчеканилъ:

— Не угодно-ли будетъ приказать доложить о благополучномъ прибытіи вашемъ барину, когда они вернутся съ завода?

— „Экая выправка!“ улыбнулся Глѣбъ.—Пожалуй, доложите о моемъ прибытіи. Пойдите, Филать! Одинъ вопросъ: отчего вы такъ говорите?

— То-есть какъ-съ? недоумѣвалъ Филать.

— Да странно какъ-то...

— Приказываютъ... Здѣсь внучень... Какъ-же и говорить въ порядочномъ домѣ! невозмутимо серьезно доложилъ Филать.

— А!.. Идите съ Богомъ.

Филать поклонился, предупредивъ, что „пуговка отъ звонка у кровати“.

— Электрическій звонокъ-съ. Если угодно позвать, извольте только чуть-чуть придавить! снисходительно пояснилъ Филать, не безъ доли ироніи въ голосѣ.

Оставшись одинъ, Глѣбъ разразился веселымъ смѣхомъ. „Къ англичанамъ заѣхалъ да и только! И хозяинъ—англичанинъ, и Филать—англичанинъ, и комната въ англійскомъ вкусѣ... ишь, умывальникъ какой... отлично! И деревья подстрижены, какъ въ англійскихъ иллюстраціяхъ... Образцовый домъ да и только! Какъ-то сама миссисъ, миссъ и юный лордъ?“ улыбался Глѣбъ, приглаживая передъ зеркаломъ свои непокорныя вудри.

Приведя костюмъ свой въ порядокъ, Черемисовъ хотѣлъ было спуститься въ садъ, какъ въ двери постучали два раза. „Самъ, вѣрно?“ подумалъ Глѣбъ, проговоривъ обычное „войдите!“

Вошелъ Николай Николаевичъ и весело пожалъ Глѣбу руку.

— Вы, Глѣбъ Петровичъ, акуратны, какъ англичанинъ... Сегодня пятнадцатое — именно то число, въ которое общались быть... Аккуратность, кажется, у насъ рѣдкая добродѣтель и тѣмъ пріятнѣе ее видѣть... Довольны вы комнатой?

— Очень...

— Весьма радъ... Кажется, вамъ здѣсь будетъ удобно. Завтракать угодно вмѣстѣ съ нами?

— Отчего-жь...

— Черезъ двѣ минуты будетъ звонокъ, замѣтилъ Стрекаловъ, взглянувъ на часы.—Мы, Глѣбъ Петровичъ, завтракаемъ ровно въ двѣнадцать, обѣдаемъ въ шесть! добавилъ Николай Николае-

вичь, бросая быстрый взглядъ на костюмъ Черемисова и, повидимому, удовлетворенный осмотромъ.

Черезъ минуту прозвонилъ колоколъ и хозяинъ съ Черемисовымъ сошли внизъ.

Вся семья была въ сборѣ за столомъ; всѣ глаза съ любопытствомъ были устремлены на Глѣба, когда онъ, подъ руку со Стрекаловымъ, вошелъ въ столовую. Николай Николаевичъ подвель Черемисова къ женѣ и сказалъ:

— Прошу быть добрыми знакомыми. Глѣбъ Петровичъ Черемисовъ, Настасья Дмитриевна—моя жена!

— Очень рада съ вами познакомиться, Глѣбъ Петровичъ! промолвила Настасья Дмитриевна, любезно протягивая руку. — Я уже раньше знакома съ вами по вссторженнымъ рѣчамъ мужа и заранѣе считаю себя вашей доброй знакомой! улыбнулась Стрекалова.

Въ отвѣтъ на этотъ маленький любезный спичъ Глѣбу оставалось только поклониться, что онъ и исполнилъ не безъ успѣха.

— А вотъ моя дочь Ольга Николаевна, наша добрая наставница mademoiselle Ленормъ и сынъ мой — вашъ будущій ученикъ, Федя, продолжалъ Стрекаловъ знакомить Глѣба съ остальными членами семейства. — Теперь, кажется, вы со всѣми знакомы; милости прошу, Глѣбъ Петровичъ, садиться.

Стрекаловъ посадилъ Черемисова подлѣ себя. Всѣ ѣли молча и чинно, изрѣдка поглядывая на новаго сожителя, который, послѣ жиденькаго чая у Крутовскихъ, усердно уписывалъ порядочный кусокъ ростбифа, поданный ему еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ Филать, пожилымъ лакеемъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

На Настасью Дмитриевну Глѣбъ произвелъ съ перваго раза скорѣй пріятное, чѣмъ непріятное впечатлѣніе.

„Приличент!“ подумала она, убѣдясь, что онъ умѣетъ ѣсть съ вилки и не чавкаетъ губами, и взглянула на его руки и бѣлье. И руками и бѣльемъ она осталась довольна, хоть и нашла, что руки были великоваты и красноваты, а бѣлье худо выглажено. Незамѣтно бросая взгляды на Черемисова, Настасья Дмитриевна осталась довольною и лицомъ; фізіономія учителя, по ея мнѣнію, была „не глупая, но и не семинарская, вообще фізіономія ничего себѣ“. Не совсѣмъ довольна осталась Настасья Дмитриевна только глазами Глѣба (хотя они въ это время весьма скромно

исполняли свое назначеніе), показавшимися ей „пытливыми“, да густыми вьющимися его волосами, которые, несмотря на приглаживание, настойчиво лѣзли вверхъ, образуя на головѣ нѣчто въ родѣ лохматой волосяной шапки.

„Ахъ, если-бы онъ остригся!“ искренно пожелала Настасья Дмитриевна, не безъ нѣкоторой душевной тоски посматривая на черемисовскую гриву.

Ольга раза два, три украдкой исподлобья взглянула на Черемисова и каждый разъ равнодушно отворачивалась. Она думала, что пріѣдетъ блѣдный, задумчивый черноволосый молодой человекъ, съ печатью скорби на лицѣ (такими, по крайней мѣрѣ, она представляла себѣ „учителей“ по послѣднимъ романамъ), а вмѣсто этого, краснощекій, не въ мѣру здоровый, скорѣе веселый, чѣмъ грустный, съ „такими большими красными руками и съ такимъ волчьимъ аппетитомъ“.

Ленормъ взглядывала на Черемисова не безъ любопытства и французенкѣ понравилось его смѣлое лицо; Федя безъ церемоніи разглядывалъ будущаго учителя, стараясь рѣшить вопросъ: „что это за птица?“

Покончивъ съ ростбифомъ, Черемисовъ принялся за кофе и наблюденія.

„Леди строга, а миссъ красавица!“ рѣшилъ онъ, переводя взглядъ съ матери на дочь. Сходство между ними было поразительное: тотъ-же, что и у матери, строгій взглядъ сѣрыхъ стальныхъ глазъ, тѣ-же сжатія, рѣзко очерченныя линіи губъ, та-же правильность и изящество формъ, но дочь могла похвастаться тѣмъ, чего не доставало матери: свѣжестью семнадцати-лѣтней дѣвушки, пышнымъ румянцемъ и сосредоточеннымъ, пытливымъ выраженіемъ (точно она занята была рѣшеніемъ какой-то задачи, засѣвшей въ ея головку), которое смѣнилось самой привѣтливой, открытой улыбкой, когда она засмѣялась тихимъ сдержаннымъ смѣхомъ, разговаривая съ Ленормъ. И глаза ея въ это время глядѣли какъ-то мягче, ласковѣе...

М-ше Ленормъ была брюнетка лѣтъ двадцати пяти съ дерзкимъ смуглымъ лицомъ, обладавшимъ, впрочемъ, способностью мѣнять свое выраженіе со скоростью мысли. Маленькой, стройной, нервной французенкѣ, казалось, не сидѣлось на мѣстѣ, точно внутри ея былъ какой-то бѣсъ, несмѣвший, однако, совсѣмъ вы-

сунуть свои рожки въ этомъ благовоспитанномъ домѣ; она была не хороша, а мила, граціозна, лукава, и еслибъ на ней было не скромненькое свѣтленькое ситцевое платье, а шоль и бархатъ, то она скорѣй-бы смахивала на Фрину, чѣмъ на скромную наставницу.

Она заговорила первая и со всѣми на разные лады: съ Настасей Дмитріевной серьезно-почтительно, съ Ольгой по-товарищески, съ Николай Николаевичемъ съ чуть примѣтнымъ лукавымъ кокетствомъ...

„Степной конягъ, понавшій въ оглобли!“ подумалъ про нее Глѣбъ, разсматривая Федю.

Федя походилъ на отца и лицомъ, и складомъ: это былъ плотный, здоровый, стриженный отрокъ; фізіономія умая, глаза маленькіе—живые... Когда Глѣбъ взглянулъ на него, отрокъ сконфузился и сталъ усердно скатывать хлѣбные шарики.

За кофе разговоръ оживился. Стрекаловъ шутилъ съ сыномъ, Ленормъ болтала съ Ольгой, только Настасья Дмитріевна съ Глѣбомъ молчали. Наконецъ, она обратилась къ Черемисову:

— Ну, какъ вамъ понравилось Грязнополе, Глѣбъ Петровичъ?

— Городокъ красивый! отвѣчалъ Черемисовъ.

— Я думаю васъ утомила дорога? спросила она черезъ нѣсколько времени, смущенная его лаконическимъ отвѣтомъ.

— Нѣтъ. Я привыкъ ѣздить.

„Странно онъ говорить!“ подумала Настасья Дмитріевна и стала придумывать, какъ-бы втянуть его въ разговоръ. Ей очень хотѣлось поговорить съ Черемисовымъ о воспитаніи, но его односложные отвѣты заставили ея отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго, случая.

„Когда болѣе познакомимся, тогда поговоримъ!“ рѣшила она.

Вопросы воспитанія были любимымъ конькомъ Настасьи Дмитріевны; она читала книжки и журналы, посвященные этимъ вопросамъ, любила кстати и не кстати упоминать въ разговорѣ имена знаменитыхъ педагоговъ, считала себя, нѣкоторымъ образомъ, авторитетной въ дѣлѣ воспитанія и потому ей очень хотѣлось „посондировать съ этой стороны молодого человѣка, для котораго дѣло воспитанія“, полагала Настасья Дмитріевна, „должно быть близкимъ сердцу“.

Первыя попытки втянуть Глѣба въ разговоръ не остановили ее; ей хотѣлось показать учителю вниманіе и желаніе стать съ нимъ скорѣе на дружескую, короткую ногу и она снова обратилась къ нему:

— А что, Глѣбъ Петровичъ, дѣлается въ Петербургѣ? Вы бы намъ, провинціаламъ, рассказали... Отъ Николая правды не услышишь. Онъ бранить Петербургъ.

Глѣбъ чуть-чуть улыбнулся при этомъ неожиданномъ вопросѣ и вскинулъ на хозяйку глаза. Обѣ дѣвушки поймали эту улыбку; Ленормъ сама улыбнулась, а Ольга не безъ досады взглянула на Черемисова.

— Врядъ-ли я въ состояніи, Настасья Дмитриевна, сообщить вамъ что-либо интересное... Вы, вѣроятно, читаете газеты?

— Мы получаемъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Голосъ“.

— Я, право, знаю меньше „Вѣдомостей“ и „Голоса“, улыбнулся Черемисовъ.

— О женскихъ курсахъ ничего утѣшительнаго не слышать? внушительно спрашивала Настасья Дмитриевна.

— Нѣтъ-съ...

— Жаль будетъ, если они не состоятся...

— Да, жаль!..

„Однако, леди либералка!“ подумалъ Черемисовъ.

— Лавровская еще восхищается своимъ дивнымъ голосомъ? продолжала Настасья Дмитриевна, полагая, что если этого молодого человѣка не тронули женскіе курсы, то, быть можетъ, тронетъ опера.

— Кажется, поетъ...

— Не правда-ли, что за прелестный голосъ?

— Голосъ хорошій...

Настасья Дмитриевна снисходительно улыбнулась и замолчала.

„Не особенно разговорчивъ!“ подумала она.

— Господинъ Черемисовъ оперы не любитъ? на чистомъ русскомъ языкѣ обратилась къ Черемисову Ленормъ не безъ насмѣлки въ голосѣ и взглядѣ.

„Съ чего и эта юла пристааетъ ко мнѣ. Эззаменуютъ онѣ меня, что-ли?“ подумалъ Глѣбъ, пристально взглядывая на француженку, глаза которой посмѣивались и имѣли сильное желаніе подразнить

„этого медвѣдя“, какъ она уже окрестила Глѣба по секрету своей сосѣдкѣ.

— Вы думаете? спросилъ Черемисовъ.

— Думаю, засмѣялась французженка.

— Въ такомъ случаѣ вы ошибаетесь...

— Очень рада, что ошиблась... Кто не любитъ музыки...

Ленормъ остановилась.

— Что-жъ вы не досказываете? вступилъ Стрекаловъ. — Заставьте Глѣба Петровича выпить до дна горькую чашу...

— Тотъ человѣкъ безъ сердца...

— А кто любитъ? улыбнулся Глѣбъ.

— Отвѣтъ не труденъ, съ гримаской сказала Ленормъ...

Черемисовъ не продолжалъ разговора и его оставили въ покоѣ. Послѣ завтрака Николай Николаевичъ уѣхалъ на заводъ, а Настасья Дмитриевна объявила, что идетъ въ гостинную продолжать Маволея, и сказала дѣтямъ и гувернанткѣ, что имъ пора за чтеніе.

— У насъ, улыбнулась она Черемисову, — всѣ часы распредѣлены. Я считаю такой образъ жизни самымъ правильнымъ и удобнымъ...

Она остановилась, ожидая, что Черемисовъ согласится съ этимъ, но такъ какъ Глѣбъ упорно молчалъ, то она замѣтила:

— Строгое распредѣленіе времени приучаетъ къ труду и къ исполненію своихъ обязанностей... Мы здѣсь къ этому привыкли и, кажется, всѣ довольны... Послѣ завтрака м-ше Бенотте обыкновенно два часа читаетъ съ дѣтьми въ саду... Въ какое время угодно вамъ будетъ заниматься съ Федей?..

— Вы рано встаете? обратился Черемисовъ къ отроку.

Феда вспыхнулъ и сказалъ, что рано, въ девять часовъ.

— Ну, это не особенно рано. — Когда вамъ удобнѣе заниматься?..

— Мнѣ кажется, Глѣбъ Петровичъ, что вопросъ объ удобствѣ долженъ быть рѣшенъ вами, а не Федей.

— Мнѣ кажется, обоими, Настасья Дмитриевна. — Вы не прочь, Федя, заниматься утромъ? снова обратился Глѣбъ къ юношѣ.

— Отчего-жъ?.. Будемте заниматься по утрамъ, проговорилъ Федя.

— Значить, вопросъ и рѣшенъ. Настасья Дмитриевна...

— Я очень рада, что вы такъ скоро пришли къ соглашенію, улыбнулась Настасья Дмитріевна. — Ну, mesdames, берите книгу и въ садъ, погода славная...

— Господину Черемисову не угодно будетъ вмѣстѣ слушать... les contes de m. Laboulaye... совершенно серьезно спросила Ленормъ, лукаво щуря глаза въ то самое время, когда Настасья Дмитріевна отвернулась...

— Нѣтъ, благодарю! отвѣчалъ Глѣбъ.

— Изволили читать?

— Читаль.

— Интересная книга?.. усмѣхнулась французенка.

— Очень! улыбнулся Глѣбъ.

— Идемте, господа! крикнула Ленормъ и обѣ дѣвушки вмѣстѣ съ Федей вышли изъ комнаты.

„Съ душекомъ! Отъ скуки можно развлечься съ этимъ медвѣдемъ!“ подумала про себя французенка.

— Понравился вамъ медвѣдъ, господа?.. спрашивала она въ саду Ольгу и Федю.

— Нѣтъ!.. отвѣчала Ольга. — У него такая злая улыбка...

— А по-моему, вовсе не злая... Недаромъ папа его хвалить!.. замѣтилъ Федя...

— Ты всегда говоришь съ чужихъ словъ, Федя...

— А ты по-своему, да... Федя во время остановился.

— Ужь и споры... Есть изъ чего, вступилась, громко смѣясь, Ленормъ, раскрывая книгу. — Давайте-ка лучше читать.

— Ты, Оля, не сердись, ласково заговорилъ Федя, мину-ту спустя, — но развѣ можно судить такъ скоро о человѣкѣ?..

— Я, милый мой, не сержусь... Я и не сужу... я только высказываю свое первое впечатлѣніе...

— Ты не сердись? Такъ поцѣлуемся... промолвилъ Федя, подбѣгая къ сестрѣ.

Братъ и сестра звонко поцѣловались.

— Ну, миръ заключенъ, значить, можно начинать!.. улыбнулась гувернантка и стала читать...

Настасья Дмитріевна плохо одолѣвала Маколея. Ее занимали больше мысли о новомъ лицѣ... Что это за человѣкъ? Не ошибся-ли Николай въ выборѣ... Будетъ-ли онъ хорошимъ наставникомъ Федей?... Не испортитъ-ли онъ мальчика?

Какъ нарочно въ это самое время ей подвернулась мысль о Крутовскомъ и она съ сердцемъ отодвинула книгу. „Господи, какіе злые есть между ними!“ шепнула она и въ сердцѣ ея почему-то стало забрадываться сомнѣніе относительно Черемисова.

Черемисовъ ушелъ на верхъ и заперся. Онъ пролежалъ на диванѣ, пока не прозвонилъ колоколь.

XVI.

„Сегодня ровно мѣсяцъ, любезный дружище Василій, писалъ Глѣбъ къ своему пріятелю, какъ я пребываю у моихъ англичанъ—Стрекаловыхъ, занимаюсь съ отрокомъ, отчасти съ молодой миссъ. Признаюсь, все это время я таки порядочно хандрилъ, валялся на диванѣ, бессмысленно глядя въ потолокъ, и ропталъ на судьбу, толкнувшую меня въ этотъ благовоспитанный домъ, гдѣ даже лакеи накрахмалены и говорятъ въ умѣренно-либеральномъ тонѣ... Хандра моя, впрочемъ, по обыкновенію, продолжалась не долго; нѣсколько дней тому назадъ я пошелъ на заводъ вмѣстѣ съ Стрекаловымъ и...

„Смѣйся, смѣйся, братъ, изъ своего непріютнаго далека, но мнѣ не передѣлать своего характера, горбатаго могила исправить... Вѣдь, кажется, какъ ты говорилъ, давно-бы пора нашему брату поджать хвостъ и издали, забившись въ норку вдоволь любоваться тѣмъ интереснымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ чреватое событіями наше время... А если не любоваться, то злиться... (какъ ты и дѣлаешь) и показывать кукиши изъ кармана подъ опаской самому не превратиться въ кукишъ, который потомъ опишутъ наши знаменитые романисты на посѣмъшище старымъ и малымъ. Опытомъ познали мы съ тобой, дружище, что на этомъ пиршествѣ, гдѣ каждый норовитъ на самомъ законномъ основаніи урвать самый вкусный кусокъ, надо присутствовать съ лицомъ веселымъ, имѣя видъ самый беззаботный.

„И вотъ—смѣйся, коли можешь,—я опять сунулъ свой носъ туда, гдѣ меня не спрашиваютъ, и чувствую, что во мнѣ жизнь бьетъ ключомъ... Опять, какъ говаривалъ твой почтенный дядюшка, Павелъ Петровичъ, „я забралъ себѣ въ голову идею“ и снова начинаю чувствовать, что не въ моей натурѣ, какъ свинѣ,

валиться на диванѣ и бесплодно огрызаться... Если-бы твой дядюшка прочиталъ эти строки, то немедленно-бы сказалъ: „на цѣпурѣ его!..“ Странно, кажется! Вѣдь твой дядя въ сущности не злой человѣкъ, скорѣй добрый, —поди-жь!—а искренно убѣжденъ, что человѣку, у котораго нѣтъ чина, нѣтъ капиталовъ, и который не подаетъ надежды урвать концессию и вообще не отличается способностью „урывать“, —единственное мѣсто „быть на цѣпурѣ. Или урывай, или на цѣпурѣ!“! такова дилемма, на разные лады повторяемая почтеннымъ твоимъ дядей...

„А вѣдь жить, дружище, хочется... Помнишь, какіе, бывало, планы занимали насъ съ тобой и какіе мы были тогда юные и добродѣтельные герои... Бывало, съ неба звѣзды хватали, горы выворачивали... прибавь— въ мечтахъ, а на дѣлѣ чуть было... Умолчу, а то ты, пожалуй, осердишься и не скоро отвѣтишь...

„Знаешь-ли что, испыталь-ли ты то унизительное, скверное чувство, когда размышлялъ объ этихъ, въ сущности невинныхъ выворачиваніяхъ горы. Эта гора, въ переводѣ на простой языкъ, какая-нибудь школа, чтеніе, желаніе помочь людямъ... принимала въ глазахъ твоего дяди такой ужасный видъ, что онъ не даромъ грозилъ намъ „проклятіемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей“. И его предсказаніе начинаетъ сбываться...

„Однако, къ дѣлу.

„Пошли мы со Стрекаловымъ на заводъ. Дорогой онъ мнѣ рассказывалъ о своихъ предположеніяхъ относительно увеличенія доходовъ, объ администраціи завода, о системѣ штрафовъ и вообще пустился со мной въ откровенности. Не дивись! Я, какъ кажется, правлюсь моему англичанину, вѣроятно, за то, что мало говорю.

„Пришли. Заводъ обширнѣйшій. Встрѣтилъ насъ рыжій нѣмецъ изъ пруссаковъ съ наглой рожей и съ большими усами... Стали осматривать заводъ—нашли все въ порядкѣ; Стрекаловъ, видимо, былъ доволенъ моими замѣчаніями, смекнувъ, что я въ дѣлѣ кое-что маравую... Нѣмецъ не отставалъ отъ насъ ни на шагъ и готовъ былъ, кажется, съѣсть меня; вѣроятно, подумалъ, что не хотять-ли его по боку, а меня на его мѣсто. Однако, когда Стрекаловъ познакомилъ насъ, объяснивъ, что я учитель, мой нѣмецъ нѣсколько смягчился и сталъ любезнѣе... На заводѣ до трехъ тысячъ людей работаютъ и ничего себѣ... Стрекаловъ говоритъ, что очень довольны...

— У меня, пояснял онъ, —людямъ хорошо. Я врагъ всякихъ притѣсненій... Работаютъ аккуратно и получаютъ въ субботу расчетъ, ну, а если онъ не исполнитъ своей обязанности, то—что дѣлать—и я не долженъ исполнять своей... Око за око, зубъ за зубъ...

Я молча кивнулъ головой и спросилъ у нѣмца:

— Какъ велика плата?..

— О... успѣшилъ сказать пруссакъ, —плата очень велика... пятьдесятъ копѣекъ въ день, но только русскій человѣкъ работаетъ лѣнливо... Надо часто штрафовать...

— И много штрафуете?..

— Много... Пьяница—русскій человѣкъ.

А „русскій человѣкъ“ добродушно посматривалъ на насъ и слушалъ, какъ его ругали, точно и не его ругали...

Я полубопытствовалъ узнать у Стрекалова, правда-ли, что люди пьянствуютъ.

— Къ несчастію, Карлъ Ивановичъ совершенно правъ! отвѣчала Стрекаловъ.—Пьянство большое и особенно въ послѣднее время... послѣднюю рубашку готовы пропить... Посмотрите на ихъ лица...

Я посмотрѣлъ... Стрекаловъ говорилъ почти правду. Большая часть лицъ—были испитыя, изможенные лица...

— И штрафы не помогаютъ... Ужь, кажется, Карлъ Ивановичъ потачки не даетъ (Карлъ Ивановичъ широко улыбнулся, открывъ рядъ бѣлыхъ крупныхъ зубовъ). И все-таки пьютъ!..

Осмотрѣвши заводъ, мы молча возвращались домой...

— Миѣ кажется, сказалъ я и, признаюсь, сердце мое забилося, какъ у шевольника, —вы-бы, Николай Николаевичъ могли сдѣлать доброе дѣло...

Стрекаловъ вопросительно вскинулъ на меня глаза...

— Помочь ѣ имъ, и себѣ... Пьянство вѣдь невыгодно и вамъ?

— Еще-бы... Сколько пропадаетъ времени! живо подхватилъ Стрекаловъ.

— И если-бы... напимѣрь... (Я чувствовалъ, что говорю несвязно), вы захотѣли устроить для рабочихъ чтенія...

„Улыбайся дружище, сколько хочешь и сьумѣй вообразить эту сцену... Я жду, ты готовъ даже смѣяться и замѣтить, что „со-

ловья баснями не кормить“, но вѣдь начало не конецъ и Стрекаловъ не ты, а потому слушай...

— Чтеніе? переспросилъ Стрекаловъ и пристально взглянулъ на меня... Для чего?..

— Для развлеченія... Меньше будутъ пьянствовать...

„Англичанинъ“ крикнулъ и промолчалъ.

Гаденькое чувство кольхнулось во мнѣ.

— Мысль ваша, Глѣбъ Петровичъ, не дурная! наконецъ сказалъ Стрекаловъ, подходя къ дому... Мы о ней поговоримъ...

„Начало сдѣлано... Что будетъ дальше не знаю...

„Однако, я слишкомъ росписался, а мнѣ пора заняться съ отрокомъ. Малый понятный, добрый, изъ него можетъ выйти порядочный человекъ, если не погубятъ его „добрые люди“. Пока прощай и бога-ради не хандри, не злобствуй, поклонись отъ меня своему дядюшкѣ и подразни старика, сказавъ, что я не „на цѣпурѣ“...“

Глѣбъ все это писалъ совершенно искренно и не замѣчалъ, сколько было въ этомъ письмѣ юношескаго задора, непрактичности и глубочайшаго идеализма, несмотря на его „практическія разсужденія“. Онъ выходилъ на окольную дорогу одинъ, безъ союзниковъ, и вѣрилъ... Счастливъ тотъ, кому вѣрится...

XVII.

Положеніе Черемисова въ стрекаловскомъ домѣ опредѣлилось съ первыхъ-же дней: онъ сталъ въ совершенно независимое положеніе; всѣ мало-по-малу привыкли къ его сдержанному, молчаливому обращенію, тѣмъ болѣе, что оно какъ-то вязалось со всѣмъ строемъ стрекаловской жизни. Даже Филать и тотъ пересталъ удивляться „чудному учителю“ и въ отношеніи къ нему пересталъ напускать на себя молчаливую серьезность, такъ какъ почувствовалъ къ Черемисову нѣчто въ родѣ пріязни послѣ потери четырехъ его рубашекъ.

Однажды Филать вошелъ въ комнату къ Черемисову и мрачно проговорилъ:

— Глѣбъ Петровичъ...

— Что, Филать?..

— Я собственно... Такъ какъ... Ужь и придумать не могу, какъ это случилось, но только ей богу не виновать... Потерялъ, а какъ потерялъ...

Онъ не могъ объяснить и невыносимо скребъ ногтями свои рыжіе баки.

— Да что вы потеряли?

— Сорочки ваши... Я-съ, Глѣбъ Петровицъ, докладывавъ Филать мрачнымъ голосомъ,—если позволите... что они стоятъ со всѣмъ моимъ удовольствіемъ...

— Эка вы нагородили чего!.. Ну, потеряли, впередъ не теряйте. У меня тоже не особенно много этого добра.

— Я-бы почелъ долгомъ, Глѣбъ Петровицъ...

— Очень, видно, богаты? усмѣхнулся Глѣбъ.

— Какое наше богатство, а все-бы...

— Полно размазывать-то!

Филать ослабился и крикнулъ.

— А у пась, я вамъ доложу, Глѣбъ Петровицъ, чуть что, хоть какую ни на есть бездѣлицу затерялъ или разбилъ—сейчасъ штрафъ!.. Не бей!.. ухмыляясь и уже советѣмъ фамиліарно, рассказывавъ Филать, прислонившись къ притолкѣ.

— Неужели за все?..

— За все-съ... Строгость... Ты какое ни на есть опущеніе въ одежѣ запустилъ, напримѣръ, къ столу не въ бѣломъ гал-стухѣ вышелъ—штрафъ!.. Слово блудное произнесъ—штрафъ! во все лицо улыбался Филать, точно ощущая большое удовольствіе въ этихъ штрафахъ.

— Зачѣмъ-же вы здѣсь живете?

— Во-первыхъ, думаешь — человекъ мнителенъ-съ—не про-штрафится, а во вторыхъ, своя причина есть...

— Ну, идите съ богомъ, Филать, и не печальтесь о рубахахъ. Новыя куплю...

Филать вышелъ и долго еще въ глубокомъ раздумѣ скребъ свои баки... „Вѣдь и у самого ни боже ни, а душа“... сказалъ онъ, проходя по двору на кухню.

Въ людской, гдѣ Филать по секрету рассказавъ объ этомъ происшествіи, рассказъ произвелъ впечатлѣніе. Впрочемъ, Терентій, старшій лакей, не безъ презрѣнія выслушалъ восторженную рѣчь Филата и замѣтилъ, важно оттопыривъ губу:

— Нигилистъ, вѣрно!..

Такъ какъ ни Филатъ, ни кучеръ не поняли этого мудренаго слова, то и попросили Терентія объяснить.

— Секта такая... Въ Бога не вѣруютъ... Что твое, то мое, что мое, то твое... Народъ самый опасный. Полякъ народъ! прибавилъ Терентій.— Смуту любить.

Хотя Филату и обидно было слушать такую „мараль“ на учителя, но онъ промолчалъ, такъ какъ считалъ Терентія нѣкоторымъ авторитетомъ (Терентій пятнадцать лѣтъ прожилъ въ стрелковомъ домѣ), и рѣшилъ впредь называть колосовскаго Гришку нигилистомъ, полагая, что врядъ-ли найдется другое прозвище хуже этого.

Черезъ Фіону исторія о рубашкахъ дошла до дому. Настасья Дмитріевна чуть было не прогнала Филата, Ольга пожалѣла „бѣдняжку“, а Леноръ замѣтила, что „этотъ медвѣдь не безъ сердца“. Такимъ образомъ, пустѣйшее дѣло въ этомъ строгомъ домѣ возбудило сенсацію.

Уроки шли своимъ чередомъ, успѣшно. Федя былъ толковый, впечатлительный юноша и скоро между учителемъ и ученикомъ установилась та нравственная связь, которая дѣлала уроки не однимъ исполненіемъ обязанности.

Юноша принадлежалъ къ числу симпатичныхъ, порывчатыхъ натуръ, очень легко поддающихся вліянію натуръ болѣе сильныхъ. Изъ такихъ натуръ, глядя по обстоятельствамъ, выходятъ хорошіе и дурные люди, смотря потому, какое дѣйствуетъ вліяніе. Онъ былъ отъ природы не глупъ, не особенно испорченъ, добръ, самолюбивъ и воспримчивъ, и находился именно въ томъ переходномъ возрастѣ изъ отрочества въ юность, когда хорошее вліяніе обаятельно дѣйствуетъ на молодую натуру, особенно отзывчивую въ это время на все смѣлое и доброе. Это тотъ предразсвѣтный возрастъ, когда отрогъ начинаетъ анализировать явленіе и ищетъ скорого и рѣшительнаго отвѣта на всѣ вопросы и сомнѣнія, закрадывающіеся въ молодое сердце.

Федя черезчуръ поспѣшно привязался къ Глѣбу, не думая, почему, отчего, хотя Глѣбъ и не искалъ этой привязанности и видѣлъ юношу только во время уроковъ. Привязанность пришла сама собой... Онъ полюбилъ Черемшова безотчетно, найдя и въ немъ и его урокахъ и отвѣты на свои сомнѣнія и какую-то бод-

рую, юношескую увѣренность, что на свѣтѣ есть вещи, для которыхъ стоитъ учиться и жить.

Настасья Дмитріевна нѣсколько разъ пробовала „покороче сблизиться съ молодымъ человѣкомъ“, но каждый разъ попытки ея не приводили ни къ какому результату. Однажды Черемисову пришлось даже выслушать цѣлое profession de foi Настасьи Дмитріевны и онъ выслушалъ съ должнымъ вниманіемъ, когда она распространилась и объ „обязанности матери“, и о „задачѣ воспитать“ честнаго человѣка и нравственнаго семьянина; но такъ-какъ Глѣбъ не высказалъ никакого мнѣнія и оставался безмолвенъ, несмотря даже на то, что Стрекалова говорила съ нѣкоторой горячностью, которая такъ мало шла къ ея общему складу, то Настасья Дмитріевна осталась въ какомъ-то недоумѣніи относительно „страннаго молодого человѣка“. Такимъ образомъ, „сближеніе“ какъ-то не удавалось и она „стояла на стражѣ“, наблюдая за Черемисовымъ не безъ помощи даже Арины Петровны. Иногда, невзначай, Настасья Дмитріевна заходила въ классную комнату, слушала уроки и уходила все-таки неудовлетворенная... Страхъ за сына, какой-то безотчетный страхъ нерѣдко терзалъ сердце матери, хоть она и не могла объяснить причинъ своего безпокойства...

— Ты, Арина, ничего не замѣчала? рѣшилась однажды спросить Настасья Дмитріевна у своей ключницы. — Учитель не похожъ на бывшаго гувернера... Помнишь-ли?

Настасья Дмитріевнѣ совѣстно было яснѣе выразить свою мысль.

— Гдѣ мнѣ замѣтить, матушка, Настасья Дмитріевна... Стара я стала... Богъ его знаетъ... Здѣсь-то тихоня, а на сторонѣ что — Богъ его знаетъ...

— Ну, до этого мнѣ дѣла нѣтъ, а то Федя, сама знаешь, невинный мальчикъ... Испортить его легко...

— Младенецъ Федоръ Николаевичъ... младенецъ... и душа ангельская... Намедни пришелъ къ нимъ Филатъ постельку стлать, а Федоръ-то Николаевичъ не допустилъ... самъ, говорить, могу и у меня руки есть. А учитель-то этотъ косматый сидитъ, бороду пощипываетъ и ухмыляется... Я стою тутъ, смотрю — бѣлье чистое приносила — и говорю Филату: чего, говорю, ты смотришь: развѣ, говорю, прилично барину самому себѣ постель

стлать, — на это, сказываю, тебя нанимають, жалованье дають, а Федоръ-то Николаевичъ — добродѣтельная душа — вступился: „Оставь-те, говоритъ, няня, Филата въ покоѣ, я самъ постель стлать буду...“ Да какъ-же это такъ, Федоръ Николаевичъ? прежде этого не было никогда. — То было прежде, замаялся Федоръ Николаевичъ. Я думала, учитель-то надоумить, а онъ поглядываетъ, помалчиваетъ, да все ухмыляется... Богъ его знаетъ, какой онъ такой...

Настасья Дмитріевна выслушала этотъ рассказъ, молча, не безъ тоскливаго предчувствія о чемъ-то страшномъ.

— И креста не носить! озираясь по сторонамъ, шопотомъ продолжала Арина Петровна. — Не носить, матушка!.. Лба никогда не перекрестить... Не видали этого... Н-н-нѣтъ!..

Настасья Дмитріевна съ соболѣзнованіемъ, тихо покачала головой...

— Ты, Ариша, слѣди... проговорила она чуть слышно. — Неужели никогда не молится?..

— Никто не видалъ этого! усмѣхнулась на это Арина Петровна. — По ночамъ все книжки читаетъ... Не до молитвы тутъ!

На слѣдующее утро Настасья Дмитріевна присутствовала на урокахъ, которые давалъ Глѣбъ Ольгѣ Николаевичъ (на этихъ урокахъ она всегда присутствовала) и, несмотря на желаніе найти въ нихъ что-нибудь нехорошее, осталась довольна. Черемисовъ, по ея мнѣнію, излагалъ предметы „ясно и отчетливо“, хотя не безъ нѣкотораго, пожалуй, и лишняго „увлеченія“. За то это „увлеченіе“ было по душѣ молодымъ людямъ. Сперва Ольгѣ показалась странною непривычная ей, свободная, рѣзкая рѣчь Черемисова, когда онъ, рассказывая историческія явленія, освящалъ наиболѣе выдающіеся моменты...

„Что это такое? Гдѣ она? Она никогда не слыхала такого языка?“ невольно наворачивались вопросы, и она скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ увлеченіемъ слушала Глѣба. Ей даже казалось неприличнымъ, что „этотъ бѣдный учитель“ трактовалъ съ какой-то плебейской увѣренностью о такихъ событіяхъ, о которыхъ она прежде слышала совсѣмъ другое и которыя всегда обходила съ какой-то странной боязнью.

И вдругъ объ этомъ говорятъ совсѣмъ другимъ языкомъ!

Сперва Ольга дивилась, а потомъ полюбила эту смѣлость. „Точно надъ пропастью танцуешь!“ сказала она однажды Лепогше, которая, вмѣстѣ съ Федей, жадно впивалась въ Черемисова во время интересныхъ уроковъ. Случалось, что и Настасья Дмитріевна подчасъ увлекалась и находила, что онъ преподаетъ не безъ таланта.

„Но отчего онъ не молится, несчастный! задумывалась она не разъ.—И отчего вдругъ Федя самъ сталъ постель себѣ стлать?“

Она искала и не находила отвѣта.

Стрекаловъ не могъ нахвалиться Черемисовымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Глѣбъ сдѣлалъ какое-то очень удачное примѣненіе на заводской машинѣ. Съ тѣхъ поръ уваженіе къ нему росло и Стрекаловъ не разъ обращался къ Черемисову за совѣтами.

Въ одну изъ субботъ Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ обѣду не въ духѣ. Противъ обыкновенія онъ молча и сердито хлебалъ супъ. Настасья Дмитріевна раза два украдкой взглянула на мужа и когда онъ, кончивъ супъ, выпилъ рюмку хереса, она рѣшилась спросить:

— Ты съ завода? Вѣрно тамъ тебя разстроили, Николай?

— Да!.. сердито замѣтилъ Стрекаловъ.

— Опять пьянство?

— Хуже...

— Что такое? испугалась Стрекалова.

— То-есть этакій народъ, просто бѣда! Вѣдь, кажется, заботишься о нихъ, хлопочешь, платишь акуратно, однимъ словомъ, бьешься, чтобы изъ нихъ порядочные люди вышли, а они вмѣсто благодарности...

— Нашелъ у кого искать благодарности, ядовито вставила Настасья Дмитріевна.

— Ну такъ хоть изъ расчета, горячо продолжалъ Николай Николаевичъ,—вели-бы себя какъ люди, а не скоты!.. А то вообразите, обратился онъ прямо къ Черемисову,—сегодня пятьдесятъ человѣкъ пьяныхъ и въ добавокъ большой мѣдный чанъ украли! А, какъ вамъ это понравится?

Черемисовъ ни слова не отвѣчалъ, а Ленормъ едва замѣтно улыбулась, точно говоря этой улыбкой: „Посмотримъ, каковъ будетъ спектакль?“

Ольга разсѣянно слушала отца, а Настасья Дмитріевна методично покачала головой и затѣтила:

— Оштрафоваль?

— Разумѣется! Не бросать-же мнѣ деньги на вѣтеръ?.. И хоть-бы сознались,—а то и раскаянія никакого нѣтъ... Сегодня прихожу, спрашиваю: ребята, говорите прямо, кто укралъ? ничего не будетъ. Молчать. Карлъ Ивановичъ чуть отъ злости не плакалъ, допрашивая. Ничего — молчать!..

Николай Николаевичъ перевелъ духъ и наложилъ къ себѣ на тарелку соте изъ рыбы.

— Такое закоренѣлое невѣжество, такая ненависть, и къ кому-же? продолжалъ горячиться Стрекаловъ и говорилъ съ искреннимъ соболѣзнованіемъ къ людской испорченности.—Къ тому, кто имъ желаетъ всякаго добра и не на словахъ, кажется, только... Простѣ руки разведешь отъ удивленія...

— Къ несчастію, народъ нашъ только и можетъ работать изъподъ палки! вздохнула Настасья Дмитріевна, прихлебывая изъ рюмки бѣлое вино.

Федя вспыхнулъ и удивленно взглянулъ на Черемисова, но Глѣбъ былъ упорно занятъ своей тарелкой.

— То-то и непостижимо! съ грустью промолвилъ Николай Николаевичъ.—Ну добро-бы голодень — укралъ, а то вѣдь нѣтъ, жалованье получаетъ хорошее—значитъ испорченность... Вѣдь это обидно-же, наконецъ! Не правда-ли, Глѣбъ Петровичъ? окончилъ свой монологъ Стрекаловъ, обращаясь прямо къ Черемисову.

Всѣ взглянули на Глѣба. „Надѣюсь, теперь нашъ сфинксъ выскажется!“ не безъ ехидства подумала Настасья Дмитріевна. „Ну, будетъ сейчасъ представленіе!“ мелькнуло въ головѣ Ленормъ и она съ удовольствіемъ ждала пикантной сцены. Ольга подняла глаза и чего-то ждала. Федя, казалось, готовъ былъ съѣсть Черемисова.

Глѣбъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, когда отъ него потребовали категорическаго отвѣта; его всего передернуло, словно онъ почувствовалъ прикосновеніе гадины. Онъ нервно перекосялъ губы, взглянулъ какъ-то странно на Федю и отвѣтилъ:

— Конечно, обидно!

Федя чуть не заплакалъ отъ злости, а Леноръ съ презрѣніемъ отвернулась отъ „этого труса“. Только Настасья Дмитриевна пристально взглянула на Глѣба и ей стало досадно, что онъ согласился...

„Не то у него на умѣ... не то!“ подумала она.

— Я радъ, что и вы со мной, Глѣбъ Петровичъ, согласны, весело говорилъ Стрекаловъ, уводя его послѣ обѣда въ кабинетъ.—Просто, голову теряешь. Говорю вамъ по совѣсти, я не злой человѣкъ, а послѣ такихъ фактовъ готовъ, кажется...

Онъ не досказалъ и махнулъ рукою!

— А вы еще чтенія предлагали? усмѣхнулся Стрекаловъ.— Имъ—одна водка нужна, а не чтеніе... Онъ отца обокрасть готовъ для водки... Онъ жену продастъ для того, чтобы напиться, какъ стельба... Онъ воровать станетъ... Какія тутъ чтенія... Не англичане мы, Глѣбъ Петровичъ...

Черемисовъ не выронилъ ни одного слова и далъ Стрекалову наговориться до сыта.

— Я не спору, у васъ на заводѣ, быть можетъ, и большое пьянство, отъ котораго вы и терпите убытки, но, замѣтилъ Глѣбъ, когда бончилъ Стрекаковъ,—все-таки я остаюсь при своемъ мнѣніи, что помочь этому—въ вашей власти.

— Какимъ образомъ?

— Отвлеките ихъ чѣмъ-нибудь и вы увидите...

— Вы думаете ваши чтенія останавятъ?..

— Попробуйте... Сдѣлаете доброе дѣло...

Стрекаловъ пытливо взглянулъ на Глѣба. Глѣбъ глядѣлъ совершенно серьезно.

„А вѣдь, пожалуй, онъ и правъ!“ подумалъ Николай Николаевичъ.

— Но кто-же займется этимъ дѣломъ?

— Если позволите, хоть я...

— Не только что позволю, я буду вамъ весьма благодаренъ... Какъ ваша цѣна?..

— О цѣнѣ поговоримъ послѣ, Николай Николаевичъ, когда пойдетъ дѣло! улыбнулся Глѣбъ.

— Идея, конечно, не дурна... Въ Англии эти чтенія сильно развиты, но вѣдь у насъ...

Стрекаловъ горько усмѣхнулся.

— А вы первый попробуйте устроить чтенія въ Россіи... Газеты заговорятъ и другіе стануть пробовать...

— Газеты наши только ругаются! со злобой проговорилъ Стрекаловъ, вспомянувъ статью Крутовскаго.

— Тоже не мѣшало-бы, Николай Николаевичъ, и доктора пригласить въ больницу, а то фельдшеръ ровно ничего не смыслить...

— Объ этомъ я давно думалъ... Спасибо вамъ, Глѣбъ Петровичъ, что напомнили... Фельдшеръ, дѣйствительно, только пьянствуетъ...

Стрекаловъ обѣщаль скоро съѣздить къ губернатору просить разрѣшенія и предложилъ Черемисову заняться этимъ дѣломъ. О выборѣ чтеній не говорили, такъ какъ Николай Николаевичъ заявилъ, что „вполнѣ довѣряетъ въ этомъ отношеніи Глѣбу Петровичу“.

Черемисовъ ушелъ изъ кабинета и вздохнулъ свободно. „Начало хорошо, каковъ будетъ конецъ“, думалъ Глѣбъ и на губахъ его мелькнула торжествующая улыбка.

„Добрый человѣкъ, кажется, Черемисовъ, только молодъ!.. Еще не обѣзженный коникъ... Обѣздится!“ подумалъ о немъ, усмѣхнувшись, Стрекаловъ.

Глѣбъ сидѣлъ за книгой, когда въ комнату вошелъ Федя и остановился у дверей.

— Я вамъ мѣшаю?

— Нѣтъ... что съ вами, чѣмъ вы взволнованы? спрашивалъ Глѣбъ, глядя на возбужденное лицо юноши.

— Отчего вы, Глѣбъ Петровичъ, сегодня за обѣдомъ не то говорили, что говорите мнѣ...

Черемисовъ понялъ, въ чемъ дѣло, и не сразу отвѣчалъ на вопросъ. Онъ взглянулъ на Федю. Тотъ съ замираніемъ ждалъ отвѣта.

— Оттого, Федя, что не всегда возможно говорить правду...

— Значить, вы... солгали?.. съ трудомъ прошепталъ юноша.

— Солгалъ!..

— Но вѣдь это... это...

— Подло? подсказалъ Глѣбъ.

— Не хорошо!.. шепнулъ Федя и покраснѣлъ.

Черемисовъ ласково взглянулъ на юношу и замѣтилъ:

— Жизнь сама вамъ отвѣтитъ за меня и тогда вамъ придется узнать, какъ это ни грустно, что иногда приходится лгать...

— Странно это какъ-то...

— Еще страннѣй узнаете вещи, юноша! промолвилъ Черемисовъ, кладя руку на его плечо. — Конечно, лучше дѣйствовать прямо, открыто, не лгать, но если такой путь невозможенъ... что тогда, по вашему мнѣнью, юноша?..

— Тогда?..

Мальчикъ на секунду остановился въ раздумьѣ.

— Тогда лучше не жить! чуть не крикнулъ онъ со слезами на глазахъ.

Черемисовъ грустно взглянулъ на отрока. Онъ вспомнилъ въ немъ самого себя и сердце его какъ-то тоскливо сжалось.

— Мало кому пришлось-бы тогда жить на свѣтѣ!.. съ печальной усмѣшкой вымолвилъ Глѣбъ.

Федя ушелъ отъ Глѣба разстроенный, полный сомнѣнйя. Онъ даже въ тотъ вечеръ не поѣхалъ съ отцомъ на заводъ и когда отецъ спросилъ: „что съ тобой?“, то Федя серьезно какъ-то сказалъ: „такъ, не хочется!“.

„Пошла въ головѣ ломка!“ подумалъ Глѣбъ, отправляясь къ Крутовскимъ; „пусть... Дѣло полезное.“

XVIII.

Черемисовъ засталъ Людмилу Николаевну въ саду. Она играла на травѣ съ своимъ ребенкомъ, бросала въ него цвѣтами и весело смѣялась своимъ тихимъ сдержаннымъ смѣхомъ.

— Какъ поживаете, Людмила Николаевна? спросилъ у нея Черемисовъ, усаживаясь. — Впрочемъ, что и спрашивать — хорошо?

— Ничего себѣ... А вы слышали — Володя оставилъ службу? проговорила маленькая женщина съ радостью.

— Уволили?

— Да, за корреспонденцію...

— Отъ этого и веселы? засмѣялся Глѣбъ.

— Отчасти, я рада за мужа... Онъ вѣдь такъ жаловался на эту службу, а теперь свободень...

— А жить чѣмъ?..

— Жить? улыбнулась Людмила Николаевна. — Проживемъ! Корреспонденціи и моя работа прокормятъ насъ, вѣдь намъ не много нужно...

— А потомъ? опять спросилъ Глѣбъ, замѣтивъ по полнотѣ стана, что скоро и еще ребенокъ будетъ.

Людмила Николаевна покраснѣла.

— Потомъ? переспросила она. — И потомъ какъ-нибудь справимся... Володя съумѣетъ заработать... Онъ все это время такой веселый и довольный; его забавляетъ, какъ всѣ злятся на него за его статья...

— Онъ не дома?

— Сейчасъ будетъ... Онъ только пошелъ къ бухгалтеру за деньгами... свое послѣднее жалованье получать.

Скоро явился и Крутовской. Онъ сіялъ.

— Слышали?

— Слышала.

— Бѣсятся-то какъ... насолили этимъ мерзавцамъ! весело говорилъ Крутовской. — Весь городъ трещить, Грязнополе волнуется, таки всколыхнулъ это стоячее болото... Ну, а вамъ какъ живется?

Глѣбъ разсказалъ о предполагаемыхъ чтеніяхъ и просилъ Крутовскаго черкнуть два слова объ этомъ въ газетахъ.

— Да вѣдь я Стрекалова только-что обругалъ?..

— Да кто-жъ васъ просить хвалить? Вы только заявите, что будутъ, съ разрѣшенія губернатора, чтенія. Ему это понравится и сомнѣнія не станутъ грызть его. И вообще я-бы васъ просилъ, Крутовской, оставить пока Стрекалова въ покоѣ.

— Этого мерзавца?! горячился Крутовской.

— Да.

— А зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы не мѣшать дѣлу.

— Какому? допрашивала Крутовской.

— Я вѣдь вамъ сказалъ...

— Ничего вы не сдѣлаете съ этимъ баринномъ!

— Попытаюсь.

— Обойдетъ онъ васъ, помяните мое слово!

— Это увидимъ, а пока общаете его не продергивать?

— Да мнѣ чортъ съ нимъ. Теперь и безъ него матеріалу много, смѣялся Крутовской. — А вы нынче, Глѣбъ Петровичъ, по іезуитской дороженькѣ изволите шествовать? не безъ ироніи говорилъ Крутовской.

— Изволю.

— И дружбу съ прохвостами завязали?

— И дружбу съ прохвостами завязаль.

— И терпите это собачье общество?

— Терплю и даже хересь отличный попиваю!

Пріятели помолчали. Крутовскому не нравился такой образъ дѣйствій. „Ужъ не сталь-ли и онъ филистеромъ?“ быстро заподозрилъ онъ Глѣба и какъ-то двусмысленно посмотрѣлъ на Глѣба. Глѣбъ замѣтилъ этотъ взглядъ и улыбнулся.

— Не по нраву вамъ? спросилъ онъ.

— Не по нраву.

— Вамъ безъ травы ни-ни?.. Чтобы все трещало вокругъ и чтобы ваше имя не безъ треску произносили? Это нравится?

— Нравится.

— А что толку изъ этого?

— Толку?.. остановился Крутовской. — Да хоть-бы тотъ, что я этимъ подлецамъ кровь порчу.

— Малымъ-же вы довольствуетесь! ну, а я хочу большаго.

— Какъ-бы васъ они сами не объѣхали!

— Меня? спросилъ Глѣбъ, и взглядъ его былъ такой злой, а насмѣшка такая ехидная, что Крутовской съ удивленіемъ взглянулъ на Глѣба. — Меня они не объѣдутъ, а если и объѣдутъ, то не безъ труда, Крутовской. Я знаю ихъ недурно. Въ васъ, Крутовской, барство говорить, тщеславіе... Вамъ подай все готовенькое, руки-то у васъ бѣленькія, а у меня вѣдь, не безъ гордости сказалъ Глѣбъ, — онъ съ мозолями... Не спорю, ваши статьи хлестки и не безъ пользы, да только польза-то крохотная и, главное, вамъ самимъ больше удовольствія доставляетъ этотъ трескъ, чѣмъ самая польза. Развѣ не правда? продолжалъ Глѣбъ, глядя въ глаза Крутовскому.

Тотъ молчалъ.

— А вы меня, — вѣдь я вижу по глазамъ, — чуть въ подлещи не записали изъ-за того, что я хочу идти не тѣмъ путемъ, который вамъ нравится. „Или ручку пожалуйста, или бацъ въ рыло!“ Чуть не по-твоему — подлещь! Если-бы я васъ не зналъ хорошо, Крутовской, я-бы наплевалъ на ваши намеки, но мнѣ за ваше мальчишество стыдно...

— Да вы поймите, Черемисовъ, что плетью обуха не перешибешь! Ну, хорошо, чтенія вы устроите и хорошія, — много отъ этого пользы? Соловья баснями не кормятъ! А Стрекаловъ будетъ думать, что и вы за одно съ нимъ.

— Да пусть думаетъ, а чтенія — все-жъ-таки польза.

— Не-ахти-какая!

— И безъ васъ знаю, что не-ахти-какая, и въ чтеніяхъ не вижу самой сути.

— Вотъ, видите-ли, и вы согласны, что это — толченіе воды!

— Во-первыхъ, вовсе не согласенъ, а во-вторыхъ, по-вашему, лучше сидѣть сложа руки и показывать кукиши въ карманѣ? рѣзко крикнуть Глѣбъ.

— Чего вы злитесь: я знаю, что вы честный человекъ.

— А знаете, такъ и не намекайте! озлился Черемисовъ и даже поблѣднѣлъ. — Кто что можетъ, тотъ то и дѣлаетъ: вы пишете статьи — и благо вамъ, я стараюсь по-возможности иначе помочь людямъ, которые и ѣдятъ-то хуже стрекаловскихъ собакъ, — и благо мнѣ, если это удастся. Ваше дѣло — помочь мнѣ, а не намекать... А-то чуть не по-нашему — рознь. Никогда ничего и не выйдетъ съ такими воинами: нечего сказать, хороши будутъ войны, если изъ-за выѣденнаго яйца стануть ссориться! Да такихъ воиновъ всѣхъ поодиночѣвъ врагъ переѣстъ! А врагъ умнѣ себя держитъ... — Нѣтъ, сэръ Крутовской, не объѣдутъ они меня: не изъ такого мы тѣста сляпаны! закончилъ Глѣбъ. смѣясь своимъ обычнымъ рѣзкимъ и насмѣшливымъ смѣхомъ и самоувѣренно встряхивая головой. — Что, какъ финансы?

— Плохи, по обычаю.

— Надо?

— И очень. Сейчасъ ходилъ за жалованьемъ — не дали.

— Возьмите у меня.

— А вы? сконфузился Крутовской.

— Я одинъ, а вы, вишь, съ семействомъ. сказали Глѣбъ, прощаясь съ Крутовскимъ.

— Вы не сердитесь? спросилъ Крутовской, провожая Глѣба.

— За что?

— Да я заподозрилъ васъ... какъ-то сконфузился Крутовской.

— Нѣтъ, не сержусь. Темпераментъ у васъ такой — что съ нимъ подѣлаешь! Подозрѣвать — отчего-же, да только съ толкомъ надо и подозрѣвать, а-то порядочнаго человѣка подчасъ подозрѣвать станете и — напакостите. Людей надо раскусывать, и долго, а не сразу накидываться, — право такъ, Крутовской.

XIX.

Крутовской ни мало не прибавилъ, говоря, что онъ „всколыхалъ стоячее болото“ своими корреспонденціями. Дѣйствительно, Грязнополе волновалось и, несмотря на старанія Колосова и Стрекалова, номера газетъ съ пикантными корреспонденціями были выписаны и обыватели читали ихъ съ засосомъ. Самъ губернаторъ, генераль лѣтъ тридцати пяти, прочелъ передъ обѣдомъ статью Крутовского не безъ удовольствія: онъ нѣсколько разъ улыбнулся и нашель, что у автора острое перо. Когда въ кабинетъ къ нему вошелъ правитель канцеляріи, генераль замѣтилъ съ улыбкой, указывая на газету:

— А вѣдь согласитесь, что перо острое и что статья эта оживить Грязнополе, а-то скучно какъ-то! замѣтилъ генераль, оглядывая свои тонкіе, бѣлые пальцы.

— Статья игривая...

— Немножко дерзка, но остроумна.

Его превосходительство зѣвнулъ и полюбопытствовалъ:

— *Они* волнуются?

— Кажется...

— Генераль засмѣялся и раскланялся съ чиновникомъ.

„Господи, какая тоска!“ прошепталъ онъ, подходя къ окну, и заплѣлъ французскую пѣсенку. „Скорѣй-бы отсюда въ Петербургъ!“ Онъ подошелъ къ зеркалу и отъ нечего-дѣлать сталъ разглядывать свое красивое, мужественное лицо. Скоро и это занятіе надоѣло ему; тогда онъ взялъ гребенку и сталъ ровнять и безъ того безукоризненный проборъ...

„Куда дѣться до обѣда?“ — раздумывалъ, зѣвая и бѣгая по комнатѣ, генералъ. Онъ крикнулъ слугу, велѣлъ заложить коляску и собрался ѣхать на бульваръ.

Тамъ онъ встрѣтилъ весь грязнопольскій beau-monde. Александръ Андреевичъ, увидавъ генерала, тотчасъ-же подошелъ къ нему и шуточно проговорилъ:

— Защитите, ваше превосходительство! Прежде, бывало, въ Грязнопольѣ жили мы мирно, а теперь писаки развелись...

— Время нынче прогрессивное, Александръ Андреевичъ, не безъ язвительной улыбки замѣтилъ генералъ:—всякій хочетъ высказаться.

— Помилуйте, ваше превосходительство, отчего не высказаться, развѣ я противъ этого! Но если ругаются, клеветуютъ...

— Нынче, благодаря Бога, судъ правый и скорый и, слѣдовательно, если пишутъ клеветники, то ихъ и накажутъ...

Тѣмъ разговоръ этотъ и кончился и Александръ Андреевичъ отошелъ отъ генерала, затаивъ про себя порядочный запасъ злобы.

— Это чортъ знаетъ, что такое нынче дѣлается! остановилъ онъ Николая Николаевича, который проходилъ по бульвару съ однимъ изъ грязнопольскихъ негоціантовъ.

— А что?

— Да ругаются!

— Кто?

— Газеты! Вы, вѣрно, не читали послѣднихъ корреспонденцій? не безъ ехидства спрашивалъ Колосовъ.

— Читалъ; по-моему, плюнуть стоитъ.

— Да я-то наплевалъ, потому что насъ, чиновниковъ, ругать самъ Богъ велѣлъ! смѣялся Колосовъ;—но вотъ что обидно, когда на людей, посвятившихъ труды свои на пользу меньшихъ братьевъ, взводить клеветы... Вы читали, въ какомъ гнусномъ свѣтѣ выставили ваши добрыя намѣренія?

— Читалъ! не безъ досады сказалъ Николай Николаевичъ, желая отойти.

— Вѣдь это такая наглая ложь, что, просто, досадно! Вы не знаете, кто авторъ?

— Не знаю.

— Говорятъ, Крутовской.

— А Богъ съ нимъ! проговорилъ Стрекаловъ, отходя далѣе взбѣшенный и раздосадованный.

„Небось проняло“! смѣялся Колосовъ, подхватывая подъ руку одного знакомаго, которому и не замедлилъ рассказать о томъ, какъ Стрекалова описали.

— И стоитъ! добавилъ Александръ Андреевичъ. — Вѣдь это такой я вамъ скажу мошенникъ! говорилъ по секрету Колосовъ... Такой пройдоха...

Николай Николаевичъ спѣшилъ уйти съ бульвара. Ему казалось, что всѣ „читали этотъ пасквиль“ и всѣ радуются тому, что нашелся „негодяй, осмѣливающийся оклеветать честнаго челоуѣка“. И Николай Николаевичъ не ошибался: грязнопольцы радовались, но не потому, что злорадствовали (они и сами были не безъ пушка на рыщцѣ), а просто отъ скуки.

Стрекаловъ рѣшился сейчасъ-же ѣхать въ „подлому пасквилянту“.

— Дома г. Крутовской? спросилъ онъ не безъ нѣкотораго волненія у кухарки, подойдя къ двери маленькаго сѣренькаго домика.

— Дома-съ. Да вы идите прямо.

Николай Николаевичъ вошелъ и встрѣтился съ Людмилой Николаевной. Онъ вѣжливо поклонился и спросилъ:

— Г. Крутовскаго можно видѣть?..

— Володя! крикнула Людмила Николаевна въ дверь и сама ушла, ласково промолвивъ: „сидите, пожалуйста“.

Крутовской вошелъ и, увидѣвъ ненавистнаго ему „буржуаза“ у себя, почувствовалъ нѣкоторое пріятное чувство, щекотавшее его самолюбіе. Онъ поклонился Стрекалову и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мы можемъ поговорить одни? сказалъ Стрекаловъ, оглядывая своего собесѣдника.

— Отчего-жъ не можемъ? Можемъ, г. Стрекаловъ. Пожалуйста сюда—это мой кабинетъ, замѣтилъ Крутовской, показывая на дыривый стулъ въ своей узенькой комнатѣ, слишкомъ смѣло названной имъ кабинетомъ.

— Извините меня, г. Крутовской, началъ Стрекаловъ, усѣвшись, если я позволю себѣ задать одинъ вопросъ: вы авторъ послѣдней корреспонденціи?

— Я! не безъ самодовольства отвѣтилъ Крутовской.

„Скотина! подумалъ Стрекаловъ и возымѣлъ сильное желаніе придушить „эту маленькую щедушную фигурку съ змѣиными глазами“. „Еще хвастается!“

— Вотъ видите-ли что, г. Крутовской. Я, конечно, не смѣю винить васъ въ томъ, что вы, не зная меня, вошли въ личную оцѣнку моихъ поступковъ и даже намѣреній—это дѣло, конечно, ваше; но я позволилъ себѣ пріѣхать къ вамъ, чтобы объяснить, что дѣло это не совсѣмъ такъ было, какъ вы изволили описать...

— А какъ-же было дѣло? спросилъ Крутовской.

— Если вамъ будетъ угодно, для разъясненія истины, которая для меня дороже всего, я могу вамъ доставить самыя подробныя свѣденія. Я—какъ вы изволили выразиться въ статьѣ—людей не обманывалъ... Я заключилъ съ ними условія, быть можетъ, и стѣснительныя для нихъ—хотя лично я въ этомъ и сомнѣваюсь,—но во всякомъ случаѣ они знали, что дѣлали, когда подписывали контрактъ...

— Но что-же вамъ угодно?.. нетерпѣливо сказалъ Крутовской.

— Я позволю васъ просить возстановить только истинный смыслъ факта... Вы-бы этимъ крайне меня обязали и поступили-бы согласно справедливости!.. ласково говорилъ Стрекаловъ.

„Ну какъ я ему предложу денегъ“? думалъ Николай Николаевичъ. „Очевидно—невозможно“!

— По моему мнѣнію, г. Стрекаловъ, вы лучше всего сдѣлаете, если отвѣтите на статью и сами возстановите смыслъ факта. Я писалъ по слухамъ, быть можетъ, и ошибся, вы докажете мою ошибку и дѣлу конецъ...

— Я такъ занятъ... и если-бъ вы могли взять на себя это дѣло, то повѣрьте, г. Крутовской, что я не остался-бы неблагодарнымъ...

— То есть какъ-же это, г. Стрекаловъ? почти крикнулъ Крутовской, сверкая своими маленькими глазенками.

— Я-бы вамъ былъ обязанъ, какъ человѣку, возстановившему фактъ въ истинномъ его видѣ...

— Нѣтъ ужъ... восстановляйте его сами, г. Стрекаловъ, а я не буду!

Стрекаловъ ни слова не сказалъ, всталъ и уѣхалъ.

„О подлецы“! шепталъ онъ. „И гордость какая... гоноръ“! „Сидитъ себѣ, точно у него двѣсти тысячъ въ карманѣ“! Дѣлать было нечего;—мысль о подкупѣ пришлось оставить и возлѣжить надежды на то, что о гнусномъ пасквилѣ скоро забудутъ. И правда, черезъ недѣлю въ Грязнополѣ забыли о статьѣ, но Николай Николаевичъ не забывалъ о ея авторѣ. Онъ разузналъ о его долгахъ, скупилъ два его векселя и рѣшилъ посадить „этого подлеца“ въ долговое.

XX.

Чтенія на заводѣ были разрѣшены безъ особыхъ затрудненій; его превосходительство, предупредительно изъясняя Николаю Николаевичу свое согласіе, сдѣлалъ Стрекалову комплиментъ за его „либеральныя начинанія“ и заявилъ, что онъ „съ своей стороны радъ всей душой помочь дѣлу просвѣщенія-непросвѣщенныхъ“ и прибавилъ:

— Надѣюсь, Николай Николаевичъ, лекторъ лицо благонадежное?

— Совершенно. Дѣльный и скромный молодой человекъ, которому я не затруднился довѣрить образованіе сына...

— Значить, говорить нечего! Очень радъ, что вы нашли подобнаго молодого человекѣ... Теперь такіе люди, говорятъ, рѣдкость... Нынѣшняя молодежь, кажется, не грѣшитъ скромностью и кромѣ того очень любитъ высказывать свои мнѣнія рѣшительно... особенно въ газетахъ, добавилъ генералъ не безъ ироніи.

Николай Николаевичъ при этихъ словахъ вспомнилъ о своемъ врагѣ и хотѣлъ-было о немъ заикнуться, но благоразумно согласился съ „вполнѣ справедливымъ мнѣніемъ его превосходительства и, поблагодаривъ за помощь“ такого просвѣщеннаго администратора, уѣхалъ, промолчавъ о Крутовскомъ.

Въ ближайшее воскресенье было назначено первое чтеніе, о чемъ было сообщено рабочимъ наканунѣ самимъ Стрекаловымъ при расчетѣ; при этомъ Николай Николаевичъ сказалъ маленькій спичъ, въ которомъ упомянулъ, что „ученье свѣтъ, а неученье

тѣма“ и что „знающему легче заработать деньги, сберечь ихъ, а не пропить въ первомъ кабакѣ“.. Рабочіе прослушали спичъ молча, и заявленіе о чтеніяхъ приняли совершенно равнодушно и даже не безъ юмора. Однакожь, ради любопытства, на слѣдующій день на заводъ пришло до трехъ-сотъ человѣкъ; собрался больше молодой народъ; старые не пошли и даже посмѣивались надъ тѣми, кто шелъ „ихнія сказки слушать“.

Въ ожиданіи начала, толпа заняла пустую мастерскую и громко галдѣла о своихъ дѣлахъ; слышалось пощелкиванье орѣховъ, смѣхъ и насмѣшки надъ „сказками“.

Въ половинѣ двѣнадцатаго стали собираться и почетные посѣтители; вѣсть о чтеніяхъ пронеслась въ Грязнопольѣ съ быстротою вѣтра и грязнопольцы заранѣе вкушали удовольствіе посмотрѣть „на спектакль“ и поглазѣть другъ на друга. Первымъ пріѣхалъ Стрекаловъ съ семействомъ, затѣмъ супруга председателя палаты съ мужемъ, нѣсколько лицъ судебного вѣдомства, десятка два дамъ и мужчинъ... Весело болтая, разсаживалась публика въ кресла, поставленныя за барьеромъ, отдѣлявшемъ ихъ отъ рабочаго люда. Явилась и Колосова подъ руку съ Александромъ Андреевичемъ. Надежда Алексѣевна была нѣсколько блѣдна и похудѣла; тѣмъ не менѣе при входѣ она обратила на себя общее вниманіе; вся въ черномъ она была очень авантажна.

— Айбановъ развѣ не будетъ?.. съ ехидствомъ пропишѣла Настасья Дмитріевна на ухо мужу, оглядывая вошедшую пару.

Въ это время Колосова поравнялась съ Настасьей Дмитріевной и, кажется, услышала шопотъ Стрекаловой, она поблѣднѣла еще больше и любезно поздоровалась съ Стрекаловой. Обѣ дамы поцѣловались и очень нѣжно узнавали о здоровьѣ другъ друга, пока мужья ихъ крѣпко жали другъ другу руки...

— *Ее voila!* опять шепнула Стрекалова не безъ злобнаго чувства зависти къ Колосовой и любезно пожала руку вошедшему молодому красивому брюнету...

Брюнетъ сѣлъ недалеко отъ Надежды Алексѣевны.

Ровно въ двѣнадцать часовъ на лекторскомъ возвышеніи явился Глѣбъ въ новой парѣ платья, довольно ловко сидѣвшей на его широкоствомъ тѣлѣ. Онъ сѣлъ и обинулъ взглядомъ аудиторію. Всѣ глаза устремились на него, точно на морское чудовище; разглядывали глаза, носъ, руки и запонки „стрекаловскаго учите-

ля; большинство дамъ нашло его „вульгарнымъ“; Надежда Алексѣвна вскинула лорнетъ и внимательно взглянула на Глѣба. „Лицо оригинальное, очень хорошее для актера“, подумала она. Мужчины нашли, что „учитель“ приличенъ (они ждали „косматого“ учителя). Толпа заколыхалась... „Пришелъ, ребята!“ крикнулъ кто-то и аудиторія притихла.

Глѣбъ смутился. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить beau-monde. „Они-то чего сюда понаѣхали?..“ Однако, онъ опомнился и началъ чтеніе. Первое чтеніе было по русской исторіи.

Сначала голосъ его былъ слабъ, неувѣренъ; онъ говорилъ тихо, но мало-по-малу голосъ сталъ тверже, увѣреннѣе, рѣчь потекла свободно. Глѣбъ уже никого позаду собой не видалъ. Его возбудило чтеніе. Яснымъ, понятнымъ простолыдину азыкомъ рассказывалъ онъ о началѣ Руси, о христіанствѣ, о томъ, какъ жили предки, о нравахъ, объ обычаяхъ, о великомъ Новѣгородѣ и толпа, сперва равнодушная и шумливая, съ каждымъ словомъ слушала внимательнѣй и любовнѣй и, наконецъ, притаивъ дыханіе, впиалась въ рассказъ, боясь проронить слово, съ средоточеннымъ вниманіемъ ребенка, слушающаго занимательную сказку.

Когда черезъ полтора часа чтеніе было окончено, рабочіе молчали, точно оговоренные, и только когда Глѣбъ объявилъ, что въ слѣдующее воскресенье онъ будетъ продолжать, толпа разомъ загудѣла, наивно, искренно и громко выражала свое удовольствіе.

Глѣбъ былъ доволенъ. Успѣхъ былъ полный. Beau-monde выразилъ свое удовольствіе (что скоро окончилась эта „сухая матерія“) приличными рукоплесканіями и громко поднялся съ своихъ мѣстъ; впрочемъ, всѣ находили, что „господинъ читаетъ не безъ таланта“ и спѣшили еще разъ выразить Николаю Николаевичу чувство своего глубокаго уваженія за „его идею, столь гуманную и современную“. Николай Николаевичъ благодарилъ за сочувствіе.

— И какъ довольны эти люди; съ какимъ вниманіемъ они слушали! говорила жена предсѣдателя казенной палаты, указывая пальцемъ на расходившуюся толпу. — Кто-бы могъ ожидать?

— Признаюсь, и я этого не ожидалъ!.. весело отвѣчалъ Николай Николаевичъ.

— Русскій человѣкъ на все хорошее отзовется! не безъ умиленія замѣтилъ кто-то.

Между тѣмъ Николай Николаевичъ спѣшилъ пожать руку Глѣбу и поздравить его съ успѣхомъ. „Отлично это онъ придумалъ!“ весело проносилось у него въ головѣ. Примѣру Николая Николаевича послѣдовали и другіе и всѣ наперерывъ благодарили Глѣба Петровича. Настасья Дмитріевна сказала, что она „вспомнила Маколея“:

Толстый предсѣдатель палаты тоже пожалъ руку и лаконически пробасилъ: „весьма занятно!“ Всѣ спѣшили что-нибудь заявить, хотя всѣмъ такое-же было дѣло до чтеній, какъ и до прошлагодняго снѣга, но всѣмъ хотѣлось казаться либеральными.

Глѣбъ только кланялся и думалъ: „Изъ-за чего это они надрываются?“

— Не правда-ли, смѣлое лицо? шепнула Надежда Алексѣевна Айканову.

— Да, а что? отвѣчалъ, зѣвнувъ, брюнетъ.

— Я съ нимъ хочу познакомиться!

— Что-жь!

— Вы не разсердитесь? лукаво улыбнулась Надежда Алексѣевна и направилась къ Глѣбу.

— Мнѣ захотѣлось съ вами познакомиться, г. Черемисовъ, послѣ вашего чтенія! заговорила Надежда Алексѣевна съ самой обворожительной улыбкой и назвала себя.

Глѣбъ сказалъ, что очень радъ.

— Я вспомнила сегодня преждее! задумчиво проговорила Колосова.— Васъ это удивляетъ? Вы вѣрно не знаете: я была актриса—Наумовой имя слышали?

Глѣбъ вспомнилъ, что онъ слышалъ о Наумовой, какъ о замѣчательной актрисѣ.

— Слышалъ отъ другихъ!..

— Да это все равно, впрочемъ. А вотъ что, Черемисовъ, говорила Колосова совершенно уже дружескимъ тономъ, — навѣщайте меня; я по утрамъ всегда дома. Мнѣ-бы хотѣлось потолковать съ вами о школѣ...

Колосовъ подошелъ къ женѣ и любезно подаль ей руку, мелькомъ взглянувъ на Черемисова.

„Неужто Айканову Надя отставку предпишетъ, возьметъ въ обожатели этого чтеца? думалъ, улыбаясь, мужъ, ведя жену подъ

руку. — Будетъ очень скоро, а впрочемъ, отчего-же? Надя — натура художественная!..“

— А что, Наденька, Айкановъ развѣ не съ нами? спрашивать Колосовъ, розыскивая глазами Айканова.

— Нѣтъ! сухо отвѣчала Колосова, вскакивая въ карету.

Ольга ни слова не сказала Глѣбу и задумчиво возвращалась съ матерью домой. „Странное дѣло! Этотъ медвѣдь съ красными руками и волчьимъ аппетитомъ гораздо красивѣй, когда говоритъ. И глаза такіе дерзкіе!“ Она вспомнила, что не спускала съ него глазъ во время чтенія и покраснѣла. „Что-же тутъ дурного? А онъ, кажется, добрый человѣкъ и ни передъ чѣмъ не оставится! Только скрытный! Да миѣ-то какое дѣло?“ мечтала Ольга.

Ольга во все время пребыванія Глѣба въ ихъ домѣ ни разу съ нимъ не говорила, исключая самого обыкновеннаго обмѣна вѣжливыхъ словъ; она его точно пугалась. „А онъ совсѣмъ не страшный, только совсѣмъ непохожъ на другихъ! Богъ знаетъ, какія я глупости сегодня думаю!“ прошептала молодая дѣвушка, входя въ комнаты.

М-ле Епогге еще на заводѣ подошла къ Глѣбу и замѣтила ему не безъ ядовитой улыбки:

— Вы умѣете быть яснымъ, когда захотите...

— Что это значить?

— Это значить, что вы отлично читали, но къ чему вы всегда съ нами молчите?.. Что вы за сфинксъ?.. Или съ нами не о чемъ разговаривать? кокетливо шепнула французенка.

— То-есть съ кѣмъ это съ нами?

— Вы не понимаете? Мило! Ну хоть-бы со мной...

— Да не приходится...

— Не хотите?

Глѣбъ пожалъ плечами.

— И не станете?

— Стану, коли придется...

— Ахъ вы медвѣдь!.. Вы не сердитесь?.. Нѣтъ? Вы не сердитесь, это было-бы для меня очень... очень... какъ-бы сказать?.. неприятно! шепнула Епогге. — Однако, мои принципы ѣдутъ... Поѣдемте вмѣстѣ? Мѣсто будетъ.

— Нѣтъ, не могу.

— Все нѣтъ, да нѣтъ... Когда вы скажете: да? сверкнула не безъ досады своими черными глазами французенка, нагоняя Стрелковыхъ.

„Забавляется!“ подумаль Глѣбъ, глядя вслѣдъ. „Пусть себѣ! А не дурна, впрочемъ, миссъ лучше!.. И о чемъ она все думаетъ, эта миссъ... О милордѣ, что-ли?.. А, впрочемъ, мнѣ-то какая отъ этого польза. Пусть думаетъ, о чемъ ей угодно!“

Вечеромъ Глѣбъ, противъ своего обыкновенія, спустился внизъ. Въ залѣ онъ засталъ Ольгу Николаевну; она разсѣянно перебирала по клавишамъ. Глѣбъ хотѣлъ было выйти изъ залы, но Ольга сказала ласковымъ тономъ:

— Могу я обратиться къ вамъ съ просьбой?

— Разумѣется, Ольга Николаевна.

— Укажите мнѣ, пожалуйста, интересныя историческія книги.

Глѣбъ назвалъ два, три заглавія.

— Благодарю, Глѣбъ Петровичъ...

Глѣбу почему-то не хотѣлось уходить и онъ спросилъ:

— Вы гдѣ думаете достать эти книги, Ольга Николаевна?

— Выпишу изъ Петербурга...

— Зачѣмъ? Лучше я ихъ вамъ дамъ—у меня онѣ есть!..

Ольга поблагодарила и снова стала перебирать клавишами.

— Вы любите музыку, Глѣбъ Петровичъ?..

— Иногда люблю...

— А я такъ всегда люблю. Ольга помолчала. — Тяжело, я думаю женщинѣ своимъ трудомъ жить?.. проговорила она какъ-бы въ раздумьѣ.

„Отъ музыки къ труду. Экая странная!“ подумаль Глѣбъ.

— Не легко... Почему вы объ этомъ подумали?

— Я объ этомъ много думала, Глѣбъ Петровичъ. Вы знали трудящихся женщинъ?..

— Зналъ...

— Имъ, конечно, тяжело, но за то какое, я думаю, наслажденіе не зависѣтъ ни отъ кого!.. почти что крикнула Ольга рѣзкимъ, страстнымъ голосомъ.

„Что за тонъ! Что за мысли! Вотъ она какая, однакожь, эта миссъ...“ удивлялся Глѣбъ.

Ольга какъ будто раскаялась, что сказала болѣе обыкновен-

наго. Она посмотрѣла на Глѣба. Онъ молчалъ. Тогда она поднялась съ мѣста и замѣтила холоднымъ, сухимъ тономъ:

— Впрочемъ, я, кажется, сказала вздоръ... Ни отъ кого не зависѣть невозможно!.. Это nonsense!

И тихо вышла изъ залы, оставивъ Глѣба въ недоумѣннн.

„И все это подѣ бокомъ у чинной леди!“ улынулся Глѣбъ, уходя въ садъ. Когда онъ вернулся изъ сада съ остальнымъ семействомъ, Ольга Николаевна играла какую-то бетховенскую сонату. Игра была кака-то порывистая, нервная... Всѣ прошли въ гостиную, а Глѣбъ тихо прошелъ въ залу и, незамѣтно свернувшись за трельяжемъ, слушалъ игру. Кончивъ сонату, Ольга Николаевна склонилась надъ роялемъ и просидѣла такъ нѣсколько минутъ. Когда она подняла лицо, Глѣбу показалось, что на глазахъ у дѣвушки были слезы. Она снова заиграла какую-то моцартовскую вещьцу.

— Ольга! раздался изъ гостиной голосъ Настасьи Дмитриевны. — Что ты все нервныя вещи играешь?..

— Вамъ не нравится, мама?

— Съиграй дружокъ, что нибудь другое.

Ольга съиграла что-то другое, не кончила и снова начала какой-то вальсъ, оборвала его и встала изъ-за фортепіано. Мать вошла въ залу.

— Да что ты, Ольга, такая странная сегодня... Начнешь одно—не кончишь и за другое! Здорова, дитя мое? нѣжно спрашивала мать, заглядывая въ лицо дочери.

— Здорова, мама! отвѣчала Ольга и поцѣловала мать въ лобъ. — А что.

— Мнѣ показалось, что ты не въ духѣ... Не болитъ-ли голова?..

— Немножко.

— То то... Прими валеріану и приходи къ намъ, сыграемъ въ трикъ-тракъ.

Мать и дочь обнявшись вышли изъ залы, а Глѣбъ тихо поднялся къ себѣ наверхъ и пилъ чай у себя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ чтенія въ одной изъ петербургскихъ газетъ была напечатана короткая поощрительная замѣтка

о чтеніи, а въ „Грязнопольскомъ Вѣстникѣ“ появилась слѣдующая статья подъ заглавіемъ: *Отрадное явленіе въ Грязнопольѣ*.

„Съ глубокимъ чувствомъ радости спѣшимъ извѣстить читателей объ отрадномъ явленіи въ нашемъ скромномъ городѣ, которое говоритъ само за себя, громко свидѣтельствуя о томъ гуманномъ взглядѣ на нашихъ меньшихъ братій, который, благодаря правительственной инициативѣ, все болѣе и болѣе встрѣчается во всѣхъ уголкахъ нашей дорогой родины. Читатели догадываются, конечно, что мы говоримъ о чтеніяхъ, устроенныхъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію г. начальника губерніи, нашимъ почтеннымъ и высокообразованнымъ Н. Н. Стрекаловымъ. Своимъ просвѣщеннымъ умомъ онъ позналъ, а прямымъ русскимъ сердцемъ почувствовалъ, что недостаточно только матеріально заботиться о людяхъ, имѣющихъ счастье работать у него на заводѣ. Нѣтъ! Онъ захотѣлъ имъ помочь нравственно и возымѣлъ благую мысль кинуть лучъ свѣта въ мракъ невѣжества, озарить истиной гнѣздо предрасудковъ и, не щадя издержекъ, привести въ исполненіе идею, давно его занимавшую. Въ прошлое воскресенье было первое чтеніе. Надо было самому присутствовать, чтобы видѣть, съ какимъ глубокимъ чувствомъ благодарности отнеслись къ своему хозяину признательные русскіе люди. Они мало говорили, но много чувствовали, — такова одна изъ чертъ нашего народа!

„На лекціи, прочитанной не безъ таланта наставникомъ сына г. Стрекалова, мы замѣтили многихъ лицъ нашего лучшаго общества, отъ души сочувствующихъ благому начинанію. Дай богъ, побольше такихъ дѣятелей, не забывающихъ меньшого брата! Заслуги подобныхъ людей, — говоримъ это прямо, безъ страха обвиненія въ пристрастіи, — говорятъ очень громко и, конечно, должны заслуживать общественной благодарности; въ рукахъ у такихъ людей каждое дѣло, — будь это земское, частное или служебное дѣло, — всегда будетъ плодотворно... Мы слышали изъ вѣрныхъ источниковъ, что чтенія эти будутъ продолжаться... Дай богъ имъ всякаго успѣха.

„А между тѣмъ находятся какіе-то литературные проходимцы, для которыхъ совѣсть и честь — жалкія слова, которые рады бросить въ честныхъ людей грязью и, прикрываясь анонимомъ, печатать (мы только удивляемся почтенной редакціи „Петербургскаго Глашатая“) самыя неблаговидныя клеветы о людяхъ, до

вравственной чистоты которыхъ этимъ пасквилянтамъ такъ-же далеко, какъ до солнца. Впрочемъ, презрѣніе—единственное наказаніе, достойное этихъ наемныхъ писаекъ.

„Полагаемъ, не лишнее будетъ сказать, что въ городѣ носятся слухи, будто Н. Н. Стрекаловъ получить концессию на Грязнополье-Бакшевскую линію. Отъ души желаемъ, чтобы слухъ этотъ оправдался...“

— Ну что, каково? спрашивалъ редакторъ „Вѣстника“, Иванъ Ивановичъ Кашкадамовъ, высокій, сухощавый человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, прочитывая вышеизложенныя строки своему сотруднику, нѣсколько выпившему, рыжеватуому человѣку съ красноватымъ носомъ.

— Ничего себѣ, живеть...

— Съ пафосомъ?..

— Припущено таки.

— Чай, Крутовской озлится?

— Отжарить-же онъ васъ, Иванъ Ивановичъ, помяните мое слово.

— Такъ я его и боюсь... Наплевать мнѣ...

— Ну это мы посмотримъ. У него вѣдь талантъ... „Глашатай“—не провинціальная газета; недаромъ-же она его печатаетъ...

— Никакого таланта нѣтъ... одна хлесткость.

— Хлесткость? засмѣялся красный носъ.—Дудки!.. Напишите-ка вы такъ...

— Вы вѣчно придираетесь. Напишите, напишите... Сами знаете, каково въ Грязнопольѣ писать.

— То-то... Послушайте, Иванъ Ивановичъ, сколько вы хотите стянуть со Стрекалова? вдругъ спросилъ красный носъ...

— Г. Мурьяновъ, это личности!..

— Полно, Кашкадамушка, дурака-то корчить!.. Полно, дружище... Лучше дай-ка мнѣ пять рублей въ счетъ твоего или моего долга. Туда-же личности!.. Нечего сказать, хороши мы съ тобой личности... Ужъ не гражданскіе-ли герои? Свины мы, вотъ что!.. Ну, ты вези свое произведеніе, — вѣдь знаю, самъ повезешь!— а мнѣ пять рублей или жизнь! театально сложивъ руки, продекламировалъ красный носъ...

— Въ трактиръ?

— А то куда-же?

— Загубите вы свой талантъ, Мурьяновъ, загубите! вни-
тельно замѣтилъ редакторъ.

— Есть что губить! Ну, живо пять рублей и я иду... Ту-
да-же личности у такихъ поросятъ, какъ мы съ тобой!.. Горе
ты богатырь, Кашкадамушка, и никогда тебѣ великимъ подле-
цомъ не сдѣлаться, — а почему? Таланта нѣтъ...

Красный носъ засмѣялся и, взявъ пять рублей, дружелюбно
протерся съ редакторомъ.

„Погибшій“! прошепталъ Кашкадамовъ вслѣдъ за Мурьяно-
вымъ. — Когда пьянъ — бѣда! И терпи все отъ него! Безъ него
что моя газета? Эхъ тяжела ты, шанка журналиста! промолвилъ
онъ, надѣвая фракъ.

Хотя Стрекаловъ очень хорошо былъ убѣжденъ, что Иванъ
Ивановичъ Кашкадамовъ „такая шельма, которая не затруднится
завтра-же отречься отъ того, что написать сегодня“, тѣмъ не ме-
нѣ грубая лесть статьи его тронула, а то мѣсто, гдѣ намекали
на Крутовскаго, даже очень понравилось.

— Спасибо за статью, Иванъ Ивановичъ, заговорилъ Стрека-
ловъ, сидя съ Кашкадамовымъ въ кабинетѣ; — но не черезчуръ-
ли вы хвалите меня?

Редакторъ взглянулъ на Стрекалова и его неглупые глаза
улыбнулись.

— Такихъ людей, какъ вы, нужно указывать обществу... Пора
намъ проснуться — пора! Кашкадамовъ махнулъ рукой и начи-
налъ горячиться. — Я только намекалъ, а мнѣ слѣдовало прямо
сказать: вотъ, слѣпые, кто долженъ быть предсѣдателемъ управы...
Но я не могъ, я только намекнулъ, вы замѣтили: „всякое дѣ-
ло — будь это земское“... Поймутъ-съ...

Даже Стрекалову стало совѣстно отъ этой наглой лести, изла-
гаемой наглымъ языкомъ.

„Какой-же ты, однако, мерзавецъ!“ подумалъ онъ и замѣтилъ
„этому мерзавцу“:

— Мнѣ остается только благодарить васъ за лестное мнѣніе...

— Я, Николай Николаевичъ, всегда съ удовольствіемъ готовъ
бѣлое называть бѣлымъ, а черное чернымъ... Это святая наша обязан-
ность!.. Одна бѣда... вы понимаете, я говорю о нашей публикѣ. Ни-
какой поддержки не оказываетъ! съ горечью замѣтилъ Кашкадамовъ.

„До кошелька добирается!“ подумалъ про себя Стрекаловъ.

— Развѣ подписчиковъ мало?

— Совсѣмъ мало.

Послѣ двухъ трехъ незначительныхъ фразъ Николай Николаевичъ далъ редактору сто рублей на изданіе мифической брошюры и Иванъ Ивановичъ уѣхалъ отъ Стрекалова довольный, напѣвая про себя какую-то веселую пѣсенку.

„Вѣдь не дай я ему денегъ за непрошеную статью, завтра же обругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ!“ улыбнулся Стрекаловъ.

XXI.

Прошелъ мѣсяцъ. Выборы земцевъ почему-то были отсрочены. Чтенія на заводѣ шли своимъ чередомъ, хотя грязнопольскій beau-monde пересталъ на нихъ присутствовать, къ немалому удовольствію Черемисова. Стрекаловы сперва аккуратно посѣщали заводъ en famille, но послѣ двухъ, трехъ чтеній и они перестали ѣздить, несмотря на робко выраженное желаніе Ольги Николаевны и Ленормъ. Настасья Дмитріевнѣ самой ѣздить не хотѣлось, а пускать дѣвицъ однихъ она считала „неблаговиднымъ“. Самъ Стрекаловъ послѣ перваго чтенія пересталъ бывать на слѣдующихъ, такъ что единственнымъ постояннымъ посѣтителемъ чтеній, кромѣ рабочихъ, былъ только управляющій нѣмецъ, который постоянно досиживалъ до конца, и хотя плохо понималъ русскій языкъ, но тѣмъ не менѣе усердно и внимательно слушалъ Черемисова.

Воспользовавшись приглашеніемъ Надежды Алексѣевны „навѣстить ее запросто“, Черемисовъ былъ у нея два раза и успѣлъ вселить въ нее мысль о концертѣ въ пользу семействъ рабочаго люда. Мысль эта была принята Надеждой Алексѣевной съ жаромъ; она принялась дѣятельно хлопотать, сама ѣздила къ губернатору, который, конечно, разрѣшилъ ей сдѣлать „доброе дѣло“, сама раздавала билеты съ такой очаровательной граціей и съ такой кокетливой улыбкой, что люди, которые и гроша не дали-бы въ пользу „этого народа“, давали теперь по десяти и болѣе рублей въ маленькія ручки Надеждѣ Алексѣевнѣ съ самымъ искреннимъ, повидимому, участіемъ къ положенію семействъ „этихъ честныхъ тружениковъ“. Такимъ образомъ, благодаря

красотѣ и умѣнью Надежды Алексѣевны, концертъ вышелъ блистательный и была собрана весьма почтенная сумма.

Въ это-же самое время отношенія Николая Николаевича къ своему управляющему стали замѣтно сухи. Стрекаловъ сталъ подозрѣвать нѣмца въ большомъ воровствѣ; книги оказались несовсѣмъ аккуратны. Стрекаловъ однажды сообщилъ о своихъ подозрѣнiяхъ Черемисову, жалуясь вообще на людей, непонимающихъ, сколько они могутъ и сколько не должны мочь.

— Ну, Богъ съ тобой, воруи! говорилъ, по обыкновенiю, не безъ горячности Николай Николаевичъ; но знай, по крайней мѣрѣ, границы! Я знаю, честнаго управляющаго найти трудно, ну и, конечно, извѣстный процентъ въ бюджетѣ завода владу на воровство, — и пользуйся этимъ процентомъ съ тактомъ, да не заходи дальше!

Результатъ разговора былъ тотъ, что Стрекаловъ предложилъ Черемисову нелегкое дѣло — провѣрить всѣ заводскiя книги за трехлѣтнее управленiе нѣмца. Черемисовъ принялъ предложенiе, не спора даже о цѣнѣ, предложенной Стрекаловымъ.

Цѣлый мѣсяцъ по вечерамъ онъ просиживалъ за книгами, дѣлая изъ толстыхъ бухгалтерскихъ фолиантовъ выборки, выписки, и скоро безмолвныя цифры, разобранныя Глѣбомъ, стали намекать на весьма крупное воровство; впрочемъ, работа еще начиналась и Глѣбъ съ большей энергiей углубился въ этотъ дремучiй лѣсъ цифръ, надѣясь къ осени кончить свой трудъ.

Звѣздный iюньскiй вечеръ заглядывалъ въ отворенное окно комнаты Черемисова. Его косматая голова склонилась надъ толстой бухгалтерской книгой. Глѣбъ заработался за выписками. Наконецъ, онъ поднялъ голову, взглянулъ на массу исписанныхъ имъ цифръ и лицо его перевернулось усмѣшкой. Онъ долго просидѣлъ задумавшись надъ книгой... „А еще Крутовской сомнѣвается!“ презрительно шевельнулась мысль. „Сомнѣвается и меня чуть не въ подлещи произвел!“ копошилась злостное чувство противъ Крутовскаго.

Хотя Глѣбъ и говорилъ, что не сердится на Крутовскаго за высказанныя имъ подозрѣнiя относительно образа дѣйствiй Глѣба,

хотя онъ попрежнему дружелюбно встрѣчался съ Крутовскимъ, но на днѣ души его зрѣло злое зернышко, которое могло разростись въ чувство ненависти. Глѣбъ, правда, старался увѣрить себя, что онъ попрежнему любитъ пріятеля, но зернышко шевелилось, отнимая у отношеній тотъ задушевный характеръ, который прежде существовалъ между ними. Подсмѣиваясь надъ Крутовскимъ, что онъ „или въ зубы, или пожалуйте ручку!“ Глѣбъ—дитя своего времени—и самъ не былъ безукоризненъ въ этомъ отношеніи. Недовѣріе, критическое отношеніе къ нему самому, выраженное въ добавокъ въ рѣзкой формѣ, хотя и смягченное потомъ Крутовскимъ, задѣло его самолюбіе сильнѣй, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. „Да какъ онъ смѣлъ подумать? какъ смѣлъ?“ спрашивалъ себя въ эту минуту Черемисовъ не безъ злости къ Крутовскому. Тонъ сарказма и ироніи какъ-то настраивался самъ собой при встрѣчѣ съ Крутовскимъ, Глѣбъ шевелилъ его „литературнаго червяка“, не безъ яду; понятно, и Крутовской не оставался въ долгу. Обладая меньшей сдержанностью и большимъ воображеніемъ, чѣмъ Глѣбъ, Крутовской—скорѣе художникъ, чѣмъ логикъ—рисовалъ себѣ картину обращенія Глѣба въ „прохвосты“ и картина выходила, по его мнѣнію, „оригинальная“. Эта „оригинальность“ понравилась Крутовскому и онъ, не долго думая, набросалъ письмо къ петербургскому пріятелю и въ этомъ письмѣ, правда, въ шуточной формѣ, нарисовалъ очень художественную и рѣзкую характеристику лица, обращающагося изъ „ярыхъ“ въ „прохвосты“. Письмо имѣло въ виду будущее и подразумевало Черемисова. Крутовской такъ увлекся собственнымъ созданіемъ своего воображенія, что и не замѣчалъ, какъ онъ безсознательно лгалъ на пріятеля; его подкупила оригинальность и онъ не задумался послать свое произведеніе въ Петербургъ къ одному знакомцу, охотнику до чужихъ „характеристикъ“. На другой-же день въ Крутовскомъ шевельнулось сознаніе сдѣланной гадости. „Вѣдь я, свинья, набрехалъ все на Глѣба, а тамъ, поди, письмо по всѣмъ закоулкамъ разнесутъ!“! подумалъ Крутовской и немедленно написалъ знакомому письмо, въ которомъ чистосердечно калялся въ лганьѣ, поясняя процессъ этого лганья и заклиная немедленно вернуть первое письмо обратно и подъ страхомъ „подлоца“ никому не говорить ни единого слова... Однако, было поздно. Мастерская характеристика Крутовскаго сдѣлала свое дѣло.

Сплетня начинала созрѣвать, готовясь принять самые гигантскіе размѣры.

Глѣбъ усердно продолжалъ работать и не замѣтилъ, какъ тихо отворилась дверь и на порогѣ явился Крутовской.

Крутовской пришелъ къ Глѣбу съ намѣреніемъ рассказать о своемъ „художническомъ промахѣ“ и сознаніе гадости еще болѣе укололо его при видѣ Глѣба. „Спины не разгибаетъ, а я фантазию сочиняю!“ Но, постоявъ съ минуту на порогѣ, Крутовской уже забылъ, зачѣмъ пришелъ. Пораженный роскошью обстановки, онъ, прищуриваясь, оглядывалъ комнату и замѣтилъ не безъ насмѣшки въ голосѣ:

— Дворецъ у васъ, Черемисовъ, отличнѣйшій!

Черемисовъ поднялъ голову и сухо замѣтилъ:

— Здравствуйте, Крутовской, что скажете?..

— И цвѣты тропическіе, экраны... ишь, мягкость какая!.. продолжалъ Крутовской, опускаясь на диванъ... Роскошно живете, Глѣбъ Петровичъ!

— Да, роскошно, Крутовской! совсѣмъ сухо замѣтилъ Глѣбъ.

Тонъ Черемисова раздражилъ Крутовского. „Живетъ какъ филистеръ и не извиняется!“ подумалъ онъ и глазки его злобно забѣгали.

Онъ весь съежился на большомъ диванѣ; въ его маленькой, нервной, блѣдной фигурѣ съ умными глазками замѣчалось что-то кошачье; онъ, точно кошка, свернулся въ клубокъ, готовясь сдѣлать прыжокъ на врага.

Секунду онъ помолчалъ, озираясь язвительно по сторонамъ и, наконецъ, спросилъ:

— Вашъ либераль дома?

— Вы про Стрекалова спрашиваете?

— Конечно, кто-жъ другой...

— Кажется, нѣтъ.

— Подслушивать насъ не будутъ?.. тихо шипѣлъ Крутовской.

— А вы развѣ какое-нибудь радикальное средство отъ золь пришли предложить? съ саркастической усмѣшкой спросилъ Глѣбъ, задѣтый за живое тономъ Крутовскаго.

— Вы въ нихъ не вѣрите... Вы вѣдь все постепенно, постепенно... явно язвиль Крутовской.

Глѣбъ сверкнулъ глазами. Лицо его поблѣднѣло, губа слегка задрожала. Одно мгновеніе ему хотѣлось схватить Крутовскаго за шиворотъ и размозжить голову. Однако, секунду спустя онъ самъ покраснѣлъ за свою мысль.

— Вы ругаться пришли? холодно спросилъ Глѣбъ.

— Вы нынче свободное выраженіе мнѣній называете руганью? Скоро, пожалуй, не смѣй и слова вымолвить, сейчасъ отлученіе, какъ непогрѣшимый папа.

— Бросьте этотъ тонъ и говорите иначе.

— Вамъ не нравится?

— Нѣтъ...

— А мнѣ онъ, Черемисовъ, нравится. Вотъ вы воображаете, будто и дѣло дѣлаете, а Стрекаловъ не далѣе, какъ вчера, говорилъ одному мерзавцу, не хочеть-ли онъ къ нему управляющимъ заводомъ... Къ чему-же эти ваши труды.

Крутовской съ презрѣніемъ махнулъ рукою на ворохи бумаги.

— Кому онъ предлагалъ?.. живо спросилъ Глѣбъ.

— Начальнику мастерскихъ на желѣзной дорогѣ.

— Это еще посмотримъ.

— Нечего смотрѣть... Обѣдетъ онъ васъ, улыбался Крутовской, — а пока вы будете канитель плести, пожалуй, эта барская жизнь:

— Что?.. спросилъ Глѣбъ.

— Втянетъ!.. ѣдко замѣтилъ Крутовской.

Оба помолчали. „Опять?“ шепнуло злое чувство; Глѣбъ снова начиналъ злиться.

— Я васъ прошу безъ совѣтовъ. Втянетъ или нѣтъ — не ваше дѣло. Напередъ нить не стану; я вѣдь не изъ плаксивыхъ, драхлыхъ господъ, которые вѣчно киснутъ и топорщатся, точно безъ нихъ міръ провалится.

— Это кто-же? подскочилъ на диванѣ Крутовской.

— Ваша братія! рѣзко сказалъ Глѣбъ. — Либералы, которые въ рукахъ ловкаго человѣка стануть...

— Чѣмъ? вскочилъ, какъ ужаленный, Крутовской.

— Стриженными овцами! пришилилъ Черемисовъ. — Пора намъ объясниться, Крутовской, продолжалъ Глѣбъ тихимъ, ши-

пащимъ голосомъ.— Вы начали, я докончу. Васъ, какъ и многихъ, бездѣлье и самолюбіе заѣсть, вспомните это! Заѣсть и сдѣлаетъ или новѣйшими Печоринными или добродѣтельными охранителями сосуда либерализма, завѣщаннаго вамъ въ оныя дни. Какъ вы стали на одну точку, дальше не пойдете—отчасти по невѣжеству, отчасти по лѣни, и всякого, кто пойдетъ дальше, будете въ самомъ началѣ производить въ прохвосты... Отъ жизни отстанете и жизнь останется впереди васъ... Вамъ нужна палка съ именемъ. Скажи эта палка, что я геній, вы первый на меня молиться станете,—я это знаю. И тѣмъ печальнѣе, что вы одинаково быстро кумиры создаете и одинаково быстро ихъ развѣнчиваете... Самостоятельности — ни на ломаный грошъ! Зеркало вамъ чаще показывать нужно. Зеркало нелицепріятное, въ которомъ-бы стадо казалось стадомъ, а не борцами!

Крутовской слушалъ эту злостную, страстную рѣчь, прищуриа глазки и подобравъ побѣлѣвшія губы. Онъ пристально смотрѣлъ на Глѣба и крикнулъ:

— Стара гѣсня...

— Нѣтъ, нова и вы это чувствуете...

— Я пришелъ предупредить васъ, а вы...

— Довольно! сухо перебилъ Глѣбъ. — У меня дѣло есть...

— Бѣлки въ колесѣ!.. не могъ не подсказать взбѣшенный

Крутовской.

— Хотя-бы и это! а затѣмъ, прощайте! тихо шепнулъ Глѣбъ и лицо его исказилось такимъ злымъ, жестокимъ выраженіемъ, что Крутовской подошелъ къ двери и вышелъ вонъ.

Когда онъ очутился на улицѣ, ему сдѣлалось какъ-то скверно. Злость исчезла подъ вліяніемъ сцены, окончившейся такимъ полнымъ разрывомъ. Былъ близокъ съ человѣкомъ и вдругъ! За что разошлись? Изъ-за чего вся эта глупая ссора? Я шель покаяться въ пакости и снова началъ гадить... фу, мерзость! Крутовской зашелъ въ трактиръ и спросилъ вина. Онъ залпомъ выпилъ бутылку и сильнѣй почувствовалъ раскаяніе. Онъ вѣдь искренно считаетъ Глѣба честнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ — нѣтъ, вретъ! — любить Глѣба. Онъ готовъ теперь-же вернуться къ нему и искренно броситься на шею. Онъ сейчасъ-же это сдѣлаетъ! Дѣйствительно, Крутовской вышелъ изъ трактира и чуть не бѣгомъ добѣжалъ до стрекаловскаго дома. Онъ подошелъ къ

нему, постоялъ и не рѣшался войти. Самолюбіе подняло голову. Со слезами на глазахъ отошелъ онъ прочь, разрывая отношенія съ близкимъ человѣкомъ.

XXII.

Глѣбъ долго шагаль по комнатѣ. „Бойцы, нечего сказать!?“ повторялъ онъ не безъ презрѣнія и къ Крутовскому, и къ самому себѣ. „Ай да дѣятели! Чуть задѣли самолюбіе, такъ-что твои собаки!“ И вся сцена съ Крутовскимъ представилась ему въ такомъ мелкомъ, пошловатомъ свѣтѣ; онъ вспомнилъ прежнія подобныя-же размолвки изъ-за выѣденнаго яйца; онъ предвидѣлъ такія-же въ будущемъ и изъ груди его вылетѣлъ непріятный, рѣзкій, сухой смѣхъ. На глазахъ его рѣдѣла вучка людей, связанныхъ, повидимому, общими интересами... И люди не дурные, а всё врозь: кто въ лѣсъ, кто по дрова. „О проклятая сѣренькая жизнь, подкрашенная гостепріимной сплетней, что ты дѣлаешь! Мы, какъ прусаки въ банкѣ, ѣдимъ другъ друга съ остервенѣніемъ, и сами радуемся!“ Глѣбъ взглянулъ на свою работу. Видитъ—масса исписанной бумаги. Неужто опять даромъ? Цифры прыгали передъ его глазами и, точно поддразнивая, нащепывали: „бѣлка ты въ колесѣ, глупая бѣлка!“

„Посмотримъ, посмотримъ!“ шепснулъ Глѣбъ съ такой рѣшимостью, точно вызывалъ на бой не одного Стрекалова, а цѣлые тысячи Стрекаловыхъ. „Кто кого? Не время бередить себя разными сомнѣніями. Намѣтилъ цѣль, не отступай — иди! Помѣняютъ, — столкнемъ, пусть плачутъ, коли могутъ. Ты ихъ не столкнешь, — они столкнутъ. Ты ихъ не обойдешь, — они обойдутъ...“

Онъ тихо улыбался жесткой улыбкой, глаза блеснули знакомымъ огонькомъ, вся его плотная, здоровая фигура дышала какой-то юношеской, задорной отвагой.

Онъ подошелъ къ окну. Прохладная струя ночного свѣжаго воздуха освѣжила его горячую голову. Онъ вглядывался во мракъ ночи и задумался...

„А вѣдь жить хочется!“ вдругъ вырвался изъ груди его искренній стонъ.

И какъ-бы въ отвѣтъ на это восклицаніе, изъ-за мрака вѣт-

вей слышался шорохъ и вслѣдъ затѣмъ раздался тихій шопотъ:

— Черемисовъ!

Глѣбъ взглядывалъ, но никого не видалъ.

— Черемисовъ! снова прозвучалъ громче прежняго нѣсколько рѣзкій гортанный голосъ и внизу, подь окномъ, вырисовался силуэтъ знакомой маленькой фигурки француженки.

Глѣбъ наклонился надь окномъ.

— Вы глухи, Черемисовъ?

— Что вамъ угодно?

— Идите гулять... Видите, что за ночь.

— Гулять? бессознательно повторилъ Глѣбъ.

— Медвѣдь! шепнула Ленормъ. — Конечно, гулять! Или нельзя? Дѣло станеть? не безъ ироніи хихикнула француженка.

Глѣбъ быстро очутился въ саду.

Маленькая ручка крѣпко пожала руку Черемисова.

— То-то, а я думала, что вы не придете, все за этими глупыми счетами сидѣть станете? Давайте-ка руку. Глѣбъ подаль. Она ловко положила свою и оперлась. — Теперь идемъ, хочется подышать на свободѣ!..

Они молча шли густой адлеей въ самую глубь сада. Обоишь дышалось привольно на свѣжемъ ночномъ воздухѣ.

— Мы такъ и будемъ молчать, какъ влюбленная пара? засмѣялась Ленормъ, слегка подталкивая плечомъ Глѣба. — Вы, кажется, не похожи на влюбчиваго человѣка, правда?

Глѣбъ засмѣялся.

— И не влюблялись?

— Влюблялся...

— Расскажите, это должно быть забавно?

— Не особенно...

— И признавались въ любви?

— И признавался!

Оба весело захохотали.

— И были клятвы?

— Не было...

— То-то... Иначе вы не были-бы интересны.

— А теперь?

— Ага! И вы не безъ кокетства. Хочется знать? лукаво шепнула Ленормъ, близко наклоняясь къ Глѣбу.

— Ну? какъ-то грубо спросилъ Глѣбъ.

— Безъ грубыхъ „ну“, сердитый медвѣдь,—я не русская и этихъ „ну“ не люблю... Опять руку отнял? Не могу-же я въ темнотѣ безъ руки ходить... Что-же вы?

„Эка юла!“ подумалъ Глѣбъ и подаль руку.

— Такъ хочется знать? Хорошо, скажу: вы интересный медвѣдь... довольны? Господи, онъ молчитъ. Жаль, луны нѣтъ: я-бы увидала, смѣтаетъ вы или нѣтъ? Вамъ смѣшно?

— А что, если-бы насъ увидала почтенная леди? весело спросилъ Черемисовъ...

— Живыми-бы съѣла! смѣялась Ленормъ. — Кстати, неужто вамъ этотъ домъ не опротивѣлъ?..

— А вамъ?

— Мнѣ—давно... Если-бы только я могла его оставить!..

— Такъ зачѣмъ-же дѣло?..

— За *voige* и *manger*, мой непонятливый рыцарь... Только за этимъ... Но я не долго буду въ этой клѣткѣ, я не изъ домашнихъ животныхъ, нѣтъ!..

— А изъ какихъ?..

— Изъ хищныхъ! весело сказала французенка.—Мнѣ душно здѣсь—воли хочется, простора, жизни...

„Ишь ты какая!“ подумалъ Глѣбъ...

— А развѣ моя жизнь—жизнь?.. Да лучше...

Она не докончила и замолчала.

— Что лучше?

— Вы — ригористъ... этого не поймете... Впрочемъ, мнѣ не все-ли равно — лучше купить право, если его не имѣешь, жить какъ хочется, чѣмъ тянуть эту скучную лямку...

— Какъ купить?

— Такъ купить! Послушайте, Черемисовъ, какъ вы думаете, могу я поступить на сцену?

— Отчего-же?..

— Понравлюсь?..

— Пожалуй...

— Я вѣдь родилась въ Россіи, русскій языкъ знаю, говорю хорошо и мнѣ хочется попробовать. И вамъ понравлюсь? Да? Со-

всѣмъ шептала Ленормъ, черезчуръ близко наклоняясь къ лицу Глѣба.

Глѣбъ испытывалъ какое-то особенное чувство. Эта дивная ночь, близкое присутствіе женщины, которая такъ лукаво и нѣжно заигрывала—все это отуманило его. Бровь прилила къ головѣ и онъ такъ сжалъ руку французенки, что захрустѣли кости.

— Ай! вскрикнула она, — больно... Настоящій русскій медвѣдь... Такъ понравилась-бы? А богатымъ старцамъ поправлюсь?

— Что это вы говорите... какую гадость!

— Что за гадость... Я не намѣрена свой вѣкъ коротать по-вашему... Лучше сгорѣть, но сгорѣть не безъ блеска... Послушайте... вѣдь...

Она замолчала и тихо плакала...

— Что съ вами?..

— Ничего, пройдетъ... Вѣдь вы не кинете камня, вы не добродѣтельная Стрекалова. Я не могу выносить болѣе, я здѣсь задыхаюсь... Но жить въ бѣдности еще хуже... И остается — одинъ исходъ...

— Да вы бредите?..

— Я вамъ сказала, я изъ хищныхъ и, значить, дѣлу ко-нець... Не говорите болѣе ни слова, не разубѣдите. Я рѣшилась давно, случая только не подыскала! оборвала она съ такой рѣшимостью въ голосъ, что Глѣбъ замолчалъ.

— Вотъ и пропало веселое расположеніе духа.. А все вы... Эхъ вы... А знаете-ли что, мой медвѣдь?..

— Что?

— Сядемте-ка... засмѣялась дѣвушка какимъ-то нервнымъ смѣхомъ.

Они сѣли недалеко отъ бесѣдки.

— А вамъ не противна ваша жизнь?

— Нѣтъ.

— И вѣчно ломовая лошадь?

— Даже ломовая...

— А послѣ скромныя похороны?

— И даже безъ некролога! засмѣялся Черемисовъ.

— Мы не похожи другъ на друга! Экія дивныя звѣзды. И какъ онѣ на насъ пристально смотрятъ. И какъ онѣ, я думаю,

подсмѣиваются! полусутоливо, полугрустно шептала французенка, ласково кладя руку на плечо Глѣба.

— Чему?..

Она не отвѣтила ничего, быстро векочила и, обхвативъ голову Глѣба, крѣпко прильнула къ его устамъ.

— Какой ты хорошій! шепнула она.

Глѣбъ обхватилъ молодое, гибкое тѣло, сдавилъ его и потомъ быстро оттолкнулъ отъ себя.

— Къ чему? сухо сказалъ онъ.

— Ты можешь спасти меня! страстнымъ шопотомъ говорила бѣдная дѣвушка, — одинъ ты... Или не видишь, я люблю тебя, злой мой медвѣдь... люблю...

И она схватила его руку и облила ее горячими слезами. Прошла минута. Она встала и рѣзко спросила:

— Я жду отвѣта?

Глѣбъ молча пощипывалъ бороду.

— Придется спросить его у старцевъ?..

— Вѣришь, что такъ!..

— Спасибо за откровенность. Люблю это; по крайней мѣрѣ, на чистоту дѣло... честно! холодно замѣтила дѣвушка и умолкла...

— Пойдемте-ка по домамъ... Руки не надо... Впрочемъ, стойте, не сердитесь, я васъ еще разъ поцѣлую.

Она быстро прикоснулась горячими губами къ его лбу. Глѣбъ поцѣловалъ ея руку.

Вдругъ въ бесѣдѣ что-то шелохнулось и точно тѣнь промельнула въ устахъ. Ленормъ быстро схватила руку Глѣба и испуганно къ нему прижалась. Глѣбъ повернулъ голову и облякнулъ. Никого не было. Они тихо прошли аллею и молча разошлись. Ленормъ поднялась къ себѣ въ комнату взволнованная... лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, на глазахъ дрожали слезы. Она быстро раздѣлась, бросилась въ постель и разразилась истерическими рыданіями...

Ольга тоже не спала. Она только-что вернулась другою дорогой изъ сада, гдѣ невольно подслушала чужую тайну. Ея почему-то было досадно на Ленормъ и на Глѣба. Ея строгое лицо было блѣднѣе обыкновеннаго и сѣрые ея глаза глядѣли какъ-то грустно, задумчиво. Молодая дѣвушка вошла въ свою спальню, тихо распустила передъ зеркаломъ свои длинныя косы и такъ

просидѣла нѣсколько времени. Потомъ медленно поднялась, подошла къ столу, вынула изъ потаеннаго ящика книжку въ бархатномъ переплетѣ, отомкнула ее ключикомъ, висѣвшимъ на шеѣ вмѣстѣ съ золотымъ крестомъ, и сѣла писать свой дневникъ, который она держала въ большой тайнѣ отъ всѣхъ... Никто не зналъ, что эта странная дѣвушка, обыкновенно молчаливая, одной бумагѣ повѣряетъ свои думы, сомнѣнія и дѣвическія тайны...

Она писала долго, спрятала дневникъ и облокотилась на столъ. Тихія слезы лились изъ ея задумчивыхъ глазъ. Она ихъ не вытирала.

Дѣвущкѣ было жутко. Она снова встала и медленно опустилась на колѣни передъ образомъ. О чемъ она молилась? Впрочемъ, молитва не успокоила ее и она легла въ постель, тихо, какъ дитя, всхлипывая.

На утро, когда обѣ дѣвушки встрѣтились, онѣ обѣ почему-то покраснѣли и какъ-то сухо поздоровались.

XXIII.

Александръ Андреевичъ Колосовъ не потерялъ даромъ мѣсяца. Онъ хлопоталъ, гдѣ только могъ, стараясь залучить на свою сторону всякаго грязнопольца, не безъ гордости называвшаго себя „избирателемъ“. Съ грязнопольскими либералами Колосовъ былъ либераль; вмѣстѣ съ ними онъ мягко, нѣжно, съ оттѣнкомъ меланхоліи журилъ администрацію и грязнопольскій институтъ городскихыхъ; жаловался на неимѣніе водопроводовъ, газа и грязнопольско-бакшеевской линіи, по которой грязнопольская губернія снабжала-бы столицы арбузами и дынями; поощрялъ школы, сыровареніе и добрую нравственность и даже при словѣ „классическое образованіе“ какъ-то иронически улыбался и значительно покачивалъ головой. Съ славянофилами (были и такіе) Александръ Андреевичъ декламировалъ Хомякова, распинался за Аксакова и въ дружеской бесѣдѣ на распашку пилъ за „просвѣтленіе народнаго самосознанія“ и проклиналъ нѣмцевъ и гнилой западъ; съ большинствомъ-же грязнопольскихъ сеньоровъ Александръ Андреевичъ разыгрывалъ роль завятаго крѣпостника и въ самомъ азартномъ кружкѣ „бѣлыхъ“ Александръ Андреевичъ съ таинствен-

ностью итальянскаго карбонарія читаль „меморій“ одного „замѣчательнаго господина, дворянина изъ Тамбова“, въ которомъ самыми ужасными красками было изображено положеніе государства. Меморій этотъ, устроившій даже редакцію „Вѣсти“, ходилъ въ то время по рукамъ въ рукописи и Александръ Андреевичъ произвелъ большой эффектъ, ознакомивъ съ этимъ твореніемъ грязнопольскихъ патриціевъ. И рѣчь его была иная, чѣмъ съ либералами: съ тѣми онъ былъ мягокъ и нѣженъ; тутъ онъ гремѣлъ и требовалъ, такъ что становилось даже страшно. Съ однимъ бородатымъ негоціантомъ Александръ Андреевичъ никакъ не могъ сладить. Хотя онъ и жаловался, что „высоколъ въ соборѣ малъ“, и что „не мѣшало-бы ходатайствовать объ открытіи кабаковъ до обѣдни“, тѣмъ не менѣе дѣло его у господъ купцовъ не выгорало. Они своими боками знали доброту Александра Андреевича, и хотя кричали и соглашались, что „колоколъ въ соборѣ малъ“, но тѣмъ не менѣе помнили о привычкѣ Колосова черезчуръ фамиллярно относиться къ кредиту...

Послѣ объясненія съ мужемъ, Надежда Алексѣевна нѣсколько поблѣднѣла, похудѣла и стала задумчивѣй... Она уснѣла обдумать свое положеніе и разъяснила Айканову взглядъ мужа на ихъ отношенія. Айкановъ вспылилъ и находилъ, что это „гнусно“, что „надо все кончить“.

— Или я, или онъ! твердилъ молодой человекъ.

— Ты, ты, мой милый! страстнымъ шопотомъ отвѣчала Надежда Алексѣевна, ласкаясь къ Айканову.

Счастливые любовники и не догадывались, что въ эту минуту за ними наблюдалъ вовсе непрощенный глазъ Александра Андреевича. Онъ тихо, на цыпочкахъ, подкрался къ спальнѣ жены и глядѣлъ въ замочную скважину. Тонкая улыбка скользила по его губамъ.

— Или я, или онъ! мысленно передразнивалъ своего соперника Александръ Андреевичъ. — Дуракъ ты, дуракъ! Пользовался-бы счастіемъ, коли дають его, смиренненько. А то посмотрю, что запоешь, коли изъ акциза выгонять... Небойсь, или я, или онъ не запоешь!?. Экая институтка—моя благовѣрная... Такъ и льнетъ... такъ и льнетъ!

Постоявъ минуты съ двѣ, Колосовъ также тихо, какъ пришелъ, скользнулъ въ свой кабинетъ.

— Скандала въ родѣ бѣгства не будетъ! размышлялъ онъ.— Бѣжать она не захочетъ... *voige* и *manget* надо... Любовью занимайся, другъ, но только не муди! мысленно предостерегъ онъ Айканова.

Въ голову Александра Андреевича какъ-то тихо подкралась мысль о дѣтахъ; онъ поморщился, улыбнулся и потеръ подбородокъ.

— Айкановъ молодецъ, того и гляди, дуракъ, подаритъ меня младенцемъ. Колосовъ сдѣлалъ кислую гримасу и закурилъ сигару.— Начнутъ поздравлять... Стрекаловъ что-нибудь да съостритъ, ну, и все-жъ твое чадо, заботься! усмѣхнулся Колосовъ.

Александръ Андреевичъ успокоился и усердно присѣлъ къ столу за занятіа.

За чаемъ Александръ Андреевичъ былъ очень любезенъ и съ женой, и съ Айкановымъ, и съ Лампадовымъ, незамѣтно очутившемся у чайнаго стола. Лампадова онъ шутиливо поздравлялъ съ гонораромъ въ 1½ тысячи и напомнилъ, что Иванъ Петровичъ что-то очень медленно исполняетъ нѣкоторыя его порученія, такъ что привелъ въ смущеніе застѣнчиваго своего секретаря; женѣ разсказалъ онъ свѣженькій анекдотъ о Настасьѣ Дмитріевнѣ Стрекаловой, а съ Айкановымъ былъ ласково серьезенъ. Онъ освѣдомился о томъ, что новаго у нихъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, велики-ли штрафныя деньги, и шутя замѣтилъ, что Василью Васильевичу пора быть ревизоромъ. Кстати спросилъ объ интересныхъ статьяхъ въ журналахъ и пожаловался на грязнопольскую бібліотеку.

Сухихъ, даже рѣзкихъ отвѣтовъ Айканова Колосовъ, казалось, не замѣчалъ и не слыхалъ, и, съ апетитомъ выпивъ двѣ большихъ чашки чаю, всталъ изъ-за стола и ушелъ въ кабинетъ съ Лампадовымъ, ласково поцѣловавъ жену въ лобъ и крѣпко пожавъ руку Айканову, причемъ прибавилъ:

— Мы съ Иваномъ Петровичемъ до поздней ночи опять за работу, такъ вы, Василій Васильевичъ, не оставляйте Надю одну... она соскучится... Да и обѣдать заходите. Вы вѣдь знаете, вашъ приборъ у насъ всегда за столомъ.— Ну, мой министръ... говорили съ тятенькой, а?... допрашивалъ Колосовъ въ кабинетѣ своего секретаря.

— Онъ пьянствуетъ все-съ...

— Цѣлый мѣсяць? Долго что-то... Да коли вамъ некогда, милѣйшій, скажите. Мы какъ-нибудь иначе, а?..

— Отчего-же-съ...

— А вѣдь хороша дѣвочка?.. подмигнулъ глазомъ Александръ Андреевичъ.

— Красива-съ...

— Такая худенькая... неопытная... да?.. Нѣтъ, вы, дружище, непременно узнайте, тятеньку отрезвите и пришлите ко мнѣ... А теперь за дѣло...

Оба стали работать. Но только Иванъ Петровичъ работалъ плохо; онъ какъ-то исподобья взглядывалъ на своего патрона и глазки его моргали безъ обычнаго добродушія. „Одно спасенье— сатира!“ думалъ онъ, почему-то называя всякую печатную статью сатирой. „Не забылъ, нѣтъ! Шалишь!“

— Да вы, Ваничка, влюблены, что-ли? вдругъ со смѣхомъ обратился Александръ Андреевичъ.

Лампадовъ побагровѣлъ.

— Есть грѣхъ, а? шутилъ Колосовъ.

Ивану Петровичу приходилось очень жутко отъ этого шутиваго тона. Его некрасивая физиономія приняла такое умоляющее выраженіе, что даже Колосову стало жаль.

— Да вѣдь я шучу, мой министр... Вижу—вы перепутали бумаги, ну и сказалъ-бы... Нездоровы, быть можетъ? совѣмъ ласково добавилъ Колосовъ...

— Нездоровъ-съ! точно прокричѣлъ Лампадовъ.

— Ну, и ступайте съ богомъ домой... Вѣдь какой—не скажетъ. Идите, родной... Поправитесь — догоните; работникъ-то вы незамѣнимый!..

И, ласково отпустивъ Лампадова, Колосовъ остался за работой одинъ. „Туда-же! улыбнулся онъ, принимаясь за бумаги, — старая подошва, а влюбленъ!..“

Послѣ ухода Александра Андреевича, Айкановъ и Колосова переглянулись. У обоихъ промелькнуло глубокое чувство отвращенія...

— Это невозможно... уѣдемъ отсюда...

— А мужъ? какъ-то испуганно шепнула Колосова.

И обонимъ совершенно ясно представилась невозможность рѣшительнаго шага. „Что я сдѣлаю безъ средствъ?“ думаль Айкановъ. „Какъ я пойду противъ мужа?“ подумала Надежда Алексѣевна. Оба нахмурились.

Впрочемъ, скоро снова пошли ласки и влюбленные забыли и о рѣшительномъ шагѣ, и обо всемъ на свѣтѣ.

— Господи... что-же я дѣлаю!? почти вскрикнула Надежда Алексѣевна, расправляя свои кудри передъ зеркаломъ послѣ ухода Айканова... Служить двумъ богамъ? Какъ это гнусно! До чего я дошла!..

Она, горько плача, бросилась на свою постель.

XXIV.

На другой день Александръ Андреевичъ ждалъ къ обѣду князя Вяткина; обѣдъ по этому случаю былъ заказанъ самый тонкій и вина приготовлены отборныя. Въ ожиданіи пріѣзда князя, Колосовъ бесѣдовалъ въ кабинетѣ съ толстымъ, маленькимъ, бѣлокурымъ человѣчкомъ, говорившимъ нѣжнымъ теноркомъ, причемъ его свѣтлыя глазки глядѣли такъ добродушно, что вы безъ всякой опасности рѣшились-бы положить этому добродушному человѣчку въ ротъ свой палецъ. Онъ былъ одѣтъ по модѣ, носилъ очки и смахивалъ скорѣй на почтеннаго нотариуса, чѣмъ на помѣщика, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Колосовъ лебезилъ около маленькаго человѣчка и настойчиво просилъ его потерпѣть.

— Отчего не потерпѣть... Вы знаете, Александръ Андреевичъ, на сколько я... Рыбаковъ (такъ звали бѣлокураго господина) оставилъ и перевелъ духъ.

— Знаю, дорогой мой, и я вѣдь...

Оба помолчали и взглянули другъ на друга.

— Такъ въ чемъ-же затрудненіе?..

Рыбаковъ вмѣсто отвѣта засмѣялся и прибавилъ:

— Князь пріѣхаль... Поговоримъ послѣ...

Колосовъ выбѣжалъ и встрѣтилъ князя у крыльца. Это былъ очень дряхлый, морщинистый князь, съ фальшивыми зубами и въ

парикѣ. Онъ впрочемъ бодрился и засеменялъ по лѣстницѣ съ видимымъ желаніемъ показать, что онъ еще можетъ бѣгать. Онъ прямо прошелъ съ Колосовымъ въ кабинетъ и, кивнувъ головой Рыбакову, медленно опустился въ кресло.

— Я и говорю... кому бишь?.. да; вспомнилъ—графу Аракову въ клубѣ... я и говорю: тутъ, графъ, не полиція виновата... Впрочемъ, что-же это я безъ предисловія, улыбнулся князь Вяткинъ... Заспорили мы, Александръ Андреевичъ, съ графомъ... Я и говорю...

— „Скорѣй-бы ты говорилъ только!“ подумалъ Колосовъ, усаживаясь подлѣ князя.

— Я и говорю: нѣтъ, говорю, графъ,—а вы знаете, графъ опять не у дѣлъ... не потрафилъ нынѣшнимъ! какъ-то кисло усмѣхнулся князь,—тутъ не полиція виновата, что вездѣ знаете-ли. Морщинистые пальцы въ кольцахъ описали вензель въ воздухѣ.—Вина вся въ бю-ро-кра-тіи! произнесъ князь съ такимъ-же точно торжествомъ, съ какимъ Колумбъ открывалъ Америку.—Наши кровныя денежки проживаютъ: мы, землевладѣльцы, платимъ подати, а они... Опять пальцы зачертили воздушные вензеля... Я и говорю: графъ, пока мы не примемъ мѣръ, бѣдная наша родина не станетъ на ноги. Вотъ Катковъ завелъ лицей и слава Богу, а то что вездѣ? Графа-то Аракова сынъ лягушекъ рѣжетъ, какіе-то инсекты собираетъ, а?.. Какъ вамъ это нравится?

Всю эту безсвязную рѣчь ветхаго князя Александръ Андреевичъ слушалъ съ видомъ глубокаго умиленія и, когда лепетъ князя пресѣлся, Колосовъ сказалъ:

— Князь! Ваши слова да золотыми буквами-бы напечатать... Вотъ что, князь.

Старикъ окончательно разнуздался и въ его тусклыхъ глазахъ заблесталъ огонекъ.

— Нравится, а? А дочь генерала Фендрикова, сына героя отечественной войны, выходитъ за лекаришку... Что-же это такое?.. И какой-нибудь еmploуé, изъ поповичей, говоритъ: „я членъ судебного института“... Нравится?.. Института? До чего все это дойдетъ... Я и говорю княгинѣ, нѣтъ, виновать, графу...

— Князь... ваше сіятельство! Я-бы привелъ-бы сюда нашихъ лѣвыхъ, лѣвыхъ привелъ-бы сюда и посмотрѣлъ-бы, что они заговорили-бы послѣ вашихъ словъ? Чай, языки-бы свои пригнусли? съ пафосомъ замѣтилъ Колосовъ.

Рыбаковъ не безъ улыбки внималъ этой сценѣ.

— И знаете-ли, достойный Александръ Андреевичъ, не уни-
мался расходившійся старикъ,—я въ свободное время и проектъ
написалъ...

— „Этого только недоставало, старый ты дуракъ!“ въ одно
время подумали Колосовъ и Рыбаковъ.

— О чемъ, князь?

— Послѣ въ управу отдамъ... Дѣлайте, что хотите, мемо-
рандумъ мой называется: „Объ образованіи молодого поколѣнія
въ классическомъ духѣ православія, смиренномудрія, терпѣнія и
любви!“

— Князь... Дайте раньше прочесть... Вѣдь такія вещи—цѣн-
ность...

Старикъ совсѣмъ сталъ терять контенансъ.

— Хорошо... пришло... лепеталъ онъ, точно мысли выползали
у него изъ головы въ видѣ круглыхъ голыхъ камешковъ.—Тутъ
не полиція... тутъ энергія нужна... общія мѣры... я предлагалъ...
не послушали...

— И не мудроно, князь. Вотъ вы святую истину изводили
говорить, а поймутъ-ли ее у насъ? Вотъ хотъ-бы наши лѣвые,
слышали, что они хотятъ?..

— Что?

— Стрекалова выбрать! тихо отчеканилъ Колосовъ.

— Стрекалова? переспросилъ князь.

Бѣдняга даже побагровѣлъ и голосъ его задрожалъ при этой
новости.

— Чтожъ? Вы полагаете, князь, не выберутъ?..

— Ни за что въ свѣтѣ... Вѣдь онъ... Онъ у меня въ домѣ
говорилъ, что мы все проѣли и пропили... а?.. Въ домѣ?.. Мер-
завецъ! Да я не позволю...

Жаль было смотрѣть на лицо бѣднаго стараго князя, обтяну-
тое, худое, съ выдавшимися губами, дрожавшими отъ гнѣва и
волненія; словно собака какая укусила князя и онъ чуть не кри-
чалъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

Александръ Андреевичъ молча смотрѣлъ на этотъ спектакль,
внутренно радуясь, что князя, по выраженію Колосова, „проѣха-
ли по животу“.

— Я имъ покажу... У меня, слава богу, еще связи не порваны... Н-н-ѣ-ѣ-тъ!.. Стрекалову не бывать!..

Для объясненія ненависти князя къ Николаю Николаевичу надо сказать, что князь, благодаря стрекаловскимъ заводамъ, принужденъ былъ закрыть свои и съ тѣхъ поръ одно имя Стрекалова приводило его въ бѣшенство.

Колосовъ переглянулся съ Рыбаковымъ, словно спрашивая: „что, молъ, хорошо нажучилъ?“ на что Рыбаковъ отвѣчалъ быстрымъ, лукавымъ взглядомъ изъ подъ очковъ: „хорошенько его, хорошенько!“

А князь свирѣпѣлъ.

— Вашими устами да медъ-бы пить! заговорилъ Колосовъ.

— Слѣпцы, что-ли, наши избиратели? вкрадчиво поддакнулъ Рыбаковъ. — Вождь нашъ отмѣченъ, можно сказать, перстомъ божьимъ... Кому-жъ вождемъ быть кромѣ князя!

— Спасибо... Польщенъ... благодарю... прошамкалъ растроганный старикъ. — Но я старъ и — что дѣлать? — пока долженъ быть въ Москвѣ... Но мое благословеніе на Александра Андреевича... Онъ молодъ, силенъ... Онъ достоинъ...

— Князь... ваше сіятельство!.. изнывалъ Колосовъ.

Тутъ произошла одна изъ тѣхъ чувствительныхъ сценъ, во время которой всѣ дѣйствующія лица, точно по командѣ, лѣзутъ въ карманы за носовыми платками... Князь облобызалъ Колосова и оба вытерли слезы... Рыбаковъ для приличія мялъ платокъ въ рукахъ...

— Я-бы не прочь, князь, нѣжно пѣлъ Колосовъ, — но противъ меня враговъ много... Стрекаловская партія...

— Стрекаловъ? опять взбѣлился старикъ. — Ваши враги — мои враги... Этотъ либераль? Этотъ барышникъ, погубившій мои заводы? Нѣтъ, я еще, божьей милостью, не совѣмъ слабъ... Я всѣмъ дворянамъ порекомендую васъ... Вы — и больше никто!..

Тутъ князь далъ наставленіе Колосову насчетъ того положенія, въ которое должно быть поставлено земство, дабы „принципъ крови не потерпѣлъ ущерба“. Колосовъ, слушая старческой лепетъ, утверждалъ, что онъ „будетъ дѣйствовать, твердо памятуя отеческое благословеніе именитаго старца“.

Опять сцена. Опять пришлось лѣзть за платками.

— Я, право, жалѣю, князь, замѣтилъ, помолчавъ, Колосовъ, — что сказалъ вамъ о Стрекаловѣ. Не разстроилъ-ли я васъ?

— Ничего, ничего... бодрился старикъ.

— Да здѣсь и душно, князь... накурили... Не угодно-ли къ женѣ, она такъ всегда рада васъ видѣть.

— Отдохну... душно... благодарю... пойду... лепеталъ бѣдный старикъ. — Надежда Алексѣевна прелестна, мой милый Александръ Андреевичъ, только не позволяетъ мнѣ ухаживать... хе... хе... хе, оскалился князь.

— Э, князь! Съ вашимъ умомъ всякая женщина будетъ рада, когда вы станете ухаживать.

Князю понравился комплиментъ. Онъ улыбнулся, какъ-то бессмысленно выпятивъ нижнюю губу, и замѣтилъ:

— Стариковъ нынче не любятъ... хе... хе... хе... Не любятъ, мой милый, шутилъ старикъ, нетвердыми шагами уходя, опираясь на плечо Колосова, изъ кабинета.

Рыбаковъ едва удерживался отъ смѣха.

— Добрый старикашка, сказалъ Колосовъ, возвращаясь къ Рыбакову, — но только...

И Александръ Андреевичъ, вмѣсто окончанія, показалъ на лобъ и медленно постучалъ пальцами по столу.

— Есть грѣхъ!.. смѣялся Рыбаковъ.

— Ну-съ, батюшка, такъ какъ-же насчетъ затрудненій? а? подсѣлъ къ Рыбакову Колосовъ. — Теперь вы убѣдились, что старикашка за меня?.. Выберутъ, что-ли, Стрекалова?

— Богъ вѣсть. Интригуетъ онъ, мнѣ это весьма коротко извѣстно, и его шансы не меньше вашихъ...

— Вы думаете? искоса поглядѣлъ на гостя Колосовъ, желая прочесть на лицѣ, вретъ онъ или говорить правду.

Но лицо маленькаго бѣлокурого человѣка было, по обыкновенію, застлано тѣмъ свѣтски-добродушнымъ выраженіемъ, сквозь которое, какъ сквозь туманъ, ничего не видать...

— Думаю и даже, какъ нейтральное лицо, самъ заручился четырьмя голосишками; знаете-ли, пріятно, когда найдешь людей себѣ сочувствующихъ... ну, и подыскалъ...

— Такъ, значить вы за меня?

— За кого-же?

Обѣдъ удался, какъ нельзя лучше; вина были тонкія. Князю

то и дѣло подливали икему; онъ млѣлъ и не спускалъ глазъ съ Надежды Алексѣвны, а Рыбаковъ, съ апетитомъ поѣдая вкусныя блюда и заливая ихъ букетистыми винами, мысленно улыбался, припоминая, что онъ кушаетъ не стерлядь и не рябчики, а дворянскія денежки. „Голова у него башковатая!“ мечтавъ маленькій толстый обжора въ антрактахъ между блюдами и взглядывалъ на амфитріона не безъ нѣкотораго уваженія. „Умѣеть, бестія, жить!..“

Обѣдъ прошелъ весело и всѣ подпили. Даже у Колосова засоловѣли глаза. Старикъ растаялъ и даже шепталъ: „ah, si la vieillesse rouvrait“, за что Колосова сдѣлала строгую гримаску, а Колосовъ шутя отвѣчалъ, что такіе старики, какъ князь, затнуть за поясъ нынѣшнюю щедушную молодежь.

— Всѣ князья Вяткины издавна славились долголѣтностью... прибавилъ Александръ Андреевичъ.

— Да... нашъ родъ издавна отличался крѣпостью... Вы не повѣрите, прелестная Надежда Алексѣвна, что это были за крѣпыши... Куда нынѣшнимъ!

— Вѣрю, князь... Вы сами изъ крѣпкихъ! подшутила Колосова.

— Древній, древній родъ! съ уваженіемъ отнесся Рыбаковъ, смакуя шампанское.

— Гедиминовичи... Мы Гедиминовичи... Но только нынѣ насъ, Гедиминовичей...

Старикъ не окончилъ фразы, но на его посоловѣвшемъ лицѣ пробѣжала горькая улыбка, докончившая недосказанную фразу...

— Что-жъ Гедиминовичей?.. улыбалась Колосова.

— Не всегда цѣнять... Не всегда, Надежда Алексѣвна.

Послѣ обѣда всѣ пошли на балконъ, пили чай и кофе и вели разговоры, обличавшіе самое благодушное настроеніе. Князь забылъ „мѣры“ и говорилъ о природѣ не безъ сентиментальности:

— Вѣдь вотъ хоть-бы этотъ цвѣтокъ... цвѣтеть и вянетъ... Грустно!..

Колосовъ согласился, что „грустно, даже больше — обидно“ и вовсе не кстати замѣтилъ на распѣвъ, перевирая Лермонтова:

— Есть много непонятнаго въ созвучьи силъ живыхъ...

Даже Рыбаковъ и тотъ трепалъ свое откормленное брюшко не

безъ умиленія и ударился въ поэзію, рассказывая объ Италиі, о дивной, благословенной Италиі:

— Боже, какъ тамъ хорошо!..

Надежда Алексѣевна дремала подъ этотъ поэтический сумбуръ.

Часовъ въ десять гости разѣхались и Колосовъ ушелъ въ свой кабинетъ. Тамъ онъ еще долго сидѣлъ, потягивая елисейскій хересъ и былъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, которое находить на человѣка, наконецъ, увѣреннаго, что онъ скоро достигнетъ вождѣльной цѣли. Взвѣсивъ всѣ шансы и сообразивъ всѣ обстоятельства, онъ пришелъ къ убѣжденію, что все идетъ, какъ по маслу, и что предводительство съ предсѣдательствомъ уживутся, какъ самые лучшіе друзья. Онъ благодушно, очень благодушно вздохнулъ отъ легкаго сердца и не безъ глубокаго религіознаго чувства шепнулъ, осѣнивъ себя медленно крестнымъ знаменіемъ:

— Слава тебѣ Господи, слава тебѣ!

Былъ первый часъ ночи. Въ домѣ тишина. Колосовъ надѣлъ халатъ и тихо вышелъ изъ кабинета.

— Надя? Ты спишь? тихо постучалъ онъ въ двери спальни.

— Нѣтъ... Что тебѣ?

Колосовъ вошелъ въ полусвѣщенную матовымъ свѣтомъ комнату. Надежда Алексѣевна полулежала въ креслѣ въ бѣломъ пеньюарѣ. Грустная, задумчивая, она была очень хороша въ эту минуту. Увидавъ мужа, она вскочила, какъ ужаленная, съ кресла и испуганно, точно дѣвочка, крикнула:

— Что тебѣ?..

— Надя... милая ты моя Надя!..

И Колосовъ протянулъ губы, чтобы поцѣловать жену. Она отскочила назадъ и стала бѣлой рубашки. Губы ея дрогнули. Она вся превратилась испугъ.

— Чего испугалась, ребенокъ. Или ты не моя жена, Надя?

— Александръ... уйди! Ты вѣдь знаешь, я люблю другого.

— Такъ что-жь?.. Люби другихъ, но и меня люби... И мужа! мягкимъ, слегка пьяноватымъ голосомъ шепталъ Колосовъ и рѣшительно обнялъ свою законную жену.

— Подлецъ! крикнула жена и упала въ обморокъ.

Долго еще послѣ ухода мужа Надежда Алексѣевна была въ безчувственномъ состояніи. Она точно окаменѣла; она ничего не чувствовала, не слышала, не видѣла. Наконецъ, пришло сознание и горькія рыданія раздались въ спальнѣ; она утонулась въ подушку, смачивая ее слезами. Проходили минуты, проходили часы, а бѣдная женщина не переставала плакать. Она, было, искала оправданія и себѣ, и мужу и точно попадала въ какую-то бездну, которая, какъ неодолимая сила, тянула ее въ себя... Отчаяніе, и оскорбленное самолюбіе и отвращеніе къ нему, и къ себѣ, и нѣтъ оправданія!.. Если-же оно и подкрадывалось, словно змѣй-искуситель, въ сердце бѣдной женщины, то какой-то голосъ шепталъ ей: „а прежде? прежде? Развѣ не служила ты двумъ богамъ? И развѣ не привыкъ къ этому твой мужъ? Что-жь теперь ты мучаешься? Или и это порывъ? Опять порывъ, послѣ котораго снова примиренье?“

Бѣдная не находила отвѣта. Она страдала, и не дай Богъ никому испытывать такіа страданія.

А Колосовъ скоро заснулъ въ своей спальнѣ подъ вліяніемъ хорошаго хереса. Онъ спалъ и снились ему хорошіе сны. Снилось и портниха—эта худенькая, неопытная дѣвушка, до которой онъ не добрался, но надѣялся добраться... Словомъ, очень хорошія вещи снились Александру Андреевичу.

Пока жена рыдаетъ, а мужъ спитъ, читатель ниже можетъ узнать исторію нашихъ знакомыхъ Колосовыхъ, супружескому счастью которыхъ тоже не мало завидуютъ многіе добрые отцы и матери Грязнополя, наивно желающіе и своимъ дочерямъ такого-же счастья и довольства, какими пользуется, по ихъ мнѣнію, Надежда Алексѣевна.

Б. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПОДЪ ОДНОЙ КРОВЛЕЙ.

Ночи темнымъ покровомъ одѣтъ,
Шумный городъ покоится сномъ:
Мракъ вездѣ, только въ домѣ одномъ
Запоздалый видѣется свѣтъ.

Тамъ, забывшись на самый чердакъ,
За работою спѣшной своей,
Не смываетъ усталыхъ очей
Горемычный писатель-бѣднякъ.

Въ темномъ, грязномъ его уголкѣ
Нищета въ полной силѣ царитъ:
Тускло сальная свѣчка горитъ,
Пахнетъ сыростью, течь въ потолокъ.

Холодъ сѣверной лютой зимы
Проникаетъ сквозь щели окна;—
Обстановка здѣсь такъ-же бѣдна,
Какъ подъ сводами душной тюрьмы.

Почернѣвшія стѣны,—въ углу
Чемоданчикъ пустой для бѣды,
Столъ-калъка, такая-жъ скамья,
Да дырявый тюфякъ на полу.

Бѣдный труженникъ весь углубленъ
Въ непосильный, тяжелый свой трудъ,
Боже! Какъ онъ и блѣденъ, и худъ,
Какъ усталъ и измучился онъ!

Полонъ горькой прони взглядъ
И на юномъ лицѣ, отъ борьбы,
Противъ козней капризной судьбы
Ужъ морщинъ обозначился рядъ.

Проработавъ всю ночь напролетъ,
 Не пора-ли дать тѣлу покой?..
 Нѣтъ, своей ослабѣвшей рукой
 Онъ все пишетъ... А въ городѣ бьетъ

Пять часовъ. Чу! поютъ пѣтухи,
 Скоро городъ пробудится вновь
 И проснутся вражда и любовь,
 Наши страсти, мученья, грѣхи!..

Вотъ бѣдняга свой трудъ до конца
 Еле-еле довелъ и вздохнулъ,
 Легъ въ постель, какъ убитый, заснулъ,
 И улыбка не сходитъ съ лица...

Въ этомъ самомъ домѣ, только въ бѣль-этажѣ,
 Обстановка комнатъ далеко не та-же:

Убраны богато барскіе покои,
 Всюду бархатъ, бронза, цѣнные обои,

Золотая мебель, зеркала, картины,
 И ковры, и люстры, и трельяжъ въ гостиной.

Но средь обстановки, пышной и нарядной,
 Мучимый какой-то думой безотрадной,

Молодой хозяинъ глазъ сомкнуть не можетъ,
 Видно, злая дума сердце тайно гложетъ,

Видно, мыслей много въ головѣ толпится,
 Отъ которыхъ часто богачамъ не спится...

Да, подъ часъ бываютъ эти мысли горьки..
 ...Въ небѣ гаснутъ звѣзды передъ свѣтомъ зорьки,

День спѣшить на смѣну длинной, зимней ночи,
 А хозяинъ юный не смыкаетъ очи;

Мечется, вздыхаетъ на своей постелѣ;
 На глазахъ красивыхъ слезы заблестѣли

И на лбу высокомъ появились складки.
 Гдѣ-бы намъ, однако, понскать разгадки,

Что такое значать эти вздохи, слезы?
 Пошlostью-ль житейской, неизбежной прозой,
 Сильно утомленный, свѣтъ онъ проклинаетъ,
 Иль грѣхи былые съ грустью вспоминаетъ?
 Можетъ быть, друзьями онъ обмануть нѣзко?
 Разгадать не трудно... Вотъ лежить записка,
 —Яркая страница грустнаго романа,—
 Писана, какъ видно, жертвою обмана,
 Женщиной несчастной, брошенной, забытой,—
 Много въ этихъ строкахъ слезъ и горя скрыто!..
 Вотъ письмо другое съ фразою нескромной:
 „Гдѣ-же совѣсть ваша?“... Вотъ портретъ огромный,
 Превосходно снятый съ модной куртизанки,
 А въ pendant—картина „Бахусъ и вакханки“...
 На столѣ тетрадка шансонетовъ грязныхъ,
 Пошленькія книжки, кипа счетовъ разныхъ
 И бумажникъ тощій,—результатъ конечный
 Дней прожитыхъ дико, праздно и безпечно,
 Грубыхъ наслажденій, пьянства и разврата...
 Ранѣ сгубла юность, сгубла безъ возврата!..
 Въ перспективѣ голодъ, бѣдность, „долговое“...
 По неволѣ сна вѣтъ, ноетъ ретивое!..

Петръ Выковъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ПРУССІИ.

XII.

Нѣмцы, какъ мы говорили выше, изумительно хорошо разрабатывали детали, частности различныхъ педагогическихъ методовъ и системъ. Для подтвержденія этой мысли достаточно указать, напримѣръ, на разработку системъ Песталоцци и Фрѣбеля.

Основная идея Песталоцци, какъ извѣстно, очень проста. Онъ говоритъ, что при обученіи исходною точкою нужно брать то, что доступно нашимъ пяти чувствамъ; начиная съ этого, можно и должно идти дальше въ самыя глубокіе тайники науки. Но прежде всего нужно заботиться о томъ, чтобы ученіе переходило постепенно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ близкаго къ отдаленному, отъ легкаго къ трудному, и чтобы не было сдѣлано ни одного шага безъ основательнаго пониманія ученикомъ того, что онъ учитъ. При этомъ нужно уяснить ему каждое возрѣніе, анализировать каждое понятіе, но никогда не слѣдуетъ подсказывать ученику то, что онъ можетъ угадать или объяснить самъ. Учитель долженъ быть только помощникомъ ученика въ дѣлѣ мышленія; онъ долженъ вызвать ученика къ самостоятельному мышленію. Это, повидимому, такъ просто, такъ легко исполнить. Но на практикѣ подобныя простыя системы оказываются очень трудными и надо поработать очень серьезно, чтобы построить согласно съ ними все образованіе. Нѣмцы добросовѣстно трудились на этомъ поприщѣ и лучше, чѣмъ кто-нибудь, усвоили и примѣнили къ дѣлу взгляды Песталоцци. Не легче было имъ развить и приспособить къ воспитанію взгляды своего

соотечественника Фрѣбеля. Фрѣбель, родившійся въ 1782 году, былъ послѣдователемъ Песталоцци. По его мнѣнію, сущность воспитанія состоитъ въ развитіи каждой стороны человѣческой дѣятельности въ отдѣльной личности, причѣмъ эти стороны должны развиваться не отдѣльно, а всѣ вмѣстѣ, въ гармоніи между собою. Проводя эту мысль въ своихъ сочиненіяхъ, самъ Фрѣбель никогда не могъ достигнуть яснаго и простаго изложенія своихъ идей, вслѣдствіе чего его идеи толковались очень различно и служили какъ-бы простыми намеками, на основаніи которыхъ уже другіе строили свои системы. Но главная заслуга Фрѣбеля состояла безспорно въ томъ, что онъ занялся развитіемъ дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ, организовавъ на педагогическихъ основаніяхъ всѣ дѣтскія игры. Исходя изъ здравой основной идеи о необходимости осмыслить дѣтскія игры, онъ сдѣлался основателемъ такъ называемыхъ „дѣтскихъ садовъ“, изъ которыхъ первый появился въ Бланкенбургѣ. Съ 1837 года Фрѣбель посвятилъ себя исключительно воспитанію малолѣтнихъ дѣтей. Намѣреваясь устроить заведеніе для приготовленія воспитательницъ малолѣтнихъ, Фрѣбель умеръ въ 1852 году. У него, такъ-же какъ у Песталоцци, явились сотни, тысячи послѣдователей, пошедшихъ гораздо далѣе его. Они разработали до мелочей его основныя положенія, они систематизировали всѣ игры дѣтей, они назначили для каждаго возраста особныя игрушки, начиная съ какого-нибудь шара, висящаго надъ колыбелью едва взглянувшаго на божій свѣтъ ребенка. Въ этомъ сильная сторона нѣмцевъ и не намъ смѣяться надъ ихъ педантическою систематичностью, потому что мы-то сами страдаемъ болѣе всего отсутствіемъ послѣдовательной систематичности въ воспитаніи. У насъ есть добрые и злые, умные и глупые, ученые и невѣжественные воспитатели, но у насъ нѣтъ, совершенно нѣтъ систематическихъ воспитателей. Сегодня мы покупаемъ для ребенка фрѣбелевскія игрушки, а завтра восхищаемся, что онъ ѣздитъ верхомъ на палкѣ и машетъ во всѣ стороны игрушечной саблей и любитъ свою дрянную каску; сегодня мы стараемся сдѣлать воспитаніе ребенка реальнымъ, а завтра преподносимъ ему волшебныя сказки, доводящія его до галлюцинацій и до ужаса передъ бабой-ягой и змѣемъ-горынычемъ; сегодня мы прославляемъ Песталоцци, а завтра нашъ ребенокъ, еще незнающій не только родной страны,

но и родного города, читаетъ путешествіе куда-нибудь на дикія острова или, что еще хуже, „на луну“ и „подъ водою“, гдѣ были такъ смѣшаны съ небылицами, что и взрослый не всегда различить, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается ложь; сегодня мы заставляемъ ребенка ходить по стрункѣ, а завтра—завтра нашъ ребенокъ безчинствуетъ въ нашемъ отсутствіи, сколько его душѣ угодно. Да, у насъ нѣтъ систематичности въ воспитаніи, мы не сознаемъ, что мы хотимъ сдѣлать изъ своего ребенка:—самодура, патріота или гражданина. Мы не знаемъ, что нужно въ немъ развить: узкій эгоизмъ, kwasной патріотизмъ или широкую любовь къ человѣчеству. А нѣмцы — они знаютъ, что они дѣлаютъ изъ своихъ дѣтей и для чего они это дѣлаютъ. Вотъ почему у нихъ такъ рѣдко встрѣчаются такіа неожиданности, такіе сюрпризы, какіе встрѣчаются у насъ: мы воспитуемъ иногда сына, а вырастаетъ нашъ врагъ. Мы удивляемся. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. „Я посадилъ въ землю, говоритъ Гейне, мои маленькіе чулки и думалъ, что изъ нихъ выростутъ большія панталоны для моего отца“. Онъ ошибся. Не правда-ли, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Но, отдавая полную справедливость нѣмцамъ за умѣніе систематизировать воспитаніе и образованіе дѣтей, мы уже говорили, что на ихъ системы имѣли громадное вліяніе тѣ постороннія педагогикѣ соображенія, о которыхъ мы упоминали выше. Это вліяніе оказалось гибельнымъ. Оно-то изъ методы Песталоцци успѣло сдѣлать орудіе для развитія узкаго и далеко не разумнаго патріотизма: дѣтей такъ много занимали „извѣстнымъ“ и „близкимъ“, то есть роднымъ гнѣздомъ, родною географію, родною исторію, что на все остальное оставалось мало времени или все остальное объяснялось только поверхностно и мимоходомъ. Изъ системы Фрѣбеля выработалась система „дрессировки“, такъ что ребенокъ дѣлался съ дѣтскихъ лѣтъ солдатикомъ, постоянно марширующимъ въ ногу съ другими дѣтьми, постоянно распѣвающимъ самыя нелѣпыя пѣсни, постоянно складывающимъ кубики „отъ такого-то до такого-то часу“ и бросающимъ свои постройки только потому, что „пробилъ часъ“ и наступила очередь для занятій съ прокалываньемъ бумаги, для пѣнія и т. д. Это развиваетъ чрезмѣрную покорность и совершенно уничтожаетъ личную инициативу, самостоятельность ребенка. Подъ вліяніемъ

тѣхъ-же постороннихъ причинъ въ нѣмецкихъ школахъ развилась страсть къ обученію дѣтей en masse: дѣти читаютъ громко вмѣстѣ, они рѣшаютъ умственные задачи вдругъ, они поютъ хоромъ и т. д. Это, можетъ быть, облегчаетъ дѣло учителей, это, можетъ быть, пріучаетъ дѣтей дѣйствовать сообща, но это убиваетъ индивидуальность дѣтей, это пріучаетъ ихъ отвѣчать машинально, не думая, это не даетъ возможности учителю точно знать, кто понимаетъ лучше и кто хуже, кто слѣдитъ за урокомъ и кто не слѣдитъ. Въ статьѣ объ англійскомъ первоначальномъ образованіи мы уже приводили очень вѣрное замѣчаніе одного педагога о томъ, что обучать „гуртомъ“ и вмѣстѣ можно только солдатъ, а не дѣтей, такъ какъ солдатамъ придется дѣйствовать массами, тогда какъ людямъ вообще приходится дѣйствовать поодиночкѣ, и важно только, чтобы у этихъ людей было единодушіе.

ХІІІ.

Подъ тѣмъ-же вліяніемъ нѣмецкіе педагоги придаютъ слишкомъ большое значеніе музыкѣ и пѣнію. Смотря на росписание часовъ въ учительскихъ семинаріяхъ, мы видимъ, что пѣнію посвящаются въ первый, во второй и третій годы 2 часа въ недѣлю; теоріи музыки въ первый годъ 1 часъ, во второй — 2, въ третій — 1; игрѣ на скрипкѣ въ первый, во второй и третій годы по часу въ недѣлю; игрѣ на фортепіано въ первый годъ по часу въ недѣлю; игрѣ на органѣ по часу въ недѣлю во второй и третій годы. Кроме того по вечерамъ ученики упражняются въ хоровомъ пѣніи. Никто не принимается въ семинарію, если у него нѣтъ природныхъ наклонностей къ музыкѣ и пѣнію, что должно быть засвидѣтельствовано при вступительномъ экзаменѣ двумя хорошими музыкантами-экзаменаторами. Съ перваго-же года воспитанникамъ даются въ руки музыкальныя произведенія Гайдна, Генделя, Мендельсона, потому что они изучаютъ гармонію и, въ концѣ концовъ, они должны умиѣть сочинять небольшія музыкальныя пьесы для органа сельской церкви. Можно подумать, что дѣло идетъ не объ учительской семинаріи, а о консерваторіи. Но какія-же основанія выстав-

ляютъ нѣмецкіе педагоги, развивая такъ сильно въ учительскихъ семинаріяхъ пѣніе и музыку?

„Пѣніе и музыка смягчаютъ нравы“, это истертая фраза, пущенная входу нѣсколькими официальными педагогами и повторяемая, безъ всякой критической повѣрки, диллетантами педагогики. Мы не станемъ вступать въ споръ съ этими господами, но замѣтимъ только, что съ ихъ мнѣніемъ едва-ли согласятся физиологи и историки. Первые очень хорошо знаютъ, что пѣніе и музыка развиваютъ нервную впечатлительность, а всякое усиленное возбужденіе нервной системы дѣлаетъ человѣка болѣе воспримчивымъ, болѣе раздражительнымъ, и если его житейская обстановка будетъ плоха, что и случается съ большинствомъ, то, конечно, человѣкъ съ болѣе развитою нервною впечатлительностью будетъ относиться тревожнѣе и безпокойнѣе къ невгодамъ жизни, чѣмъ человѣкъ съ мало развитыми нервами, иначе говоря, первый будетъ менѣе спокойнаго нрава, чѣмъ второй. Было время, когда педагоги такъ много наговорили о смягчающемъ влияніи музыки и пѣнія, что музыка и пѣніе стали вводиться въ дома умалишенныхъ, какъ цѣлебныя средства. Но противъ этого уже говорилъ Тардѣ, не совѣтуя особенно сильно полагаться на успокоивающее влияніе музыки и пѣнія. Историки со своей стороны могли-бы замѣтить, что большинство виртуозовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ были люди далеко не спокойные и нерѣдко отличались неуживчивостью характера, раздражительностью, иногда переходившею всякія границы. Среди виртуозовъ былъ очень большой процентъ сумасшествій, эсцентриками-же были они почти всѣ. Но этого мало, найдутся еще люди, которые станутъ оспаривать успокоивающее влияніе музыки и пѣнія—это политико-экономы. Стоя на чисто практической почвѣ, они скажутъ: смягчаетъ нравы только довольство, приобретаемое мускульнымъ трудомъ. Всякій мускульный трудъ, если онъ не будетъ свѣрхъ силъ, развиваетъ хорошее кровообращеніе, способность организма къ хорошей переработкѣ пищи, уничтожаетъ излишнюю нервность; если при этомъ человѣкъ имѣетъ возможность соблюдать всѣ гигиеническія условія, т. е. имѣть хорошее помѣщеніе, хорошій столъ, достаточную одежду и т. п., то такой человѣкъ будетъ однимъ изъ самыхъ спокойныхъ по темпераменту людей, говоря иначе, это будетъ человѣкъ съ болѣе мягкимъ нравомъ, чѣмъ человѣкъ голодаю-

шій и чрезъ мѣру работающій. Но одно изъ средствъ для борьбы съ нищетою—это всестороннее практическое, ремесленное, техническое образованіе человѣка. Если человѣкъ умѣетъ пѣть кое-какъ десятокъ пѣсенокъ, то этимъ онъ не добудетъ хлѣба; если-же человѣкъ умѣетъ и сапоги шить, и столярничать, и портняжить, и кузнецомъ быть, и землю обрабатывать, то онъ всегда можетъ выбрать болѣе выгодное въ данную минуту ремесло; онъ можетъ разнообразить свой трудъ, и, такимъ образомъ, у него является болѣе шансовъ на благосостояніе, а значить, и на спокойное отношеніе къ жизни. Въ другомъ мѣстѣ мы уже приводили слова французскаго рабочаго, побывавшаго въ с. Франциско и говорившаго, что онъ сталъ спокойнѣе, когда онъ научился разнымъ ремесламъ и почувствовалъ себя болѣе человѣкомъ и менѣе моллюскомъ. Мы также не разъ указывали, что въ Мюльгаузенѣ и въ сотнѣ другихъ мѣстъ, въ средѣ болѣе обезпеченныхъ рабочихъ, нравы значительно улучшились, смягчились: это неоспоримые и неподтасованные факты: они основаны на достовѣрныхъ цифрахъ. Вотъ этихъ-то цифръ и не могутъ привести тѣ педагоги, которые говорятъ о смягченіи нравовъ при помощи пѣнія и музыки. Они опираются на разные измышленія, они указываютъ на свои сомнительныя наблюденія,—но мы знаемъ цѣну измышленій, основанныхъ не на фактахъ, и еще лучше знаемъ мы наблюдательность педагоговъ, особенно нѣмецкихъ, которые десятки лѣтъ шли въ разрѣзъ съ требованіями гигіены, физиологіи и не видали, какъ у нихъ на глазахъ гибли цѣлыя поколѣнія дѣтей отъ искривленій позвоночнаго столба, отъ близорукости, отъ чахотки и т. п. болѣзней. Они не только не замѣчали этого, но стали бороться съ врачами, когда послѣдніе указали имъ на это зло, происходившее отъ устройства ихъ школъ и распредѣленія уроковъ. Какъ-же вѣрить подобнымъ зоркимъ наблюдателямъ.

Но если нѣмецкіе педагоги видѣли въ пѣніи и музыкѣ способность смягчать нравы, то прусское правительство едва-ли дѣлало подобную ошибку. Нѣтъ, оно стояло на болѣе практической почвѣ: оно знало, что пѣсня есть хорошій проводникъ извѣстныхъ идей, и потому оно распорядилось, чтобы ученики семинарій и народныхъ школъ заучивали извѣстное число духовныхъ и патріотическихъ пѣсень. Въ этомъ случаѣ оно было вполне право: хорвое пѣніе пѣсень извѣстнаго рода очень сильно

вліяетъ на направленіе идей, это скажетъ каждый ротный командиръ, хотя едва-ли этотъ-же ротный командиръ станетъ утверждать, что пѣніе „Wacht am Rhein“ служитъ къ смягченію нравовъ.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что введеніе обученія пѣнія подь музыку—введеніе, происходящее не изъ педагогическихъ соображеній, а изъ того, что у нѣмцевъ въ церквахъ поютъ подь музыку, тогда какъ у насъ поютъ безъ музыки,—имѣетъ преимущество передъ обученіемъ пѣнію безъ музыки, такъ какъ учить множество дѣтей пѣть съ голоса очень трудно и иногда губительно для здоровья учителей. Мы, по крайней мѣрѣ, слышали во многихъ сельскихъ школахъ, гдѣ учатъ дѣтей пѣть съ голоса, жалобы учителей на усталость, на боль въ груди, особенно среди молодыхъ учителей. Передаемъ этотъ фактъ потому, что онъ не исключеніе, не частный случай.

Такимъ образомъ, постороннее политическое и государственное вліяніе проникаетъ во всѣ изгибы педагогической дѣятельности и школьной жизни Пруссіи и это вліяніе отражается тѣмъ сильнѣе, тѣмъ вреднѣе, чѣмъ болѣе способны нѣмцы къ мелочной разработкѣ, къ систематизаціи извѣстныхъ идей. Втеченіи долгихъ лѣтъ нѣмецкіе педагоги успѣли выработать цѣлыя поколѣнія людей, которые уже сами умѣютъ готовить своихъ дѣтей къ подчиненію господствующему въ нѣмецкихъ школахъ духу. Эти дѣти уже не являются какими-нибудь *enfants terribles*, мучителями педагоговъ, а подчиняются всѣмъ господствующимъ порядкамъ, какъ чему-то такому, что имъ знакомо уже съ колыбели. И то сказать: отцы этихъ дѣтей воспитывались въ этихъ-же школахъ и занесли царящій въ нихъ духъ въ свою семейную жизнь. Вотъ, что пишетъ, напримѣръ, Дулонъ: „Спокойствіе, порядокъ, правильность, благочиніе царствуютъ въ нѣмецкой школѣ. Но слава за это не можетъ быть исключительно приписана мудрости нашихъ братьевъ, нѣмецкихъ педагоговъ. Нѣтъ, этотъ образъ мыслей и эти взгляды развиваются подь вліяніемъ господствующаго государственнаго духа, который проникаетъ во всѣ углы, во всѣ отношенія, гнѣздится вездѣ и дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ искусство педагоговъ. Съ молокомъ матери всасываетъ ребенокъ духъ послушанія. Послушаніе дѣлается его второю натурою. Ему дѣлается понятно прежде азбуки, что отецъ

въ домѣ, господинъ учитель въ школѣ, бургомистръ въ городѣ и король въ государствѣ суть представители Всемогущаго. Откуда же можетъ явиться смѣлость къ непослушанію? Откуда могутъ явиться недозволенные волненія и беспорядки? Конечно, плоть немощна и склонна къ беспорядочности и неточности. Но государственннй духъ силенъ и помогаетъ слабой плоти сдѣлаться стойкой. Непослушаніе скрывается съ величайшею заботливостію. За спиною, въ таинственной тишинѣ оно иногда заявляетъ о себѣ, но не легко нарушаетъ оно внѣшнія приличія и предписанныя правила. Подъ эгидою государственнаго духа можетъ, пожалуй, развиваться въ школахъ лакейство и рядомъ съ нимъ идти низость образа мыслей, низкопоклонство и трусость, но здѣсь трудно ожидать противодѣйствія законности, предписаніямъ, правиламъ“. И такъ, подъ этимъ вліяніемъ развивается скорѣе всего хитрость, обманъ, ложь, которые и заступаютъ мѣсто какого-бы то ни было открытаго протеста. Едва-ли можно сочувствовать этому, смотря на вещи съ разумной педагогической точки зрѣнія. Но нѣмецкіе педагоги пошли еще дальше въ своемъ подчиненіи постороннимъ и временнымъ вліяніямъ: педагогъ, конечно, прежде всего долженъ быть поклонникомъ чистой науки, науки для науки; онъ долженъ, на сколько это возможно, очищать науку отъ всякихъ постороннихъ вліяній, отъ предвзятыхъ идей; конечно, это не всегда возможно при современномъ состояніи знаній, но отъ человѣка и требуютъ только возможнаго, требуютъ, чтобы онъ не лгалъ сознательно. Если педагогъ лжетъ сознательно, то онъ не достоинъ названія педагога, онъ можетъ быть ловкимъ чиновникомъ, актеромъ, адвокатомъ, прокуроромъ, придворнымъ, но не хорошимъ педагогомъ. Что-же мы видимъ въ Германіи? Нѣмцы являются прежде всего проповѣдниками науки для науки на словахъ, на практикѣ-же они нерѣдко доходили до того, въ своемъ подчиненіи временно господствовавшему въ обществѣ настроенію, что, напримѣръ, въ Австріи въ 1852 году всѣ древніе классики, употребляемые въ школахъ были сокращены и изуродованы, то есть очищены отъ всякихъ республиканскихъ выраженій, чтобы юношество не заражалось возмутительными идеями. Это не единственный фактъ, мы беремъ его просто какъ первый попавшійся подъ руку характерный случай искаженія науки. Если-бы мы хотѣли подробно коснуться этого предмета,

то намъ было-бы очень легко; учебники, принятые въ официальныхъ школахъ Германіи, споры педагоговъ и докторовъ въ 1836 году, все это даетъ богатый матеріалъ для того, кто вздумалъ-бы указать, какъ профанировали науку, какъ дѣлали ее служительницею временныхъ потребностей тѣ люди, которые должны являться хранителями чистоты этой науки.

XIV.

Но если государственное вліяніе иногда довольно гибельно отражалось на прусскихъ школахъ, то тому-же государству обязана Пруссія количественнымъ развитіемъ школъ. Здѣсь педагоги и общество были почти непрічемъ. Мы уже видѣли, что только государство, только правительство вызвало къ жизни массы народныхъ школъ, и то-же правительство поддерживало ихъ и распространяло по всѣмъ городишкамъ и селеніямъ Пруссіи. Это было тѣмъ труднѣе сдѣлать, что народонаселеніе Пруссіи возрастало быстро и было не особенно богато; довольно сказать, что въ 1822 г. въ Пруссіи было 11,664,133 жит., а въ 1864 г. населеніе простиралось до 19,255,139 человекъ. Въ послѣдній изъ названныхъ годовъ число общественныхъ первоначальныхъ школъ доходило до 25,056, а первоначальныхъ частныхъ школъ было 906; учителей въ первыхъ школахъ было 30,805 человекъ, ихъ помощниковъ 2,537 человекъ, учительницъ 2,815 человекъ; во вторыхъ школахъ было учителей 995 человекъ, учительницъ 688 человекъ, всего-же учителей, ихъ помощниковъ и учительницъ было 37,840 человекъ; обучалось въ первыхъ школахъ 1,427,191 ученикъ и 1,398,131 ученица, во вторыхъ 25,286 учениковъ и 27,406 ученицъ, все-же число обучающихся въ нихъ дѣтей равнялось 2,878,014 человекамъ; въ 62 нормальныхъ школахъ было 3,610 воспитанниковъ. Такимъ образомъ, одна школа приходилась на 740 жителей и одинъ ученикъ на 6,6 жителей. Въ 1822 году на сто жителей приходилось 12,2 ученика въ первоначальной школъ, а въ 1864 году—14,7 ученика. При этомъ нужно замѣтить, что дѣвочки посѣщали школы въ одинаковой пропорціи съ мальчиками. Это одна изъ прекраснѣйшихъ сторонъ прусскаго первоначальнаго образованія.

Результатомъ этихъ усилій было то, что процентъ безграмотныхъ сдѣлался относительно не великъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ изъ людей, поступающихъ въ военную службу, было безъ всякаго образованія:

Въ Испаніи	69 ⁰ / ₁₀₀
„ Австріи	71 ⁰ / ₁₀₀
„ Бельгіи	33 ⁰ / ₁₀₀
„ Великобританіи.	24,8 ⁰ / ₁₀₀
„ Баваріи	10,5 ⁰ / ₁₀₀
„ Пруссіи	6,3 ⁰ / ₁₀₀

Въ то же время изъ преступниковъ были безъ всякаго образованія

Въ Австріи	72,2 ⁰ / ₁₀₀
„ Бельгіи	57 ⁰ / ₁₀₀
„ Испаніи	69 ⁰ / ₁₀₀
„ Франціи	38,7 ⁰ / ₁₀₀
„ Пруссіи	25 ⁰ / ₁₀₀

Съ тѣхъ поръ процентъ безграмотныхъ въ Пруссіи еще болѣе уменьшился:

	Въ 1869 году.	Въ 1870 году.
Число поступающихъ въ военную службу	80,001	80,028
Безграмотныхъ	3,182	2,703
Процентъ безграмотныхъ	3,94	3,37

Итакъ, безграмотныхъ было около 3⁰/₁₀₀. Конечно, въ Саксоніи и Виртембергѣ пропорція была еще благоприятѣе, тамъ безграмотныхъ было меньше 1⁰/₁₀₀, но причиною этого менѣе благоприятнаго результата отъ обученія въ Пруссіи было то, что Пруссія не состоитъ исключительно изъ нѣмецкаго населенія. Среди поляковъ и литовцевъ, въ бѣдныхъ селахъ трудно устроить хорошія школы съ учителями изъ семинарій, и немногіе учителя знаютъ мѣстный языкъ, еще господствующій въ этихъ деревняхъ. Вотъ почему уже въ 1871 году были слѣдующія отношенія грамотныхъ и неграмотныхъ:

ВЪ ОКРУГАХЪ.	На 100 идущихъ въ военную службу не нѣмцевъ.	Безграмотныхъ на 100.
Гумбинненъ	35,46	11,2
Кенигсбергъ	21,74	10,5

Данцигъ	27,27	15,7
Маріенвердеръ . . .	37,78	14,4
Бромбергъ	46,92	14,4
Позенъ	59,29	14,1
Оппельнъ	63,40	7,5

Тогда какъ въ чисто нѣмецкихъ округахъ, напримѣръ, въ Минденѣ было 3% безграмотныхъ, въ Берлинѣ—0,3%, въ Магдебургѣ — 0,2%, въ Висбаденѣ — 0,2%, въ Кельнѣ — 0,8%, и т. д.

Результаты долготѣвшихъ усилій, какъ видите, вышли довольно удовлетворительные. Если-бы подобныя результаты получились въ старое время, когда грамотности придавали какое-то чудотворное значеніе, то, конечно, общество на этомъ и успокоилось-бы. Но въ настоящее время на грамотность начинаютъ смотрѣть иначе. Въ первоначальной школѣ ребенокъ выучивается религіи, чтенію, письму, счисленію, пѣнію и отрывкамъ исторіи и географіи. Большею частію преподаваемымъ во время уроковъ чтенія. Всѣ эти знанія сами по себѣ не могутъ принести человѣку особенно большой и непосредственной практической пользы; главнымъ образомъ, эти знанія полезны ему, какъ фундаментъ, на которомъ можно построить его дальнѣйшее развитіе. Но этого мало. Не принося прямой и, такъ сказать, ощутительной практической пользы человѣку, первоначальное образованіе представляетъ и опасныя стороны. Имъ могутъ, какъ мы видѣли, воспользоваться тѣ или другія временно-господствующія партіи для пропаганды въ народѣ своихъ идей. Положимъ, въ обществѣ господствуютъ клерикалы-католики. Они постараются такъ устроить школы, чтобы чтеніе, исторія, географія и религія сдѣлались орудіями для распространенія клерикальныхъ идей; они постараются, чтобы всѣ народныя книги были проникнуты только этими идеями.

Такимъ образомъ, ограниченное первоначальное образованіе не только не принесетъ ощутительной пользы народу, но даже и повредитъ ему, прививъ къ нему вредныя и во всякомъ случаѣ узкіе взгляды. Это теперь не тайна ни для кого. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, прусское правительство такъ хлопочетъ въ послѣднее время объ исключительномъ захватѣ первоначальнаго образованія въ свои руки; съ другой-же стороны явилась мысль объ устройствѣ такъ-называемыхъ Fortbildungsschulen, т. е.

дополнительныхъ общеобразовательныхъ школъ. Сначала эти школы были основаны для того, чтобы дать ученику возможность продолжать начатое ученье или повторять выученное, такъ-какъ ученье, конченное на четырнадцатомъ году жизни, не могло быть полно и не могло долго оставаться въ головѣ человѣка; бѣднѣйше ребенокъ не можетъ правильно посѣщать школу послѣ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, имѣя необходимость зарабатывать свой хлѣбъ. Эти дополнительные школы сначала были чисто воскресными школами и возникли въ Пруссіи въ 1763 году. Сначала онѣ посѣщались одновременно и дѣвочками и мальчиками и не преподавали дѣтямъ ничего особенно новаго, повторяя только зады. Они и носили названіе вспомогательныхъ школъ — *Nachhulfeschulen* — и повторительныхъ школъ — *Wiederholungsschulen*. Но съ развитіемъ промышленности явилась потребность превратить эти школы въ ремесленные.

Отсюда возникаетъ рядъ новыхъ школъ, называемыхъ ремесленными и промышленными дополнительными школами — *Handwerker-und gewerbliche Fortbildungsschulen*. Сначала и въ этихъ школахъ главными и почти единственными предметами обученія были рисованіе и черченіе, но кругъ дѣятельности этихъ школъ быстро расширился, онѣ привлекли къ себѣ симпатіи общества и въ настоящее время въ Пруссіи есть уже довольно значительныя ремесленныя и промышленныя дополнительные школы. Во всей Пруссіи различнаго рода воскресныхъ и вечернихъ промышленныхъ и общеобразовательныхъ курсовъ, рисовальныхъ и чертежныхъ классовъ считается до 20 тысячъ, а число посѣщавшихъ доходило до 1,150,000 человѣкъ.

Въ одномъ изъ министерскихъ циркуляровъ говорилось, что въ подобныхъ школахъ дѣйствительно существуетъ крайняя необходимость, которая не можетъ быть удовлетворена никакими другими учрежденіями и способами. Вслѣдствіе этого министерство признало необходимыми учрежденіе подобныхъ школъ трехъ родовъ: 1) общеобразовательныхъ, 2) ремесленныхъ, 3) промышленныхъ. Всѣ эти школы являются воскресными или вечерними. Нѣкоторыя изъ нихъ по прежнему обучаютъ только арифметику, рисованію, черченію, другія включаютъ въ свои программы геометрію, физику, естественную исторію, географію, коммерческія науки, технологію, законовѣденіе, бухгалтерію, архитектуру и

т. д. Главныя изъ этихъ школъ находятся въ городахъ, гдѣ есть провинціалныя промышленныя школы, профессора послѣднихъ и являются учителями въ промышленныхъ дополнительныхъ школахъ, гдѣ классы бывають разъ или два въ недѣлю, причемъ классъ продолжается два часа. Самыя лучшія изъ подобныхъ школъ находятся въ Берлинѣ и Бреславлѣ. Три городскія воскресныя школы (Sontägliche Fortbildungsschulen) въ Берлинѣ открыты „для молодыхъ людей, не посѣщающихъ болѣе школу и посвятившихъ себя торговымъ и промышленнымъ занятіямъ“. Самая большая изъ этихъ школъ, королевская, раздѣлена на 7 курсовъ, а двѣ другія на 6 курсовъ. Курсы бывають зимніе и лѣтніе. Ученье болѣею частью продолжается около пяти часовъ, изъ которыхъ два уходятъ на рисованіе и черченіе; три-же первые часа въ низшихъ курсахъ посвящаются письму, арифметикѣ и нѣмецкому языку; въ среднихъ курсахъ письмо замѣняется геометрией и стереометріей; наконецъ, въ высшихъ курсахъ занимаются французскимъ и англійскимъ языками, знаніями, необходимыми для торговли, географіей, исторіей, нѣмецкою литературою, физикою, химіей, технологіей и механикой. Плата за ученье обыкновенно не превышаетъ одного талера въ годъ. Находящіяся у мастеровъ въ ученьи дѣти не платятъ за уроки, но они допускаются только въ томъ случаѣ, если они совершенно кончили образованіе въ первоначальной школѣ. Такимъ образомъ, въ этихъ школахъ, кромѣ общихъ предметовъ, какъ-то: нѣмецкаго языка, письма, счетоводства, геометріи, рисованія, исторіи, географіи, преподаются также языки французскій и англійскій, физика, химія и механика, черченіе, математика и нѣкоторыя другія прикладныя свѣденія о торговлѣ и промышленности. Программа, какъ видите, очень широкая. Посѣщеніе этихъ школъ не обязательно и съ изданіемъ новаго ремесленнаго устава, освобождающаго мастеровъ отъ обязанности посылать своихъ учениковъ въ школы, число учащихся въ нихъ, по словамъ, г. А. Неболсина, даже нѣсколько уменьшилось. Въ лѣтній семестръ 1871 г. общее число учащихся въ 9 воскресныхъ школахъ составляло слишкомъ 1,000 и расходъ на содержаніе ихъ простирается до 4,000 тал. Большинство учениковъ, посѣщавшихъ школу, было 18—19 лѣтъ, но были также 30-ти лѣтніе и старѣе, слушавшіе преимущественно какой-нибудь одинъ предметъ, наприимѣръ, бухгалтерію, рисованіе и

т. п. Кромѣ этихъ 3-хъ городскихъ воскресныхъ школъ, берлинскимъ обществомъ рабочихъ открыты еще ежедневные вечерніе и воскресные курсы. Такіе курсы читались по 18 предметамъ. Общее число слушателей за два года (1868—1869) простиралось до 3,730. Желающіе брать уроки рисованія, моделировки и начертательной геометріи посѣщали школу рисованія, открытую при промышленномъ музеѣ въ Берлинѣ. Число такихъ учениковъ превышаетъ 1,000. Затѣмъ обществомъ рабочихъ учреждено еще особое строительное училище (Baugewerkerenschule), въ которомъ обучается до 80 учениковъ.

Такъ-какъ движеніе по части „женскаго вопроса“ въ Пруссіи очень сильно, то, конечно, женщины не отстали отъ мужчинъ и въ дѣлѣ устройства ремесленныхъ дополнительныхъ училищъ. Такъ члены общества, называемаго Victoria-Bazar, убѣдившись, что женщинамъ нужно многому научиться, чтобы жить ремесленнымъ трудомъ, устроили въ началѣ 1870 года промышленные курсы, гдѣ возможно было обучаться шитью и кройкѣ. Учительница Каленбергъ занималась сперва съ двумя, а къ концу года съ двадцатью ученицами; ей помогала учительница Бестратеръ, учившая кройкѣ. Посѣтителницъ явилось столько, что пришлось устроить параллельные курсы. Эти успѣшные результаты заставили общество расширить планъ курсовъ и въ октябрѣ того-же года была открыта настоящая промышленная школа для женщинъ, съ курсами рисованья, коммерческихъ наукъ и т. д. Желая поддержать это учрежденіе, наследная принцесса учредила при немъ четыре стипендіи, само общество устроило 5 стипендій, кромѣ того 5 стипендій предназначались для женъ и дѣтей убитыхъ воиновъ. Въ 1871 году это заведеніе превратилось въ настоящую школу съ курсами бухгалтеріи, иностранныхъ языковъ, дѣланія искусственныхъ цвѣтовъ и т. д. Этого одного примѣра достаточно для того, чтобы показать, что женщины въ Пруссіи не остаются безучастными въ дѣлѣ промышленнаго и ремесленнаго образованія, и общество живо откликается на ихъ зовъ и спѣшитъ имъ помочь, на сколько возможно.

Пособіемъ этимъ школамъ являются библіотеки, содержимыя на счетъ городовъ; эти библіотеки имѣются иногда при самыхъ школахъ и ими пользуются бесплатно всѣ ученики этихъ школъ. Кромѣ того являются подспорьемъ отдѣльныя публичныя лекціи

профессоровъ, ученыхъ и литераторовъ, читающихъ о различныхъ предметахъ. Напомнимъ читателямъ сдѣланную нами въ книгѣ объ „Ассоціаціяхъ“ выписку изъ корреспонденціи „Independance Belge“ объ ассоціаціи берлинскихъ рабочихъ. „Учрежденіе, основанное для обученія рабочихъ, не значитъ въ „Путеводителѣ“ среди достопримѣчательностей Берлина, но оно смѣло можетъ стать въ число ихъ, пишетъ корреспондентъ. Домъ, гдѣ собираются члены этой ассоціаціи, очень хорошъ и просторенъ; онъ отворяется для рабочихъ по вечерамъ, когда кончаются работы. Большая, высокая зала, ярко освѣщенная газомъ, окружена галереєю и балконами съ красивыми рѣзными рѣшетками изъ дерева. Нѣсколько стеклянныхъ дверей выходитъ въ садъ, гдѣ общество собирается гдѣ-то въ. Внутренность залы наполнена рядами скамеекъ и столовъ: въ глубинѣ залы стоитъ кафедра, на которую можетъ входить для произнесенія рѣчей каждый желающій; подъ кафедрой находится фортепiano, такъ-какъ каждое собраніе открывається пѣніемъ. Библіотека, читальня и нѣсколько классовъ примыкаютъ къ залѣ. Главная цѣль ассоціаціи дать своимъ членамъ общее образованіе, развитъ въ каждомъ спеціальныя знанія его ремесла. Совѣщанія, бесѣды, гимнастика, пѣніе, чтеніе въ библіотекѣ газетъ, общія увеселенія, къ которымъ допускаются иногда и жены и дѣти членовъ,—вотъ средства, которыми, по статутамъ общества, достигаются цѣли развитія. Ежемѣсячныя вносы опредѣляются въ 3 зильбергроша съ члена. При этихъ ничтожныхъ вносахъ каждый рабочій Берлина можетъ пользоваться образованіемъ, которое нисколько не уступаетъ образованію въ лучшихъ ремесленныхъ школахъ. Можно представить, какое множество членовъ имѣетъ ассоціація. Втеченіи семнадцати лѣтъ она дала образованіе 70,000 рабочимъ, прибывавшимъ въ Берлинъ со всѣхъ концовъ Германіи. Можно сказать, не боясь ошибиться, что въ этомъ городѣ среднимъ числомъ 1,000 работниковъ предпочитаетъ гульбѣ въ кабакахъ занятія наукою. Ни правительство, ни муниципальныя власти не содѣйствовали этому учрежденію и оно создалось единственно силами рабочихъ по принципу „самопомощи“. Войдя въ залу совѣщаній или лекцій, мы увидимъ на кафедрѣ лектора, читающаго лекціи, и цѣлую массу слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые стары и сѣды. По средамъ на лекціяхъ бывають и женщины. Лекторы по большей

части читаютъ безъ особенныхъ приготовлений и прежде всего стараются быть популярными при изложеніи того или другого предмета, избѣгая ненужныхъ или слишкомъ специальныхъ выраженій. Предметами лекцій по большей части избираются естественныя науки и все касающееся промышленности, только религія и политика не имѣютъ здѣсь мѣста. Общество прежде всего заботилось, чтобы его членами могли быть люди всѣхъ вѣроисповѣданій. Среди учителей этого общества, ярко выдаются такія имена, какъ имена Шпильгагена, Вирхова, Ауэрбаха, Дистервега, Твестена, статистика Энгеля, Летте и т. д. Лекціи читаются этими людьми бесплатно. Послѣ лекцій члены общества закуриваютъ сигары и переходятъ къ обсужденію вопросовъ. Каждый желающій членъ бросаетъ въ ящикъ написанный имъ вопросъ. Послѣ того члены переходятъ въ классы, въ которые они записывались, — въ числѣ предметовъ обученія значится даже французскій языкъ“. Предметы подобныхъ общедоступныхъ лекцій крайне разнообразны: Геккель читаетъ „о распредѣленіи труда въ жизни людей и природы“ и „о происхожденіи родословнаго дерева человѣческаго рода“; Блунчли — „объ основаніи американскаго союза въ 1787 г.“; Перельсъ — „о значеніи машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ“; Гнейстъ — „о городскомъ управленіи Лондона“; Гольцендорфъ — „объ улучшеніи общественнаго и домашняго положенія женщины“ и т. д. Подобныя лекціи издаются за довольно дешевую цѣну въ прекрасномъ изданіи, нисколько не напоминающемъ тѣхъ грязныхъ и неряшливыхъ изданій, которыми обыкновенно угощаютъ народъ разные спекуляторы и проходимцы. Нѣмцы поняли, что приличная внѣшность книги никогда не можетъ быть лишнею и что тщательность изданія въ типографскомъ и корректурномъ отношеніяхъ, т. е. четкость шрифта, грамматическая правильность являются въ народныхъ изданіяхъ одними изъ самыхъ неизбѣжныхъ условій. Народъ плохо читаетъ — значитъ, для него надо четко печатать книги; народъ плохо знаетъ грамматику — значитъ, нужно заботиться, чтобы книги, напечатанныя для него, были напечатаны правильно и не сбивали-бы его еще болѣе съ толку въ отношеніи грамматики; народъ не богатъ, книга, попадающая ему въ руки, переходитъ часто отъ одного чтеца къ другому — значитъ,

нужно заботиться, чтобы книга была напечатана на хорошей и прочной, а не на такой разлѣзающей, едва держащейся бумагѣ, на какой обыкновенно печатають народныя книги, вслѣдствіе чего народу приходится очень быстро зачитывать книги и покупать вторые экземпляры. Нѣмцы въ этомъ отношеніи являются честными и серьезными людьми: взявшись за дѣло, они заботятся не о томъ, чтобы пустить пыль въ глаза громкими фразами, но о томъ, чтобы принести народу истинную пользу и не сбывать ему всякаго хлама, обирая его кровные зильбергроши.

Не смотря на такое развитіе промышленнаго образованія, нѣмцы еще далеко не догнали въ этомъ дѣлѣ англичанъ. Последнимъ въ 1866 году приходилось платить одного жалованья служащимъ при кинсингтонскомъ музеѣ до 14,926 фунтовъ стер. Однихъ посѣтителей въ этомъ музеѣ было до 756,075 человекъ. Всѣ расходы по музею въ 1866 г. доходили до 52,171 фун. стер. При музеѣ имѣлась бібліотека въ 15,000 томовъ и кромѣ того музей устроилъ изъ дубликатовъ „странствующій музей“, который въ десять лѣтъ объѣхалъ 38 большихъ городовъ, былъ посѣщенъ 735,856 посѣтителями, изъ которыхъ третья часть состояла изъ учениковъ. Выставляя подобныя гигантскія цифры, нѣмцы вздыхаютъ и говорятъ: да, намъ еще далеко до англичанъ. Ну, за то нѣмцы пѣли много хорошихъ пѣсенъ.

XIV.

Въ такомъ видѣ находится въ настоящее время прусское народное образованіе. Почти весь народъ умѣетъ читать; та часть его, которая не желаетъ ограничиваться однимъ первоначальнымъ образованіемъ, имѣетъ подъ рукою дополнительныя школы и онѣ не стоятъ пустыми. Чтеніе книгъ очень сильно развито въ массѣ, хотя, къ несчастью, большая часть книгъ, попадающая въ руки этой массы, далеко неудовлетворительна и принадлежитъ почти исключительно или къ числу узконатріотическихъ пѣсенниковъ, брошюръ и тому подобныхъ издѣлій, или къ числу произведеній такъ называемой „разносной“ литературы, угощающей народъ ужасными романами съ описаніемъ убійствъ, отравленій, самоубійствъ и т. п.

Всѣ эти успѣхи, конечно, были-бы немислимы, если-бы Пруссія не заручилась достаточнымъ количествомъ народныхъ учителей. Прусское правительство давно уже поняло, что всѣ указы объ основаніи народныхъ школъ, всѣ субсидіи на это дѣло не поведутъ ни къ какимъ благимъ результатамъ при недостаткѣ народныхъ учителей. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ Пруссіи такъ много заботъ объ устройствѣ учительскихъ семинарій. Еще въ 1806 году въ Пруссіи насчитывалось только 14 учительскихъ семинарій; въ 1820 г. въ ней ихъ было 20; въ 1861 г. ихъ уже было 55; въ 1865 г. — 62, а въ 1870 г. насчитывалось въ Пруссіи, за исключеніемъ вновь приобрѣтенныхъ провинцій, до 113 семинарій. „Если-бы, говорить баронъ Н. Корфъ, въ настоящее время мы уже успѣли проявить въ этомъ отношеніи ту энергію, которая оказывалась въ Пруссіи 66 лѣтъ тому назадъ, — то, пропорціонально населенію, въ Россіи должно-бы быть *теперь* уже болѣе 90 учительскихъ семинарій. Какъ мы еще далеки отъ того, что сдѣлано было Пруссіею 66 лѣтъ тому назадъ“. Но этого мало. Прусское правительство заботилось только о количествѣ семинарій, но прусское общество хлопотало и о томъ, чтобы учителя были дѣйствительно образованными людьми. Курсъ семинарскаго образованія продолжается три года и предметы обученія до сихъ поръ распределялись слѣдующимъ образомъ:

	Часы въ недѣлю.		
	1-й годъ.	2-й годъ.	3-й годъ.
Педагогика	2	2	2
Законъ Божій	6	6	3
Нѣмецкій языкъ	5	3	3
Исторія	„	2	2
Географія.	2	2	„
Естественныя науки.	2	2	2
Арифметика	3	3	1
Письмо	2	1	„
Рисованье.	2	1	„
Пѣніе	2	2	2
Теорія музыки	1	2	1
Скрипка	1	1	1
Фортепіано	1	„	„

Органъ »	1	1
Гимнастика »	»	»
Садоводство »	»	»
Всего	29	28
		18

Гимнастика и садоводство причислялись къ рекреационнымъ занятіямъ. Втеченіи третьяго года ученики семинаріи занимались съ воспитанниками первоначальной школы. Но эта программа казалась и кажется всёмъ лучшимъ педагогамъ далеко не полною и требующею сильныхъ измѣненій и дополненій. Вслѣдствіе этого мы видимъ среди прусскихъ педагоговъ постоянное стремленіе добиться лучшей и болѣе широкой программы обученія въ семинаріяхъ, что теперь отчасти уже и достигнуто. Но самая слабая сторона прусскихъ семинарій до сихъ поръ заключалась въ господствовавшемъ въ нихъ духѣ. Семинаристы жили въ семинаріи интернатами, какъ въ казармѣ. Жизнь была сурова, пища болѣею частью состояла изъ овощей, а не изъ мяса, ученики дѣлали всѣ работы по хозяйству. Все это дѣлалось въ виду того, что учителямъ придется жить въ деревняхъ, среди недостатковъ и потому недурно *приучать ихъ къ лишениямъ*. Подобныя глубокія соображенія всегда напоминаютъ намъ исторію того мужика, который хотѣлъ отучить отъ ѣды свою лошадь и уже отучилъ ее почти, какъ вдругъ она околѣла. Устроители семинарій поступали точно также, не желая понять, что у человѣческой природы есть извѣстныя потребности, которыя нужно удовлетворять во что-бы то ни стало, или природа отмститъ за неудовлетвореніе ея потребностей. Но это не все. Самое худшее было то, что прусскія семинаріи послѣ изданія регулятивъ находились подъ клерикально-полицейскимъ надзоромъ. „Почти двадцатилѣтнее тяготѣніе клерикально-полицейскаго надзора надъ учительскими семинаріями, говоритъ баронъ Н. Корфъ, вмѣсто педагогическаго и соціального наблюденія, свидѣтельствуя о томъ, какъ сильно общественный строй отражается на училищномъ дѣлѣ, не могло не отозваться на большинствѣ учительскихъ семинарій въ Пруссіи. Клерикально-полицейскій надзоръ несоединимъ съ воспитаніемъ, основаннымъ на свободѣ и любви; регулятивы задались такими цѣлями, что не воспитатели, а лицемѣры и полицейскіе агенты часто шли на должность директоровъ учитель-

скихъ семинарій. Такъ въ нѣмецкомъ изданіи, распространяющемся въ *сотняхъ тысячъ* экземпляровъ, учитель, воспитанный въ прусской учительской семинаріи, свидѣтельствуешь о томъ, какъ семинаристовъ на ночь запирали на замокъ въ спальню; какъ сверлили дыры въ дверяхъ, для надзора за семинаристами, какъ развиты были подслушиванье, шпионство и наушничество и, рядомъ съ этимъ, какъ по десяти разъ на день водили семинаристовъ на молитву, какъ старательно обыскивали ихъ ежедневно, отбирая у нихъ книги... Таковы плоды клерикально-полицейскаго вліянія на педагогическомъ поприщѣ“. Что-же мудренаго, что семинаристы, которыхъ успѣлъ сломить нравственно этотъ порядокъ дѣлъ, являлись, въ свою очередь, не педагогами, а какими-то полицейскими агентами клерикальной партіи, и заносили въ народныя школы тотъ духъ, который такъ нравился клерикаламъ.

Но, не смотря на большое число семинарій, учителей все-таки до сихъ поръ оказывалось недостаточно. Во многихъ мѣстахъ Пруссіи до сихъ поръ слышатся жалобы на то, что мѣста учителей занимаютъ неподготовленныя личности. Въ одномъ изъ берлинскихъ журналовъ за 1865 годъ пишутъ, что на небольшомъ пространствѣ можно насчитать до 30 мѣстностей, лишенныхъ учителей, воспитанныхъ учительскими семинаріями; изъ нихъ семеро портные, четверо торговцы или прикащики, столько-же столаровъ, трое башмачники, а остальные изъ садовниковъ, переплетчиковъ, плотниковъ, кузнецовъ, матросовъ, солдатъ, обойщиковъ и т. п. Въ отчетѣ Любена за 1868 годъ говорится: въ первоначальныхъ школахъ оппельнскаго округа недостаетъ 350 учителей, а по официальнымъ отчетамъ прусской провинціи въ концѣ 1867 года тамъ было 71 вакантное учительское мѣсто. Послѣ этого не покажется удивительнымъ, что въ томъ-же году во всемъ прусскомъ государствѣ 970 мѣсть учителей и 822 мѣста учительскихъ помощниковъ были заняты лицами, не имѣющими дипломовъ, а 1069 мѣсть оставались совершенно вакантными. Этому злу, т. е. недостатку учителей, могли-бы помочь учительницы, но, къ несчастью, ихъ еще мало въ Пруссіи. Въ 1865 году, когда въ Пруссіи были уже 52 мужскія учительскія семинаріи, женскихъ учительскихъ семинарій было только 10. Конечно, такое ограниченное число женскихъ учительскихъ се-

минарій не могло дать большого числа учительницъ и потому ихъ было всегда менѣе, чѣмъ учителей. „Такъ, говоритъ баронъ Н. Корфъ, въ элементарныхъ школахъ Берлина въ 1860 г. было на 1193 учителя только 471 учительница, раньше этого ихъ было еще гораздо меньше; большинство учительницъ преподаетъ не въ общественныхъ, а въ частныхъ училищахъ. Къ концу 1854 г. во всей Пруссіи было 34,803 учителя и только 2,016 учительницъ, которыя въ *сельскія* школы почти еще не проникали. Между тѣмъ въ Берлинѣ платили въ концѣ 1864 года отъ 400 до 800 р. с. въ годъ жалованья учителю, а учительницы не удостоивались и наименьшаго оклада, назначеннаго для учителей: учительницамъ платили всего отъ 300 до 350 р. с. И несмотря на то, что трудъ учительницъ гораздо дешевле, и по настоящее время учительницы не только не вытѣснили учителей изъ элементарныхъ школъ, но по числу еще далеко не поровнялись съ своими конкурентами. Что-бы это значило? Статистическія данныя даютъ косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ: въ 1857 году было въ Вестфалии, самой *просвѣщенной* части Пруссіи, 349 учительницъ на 2,101 учителя и въ то-же время въ *наименѣе образованной* часки того-же государства, въ Познани, на 2,489 учителей причиталось всего 6 учительницъ. Тутъ, значитъ, дѣло во взглядѣ общества на женскій трудъ, на пригодность женщины къ занятію должности народнаго учителя. Но статистическія данныя наведутъ насъ не на одну эту мысль: въ 1857 году въ Пруссіи въ *частныхъ* училищахъ почти половина всего числа учительскихъ ваканцій была занята учительницами а въ *общественныхъ* только одна тридцатая часть! Не служить-ли такой фактъ, въ совокупности съ предыдущимъ, указаніемъ на то, что въ обществѣ еще весьма различно судятъ о пригодности женщины въ качествѣ учительницы элементарной школы и что въ обществѣ уже не мало лицъ, желающихъ учительницъ для школъ, но эти взгляды туго прививаются къ вліятельнымъ правительственнымъ сферамъ? Ближайшее знакомство съ вопросомъ убѣдитъ насъ въ справедливости такого предположенія, какъ ни грустно въ этомъ убѣждаться. Такой извѣстный педагогъ, какъ Палмери, въ „Педагогикѣ“, изданной въ 1852 году, допускаетъ учительницъ только въ пріютахъ, дѣтницахъ и дѣтскихъ садахъ и рѣшительно возстаетъ противъ примѣненія женскаго труда къ школь-

ному обученію. „Только что женщина, говоритъ онъ, выступаетъ учительницею въ школъ, она тѣмъ самымъ выступаетъ на поприще общественной дѣятельности, чего она не должна дѣлать, чего она не можетъ дѣлать, не повреждая тѣмъ самымъ характера женщины“. Гораздо позже, почти въ то самое время, когда въ 1860 г. возникло въ Берлинѣ женское общество, поставившее себѣ одною изъ существеннѣйшихъ задачъ усилить дѣятельность женщины на поприщѣ воспитанія, въ „Педагогической энциклопедіи Шмида“, пользующейся большимъ авторитетомъ, проводится мысль, что женщина ни въ какомъ случаѣ не должна быть учительницей въ мужской или смѣшанной школъ и можетъ быть допущена только въ *малочисленную*, отнюдь не многочисленную женскую школу. Удивляться-ли послѣ такого воззрѣнія на дѣло со стороны педагогическихъ авторитетовъ тому, что учрежденія, вліяющія на замѣщеніе учительскихъ вакансій, еще очень неохотно приглашаютъ учителей“. Но гдѣ-же искать главную причину того, что учителей мало, что на учительскія мѣста идутъ малоспособные и негодные къ другому дѣлу люди? Причинъ этихъ много и мы постараемся указать хотя на нѣкоторыя.

Прежде всего идутъ матеріальныя условія. Въ Пруссіи *среднее* жалованье народнаго учителя составляло въ 1865 году для всего государства 218 р. с., между тѣмъ какъ въ 1821 году учитель въ Пруссіи получалъ *среднимъ* счетомъ только 85 р. с. жалованья въ годъ. Въ 1821 году было въ Пруссіи 323 учителя, получавшихъ менѣе *десяти* руб. сер. въ годъ; высшимъ окладомъ въ то время считали 500 р. с., но получали отъ 400 до 500 р. с. жалованья только 18 учителей изъ 18,140 сельскихъ учителей; при этихъ вычисленіяхъ не приняты въ расчетъ *городскія* училища. Такова была обстановка учителя въ Пруссіи, что касается жалованья въ 1821 году. Въ 1865 г. *среднее* жалованье городского учителя составляло уже 294 р. с. для всего государства, а въ 1821 году только 212 р. с.; собственно въ Берлинѣ народный учитель получалъ въ 1865 году *среднимъ* счетомъ почти 420 р. с., а учительница 300 р. с.; 400 р. с. составляютъ *наименьшую* норму жалованья, опредѣленную закономъ для Берлина, при этомъ 99 народныхъ учителей Берлина изъ 283 получали отъ 600 до 900 р. с. въ годъ

жалованья каждый. Не смотря, однако, на значительное увеличеніе содержанія народныхъ учителей сравнительно съ прежнимъ, въ Германіи и въ настоящее время чрезвычайно много лицъ, находящихъ его недостаточнымъ. Еще въ 1866 году писалъ Любенъ въ XVIII томѣ „Педагогическаго Ежегодника“: „воображая себѣ, что учителю, достигшему послѣ цѣлаго ряда лѣтъ голода жалованья въ 300 р. с., живется великолѣпно и что положенію его можно завидовать, обнаруживаютъ крайне странныя представленія о потребностяхъ учителя, о нуждахъ желудка его и его головы... Счастье его, продолжаетъ Любенъ, близко знакомый съ бытомъ учителей, — что учитель не получаетъ всей суммы денегъ разомъ 1 января... ея-бы стало, пожалуй, только по 1 іюля“. И положеніе народнаго учителя въ Германіи находятъ неудовлетворительнымъ не только учителя и лица, принимающія въ послѣднихъ живое участіе, но оно признается таковымъ нерѣдко и правительственными органами. Такъ, въ 1864 году администрація одной изъ прусскихъ провинцій, въ годовомъ отчетѣ объ училищахъ, признала буквально, что многіе учителя трудятся добросовѣстно „подъ тяжкимъ гнетомъ житейской обстановки и семейныхъ заботъ“. Такое явленіе возможно только тамъ, гдѣ учительская семинарія научила своего питомца полюбить свою профессію; но учредители школъ не въ правѣ спекулировать на счетъ самоотверженія учителей и должны отказаться отъ этой спекуляціи, крайне невыгодной для школы. Поэтому мы ни мало не удивляемся тому, что въ 1867 г. прусскіе учителя обратились въ королю съ прошеніемъ, подписаннымъ всѣми учителями прусскаго королевства, въ которомъ они обращали вниманіе правительства на то, что ежегодный доходъ 40,000 учителей не составляетъ еще среднимъ счетомъ 200 р. с. Въ этомъ прошеніи учителя говорили между прочимъ: „вслѣдствіе того все менѣе молодыхъ людей и все менѣе способные молодые люди посвящаютъ себя нашей профессіи и во всѣхъ провинціяхъ становится весьма ощутительнымъ недостаткомъ въ учителяхъ“. Вслѣдствіе ходатайства учителей министерство просвѣщенія внесло проектъ новаго школьнаго устава въ парламентъ, который не могъ, однако, принять его, не сочувствуя многимъ принципамъ бывшаго министерства просвѣщенія Пруссіи, павшаго въ прошломъ году подъ ударами общественнаго мнѣнія,

заклеймившаго его репутацію тормазы просвѣщенія. Народные учителя Германіи находятъ свою матеріальную обстановку неудовлетворительною, не взирая на то, что, независимо отъ обезпеченія ихъ жалованья, въ Германіи существуетъ цѣлый рядъ учреждений, частію возникшихъ по инициативѣ правительства, частію—по частной инициативѣ, съ цѣлію оказанія пособія нуждающимся изъ среды учителей. Такъ, въ Пруссіи народный учитель, сдѣлавшійся неспособнымъ къ продолженію своей профессіи, получаетъ до 30 р. с. пенсіи въ годъ; но къ чему ведетъ подобная пенсія?.. Въ 1865 г. умеръ съ голоду въ одной изъ прусскихъ провинцій учитель, обезпеченный подобнымъ пенсіономъ.

Въ 1869 году прусская королева пожертвовала кусокъ земли въ Потсдамѣ съ постройками, при капиталѣ въ 22,000 р. с., для устройства вдовьяго дома, для вдовъ народныхъ учителей. Но еще гораздо раньше сами учителя вспомнили о наиболѣе нуждающихся въ своей средѣ: въ 1846 году, когда праздновался столѣтній юбилей со дня рожденія отца новой педагогики, Песталоцци, возникли, по мысли Дистервега, „общества въ честь Песталоцци“, которыя собираютъ деньги для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ народныхъ учителей; эти общества, состоящія преимущественно изъ учителей, чрезвычайно распространены въ Германіи.

Вотъ почему А. Любенъ говоритъ, что матеріальное улучшеніе въ положеніи школьныхъ учителей составляетъ капитальную часть школьнаго вопроса. „Конечно, говоритъ онъ мнѣніе это звучитъ очень матеріально, но нельзя не согласиться, что *школьный вопросъ прежде всего или почти исключительно есть финансовый вопросъ*. И точно, если учитель можетъ рассчитывать на хорошее вознагражденіе, онъ посвятитъ исключительно на пользу своего дѣла всѣ свои силы и будетъ стараться пріобрѣсти болѣе разностороннія познанія; самыя школы получаютъ вслѣдствіе этого другое устройство: при большемъ числѣ учителей не будутъ переполнены и получаютъ хорошія и болѣе многочисленныя учебныя пособія. Общество, составившееся въ Дрезденѣ подъ именемъ „Schutzverband für Lehrer“, также раздѣляетъ мнѣніе, „что только съ возвышеніемъ матеріальнаго положенія учителей возможно процвѣтаніе учительскаго званія“. Въ своемъ „воззваніи

къ учителямъ Германіи“ оно говоритъ: „Цѣль нашего общества заключается въ томъ, чтобы соединить во едино людей, которые во имя справедливости и прогресса вступились-бы за матеріальные интересы учителей. Священною обязанностью общества будетъ доставлять помощь учителямъ, обвиненнымъ и страдающимъ безвинно; оно будетъ оказывать поддержку и покровительство всѣмъ своимъ членамъ, оставшимся безъ мѣстъ, по независящимъ отъ нихъ причинамъ, и заботиться о помѣщеніи ихъ на должности, соотвѣтствующія ихъ специальностямъ; а лицамъ, потерпѣвшимъ отъ нарушенія ихъ правъ, оно своимъ содѣйствіемъ будетъ облегчать доступъ законнымъ путемъ въ высшія инстанціи, далѣе—оно будетъ подвергать критической оцѣнкѣ всѣ школьные законы и постановленія и употребить печать, какъ средство для защиты своихъ интересовъ, для того, чтобы ознакомить народъ, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ его слоевъ, съ достойными уваженія и сочувствія стремленіями общества и привлечь, такимъ образомъ, всѣхъ къ участию въ достиженіи его цѣлей; далѣе—оно приложитъ старанія основать собственную газету для распространенія статистическихъ и другихъ соотвѣтствующихъ цѣли общества свѣденій и замѣчаній и будетъ изыскивать средства къ заведенію ссудной кассы и другихъ учрежденій на пользу членовъ общества, устраняя при этомъ отъ участія всѣ сомнительные и нечистые элементы. Этими существенными чертами общество отличается отъ существующихъ уже педагогическихъ и другихъ подобныхъ обществъ“.

Рядомъ съ этимъ неудовлетворительнымъ матеріальнымъ положеніемъ идутъ чисто нравственныя причины, отталкивающія развитыхъ людей отъ мѣстъ учителей въ сельскихъ школахъ. Мы видѣли, какая масса начальниковъ стоитъ надъ учителемъ въ Пруссіи и Германіи вообще; но мало того, что учитель является далеко не самостоятельною личностью, ему еще приходится нерѣдко выносить униженія отъ лицъ, которыя имѣютъ надъ нимъ власть. Вотъ факты, занесенные въ статью барона Н. Корфа: „Въ 1865 году, во время премій въ вюртембергской палатѣ депутатовъ, было заявлено, какъ о недавно происшедшемъ, что мѣстный священникъ заставилъ младшаго учителя вывозить навозъ на поле пастыря. Къ такимъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ, возможность которыхъ не можетъ, однако, не вліять на

число желающихъ посвятить себя учительской профессіи, ведетъ предоставленіе слишкомъ значительной власти инспекціи, которая до 1872 года была сосредоточена и въ Пруссіи въ рукахъ духовенства, независимо отъ правительственныхъ инспекторовъ. Но вотъ и другое, также исключительное, но тѣмъ не менѣе крайне прискорбное явленіе, обрисовывающее отношеніе свѣтской инспекціи, училищнаго совѣта къ школъ и виѣстѣ съ тѣмъ общественное положеніе народнаго учителя: въ октябрѣ 1868 года въ одной изъ прусскихъ провинцій состоялся циркуляръ, которымъ виѣнялось въ обязанность сельскимъ обществамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы народныя учителя не посѣщали ресторацій и такимъ образомъ избѣгали излишнихъ расходовъ. Одинъ изъ депутатовъ обратилъ вниманіе парламента на этотъ циркуляръ, авторъ котораго оказался въ числѣ членовъ парламента на лицо. Этотъ членъ училищнаго совѣта просилъ парламентъ не останавливаться на этомъ, обезсмертившемъ его распоряженіи, такъ-какъ онъ уже достаточно осмѣянъ газетами и сатирическими журналами, и выразилъ сожалѣніе о томъ, что означенное правительственное распоряженіе получило извѣстность“. Такимъ образомъ, нѣкоторыя власти считаютъ нужнымъ слѣдить и наблюдать за частною жизнью учителя, не только во время его приготовленія къ избранной профессіи, т. е. во время пребыванія въ семинаріи, но даже и тогда, когда онъ является наставникомъ и руководителемъ дѣтей. Но если учителю обиденъ такой надзоръ со стороны разныхъ мелкихъ властей, то еще обиднѣе должно быть ему то пренебреженіе, которое онъ встрѣчаетъ среди своихъ собратьевъ по профессіи, учителей гимназій, профессоровъ и т. д. Въ одной изъ газетъ появилась статья, говорящая о томъ, что кастовый духъ долженъ быть изгнанъ изъ среды учителей и выражающая жалобы на пренебреженіе къ народнымъ учителямъ. „Статья эта, замѣчаетъ Любентъ, безъ сомнѣнія, написана какимъ-нибудь учителемъ народной школы, которому непріятно, когда профессора гимназій не обращаютъ на него вниманія. Конечно, такое невниманіе не совсемъ учтиво, но въ концѣ-концовъ гораздо лучше этимъ не очень или даже и вовсе не обижаться. Нельзя же со всѣмъ свѣтомъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ. Пусть-бы только учителя народныхъ школъ жили между собою въ согласіи! Но и до этого еще далеко. Даже учителя одной и той-же

школы далеки отъ единодушія и не признаютъ въ своихъ товарищахъ людей, равныхъ имъ по достоинству и призванныхъ къ одному и тому-же дѣлу. Авторъ жалѣетъ объ этомъ и заканчиваетъ свою статью слѣдующими, достойными полного сочувствія словами: „Желательно, чтобы въ любви къ нашему святому и великому дѣлу, въ самопожертвованіи на пользу юности, въ стремленіи къ болѣе и болѣе плодотворной дѣятельности мы всѣ сплотились и стали, какъ одинъ человекъ. Когда послѣдній остатокъ кастоваго духа будетъ изгнанъ и мы всѣ наконецъ проникнемся сознаниемъ своего положенія и духомъ своего званія, мы приобретемъ уваженіе и честь, которыя теперь, къ сожалѣнію, еще принадлежатъ къ числу благъ, только еще желательныхъ. Въ то время никто не будетъ заявлять, когда отворятся двери учительскаго собранія: „я учитель гимназіи, я учитель ремесленной школы, я учитель реальной школы, я учитель семинаріи, я учитель высшей бюргерской школы“. Я учитель — и этого будетъ довольно, чтобы наполнить сердце высокимъ чувствомъ, которое объединитъ всѣхъ членовъ нашего званія въ общемъ совѣтѣ и на общемъ дѣлѣ! Эти желанія, конечно, сбудутся только тогда, когда сельскіе учителя будутъ вообще освобождены отъ опеки.“ Вотъ что пишетъ неизвѣстный авторъ въ одной изъ нѣмецкихъ учительскихъ газетъ: „Учителя народныхъ школъ почти во всѣхъ странахъ и государствахъ Германіи находятся подъ надзоромъ или руководствомъ или, лучше сказать, подъ опекою духовнаго сословія и теологовъ, хотя собственно народная школа, какъ средство для наслажденія и распространенія образованія въ народѣ, должна рѣшить свою собственную задачу, а ея учителя, какъ главные ея органы, должны приобрести свое образованіе извѣстнымъ путемъ и подвергнуться извѣстному испытанію прежде полученія права на отправленіе обязанностей своего званія, тогда какъ условія эти относительно духовныхъ лицъ исполняются только по внѣшности. Для того, чтобы учителя, какъ *сословіе*, пользовались самостоятельностью дѣйствій въ той мѣрѣ, въ какой она предоставлена всѣмъ другимъ званіямъ и специальностямъ, авторъ требуетъ слѣдующаго: 1) Въ городахъ и селахъ учитель долженъ имѣть право засѣданія и голоса въ училищномъ правленіи. 2) Изъ церковныхъ обязанностей на него могутъ быть возложены только должности

кантора или органиста, съ назначеніемъ ему за то особаго вознагражденія. 3) Въ школьныхъ городскихъ депутаціяхъ сословіе учителей имѣеть представительство сообразно съ числомъ своихъ членовъ, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе одного представителя отъ каждаго рода школъ. 4) Въ окружныхъ училищныхъ коммисіяхъ городскіе и сельскіе учителя имѣють право голоса. 5) Всѣ учителя одного округа въ совокупности составляютъ школьный комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного учителя и собираются по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, для обсужденія дѣлъ, касающихся, какъ интересовъ школы, такъ и интересовъ учителей. Кромѣ того, онъ пользуется правомъ созывать чрезвычайныя собранія и правомъ почина въ школьныхъ дѣлахъ. 6) Черезъ каждые три года созывается особое выборно-земское училищное собраніе для совѣщанія и разсмотрѣнія дѣлъ. 7) Въ должности главнаго учителя, ректора, директора народныхъ и бюргерскихъ школъ, также какъ и въ должность учителя приготовительной учительской семинаріи могутъ быть избираемы только учителя, которые по крайней мѣрѣ впродолженіи 10 лѣтъ исправляли обязанности учителя въ народной школѣ. 8) Правомъ быть избираемыми въ директоры семинаріи пользуются только учителя семинаріи, занимавшіе эту должность по крайней мѣрѣ втеченіи 10 лѣтъ. 9) Школьные инспекторы избираются изъ среды тѣхъ учителей народныхъ школъ и семинарій, которые находились въ этомъ званіи не менѣе 30 лѣтъ. 10) На должности школьныхъ совѣтниковъ (Schulrath) и генеральныхъ училищныхъ инспекторовъ могутъ быть назначаемы только учителя семинарій, главные учителя, школьные директоры, директоры семинарій и инспекторы школъ послѣ 25 лѣтней службы“.

Народные учителя и либеральная партія ждутъ теперь всѣхъ благъ отъ новаго закона, устраниющаго вліяніе клерикаловъ на школы. Дай Богъ, чтобы эти ожиданія не были обмануты.

XV.

Покуда-же народные учителя Пруссіи, несмотря на многіе недостатки своего положенія, не сидятъ сложа руки и стараются такъ или иначе и улучшить свое матеріальное положеніе, и завое-

вать болѣе знаній и развитія. Кромѣ разныхъ обществъ, основываемыхъ ими, очень много пользы приносятъ имъ ихъ „сѣзды“. „Было время, говоритъ авторъ статьи о XX общемъ сѣздѣ нѣмецкихъ учителей (Семья и Школа, 1872, № 10), когда инья изъ нѣмецкихъ правительствъ запрещали собираться у себя общему учительскому сѣзду, опасаясь, что на немъ будутъ подниматься также вопросы политическаго характера, но ни одно изъ нихъ не думало стѣснять сѣзды мѣстные и даже поощряло ихъ, видя въ нихъ одинъ изъ залоговъ успѣховъ школьнаго дѣла. Въ Германіи учителя давно уже собираются на такъ называемыя конференціи, конвенціи, синоды, цѣлю которыхъ служить: во-первыхъ, пріученіе учителей пользоваться своими правами; во-вторыхъ, обсужденіе предметовъ, касающихся учебныхъ заведеній; въ-третьихъ, достиженіе возможно большаго единства въ обученіи; въ-четвертыхъ, укрѣпленіе и дальнѣйшее развитіе въ учителяхъ педагогическаго образованія. Благотворное сліяніе принциповъ, которое такъ важно для успѣха дѣла, вполне достигается, ибо здѣсь всякое рѣшеніе является не какъ результатъ личнаго произвола, но какъ рѣшеніе цѣлаго круга лицъ заинтересованныхъ. Конференціи даютъ молодымъ учителямъ возможность воспользоваться опытностью старыхъ; вслѣдствіе этого они не стоятъ одиноко, но въ скорѣйшемъ времени сливаются съ заведеніемъ, проникаются его интересами, начинаютъ жить общою съ нимъ жизнью; конференціи-же не допускаютъ директора вывести свою дѣятельность изъ указанныхъ закономъ границъ. Конференціи бывають ординарныя — въ началѣ, срединѣ и концѣ каждаго учебнаго семестра — и экстраординарныя. Обычный кругъ занятій ихъ заключается въ слѣдующемъ: установленіе учебнаго плана, распредѣленіе учебныхъ предметовъ и частей ихъ по классамъ, опредѣленіе методовъ преподаванія учебныхъ предметовъ, установленіе числа и свойства задачъ и домашнихъ работъ и способъ корректированія ихъ, выборъ учебниковъ, обсужденіе пріемовъ и законовъ школьной дисциплины, рѣшенія о пріемѣ и переводѣ учениковъ, обсужденіе ихъ отгѣтовъ (цензуръ), выпускъ учениковъ со свидѣтельствами о ихъ зрѣлости (Maturitätszeugniss), распредѣленіе имѣющихся въ заведеніи стипендій, выписываніе учебныхъ пособій: журналовъ, книгъ, картъ и т. п. На конференціяхъ-же обсуждаются пріемы преподаванія учителей, но вы-

говоровъ, упрековъ и т. п. учителямъ со стороны директора на конференціяхъ не бываетъ: они дѣлаются обыкновенно съ глазу на глазъ.

Учительскіе союзы есть свободныя соединенія учителей многихъ и, по возможности, различныхъ школъ въ противоположность правильно организованнымъ правительственнымъ учебнымъ коллегіямъ, учебнымъ комиссіямъ, созываемымъ для извѣстныхъ цѣлей, школьнымъ собраніямъ извѣстной мѣстности и училищнымъ обществамъ или совѣтамъ, гдѣ членами бываютъ не одни только учителя или вообще люди, стоящіе въ непосредственной связи со школою, но также и члены отъ мѣстнаго земства и духовенства. Помимо матеріальной обстановки учителя, играющей, конечно, одну изъ главныхъ ролей въ дѣлѣ развитія школы, существенный интересъ послѣдней зависитъ также отъ условій, способствующихъ учителю поддерживать и пополнять свое педагогическое образованіе и по приобретеніи имъ извѣстной служебной должности. Система такъ называемыхъ учительскихъ конференцій (*der Lehrerconferenzen*) приносить въ этомъ послѣднемъ случаѣ не мало пользы; педагогическіе журналы и хорошо устроенныя педагогическія бібліотеки также помогаютъ дѣлу самоусовершенствованія учителей, а слѣдовательно, и училищъ, но всѣхъ подобныхъ средствъ еще недостаточно для указанной цѣли. Людямъ одинаковыхъ занятій естественно соединяться въ общества, гдѣ они могли-бы высказывать свои мысли и наблюденія. Учительскіе союзы съ періодическими собраніями или съѣздами необходимы для удовлетворенія этой естественной потребности учительскаго сословія, они являются однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ къ преуспѣванію учебнаго дѣла, какъ необходимы въ своемъ родѣ общества сельско-хозяйственныя, техническія, промышленныя и т. п. для преслѣдованія свойственнымъ имъ цѣлей въ опредѣленныхъ формахъ, сознательно. Если читаемые на съѣздахъ рефераты и затѣмъ происходящія по поводу ихъ пренія не всегда могутъ приводить къ яснымъ опредѣленнымъ выводамъ, то во всякомъ случаѣ здѣсь скъазывается не мало полезныхъ замѣчаній, указаній и намековъ, которые не проходятъ безслѣдно въ дѣятельности учителей. Мѣстные учительскіе союзы выпишиваютъ сообща педагогическіе журналы и устраиваютъ бібліотеки. Наконецъ, собранія обществъ даютъ возможность обсуждать и внѣшнія условія школы. Союзы или ферейны быва-

ютъ различныя, смотря по мѣстностямъ и по категоріямъ школъ. Болѣе всего въ Германіи распространены союзы учителей народныхъ, сельскихъ и городскихъ школъ“.

Союзы учителей народныхъ школъ существовали въ Германіи уже задолго до 1848 года; но этотъ годъ, съ его движеніемъ и пробужденіемъ національныхъ стремленій, далъ этимъ союзамъ новый толчокъ: они стали стремиться къ выходу изъ той разрозненности, въ которой находились, къ соединенію въ одинъ большой союзъ. Это предложеніе вышло отъ общества саксонскихъ учителей, какъ людей болѣе образованныхъ и относительно менѣе чувствовавшихъ на себѣ гнетъ регламентаціи. 28 сентября (и до 30 сентября-же) 1848 года учителя собрались въ Эйзенахъ, въ герцогствѣ Веймарскомъ; наиболѣе радикальная часть ихъ, недовольная дѣйствіями съѣзда, отдѣлилась и собралась въ близъ лежащемъ замкѣ Варнебургѣ, но эта часть была мала и не оказала никакого вліянія на постановленія съѣзда. Съѣздъ вообще былъ немногочисленъ, и засѣданія его были довольно бурны, хотя все-таки подъ умнымъ руководствомъ предсѣдателя, проф. Кёхли (Köhly), ему удалось прійти къ извѣстнымъ результатамъ — выработать проектъ „общаго нѣмецкаго учительскаго союза“. Цѣлью этого союза должно было быть содѣйствованіе развитію національнаго образованія всего нѣмецкаго юношества черезъ основаніе и утвержденіе истинной нѣмецкой народной школы и затѣмъ соединеніе всѣхъ учителей различныхъ нѣмецкихъ школъ. Союзъ долженъ былъ быть „учительскимъ синодомъ“ (Lehrersynode), который выработалъ-бы общія основанія педагогики и охранялъ-бы интересы учительскаго сословія. Тогда же была основана „Allg. Deutsche Lehrerzeitung“, какъ органъ союза. Подробный статутъ рѣшено было выработать на слѣдующемъ съѣздѣ въ 1849 году въ Нюрнбергѣ; но въ этотъ годъ начались военныя событія и помѣшали учителямъ собраться, какъ въ 1849 году, такъ и въ 1850 году въ Касселѣ. Баварія запретила съѣзду собираться въ Нюрнбергѣ и поэтому съѣздъ 1851 года собрался въ Ганноверѣ и состоялъ всего изъ 110 человекъ, хотя здѣсь присоединился къ общему союзу союзъ учителей сѣверной Германіи. Австрія, Баварія, Гессенъ, Нассау, Мекленбургъ были закрыты для съѣздовъ. Въ 1852 году съѣздъ собрался въ Готѣ; онъ былъ также не великъ (всего 400 учи-

телей), но замѣчательнѣе по личностямъ, собравшимся на него: здѣсь между прочими присутствовали Дистервегъ и Фребель, а предсѣдателемъ былъ Бертельтъ, и до сихъ поръ редактирующей „общую учительскую газету“. Мысль объ образованіи общаго учительскаго союза была на время оставлена въ виду малочисленности собиравшихся на съѣздъ учителей и той подозрительности, съ какой относились нѣмецкія правительства къ общему учительскому съѣзду; учителя поэтому, оставляя въ сторонѣ вопросъ о матеріальномъ и социальномъ положеніи учительскаго сословія или же касаясь его только въ частностяхъ, занимались преимущественно вопросами чисто педагогическими, разбирая предметы обученія въ народной школѣ и изыскивая лучшіе методы для ихъ преподаванія. Но подозрительность людей близорукихъ была такъ велика, что они и въ этихъ занятіяхъ видѣли нѣчто опасное и противугосударственное. Такъ, на собравшемся въ 1853 году съѣздѣ въ Зальцунгенѣ, въ герц. Мейнингенскомъ, былъ поднятъ вопросъ о религіозномъ обученіи въ народной школѣ и о необходимости освободить школу отъ елеригалнаго надзора; при этомъ Дистервегъ и Шульце, бывшіе на съѣздѣ, и высказываясь по этому вопросу въ томъ духѣ, въ какомъ нынѣ признало нужнымъ рѣшить его само прусское правительство, выразили мысль, что религіозное обученіе должно быть приведено въ соотвѣтствіе съ требованіями времени. Этого было достаточно, чтобы обвинить Дистервега въ томъ, что онъ якобы соблазняетъ юношество и желаетъ ниспроверженія религіи!.. Прусское правительство циркуляромъ отъ 1 февраля 1854 года запретило своимъ учителямъ посѣщать съѣзды, а Дистервегу, уже въ 1847 г. удаленному отъ управленія берлинскою учительскою семинаріею, хотя и съ сохраненіемъ содержанія по званію директора, такъ какъ никакихъ мало-мальски благовидныхъ предложений къ простому устраненію его отъ должности не было, — было сказано, что онъ будетъ лишень пенсіи, если еще разъ появится на съѣздѣ. Съ этого времени съѣзды стали еще малочисленнѣе, хотя все-таки поднимаемые на нихъ вопросы и тѣ или другія рѣшенія, къ которымъ приходили относительно ихъ собравшіеся, не проходили безслѣдно для учительскаго сословія, а слѣдовательно, и для школы. Въ 1860 г. прусское правительство, увидя

несправедливость своихъ подозрѣній и руководимое тѣмъ благо-разуміемъ и пониманіемъ собственныхъ государственныхъ выгодъ, какимъ всегда оно отличалось, разрѣшило своимъ учителямъ посѣщать общій съѣздъ, хотя все еще не дозволяло ему собираться въ своихъ владѣніяхъ. Поэтому въ 1861 г. съѣздъ собрался въ Кетенъ (Köthen), чтобы быть вблизи отъ прусскихъ владѣній; но учителей изъ Пруссіи явилось на него мало, ибо училищныя прусскія власти не пускали на него учителей, не понимая того, что черезъ такое противодѣйствіе благоразумнымъ видамъ своего правительства, уже сознавашаго пользу съѣздовъ и поспѣшившаго исправить свою временную ошибку, они только наносятъ вредъ дѣлу просвѣщенія своего отечества. Съ этого времени другія нѣмецкія правительства, а вслѣдъ за ними даже и тогдашняя Австрія, начали разрѣшать своимъ учителямъ посѣщеніе съѣздовъ и даже давать для этого пособія. Число посѣтителей съѣздовъ стало все болѣе и болѣе увеличиваться, а самые съѣзды приобретать большее значеніе въ дѣлѣ развитія школы; съѣзды стали посѣщаться учителями и другихъ нѣмецкихъ государствъ; на нихъ пріѣзжали учителя Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Америки, Франціи и даже Россіи; наше министерство народнаго просвѣщенія въ 1862—65 годахъ послало на съѣзды нѣкоторыхъ изъ нашихъ гимназическихъ учителей. На съѣздѣ 1860 г. въ *Геръ* было уже до 800 учителей; въ 1863 г. въ *Мангеймъ* ихъ было до 2,000; точно также много ихъ было и въ 1865 г. въ *Майнцъ*, въ 1867 г. въ *Гейдельсгеймъ*, въ 1868 г. въ *Кассель*. Пруссія и Австрія, прежде такъ долго смотрѣвшія на съѣзды съ недовѣріемъ, съ этого времени радушно открываютъ имъ ворота своихъ столицъ. На съѣздахъ, бывшихъ въ 1869 г. въ Берлинѣ и въ 1870 г. въ Вѣнѣ присутствовало болѣе 5,000 учителей на каждомъ. Нынѣ въ *Гамбургъ* собралось 5,300 учителей. Жители тѣхъ городовъ, въ которыхъ собирается съѣздъ, обыкновенно даютъ собравшимся учителямъ бесплатное помѣщеніе и даже столъ, общества желѣзныхъ дорогъ уменьшаютъ для нихъ цѣну пассажирскихъ билетовъ, а иныя провозятъ и даромъ, театры предоставляютъ въ ихъ распоряженіе даровые билеты, всѣ музеи и библіотеки, конечно, открываютъ для нихъ доступъ и т. д.

Такимъ образомъ, можно считать, что нынѣ общіе съѣзды нѣмецкихъ учителей стали на твердую почву и вліяніе ихъ на школу

окончательно окрѣпло. Мѣстные учительскія общества и синоды съ ихъ собраніями все болѣе и болѣе принимаютъ видъ мѣстныхъ органовъ этого общеучительскаго собранія, которое поэтому и является для нѣмецкихъ правительствъ своего рода педагогическимъ парламентомъ, а для каждаго отдѣльнаго учителя высшею педагогическою инстанціею. Зародившаяся въ 1848 г. мысль объ общемъ учительскомъ союзѣ нынѣ, наконецъ, осуществилась и ни одно изъ нѣмецкихъ правительствъ и не подумало усмотрѣть въ этомъ какую-либо для себя опасность.

Но не одни учителя пользуются съѣздами для достиженія своихъ цѣлей и для большаго своего развитія. Женщины тоже энергически отстаиваютъ свое право быть учительницами; много сдѣлано въ этомъ отношеніи „женскимъ обществомъ“, возникшимъ въ Берлинѣ въ 1860 году. Въ 1869 г. учительницы воспользовались засѣданіями XVIII германскаго учительскаго съѣзда, чтобы организовать общество учительницъ и воспитательницъ, по уставу котораго „покровительство нравственнымъ и матеріальнымъ интересамъ учительницъ и воспитательницъ по профессіи относится къ числу существеннѣйшихъ обязанностей этого общества“.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе прусскаго первоначальнаго образованія. Надѣюсь, что мнѣ не нужно возвращаться назадъ и подводить итоги сказанному мною въ этихъ статьяхъ. Читатели поймутъ сами, что хорошо и дурно въ той организаціи школьнаго дѣла, которая господствуетъ въ Пруссіи. Но въ чемъ-бы мы ни обвиняли эту организацію, мы все-таки не можемъ сказать, что Пруссія или, лучше сказать, прусское правительство идетъ ошущью въ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ, оно вполне взвѣсило, вполне оцѣнило все, что касается образованія, и воспользовалось образованіемъ, какъ орудіемъ: быть можетъ, оно не образуетъ въ первоначальныхъ школахъ человѣка съ широкими взглядами, съ безграничною любовью къ человѣчеству, но нѣмца, и нѣмца-пруссакъ, оно образуетъ въ школѣ непремѣнно и внушить ему ту завѣтную идею, которую носить въ душѣ каждый нѣмецъ, идею объ объединеніи Германіи. „Единство Германіи, пишетъ Едгаръ Бине, вотъ глубокая, безсмѣнная, неизбѣжная мысль, которая одушевляетъ Германію и прснижаетъ эту страну по всѣмъ направленіямъ. Религія, право, торговля, свобода, деспотизмъ, все,

что существуетъ за Рейномъ, указываетъ на это рѣшеніе и неизбѣжно ведетъ къ нему. Единство германскаго отечества—вотъ мысль, господствующая здѣсь подъ каждою кровлею. Это единство, существующее пока въ мысли, есть не минутное согласіе преходящихъ страстей, но необходимый принципъ самаго процесса развитія цивилизаціи на сѣверѣ...“ И какъ-бы мы ни смотрѣли на эту идею, мы все-таки должны преклониться передъ тѣми, которые имѣютъ въ своей душѣ хоть что-нибудь такое завѣтное, такое святое, что не позволяютъ никому безнаказанно и нагло осквернять эту святиню и надругаться надъ нею.

А. Михайловъ.

О Т Е Ц Ъ.

(Съ французскаго. Ф. Коппе.)

Скользкій жизненный путь свелъ ихъ между собой,
А вѣнчали порокъ съ нищетой.
Чуть живу ю онъ поднялъ ее на дорогѣ,
Пріютилъ въ своей жалкой берлогѣ.
Уцѣпилась и тутъ нищета за нее—
Горше прежняго стало житье:
Пьяный мужъ билъ подругу свою безопадно
И ругаль: то не такъ, то не ладно;
Все суровѣй, мрачнѣй становилась жена,—
Начала огрызаться она.
Такъ тянулись невзрачныя годы;
Съ каждымъ днемъ выростали невзгоды,
Раздражалась чета все сильнѣй и сильнѣй.
Но въ одну изъ суровыхъ ночей
Въ свѣтъ явилось дитя въ ихъ могильномъ подвалѣ,
Съ кроткимъ личикомъ, полнымъ печали.
Мужа не было. День пролетѣлъ... На другой—
Пьяный мужъ возвратился домой.
Вотъ стоитъ онъ въ дверяхъ, съ люльки глазъ не спуская,
И не слышится брань площадная.
—Подойди-же, ударь! Не жалѣй кулака!—
Сорвалось у нея съ языка—
Что съ тобой? или трезвъ ты не въ мѣру?
Все молчить... вишь придумалъ манеру!—
Онъ не видѣлъ жены, не слыхалъ ея словъ,
Но въ глазахъ засвѣтилась любовь.
Прикрывая отъ стужи младенца пеленкой,
Онъ шепталъ:

Т-съ! Разбудишь ребенка!

О. Охтенская.

НАДЪ ПРОПАСТЬЮ.

РОМАНЪ

Е. ВЕРНЕРА.

I.

Было сѣрое, пасмурное осеннее утро. Густой туманъ бѣлой пеленою разстилался надъ землею. По обширной полянѣ, перерѣзывавшей обширный с—скій казенный лѣсъ проходилъ сильный, здоровый юноша, лѣтъ 16 или 17, въ грубомъ мундирѣ королевскихъ лѣсничихъ, съ охотничьею сумкою съ боку и съ ружьемъ за плечами. Перейдя поляну во всю ея ширину, онъ остановился, спокойно прислонясь въ дереву, и бросилъ равнодушный взглядъ въ глубину лѣса. Вдругъ отдаленный шумъ привлекъ на себя его вниманіе: послышался лошадиный топотъ, раздававшийся все ближе и ближе, затѣмъ стали ясно слышны шаги нѣсколькихъ людей, глухой говоръ нѣсколькихъ голосовъ, зазвучали шпоры, потомъ зашелестѣло въ кустахъ и на полянѣ показались нѣсколько человекъ въ офицерскихъ мундирахъ.

— Мы, кажется, пришли первыми, сказалъ высокій и красивый ротмистръ, окидывая мѣстность бѣглымъ взглядомъ.

Одинъ изъ его спутниковъ вынулъ часы.

— Три четверти восьмого, сказалъ онъ, — мы ѣхали очень скоро, наши противники едва-ли въ состояніи будутъ прибыть сюда ранѣе восьми часовъ. Вы, графъ, не могли выбрать худшаго утра, какъ сегодняшнее; проклятый туманъ не даетъ возможности ясно различать предметы.

Ротмистръ пожалъ плечами.

— Онъ не помѣшаетъ намъ дѣлиться на томъ разстояніи, которое мы назначили. Господа, у кого изъ васъ пистолеты?

— Тихе! вскричалъ вдругъ одинъ изъ младшихъ офицеровъ.—Мы не одни! Тамъ кто-то стоитъ?

Онъ указалъ на молодого охотника, прислонившагося къ дереву, который, окинувъ офицеровъ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, остался на прежнемъ мѣстѣ, не обращая на нихъ болѣе никакого вниманія.

— Это, вѣрно, одинъ изъ помощниковъ здѣшняго лѣсничаго, сказалъ ротмистръ, взглянувъ равнодушно на юношу.—Но, кажется, онъ намѣренъ здѣсь долго остаться. Зальфельдъ, постарайся удалить его отсюда; онъ можетъ помѣшать намъ.

Зальфельдъ послѣшно подошелъ къ юношѣ и вступилъ съ нимъ въ переговоры, но чрезъ пять минутъ онъ возвратился къ своимъ товарищамъ взволнованный и съ яркою краскою въ лицѣ.

— Ну, что онъ тебѣ отвѣтилъ? спросилъ ротмистръ.

— Онъ не хочетъ уйти! сказалъ Зальфельдъ, горячась.—Онъ въ высшей степени настойчивъ и нестерпимъ; намъ придется прибѣгнуть къ силѣ.

— Чтобы онъ сталъ шумѣть и своимъ шумомъ привлечь сюда своихъ товарищей, да еще, пожалуй, и самого лѣсничаго и тѣмъ окончательно помѣшалъ-бы нашей дуэли... Чудакъ ты, право! Я увѣренъ, что повелительнымъ тономъ ты раздражилъ этого мальчугана, и чрезъ это поставилъ насъ въ большое затрудненіе. Я самъ поговорю съ нимъ.

Ротмистръ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, направился къ юношѣ.

— У тебя есть здѣсь какое-нибудь дѣло, мой другъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ юноша лаконически.

— Тогда, надѣюсь, ты исполнишь наше желаніе и уйдешь отсюда. Мы намѣрены пробовать здѣсь ружья и пистолеты и хотѣли-бы, чтобы насъ никто не беспокоилъ. Вотъ тебѣ на пиво за это одолженіе; ступай и оставь насъ однихъ.

Слова эти сказаны были тихо, ласково, снисходительно, но такимъ тономъ, который, повидимому, не терпѣлъ возраженія; однакожь, или молодой человекъ былъ изъ числа тѣхъ, которые не подчиняются приказаніямъ, или онъ раздраженъ былъ

грубымъ и рѣзкимъ обращеніемъ поручика Зальфельда, но только онъ не взялъ предлагаемаго ему талера и возразилъ сухо:

— Благодарю, г. офицеръ! Я здѣсь останусь.

— Но я говорю тебѣ толкомъ, что мы хотимъ пробовать оружіе. Въ голосѣ ротмистра звучало уже нѣкоторое нетерпѣніе.

— Мнѣ это нисколько не мѣшаетъ, послѣдовалъ равнодушный отвѣтъ.

— Да намъ мѣшаетъ! вскричалъ офицеръ, начиная уже горячиться.—Мы вообще не хотимъ имѣть лишнихъ глазъ, слышишь ты это?

Молодой охотникъ прислонился опять къ своему дереву.

— Да, я слышу и все-таки остаюсь здѣсь. Если-же одному изъ насъ непременно нужно уйти, то...

— Безстыдный мальчишка! вскричалъ поручикъ Зальфельдъ, взявшись за саблю.

Молодой человекъ отступилъ на шагъ, окинулъ его взглядомъ съ ногъ до головы, медленно поднялъ свое ружье и осмотрѣлъ курокъ. Онъ сдѣлалъ этотъ вызовъ спокойно и кладнокровно, что до крайности раздражило офицеровъ; очень можетъ быть, юношѣ пришлось-бы дорого поплатиться за свое упрямство, еслибы не виѣшался ротмистръ; онъ тоже былъ очень раздраженъ, но сдерживался.

— Не нужно насилія! сказалъ онъ тихимъ, но рѣшительнымъ тономъ.—Домъ лѣсничаго отсюда не очень далеко, а вы знаете, что мы имѣемъ основаніе избѣгать шума. Если невозможно удалить этого мальчугана, то намъ лучше перемѣнить мѣсто. Поищите въ лѣсу другого подходящаго мѣста, а я останусь здѣсь ждать нашихъ противниковъ.

Но его товарищи думали иначе; имъ очень хотѣлось проучить дерзкаго мальчугана, который своимъ спокойнымъ и равнодушнымъ видомъ бѣсилъ ихъ до крайности. Между офицерами начался жаркій споръ, который прерванъ былъ прибытіемъ трехъ новыхъ личностей. Когда они подошли довольно близко къ спорящимъ офицерамъ, поручикъ Зальфельдъ отдѣлился отъ своихъ товарищей.

— Мнѣ приходится, господа, сказать онъ, раскланиваясь съ прибывшими господами,—сообщить вамъ непріятную новость. Мы здѣсь не одни. Посмотрите, вонъ тамъ расположился какой-то

мальчуганъ и рѣшительно объявляетъ, что не намѣренъ отсюда удалиться. Конечно, можно-бы удалить его силою, но, понимаете, онъ подыметъ шумъ, а мы, прежде всего, должны избѣгать его.

— Нельзя-ли... но я забылъ, господа, представить васъ другъ другу, сказалъ молодой человѣкъ, къ которому обратился Зальфельдъ.— Докторъ Ридъ, онъ былъ такъ добръ, что согласился принять участіе въ нашемъ дѣлѣ на случай, если понадобятся его услуги... баронъ фон-Зальфельдъ, секундантъ графа Ранека.

Оба поклонились и докторъ взглянулъ на виновника спора.

— Этотъ-то? сказалъ онъ, качая головою.— Оставьте надежду, баронъ, удалить его ласкою или силою. Я знаю этого молодца. Онъ сынъ Гюнтера, помощника лѣсничаго. Онъ скорѣе позволитъ себя убить, чѣмъ уйдетъ съ этого мѣста, если онъ объявилъ, что не намѣренъ уходить.

Зальфельдъ пробормоталъ какое-то проклетіе.

— Графъ Ранекъ, сказалъ онъ, — предлагаетъ избрать другое мѣсто...

— Этого не нужно, вмѣшался молчавшій до сихъ поръ молодой человѣкъ.— Оставьте его здѣсь, если удалить его невозможно. Докторъ, вы знаете этого молодого человѣка, можете-ли вы поручиться, что онъ не станетъ мѣшать намъ... Въ четверть часа наше дѣло кончится и исходъ его не можетъ оставаться тайною. Теперь-же убѣдительно прошу васъ, начнемте поскорѣе.

Зальфельдъ поспѣшилъ передать это предложеніе графу Ранеку.

— Онъ правъ, сказалъ ротмистръ торопливо.— Скорѣе къ дѣлу, чтобы снова не встрѣтилось какое-нибудь затрудненіе.

Между тѣмъ докторъ подошелъ къ молодому Гюнтеру и протянулъ ему руку.

— Здравствуй, Беригардъ!

— Здравствуйте, г. докторъ! отвѣчалъ юноша вѣжливо.

— Скажи ради самого неба, отчего не хочешь ты оставить этого мѣста? спросилъ его докторъ, смотря полусердитымъ и полудивленнымъ взглядомъ на 16-лѣтняго мальчика, который одинъ одержалъ верхъ надъ пятью офицерами.

— Я не хочу! былъ отвѣтъ, и въ этомъ равнодушномъ отвѣтѣ слышалось прежнее упрямство.

— Вотъ какъ! Послушай, Беригардъ, счастье твое, что ты въ будущемъ году поступишь въ военную службу. Военная дис-

циплина мигомъ выгнать изъ тебя твое упрямое „я не хочу“ и благодари Бога, если ты не попадешь подъ начальство одного изъ этихъ офицеровъ, а то дорого пришлось-бы тебѣ заплатить-ся за твое сегодняшнее упрямство; ты заплатился-бы за него и теперь, еслибы не мѣшало этому одно обстоятельство, котораго, впрочемъ, тебѣ знать не надо. Ты достигъ своей цѣли, остаешься здѣсь, но смотри-же, будь благоразуменъ, стой смирно около меня и показывай видъ, что ты ничего не видишь. Понялъ ты меня?

Выговоръ доктора, высказанный отеческимъ тономъ, кротко и дружелюбно, произвелъ на молодого упрянца желаемое дѣйствіе. Онъ счелъ себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что отстоялъ передъ офицерами свое мѣсто, и теперь далъ слово безпрекословно повиноваться требованіямъ доктора.

— Ну что? спросилъ спутникъ доктора, подходя къ нему.

— Я за него отвѣчаю, онъ намъ не помѣшаетъ.

Секунданты отиѣряли шаги и зарядили пистолеты. Противники были поставлены на очень близкомъ разстояніи одинъ противъ другого, изъ чего слѣдовало заключить, что между ними назначена дуэль на смерть, они даже не обмѣнялись поклонами передъ дуэлью, какъ того требовалъ этикетъ.

Ротмистръ стоялъ скрестивъ руки на груди и молча слѣдилъ за приготовленіями къ дуэли; легко было замѣтить, что онъ сильно волновался. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ; губы его дрожали, но достаточно было одного бѣглаго взгляда на него, чтобы убѣдиться, что не страхъ въ виду предстоящей опасности былъ причиной его волненія. Мужество ясно выражалось въ его отважно-блестѣвшихъ глазахъ, въ его прекрасномъ, оживленномъ лицѣ, которое теперь было искажено глубокою морщиною, появившеюся между его бровями; появилась она только съ прибытіемъ противниковъ и съ каждою минутою все глубже врѣзывалась въ лобъ его и сообщала ему какое-то своеобразное жестокое и враждебное выраженіе.

Противникъ его, одѣтый въ статское платье, былъ моложе его, строенъ, высокаго роста, съ серьезнымъ блѣднымъ лицомъ и черными, какъ смоль, волосами и глазами. Посмотрѣвъ на его лицо, каждый могъ сказать, что этотъ молодой человекъ предавался усиленнымъ умственнымъ занятіямъ, знакомъ съ бессонными но-

не. Слышно было только постепенно ослабѣвавшее дыханіе умирающаго; вотъ онъ испустилъ послѣдній, глубокій вздохъ, вытянулся, вновь хлынулъ потокъ крови и все было кончено.

Секундантъ опустилъ медленно на землю голову своего друга. Ни малѣйшимъ движеніемъ не нарушилъ онъ его предсмертныхъ страданій; теперь-же, когда не для кого было стѣсняться, твердость его измѣнила ему. Докторъ, уважая его горестъ, подозвавъ знакомаго молодого Гюнтера, отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Ну, Бернгардъ, сказалъ докторъ и въ его ласковомъ голосѣ зазвучала горечь, — своимъ упрямствомъ ты добился того, что присутствовалъ при дуэли. Доволенъ-ли ты?

Бернгардъ посмотрѣлъ на него; спокойное прежде лицо юноши было теперь блѣдно и хладнокровіе, которое онъ сохранялъ во все время спора своего съ офицерами, совершенно исчезло.

— Это было убійство! сказалъ онъ медленно.

— Ты такъ думаешь? Но ты видѣлъ, что оно совершено по всѣмъ правиламъ дуэли; правда, мы, свидѣтели, не сдѣлали ни малѣйшей попытки предотвратить ее, но покойникъ не жалалъ этого. Да, другъ мой, такого рода убійства совершаются очень часто. Простые смертные рѣдко прибѣгаютъ къ дуэли, она составляетъ привилегію свѣтскихъ людей.

— Но зачѣмъ-же они стрѣлялись? спросилъ Бернгардъ, все еще не отрывая своего взгляда отъ убитаго.

— Гмъ! Это мудрено объяснить, по крайней мѣрѣ тебѣ. Нанесена была глубокая, смертельная обида, которую покойный считалъ возможнымъ смыть только кровью. Какъ она была смыта, ты сейчасъ видѣлъ. Оскорбленный не умѣлъ управляться съ пистолетами, оттого онъ и промахнулся, а оскорбитель—отличный стрѣлокъ, потому онъ и убилъ своего противника. Это у насъ называется *удовлетворить свою честь*, замѣть это себѣ.

Съ этими рѣзкими тономъ высказанными словами, докторъ повернулся отъ него и снова подошелъ къ раненному.

Между тѣмъ секундантъ убитаго успѣлъ уже нѣсколько успокоиться.

— Намъ надо будетъ отнести его въ карету, докторъ! сказалъ онъ. — Хотите вы мнѣ сопутствовать въ моей печальной поездкѣ. Вы знаете, куда я долженъ отвезти тѣло; у меня не хватаетъ духу явиться туда одному съ такимъ извѣстіемъ!

— Я ѣду съ вами, отвѣтилъ докторъ, пожимая ему руку. — Каково ей будетъ перенести эту потерю, когда съ его жизнію она теряетъ все.

Они подняли покойника; Бернгардъ, хотя и не прощенный, помогалъ имъ и никто ему не препятствовалъ; тихо пошли они въ обратный путь съ своею ношею, по направленію къ стоявшему невдалекѣ экипажу.

И тихо и пусто стало на маленькой лужайкѣ, гдѣ недавно разыгралась страшная драма, гдѣ пролита была кровь молодого человѣка, полного жизни и силъ. Закончилось-ли здѣсь послѣднее дѣйствіе давно начавшейся драмы или, можетъ быть, это былъ только конецъ ея перваго дѣйствія: кто могъ разъяснить это! Солнце еще боролось съ постепенно исчезающимъ и наконецъ совершенно исчезнувшимъ въ лѣсу туманомъ. Побѣдоносные лучи его ярко заблистали и облили своимъ свѣтомъ высокія сосны съ ихъ красноватыми стволами и вертикальными верхушками, поднимавшимися въ голубомъ эфирѣ осенняго неба; освѣтили они и поблекшія листья вѣковыхъ дубовъ, озолотивъ ихъ своимъ чуднымъ блескомъ. Съ разсѣявшимся отъ солнца туманомъ исчезли и послѣдніе слѣды недавней борьбы; только на томъ мѣстѣ, гдѣ лежало тѣло, виднѣлось на травѣ темное пятно, будто тѣнь какого-то невидимаго предмета, которая оставалась неподвижной и безжизненной среди ожившей кругомъ природы.

II.

Легкій, открытый шарабанъ, запряженный бойкой парой гнѣдыхъ лошадей, быстро катился вдоль лѣсной дороги, которая вела отъ станціи желѣзной дороги Е. въ горы. Господинъ, сидѣвшій въ экипажѣ, самъ правилъ и держалъ возжи такъ равнодушно и спокойно, какъ будто для него было бездѣлицей управлять этими бойкими животными. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, не высокій, но дюжій; его черные коротко остриженные волосы окаймляли его широкій массивный лобъ, на которомъ горе и заботы успѣли наложить свою печать. Съ перваго взгляда черты его лица казались даже некрасивы; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, въ нихъ можно было вычитать многое, чего нельзя

было ожидать найти по первому впечатлѣнію. Въ его быстрыхъ и пронизательныхъ глазахъ выражался умъ и твердая воля; ясно было, что этотъ человѣкъ, разъ избравъ какую-нибудь цѣль, твердо шель къ ней, не пугаясь препятствій. Съ перваго взгляда этотъ человѣкъ казался флегматикомъ, но послѣ болѣе близкаго съ нимъ знакомства, каждый убѣждался, что это была не флегма, а холодное, обдуманное спокойствіе.

Совершенною противоположностью представляла сидѣвшая рядомъ съ нимъ молодая, едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста дѣвушка. Никакая забота еще не омрачала ея яснаго, бѣлоснѣжнаго лба; полное дѣтское счастье отражалось въ ея большихъ темно-голубыхъ глазахъ, весело и съ удивленіемъ глядѣвшихъ на незнакомый міръ, и въ привлекательной, отчасти плутовской улыбкѣ. Темные локоны, связанные лентой на темени, выбѣгали изъ подъ маленькой соломенной шляпки и падали на скромное сѣрое дорожное платье, которое облекало стройный станъ молодой дѣвушки. Необыкновенно быстрая ѣзда доставляла ей видимое удовольствіе, и не было ни малѣйшаго безпокойства въ ея голосѣ, когда она, залившись звонкимъ смѣхомъ, воскликнула:

— О, да мы просто летимъ! Пожалуй, мы еще перевернемся вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми.

— Навѣрное нѣтъ, пока я держу возжи въ своихъ рукахъ! Спокойно отвѣчалъ мужчина.

Лошади продолжали бѣжать такъ-же скоро. Молодая дѣвушка была разочарована. Она только что представляла въ своемъ умѣ картину паденія ихъ экипажа, которую нашла довольно привлекательной.

— Скоро мы въ Добру пріѣдемъ? спросила она послѣ неудавшейся попытки разсмотрѣть что нибудь въ окрестности сѣвостую густую чащу лѣса.

— Черезъ полчаса. Приготовься, Люція; какъ только мы пріѣдемъ въ Добру, я представлю тебя твоей новой наставницѣ.

Люція сморщилась, какъ будто она проглотила что-нибудь горькое.

— Желала-бы я знать, что я буду дѣлать съ этой наставницей! Ты знаешь, Вергардъ, что мнѣ еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ минуло шестнадцать лѣтъ.

Въ этихъ словахъ слышался упрецъ и даже негодованіе, но,

къ досадѣ дѣвушки, они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на ея хладнокровнаго спутника; только саркастическая улыбка мелькнула на его губахъ.

— Шестнадцать лѣтъ! Возрастъ, во всякомъ случаѣ, весьма почтенный; тѣмъ не менѣе ты должна мнѣ простить, что онъ не внушаетъ мнѣ на столько уваженія, чтобы я могъ сдѣлать тебя хозяйкой въ Дѣбрѣ; я предпочитаю, по крайней мѣрѣ, первое время отдать тебя подъ покровительство гувернантки. Ты должна знать, что фрейленъ Рейхъ обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для исполненія ея, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ легкихъ обязанностей. Ты съ ней скоро подружишься.

— Мнѣ ея вовсе не надо! ворчала Люція съ упрямствомъ избалованнаго ребенка,—я впередъ знаю, что никогда съ ней не сойдуся. Всѣ гувернантки или принужденны и скучны, какъ миссъ Гиббонъ; или нервны и сентиментальны, какъ мадемуазель Ормандъ, или торжественны и самодовольны, какъ фрейлейнъ Шварцъ, которая въ самый день свѣтопредставленія расправила бы прежде складки своего платья, чтобы съ безукоризненнымъ приличіемъ перейти въ вѣчность, или...

— Помилуй, Люція, неужели конца не будетъ твоимъ дурачествамъ? Ты слишкомъ своеобразно выражаешь свое мнѣніе о твоихъ воспитательницахъ. Конечно, судя по результату, который у меня передъ глазами, не трудно убѣдиться, какъ ограниченны были педагогическія способности твоихъ наставницъ.

— О, ни одна изъ нихъ не могла сладить со мною, отвѣчала Люція, торжественно тряхнувъ локонами;—каждую недѣлю собирались онѣ всѣ въ экстренное засѣданіе для обсужденія моихъ поступковъ. Каждый разъ послѣ засѣданія фрейленъ Шварцъ заявляла мнѣ, что я сумасшедшая, что я будоражу весь пансіонъ и произвожу революцію; мадемуазель Ормандъ проливала слезы и увѣряла, что я постоянно бываю причиною ея нервныхъ припадковъ; а миссъ Гиббонъ, подтверждая все это, качала своей сѣдой головой и ворчала съ негодованіемъ: 'tis shocking... я воображаю, какъ онѣ обрадовались, когда ты взялъ меня изъ пансіона.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ну въ такомъ случаѣ необходимо передать тебя въ хорошія руки. До сихъ поръ мнѣ не было времени слѣдить самому за твоимъ воспитаніемъ, Люція, да врядъ-ли и

впередъ я въ состояніи буду сдѣлать это; но если ты не захочешь подчиняться фрейленъ Рейхъ, то, я надѣюсь, ты будешь слушаться меня, потому-что я не позволяю никому дѣлать безпорядки въ моемъ домѣ, а тѣмъ болѣе не позволю этого сестрѣ, которая мнѣ сейчасъ ясно доказала, что ея настоящее мѣсто въ дѣтской, а не въ гостиной.

Возраженіе было сдѣлано спокойно, но такъ рѣшительно, что Люція и виду не показала, что послѣднія обидныя слова припали ей крѣпко не по сердцу. Съ нѣкоторой робостью и изумленіемъ посмотрѣла она искоса на брата, чтобы убѣдиться, серьезно-ли ей угрожала такая строгость, но въ лицѣ его она не прочла ничего утѣшительнаго. Дальнѣйшее сопротивленіе было бесполезно, хотя въ лицѣ молодой дѣвушки можно было ясно прочесть, что незавидная доля ожидала эту насильно навязанную ей гувернантку и что воспитанница поставитъ себѣ задачею сдѣлать, по мѣрѣ силъ своихъ, какъ можно тяжелѣе жизнь своей наставницы.

Бернгардъ сдержалъ лошадей: на поворотѣ показался другой экипажъ и теперь по узкой дорогѣ, извивавшейся вдоль склона горы, уже невозможно было ѣхать съ прежней быстротою. Встрѣтившійся имъ экипажъ явно носилъ на себѣ столичное происхожденіе и принадлежалъ аристократической фамиліи, на что указывали гербы на дверцахъ и богатая зеленая съ золотомъ ливрея прислуги. Въ каретѣ сидѣли двѣ пожилыя дамы въ богатыхъ городскихъ платьяхъ; хотя экипажи проѣхали очень тихо и близко одинъ подлѣ другого, но сидѣвшіе въ нихъ не обмѣнялись ни взглядомъ, ни поклономъ. Дамы важно смотрѣли въ сторону, а Бернгардъ устремилъ, повидимому, все свое вниманіе на лошадей; минутою спустя разминувшіеся экипажи снова быстро покатались далѣе.

— Бернгардъ, кто эти дамы? сказала Люція съ дѣтскимъ любопытствомъ.

— Графиня Ранекъ и ея компаньонка! отвѣчалъ онъ коротко.

— Такъ ты ихъ знаешь?

— Это мои ближайшіе сосѣди по имѣнію. Я въ своей Добрѣ ущемленъ между аристократіею и духовенствомъ: справа замокъ

Ранекъ, слѣва монастырь, а ихъ усадьбы окружаютъ мои. Я не могу сдѣлать ни шагу за границы своего имѣнія, не повстрѣчавшись съ кѣмъ-нибудь изъ ихъ обитателей. Нечего сказать, завидное сосѣдство!

— Но если тебѣ не правится положеніе этого имѣнія, такъ зачѣмъ-же ты его покупалъ? спросила наивно Люція.

— Потому-что я приобрѣлъ его за баснословно дешевую цѣну и потому еще, что при здѣшнихъ благопріятныхъ условіяхъ я могу приобрѣсти такія свѣденія и достигнуть такихъ результатовъ, которыхъ я не получилъ-бы на нашѣмъ сѣверѣ и въ десять разъ за большую цѣну. Впрочемъ, ты тутъ еще ничего не понимаешь, сказалъ онъ вдругъ и, указавъ ей рукою влѣво, прибавилъ: — посмотри лучше на эту лѣсную тропинку, она тоже ведетъ въ Добру.

— Какъ тѣнисто и прохладно тамъ, выйдемъ изъ экипажа и пройдемъ немного пѣшкомъ, сказала Люція, съ восторженнымъ удивленіемъ разсматривая окружающую мѣстность.

— Въ полуденный-то жаръ, нѣтъ, слуга покорный.

— О, я такъ давно не была въ лѣсу! Нѣсколько лѣтъ я ничего не видѣла, кромѣ городского парка и нашего обнесеннаго высокими стѣнами сада. Пожалуйста, Бернгардъ, пусти меня въ лѣсъ, хоть на четверть часа!

— Ну, хорошо! сказалъ Бернгардъ,— я согласенъ, но только на четверть часа, не болѣе. Иосифъ поѣдетъ впередъ и, обогнувъ лѣсъ, будетъ ждать насъ тамъ.

Онъ передалъ возжи сидѣвшему сзади вучеру, вышелъ первымъ изъ шарабана и собирался уже помочь Люціи выйти изъ экипажа, но молодая дѣвушка однимъ прыжкомъ очутилась на землѣ и, опередивъ брата, помчалась по направленію къ лѣсу.

Тропинка, по которой они теперь пошли, была такая тѣнистая и извивалась такъ прихотливо, что Люціи захотѣлось изслѣдовать ее по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Точно молодая серна, вырвавшаяся изъ клѣтки и возвращенная лѣсной свободѣ, понеслась она по тропинкѣ, пролегавшей сквозь верескъ и кустарники. Здѣсь гналась она за бабочкой, тамъ преслѣдовала бѣлку или отбѣгала въ сторону за цвѣткомъ. Бернгардъ видѣлъ, какъ синій вуаль ея шляпки мелькалъ то тутъ, то тамъ между деревьями, то развѣвался рядомъ съ нимъ, когда она, едва пере-

вода духъ, подбѣжала къ нему съ полными руками цвѣтовъ, причежь она непрерывно болтала, переходя отъ вопросовъ къ шуткамъ. Молодая дѣвушка вполнѣ блаженствовала.

— Ну, довольно! сказала Бернгардъ, взявъ ее за руки.— Теперь ты пойдешь возлѣ меня, видишь, лѣсъ уже кончается, а за лѣсомъ, на опушкѣ насъ ждетъ экипажь.

— Позволь мнѣ взглянуть на ущелье. Я непременно хочу знать, откуда течетъ этотъ ручей, черезъ двѣ минуты я вернусь.

Она убѣжала; Бернгардъ видѣлъ, какъ мелькнулъ ея вуаль около скалы, за которой она черезъ минуту скрылась.

— Слава Богу, что пансіонъ не выработалъ изъ нея модной барышни; она все такое-же дитя, какимъ была четыре года назадъ, когда я ее туда помѣстилъ, сказала Бернгардъ съ чувствомъ истиннаго удовольствія, смотря ей въ слѣдъ, и терпѣливо остановился ожидать ея возвращенія.

Между тѣмъ Люція достигла ущелья. Это былъ прелестный уголокъ въ лѣсномъ уединеніи. Журча и блистая катился съ высоты ручей, дробясь о гладкіе кремни и поросшіе мохомъ камни, минуя темныя скалы и исчезая въ лѣсу. Высокія буковыя деревья, сплетаясь надъ нимъ вѣтвями, образовывали сводъ; у ихъ подножія зеленѣлъ мягкій мохъ и разстилались цвѣтущіе кустарники. Мечтатель не растался-бы съ такимъ мѣстомъ, но Люціи было не до мечтаній. Сперва она окинула взглядомъ мѣстность, потомъ обратила свое вниманіе на кустъ малины, выросшій на скалѣ и покрытый множествомъ ягодъ. Люція была охотница до ягодъ. Она забыла обѣщаніе тотчасъ вернуться, забыла и грозно нахмуренныя брови брата. Ни минуты не задумываясь, пошла она по дорогѣ къ скалѣ, не безпокоясь ни мало, что дорога пролегла черезъ самый ручей. Приподнявъ платье, она съ легкостью эльфы стала перепрыгивать съ камня на камень. Вода струилась подъ ея ногами и промочила насквозь ея легкія столичныя ботинки, которыя вовсе не предназначались для прогулокъ по потокамъ. Люція радовалась отъ души и громко смѣялась, когда свѣтлыя брызги летѣли изъ подъ ея ногъ, а древесныя вѣтки касались ея лба. Маленькая соломенная шляпа висѣла у нея на рукѣ, наполненная душистыми лѣсными цвѣтами. Лента не сдерживала болѣе ея локоновъ, которые, развѣваясь, свободно падали ей на шею и плечи; она продолжала идти впередъ вверхъ по

ручью, не смотря ни на скалы, ни на древесные корни, ни на потокъ. Чѣмъ путь становился труднѣе, тѣмъ онъ ей больше нравился, и она предавалась чисто-дѣтскому восторгу. Но вотъ она, наконецъ, взобралась на скалу и остановилась, ярко освѣщенная солнечными лучами. Локоны ея развѣвались, щеки горѣли, глаза искрились и рука протянулась уже къ желанному кусту.

Но вдругъ рука ея опустилась и она вскрикнула отъ страха. Напротивъ нея, съ края ущелья, смотрѣли на нее большіе, глубокіе, темные глаза, и когда она отъ испуга отступила назадъ, изъ за кустовъ поднялась высокая фигура, въ длинной черной одеждѣ, и остановилась прямо противъ нея.

Люція страшно перепугалась; ей представилось, что она видитъ привидѣніе; первымъ движеніемъ ея была попытка обратиться въ бѣгство, но разсудокъ одержалъ тотчасъ-же верхъ. Привидѣніе при дневномъ свѣтѣ, въ полдень, когда солнце ярко свѣтитъ сквозь буковые деревья и ручей такъ весело плещется у ея ногъ, будто трунить надъ нею за ея дѣтскій страхъ! Она собралась съ духомъ и смѣлѣе взглянула на страшное явленіе: она увидѣла, что передъ нею стоялъ человѣкъ въ длинной одеждѣ, присвоенной монахамъ; онъ, очевидно, лежалъ прежде на травѣ и, по всей вѣроятности, видѣлъ ея переходъ черезъ потокъ. Книга, которую онъ читалъ, лежала на землѣ, а онъ, скрестивъ руки, смотрѣлъ на нее мрачнымъ и пристальнымъ взглядомъ.

„Это монахъ, вѣроятно, готовившій свою проповѣдь на воскресенье“, подумала она, и вся ея прежняя веселость возвратилась къ ней. Не заботясь болѣе о незнакомцѣ, который пересталъ уже ее интересовать, она принялась опустошать малиновый кустъ, а окончивъ съ нимъ, пустилась въ обратный путь. Но теперь ей приходилось пройти мимо незнакомца, который стоялъ не шевелясь, какъ вкопанный, и, главное, стоялъ на одномъ изъ большихъ камней, который она не могла миновать при переходѣ черезъ ручей. Нелюбезный монахъ, повидимому, не желалъ посторониться, хотя видѣлъ, что ей нужно здѣсь пройти. Она стала сердиться на его недогадливость и рѣшительно ступила прямо въ воду, чтобы дать ему этимъ понять, какъ неудобно было для нея, что онъ здѣсь именно избралъ себѣ постъ, и бросила на него самый неблагоприятный взглядъ. Тутъ она снова встрѣтилась съ его глазами, которые все также неподвижно, мрачно и пристально

были устремлены на ея лицо. Однако, было что-то страшное въ этомъ человѣкѣ, потому что отъ его пристального взгляда молодую дѣвушку бросило въ жаръ; теперь она еще болѣе перепугалась; она желала-бы быть теперь далеко отсюда, подѣ братниной защитой, а между тѣмъ она, какъ-бы окованная невѣдомою силою, стояла, не смѣя двинуться съ мѣста. Такъ прошло нѣсколько томительныхъ секундъ. Наконецъ, страшный незнакомецъ посторонился, и Люція, какъ испуганная серна, промчалась мимо него внизъ по ручью и исчезла въ лѣсу.

Вскорѣ встрѣтилъ ее Бернгардъ, встревоженный ея долгимъ отсутствіемъ.

— Развѣ это двѣ минуты? Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ.. но что съ тобою, дитя, ты совсѣмъ разстроена.

Люція, прижавшись къ брату, повисла на его рукѣ; теперь она чувствовала себя въ безопасности; ея веселость снова возвратилась къ ней; она оглянулась еще разъ на ущелье, и плутовская улыбка заиграла на ея губахъ, когда она отвѣчала:

— Мнѣ повстрѣчался оборотень, о которомъ говорится въ сказкахъ, что онъ всегда является въ человѣческомъ образѣ. Тамъ стоялъ человѣкъ, такой угрюмый, страшный, въ длинной черной мантии...

— Вѣроятно, это былъ одинъ изъ монаховъ сосѣдняго монастыря, равнодушно отвѣчалъ Бернгардъ. — Отцы бенедиктинцы, впрочемъ, не любятъ посѣщать лѣсную глушь, когда они прогуливаются вѣ стѣнъ своего монастыря. Такъ монашеская одежда тебя перепугала?

Люція опустила глаза и покачала головой.

— Не одежда, тихо сказала она, — а взглядъ. У него такіе необыкновенные глаза, точно у привидѣнія!

Насмѣшливая улыбка показалась опять на губахъ брата.

— Ты храбра, кажется, только съ своими гувернантками. Не прошло и четверти часа, какъ ты хвалилась, что цѣлый пансіонъ держала въ рукахъ, а теперь обращаешься въ бѣгство, встрѣтивъ монашеское платье и пару монашескихъ глазъ. Надо сознаться, что у моей сестры мужественная, героическая натура...

Люція открыла было ротъ, чтобы высказать возраженіе противъ этого упрека, но слова замерли на ея губахъ: въ эту минуту они вышли изъ лѣса на высоты и великолѣпный горный

ландшафтъ развернулся передъ ихъ глазами. Горный потокъ съ шумомъ катился по обширной равнинѣ, показались облитыя солнечнымъ свѣтомъ деревни и отдѣльные хутора, разбросанные частію вдоль потока, частію по склонамъ горъ; между ними мелькали зеленые луга, облежавшіе подошвы горъ, а надъ ними высились сосновые лѣса. На переднемъ планѣ стоялъ старинный укрѣпленный замокъ, отражавшійся въ водахъ потока; но какъ величественно ни возвышался онъ на своей скалѣ, какъ грозно ни выглядывали его сѣрые балконы и терема изъ-за зеленыхъ сосенъ, все-же онъ уступалъ другому обширнѣйшему, могучему зданію, возведенному на противоположной горѣ, окруженному огромными садами со стѣнами и пиластрами, построенными, казалось, на вѣчныя времена, съ длинными рядами оконъ и двумя великолѣпными башнями надъ главнымъ входомъ. Лучи солнца обливали ослѣпительнымъ свѣтомъ бѣлыя стѣны; и, освѣщенное полуденнымъ солнцемъ, гордо и могущественно высилось надъ долиною аббатство бенедиктинцевъ. Оно было вѣнцомъ и средоточіемъ этого чуднаго ландшафта.

Пораженная этой великолѣпной картиной Люція остановилась; восторженное восклицаніе вырвалось изъ ея груди, она стояла неподвижно, погрузясь въ нѣмое созерцаніе; Бернгардъ наклонился къ ней.

— А что, Люція, будешь-ли ты сожалѣть здѣсь объ узкихъ улицахъ столицы, о высокихъ домахъ и каменныхъ стѣнахъ пансіонскаго сада? Полагаю, что нѣтъ.

Молодая дѣвушка пробудилась отъ своего восторженного созерцанія, обвила обѣими руками шею брата и воскликнула съ необузданнымъ дѣтскимъ восторгомъ:

— О, я никогда не подозрѣвала, что міръ такъ прекрасенъ! Бернгардъ улыбнулся.

— Конечно, ты еще ничего подобнаго не видала. Посмотри туда, тамъ твое новое отечество, а теперь поѣдемъ; давно уже пора въ путь.

Онъ помогъ ей сѣсть въ экипажъ, сѣлъ самъ около нея, шевельнулъ возжами, нетерпѣливыя лошади рванулись съ мѣста и экипажъ покатился по долинѣ въ горы.

III.

— Патеръ Бенедиктъ уже вернулся?

— Нѣтъ еще, ваше преосвященство!

— Когда онъ возвратится, пусть сообщаетъ ему, что я желаю его видѣть, а также, что графъ Ранекъ ожидаетъ его здѣсь.

Камердинеръ вышелъ изъ кабинета прелата, заперъ за собою двери и поспѣшилъ исполнить полученное приказаніе.

Кабинетъ прелата составлялъ обширную комнату, убранную съ княжескимъ великолѣпіемъ. Тяжелые пунцовые шолковые занавѣсы были спущены на половину; въ комнатѣ разливался полусвѣтъ. У стола, на которомъ стоялъ дорогой письменный приборъ, сидѣлъ прелатъ на обитомъ темнымъ бархатомъ креслѣ съ позолотою. Графъ Ранекъ нетерпѣливыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Не трудно было замѣтить, что прелатъ и графъ два родные брата, сходство между ними было очевидно: тотъ-же ростъ, тотъ-же внушающій уваженіе видъ, тѣ-же большіе голубые глаза, тотъ-же очеркъ лица и то-же выраженіе неприступной гордости; у нихъ обоихъ на лбу, между бровей, обозначалась своеобразная черта, едва замѣтная при спокойномъ расположеніи духа, но которая при всякомъ волненіи ярко выдавалась и сообщала лицу рѣзкое, даже жестокое выраженіе; эта особенность была наслѣдственной въ фамиліи Ранекъ. Однако, несмотря на видимое сходство, братья представляли рѣзкую противоположность одинъ другому. Лицо прелата выражало холодное, безстрастное спокойствіе, глаза смотрѣли такъ рѣзко и пронизательно, будто они издавна привыкли насквозь видѣть всѣхъ и каждого и проникать въ самую глубь души. Строгая и важная осанка его, проглядывавшая въ волосахъ сѣдина, вмѣстѣ съ черною монашескою одеждою, дѣлали его на видъ гораздо старше брата, хотя на самомъ дѣлѣ разница въ лѣтахъ между ними была всего на одинъ годъ. Въ густыхъ, темнорусыхъ волосахъ графа едва серебрился сѣдой волосъ, глаза его были еще полны огня, въ походкѣ, манерахъ, выраженіи лица сказывалась живая, страстная натура. На графѣ былъ мундиръ, присвоенный высшимъ военнымъ чинамъ.

Обождая, пока затворилась дверь за камердинеромъ, графъ продолжалъ прерванный разговоръ.

— Ты что-то не высказываешься о Бруно; не заслужили онъ твоего неудовольствія или не случилось-ли чего-нибудь съ нимъ?

— Нѣтъ! отвѣчалъ спокойно прелать.—Патеръ Бенедиктъ теперь, какъ и прежде, отличается между своими собратьями. Онъ строго и добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и очень ревностенъ въ своей религіозной практикѣ, даже чрезчуръ ревностенъ.

— Слишкомъ ревностенъ?

— Да, я не люблю, когда мои молодые монахи заходятъ дальше, чѣмъ отъ нихъ требуется нашимъ уставомъ. Чрезмѣрное увлеченіе въ одну сторону можетъ вызвать весьма опасную реакцію.

— Ты долженъ ему это извинить, замѣтилъ графъ.—Онъ всегда былъ мечтателемъ.

— Но теперь это не годится! сказалъ прелать рѣзко.—Мнѣ не нравится, что онъ мрачно удаляется отъ прочей братіи, вѣчно одинокъ бродитъ по лѣсамъ и цѣлыя ночи просиживаетъ надъ книгами...

— И ты за это его упрекаешь? прервалъ его графъ послѣшно, недовольнымъ тономъ.—Ты, который всегда жаловался на равнодушіе къ своимъ обязанностямъ и лѣность твоихъ монаховъ! Я тебя не понимаю! Безграничная жажда къ знанію въ соединеніи съ громадными дарованіями и пламенной ревностью, которая обнаруживаетъ Бруно, даютъ право намъ надѣяться, что изъ него выработается замѣчательный дѣятель, опора католической религіи.

— Или вольнодумецъ.

— Но ради Бога, неужели ты думаешь, что Бруно...

— Нѣтъ, сказалъ прелать,—я повторяю тебѣ, что онъ еще ничѣмъ не заслужилъ моего порицанія; я убѣжденъ, что онъ перемѣнится, если ему суждено оправдать тѣ надежды, которыя ты на него возлагаешь; ты мечтаешь видѣть его современемъ моимъ преемникомъ, а можетъ быть, и чѣмъ нибудь выше; способностей у него для этого не мало, но нужно побольше разчета и либеральнѣе смотрѣть на вещи. Онъ долженъ оставить выходные,

приличныя неофиту; онъ долженъ измѣнить свой образъ жизни, если желаетъ возвышенія; меня очень беспокоитъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ понять своего прямого назначенія, что онъ не довѣряетъ своимъ силамъ и способностямъ.

Графъ ничего не отвѣтилъ, отошелъ къ окну и, отодвинувъ занавѣсъ, сталъ внимательно смотрѣть на дорогу. Прелать слѣдилъ за направленіемъ его взгляда.

— Что скажешь ты о новомъ сосѣдствѣ въ Добрѣ? спросилъ онъ.

Графъ пожалъ плечами.—Я никогда-бы не повѣрилъ, что имѣнне Зельтенофа можетъ попасть въ такія руки! сказалъ онъ презрительно.—Во всякомъ случаѣ этотъ сѣверогерманскій мужикъ поступилъ очень смѣло и рѣшительно, усѣвшись рядомъ съ нами, будто онъ намъ равный. Его просто не надо замѣчать.

Прелать всталъ очень спокойно съ своего кресла и тоже подошелъ къ окну.

— У тебя, Отфридъ, остался прежній недостатокъ: ты презираешь своихъ противниковъ, не справившись впередъ о ихъ силѣ, и на этомъ много теряешь. Гюнтеръ вовсе не изъ числа тѣхъ, кого смущаютъ сдвинутыя брови или высокомерное пожатіе плечами. Мы порѣшили не знаться съ нимъ, но онъ насъ предупредилъ и самъ не захотѣлъ заводить съ нами знакомства. Но онъ такъ повелъ свои дѣла, что вскорѣ приобрѣтетъ большое значеніе въ нашей мѣстности.

— Едва-ли! возразилъ графъ.—Онъ прибрѣлъ разоренное въ конецъ имѣніе и, повѣрь, самъ окончательно разорится.

— А я боюсь, что онъ устроитъ имѣніе и оно будетъ давать ему такіе доходы, о какихъ намъ и не снилось. Ты знаешь, что графъ Зельтенофъ умѣлъ только разоряться; этотъ-же сѣверогерманскій мужикъ открылъ новыя источники доходовъ въ этомъ имѣніи и обогащаетъ не только себя, но также своихъ фермеровъ и рабочихъ. То, что онъ сдѣлалъ тутъ втеченіи одного года, превосходить всякое вѣроятіе. Всѣ его улучшения и нововведенія вполне практичны. Я собралъ объ этомъ подробныя свѣденія. Если такъ пойдетъ дальше, то случится именно такъ, какъ онъ утверждаетъ, т. е. черезъ шесть лѣтъ это имѣніе будетъ стоять въ шестеро дороже.

— Если и такъ, то намъ какое дѣло? сказалъ презрительно

графъ.—Будемъ стараться только, чтобы онъ не вылезалъ изъ своей норы. Впрочемъ, сколько я слышалъ, онъ совершенно погруженъ въ свои хозяйственныя занятія и не имѣетъ намѣренія играть какую-нибудь политическую роль.

— Потому-что онъ здѣсь еще не обжился. Всегда опасно, если пришлецъ-протестантъ привлекаетъ къ себѣ рабочія силы страны и становится для нихъ вліятельнымъ лицомъ. Онъ и теперь ужъ успѣлъ пріобрѣсти большую популярность, надо будетъ принять противъ него мѣры. Онъ проповѣдуетъ какія-то новыя теоріи и примѣняетъ ихъ на практикѣ. Говорю тебѣ, онъ человѣкъ опасный.

Графъ едва-ли разслышалъ послѣднія слова; онъ быстро обернулся назадъ, потому что въ эту минуту дверь снова отворилась и на порогѣ показался молодой монахъ въ черной одеждѣ бенедиктинцевъ.

Ему могло быть не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, но въ лицѣ его не было ни свѣжести, ни живости, свойственныхъ его возрасту и, повидимому, ему вовсе незнакомыхъ. Роскошные темные волосы кудрями падали на высокій лобъ его и окаймляли лицо, которое можно было назвать прекраснымъ, несмотря на мертвую блѣдность и выраженіе угрюмой рѣшительности. Его холодный, почти ледяной видъ рѣзко противорѣчилъ мрачному огню его темныхъ, глубокихъ глазъ, а высокой ростъ его казался еще выше отъ длиннаго темнаго монашескаго одѣянія. Серьезно и низко поклонившись, онъ молча остановился у дверей; и хотя онъ замѣтилъ, что графъ Ранекъ желаетъ съ нимъ поздороваться, онъ только по знаку прелата медленно приблизился къ нему.

— Графъ Ранекъ желаетъ васъ видѣть, поэтому я и послалъ за вами, патеръ Бенедиктъ, пояснилъ прелатъ.—Ты, вѣрно, предпочтешь остаться съ нимъ наединѣ, Отфридъ; я не хочу мѣшать вашему первому свиданію. Ты найдешь меня въ сосѣдней комнатѣ.

Сдѣлавъ знакъ рукою, онъ вышелъ. Патеръ Бенедиктъ по-прежнему низко и покорно склонился передъ своимъ духовнымъ начальникомъ; графъ подошелъ теперь къ нему и протянулъ ему руку.

— Давно мы не видались, цѣлый годъ. Долженъ-ли я тоже воздавать его преподобію почести, приличествующія его новому

сану или для меня будетъ допущена прежняя дружба и свѣтское нмя?

Графъ видимо желалъ искренно и дружески поздороваться съ молодымъ монахомъ, но тотъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе и рука его холодно и спокойно лежала въ рукѣ графа, не отвѣчая на его пожатіе, и лицо его нисколько не измѣнилось, когда онъ отвѣчалъ уклончиво:

— О, пожалуйста, графъ!

— Такъ опекунъ и прежній покровитель можетъ воспользо-ваться своимъ старымъ правомъ, неправда-ли, Бруно? И такъ, наконецъ, достигнута цѣль, къ которой ты былъ предназначенъ съ самаго дѣтства и къ которой ты самъ добровольно стремился. Теперь ты принадлежишь къ древнему, знаменитому ордену, который каждому изъ своихъ членовъ предоставляет санъ священника. Неправда-ли, совершенно другое чувство быть посвященнымъ Господу и смотрѣть съ подножія алтаря на толпу, которая тѣснится вокругъ тебя въ ожиданіи твоего благословенія, чѣмъ, теряясь въ этой сломой толпѣ, молиться, преклонивъ колѣни?

На лицѣ молодого священника отразилось какое-то чувство, но какое именно—угадать было трудно, потому что онъ смотрѣлъ въ землю.

— Прежде всего, графъ, я долженъ высказать вамъ свою благодарность, что вы помогли мнѣ достичь этой цѣли. Одной вашей добротѣ обязанъ я и воспитаніемъ, и образованіемъ, и, наконецъ, приѣмомъ въ монастырь, который не былъ никогда доступенъ для сиротъ низшихъ классовъ общества. Я глубоко чувствую долгъ...

Лицо Ранека вспыхнуло на мгновеніе и онъ поспѣшно, почти стремительно прервалъ Бруно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни слова о долгѣ, благодарности и тому подобномъ. Я страстно желалъ видѣть тебя священникомъ и увѣренъ, что ты будешь честно исполнять свои обязанности. Братъ мой можетъ служить тебѣ достойнымъ образцомъ, но ты и его превзойдешь твоимъ безграничнымъ рвеніемъ. Я надѣялся, что послѣ твоихъ усиленныхъ занятій во время послушничества, ты найдешь, наконецъ, въ монастырѣ спокойствіе и отдыхъ, столь для тебя необходимы; но ты и здѣсь неустанно предаешься занятіямъ, бодрствуешь цѣлыя ночи напролетъ и даже въ своихъ

прогулкахъ не даешь себѣ отдохновенія. Отецъ пріоръ, на вопросъ мой, дома-ли ты, отвѣтилъ мнѣ, что ты, вѣроятно, лежишь въ лѣсу и предаешься размышленіямъ надъ какимъ-то каноническимъ сочиненіемъ, которое ты съ собою взялъ. Къ чему-же это, наконецъ, поведетъ, Бруно?

Упрекъ звучалъ очень нѣжно, но, вѣроятно, онъ разбередилъ какую-нибудь рану, потому что при словѣ „лѣсъ“ все лицо молодого монаха вспыхнуло, какъ зарево; онъ робко опустилъ глаза, и губы его слегка задрожали; но какъ внезапно разлилась краска по его лицу, также быстро она и отхлынула, и лицо его снова сдѣлалось страшно блѣдно. Отъ графа не ускользнуло это измѣненіе въ лицѣ и онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на монаха.

— Ты болѣнъ! сказалъ онъ тревожно. — Твое болѣзненное волненіе тебя изобличаетъ. Слишкомъ напряженныя занятія могутъ сокрушить даже самое желѣзное здоровье. Къ чему-же ты слишкомъ насилуешь себя? Ты молодъ, на твоей совѣсти еще не лежитъ никакого проступка, перестань-же чрезмѣрно трудиться и отказывай себѣ въ отдыхъ и развлеченіи; поступай, какъ и прочая братія. Береги себя, Бруно, я прошу тебя объ этомъ!

Онъ схватилъ обѣ руки молодого священника; онъ старался тихонько привлечь его къ себѣ и, не скрывая своего безпокойства, устремилъ взоръ на его блѣдное лицо. Въ голосѣ и во взглядѣ графа была такая мягкость и нѣжность, къ которой ни лицо, ни голосъ его не казались способными; вѣрно, не часто случалось просить графу Ранеку, но впечатлѣніе, произведенное этой просьбой, было не то, котораго онъ ожидалъ. Бенедиктъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто хотѣлъ освободить свою руку, но, вдругъ одумавшись, оставилъ ее въ рукѣ графа; во всей его манерѣ было какое-то невольное, какъ-бы инстинктивное сопротивленіе, а въ глазахъ, которые онъ теперь медленно поднималъ, отражалась, можетъ быть, бессознательно, глубокая антипатія.

— Вы слишкомъ добры, графъ, отвѣчалъ онъ холодно, какъ будто нехотя.

Ранеку выпустилъ его руку и отступилъ назадъ; онъ, казалось, понялъ отказъ; но теперь гордая мина его не выражала того презрѣнія, которое отражалось въ ней, когда онъ говорилъ о „мужикѣ“, хотя теперь онъ былъ оскорбленъ; правда, въ лицѣ

его проглянула глубокая горечь, но въ ней было болѣе печали, чѣмъ гнѣва.

— Ты непремѣнно и вѣчно хочешь видѣть во мнѣ только благодѣтеля, а не друга! сказалъ онъ скоро и горячо.—Я потерялъ надежду заслужить отъ тебя хоть тѣнь довѣрія или откровенности. Все та-же безконечная пропасть между нами! Но должень-же ты сознать, наконецъ, что теперь положеніе твое въ отношеніи меня и свѣта совершенно измѣнилось.

Щеки Бенедикта покрылись снова легкимъ румянцемъ.

— Простите, графъ! отвѣчалъ онъ.—Я глубоко чувствую свою несправедливость къ человѣку, которому я всѣмъ обязанъ, но...

— Но не можешь этого измѣнить! Хорошо, я не хочу вынужденнаго сочувствія, тѣмъ болѣе притворнаго. Надѣюсь, что теперь мы будемъ чаще видѣться, такъ какъ я все лѣто думаю пробить въ Ранекъ. До свиданія!

Онъ направился въ сосѣднюю комнату, но на порогѣ на минуту остановился, какъ-бы ожидая, что Бенедиктъ подойдетъ къ нему, но монахъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Съ недвольной миной графъ вошелъ въ кабинетъ своего брата.

— Развѣ вы уже наговорились? спросилъ прелать равнодушно.

— Бруно все также неприступенъ, какъ и прежде! отвѣчалъ графъ угрюмо.—Какъ всегда, невозмутимъ и скрытенъ.

— Отецъ Бенедиктъ, вѣрно, опять холодно отвѣчалъ на твою нѣжность, сказалъ прелать съ иронической улыбкой.—Я этого ожидалъ! Ты-бы не отпустилъ такъ скоро своего любимца, если-бы онъ обошелся съ тобою понѣжнѣе. Лучше-бы ты перенесъ свою любовь на своего собственнаго сына.

— Моего сына! А развѣ Бруно...

— Я говорю о будущемъ владѣтелѣ майората, Отффридъ, графъ Ранекъ, сказалъ прелать рѣзко.—Къ нему одному обязанъ ты питать нѣжныя чувства, которыхъ отецъ Бенедиктъ не можетъ и не долженъ понимать!

Графъ опустилъ голову на руку и сказалъ торопливо:

— Оставь эту тему, ты знаешь, что на этомъ пунктѣ наши мнѣнія всегда расходятся.

— Да, и даже слишкомъ! Ты никогда не побѣдишь въ себѣ

этой слабости. Ты правъ, оставимъ старый споръ и поговоримъ о другомъ!

Между тѣмъ отецъ Бенедиктъ, получивъ позволеніе удалиться, вышелъ изъ комнатъ прелата и отворилъ дверь въ коридоръ, соединявшій его помещеніе съ прочими зданіями монастыря. Въ темномъ прохладномъ коридорѣ медленно ходили взадъ и впередъ два монаха, разговаривая между собою. Одинъ изъ нихъ былъ тоже бенедиктинецъ, пріоръ монастыря, съ умнымъ, но неприятнымъ лицомъ, черными жгучими глазами, имѣвшими какое-то своеобразное неприятное выраженіе; казалось, что онъ велъ разговоръ, а спутникъ его только слушалъ съ подобострастною любовью. Собесѣдникъ пріора достигъ уже старческаго возраста, одежда его, присвоенная бѣлому духовенству, была очень проста, чтобы не сказать, бѣдна. Жидкіе сѣдые волосы выбивались изъ подъ черной скуфьи, которая покрывала его почти совсѣмъ лысую голову. Блѣдное, худое лицо его выражало добродушіе и даже кротость, а въ свѣтлыхъ глазахъ его, еще неугасшихъ отъ преклонныхъ лѣтъ, свѣтилась тихая покорность судьбѣ. На всей фигурѣ его лежалъ отпечатокъ робости и подчиненности; видимо, ему было не по себѣ на этомъ мраморномъ полу, въ присутствіи пріора, который покровительственно и важно-нискоходительно велъ съ нимъ разговоръ.

Они умоляли, когда къ нимъ подошелъ Бенедиктъ, который хотѣлъ пройти мимо нихъ, обмѣнявшись обычнымъ монастырскимъ поклономъ, но пріоръ остановилъ его.

— Окончена уже аудіенція у г. прелата?

— Да, ваше преподобіе.

— Такъ? сказалъ съ удивленіемъ пріоръ и, сдѣлавъ небрежное движеніе рукою, продолжалъ: — отецъ Бенедиктъ младшій изъ нашей братіи... Вы, вѣрно, еще незнакомы съ г. приходскимъ священникомъ Блиментамъ?

— Нѣтъ, ваше преподобіе.

— Онъ гость нашъ на нѣсколько дней. Графъ Ранекъ останется сегодня къ обѣду?

— Я не знаю.

Отецъ пріоръ бросилъ на него взглядъ, выразившій очень ясно, что онъ остался весьма недоволенъ его лаконическими отвѣтами. Бенедиктъ этого, повидимому, не замѣтилъ, молча ожи-

дать онъ дальнѣйшихъ вопросовъ своего начальника, но такъ-какъ они не послѣдовали, то, снова поклонившись, онъ пошелъ по коридору и скрылся въ ближайшую дверь.

Пріоръ поглядѣлъ ему въ слѣдъ и сказалъ съ выраженіемъ ненависти:

— Вы видите, почтеннѣйшій отецъ, будущаго настоятеля нашего ордена; этого желаютъ прелать и его братъ.

Старый священникъ почти съ испугомъ посмотрѣлъ на него.

— Вы шутите, ваше преподобіе! Развѣ возможно такому молодому священнику ввѣрить управленіе монастыремъ?

— Онъ воспитанникъ прелата, диво всего монастыря, отъ него ожидаютъ грандіозной и плодотворной дѣятельности. Счастье еще, что прелать не можетъ передать ему свое званіе духовнымъ завѣщаніемъ, и намъ предоставлена свобода выбора. Отцу Венедикту не мѣшало-бы поудержать свое высокоомѣріе и имѣть поменьше враговъ между братіей, если онъ серьезно мечтаетъ о подобномъ возвышеніи, на которое все-таки всѣ прочіе его товарищи имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ онъ.

— Я не замѣтилъ въ молодомъ священникѣ ни малѣйшаго высокоомѣрія, робко возразилъ приходскій священникъ, —напротивъ, я нашелъ его манеру очень почтительною и чрезвычайно приличною.

Пріоръ пожалъ презрительно плечами.

— Да, онъ отлично изучилъ всѣ монастырскія постановленія, и все-таки я даю вамъ слово, что это самый высокоомѣрный упрямецъ, какой когда-либо скрывался подъ монашеской рясой. Вѣдь вы сами слышали, какъ онъ говорилъ только: „да“, „нѣтъ“, „я не знаю“; — другихъ словъ отъ него ничѣмъ не добьешься. Взгляните ему въ глаза, есть-ли въ нихъ хоть на волосъ кротости и покорности; я въ нихъ читаю много нехорошаго; намъ еще предстоитъ вынести много горя отъ этого выскочки, которому приличнѣе принадлежать къ ордену нищихъ, а не къ аристократическому монастырю, который доступенъ только членамъ знатныхъ фамилій страны и до сихъ поръ не принималъ къ себѣ разночинцевъ, несмотря на монастырскія правила. Но нашъ г. прелать *пожелалъ*, а его милость держитъ насъ въ такой субординаціи, что едва-ли кто-нибудь изъ насъ осмѣлится противопоставить свое *нѣтъ* его всемогущей власти.

— Такъ отецъ Бенедиктъ очень низкаго происхожденія? Злая улыбка промелькнула на неприятномъ лицѣ пріора.

— Какъ кто это понимаетъ! Говорятъ, будто онъ сынъ одного изъ слугъ графскаго семейства! Дѣло въ томъ, что графъ Ранекъ боготворитъ своего воспитанника; онъ бомбардируетъ брата письмами, а теперь и личными просьбами беречь его сокровище, и отецъ Бенедиктъ отлично понимаетъ, подъ какимъ могущественнымъ покровительствомъ онъ находится. Онъ умѣетъ мастерски разыгрывать въ монастырѣ „*poli me tangere*“; никого изъ братьевъ онъ не удостоиваетъ расположеніемъ, даже разговоромъ. Всѣхъ держитъ онъ въ отдаленіи отъ себя, онъ, младшій изъ всѣхъ, изъ милости сюда допущенный! Конечно, онъ знаетъ, что онъ можетъ все себѣ позволять и всегда найдетъ себѣ защиту.

— Но я не разъ слышалъ, какъ хвалили усердіе и рвеніе юнаго брата, осмѣлился робко замѣтить приходскій священникъ.

Злобная улыбка снова появилась на губахъ пріора.

— О, да, въ этомъ у него нѣтъ недостатка, но именно это рвеніе и кажется мнѣ подозрительнымъ. *Онъ слишкомъ много думаетъ!* Это уже само-по-себѣ опасно для монастыря, а тѣмъ болѣе для монастыря, руководимаго нашимъ прелатомъ. Не правда-ли, товарищъ, вы, вѣрно, никогда этому не предавались?

Старикъ не понялъ насмѣшки.

— Нѣтъ, сказалъ онъ простодушно.—Я терпѣливо ждалъ своего назначенія и никогда не позволялъ себѣ никакихъ умышленій, которыя мнѣ недоступны по моимъ ограниченнымъ понятіямъ и познаніямъ.

Пріоръ благосклонно положилъ руку ему на плечо и сказалъ:

— И хорошо вы дѣлали, за то вы доживете спокойно своей вѣкѣ въ вашемъ приходѣ, тогда-какъ отецъ Бенедиктъ... но не хочу пророчить ему пагубную будущность. Пойдемте, уже звонитъ обѣденный колоколъ. Послѣ обѣда я постараюсь доставить вамъ аудіенцію у прелата.

IV.

Большое помѣстье Добра, состоявшее изъ нѣсколькихъ деревень и отдѣльныхъ фермъ, болѣе столѣтія принадлежало одному

богатому старинному дворянскому роду. Владѣтели его не умѣли вести своихъ дѣлъ: дурное хозяйничанье и безумная расточительность совершенно разорили ихъ, и послѣдній графъ ЗельтенOFF долженъ былъ, наконецъ, разстаться съ своимъ родовымъ имѣніемъ: по настояніямъ кредиторовъ, оно было объявлено въ продажѣ съ аукціоннаго торга, но долго не находилось на него покупателя; желая получить хоть что-нибудь, кредиторы отдали имѣніе за ничтожную цѣну чужеземцу, который, такимъ образомъ, случайно сдѣлался сосѣдомъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ страны, принадлежащихъ исключительно къ аристократіи и высшему духовенству и монастырямъ. О Гюнтерѣ только и было извѣстно, что онъ завзятый демократъ и протестантъ; но этихъ двухъ качествъ было за глаза довольно, чтобы всѣ окружные землевладѣльцы вооружились противъ него. Они рѣшили не допускать его въ свою среду, о чемъ и намѣревались, при первомъ удобномъ случаѣ, заявить ему самому. Къ сожалѣнію, этого случая долго не представлялось, потому-что новый землевладѣлецъ, повидимому, и самъ не думалъ искать сближенія съ своими надменными сосѣдами. Онъ никому не сдѣлалъ визитовъ и такъ мало интересовался владѣльцами окрестныхъ имѣній, что они сами невольно имъ заинтересовались. И дѣйствительно, то, что дѣлалось въ Добрѣ, было достойно удивленія. Улучшенія слѣдовали за улучшеніями; они предпринимались въ громаднхъ размѣрахъ и совершались съ неизмовѣрною быстротой. Новый владѣлецъ обладалъ такою неутомимою дѣятельностію, такою необъятною предпримчивостію, и притомъ располагалъ такими значительными денежными средствами, что сначала всѣ пожимали плечами, потомъ стали всматриваться, потомъ удивлялись и, наконецъ, были просто поражены. Благодаря знаніямъ и распорядительности Гюнтера, въ Добрѣ открылись такіе новые источники богатствъ, о которыхъ никому и не снилось; короче, не прошло и года со времени покупки Добры Гюнтеромъ, а положеніе дѣлъ въ этомъ имѣніи уже настолько пережѣнилось, что нельзя было болѣе сомнѣваться, что это помѣстье, на которое, по общему мнѣнію, не стоило тратить труда и капитала, въ будущемъ должно было дать громадныя доходы его теперешнему владѣльцу.

Гюнтеръ былъ правъ, говоря, что его помѣстье „ущемлено между помѣстьями знати и духовенства“; монастырскія земли, съ одной стороны, владѣнія графа Ранека, съ другой—окружали его; оба эти имѣнія были чисто-аристократическія. Прелатъ, изъ рода графовъ Ранековъ, занимая высшее духовное мѣсто, пользовался виднымъ положеніемъ въ странѣ; братъ-же его, графъ Ранекъ, теперешній владѣлецъ майората, безспорно считался въ числѣ самымъ первыхъ между аристократами. Ранеки происходили изъ древняго, богатаго и могущественнаго рода и, въ противоположность многимъ разорившимся своимъ собратамъ, умѣли сохранить, какъ могущество, такъ и богатство. Каждый изъ Ранековъ, въ которому долженъ былъ перейти майоратъ, считалъ обязанностію жениться, а сдѣлавшись владѣльцемъ майората, заботился не только о сохраненіи, но даже объ увеличеніи его. И графъ Отфридъ поступалъ по примѣру предковъ, хотя женился гораздо позже, чѣмъ это было принято въ ихъ фамиліи. Какъ младшій въ родѣ, онъ не имѣлъ никакихъ притязаній на родовыя помѣстья своихъ предковъ и служилъ въ арміи сосѣдняго государства. Вдругъ внезапная смерть его старшаго брата (второй братъ, съ дѣтства предназначенный въ духовное званіе, уже произнесъ обѣтъ монашества), сдѣлала его владѣтелемъ майората. Вскорѣ послѣ этого онъ женился на одной изъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ невѣстъ въ своей странѣ. Это былъ бракъ по расчету; женихъ и невѣста почти не знали другъ друга; соединившись бракомъ, они не перемѣнили своихъ холодныхъ отношеній; передъ свѣтомъ соблюдались самыя строгія приличія, въ домашней-же жизни они шли каждый своей дорогой, оставаясь всегда чужими другъ другу и никогда не сближаясь. Изъ всѣхъ дѣтей ихъ, умиравшихъ въ дѣтскомъ возрастѣ, остался только одинъ сынъ Отфридъ, который, въ качествѣ будущаго наслѣдника майората, имѣлъ уже теперь значеніе въ обществѣ и въ настоящее время служилъ въ военной службѣ, въ столицѣ, гдѣ отецъ его также занималъ одну изъ высшихъ и вліятельнѣйшихъ должностей.

Служба заставляла Ранековъ почти постоянно проживать въ столицѣ, и только изрѣдка лѣтомъ посѣщать наслѣдственный замокъ. Старинное зданіе, построенное въ средніе вѣка, замокъ Ранековъ былъ мало удобенъ для современной комфортабельной жиз-

ни и Ранеки должны были издержать нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ, чтобы сдѣлать его болѣе удобнымъ для жизни, оставляя, однако, нетронутой его своеобразную архитектуру. Теперешній графъ Ранекъ любилъ его, какъ родовой замокъ своихъ предковъ, а можетъ быть, и за сосѣдство съ братомъ. Теперь онъ пріѣхалъ сюда на цѣлое лѣто съ своею женою, а на-дняхъ ожидали прибытія и молодого графа.

Прошло нѣсколько недѣль съ тѣхъ поръ, какъ владѣлецъ Добры, жившій тамъ прежде одинъ, перевезъ къ себѣ свою юную сестру. Во внѣшней хозяйственной обстановкѣ пріѣздъ ея не произвелъ ни малѣйшей переменъ; хотя Гюнтеръ тратилъ большія суммы на усовершенствованія въ хозяйствѣ, но въ отношеніи себя и домашней обстановки онъ былъ чрезвычайно скромнъ. Обширный замокъ,—хотя и запущенное, но все еще великолѣпное зданіе,—меньше всего прочаго обращалъ на себя его вниманіе. Онъ отдѣлалъ только тѣ комнаты, которыя были нужны ему самому, а впослѣдствіи также и предназначенныя для помѣщенія его сестры и ея наставницы. Прочія-же комнаты оставались пустыми и необитаемыми; въ высшей степени скромная домашняя обстановка осталась тою-же и по водвореніи въ домъ обѣихъ женщинъ.

Люція, при ея подвижной натурѣ, конечно, не могла нравиться щепетильная акуратность, установившаяся въ домъ ея брата. Никого и ничего не оставляла она въ покоѣ, ставила все вверхъ дномъ и часто своими выходками производила суматоху въ цѣломъ домѣ. Еще почти ребенкомъ, она не могла тѣсно сблизиться съ братомъ или наставницею, но нашла себѣ преданныхъ товарищей въ подроставшихъ сыновьяхъ управляющаго; эти, исполненные надеждъ, юноши, какъ только убѣдились, что всѣ затѣи молодой дѣвушки сходили безнаказанно съ рукъ, сдѣлались ея ревностными сподвижниками. Не проходило дня, чтобы они не продѣлали какой-нибудь шалости; двигателя этой шалости всегда угадывали, но никакъ не могли поймать на мѣстѣ преступленія, тѣмъ болѣе, что вся комнатная и дворовая прислуга, любившая Люцію съ перваго дня ея пріѣзда, ни за что-бы ея не выдавала. Молодую дѣвушку просто на рукахъ носили, и хотя ея проказы не обходили никого и каждый ежедневно ждалъ своей очереди, но развѣвавшіеся темные локоны и блестящіе голубые глаза были солнечнымъ лучомъ для цѣлой Добры и никто не

могъ и часу серьезно сердиться на Люцію. Поэтому до Гюнтера очень рѣдко доходили слухи о шалостяхъ его сестры. Вѣчно занятый внѣ дома, онъ не имѣлъ времени наблюдать за своей сестрой. Его обращеніе съ нею было вообще снисходительно, какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, которому позволяютъ дурачиться и смотреть сквозь пальцы на его проказы, пока находятъ ихъ безвредными, а если уже онѣ начинаютъ выходить изъ границъ, то прекращаютъ ихъ простымъ запрещеніемъ. Онъ вообще не стѣснялъ Люцію, но если дѣло шло о чемъ-нибудь, что, по его мнѣнію, было выше ея пониманія, онъ просто устранялъ ее, какъ совершенно лишнюю и неопытную. Конечно, это глубоко оскорбляло самолюбіе молодой дѣвушки, но она по опыту знала, что у брата, какъ просьбами и ласками, такъ неудовольствіемъ и слезами ничего не возьмешь, и это убѣжденіе было единственнымъ средствомъ, которое сколько-нибудь обуздывало ея рѣзвость, которой не было и не могло быть преградъ, какъ-только Бернгардъ уходилъ изъ дому. Этотъ человекъ, съ его, повидимому, безстрастнымъ лицомъ и равнодушнымъ спокойствіемъ, которое никогда и ничѣмъ не возмущалось и было всегда и вездѣ кстати, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ Добрѣ, умѣлъ внушить и сестрѣ своей уваженіе къ себѣ, что, по мнѣнію ея наставницы, было самою трудною задачею.

— Нѣтъ, Люція, это заходить ужъ слишкомъ далеко; всѣмъ намъ много приходилось терпѣть отъ вашихъ проказъ, но я все еще полагала, что вы когда-нибудь дадите намъ покой, но послѣдняя ваша шалость переходитъ за предѣлы возможнаго.

Наставница, читавшая эту мораль и стоявшая передъ своею воспитанницею во всемъ величіи разгнѣванной матроны, не принадлежала, однакожъ, къ числу тѣхъ гувернантокъ, противъ которыхъ Люція протестовала, характеризуя ихъ такъ мѣтко своему брату. Достаточно было бѣзглаго взгляда на нее, чтобы убѣдиться, что о слабонервности ея не можетъ быть и рѣчи; судя-же по энергическимъ движеніямъ, которыя сопровождали ея рѣчь, нельзя было назвать ее и неподвижною. Фрейленъ Рейхъ была хорошенькая женщина, сохранившая свою свѣжесть, несмотря на то, что ей было уже тридцать лѣтъ отъ роду. Высокаго роста и крѣпкаго сложенія, съ крупными, но пріятными чертами лица, свѣтлыми волосами и глазами, она была чрезвычайно вид-

ная особа. Несмотря на то, что она была теперь въ высшей степени разгнѣвана и метала молніеносные взгляды на свою нѣжную, маленькую воспитанницу, гнѣвъ ея производилъ скорѣе комическое, чѣмъ непріятное впечатлѣніе, и невольно приходило на мысль, что она совсѣмъ не такъ была сердита, какъ это казалось съ перваго взгляда.

Люція сидѣла въ бесѣдѣ и рисовала; она низко склонила голову на рисунокъ, — оттого-ли, что она сконфузилась отъ строгаго выговора — къ сожалѣнію, уже не перваго, — или она старалась скрыть дрожавшую на губахъ улыбку, — мудро было разобрать; но, во всякомъ случаѣ, она очень усердно рисовала, не обращая, противъ своего обыкновенія, никакого вниманія на визгъ и ласки своей маленькой собачки, которая лежала около нея и выказывала большое желаніе поиграть съ нею.

— Это возмутительно! продолжала волноваться гувернантка. — Бѣдная старуха экономка имѣла несчастье признаться въ суевѣрїи, и съ этого дня являются привидѣнія, которыя рассказываютъ по всему замку, по всѣмъ ходамъ и темнымъ коридорамъ, такъ-что никто изъ людей не смѣетъ выйти за дверь, а старуха Швасть едва не заболѣла отъ страха. Вы причините кому-нибудь большое несчастье вашими безбожными выходками.

— Въ замкѣ привидѣнія? спросила Люція, поднявъ голову отъ рисунка и смотря на гувернантку съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица. — Это, однакожъ, интересно!

— Интересно?! Это отвратительно, сударыня! Вы думаете, я не знаю, кто надумилъ безбожныхъ мальчишекъ управляющаго разыгрывать роль привидѣній, кто изобрѣлъ и устроилъ нужный для этого аппаратъ? Но я все передамъ г. Гюнтеру, и Боже упаси, если которое-нибудь изъ привидѣній попадетъ въ его руки!

— Ахъ, нѣтъ, не говорите, пожалуйста, ничего Бернгарду: привидѣнія не будутъ больше являться, — право, не будутъ!

Фрейленъ Рейхъ сердито покачала головой.

— Такъ вы, наконецъ, рѣшаетесь признаться? Стыдитесь, Люція, повѣсничать съ мальчишками: вы уже взрослая дѣвица, а ваша голова набита одними шалостями. Вы вездѣ и нигдѣ, со смѣхомъ и ласками вертитесь и ускользаете у меня изъ рукъ, и въ самое то время, какъ я дѣлаю вамъ выговоръ, вы замышляете уже какую-нибудь новую штуку. Къ несчастью, цѣлый домъ

стоитъ за васъ, вы заразили всѣхъ своими дурачествами, всѣ съ вами заодно, и нужно имѣть сто глазъ и сто рукъ, чтобы справиться съ такою ртутью. Вы согласитесь со мною, что я не изъ числа слабыхъ и снисходительныхъ. Въ Н., въ школѣ, я должна была справляться съ цѣлымъ классомъ упрямыхъ и шумливыхъ учениковъ, и я держала ихъ въ порядкѣ, но съ такимъ сорванцомъ, какъ вы, пусть справляется кто-нибудь другой, но я отказываюсь.

— Отъ чего вы отказываетесь? раздался вдругъ голосъ Гюнтера, приближенія котораго никто не замѣтилъ. Люція вскочила и бросилась къ нему на-встрѣчу, нисколько не заботясь о томъ, что она уронила со стола всѣ свои рисунки, которые разлетѣлись во всѣ стороны.

— Часъ тому назадъ былъ здѣсь посланный барона Бранкова и хотѣлъ лично передать тебѣ отъ него письмо. Мы не знали, куда ты поѣхалъ. Нашелъ онъ тебя?

Гюнтеръ взялъ спокойно Люцію за руки и повернулъ ее къ столу.

— Потрудитесь прежде всего подобрать свои рисунки. — Отъ чего вы хотѣли отказаться, фрейленъ Рейхъ?

Недавно такъ энергически изливавшійся гнѣвъ гувернантки, казался, теперь совершенно стихъ; къ тому-же Люція, наскоро подобравъ свои рисунки, подошла къ ней и, обнявъ ее лѣвою рукою, положила ей на плечо свою голову; фрейленъ Рейхъ попыталась-было освободиться, но такъ и осталась при одномъ желаніи: маленькая рука крѣпко охватила ее, а потому послѣдовавшій отвѣтъ звучалъ уже не такъ грозно:

— Я снова была вынуждена читать мораль Люціи; къ сожалѣнію, она неисправима.

— Вотъ какъ! Значитъ, теперь нужно мое вмѣшательство? сказалъ Гюнтеръ, отъ котораго не ускользнулъ маневръ его сестры. — Впрочемъ, я и безъ того хотѣлъ предложить вамъ обойти со мною садъ: мнѣ нужно кое-о-чемъ съ вами переговорить; а Люція можетъ тѣмъ временемъ продолжать свое рисованье.

Маленькая рука все еще сжимала руку гувернантки, но теперь къ этому пожатію присоединился выразительный взглядъ, ясно высказывавшій ту-же нѣмую просьбу. Хотя гувернантка и сдѣлала нетерпѣливое движеніе и отвернулась въ сторону, но гнѣвъ

уже совершенно исчезъ съ ея лица и Люція, вполнѣ успокоенная насчетъ исхода разговора, пошла съ торжествомъ на свое мѣсто, чтобы снова принятыя за рисованье. Какъ только Бернгардъ и фрейленъ Рейхъ скрылись изъ виду, она положила карандашъ, посадила на столъ между рисунками свою маленькую собачку и принялась дразнить ее первую попавшеюся въ руки вещью; на этотъ разъ это былъ зонтикъ ея гувернантки, лежавшій, къ несчастью, тутъ-же около нея на скамейкѣ; не задумавшись, она отдала его на жертву зубамъ и когтямъ своей собаки.

Между тѣмъ обладательница злополучнаго зонтика прохаживалась по саду съ Гюнтеромъ. Со времени его появленія въ гувернанткѣ произошла изумительная перемѣна: въ ней не было видно ни малѣйшаго желанія искать поддержки въ его содѣйствіи; напротивъ, она готовилась, кажется, идти противъ него войною и приняла твердое рѣшеніе защищать свою воспитанницу. Угадали Гюнтеръ ея тактику или, можетъ быть, случайно, но только онъ на-время уклонился отъ главнаго предмета ихъ разговора.

— Я получилъ сейчасъ письмо отъ Бранкова, началъ Гюнтеръ спокойно, — онъ приглашаетъ меня къ себѣ завтра на балъ. Его приглашеніе для меня крайне неожиданно и непріятно, потому что я не только не сдѣлалъ ему визита, но и не думалъ вовсе о немъ. Конечно, приглашая меня, онъ имѣлъ въ виду какую-нибудь заднюю мысль, но его предупредительность ставитъ меня въ непріятное положеніе принять его приглашеніе, такъ-какъ отклонить его теперь неудобно. Всѣ они могутъ подумать, что я боюсь показаться въ ихъ обществѣ, а этого я не желаю; конечно, я имъ дамъ замѣтить, что вовсе не ищу ихъ знакомства и не имѣю въ немъ надобности... Я принялъ приглашеніе.

— А Люція? спросила гувернантка.

— Люція тоже приглашена, но такъ какъ она провинилась передъ вами, то, конечно, ей придется остаться дома.

— Это къ чему! воскликнула гувернантка съ негодованіемъ и почти съ испугомъ. — Надѣюсь, что вы не станете взыскивать съ нее за ребячество, за которое я уже достаточно ее побранила. Бѣдное дитя! — (и гувернантка бросила негодующій взглядъ на Бернгарда) — бѣдное дитя сидитъ въ заперти въ Добрѣ, нѣтъ у нея знакомыхъ сверстницъ. Мудрено-ли, что ей идутъ на умъ разныя дурачества? И вы хотите еще лишить ее удовольствія, ко-

торое такъ кстати ей представилось. Узнавъ объ этомъ, Люція проплачетъ половину дня, а этого...

— Вы не можете видѣть! докончилъ насмѣшливо Гюнтеръ.— Мнѣ кажется, фрейленъ Рейхъ, что если вы не можете справиться съ Люціей, то она сумѣла забрать васъ въ руки, какъ и вообще всѣхъ здѣсь, въ Добрѣ.

— Исключая васъ, добавила гувернантка, — но съ вами, вы сами знаете, мудро поладить.

— Вы такъ думаете? спросилъ равнодушно Гюнтеръ, и, скрепивъ руки, посмотрѣлъ на нее съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Да, я такъ думаю, пояснила фрейленъ Рейхъ, уже съ сердцемъ.— Я позволяю себѣ утверждать, что я десять разъ предпочитаю имѣть дѣло съ подвижной натурой Люціи, чѣмъ съ вашимъ нестерпимымъ хладнокровіемъ, которое ничѣмъ не возмущается, о которое разбивается даже то, что всякаго благоразумнаго человѣка довело-бы до отчаянія, и передъ которымъ трепещетъ цѣлая Добра!

— Исключая васъ! сказалъ Гюнтеръ совершенно хладнокровно.

— Я!? (фрейленъ Рейхъ подняла рѣшительно голову)—Я могу сказать смѣло, что въ моей жизни я еще ни передъ кѣмъ не трепетала, а передъ вами...

— Меньше всѣхъ! Пожалуйста, не стѣсняйтесь окончить начатую рѣчь, я ее такъ ясно читаю въ вашемъ лицѣ.

Фрейленъ Рейхъ съ досадой отвернулась, она видимо старалась подавить свой горячій темпераментъ.

— Когда вы меня приглашали сюда изъ Н., то я васъ ранѣе предупредила, сказала она коротко, — что мы и здѣсь не сдѣлаемся уживчивѣе и будемъ точно такъ же часто ссориться, какъ когда-то въ нашей деревнѣ, когда вы прибыли въ домъ лѣсничаго, а я въ пасторатъ.

Гюнтеръ хладнокровно рисовалъ своимъ хлыстикомъ разныя фигуры на пескѣ.

— Да, правда, вы постоянно и во всемъ проявляли свой горячій характеръ.

— Извините, пожалуйста, зачинщикомъ были всегда вы; мнѣ впору было только защищаться.

— Ну, что касается защиты, возразилъ Бернгардъ сухо,—то

Франциска Рейхъ издавна умѣла противустоять „нестерпимому Бернгарду“.

При этой, вѣроятно, часто повторявшейся въ ихъ прежнихъ встрѣчахъ фразѣ, Франциска слегка покраснѣла.

— Бернгардъ Гюнтеръ съ тѣхъ поръ пошелъ въ гору! сказала она вдругъ серьезно, но безъ малѣйшей горечи, — а Франциска Рейхъ была и осталась бѣдной дочерью пастора, и, служа гувернанткой, должна этимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Между нами нѣтъ теперь равенства, какъ это было прежде.

— А вы все такъ-же, какъ и прежде, читаете мнѣ мораль!

— Возьмете вы Люцію съ собою? спросила гувернантка, пере-мѣнивъ вдругъ разговоръ.

Гюнтеръ былъ нѣсколько смущенъ этимъ рѣшительнымъ перерывомъ.

— На вашу отвѣтственность! сказалъ онъ такъ-же коротко и повернулся идти.

— На мою отвѣтственность, подтвердила гувернантка, такъ-же безцеремонно повернувшись къ нему спиной и направляя шаги къ бесѣдкѣ. Здѣсь нашла она Люцію, занятую игрою съ собакою, въ зубахъ у которой былъ ея зонтикъ. Разгнѣванная гувернантка схватила руками за голову, сбросила собаку со стола, энергически завладѣла своею собственностью и снова принялась выговаривать Люціи, доказывая ей, что она вовсе не заслуживаетъ того удовольствія, которое она, фрейленъ Рейхъ, для нея только что выхлопотала; но Люція не дала ей кончить. Узнавъ, въ чемъ дѣло, она вскочила съ своего мѣста и съ громкимъ крикомъ восторга бросилась на шею къ своей наставницѣ, осыпая ее самыми необузданными ласками, такъ что маленькая собачка ея, не бывшая никогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ гувернанткой, подумала, что на Люцію сдѣлано нападеніе, и, считая своею обязанностью защищать свою госпожу, съ громкимъ лаемъ бросилась къ гувернанткѣ и стала теревить ее за платье.

— Ради Бога, закричала фрейленъ Рейхъ, разсердившись, — вы меня задушить хотите, а ваша собака намѣрена разорвать меня на части. Уймите ее и освободите меня, не то я позову на помощь!

Съ хохотомъ уняла Люція собаку, но продолжать урокъ рисованья оказалось невозможнымъ. Въ головѣ молодой дѣвушки вертѣлись мысли о предстоящемъ балѣ, въ которомъ она въ первый

разъ принимаетъ участіе; сначала пошли справки, что, *идти* и *какъ*, потомъ былъ поднятъ вопросъ о туалетѣ... Наставница видѣла, что сегодня совершенно ничего не добьешься, а потому и отложила урокъ до другого раза.

— Люція, сказала она торжественно, — есть два факта, до которыхъ мнѣ хотѣлось-бы дожить, но которые, въ сожалѣнію, оба немислимы. Я-бы желала видѣть человѣка, который въ состояніи сдѣлать васъ серьезною и благоразумною, и желала-бы узнать существо, которому удалось-бы заставить вашего брата уклониться хоть на волосъ отъ того, что онъ задумалъ сдѣлать. Вы оба представляете двѣ рѣзкія противоположности, но только въ одномъ сходны: съ вами обоими сладить невозможно.

V.

Балъ, которымъ баронъ Брацковъ хотѣлъ ознаменовать день своего ангела, уже начался. Замокъ Бранкова нельзя было и сравнивать съ грандіознымъ и роскошнымъ аббатствомъ или съ стариннымъ замкомъ графа Ранека. Замокъ барона былъ обыкновенный большой домъ помѣщика средней руки. Хозяинъ его отличался широкимъ гостеприимствомъ и на его балахъ всегда бывало многочисленное общество. Сегодня, какъ и всегда, собралось много гостей. Баронъ Бранковъ добродушный, живой и откровенный, безъ особенной аристократической спѣси, но одаренный всѣми качествами отличнаго хозяина, съ веселой улыбкой принималъ своихъ гостей. Въ числѣ прибывшихъ гостей былъ и прелатъ. Настоятель одного изъ значительнѣйшихъ монастырей въ странѣ, по своему богатству и вліянію занимавшій почти княжеское мѣсто, прелатъ былъ не очень щедръ на свои посѣщенія. Онъ бывалъ только у тѣхъ, кого хотѣлъ отличить, и немногіе могли похвалиться, что видѣли его своимъ гостемъ.

Вмѣстѣ съ прелатомъ пріѣхалъ также и отецъ Бенедиктъ. Прелатъ, отправляясь въ гости, всегда бралъ съ собою кого-нибудь изъ монаховъ, и такое предпочтеніе высоко цѣнилось въ монастырѣ. Однакожъ, молодой священникъ, какъ кажется, былъ недоволенъ выпавшимъ ему на долю отличіемъ; лицо его, какъ всегда, было холодно и угрюмо и онъ почти враждебно смотрѣлъ на бальную суету и волненіе.

Сегодня на лицахъ всѣхъ гостей замѣчались тревога и беспокойство. Взоры всѣхъ поминутно обращались на дверь, всѣ шептались, точно ожидали чего-то особеннаго; даже появленіе графа Ранека, ведущаго подъ руку свою супругу, за которыми слѣдовалъ молодой Отфридъ, не произвело обычнаго впечатлѣнія. Его, богатѣйшаго и знатнѣйшаго изъ всего сосѣдства, конечно, приняли съ тѣми-же знаками уваженія, какъ и его брата, но лихорадочное волненіе общества нисколько не измѣнилось.

Графиня не представляла своей особой ничего замѣчательнаго, выдающагося; заурядной наружности, недалекая умомъ, скучная и непредставительная, она неспособна была увлечь мужчину и, какъ мы знаемъ, находилась въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ съ своимъ мужемъ. Сынъ ея имѣлъ фамиліи черты Ранековъ, лицомъ онъ походилъ на отца; но у него не было ни пылкости отца, ни энергіи и настойчивости дяди. Самой замѣтной чертой его характера была напыщенность. Еще очень молодой, онъ былъ уже пресыщенъ наслажденіями жизни; тощій, съ вялыми чертами лица, безжизненными глазами, онъ много терялъ въ присутствіи своего красиваго отца.

Едва успѣлъ графъ Ранекъ поздороваться съ братомъ и сказать нѣсколько словъ хозяйкѣ, какъ его уже окружили со всѣхъ сторонъ. Отфридъ также принужденъ былъ отвѣчать на множество вопросовъ о столицѣ, съ которыми обратились къ нему его сверстники. Графиня сѣла съ дамами; она медленно приводила въ движеніе свой вѣеръ и лишь изрѣдка высказывала какое-нибудь замѣчаніе, находя, что она уже достаточно сдѣлала для общества, почтивъ его своимъ присутствіемъ.

— Любезнѣйшій Бранковъ, остановилъ его на минуту графъ, когда онъ проходилъ мимо его, — скажите, пожалуйста, что сегодня съ вашими гостями: всѣ въ тревогѣ, всѣ разсѣяны! Ожидаютъ кого-нибудь или вы готовите намъ какую-нибудь неожиданность?

Баронъ улыбнулся нѣсколько принужденно.

— Вы угадали! Но этотъ Гюнтеръ, вѣрно, хочетъ поважничать, что заставляетъ ждать себя такъ долго.

Графъ вздрогнулъ, какъ-будто получивъ неожиданный ударъ.

— Кто?

— Нашъ сосѣдъ изъ Добры! Развѣ вамъ не извѣстно, что онъ въ числѣ приглашенныхъ?

Графъ Ранекъ отступилъ шагъ назадъ. Лицо его приняло надменное, мрачное выраженіе.

— Надо сознаться, Бранковъ, что вы слишкомъ много требуете отъ вашихъ гостей, сказалъ онъ холодно.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ съ удивленіемъ баронъ, — развѣ объ этомъ вамъ не было сообщено? Приглашеніе его состоялось по настоятельному желанію его преосвященства, г. прелата.

— Моего брата? спросилъ графъ съ удивленіемъ.

— Ну да, вашего брата. Я-бы самъ не рѣшился на это; но г. прелатъ, можно сказать, сдѣлалъ это приглашеніе условіемъ своего присутствія здѣсь, такъ что я не могъ не позвать Гюнтера, что, признаюсь, было мнѣ не совсѣмъ пріятно.

Графъ остолбенѣлъ, онъ не могъ понять причины такого поведенія брата; воспользовавшись, что кто-то заговорилъ съ Бранковымъ, графъ подошелъ къ брату и отвелъ его въ углубленіе окна.

— Знаешь-ли ты, что сегодня ждутъ сюда этого Гюнтера изъ Добры?

— Разуѣтается, знаю!

Голосъ прелата звучалъ рѣшительно, онъ видѣлъ приближеніе грозы.

— А это правда, будто-бы приглашеніе состоялось по твоему настоятельному желанію?

— И это правда.

— Ну, такъ пусть кто-нибудь другой это разберетъ, а моего ума на это не хватитъ! воскликнулъ графъ въ негодованіи, и тихо, но гнѣвно топнулъ ногою, такъ что шпоры его зазвучали.

Прелатъ пожалъ слегка плечами.

— Ты знаешь, сказалъ онъ, — что мнѣ необходимо узнать этого человѣка. Я долженъ видѣть его въ лицо, составить понятіе о его личности, чтобы знать, чего отъ него можно ожидать. Мнѣ, въ моемъ положеніи, всякое сближеніе съ нимъ невозможно; я могъ съ нимъ встрѣтиться только на нейтральной почвѣ, а потому Бранковъ и долженъ былъ взять это на себя.

— Ты дѣйствуешь, по обыкновенію, сообразно съ своими выс-

шими дѣлами, сказалъ съ горечью графъ, — и, кажется, забываешь, что этимъ приглашеніемъ ты открылъ Гюнтеру путь въ нашъ кругъ, который до сихъ поръ былъ для него недоступенъ; этимъ ты дѣлаешь непріятность всѣмъ нашимъ сосѣдямъ и подаешь имъ въ высшей степени опасный примѣръ.

Прелатъ окинулъ взглядомъ все общество и едва замѣтная, насмѣшливая улыбка мелькнула на его губахъ.

— Ты думаешь? сказалъ онъ. — Посмотри хорошенько и узнаешь, что всѣ, рѣшительно всѣ жаждутъ познакомиться съ новымъ владѣльцемъ Добры, и такъ какъ имъ всѣмъ очень удобно прикрыться моею отвѣтственностью, то я думаю, что могу скорѣе рассчитывать на всеобщую благодарность.

— Поступай, какъ знаешь, сказалъ холодно графъ. — Но надѣюсь, что ты найдешь естественнымъ, если я и моя семья не выкажемъ никакого вниманія этому мѣщанину.

— Всегда-ли ты имѣлъ такую антипатію къ мѣщанству?

Ранекъ готовъ былъ вспылить.

— Братъ! вскричалъ онъ.

— Тише, Отфридъ! ты забываешь, что мы здѣсь не одни и что всѣ за нами наблюдаютъ. Я не могу выносить противорѣчій въ твоемъ характерѣ, а то-бы избавилъ тебя отъ воспоминаній. Впрочемъ, я взялъ съ собою Бенедикта, говорилъ ты уже съ нимъ?

Прелатъ употребилъ самое дѣйствительное успокоительное средство. Выраженіе лица графа смягчилось, какъ только онъ увидалъ Бенедикта. Къ тому-же приближеніе молодого графа положило конецъ разговору; прелатъ обратился къ племяннику.

— Ну, какъ тебѣ нравится въ нашемъ горномъ уединеніи послѣ столичной жизни? спросилъ онъ шуточно.

По лицу Отфрида можно было прочесть, что ему одинаково скучно, какъ въ столицѣ, такъ и тутъ; но онъ, конечно, не рѣшился-бы даже намекнуть объ этомъ своему дядѣ.

— Всякая перемѣна имѣетъ свою прелесть. Однакожъ, горы встрѣтили меня весьма непривѣтливо, когда вчера я дѣлалъ имъ первый визитъ. Я ѣхалъ верхомъ черезъ мостъ, откуда идетъ тропинка въ горы; вдругъ лошадь моя остановилась безъ всякой видимой причины, когда-же я хотѣлъ принудить ее идти далѣе, она поднялась на дыбы и упала вмѣстѣ со мною, такъ что я

по особенному счастью остался цѣль и невредимъ. Старый Флоріанъ, ѣхавшій вмѣстѣ со мною, человѣкъ, какъ вы знаете, зараженный предрасудками, увѣряетъ, что Альманзору привидѣлось что-нибудь ужасное, и пророчить мнѣ какое-то несчастье. Пожалуй, можно и согласиться съ нимъ, что это не совсѣмъ счастливое предзнаменованіе.

Онъ говорилъ шутя и улыбаясь, но графъ, слышавшій его рассказъ, нахмурилъ брови.

— Всею виною была, конечно, твоя бѣшеная ѣзда. Ты долженъ больше обращать вниманія на свое здоровье; ты знаешь, какъ тебѣ нужно его беречь.

При этомъ онъ кинулъ нимолеетный взглядъ на блѣдное лицо сына, но въ этомъ взглядѣ не было и тѣни той тревожной нѣжности, съ которою онъ недавно всматривался въ другое блѣдное лицо, и въ голосѣ его было болѣе упрека, чѣмъ опасенія.

— Да, кстати, продолжалъ онъ живѣе, — я намѣренъ представить тебѣ отца Бенедикта. Помнишь ты его?

— Отца Бенедикта? Не помню, сказалъ Отфридъ равнодушно.

— Но ты не можешь не помнить мальчика Бруно, который, сколько я знаю, часто бывалъ у васъ въ домѣ, въ то время, какъ учился въ семинаріи, замѣтилъ прелата.

Слова дяди вызвали у Отфрида смутное воспоминаніе.

— Ахъ, да, того мальчика, который воспитывался и обучался подъ покровительствомъ отца, — помню. Надо признаться, что онъ былъ нелюдимый, упрямый мальчишъ, котораго невозможно было заставить говорить или играть! Отецъ осмылалъ его благодареніями, но онъ никогда не умѣлъ быть благодарнымъ, его всегда приходилось почти силою вести въ замокъ. Нестерпимый мальчишка!

Злобная улыбка снова появилась на губахъ прелата; молча посмотрѣлъ онъ на брата, лицо котораго мгновенно вспыхнуло.

— Я никогда не могъ понять, какъ могъ отецъ выбрать мнѣ *такого* товарища? продолжалъ молодой графъ, гордо поднимая голову. — Онъ, вѣрно, сынъ котораго нибудь изъ нашихъ слугъ.

— Чѣмъ былъ прежде отецъ Бенедиктъ, тебѣ до этого нѣтъ дѣла, сказалъ графъ сердито. — Теперь онъ священникъ, облеченъ въ тотъ-же самый санъ, какъ и твой дядя, и ты будешь отно-

ситься къ нему съ почтеніемъ и уваженіемъ, подобающимъ его сану, я этого отъ тебя требую.

Замѣчаніе, высказанное хотя и глухимъ голосомъ, звучало очень рѣзко; конечно, Ранеки были ревностные католики и прелатъ самъ старался поддерживать такое настроеніе въ своей фамиліи. Священникъ былъ предметомъ уваженія для этого гордаго рода и графу Отфриду съ самыхъ малыхъ лѣтъ внушали уваженіе къ священническому сану и благоговѣніе къ религіознымъ обрядамъ. Поэтому горячая защита отца его нисколько не удивила.

— Бенедиктъ во всѣхъ отношеніяхъ оправдалъ мои ожиданія, продолжалъ графъ уже болѣе мягкимъ тономъ.—Я желаю, чтобы ты избралъ его своимъ духовникомъ на время нашего пребыванія здѣсь и по возможности бывалъ чаще у него; я надѣюсь, между вами установятся болѣе дружественныя отношенія, чѣмъ въ дѣтствѣ.

Внѣшняя покорность и уваженіе къ старшимъ строго наблюдались въ домѣ Ранековъ, но внѣшностью дѣло и кончилось; она замѣняла сердечное влеченіе, котораго вовсе не существовало въ отношеніяхъ этой семьи. Отфридъ поэтому ни однимъ словомъ не возразилъ на рѣшительно высказанное желаніе отца, хотя на лицѣ его легко было прочесть, какъ это желаніе ему неприятно.

Между тѣмъ прелатъ знакомъ подозвалъ Бенедикта и графъ Ранекъ подвелъ его къ сыну; но тотчасъ-же можно было замѣтить, что дружескія отношенія между ними никогда не установятся.

Отфридъ послѣ полученнаго замѣчанія, принудилъ себя быть вѣжливымъ, а Бенедиктъ остался холоденъ и сосредоточенъ; молодые люди будто чувствовали, что ихъ раздѣляетъ бездонная пропасть.

Наконецъ, пріѣхалъ всѣми ожидаемый владѣлецъ Добры; подъ руку съ своею сестрою онъ подошелъ къ хозяину, стоявшему недалеко отъ входа. Баронъ сперва смутился, но, какъ свѣтскій человѣкъ, скоро оправился и учтиво, хотя нѣсколько принужденно, привѣтствовалъ новаго гостя и поспѣшилъ представить своей женѣ: „г. Гюнтера изъ Добры“. Баронесса поступила точно также, она сдѣлала все, чего требовало приличіе отъ хозяйки дома, такъ что вскорѣ Гюнтеръ остался одинъ у вресла, на во-

торомъ сидѣла его сестра. Никто изъ остального общества, по-видимому, не рѣшался первымъ заговорить съ незнакомцемъ, хотя каждый интересовался этимъ незнакомцемъ. Нелегко быть предметомъ любопытныхъ, недоброжелательныхъ и коварныхъ взглядовъ, которые со всѣхъ концовъ залы устремлялись на одинъ пунктъ; но Гюнтеръ выносилъ ихъ съ изумительнымъ спокойствіемъ и, съ своей стороны, обводилъ общество медленнымъ, испытующимъ взглядомъ; и въ этомъ взглядѣ выражался вопросъ, послужившій ему, вѣроятно, единственнымъ побужденіемъ принять полученное приглашеніе: „чего вы, наконецъ, отъ меня хотите?“

Молодость и красота легко побѣждаютъ все, неисключая даже самыхъ закоренѣлыхъ предразсудковъ; Люція однимъ своимъ появленіемъ успѣла сразу обезоружить самыхъ ожесточенныхъ своихъ противниковъ. Мужчины не замедлили вывести заключеніе, что всѣ прочія дамы далеко уступали ей въ красотѣ. Молодежь видимо порывалась измѣнить своимъ аристократическимъ принципамъ, но страхъ возбудить гнѣвъ почтенныхъ отцовъ и матерей удерживалъ ихъ порывъ. Отфридъ, однакожь, рѣшился поднять знамя бунта.

— Эта дѣвушка восхитительна! воскликнулъ онъ съ несвойственнымъ ему увлеченіемъ,—я подойду къ ней и приглашу танцевать.

— Но Ранекъ, сказалъ ему кто-то,—подумай, она вѣдь сестра этого...

— Что-же такое! Они гости барона и приглашены по желанію моего дяди! Пусть онъ и будетъ въ отвѣтъ.

Съ этими словами Отфридъ подошелъ къ кружку дамъ, попросилъ хозяйку представить его Люціи и пригласилъ ее на первый танецъ.

Гюнтеръ смотрѣлъ равнодушно на приближеніе молодого офицера, но, когда было произнесено имя Ранекъ, онъ содрогнулся и въ лицѣ его отразилось непріятное удивленіе. Невольно онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы остановить сестру, но въ ту-же минуту ему пришло на мысль, что отказъ танцевать можетъ быть сочтенъ за оскорбленіе. Онъ позволилъ Люціи встать съ графомъ въ ряды танцующихъ, но слѣдилъ за ними безпокойнымъ и недовольнымъ взглядомъ.

— Позвольте мнѣ, г. Гюнтеръ, познакомить васъ съ досто-
почтеннымъ прелатомъ нашего монастыря, раздался въ эту минуту
голосъ барона, и Гюнтеръ, повернувшись, увидѣлъ передъ собою
духовную особу.

Оба съ минуто молча смотрѣли другъ на друга. Прелатъ впился
испытующимъ взглядомъ въ лицо Гюнтера, желая вычитать въ
немъ, что за человѣкъ былъ этотъ протестантъ, но увидѣлъ без-
страстное, холодное и невозмутимо-спокойное лицо. Къ тому-же
результату пришелъ и Гюнтеръ, пожелавшій прочесть въ лицѣ
прелата. Однакожъ, оба они прочитали много. Гюнтеръ улыбнулся,
замѣтивъ возбужденное состояніе тѣснившагося вокругъ нихъ об-
щества; онъ понялъ теперь, зачѣмъ его пригласили. Прелатъ, съ
своей стороны, рѣшилъ, что Гюнтеръ можетъ быть опаснымъ про-
тивникомъ, съ которымъ нужно дѣйствовать осторожно и съ огляд-
кой. Баронъ вздохнулъ свободно, когда самъ виновникъ злопо-
лучнаго происшествія пожелалъ выступить на поле дѣйствія и
тѣмъ снять съ плечъ тяжесть, которая, видимо, безпокоила все
общество съ минуты появленія Гюнтера. Всѣ были поражены не-
постижимымъ желаніемъ его преосвященства, — которое не было ни
для кого тайной, — пригласить Гюнтера; они еще болѣе были пораже-
ны когда увидѣли, что прелатъ сдѣлалъ первый шагъ къ знакомству
съ этимъ „высочкой“. Прелатъ всегда держалъ себя гордо и
недоступно; между нимъ и простыми смертными лежала непреодо-
лимая преграда и вдругъ для протестанта эта преграда незамѣтно
пала и, вмѣсто недоступнаго духовнаго лица, явился свѣтскій че-
ловѣкъ съ предупредительностью и тактомъ старающійся завязать
съ незнакомцемъ разговоръ и тѣмъ облегчить ему трудъ войти въ
новое для него общество. Гости барона были поражены поведени-
емъ прелата и вмѣстѣ обрадованы: оно развязывало имъ руки.
Всѣ они горѣли любопытствомъ узнать поближе Гюнтера; теперь
они считали себя вправѣ знакомиться съ нимъ и такъ поспѣшно
воспользовались этимъ правомъ, что Гюнтеръ не успѣвалъ отвѣ-
чать на привѣтствія и на вопросы, со всѣхъ сторонъ обращенные
къ нему.

Съ такой-же предупредительностью въ танцевальной залѣ мо-
лодые люди обращались съ Люціей. Она танцевала съ увлечені-
емъ. Въ первый разъ въ жизни она была въ большомъ обще-
„Дѣло“, № 3.

ствѣ, въ первый разъ попала она изъ дѣтской въ бальную залу и, конечно, все показалось ей здѣсь прекраснымъ. Но она видѣла только пеструю разодрѣтую толпу, слышала гремѣвшую музыку, все-же прочее для нея не существовало. Взволнованная радостью и танцами, Люція едва-ли подозрѣвала, сколько было очаровательной прелести въ ея волненіи. Ея кавалеръ это замѣтилъ. Привыкшій думать, что его вездѣ считаютъ выгоднымъ женихомъ и кокетничаютъ съ нимъ, рассчитывая выйти за него замужъ, Отфридъ самъ увлекался этимъ ребенкомъ, который по-дѣтски, простодушно предавался удовольствію, не заботясь скрывать своего восторга. Онъ былъ убѣжденъ, что Люція также охотно танцевала-бы съ младшимъ сыномъ любого изъ здѣшнихъ помѣщиковъ, какъ и съ нимъ, будущимъ владѣльцемъ майората. И онъ настолько увлекся ею, что даже вялое лицо его оживилось. Отфридъ, если хотѣлъ, могъ быть очень любезенъ съ женщинами, могъ даже увлекать; онъ умѣлъ блеснуть краснорѣчіемъ, когда ему этого хотѣлось; все смѣлѣе и смѣлѣе онъ напентывалъ Люціи любезности; она простодушно смѣялась; но онѣ ей нравились и она принимала ихъ за чистую монету. Вдругъ Люція содрогнулась; она замѣтила, что на нее смотрятъ тѣ ужасные глаза, которые такъ перепугали ее въ лѣсу. Она страшилась ихъ, но не могла отвести отъ нихъ своихъ глазъ. Отфридъ посмотрѣлъ по тому-же направленію.

— Отецъ Бенедиктъ, кажется, наводитъ на васъ страхъ, сказаль онъ шутливо. — Я тоже долженъ признаться, что въ его присутствіи чувствую себя не совсѣмъ хорошо, хотя онъ любимецъ моего отца и дяди. Этотъ фанатикъ ненавидитъ все, что носитъ имя молодости и удовольствія. Посмотрите, какое у него лицо; такъ и кажется, что онъ готовъ-бы былъ низвергнуть всѣхъ танцующихъ, а особенно васъ и меня, на самое дно адской пропасти.

Во всякомъ другомъ случаѣ Люція не задумалась-бы тоже пошутить и посмѣяться, но теперь у нея не хватило духу. Эта высокая, темная фигура, одинокая среди волнуемой толпы, приводила Люцію въ трепетъ. Лицо молодого монаха утратило теперь свое холодно-презрительное выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на суетное движеніе въ началѣ бала. Была-ли то игра воображенія, но Люціи показалось, что эти глубокіе жгучіе глаза во всей толпѣ искали только ее и ея кавалера, какъ-будто слѣ-

дили за ними, и когда Отфридъ охватилъ ея станъ и ея темные локоны коснулись его плеча, эти ужасные глаза сверкнули какимъ-то зловѣщимъ взглядомъ. Молодая дѣвушка крѣпче прижалась къ графу, какъ-бы ища его защиты. Разумѣется, графъ Отфридъ не понялъ ни этого движенія, ни овладѣвшаго его дамой смущенія, которое сообщило ея веселому смѣху и остроумнымъ отвѣтамъ что-то принужденное. Онъ растолковалъ это въ свою пользу. Веселье Люціи въ танцахъ было нарушено, она стала разсѣянной и тогда только вздохнула свободно, когда, по окончаніи вальса, исчезъ предметъ ея страха, а вмѣсто него она замѣтила невдалекѣ фигуру своего брата.

Отфридъ подвелъ ее къ ея мѣсту и едва она успѣла сѣсть, какъ многіе кавалеры, послѣдовавъ примѣру графа, окружили ее, приглашая наперерывъ на слѣдующіе танцы. Какъ ни хотѣлось Отфриду пригласить ее на слѣдующій танецъ, но на сынѣ графа Ранека лежали свѣтскія обязанности въ отношеніи разныхъ знатныхъ дамъ, которыя онъ долженъ былъ выполнить, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ своего отца, который и то уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на его смѣлый поступокъ. Съ едва скрываемою досадою поклонился онъ Люціи и отошелъ отъ нея, чтобы пригласить уже нѣсколько увядшую графиню, которая поспѣшила пустить въ дѣло все свое кокетство, но, къ ея сожалѣнію, совершенно даромъ. Молодой графъ никогда не казался такимъ нечувствительнымъ, какъ на этотъ разъ. Сколь возможно скорѣе отдѣлался онъ отъ обязательныхъ танцевъ, требуемыхъ этикетомъ, и ему посчастливилось еще нѣсколько разъ танцевать съ этимъ прелестнымъ существомъ, которое, къ великому негодованію всѣхъ прочихъ дамъ, его окончательно очаровало. Гюнтеръ появился только для того, чтобы удостовѣриться, что Люція разсталась съ своимъ кавалеромъ, и, увидя, что она танцуетъ съ другими, поручилъ ее покровительству одной изъ пожилыхъ дамъ и возвратился къ остальному обществу, гдѣ вскорѣ опять столкнулся съ прелатомъ, который снова вовлекъ его въ разговоръ и удержалъ на нѣкоторое время. Между-тѣмъ танцы на нѣкоторое время были пріостановлены. Какъ только ему удалось освободиться, онъ отправился за Люціей. Ея не было въ залѣ. Встревоженный этимъ, Гюнтеръ хотѣлъ было продолжать свои поиски, какъ она вошла въ

10*

залу подъ руку съ графомъ, который не покидалъ ее съ послѣд-
няго танца.

Съ лица молодой дѣвушки изгладилось прежнее смущеніе и раз-
сѣянность, теперь оно сіяло дѣтскимъ торжествомъ и ярко вспых-
нуло, когда испытующій взглядъ брата устремился на нее и на
графа.

— Гдѣ ты была? спросилъ ее братъ кротко, — я тебя вездѣ
исеаль!

— Ахъ, г. Гюнтеръ, отвѣчалъ Отфридъ, умѣвшій быть лю-
безнымъ и съ мѣщанами, если у нихъ были красавицы сестры, —
вы не должны выговаривать вашей сестрѣ, я предложилъ ей прой-
тись немного по терасѣ и былъ такъ счастливъ, что успѣлъ по-
лучить ея согласіе на слѣдующій танецъ.

— Я очень сожалѣю, графъ... (Гюнтеръ спокойно освободилъ
руку Люціи изъ руки графа и самъ взялъ ее подъ руку). — Лю-
ція танцуетъ сегодня въ первый разъ и я опасуюсь, что танцы
слишкомъ утомятъ ее. Ей жарко, она устала; на этотъ разъ до-
вольно ей танцевать, тѣмъ болѣе, что мы скоро ѣдемъ.

— Но, г. Гюнтеръ, сказалъ Отфридъ довольно рѣзко, — ваша
сестра дала мнѣ слово танцевать и я, надѣюсь, имѣю право...

— Конечно, графъ, вы имѣете право, но я увѣренъ, вы имъ
не воспользуетесь, узнавъ, что танцы могутъ подѣйствовать вредно
на здоровье моей сестры.

Отфридъ не могъ ничего возразить противъ этого и, закусивъ
губы, отошелъ, обмѣнявшись съ Люціей понятнымъ, повидимому,
имъ обоимъ, взглядомъ. Она въ первую минуту остолбенѣла отъ
удивленія и испуга и имѣла желаніе воспротивиться желанію бра-
та, но, посмотрѣвъ на его лицо, она отъ этого сейчасъ-же
отказалась. Она видѣла, что ничто уже не можетъ измѣнить рѣ-
шенія брата, и что самое лучшее молча ему повиноваться; такъ
она и поступила; но она никакъ не могла уяснить себѣ, отчего
онъ такъ сурово, почти оскорбительно обошелся съ графомъ. Братъ
увелъ ее въ гостинную, гдѣ пожилая дама вели между собою
монотонный разговоръ, и самъ всталъ, какъ часовой, за ея сту-
ломъ.

VI.

Графъ Ранекъ былъ не въ духѣ въ продолженіи цѣлаго вечера; онъ былъ раздосадованъ приглашеніемъ на балъ Гюнтера и окончательно разсердился, когда увидѣлъ, что все общество, послѣдовавъ примѣру прелата, занялось ненавистнымъ высочкой. Конечно, его гнѣвъ не могъ спасти оттого, что Отфридъ сдѣлалъ непростительный промахъ, пригласивъ на танецъ Люцію Гюнтеръ. Его сынъ ради красиваго личика забылъ обязанности, налагаемыя на него высокимъ положеніемъ. Не могло измѣниться дурное расположеніе его духа отъ разговоровъ о лошадяхъ и охотѣ, которыми душили его со всѣхъ сторонъ. Желая отдохнуть отъ нихъ, графъ вышелъ на терассу, которая была теперь совершенно пуста.

Погруженный въ глубокое и невеселое раздумье, сходилъ Ранекъ со ступеней и вдругъ на одной изъ боковыхъ скамеекъ увидѣлъ человѣка, который, прижавшись головою къ холодному камню, будто замеръ въ этомъ положеніи. Графъ поспѣшилъ подойти къ нему и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Бруно!

Монахъ вздрогнулъ и быстро поднялся; было слишкомъ темно и графъ не могъ видѣть ни его блѣдности, ни смущенія.

— Что ты тутъ дѣлаешь ночью, въ уединеніи? Отчего ты не въ залѣ?

— Я не могу! воскликнулъ глухо Бенедиктъ, — мнѣ тамъ слишкомъ душно.

— Я знаю, ты не любишь этихъ свѣтскихъ удовольствій, сказалъ графъ, покачавъ головою — и, конечно, не особенно благодаренъ брату, что его выборъ палъ именно на тебя, но зачѣмъ-же ты такъ упрямо удаляешься отъ человѣческаго общества, точно ты ненавидишь людей?

— Я и ненавижу ихъ, сказалъ глухо Бенедиктъ.

Они стояли на концѣ терассы, и оттуда въ открытое окно можно было видѣть внутренность залы и передъ нами поминутно мелькали танцующія пары. Молодой монахъ не могъ оторвать своихъ взглядовъ отъ этого окна.

— Ты заходишь слишкомъ далеко, сказалъ ласково графъ. —

И твой епископъ, и твои собраты не осуждаютъ и не избѣгаютъ этихъ увеселеній. Твой орденъ снабжаетъ насъ проповѣдниками для нашихъ церквей, воспитателями нашихъ дѣтей, вы не можете и не должны совершенно удалаться отъ свѣта, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, картезіанскіе монахи.

Бенедиктъ не отвѣчалъ ни слова, онъ оперся о каменную скамью и угрюмо смотрѣлъ въ землю.

— А теперь пойдемъ назадъ въ залу, настаивалъ Ранекъ, — здѣсь какъ-то жутко въ этомъ уединеніи.

— О, не всегда! На этой пустынной терасѣ можно гораздо болѣе видѣть и слышать, чѣмъ даже въ бальной залѣ.

Безконечная горечь звучала въ его словахъ, но графъ невольно улыбнулся.

— До твоего строгаго слуха вѣрно долетѣлъ любовный шопотъ? Я думаю, много маленькихъ романовъ разыгрывалось здѣсь сегодня. Не каждый способенъ на такое отреченіе отъ свѣта, на какое обрекъ себя ты.

— Особенно графъ Отфридъ! сказалъ рѣзко Бенедиктъ.

Графъ нахмурился.

— Такъ это Отфрида ты здѣсь подкараулилъ? Да, я знаю, онъ слишкомъ вѣтренъ; при его связяхъ и положеніи, ему слѣдовало-бы разумнѣе смотрѣть на жизнь, а не довольствоваться титуломъ льва столичныхъ салоновъ и тратить свое время на любовныя приключенія. Боюсь, что многого не достаетъ въ его воспитаніи, что въ немъ сдѣлано много упущеній. Мои многосложныя занятія и подвижная жизнь помѣшали мнѣ лично заботиться объ его воспитаніи.

Большими, изумленными глазами смотрѣлъ Бенедиктъ на графа; онъ хорошо помнилъ, что графъ всегда находилъ время заниматься его воспитаніемъ. Какія-же причины заставили его небрежно относиться къ воспитанію своего собственнаго сына и наследника?! Къ счастью, Ранекъ не замѣтилъ этого нѣмого изумленія.

— Я надѣюсь на твое вліяніе на Отфрида, продолжалъ онъ съ живостью, — онъ будетъ обращаться къ тебѣ для исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей.

— Ко мнѣ! воскликнулъ съ жаромъ молодой священникъ, отступивъ назадъ. — Графъ, убѣдительно прошу васъ, возьмите на-

заявъ ваше распоряженіе. Графъ Отфридъ и я лучше сдѣлаемъ, если будемъ держаться дальше другъ отъ друга.

— Но я этого желаю!—Графъ сдѣлалъ особенное удареніе на этомъ словѣ.—Ты будешь строгъ съ нимъ, я вижу это по твоему негодованію, но все равно, онъ будетъ видѣть въ тебѣ священника, долженъ будетъ слѣдовать твоимъ поученіямъ, я тебѣ въ томъ порукой. А теперь пойдемъ, Бруно, прежде чѣмъ братъ мой хватится тебя; мнѣ кажется, онъ скоро ужъ отправится домой.

Графъ нѣжно взялъ Бенедикта за руку и повелъ его въ залу, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ прелатъ.

— Позвольте спросить, кто этотъ молодой бенедиктинецъ, который стоитъ за кресломъ прелата? спросилъ Гюнтеръ барона Бранкова.

— Вы спрашиваете объ отцѣ Бенедиктѣ? Онъ еще недавно рукоположенъ въ священника; на него, сколько я слышалъ, высшее духовенство возлагаетъ большія надежды.

— Онъ, кажется, пользуется большимъ расположеніемъ графа Ранека, сказалъ Гюнтеръ.—Можетъ быть, онъ приходится графу нѣсколько сродни?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ баронъ.—Онъ родился въ одномъ изъ помѣстій графа; графъ призрѣлъ и воспиталъ его, предназначивъ съ дѣтства въ монастырь. Графъ сдѣлалъ для него доброе дѣло и больше ничего.

— Конечно, весьма доброе дѣло! замѣтилъ Гюнтеръ.

Бранковъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ, ему показалось, что въ замѣчаніи Гюнтера слышалась иронія, но, должно быть, онъ ошибся. Лицо Гюнтера было холодно и спокойно и онъ по-прежнему внимательно разсматривалъ молодого монаха.

— Вы, кажется, интересуетесь отцомъ Бенедиктомъ, сказалъ вѣжливо баронъ,—можетъ быть, желаете ближе съ нимъ...

— Благодарю васъ, прервалъ его Гюнтеръ поспѣшно.—Я, какъ вамъ извѣстно, не имѣю никакихъ отношеній къ настоятелю монастыря. Мнѣ просто бросилось въ глаза это интересное лицо, а также нѣкоторое сходство... не беспокойтесь, баронъ.

Онъ оставилъ барона и воротился къ сестрѣ.

— Они въ монастырь упрятали мальчика! прошепталъ онъ съ горестью,—и, судя по наружности, выработали изъ него совер-

шеннаго фанатика. Такимъ путемъ, они полагали, легче всего скрыть слѣды ихъ низкаго поступка.

Прелать и графъ съ своимъ семействомъ въ одно время собрались ѣхать, что, по обыкновенію, совершилось довольно замѣтно и шумно. Когда оба брата проходили вмѣстѣ по передней, графъ не могъ дольше сдерживать накопившейся досады и долженъ былъ излить ее хотя въ нѣсколькихъ словахъ:

— Ну, этотъ Гюнтеръ, благодаря твоему вниманію, былъ сегодня героемъ вечера. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ вычиталъ что-нибудь опасное въ этомъ неуклюжемъ, ничего невыражающемъ лицѣ?

— Да, сказалъ холодно прелать.—Онъ человѣкъ опасный, тѣмъ болѣе, что корчитъ изъ себя человѣка ничѣмъ неинтересующагося. Онъ надѣлаетъ намъ хлопотъ, можешь быть въ этомъ увѣренъ.

Графиня, вполнину слышавшая разговоръ и появившая изъ него только то, что рѣчь шла о Гюнтерѣ, скривила свои тонкія губы.

— Боже мой, какъ это возмутительно, что такой человѣкъ, какъ говорятъ, сынъ какого-то помощника лѣсничаго, осмѣлился втереться въ нашъ кругъ!

Прелать поклономъ простился съ своей невѣсткой, не отвѣтивъ ей ни слова. До разсужденій и объясненій съ нею онъ никогда не нисходилъ. Графиня была въ его глазахъ нулемъ, которому, однакожь, нужно было выказывать уваженіе, потому что она носила имя Ранекъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда графскаго семейства удалился и Гюнтеръ съ своею сестрою. Обратный путь въ Ддбру совершился въ молчаніи, Бернгардъ не былъ расположенъ къ разговору, и Люція, всегда разговорчивая, была на этотъ разъ довольна молчаніемъ. Прижавшись въ уголъ кареты, она безжалостно мала платье и украшавшіе его цвѣты и съ удивленіемъ посмотрѣла вокругъ себя, когда карета въѣхала на дворъ; такъ коротка показалась ей дорога.

— Люція, мнѣ надо съ тобою поговорить, сказалъ ей братъ, когда она собиралась идти въ свою комнату.

Онъ взялъ свѣчу изъ руки стараго слуги и знакомъ велѣлъ ему удалиться. Люція остановилась въ удивленіи. Бернгардъ по-

дошелъ къ столу, привлечь къ себѣ Люцію и повернулъ лицо ея къ свѣту.

— Что произошло между тобою и графомъ Ранекомъ? спросилъ онъ вдругъ.

Люція покраснѣла, какъ и на балу, въ то время, когда братъ подошелъ къ ней, но на этотъ разъ краска разлилась по шеѣ и плечамъ; она видѣла, что ей никакъ не избѣжать внушавшаго страхъ вопроса, а потому смѣло подняла свою кудрявую голову, энергически выдвинула ногу впередъ и рѣшительно заявила:

— Онъ мнѣ говорилъ, что обожаетъ меня!

— Послѣ двухъ-часоваго знакомства? Чего не позволяютъ себѣ съ шестнадцатилѣтнею дѣвочкой! А позволь спросить, гдѣ сдѣлалъ онъ тебѣ это интересное признаніе?

Молодая дѣвушка колебалась.

— Ты скажешь мнѣ все, Люція! Ты не утаишь отъ меня ни одного слова, которое сказалъ тебѣ графъ.

Люція хотѣлось плакать; возможно-ли было отъ нея требовать, чтобы она выдала свою романическую тайну, да еще своему невозмутимому брату, который, конечно, не имѣлъ объ этомъ никакого понятія. Но она привыкла быть откровенной съ нимъ и потому, хотя нѣсколько запинаясь, передала ему почти слово въ слово объясненіе въ любви графа Отфрида.

Уже въ первый разъ, когда графъ танцевалъ съ нею, онъ оказывалъ ей большое вниманіе, которое еще болѣе увеличилось во второмъ и въ третьемъ танцѣ. Затѣмъ, когда танцы на время приостановились, онъ повелъ ее на терассу, что сдѣлали и прочіе кавалеры съ своими дамами, но графъ умѣлъ такъ устроить, что они уединились отъ другихъ и были отъ всѣхъ скрыты оранжереею. Тутъ онъ упалъ передъ нею на колѣни— „на оба колѣни, Бернгардъ,“—и сознался ей, что онъ ее боготворить, что съ первой минуты, какъ онъ ее увидѣлъ, она произвела неизгладимое впечатлѣніе на его сердце, что онъ не можетъ жить безъ надежды видѣться съ нею и придетъ въ отчаяніе, если послѣ бала онъ потеряетъ эту надежду; онъ вымолилъ у нея одну розу изъ ея волосъ; прижималъ эту розу къ губамъ... короче, весь рассказъ былъ въ высшей степени романиченъ, и это, а равно и роль, которую Люція играла въ этомъ событіи, привело ее въ

такой восторгъ, что смущеніе, овладѣвшее ею въ началѣ разсказа, превратилось въ постепенно возрастающее чувство сознанія собственного достоинства и, въ заключеніе своего разсказа, она взглянула на Бернгарда съ полнымъ торжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не бездѣлица при первомъ появленіи въ свѣтъ, при первомъ вступленіи въ общество плѣнить молодого графа, который стоялъ передъ ней на колѣняхъ, высказывая ей свои чувства! Что Бернгардъ на это скажетъ? Попробуетъ-ли онъ теперь послать ее опять въ дѣтскую.

Бернгардъ не сказалъ сначала ничего. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и наконецъ остановился прямо противъ нея.

— А что ты на это отвѣчала графу?

— Я сказала, что ему не отъ чего приходитъ въ отчаяніе, что онъ можетъ пріѣхать въ Добру, что ты, конечно... да право, Бернгардъ, прервала она, вдругъ надувшись, — тогда я еще не знала, что ты будешь съ нимъ такъ невѣжливъ, какъ это случилось потомъ.

— Я боюсь, что буду съ графомъ невѣжливѣе, если онъ дѣйствительно сюда пріѣдетъ, въ чемъ я сомнѣваюсь. Я-бы развѣ навсегда воспретилъ ему эти посѣщенія, а ты-бы на это время должна была оставаться въ своей комнатѣ и вообще не попадаться ему на глаза.

— Ахъ, Бернгардъ, это ужасно! воскликнула Люція со страхомъ и досадою. — Какъ можешь ты такъ оскорблять графа только потому, что ты не любишь аристократовъ, и потому, что по твоимъ демократическимъ принципамъ не слѣдуетъ мнѣ дѣлаться графиней Ранекъ.

— Графиней Ранекъ! повторилъ медленно Бернгардъ. — Такъ ты думаешь, что графъ сватался за тебя?

Люція подняла на него глаза, горѣвшіе еще негодованіемъ и вмѣстѣ выразившіе совершенное простодушіе ребенка.

— Развѣ не сказалъ онъ мнѣ, что любитъ меня, что жить не можетъ безъ меня! Что-жъ это можетъ значить?

Братъ пристально посмотрѣлъ въ голубые глаза сестры и голосъ его сталъ невольно нѣжнѣе.

— Сомнѣваюсь, Люція, чтобы графъ думалъ то, что говорилъ. Разумѣется, ты не понимаешь еще, что можетъ существовать и другой исходъ. Но, дитя мое, берегись Ранека, даже еслибы онъ

сблизился съ тобою, повидимому, съ честными намѣреніями. Ранеку все возможно, даже имѣть законную жену, которая *не носитъ* имени графини Ранекъ.

Съ изумленіемъ посмотрѣла Люція на брата, она не могла постичь загадочнаго смысла его словъ; что это такое: жена Ранека, которая не носитъ имени графини Ранекъ.

— Развѣ ты давно знаешь фамилію Ранековъ, а я думала, что ты видѣлъ ихъ сегодня въ первый разъ.

Бернгардъ не отвѣчалъ. Онъ, повидимому, сожалѣлъ объ этихъ, невольнo вырвавшихся у него словахъ; онъ привлекъ къ себѣ сестру и поцѣловалъ ее.

— Слушай, Люція, и не забывай того, что я тебѣ говорю теперь совершенно серьезно. Я запрещаю тебѣ входить въ какія-бы то ни было сношенія съ графомъ Ранекомъ. Ты не должна сблизаться съ нимъ; я этого не хочу!

Лицо его было чрезвычайно серьезно и голосъ звучалъ такъ рѣзко, какъ Люціи никогда еще не приходилось слышать; но это деспотическое запрещеніе, безъ всякаго объясненія причинъ, которое навѣрное испугало-бы всякую другую, не подѣйствовало на Люцію. Въ вспыхнувшемъ лицѣ этого „ребенка“ проглядывало что-то сродное той настойчивости, съ которой отстаивалъ когда-то Бернгардъ передъ офицерами свое мѣсто на лѣсной лужайкѣ; а потому на его рѣшительно сказанное: „ты не должна!“ послѣдовало не менѣе рѣшительно: „но я этого хочу“.

Онъ сдѣлалъ непростительную ошибку, думая рѣзкостью заставить дѣвушку отказаться отъ идеи, которая тѣшила ея воображеніе и которой онъ придавалъ теперь опасную прелесть запрещеннаго плода. Къ тому-же, она была *его* сестра, а объ этомъ-то онъ и забылъ.

— А теперь иди спать, дитя мое, сказалъ онъ холодно. — До завтра ты забудешь свой романъ и утѣшишься. Сочини другой, менѣе опасный и болѣе подходящій къ твоимъ лѣтамъ. Покойной ночи!

Онъ ушелъ, а Люція упрямо молчала. Слезы, еще недавно ее душившія и готовныя хлынуть, высохли отъ послѣднихъ словъ ея брата. Такъ, въ самоѣмъ дѣлѣ, съ ней поступаютъ еще какъ съ ребенкомъ и, прочитавъ мораль за сдѣланную шалость, съ пожатіемъ плечъ посылаютъ спать, — ее, передъ которой графъ От-

фридъ стоялъ на колѣняхъ и умолялъ ее о любви. Любовь эту ей запрещали, называли игрушкой! Люція забыла загадочныя слова брата, вообще „графиня Ранекъ“ осталась для нея теперь на заднемъ планѣ; ее одушевляло теперь только упрямство и негодование на Бернгарда. Она не хотѣла безропотно подчиняться его тиранству, не хотѣла быть жертвой жестокости брата! И если графъ Ранекъ еще разъ встрѣтится и будетъ опять просить ея руки,—тогда увидятъ, что у нея есть сила воли, которой она не принесетъ въ жертву хотя-бы даже и демократическимъ принципамъ.

Съ этимъ героическимъ рѣшеніемъ пошла она спать и черезъ нѣсколько минутъ непривычная усталость взяла свое. Она заснула и увидѣла во снѣ, что снова перенеслась въ балную залу; сначала среди толпы танцующихъ ей ясно представлялся только образъ Отфрида; но затѣмъ мѣсто его заняли глубокіе, черные глаза, которые она встрѣчала уже второй разъ, и снова больно заняло ея сердце. И долго грезились ей эти глаза...

VII.

Горы и долины были облиты солнечнымъ свѣтомъ; въ самой чащѣ густого лѣса можно было найти прохладу и защиту отъ палящихъ лучей. По одной изъ боковыхъ дорожекъ, ведущихъ изъ Добрн къ лѣсу, поспѣшно шла Люція Гюнтеръ; ей, правда, было запрещено забираться такъ далеко безъ покровительственнаго сопровожденія наставницы; но было-ли ей время испрашивать позволенія, когда шло дѣло объ удовлетвореніи мгновенно-возникшаго желанія! Впрочемъ, сперва она и не думала забираться такъ далеко; она пошла въ поле за братомъ, но, узнавъ отъ рабочихъ, что его уже не было, она не чувствовала ни малѣйшей охоты тотчасъ идти назадъ по полуденной жарѣ; она предпочла лѣсъ, имѣя сначала въ виду нарвать цвѣтовъ на опушкѣ, но, шагъ-за-шагомъ подвигаясь впередъ, она углубилась въ него довольно далеко. Есть какая-то особенная прелесть въ лѣсномъ уединеніи. Люція поддавалась этому очарованію, она страстно любила лѣсъ, а сегодня онъ вѣялъ на нее такую душистую прохладу, ее влекло все далѣе и далѣе мимо стреми-

тельныхъ потоковъ, мимо темныхъ скалъ и густыхъ кустарниковъ, все дальше и дальше въ зеленую глѣбу, которая разстилась передъ нею.

Болѣе получаса бѣжала она не останавливаясь впередъ по тропинкѣ, не обращая ни на что вниманія; вдругъ вокругъ нея стало свѣтлѣе, она вошла на зеленую лужайку, какія встрѣчаются часто въ глубинѣ лѣсовъ. Крутая, отвѣсная скала возвышалась здѣсь стѣною; у подошвы ея разстился мягкій дерновый коверъ, а по темнымъ камнямъ, журча и сверкая, струился ручей. Повилика обвивала непроницаемою сѣтью всѣ деревья, кусты и скалы, покрытая безчисленными бѣлыми цвѣтами, которые наполняли воздухъ своимъ нѣжнымъ, упоительнымъ ароматомъ.

Это былъ прелестный уголокъ для отдохновенія и Люція рѣшилась имъ воспользоваться; бросившись въ траву на берегу ручья, она положила голову на мшистый камень, закрыла глаза и съ дѣтскою радостью чувствовала, какъ свѣжая душистая повилка касалась ея горячаго лба и пылавшихъ щекъ.

Но не въ ея характерѣ было долго оставаться въ этомъ мечтательномъ положеніи; черезъ нѣсколько минутъ она уже снова встала; пройдя шага два, она замѣтила въ травѣ книгу, видъ которой изобличалъ ея частое употребленіе. Люція взяла книгу и съ любопытствомъ развернула ее. Заглавіе ея было ей извѣстно, потому-что эта самая книга была недавно предметомъ горячаго спора между фрейленъ Рейхъ и ея братомъ, у котораго книга эта находилась въ библіотекѣ. Франциска доказывала, что грѣхъ и вредно читать такія книги; Бернгардъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами и посовѣтовалъ ей, прежде, чѣмъ произносить судъ надъ книгой, самой прочесть ее. Но фрейленъ Рейхъ съ негодованіемъ отвергла этотъ совѣтъ и просила его не забывать, что она дочь пастора, а не такая отчаянная вольнодумка, какъ г. Бернгардъ Гювтеръ изъ Добры. Люція, чѣмъ-то занятая, почти не обратила вниманія на этотъ разговоръ, но теперь вспомнила о немъ и стала передистывать книгу, желая узнать, почему эта книга опасна для чтенія. „Духъ вселенной. Природа. Происхожденіе человѣка,“ прочла она. Должно быть, трудная книга, подумала она и ей захотѣлось узнать, кто этотъ вольнодумецъ, который, подобно ея брату, въ этой строго-католической странѣ, находилъ удовольствіе въ чтеніи подобной книги.

Она еще держала открытою свою находку въ рукѣ, какъ вдругъ темная тѣнь легла на освѣщенные листы книги; Люція подняла глаза и съ легкимъ крикомъ ужаса вскочила на ноги.

Снова передъ нею стоялъ угрюмый монахъ, ужасный отецъ Бенедиктъ, и смотрѣлъ на нее своими большими черными глазами. Она отскочила назадъ, на-сколько позволяла скала, лѣвой рукой схватилась она за повилику, какъ-бы ища защиты, а правой рукой машинально прижала къ себѣ книгу. Хотя она знала теперь, что это не сказочный лѣсной оборотень, а человекъ, какъ и все люди, монахъ изъ аббатства; но все также болѣзненно сжималось ее сердце, какъ и въ первый разъ. Увернуться отъ него не было возможности, онъ стоялъ близко около нея.

— Прошу васъ простить меня, если я васъ испугалъ! сказалъ монахъ.— Я вернулся взять забытую вещь, вы не замѣтили, какъ я шелъ по полянѣ.

Въ первый разъ Люція слышала его голосъ, она глубоко вздохнула и опустила руки. Голосъ звучалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ она думала, онъ былъ мягокъ и симпатиченъ. Нѣсколько ободрившись, она рѣшилась на него взглянуть; глаза его показались ей теперь совсѣмъ другими, они все еще были очень серьезны, но прежній суровый блескъ ихъ смѣнило болѣе привѣтливое выраженіе. Страхъ Люціи исчезъ и уступилъ мѣсто любопытству. Въ характерѣ молодой дѣвушки вовсе не было трусливости, напротивъ, она была уже черезчуръ смѣла и рѣзва.

Какъ часто смѣялась и шутила она надъ тѣмъ, въ чемъ другіе видѣли опасность. Какъ часто она смѣло выносила нахмуренные взоры мадамъ Шварцъ и выговоры фрейленъ Рейхъ, и даже бравировала гнѣвъ брата; почему-же этотъ человекъ однимъ взглядомъ приводилъ ее въ трепетъ? Досада закипѣла въ ней, она рѣшилась во что-бы то ни стало побѣдить этотъ смѣшной страхъ. Рѣшившись на это, она закинула назадъ локоны и сдѣлала шагъ впередъ.

Теперь только замѣтилъ онъ у нея книгу въ рукахъ, и что-то похожее на улыбку мелькнуло въ его лицѣ.

— Зачѣмъ у васъ Спиноза въ рукахъ? спросилъ онъ съ снисхожденіемъ,—вы едва-ли можете читать такія книги!

Онъ не могъ ничѣмъ болѣе подстрекнуть ее, какъ этимъ замѣчаніемъ; ея дѣтское самолюбіе было уязвлено. Слова его глу-

боко ее оскорбили, они показались ей слишкомъ снисходительными; гнѣвъ закипѣлъ въ ней и, отвѣчая упрекомъ за упрекъ, она возразила:

— Но, кажется, вамъ эта книга еще менѣе прилична, чѣмъ мнѣ.

Бенедиктъ отступилъ шагъ назадъ при этомъ неожиданномъ возраженіи и посмотрѣлъ на нее почти съ удивленіемъ.

— Отчего-же? спросилъ онъ, наконецъ.

— Потому-что вы монахъ! пояснила Люція, стараясь произнести это слово съ тѣмъ самымъ удареніемъ, съ какимъ всегда произносилъ его Бернгардъ.

Бенедиктъ вздрогнулъ. Привѣтливое выраженіе исчезло съ его лица, къ нему возвратилась прежняя угрюмость, голосъ утратилъ мягкую симпатичность, и онъ мрачно сказалъ:

— Такъ вы очень презираете монаховъ?

При этихъ словахъ Люція почувствовала, что взволновала въ немъ какое-то глубокое чувство, которое лучше было-бы не трогать, но она снова боролась съ своимъ прежнимъ страхомъ, который опять начиналъ ее тревожить и, противясь ему, она вдалась въ крайность и стала сама извѣтъ того, кто наводилъ на нее страхъ.

— Я не люблю ихъ! сказала она съ смѣлостью избалованнаго ребенка, — и вообще я не могу понять, какъ можетъ человѣкъ заключить себя на всю жизнь въ монастырь и проводить все время только въ молитвѣ и постѣ, тогда-какъ свѣтъ такъ хорошъ и жизнь такъ привольна.

Бенедиктъ снова улыбнулся; но сколько горечи было теперь въ его улыбкѣ.

— Вы и не можете этого понять, вы воспитаны и выросли на волѣ, отвѣчалъ онъ.— Что, еслибы и васъ съ дѣтства заключили въ монастырь! Я увѣренъ, что вы-бы остались въ монастырѣ; суровыя, мучительныя наказанія, примѣняемыя въ католическихъ монастыряхъ, способны сокрушить всякое упрямство, предъ ними пасуетъ самая сильная воля; они всему научатъ, заставятъ сдѣлать все, даже и то, противъ чего протестуетъ гуманность и человѣческая деликатность.

Въ этихъ словахъ звучало глухое, старательно сдерживаемое негодованіе, но Люцію они рѣшительно вывели изъ себя. Онъ осмѣлился сказать ей, что и она заключила-бы себя въ монас-

тырь! Этотъ человѣкъ, кажется, имѣлъ слишкомъ своеобразное понятіе о священническомъ авторитетѣ; пожалуй, ему еще придется охота приняться тотчасъ за обращеніе ея въ католичество и къ монашеской жизни.

— Отдадите вы мнѣ теперь мою книгу? спросилъ уже совершенно спокойно Бенедиктъ, послѣ минутнаго молчанія.

Не говоря ни слова, протянула она ему книгу, которую онъ взялъ; при этомъ его рука коснулась на мгновеніе ея руки, она невольно вздрогнула и отшатнулась, онъ это замѣтилъ.

— Вы меня боитесь? спросилъ онъ тихо.

Молодая дѣвушка не отвѣчала.

Бенедиктъ быстро отошелъ на нѣсколько шаговъ, такъ-что между ними образовалось большое пространство; при этомъ онъ не замѣтилъ, что выронилъ книгу.

— Право, вамъ нечего меня бояться! сказалъ онъ съ горечью. — Мнѣ слишкомъ рѣдко придется съ вами встрѣчаться. Такое веселое, беззаботное существованіе, какъ ваше, и мой путь лежатъ слишкомъ далеко одинъ отъ другого и, вѣроятно, никогда не сойдутся между собою.

Это было уже слишкомъ обидно, оскорбительно! Будто Люція искала или желала этой встрѣчи, будто она старалась объ этомъ больше самого священника, который такъ твердо надѣялся не встрѣчаться съ нею болѣе! Она вспыхнула и заговорила запальчиво:

— Да, я тоже на это надѣюсь! Я знаю, что вы ненавидите все, что свѣтло и радостно, а больше всего на свѣтѣ вы ненавидите меня, я это очень хорошо видѣла.

Яркая краска бросилась въ лицо Бенедикта и онъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Гдѣ вы это видѣли?

— Третьяго дня, на балѣ у барона Бранкова. И не я одна (Люція была такъ разгорячена, что ей и въ голову не приходило сколько-нибудь сдерживать себя). Графъ Ранекъ тоже замѣтилъ, какъ враждебно наблюдали вы за нами во время танцевъ; онъ говорилъ, что вы смотрѣли такъ, какъ будто желали низвергнуть насъ обоихъ на самое дно адской пропасти.

— Даже и графъ Ранекъ! сказалъ онъ съ горечью. — Да, конечно, его замѣчаніе безошибочно, по крайней мѣрѣ, въ отно-

шеніи васъ. Вы совершенно правы. Продолжайте чуждаться меня, какъ фанатика, который завидуетъ вашей радости и юношескому веселью, ненавидьте меня... такъ будетъ лучше.

Онъ съ сердцемъ отвернулся; Люція была поражена: такого отвѣта она менѣе всего ожидала. Она, правда, не поняла его загадочныхъ словъ; одно ей было ясно, что въ нихъ звучало глубокое, невыносимое горе; она посмотрѣла на него съ изумленіемъ, задумчиво и серьезно. Она потеряла всякую охоту продолжать споръ. Медленно опустилась она опять на мшистые камни, сорвала нѣсколько вѣтвей висѣвшей повилки и почти машинально стала сплетать ихъ вѣстѣ; она надѣялась, что отецъ Бенедиктъ, наконецъ, удалится, но онъ неподвижно стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Угрюмый фанатикъ, видимо, находился подъ вліяніемъ очаровательной прелести молодого созданія, которое, подобно нимфѣ, сидѣло на берегу ручья, подъ тѣнью цвѣтущей повилки, съ цвѣтами въ рукахъ и на колѣняхъ.

Глубокая полуденная тишина господствовала кругомъ въ лѣсу. Только потокъ журчалъ свою однообразную, усыпительную мелодію, будто желая погрузить все окружающее въ грезы и сонъ. Изъ лѣсу вѣяло необыкновенной прохладой; какое-то очарованіе сообщалось лѣсу, распространилось на эту лужайку и непобѣдимою силою изгладило съ угрюмага лица молодого священника всю ненависть и горечь, которыя такъ часто въ немъ отражались, а на дѣтское личико молодой дѣвушки наложило нѣжную, серьезную мечтательность, рѣдко его посѣщавшую. Незамѣтно протягивало оно невидимыя нити между нимъ и ею и образовывало тонкую воздушную ткань; оно дѣлало ее все крѣпче и крѣпче, заструилось между ними серебрястыми лучами и стало напентывать имъ старинную неизмѣнную пѣснь, которая уже такъ много разъ погружала въ сонъ два сердца или пробуждала ихъ отъ него. Вдругъ нить порвалась, все очарованіе исчезло; воздушная ткань, составленная изъ солнечнаго сіянія, благоуханія цвѣтовъ и журчанія ручья внезапно исчезла, точно ее безжалостно коснулась невѣдомая рука. Бенедиктъ вздрогнулъ, и когда Люція, при его движеніи, подняла глаза, она встрѣтила опять тотъ-же дивный, огненный взглядъ, какъ недавно въ бальной залѣ; онъ остановился на ней только на мгновеніе и тотчасъ-же обратился въ

другую сторону. Съ испугомъ посмотрѣла она по направленію его взгляда. Напротивъ нея, на краю лужайки, былъ графъ Равекъ, только-что показавшійся изъ лѣса и остановившійся въ неприятномъ удивленіи, замѣтивъ темную фигуру бенедиктинца подлѣ молодой дѣвушки.

Испуганная и удивленная Люція поднялась съ мѣста; увидя графа, она свободнѣе вздохнула; появленіе его разрушило томительное состояніе, въ которомъ она находилась. Невольно сдѣлала она нѣсколько шаговъ ему на-встрѣчу. Бенедиктъ это замѣтилъ и смертельно поблѣднѣлъ.

Отфридъ быстро перешелъ поляну и подошелъ къ нимъ.

— Ахъ, какое неожиданное счастье! Вы здѣсь, сказалъ онъ Люціи. — Что я вижу: его преподобіе!

Холодно поклонившись священнику, онъ снова обратился къ Люціи:

— Могъ-ли я думать, что мы встрѣтимся здѣсь въ лѣсу... Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть васъ послѣ бала.

Отфридъ лгалъ; вовсе не случай привелъ его сюда; вчера и сегодня онъ бродилъ вокругъ Добры, рассчитывая встрѣтиться съ молодой дѣвушкой; онъ видѣлъ, какъ Люція побѣжала по дорожке къ лѣсу; онъ пошелъ за нею, но, плохо зная дорогу, онъ далеко отсталъ отъ нея. Люція этого, конечно, и не подозрѣвала. Отецъ Бенедиктъ не повѣрилъ этой „случайности“; ему пришло на мысль, что влюбленные назначили здѣсь свиданіе. Онъ молча отвѣтилъ на поклонъ графа и остался на своемъ мѣстѣ. При другихъ обстоятельствахъ Люція была-бы очень довольна этой встрѣчей; она рѣшилась идти смѣло наперекоръ желанію брата, и случай, видимо, помогалъ ей. Но теперь она чувствовала какую-то неловкость; угрюмый монахъ смущалъ ее и она не могла говорить беззаботно и остроумно, какъ всегда, и отвѣчала разсѣянно и съ смущеніемъ на щедро-сыпавшіяся на нее любезности графа.

И молодому графу было какъ-то не по себѣ въ присутствіи молчаливаго свидѣтеля, и онъ сдѣлалъ отчаянную попытку освободиться отъ него.

— Какъ мнѣ кажется, вы только-что собирались идти, сказалъ онъ Люціи, — вы, вѣрно, позволите проводить васъ лѣсомъ? Мы и безъ того уже помѣшали отцу Бенедикту — (онъ бросилъ

взглядъ на книгу, все еще лежавшую на землѣ,)—который занять, кажется, серьезнымъ чтеніемъ. Вы будете, конечно, очень рады, ваше преподобіе, когда вамъ снова предоставятъ покой и свободу. Угодно вамъ идти? обратился онъ къ Люціи.

Люція готова была согласиться на это предложеніе; Отфрідъ былъ уже подлѣ нея и направлялся къ тропинкѣ, какъ вдругъ молодой монахъ сталъ между ними. Холодно и тяжело легла его рука на ея руку.

— Вы лучше сдѣлаете, если пойдете одна въ обратный путь! Въ лѣсу спокойно: отдайтесь лучше его защитѣ.

Отфрідъ быстро обернулся при этомъ неожиданномъ вмѣшательствѣ и смѣрялъ монаха отчасти гнѣвнымъ, отчасти ироническимъ взглядомъ.

— Я никакъ не думалъ, ваше преподобіе, что житейскія дѣла въ состояніи возбуждать ваше вниманіе, сказалъ онъ насмѣшливо.—Одумайтесь, пожалуйста: вѣдь эта молодая особа не принадлежитъ къ числу вашихъ духовныхъ дѣтей и сама можетъ рѣшить, принять-ли ей мои услуги или отказаться отъ нихъ.

Рука Бенедикта все еще тяжело и холодно сжимала руку Люціи; голосъ его былъ глухъ, но въ немъ звучала желѣзная твердость, когда онъ отвѣтилъ:

— Я вообще сомнѣваюсь, чтобы эта встрѣча была извѣстна ея брату и едва-ли будетъ ему пріятна. Молодая дѣвушка или одна пойдетъ въ Добру, или со мной, но никакъ не съ вами.

— Съ какой стати вы изъявляете притязаніе опекать насъ обоихъ, воскликнулъ вспылчиво Отфрідъ.— Кто далъ вамъ право вмѣшиваться въ наши дѣла?

— Ваша репутація, графъ, отвѣчалъ съ ледяною холодностью Бенедиктъ.

— Отецъ Бенедиктъ! съ бѣшенствомъ закричалъ Отфрідъ.

— Графъ Ранекъ! отвѣчалъ монахъ тономъ вызова.

— Я принужденъ просить васъ устранить это неслыханное посягательство на вашу волю, сказалъ Отфрідъ Люціи.— Скажите этому монаху, что вы желаете идти со мной и не намѣрены терпѣть чужого вмѣшательства въ ваши дѣла.

Люція не сказала ничего. Вмѣшательство монаха и ей казалось неслыханнымъ; противъ всякаго другого она вооружилась бы всею своею запальчивостью, но ея обычная смѣлость повинула

ее. Она не могла противиться этому человѣку, смотрѣвшему на нее такъ строго, и сознавала это съ глубокой горечью, почти съ отчаяніемъ. Предчувствіе, заставившее ее при первой встрѣчѣ съ этими „не человѣческими глазами“ обратиться въ бѣгство, не обмануло ее; этотъ человѣкъ рѣшительно околдовалъ ее своими глазами; они сковывали ея волю; при взглядѣ на нихъ слова замирали на ея губахъ. Однакожь, Люція надѣялась, что графъ подоспѣетъ къ ней на помощь, и она твердо рѣшилась принять его покровительство, но онъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія прибѣгать въ какой-бы то ни было насильственной мѣрѣ; онъ бросилъ полный ненависти взглядъ на молодого священника и отошелъ прочь.

— Вы будете такъ добры, объясните мнѣ ваше поведеніе, ваше преподобіе, сказалъ онъ.

— Какъ только мы будемъ одни, во всякое время.

Люція чувствовала, что ее еще крѣпче держали за руку и почти влекли за собою. Черезъ минуту свѣтлая поляна была уже за ними и они шли по лѣсной тропинкѣ.

Молодая дѣвушка шла очень быстро, чтобы скорѣе освободиться отъ непрошеннаго проводника, отказаться отъ котораго она не осмѣлилась. Войдя въ лѣсъ, Бенедиктъ оставилъ ея руку, но пошелъ близко около нея. Ни одного слова не вымолвили они во все время этого пути, продолжавшагося болѣе получаса, и это обстоятельство особенно разогорчило Люцію, потому что она ясно чувствовала, что въ немъ заключался ея приговоръ. Она шла теперь, какъ преступница, которую не удостоивали даже слова, а между тѣмъ она-то именно была обижена и оскорблена. Сердце ея переполнилось горечью, которая изливалась теперь частью и на графа. Зачѣмъ оставилъ онъ ее во власти этого ужаснаго человѣка? Зачѣмъ онъ не отстаивалъ права быть ея рыцаремъ? Долженъ-же онъ былъ видѣть, что она повиновалась противъ воли; графъ, конечно, не былъ подчиненъ магнетическому вліянію, которому она не въ силахъ была противиться. Молодую дѣвушку душили слезы.

Вотъ и конецъ лѣса ужъ не далеко, тамъ начинались земли, принадлежащія ея брату, издали видѣлась крыша ихъ дома; на поляхъ было много занятыхъ работою людей. Бенедиктъ остановился.

— Я, кажется, совершенно противъ вашего желанія лишилъ васъ общества графа. Вы, вѣроятно, тоже находите мое вмѣшательство неслыханнымъ; тѣмъ не менѣе я себѣ его позволилъ и даже позволяю себѣ сдѣлать вамъ предостереженіе: избѣгайте на будущее время подобныхъ встрѣчъ. Графъ Ранекъ не такой человекъ, чтобы при болѣе тѣсномъ знакомствѣ съ нимъ не пострадала репутація молодой дѣвушки, хотя-бы она сумѣла удержать его въ границахъ. Вы поступили очень необдуманно, допустивъ это свиданіе.

Больше Люція уже не могла вынести и съ негодованіемъ воскликнула.

— Допустивъ свиданіе? Да развѣ я приглашала его въ дѣсь?

— Не хотите-ли вы меня увѣрить, что вы не ждали его?

Глухо и грозно звучалъ его голосъ и глаза его строго на нее смотрѣли; но теперь они потеряли свое вліяніе на нее; чувство незаслуженнаго оскорбленія превозмогло весь ея страхъ, горячія слезы хлынули изъ ея глазъ и она почти закричала съ гнѣвомъ:

— Я не желаю васъ ни въ чемъ увѣрять, но я и не позволю вамъ меня оскорблять, какъ угодно позволять это графу Ранеку. Я не хочу!—(она гнѣвно топнула ногой)—Я не желаю вашихъ несправедливыхъ упрековъ!

Рыданія заглушили ея голосъ. Бенедиктъ пристально посмотрѣлъ на нее, порывистымъ движеніемъ бросился къ ней и схватилъ обѣ ея руки. Не смотря на свое собственное волненіе, Люція замѣтила, что онъ былъ еще сильнѣе взволнованъ, чѣмъ она. Руки, державшія ея руки, трепетали, огненные глаза его впились въ ея глаза, и голосъ его звучалъ отрывисто и глухо, когда онъ снова спросилъ ее:

— Отвѣчайте мнѣ, Люція! именемъ всего, что для васъ есть святого—вы не ждали графа?

— Нѣтъ! воскликнула Люція, внѣ себя отъ этого вопроса, и въ эту минуту сестра Бернгарда снова восторжествовала надъ ребенкомъ: такъ она горячо и энергично выговорила это „нѣтъ“.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Бенедикта и краска стыда вспыхнула на его лицѣ; онъ выпустилъ ея руки и отступилъ назадъ.

— Такъ простите меня! сказалъ онъ тихо.

Люція вдругъ перестала плакать: она была поражена, какъ этимъ неожиданнымъ оборотомъ, такъ и внезапной переимѣной его голоса, зазвучавшаго нѣжно и привѣтливо. Съ изумленіемъ посмотрѣла она на него большими, полными слезъ, глазами. Его взглядъ былъ тоже прикованъ къ ея глазамъ.

— Я огорчилъ васъ своимъ подозрѣніемъ: я это вижу, продолжалъ онъ. — Но я имѣлъ на это уважительныя причины. Графъ Ранекъ говорилъ уже вамъ одинъ разъ о любви и вы не отвергли его!

У Люціи вырвалось невольное движеніе испуга. Неужели этотъ человѣкъ всевѣдущъ?

— Но того, что вы называете любовію, продолжалъ онъ далѣе, — графъ Ранекъ не можетъ чувствовать, да едва-ли когда-нибудь чувствовалъ. Онъ недостоинъ чистаго сочувствія, — повѣрьте мнѣ; не позволяйте ему никакого сближенія съ вами, я предостерегаю васъ, я... я прошу васъ!

Онъ говорилъ очень тихо, дрожащимъ голосомъ, избличавшимъ тщательно обуздываемое волненіе. Предостереженіе было тоже самое, которое слышала она третьяго дня отъ брата, но если повелительное запрещеніе Бернгарда возбудило ея упрямство, то эта просьба подѣйствовала на нее совсѣмъ иначе. Это „я прошу васъ“, едва коснувшееся ея слуха, пробудило опять болѣзненное томленіе, проникавшее въ самую глубь ея сердца; она не могла дать себѣ отчета почему оно такъ болѣзненно замирало.

Молодая дѣвушка молча опустила голову и отерла слезы. Она ничего не отвѣчала, ничего не обѣщала; но было видно, что сегодняшнее предостереженіе глубже проникло въ ея сердце, чѣмъ первое. Молча повернулась она, чтобы идти далѣе. Бенедиктъ сдѣлалъ движеніе, будто хотѣлъ броситься за нею; но вдругъ, судорожно ухватился за дерево, у котораго стоялъ. Люція еще разъ повернулась къ нему; она, казалось, ожидала еще прощальнаго слова или пожеланія, но онъ промолчалъ. И взглядъ его слѣдилъ за нею, когда она спускалась по склону, переходила поля, слѣдилъ до тѣхъ поръ, пока она не скрылась въ кустарникѣ, окаймлявшемъ поляну.

Въ это время сзади него раздались шаги; обернувшись, Бенедиктъ увидѣлъ графа, выходящаго изъ лѣса. Неизвѣстно, слѣдилъ-ли онъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи или находился на

обратною пути въ Ранекъ, земли котораго въ этомъ мѣстѣ граничили съ Доброю; онъ увидѣлъ молодого священника и быстро подошелъ къ нему.

Бенедиктъ былъ, повидимому, совершенно равнодушенъ къ немигнуемо-предстоящему объясненію: облокотившись на дерево, онъ спокойно ожидалъ графа; но атака была поведена такимъ оружіемъ, какаго онъ никакъ не ожидалъ.

Отфридъ приблизился къ нему безъ всякихъ явныхъ признаковъ гнѣва; напротивъ, лицо его было совершенно ясно и спокойно; только злая улыбка играла на губахъ его и онъ заговорилъ съ ироніей и злобой:

— Позвольте, ваше преподобіе, возвратить вамъ книгу, которую вы, увлекшись своей покровительственной ролью, вѣроятно, забыли. Это сочиненіе, должно быть, составляетъ вашу собственность, или вы, можетъ быть, предпочтете утверждать, что не вы, а фрейленъ Гюнтеръ занималась чтеніемъ Спикозы во время своей лѣсной прогулки?

Ударъ былъ мѣтокъ: Бенедиктъ поблѣднѣлъ и бросилъ жгучій взглядъ на книгу, бывшую въ рукахъ у Отфрида, но тотчасъ-же овладѣлъ собою.

— Книга эта принадлежитъ мнѣ! спокойно сказалъ онъ, протягивая къ ней руку.

— Какъ я слышалъ, очень интересное сочиненіе, замѣтилъ Отфридъ, невыпуская книги изъ рукъ. — Но, сколько мнѣ извѣстно, въ монастырѣ строго запрещено читать подобныя книги подѣ страхомъ тяжелаго наказанія. Конечно, я могу ошибаться и ваше преподобіе будете столь добры, разъясните мнѣ мою ошибку.

— Вы совершенно правы, графъ, сказалъ онъ съ ироніей, бросивъ презрительный взглядъ на своего противника. — Вы видите, я не читаю этой книги въ монастырѣ, а беру ее съ собою въ лѣсъ. Впрочемъ, вы можете донести объ этомъ прелату, если желаете заняться ремесломъ доносчика.

— Г. священникъ, я запрещаю вамъ говорить мнѣ подобныя оскорбленія, сказалъ графъ высокомерно.

— Въ вашихъ словахъ заключалась эта угроза, сказалъ холодно Бенедиктъ. — Иначе я не могъ на нее отвѣтить.

Отфридъ думалъ, что имѣетъ въ рукахъ отличное оружіе для

своего торжества, но теперь увидѣлъ, что этимъ путемъ ничего не достигнетъ.

— Не объ этомъ, впрочемъ, рѣчь, сказалъ онъ рѣзко, — а объ вашемъ непрошеномъ вмѣшательствѣ въ мои дѣла. Я знаю, что отецъ мой назначилъ васъ моимъ духовникомъ и что только это могло подать вамъ поводъ къ вашему вмѣшательству, но я долженъ замѣтить вашему преподобію, что я признаю за вами только право исповѣди и не позволяю вамъ контролировать мои поступки, какъ это вы сдѣлали сегодня. На мужиковъ такое непрошеное вмѣшательство, можетъ быть, и дѣйствуетъ внушительно; по отношенію къ вамъ оно тоже, можетъ быть, у мѣста... но я не желаю ему впередъ подвергаться.

Бенедиктъ пристально и гордо посмотрѣлъ на графа.

— Если, по-вашему, я имѣю право вмѣшиваться въ дѣла крестьянъ, то подобное-же вмѣшательство умѣстно и въ отношеніи васъ, графъ Ранекъ. Впрочемъ, сегодня я дѣйствовалъ не въ качествѣ священника; я исполнилъ свою обязанность, какъ честный человѣкъ, оградивъ молодое, неопытное дитя отъ вашихъ соблазнительныхъ рѣчей, которымъ-бы она, вѣроятно, повѣрила и могла бы дорого заплатить за свое довѣріе; если вы считали себя правымъ, для чего-же вы уступили мнѣ? Для вашего сватовства лежитъ свободный путь въ Дѣбру; только я сомнѣваюсь, чтобы оно было въ вашихъ видахъ.

— Едва-ли выберу я васъ своимъ повѣреннымъ въ моихъ намѣреніяхъ! прервалъ его Отфридъ гордо. — Повторяю вамъ, что я не потерплю болѣе подобнаго вмѣшательства. Если я допустилъ его сегодня, то сдѣлалъ это изъ уваженія къ отцу и дядѣ, но никакъ не изъ уваженія къ вамъ.

— Я это знаю! И не только не требую, но и не желаю вашего уваженія.

Холодное презрѣніе, сопровождавшее послѣднія слова Бенедикта, раздражило-бы и не одного Отфрида; молодого графа, непривычнаго встрѣчать противорѣчіе, оно взбѣсило.

— Вспомните, пожалуйста, съ кѣмъ вы говорите, г. Бруно. Вы, кажется совсѣмъ забыли, что священническимъ саномъ, который только и придаетъ вамъ смѣлости, вы обязаны единственно милости моего отца. Безъ этой милости, вы стояли-бы въ ливрѣхъ за моимъ стуломъ, въ ожиданіи моихъ приказаній.

Произнося эти слова, Отфридъ, конечно, не ожидалъ, какое они произведутъ ужасающее дѣйствіе. Бенедиктъ помертвѣлъ, руки его судорожно сжались, глаза были такъ ужасны, что графъ отступилъ и невольно схватился за оружіе.

— Вы возьмете назадъ это оскорбленіе! вскричалъ Бенедиктъ.— Вы сдѣласте это тутъ-же и сейчасъ.

Отфридъ, между тѣмъ, успѣлъ оправиться и превозмогъ свое минутное смущеніе.

— Ваше преподобіе, священнику не подобаетъ выходить изъ себя, отвѣтилъ Отфридъ.—Ужь не хотите-ли вы вызвать меня на дуэль?

Бенедиктъ, выведенный изъ себя, сдѣлалъ шагъ въ графу и выраженіе лица его было такъ грозно, что рука Отфрида опустилась на охотничій ножъ. Молодой монахъ замѣтилъ это движеніе; въ ту-же минуту онъ бросился на графа, сильной рукой вырвалъ у него оружіе и съ такою силою отбросилъ его самого назадъ, что онъ ударился объ дерево.

Теперь Отфридъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ; полученное оскорбленіе помutilo его разсудокъ, онъ сорвалъ съ плеча ружье и сталъ цѣлиться.

Вдругъ кто-то схватилъ его за руку.

— Бруно... Отфридъ... разойдитесь! раздался чей-то голосъ и старый графъ Ранекъ всталъ между ними. Графъ былъ тоже въ охотничьемъ платьѣ; онъ пришелъ какъ разъ во-время, чтобы предупредить несчастіе.

— Разойдитесь, говорю я вамъ, повторилъ онъ повелительно, но голосъ его изобличалъ смертельную тревогу. — Что случилось? Что произошло между вами?

Молодые люди молчали, но появленіе графа произвело на каждого изъ нихъ различное впечатлѣніе. Отфридъ, привыкшій повиноваться приказаніямъ отца, опустилъ ружье и почтительно отступилъ на нѣсколько шаговъ. Бенедиктъ все еще стоялъ, какъ раздраженный левъ, съ оружіемъ въ высокоподнятой рукѣ, съ пылающими глазами и между бровей его глубокой бороздою виднѣлась роковая морщина. Не у наслѣдника майората, а у него на лбу была угрюмая фамильная черта Ранековъ и сообщала его лицу суровость и жестокость; такой видъ должны были имѣть и предать и графъ въ минуты сильнѣйшаго возбужденія; одна эта

линія измѣняла весь характеръ лица и вызывала въ немъ сходство, котораго нельзя было и предполагать.

Графъ Ранекъ ее замѣтилъ и, несмотря на гнѣвъ и тревогу, въ лицѣ его мелькнуло выраженіе гордости и вѣжности, но это лицо тотчасъ-же сдѣлалось серьезно, когда онъ подошелъ къ Бруно, все еще стоявшему съ угрожающимъ видомъ.

— Бруно, въ *твоей* рукѣ оружіе! воскликнулъ онъ съ сильнымъ удареніемъ.

Молодой священникъ вздрогнулъ, молча взглянулъ на свою одежду и бросилъ ножъ.

— Вы поссорились, сказалъ снова графъ Ранекъ. — Что послужило поводомъ къ вашей ссорѣ? Кто изъ васъ ее началъ?

Мертвое молчаніе, ни одинъ изъ нихъ не шевельнулся.

— Бруно! обратился графъ съ упрекомъ, — хотя-бы ты подумалъ, чего требуетъ отъ тебя твой санъ. Развѣ приличенъ такой неукротимый гнѣвъ твоему кроткому сану?

Бенедиктъ ирочно взглянулъ на него.

— Развѣ санъ мой налагаетъ на меня обязанность терпѣть, какъ графъ Отфридъ упрекаетъ меня имъ, какъ милостью своего семейства? Терпѣть, что онъ мнѣ назначаетъ лакейское мѣсто за своимъ стуломъ.

Графъ вспыхнулъ.

— Отфридъ, и ты осмѣлился?

— Я напомнилъ отцу Бенедикту, что онъ забылся передо мною.

— Если ты, дѣйствительно, произнесъ эти слова, ты возьмешь ихъ назадъ, сказалъ графъ съ суровостью, въ которой было мало отеческаго.

— Батюшка!

— Отфридъ, ты извинишься!

— Нѣтъ, никогда! воскликнулъ Отфридъ запальчиво, и взглядъ, который онъ бросилъ на своего противника, былъ такъ полонъ ненависти, что графъ понялъ, что не слѣдовало болѣе настаивать. Онъ подошелъ къ Бенедикту и взялъ его за руку.

— Отфридъ теперь слишкомъ разгоряченъ, онъ одумается и въ болѣе спокойное время попроситъ у тебя извиненія. Успокойся, Бруно, я тебя увѣряю, что онъ непременно это сдѣлаетъ.

Бенедиктъ холодно освободилъ свою руку.

— Графъ, я отказываюсь отъ вынужденнаго удовлетворенія! сказалъ онъ.— Я имѣлъ намѣреніе самъ требовать удовлетворенія за нанесенную мнѣ обиду; чужому вліянію я не желаю быть обязаннымъ.

— Чужому? Бруно!

Упрекъ звучалъ почти болѣзненно; но графъ ничего не достигъ своей нѣжностью, въ глазахъ его любимца выражалось всегдашнее нерасположеніе.

— Я долженъ сожалѣть о томъ, что вы не остались мнѣ чужды съ вашими милостями и благодѣяніями, графъ! сказалъ Бенедиктъ рѣзко.— Я всегда ненавидѣлъ эти благодѣянія: ихъ насильно мнѣ навязали, когда я былъ еще ребенкомъ. Я не могъ и не могу расплатиться за нихъ и долженъ всю жизнь влечить на себѣ тяжесть этого долга. Но я предпочелъ-бы, чтобы вы сдѣлали изъ меня крестьянина или поденщика, который въ потѣ лица своего зарабатываетъ себѣ насущный хлѣбъ, я былъ-бы вамъ бо-
лѣе благодаренъ за это, чѣмъ за жизнь въ монастырѣ!

Отфридъ слушалъ съ изумленіемъ. Это былъ верхъ неблагодарности и безстыдства, а отецъ его, къ которому относились эти оскорбленія, чьи милости были презрѣны, чьи благодѣянія попирались ногами, — отецъ его стоялъ неподвижно, не пытаясь ни однимъ словомъ обуздать этотъ дикій порывъ. Не гнѣвъ, но невыносимая тоска выражалась въ лицѣ его, какъ будто ему открывалось что-то ужасное, о чемъ онъ никогда не думалъ; когда-же Бенедиктъ выговорилъ послѣднія слова съ необузданною ненавистью, графъ поблѣднѣлъ, молча отвернулся и закрылъ рукою глаза. Это нѣмое движеніе графа мгновенно привело Бенедикта въ себя. Губы его задрожали.

— Вы назовете мою неблагодарность вопіющею и будете вполнѣ правы! сказалъ онъ спокойнѣе.— Я видѣлъ отъ васъ только добро и такимъ образомъ плачу вамъ за него; это достойно осужденія, я самъ знаю, но... не могу дѣйствовать иначе!

Онъ поклонился графу и ушелъ. Отфридъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, потомъ взглянулъ на отца и покачалъ головой; сцена эта осталась ему непонятной.

— Батюшка, возможно-ли! Ты позволяешь говорить съ собою такъ нагло! ты молчишь, когда тебѣ наносятъ оскорбленіе.

Графъ поднялъ голову, вся энергія къ нему возвратилась.

— Молчи ты самъ, Отфридъ! сказалъ онъ повелительно, — объ этомъ могу судить только я одинъ, но предупреждаю тебя, ты не долженъ больше никогда враждебно относиться къ Бруно, слышишь, никогда! Я постараюсь, чтобы и съ его стороны не было поводовъ въ размолвкамъ. Если вы уже никакъ не можете ужиться, удаляйтесь одинъ отъ другого, вы не должны ненавидѣть другъ друга, а оскорблять — (тутъ глаза его опять грозно засверкали) — оскорблять его ты больше не будешь, а то я потребую отъ тебя отчета.

Отфридъ въ первый разъ поддался томительно-подозрительному раздумью; по какой причинѣ отецъ его обращался съ Бруно съ такимъ снисхожденіемъ и съ такою умѣренностью, которыхъ вовсе не было въ его характерѣ и которыя едва-ли когда нибудь выпадали на долю даже собственному сыну. Онъ и Бруно оставались всегда чужды другъ другу, только въ дѣтствѣ бывали они иногда вмѣстѣ и Отфридъ никогда не слыхалъ, какъ далеко простирались заботы отца его о Бруно. Въ первый разъ видѣлъ онъ, какъ отецъ явно оказалъ предпочтеніе чужому, видѣлъ, съ какимъ пристрастіемъ отецъ принялъ его сторону противъ сына.

— А теперь пойдёмъ! заключилъ поспѣшно графъ. — Пойдёмъ скорѣе въ Ранекъ, уже давно пора.

Отфридъ повиновался, но прежде взялъ книгу, все еще лежавшую на камнѣ.

— Что это у тебя? спросилъ разсѣянно графъ.

— Любимое чтеніе отца Бенедикта, отвѣчала Отфридъ, передавая книгу.

Графъ взглянулъ на заглавіе и отступилъ назадъ.

— И это еще! Всемогущій Боже, что изъ этого выйдетъ?..

Онъ спряталъ книгу и сказалъ внятно сыну:

— Ни слова дядѣ, я самъ переговорю объ этомъ съ Бруно! Пойдёмъ-же.

Отфридъ слѣдовалъ за нимъ въ безсильной злобѣ; онъ видѣлъ, что ненавистный монахъ былъ неуязвимъ; отецъ рѣшился открыто защищать его всюю своею властію.

Люція, между тѣмъ, достигла сада своего дома и фрейленъ Рейхъ встрѣтила ее въ разговорѣ за своевольную отлучку и за слишкомъ долгое отсутствіе; но на половинѣ своей рѣчи Фран-

циска остановилась, увидѣвъ заплаканные глаза и грустное лицо молодой дѣвушки.

— Боже мой! что такое произошло? спросила она съ испугомъ.— Случилось что нибудь съ вами? Не обидѣль-ли васъ кто?

Людія покачала головой; она хотѣла было заговорить съ прежнею заносчивостью, хотѣла шуткою уклониться отъ отвѣта, но не могла. Она еще разъ оглянулась на лѣсъ, потомъ вдругъ обвила обѣими руками шею Франциска, прижала голову къ ея груди и, не говоря ни слова, не давая никакихъ объясненій, залилась горькими слезами.

(Продолженіе будетъ.)

НОВЫЙ ГОДЪ—НОВЫЙ ДРУГЪ.

Новый годъ—новый другъ мой, съ тобою
Безъ свидѣтелей встрѣтился я,
И съ горячей сердечной мольбою
Одного я прошу у тебя.

Будь правдивъ! Говори, не скрывая,
Какъ въ грядущіе черные дни,
Словно листъ по листу обрывая,
Ты погубишь надежды мои.

Какъ изъ нашего дружнаго круга
Въ станъ ликующихъ пошлыхъ враговъ
Уведешь ты послѣдняго друга,
И враждой въ немъ замѣнишь любовь.

Какъ за дни неустанной работы,
За бессонныя ночи мои
Приготовишь ты только заботы
Да голодную смерть впереди.

Какъ предъ смертью моею за муки
Безразсвѣтныхъ, тяжелыхъ годовъ
Принесешь мнѣ веселые звуки
Опьяненныхъ побѣдой враговъ.

Какъ мой трупъ исхудалый въ могилу
Ты уложишь въ морозные дни,
Какъ споетъ мнѣ лишь вѣтеръ унылый
Похоронныя пѣсни свои.

Брось о счастья, о радостяхъ сказки,
И не лги, какъ другіе друзья,
Расточавшіе лживыя ласки,
Чтобъ сгубить безоружнымъ меня.

А. Ш.

ОЧЕРКЪ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

„Nec ulli nato post secula praecludetur occasio aliquid adhuc adjiciendi“. (Всякому, кто родится многими вѣками позже, еще кое-что останется прибавить.)

Сенека.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ очерку саратовской губерніи, считаемъ не лишнимъ предпослать этому описанію нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Немного лѣтъ тому назадъ крестьянскій бытъ не возбуждалъ въ нашей литературѣ и обществѣ особенно серьезнаго вниманія. До освобожденія крестьянъ старались хранить о немъ глубокое молчаніе или занимались имъ какъ чѣмъ-то постороннимъ. Литература ограничивалась въ этомъ случаѣ болѣе или менѣе вѣрными изображеніями сельскихъ горемыкъ, и какъ читающая масса, казалось, не требовала ничего больше, то она и остановилась на этомъ, мѣняя по временамъ, въ угоду публикѣ, темный фонъ картины на болѣе привлекательныя изображенія сельскихъ идиллій, существовавшихъ только въ воображеніи авторовъ. Послѣ освобожденія крестьянъ и литература, и общество, по необходимости, должны были измѣнить свой взглядъ и свои отношенія къ народу. Идиллическія картинки уступили мѣсто болѣе реальнымъ и дѣйствительнымъ представленіямъ этой „новой планеты“, которую мы вдругъ открыли и которая такъ долго маскировалась передъ нами декораціями вѣрнопостного быта. Но все реальное и дѣйствительное—особенно если оно даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу—требуетъ изученія и знакомства съ нимъ. Когда мы узнали, что благосостояніе общества можетъ создаваться только на широкомъ основаніи общаго народнаго благополучія и что солидарность всѣхъ сословій

есть непремѣнное условіе правильнаго развитія нравственныхъ, матеріальныхъ и политическихъ силъ націи, мы невольно обратились къ изученію окружающихъ насъ явленій народной жизни. Въ этомъ направленіи уже кое-что сдѣлано и, конечно, еще многое остается сдѣлать. Прежде всего намъ нужны факты и факты, чтобы впоследствии на нихъ построить тѣ или другіе общіе выводы. Поэтому статистика, какъ собирательница фактическихъ данныхъ, не могла не напроситься на наше вниманіе.

Никто не сомнѣвается, что у насъ статистическія работы—дѣло нелегкое, даже иногда почти невозможное. На первыхъ порахъ васъ останавливаетъ почти всегда полное отсутствіе писанныхъ источниковъ, а если они и найдутся, то окажется, что составлены были лѣтъ 25—30 назадъ, по казенному шаблону и по официальнымъ источникамъ, достовѣрность которыхъ всѣмъ извѣстна. Кто не знаетъ—не анекдота, а истиннаго происшествія—какъ одинъ исправникъ, на запросъ о климатѣ въ его уѣздѣ, благодушно доносилъ по начальству рапортомъ, что *„по тщательному розысканію климата во вѣтренномъ ему уѣздѣ не оказалось“*. Ясно, что исправникъ принялъ климатъ за какого-нибудь бѣлаго каторжника. Да и зачѣмъ тревожить старину; въ наше время, т. е. *„когда пользуясь плодами эмансипаціи, имѣя гласный судъ, классическія гимназіи, когда быстро шествуя путемъ прогресса впередъ и впередъ, предъ изумленными очами Европы, когда и т. д.“*, словомъ, въ наше прогрессивное время одинъ изъ администраторовъ въ провинціи указывалъ намъ на „окладной листъ“ имѣнію нѣкоего крупнаго землевладѣльца, слышавшаго за челоуѣка образованнаго, что не шѣшало ему, однакожъ, собственноручно написать на этомъ окладномъ листѣ, въ графѣ „валовой доходъ“, слѣдующее: *„по имѣнію въ моемъ владѣніи воловъ, валового дохода не показано“*. Дѣло, какъ видите, говоритъ само за себя. Намъ самихъ озадачилъ подобный курьезъ: разбирая „экономическія примѣчанія“ при описаніи дачъ поуѣздно въ нѣкоей губерніи, къ немалому изумленію, мы наткнулись на вездѣсущаго леща. Какія-бы почвенныя условія дача ни представляла, состояла-ли она изъ полей, голаго песку, лѣсу и т. п. все равно — въ экономическомъ примѣчаніи все-таки читаемъ между прочимъ: *„а водится въ сей дачѣ рыба лещъ“*. Недоумѣвая, что-бы это значило, мы рѣшились обратиться къ одному настоящему чиновнику, составлявшему во время оно

громадные томы этихъ описаній дачъ, и скромно выразили наше изумленіе, что лещи въ богоспасаемой губерніи нетолько водятся въ водѣ, но, какъ видно, и по степямъ, и по лѣсамъ, чуть не по вѣсямъ любезнаго отечества. Чиновникъ поднялъ свои круглыя серебряныя очки съ носа на лобъ, посмотрѣлъ на насъ черезъ плечо и сострадательно улыбнулся.

— Видно, мало служили, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, довольно-таки, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я, извините, вынужденъ сказать, что служили вы плохо, ибо до сихъ поръ не знаете, что на всякое описаніе, на всякую бумагу есть, государь мой, утвержденная форма, къ руководству и исполненію... Отъ формы отступать нельзя и не слѣдуетъ. Да!

Чиновникъ развернулъ синій клѣтчатый платокъ, громко и съ достоинствомъ высморкался.

— Такъ что-жъ изъ этого? Вѣдь я не про форму, а про леща спрашиваю.

— Про леща! произнесъ онъ съ укоризною, — про леща... вотъ то-то и есть, — мало дѣломъ занимались, а небось все по женскому полу... Посмотрите-ка сюда, продолжалъ онъ, сунувъ мнѣ въ руки печатную форму и тыкая пальцемъ на заголовокъ, на которомъ я прочелъ: „экономическія примѣчанія“. — Это форма утвержденная... прочтите и увидите, что въ ней въ числѣ прочаго сказано и про леща. Согласно съ формою составлялись у насъ и описанія. Ну-съ, теперь поняли?

Я понялъ.

Что-же остается дѣлать нашему брату? Остается одно: лично самому все видѣть, изучить и описать. Легко сказать — все видѣть. Намъ, наприимѣръ, пришлось сдѣлать около 9000 верстъ, да убить три года времени, чтобы обозрѣть и изучить одну саратовскую губернію. Но и при личномъ изученіи васъ на каждомъ шагу окружають всевозможныя препятствія: начальство уѣздное смотритъ на васъ, какъ на человѣка, могущаго шепнуть губернатору неблагопріятный отзывъ о дѣятельности этого начальства и надѣлать ему хлопотъ. Это ведетъ къ неизбѣжному приглашенію васъ на обѣды и ужины, предложенію взять съ собою *опытнаго полицейскаго служителя* для помощи во время развѣдковъ по уѣзду. Опытный полицейскій служитель оказы-

вается большею частію изъ евреевъ и играетъ при васъ роль соглядатая. Крестьяне подозрѣваютъ въ васъ чиновника, подглядывающаго все и выпытывающаго, подъ рукою, гдѣ, что и какъ, а это, всеконечно, уже ведетъ прямо или къ некрутчинѣ, или къ налогу. Торгующій классъ, замкнутый для всѣхъ, кто не его прихода, нарочно сообщаетъ вамъ чистѣйшій вздоръ, и при этомъ вздыхаетъ изъ глубины своего необъятнаго живота, жалуясь на стѣсненія и дурныя времена; что „вотъ хошь бросай совсѣмъ дѣла; съ сумой пойдешь отъ эфтой самой канители!“ Священники принимаютъ всегда радушно; но свѣденія, сообщаемыя ими, очень бѣдны содержаніемъ и далеко не вѣрны; взаимнѣ этого очень вѣрны ихъ рассказы про ихъ грустное житье-бытье и про тотъ неодолимый страхъ, который производитъ на нихъ одно имя „духовной консисторіи“... Итакъ, что-же остается дѣлать? Да остается все то же, т. е. видѣть, изучить и прослѣдить, все самому, а для этого нужно скинуть присвоенный вамъ костюмъ, если онъ офиціальныи, облечься въ рваную дубленку, да и идти, „по образу пѣшаго хожденія“, изъ одного мѣста въ другое. Нужно знакомиться съ пастухами, чтобы вѣрнѣе знать число скота; заходить на пасеки, сидки смолы и салотопни; путемъ-дорогою бывало забредешь къ кожевнику, столенувшись съ нимъ ранѣе на базарѣ; залучишь въ трактиръ съ надписью „непроходимый“ мошенника „кулака“ и поговоришь съ нимъ „по душѣ“, а это требуетъ ловкости и терпѣнія. Зазовешь мѣщанина въ трактиръ и, первымъ дѣломъ, требуешь три пары чаю, а предварительно водочки, потому что безъ этой „души бесѣды“ дѣло не уладится. „Прошу, молъ, Прохоръ Никитичъ, по единой, для начатія“. И потомъ уже поведешь разговоръ о торговлѣ и узнаешь то, чего никогда не вычитаешь въ книгахъ...

Или сидишь себѣ на берегу сплавної рѣки и смотришь, какъ собирается народъ паниматься на суда для сплава. Опять кулакъ на сценѣ. Вотъ стоятъ мужички кучкой, переминаются съ ноги на ногу, да почесываются. Мужички „галдятъ“, т. е. разсуждаютъ; дѣло, вишь, подошло такое, становой подати собирать пріѣхалъ, недоимку и все такое; денегъ нѣтъ. Бѣда да и только! Тутъ какъ нарочно купецъ пріѣхалъ, наемъ идетъ. Кулакъ вертится тутъ.

— Хороша путина, братцы! иди, не робь!

— Да чаво, дядя: пана-то обидна, вотъ тѣ Христось; да!

— А ты не грѣши! Кой еще цаны? пана добрая; на боку лежа... мотри, рублей сто серебра слизнешь. Вотъ что!

— Ну ужъ и сто рублейъ слизнешь... диви бы.

— Пра! А житье-то, братцы мои, купецкое: что это сала переѣшь,—страсть! Масла теперь съ кашей, ложкой хлѣбай,—инда глаза позеленѣють.

— Инъ и въ правду наняться.

— Вали, ребята!

Ну и „повалили“, и нанялись по 25 р. за путину; а конецъ тотъ, что за вычетомъ сельскими властями за недоимки и повинности, безъ чего сельская управа „покормѣжнаго“ билета не даетъ, да за вычетомъ на харчи дорогою, у кого останется рубль, у кого 20 к., а у кого и ничего. А захворалъ, такъ и сгинеть на чужой сторонѣ безъ призору. Разговоришься съ бурлаками, что, молъ, какъ тамъ у васъ? Махнуть рукой и только. „Эхъ! коли-бы не нужда, скажетъ кто-нибудь изъ нихъ, не пошелъ-бы въ жисть.“

Вотъ что приходится дѣлать, чтобы собрать данныя, болѣе близкія къ дѣйствительности, и только при такой повѣркѣ имѣющихся у васъ официальныхъ свѣденій вы можете поближе разузнать правду и сдѣлать дѣйствительно полезное дѣло.

На-сколько мы успѣли въ нашей работѣ, судить уже не намъ; но мы заносили въ наше описаніе, изъ котораго сообщаемъ въ этомъ очеркѣ только „общія черты“, именно то, что видѣли сами, въ чемъ убѣдились лично на самомъ дѣлѣ; заносили все, что встрѣчали на нашемъ пути, не пренебрегая никакими мелочами, потому что эти мелочи очень важны въ цѣлой картинѣ края, важны потому, что не изъ однихъ-же крупныхъ штриховъ состоитъ эта картина, что мелкихъ штриховъ въ миллионъ разъ больше и что, взятыя вмѣстѣ, они составляютъ все.

Принадлежа къ южной полосѣ Европейской Россіи, саратовская губернія лежитъ между 48°22' и 53°20' сѣвер. ш. и 60°12' и 64°2' вос. дол. по меридіану острова Ферро. Границы ея составляютъ: на сѣверѣ — сызранскій уѣздъ симбирской губерніи, на сѣверо-западѣ — городищенскій, пензенскій и чембарскій уѣзды

пензенской губерніи, на западѣ — кирсановскій и борисоглебскій уѣзды тамбовской губерніи; на юго-западѣ — новохоперской уѣздъ воронежской губерніи и земля Войска Донскаго; на югѣ — черноярскій уѣздъ астраханской губерніи; на востокѣ — рѣка Волга, отдѣляющая ее отъ уѣздовъ: царевскаго астраханской губерніи, новоузенскаго и николаевскаго самарской губерніи.

Пространство губерніи, по новѣйшимъ свѣденіямъ, составляетъ 7,472,362 десятины, что ставитъ ее на 12 мѣсто между губерніями Европейской Россіи, а сравнительно съ западной Европою она немного уступаетъ по величинѣ Португаліи, Ирландіи и превосходитъ Баварію, Данію, Галицію, Валахію, Сербію, Грецію, Швейцарію, Нидерланды, Бельгію, Саксонію, не говоря уже о множествѣ мелкихъ германскихъ владѣній.

Въ административномъ отношеніи губернія раздѣляется на 10 уѣздовъ, которые, по величинѣ занимаемыхъ ими площадей, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Аткарскій	1,127,202 д. 755 саж.
2. Балашовскій	997,035 „
3. Камышинскій	905,766 „
4. Саратовскій	733,607 „
5. Царицынскій	718,435 „
6. Волгскій	695,599 „
7. Сердобскій	678,552 „
8. Петровскій	665,401 „
9. Хвалынскій	573,014 „
10. Кузнецкій	471,963 „

Общій склонъ всей площади, занимаемой губерніею, идетъ съ сѣвера на югъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ большая часть ея понижается и на западѣ. Склоненія эти естественно опредѣляютъ и теченіе рѣкъ, находящихся въ губерніи.

Почву саратовской губерніи признано принимать за черноземную и дѣйствительно, основныя начала воздѣлываемыхъ въ губерніи земель состоятъ изъ чернозема, глины, суглинка, супеси и песку. Начала эти встрѣчаются въ губерніи въ различныхъ смѣшеніяхъ и еще болѣе разнообразятся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣсями извести, хряща или камней; но всѣ обрабатываемыя почвы въ губерніи непремѣнно содержатъ въ себѣ черноземъ, главный источникъ растительной силы.

Всѣ обрабатываемыя почвы въ губерніи дѣлятся на 4 группы: 1) черноземно-глинистыя, 2) черноземно-суглинистыя, 3) черноземно-песчаныя и 4) черноземно-супесчаныя. Мѣста, лишеныя чернозема, не обрабатываются вовсе, потому что здѣшнее хлѣбопашество производится безъ удобренія. Глинисто и суглинисто-черноземныя почвы имѣютъ отъ 3 до 15 вершк. толщины. Подпочва ихъ состоитъ изъ глины и суглинка разныхъ цвѣтовъ. Часто встрѣчается и примѣсь извести или камня. Почвы песчано и супесчано-черноземныя, при растительномъ слое толщиной отъ 2¹/₂ до 12 вершк., лежатъ на глинѣ, суглинкѣ и супеси. Кромѣ этихъ почвъ попадаютъ и вовсе неудобныя къ обработкѣ, состоя изъ глины съ солонцами, хряща, мѣла и извести. Въ общей сложности наибольшее пространство занято суглинисто-черноземною почвою. Относительное же количество удобной и неудобной земли распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ:

Удобная земля.	Аткарскій.		Балашов-	Камы-	Саратов-	Цари-
	дес.	саж.	скій.	пинскій.	скій.	цинскій.
	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.
Подъ пашнею . . .	894,144	1,679	382,486	184,649	208,760	28,818
— степью . . .	34,349	1,628	205,048	193,949	207,353	236,725
— покосами . . .	19,608	1,927	251,066	55,939	55,596	67,970
Лѣсу строевого . . .	13,754	404	13,218	18,065	25,608	4,685
— дровяного . . .	48,826	1,266	31,326	33,334	75,684	14,671
Кустарника			854	1,245	1,065	558
Тоже съ покосомъ . . .	9,684	54	8,343	5,800	9,180	6,336
Солонцовъ	—	—	19,868	38,145	23,369	71,087
Подъ селеніями . . .	19,494	1,918	7,167	4,656	6,470	1,629
Неудобная земля . . .	14,339	1,579	77,500	369,983	120,522	280,956
Всего . . .	1,054,202	855	996,876	905,766	733,607	713,435

Удобная земля.	Волгскій.		Сердоб-	Петров-	Хвалын-	Кузнец-
	дес.	саж.	скій.	скій.	скій.	кій.
	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.	дес.
Подъ пашнею . . .	229,527	—	296,021	274,044	232,048	175,951
— степью . . .	31,664	—	64,607	51,794	36,557	4,271
— покосами . . .	209,157	—	204,312	148,584	42,982	26,882
Лѣсу строевого . . .	426	—	8,013	1,024	19,420	2,786
— дровяного . . .	98,235	—	40,611	98,132	98,926	141,520
Кустарника	6,931	—	2,279	1,288	133	153
Тоже съ покосомъ . . .	19,462	—	8,983	29,664	41,262	86,967
Солонцовъ	19,828	—	5,297	11,231	16,355	586
Подъ селеніями . . .	7,016	—	5,965	8,000	6,496	7,601
Неудобная земля . . .	73,353	—	36,410	31,640	78,835	25,326
Всего . . .	695,599	—	672,498	655,401	573,014	471,963

Такимъ образомъ, по количеству удобныхъ земель порядокъ уѣздовъ будетъ слѣдующій:

- 1) Аткарскій. 2) Балашовскій. 3) Сердобскій. 4) Петровскій.
- 5) Волгскій. 6) Саратовскій. 7) Камышинскій. 8) Хвалынскій.
- 9) Кузнецкій. 10) Царицынскій.

Площадь саратовской губерніи волнистая; правый берегъ рѣки Волги состоитъ изъ непрерывнаго ряда горныхъ кражей, крутыхъ со стороны рѣки и очень пологихъ съ сѣверозападной своей стороны, до того иногда пологихъ, что почти сливаются съ горизонтомъ окружающей ихъ площади. Болѣе возвышенныя точки представляютъ уѣзды: саратовскій, волгскій, хвалынскій, камышинскій и царицынскій. Здѣсь тянутся горы, носящія имя волжскихъ горъ, которыя близъ с. Нейманъ, въ западной части хвалынскаго уѣзда, и около с. Лѣсной Нѣвеловки, въ сѣверной части саратовскаго уѣзда и южной части волгскаго уѣзда, представляютъ самыя возвышенныя точки и раздѣляются на двѣ вѣтви: одна, проходя между Волгою и Терешкою, составляетъ нагорный берегъ Волги, другая отдѣляетъ воды рѣкъ Суры и Медвѣдицы отъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу и Терешку. Вѣтвь эта, подходя къ Саратову, соединяется съ первою, протягиваясь между Волгою и Иловлею и ниже Царицына опять дѣлится на нѣсколько отроговъ, сопровождающихъ Волгу до г. Енотаевки, то огибая Сарепту съ правой стороны, направляются на югъ, то сливаются съ эргонскими возвышенностями.—Средняя высота этихъ горъ отъ 15 до 35 саж. надъ уровнемъ Волги, но встрѣчаются пунеты, на которыхъ высота горъ достигаетъ до 80 саж., какъ, напримѣръ: Соколова гора близъ Саратова 80 саж., Алтынная, въ 13 верстахъ отъ Саратова на ю. в., 76 саж.; Будонова гора въ 8 верстахъ ниже Алтынной — болѣе 75 саж.; бугоръ Стеньки-Разина, надъ Волгою въ камышинскомъ уѣздѣ, — 60 саж.; бугоръ Ураковскій и горы Столбиковы — до 80 саж. и, наконецъ, горы Дмитріевскія — отъ 70 до 80 саж.

Въ геогностическомъ отношеніи, горы саратовской губерніи, заключающія въ себѣ окаменѣлости и раковины, принадлежатъ къ флещевымъ и намывнымъ породамъ; мѣловая почва господствуетъ по берегамъ Хопра, Волги и Медвѣдицы и состоитъ изъ огромныхъ толщъ мергеля, изъ песчанаго кварцоваго камня и зеленаго песку, прослоеннаго хлористовыми зернами. Наносы-же состоятъ,

кромѣ раковистаго известняка, изъ суглинковъ и супесковъ. Между Иловлей, Медвѣдицей и Хопромъ встрѣчаются возвышенности, состоящія главнымъ образомъ изъ глины съ морскими раковинами, слегшимися очень плотно. Изъ окаменѣлостей встрѣчаются часто кости допотопныхъ животныхъ, преимущественно мамонтовыхъ, носороговыхъ и огромныхъ буйволовъ; часто попадаетъ окаменѣлое дерево. Близъ Камышина, въ такъ называемыхъ Камышинскихъ-Ушахъ, при разработкѣ жерновыхъ камней, находятъ на песчаникѣ оттиски листьевъ растений *Salix*, *Ulmus*, *Quercus*, иногда до того ясныхъ, что можно отличить поры листа. Образцы этихъ окаменѣлостей находятся, между прочимъ, и въ нашемъ скромномъ кабинетѣ.

Система горъ въ краѣ всегда опредѣляетъ и систему его водъ. Саратовская губернія не богата, но и не бѣдна водою, отношеніе массы воды къ общему пространству губерніи будетъ какъ 1: 80.

Главный водяной бассейнъ составляютъ рѣки, изъ которыхъ Волга служить жизненной артеріей всей губерніи *).

Волга достигаетъ саратовской губерніи у с. *Черный-Затонъ* хвалынскаго уѣзда и, въ границахъ губерніи, занимаетъ слишкомъ 706 верстъ.

Острововъ на Волгѣ довольно много, въ особенности къ югу, гдѣ теченіе слабѣе; но острова эти за исключеніемъ Сарпин-

*) Рѣки саратовской губерніи принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ: каспійскому и черноморскому. Къ первому относятся: 1) Волга съ притоками справа: Терешка, Средняя Сестренка, Нижняя Сестренка, Балыклей, Дубовка, Верхняя-Пичуга, Царица и Сарга. 2) Сура, съ притоками, съ правой стороны: Медаявка, Шнудимъ, Чуварлейка, Юга, Сундарна и Малиновскій-Ключъ; съ лѣвой: Труевъ, Индуска, Дубовка, Березовка, Мееновка, Кислей-Кодара, Колдаганъ, Ексарка и Уза.

Ко второму относятся: Хоперь съ притоками справа. Аркаданъ, Пяща, Суходольная, Большая-Миткара, Зубриловка, Гомала, Перевѣсинка, Сухой-Корай и Большой-Корай; слѣва: Березовка, Камышленъ, Добринка, Чумонейка, Сердоба, Казмолка, Песчанка, Альшанка, Костандей, Котоврагъ, Меликъ, Ветлянка, Гростанка и Рае-Казань.

Медвѣдица, съ притоками справа: Ахмать, Грязнушка, Таугъ, Комышенка, Етгара, Белгаза, Рельна, Балайда и Терса, слѣва: Малая-Медвѣдица, Сосновка, Хорошевка, Камышлей, Основка, Идолга, Релька, Нетеса, Улька, Карамышь, Копенка, Перевозинка, Добринка и Бурлукъ.

Иловля, съ притоками справа: Грязнуха, Гнилушка, Семеновка, Гусевка, Ельшанка, Большая-Казанка, Тиновашка и Тшайка; слѣва: Елшанка, Каменка, Поповка, Грязнуха, Таловка, Березовка, Зензевка и Бердея.

скаго, необитаемы, потому что затопляются водою во время весенняго разлива рѣки.

Ширина Волги въ меженное время отъ 1 до 2 и болѣе верстъ; во время разлива она гораздо шире: противъ Саратова Волга разливается на 7 верстъ, противу с. Елманка на 20; противу г. Волгска на 16, а въ царицынскомъ уѣздѣ, при впаденіи въ Волгу р. Ахтубы, ширина разлива бываетъ отъ 25 до 35 верстъ. Глубина рѣки въ обыкновенное время, между Хвалынскимъ и Царицыномъ, отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ саж., ниже Царицына отъ 3—3 $\frac{1}{2}$ саж. Ширина и глубина Волги ежегодно измѣняется. Новые протоки образуются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега отлоги и грунтъ ихъ слабый. Проливы эти никогда не имѣютъ притоковъ и, исходя изъ Волги, въ нее-же и входятъ,нося имя *воложекъ*, въ отличіе отъ главнаго русла. Теченіе въ воложкахъ медленное, почему они и служатъ или пристанями для нагрузки во время полноводія, или гаванью для зимовокъ, для мелкихъ судовъ и барокъ. Иногда бываетъ, что песокъ заноситъ оба устья воложки, образуя длинное озеро, называемое *морейгъ*; или песокъ заноситъ одно только устье, оставляя другое свободнымъ, отъ чего проливъ дѣлается заливомъ и носитъ названіе: *затона*, *ерика* или *подстенка*.

Волга мелѣетъ значительно, на ней то и дѣло образуются новыя *розсыпи*, въ особенности тамъ, гдѣ теченіе слабое, а рѣка не имѣетъ поворотовъ; тамъ-же, гдѣ берега круто загибаются, образуютъ длинныя отмели, называемыя *побочными*. Если за однимъ изгибомъ берега слѣдуетъ другой и въ обратномъ къ первому направленіи, то часть побочныя перваго изгиба переносится къ выходящему берегу другого изгиба и образуетъ новый побочень. При этомъ переносѣ часть песка, глины и камней осаждается и на пути; такимъ образомъ, появляется гряда, идущая наискось къ теченію черезъ всю ширину рѣки. Гряда эта носитъ названіе *переката* и составляютъ огромное затрудненіе для правильнаго судоходства.

Тѣ отмели, которыя образуются въ самой рѣкѣ и не имѣютъ связи ни съ однимъ изъ ея береговъ, называются *осередками*. Достаточно ничтожной причины, какой нибудь засѣвшей на дно корчи, чтобы образовалась осередка. Тѣ изъ осередковъ, которыя не сносятся весеннимъ разливомъ водъ, естественно, увеличиваются

время отъ времени новыми наносами и выходятъ наконецъ изъ воды. Такимъ образомъ, появляется островокъ, который скоро за-ростаеъ ивнякомъ, способствующимъ еще большему его скрѣпле-нію и существованіе островка обезпечено уже навсегда.

Пороговъ и каменныхъ грядъ на Волгѣ нѣтъ.

Разность уровней Волги при истокѣ ея и при устьѣ состав-ляетъ 920 футовъ. Слѣдовательно, при длинѣ въ 3295 верстѣ, на каждую версту теченія приходится 0,279 фут. или на каж-дый футъ 0,00008 фут. паденія. Скорость теченія весной, отъ напора водъ изъ верховьевъ рѣки и изъ р. Камы, конечно, зна-чительнѣе, средняя-же скорость простирается отъ 4 до 8 ф. въ секунду.

По наблюденіямъ за 68 лѣтъ замерзаніе и вскрытіе Волги со-вершается: вскрытіе въ мартѣ 13 разъ, апрѣлѣ 54 раза, въ 1-й трети апрѣля 35 разъ, во 2-й трети 18 разъ, въ послѣдней трети 1 разъ; итого 54 раза. Стала Волга: въ октябрѣ 2 раза, ноябрѣ 43 раза, въ декабрѣ 22 раза, въ февралѣ 1 разъ; въ 1-й трети ноября 9 разъ, во 2-й трети 11 разъ и въ послѣд-ней трети 23 раза, итого 43 раза. Эти числа приводятъ къ то-му заключенію, что подъ Саратовомъ Волга вскрывалась преиму-щественно между 1 и 10 апрѣля, а замерзала между 20 и 30 ноября.

Волжское судоходство двухъ родовъ: *сплавное*, т. е. по тече-нію и *ходовое*—противъ и по теченію. Нынѣ изъ ходовыхъ су-довъ остались одни только пароходы и буксируемыя ими баржи; другія суда, благодаря пароходамъ, сошли уже со сцены. Прежде къ ходовымъ относились *коноводныя машины*, *росшивы*, *ослаж-ки*, *кладныя*, *коренныя*, *суряки* и *досчаники*; теперь-же такое судно составляетъ историческую рѣдкость. Пароходы двухъ ро-довъ: легкіе, т. е. пассажирные и товаро-пассажирные и тяже-лые—буксирные. Практика указала, что для буксированія самый удобный пароходъ въ 200 силъ; хотя нынѣ встрѣчаются паро-ходы, далеко превосходящіе размѣры этихъ силъ. Пароходъ въ 200 силъ ведетъ 137,000 пудовъ клади противъ теченія и со скоростью 100 в. въ сутки. Кладъ грузится на *баржи*, т. е. плоскодонныя суда, длиною отъ 30 до 45 саж. Баржа имѣетъ: палубу, каюты, мачту, паруса и руль. Буксируетъ баржа на пер-леняхъ. При низкой водѣ баржа ведется въ 50 саж. отъ паро-

хода, при высокой водѣ сажоняхъ въ 30-ти. На крыль-же пароходы ведутъ баржи очень рѣдко и не иначе какъ тамъ, гдѣ рѣка широка. На баржѣ бываетъ отъ 8 до 10 человекъ рабочихъ; экипажъ-же парохода (въ 200 силъ) составляютъ: 2 лоцмана, 12 коцегаровъ, 10 матросовъ, 2 штурвальныхъ у руля, 4 подручныхъ машиниста, 1 старшій машинистъ, 1 штурманъ, 1 прикащикъ и 1 капитанъ. Отапливаютъ пароходы дровами, которыя заготавливаются заблаговременно на берегу на дистанціяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга верстъ на 200.

Сверху пароходы доставляютъ преимущественно красные товары. Главная-же кладь, отправляемая водою изъ саратовской губерніи, состоитъ изъ зерноваго хлѣба, изъ муки и крупъ, проса, сала, спирту и т. п.

Сплавныя суда идутъ только внизъ по рѣкѣ, т. е. по теченію, и ниже Астрахани не ходятъ. Послѣ разгрузки суда эти продаются на сломъ. Экипажъ судна, поднимающаго до 300 кулей, состоитъ обыкновенно изъ 1 лоцмана, 1 водолива и 8 бурлаковъ.

Къ разряду сплавныхъ судовъ относятся:

1. *Бѣляны*, суда самой грубой постройки изъ еловаго лѣса. Они шиваются нагелями и конопатятся мочалами, но не смолятся. Бѣляна поднимаетъ отъ 100,000 до 150,000 пуд. влады. Длина судна отъ 16 до 30 с., ширина отъ 5 до 9 саж., осадка отъ 4 до 5¹/₂ арш.; возятъ почти исключительно дрова и лѣсъ.

2. *Мокшаны* появляются нынѣ рѣдко. Строятся изъ еловаго лѣса, крѣпятся нагелями. Борты ихъ вертикальны и имѣютъ на срединѣ судна отъ 6 до 12 четв., дно плоское, постепенно суживающееся къ кормѣ и носу. Длина отъ 15 до 30 саж., ширина отъ 5 до 7 саж., осадка 1¹/₂ аршина; влады поднимаютъ отъ 12,000 до 15,000 пудовъ.

3. *Барки* (бѣлозерки), длиною отъ 16 до 30 саж., шириною отъ 4 до 8 саж., осадка 1¹/₂ аршина. Строятся изъ сосноваго и еловаго лѣса, скрѣплены нагелями и конопачены паклей. Грузу поднимаютъ отъ 10,000 до 20,000 пудовъ.

4. *Коломенки*, въ родѣ мокшанъ, только менѣе. Грузу поднимаютъ отъ 8,000 до 12,000 пудовъ.

5. *Межеумки* строятся изъ круглыхъ еловыхъ бревенъ и топорожъ обтесанныхъ досокъ. Длина ихъ 22 — 30 саж., ширина

отъ $6\frac{1}{4}$ до 8 саж., глубина 12 четв., осадка отъ 7 до 10 четв. Крѣпятся нагелями, конопатятся мочалами, а пазы застилаются тонкими досечками на скобахъ. Грузу поднимаютъ отъ 60,000 до 85,000 пудовъ.

Предъ вскрытіемъ Волги бурлаки *пробиваютъ* т. е. конопатятъ судно, осмаливаютъ и приводятъ его въ исправность. Лишь только *чки проишли*, т. е. ледъ тронулся, приступаютъ къ нагрузкѣ, стараясь не пропустить *сочную*, полую воду, по которой путь мало того что безопаснѣе, да и короче.

Исключая малыхъ судовъ, на веѣхъ остальныхъ трюмъ близъ середины перегораживается двумя перегородками поперегъ судна, и это пространство называется *ляло*. Оно должно быть всегда пусто и назначается для отлива воды. Тутъ находится и днемъ и ночью водоливъ и устроены помпы и проч.

Такъ какъ главная масса грузовъ идетъ снизу вверхъ, то въ Рыбинскѣ, Нижнемъ и Казани, да и въ другихъ пунктахъ скопляется значительное число бурлаковъ, возвращающихся въ низовье. Это породило особый классъ спекуляторовъ, преимущественно изъ мѣщанъ, которые для проѣзда бурлаковъ строятъ особыя *лодки, пробѣги и досчаники*; вмѣщающіе въ себѣ отъ 40, 60 и до 70 пассажировъ. Суда эти не возвращаются, а продаются на сломъ. За провозъ берется ничтожная плата. Пассажиры должны помогать плаванію, смотря по надобности, парусомъ и веслами.

Мостовъ на Волгѣ нѣтъ. Постоянныя переправы находятся: 1) при г. Хвалынскѣ, 2) въ 20 верстахъ выше г. Волгска, 3) ниже г. Волгска на проселочную дорогу изъ вол. Шафгаузенъ въ слободу Покровскую, 4) при г. Саратовѣ, 5) при г. Камышинѣ, 6) при посадѣ Дубовка и 7) при г. Царицынѣ. Сверхъ этого существуютъ еще малые, заведенные жителями перевозки: въ волгскомъ уѣздѣ при сс. Воскресенскомъ и Березникахъ въ вол. Баронскъ; камышинскомъ при с. Ахматѣ, Золотомъ, Антиповкѣ; царицынскомъ, при сс. Караванкѣ, ст. Александровской, с. Пролейкѣ, с. Водяномъ и ст. Пичужинской.

Переправы производятъ на досчаникахъ, пармахъ, косныхъ лодкахъ и пароходахъ.

По рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Сурѣ хотя и продолжаютъ производить сплавы раннею весною, но они годъ отъ году все

уменьшаются; такъ что въ недалекомъ будущемъ надо ожидать окончательнаго прекращенія сплава по этимъ рѣкамъ.

Въ саратовской губерніи есть много родниковъ и ключей, ими особенно богаты приволжскія горы и тѣ мѣста въ губерніи, которыя покрыты лѣсомъ. Есть родники, пользующіеся особеннымъ уваженіемъ окрестныхъ жителей, какъ, напр., *Семь-Ключей* въ петровскомъ уѣздѣ и *Красный колодезь*, въ царичинскомъ.

Между г. Царицыномъ и кол. Сарептою, въ оврагахъ приволжскихъ горъ встрѣчаются минеральные источники; важнѣйшій изъ нихъ находится въ дачахъ кол. Сарепта царичинскаго уѣзда и называется *Екатерининскій колодезь*. Въ 1776 г. бывшій оренбургскій генераль-губернаторъ Якоби съ своимъ семействомъ пользовался этими водами и сарептяне донныѣ упорно увѣряютъ, что семейство г. Якоби было изцѣлено. Какъ-бы то ни было, прошла-ли у г. Якоби его пятилѣтняя лихорадка, а у его супруги хроническое расслабленіе, но въ 1796 г. число посѣтителей этого источника возрасло до 300 человекъ, такъ что въ Сарептѣ не находилось болѣе квартиръ для посѣтителей, часть которыхъ размѣстилась въ русскомъ с. Отрадѣ. До днѣсь неподвижныя до одеревенѣлости лица „братъевъ гернгутеровъ“ озадряются чѣмъ-то въ родѣ улыбки, при одномъ воспоминаніи, что цѣлебный ихъ источникъ посѣщали: князь Григорій Орловъ, генераль-прокуроръ Вяземскій, Голицыны, Гагарины, гр. Воронцовы, и др.; но, несмотря на посѣщеніе князей и графовъ, дѣло у сарептянъ не пошло. Послѣ 1797 г. число посѣтителей стало быстро уменьшаться, а въ 1801 г. былъ всего одинъ и *последній* посѣтитель водъ.

Озеръ въ губерніи немного. Они преимущественно находятся по долинамъ рѣкъ Терешки, Хопра, Терсы, Медвѣдицы и Иловли, но по объему своему не велики. Самое большое изъ нихъ есть озеро *Ильмень*, въ камышинскомъ уѣздѣ. Оно имѣетъ въ окружности около 5 верстъ.

Кромѣ озеръ съ прѣсною водою, встрѣчаются еще небольшія озера съ соленою и горько-соленою водою; расположены они въ ЮВ части губерніи и представляютъ собственно затопленныя низменныя солонцеватая мѣста.

Болотъ, замѣчательныхъ по своей обширности, нѣтъ вовсе. Существующія здѣсь трясины — „*Твань*“, по мѣстному выраженію, —

расположены преимущественно по берегамъ озеръ и рѣкъ, и происходятъ отъ затопляющей весенней воды.

Такимъ образомъ, природа одарила саратовскую губернію довольно обильными водами. Въ ней три водныхъ пути, которые связываютъ между собою довольно отдаленныя мѣстности, но человѣческое знаніе и трудъ ничего не сдѣлали для того, чтобы придать этимъ сообщеніямъ болѣе удобства и экономическаго примѣненія. Въ этомъ отношеніи все обстоитъ такъ, какъ устроила съ незапамятныхъ временъ матушка-природа. До сихъ поръ, нѣтъ ни одного порядочнаго спуска къ р. Волгѣ, ни одной пристани, устроенной по человѣчески; даже бакеновъ нѣтъ для означенія фарватера. Лоцманы—это напрактиковавшіеся „бурлаки, старый типъ которыхъ начинаетъ исчезать; они не подвергаются никакому испытанію и избираются изъ числа тѣхъ судовыхъ рабочихъ, кто потрезвѣе да посмышленнѣе. Страшный ихъ трудъ оплачивается нищенской платой, и они не остаются въ долгу у своихъ хозяевъ: разбиваютъ и топятъ баржи, сколько имъ угодно. Замѣчательно, что до сихъ поръ нѣтъ хорошей карты р. Волги съ ея берегами и отмелями. А между тѣмъ, это самая промышленная и судоходная рѣкъ Россіи. Равнодушіе, достойное быть выставленнымъ на вѣнской выставкѣ.

Флора и фауна саратовской губерніи не отличаются ничѣмъ особеннымъ, но онѣ такъ богаты, что могли-бы прокормить въ десять разъ болѣе, чѣмъ полутора-милліонное населеніе этого края, если-бы человѣкъ сумѣлъ воспользоваться его производительными силами и направить свой трудъ правильнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи саратовская губернія, подобно другимъ, представляетъ мертвый капиталъ, ожидающій только въ будущемъ умнаго и дѣятельнаго распорядителя... Лѣсовъ тутъ не особенно много, хотя отношеніе количества лѣсовъ къ общему пространству превышаетъ 1 : 7; потому что общее количество лѣсовъ составляетъ 1,318,221 десятинъ 1,724 сажени. Распредѣленіе-же ихъ по уѣздамъ идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: богатые лѣсами уѣзды: кузнецкій и хвалыинскій, малолѣсные: петровский, волгскій, саратовскій, сердобскій, и безлѣсные: аткарскій, камышинскій, балашовскій и царичынскій.

Породы лѣса слѣдующія: въ кузнецкомъ уѣздѣ главная порода—сосна; листовныя породы—береза, осина, ольха, липа и дубъ—составляютъ только примѣсъ къ хвойному лѣсу; въ хвалыинскомъ,

петровскомъ и сердобскомъ уѣздахъ лѣсъ лиственный, хвойный встрѣчается гораздо рѣже; лиственные породы состоятъ изъ: березы, осины, липы, дуба, елена, вяза, рябины, орѣшника, ольхи, тальника, ивы, крутины, кумослѣпа и терновника; въ саратовскомъ и волгскомъ:—дубъ, береза, липа, осина, осокорь, ветла и изрѣдка: сосна, елень, ясень, вязъ, бересклетъ, орѣшникъ, калина, ольха и ива; въ атгарскомъ и балашовскомъ—тѣ же породы; въ камышинскомъ и царичинскомъ—хвойныхъ деревъ нѣтъ вовсе, а изъ лиственныхъ: дубъ, осина, корагачъ, елень, ольха, покленъ, вязъ, дикая яблоня, дикая груша, терновникъ, осокорь, тополь, ветла и тальникъ. На осгровахъ р. Волги исключительно произрастаетъ черная ива (черноталь), осокорь и ветла.

Лѣса растутъ довольно густо. Качество и ростъ деревьевъ зависятъ главнымъ образомъ отъ мѣстоположенія лѣса: на мѣстахъ низменныхъ и защищенныхъ отъ вѣтровъ деревья развиваются сильно и достигаютъ значительной величины и толщины; на мѣстахъ открытыхъ и высокихъ—деревья мелки и стволы ихъ искривлены.

Въ большихъ лѣсахъ кузнецкаго уѣзда травъ очень мало: густая, постоянная тѣнь неблагоприятна для растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота солнечныхъ лучей; чаще другихъ попадаются зубчатый папортникъ, плотные и зеленые листья ландыша, высокія стебли отцвѣтшаго лѣсного левкоя, да по осени краснѣетъ бруслика; сырой запахъ грибовъ носится въ воздухѣ, въ особенности слышенъ острый запахъ груздей, какъ извѣстно, растущихъ гнѣздами, потому что они любятъ *моститься* подъ согнивающими прошлогодними листьями.

За исключеніемъ лѣсной дачи г. Скибиневскаго, которая раздѣлена на 140 лѣсосѣкъ и въ которой для очистки лѣса дѣлаются проходныя прорубки, систематическое пользованіе лѣсами встрѣчается очень и очень рѣдко. Охраненіе же лѣсовъ отъ порубокъ довольно тщательно повсюду. Посѣвъ и насажденіе лѣса существуетъ только въ казенныхъ дачахъ. Питомниковъ древесныхъ всего 21 и занимаютъ ничтожное пространство.

Лѣсные промыслы: гонка смолы, дегтя, обжиганіе углей производится только въ кузнецкомъ и петровскомъ уѣздѣ, да и то почти только для мѣстнаго употребленія.

Всѣхъ луговъ въ губерніи 1.082,016 дес. 1,927 саж., т. е.

составляетъ отношеніе къ общему пространству болѣе какъ 1:7.

Сѣнокосы двухъ родовъ: степные и поемные. Степные находятся на цѣлинахъ и залежахъ; поемные по берегамъ рѣкъ, въ особенности Хопра, Медвѣдицы, Терсы и Иловни.

Какъ тѣ, такъ и другіе составляютъ относительно почвы много разновидностей; обиліе же травъ зависитъ исключительно отъ состоянія погоды.

Способъ пользованія степными лугами троякій: 1) выкашиваютъ ежегодно; 2) выкашиваютъ два года сряду, а на третій вытравливаются скотомъ и 3) выкашиваютъ въ три года одинъ разъ, а остальные два года служатъ пастбищемъ для скота.

Средній сборъ сѣна съ одной казенной десятины можно принять слѣдующій:

I. На степныхъ покосахъ:

1. На мѣстахъ ровныхъ и невысокихъ.	125 пуд.
2. „ покосахъ по оврагамъ, буеракамъ и опушкамъ лѣсовъ	80 „
3. „ возвышенныхъ и бугристыхъ покосахъ.	60 „
4. „ солонцахъ и хрящеватыхъ мѣстахъ	40 „

II. На поемныхъ лугахъ:

1. На приволжскихъ займищахъ	150 пуд.
2. „ заливныхъ лугахъ Узы, Медвѣдицы и другихъ рѣкъ	125 „
3. „ тѣхъ-же поймахъ, заносимыхъ пескомъ и на заливныхъ лугахъ другихъ рѣкъ.	75 „
4. „ поймахъ съ кочкарникомъ и кустами	50 „

Время сѣнокосовъ слѣдующее: степные покосы начинаютъ съ 17-го іюня, поемные при малыхъ рѣчкахъ въ концѣ іюня или началѣ іюля, а по берегамъ Волги въ августѣ.

Скошенную траву оставляютъ просушиваться въ рядахъ; потомъ сѣно ворошится и складывается *въ валы*, послѣ въ копны (изъ 5-ти вучекъ каждая). Если сѣнокосъ далеко отъ жилыхъ мѣстъ, то копны свозакиваютъ къ одному мѣсту на веревкахъ лошадыми и мечутъ въ стоги, которые на зиму обносятся плетевой загородкой. Если селенія близко, то сѣно прямо возится на мѣсто, гдѣ и складывается.

Покосы расположены по-уѣздно въ слѣдующемъ количествѣ:

1. Въ балашовскомъ	251,066	дес.	
2. „ волгскомъ	209,157	„	
3. „ сердобскомъ	204,312	„	
4. „ петровскомъ	148,584	„	
5. „ царицынскомъ	67,970	„	
6. „ камышинскомъ	55,939	„	
7. „ саратовскомъ	55,596	„	
8. „ хвалынскомъ	42,982	„	
9. „ кузнецкомъ	26,802	„	
10. „ аткарскомъ	19,608	„	1,927 саж.
Итого	1.082,016	„	1,927 саж.

И такъ, вся площадь губерніи заключаетъ въ себѣ слѣдующее количество земель:

1. Подъ пашнею	2.906,448	дес.	1,679 саж.
2. „ степью	1.066,317	„	1,628 „
3. „ покосами	1.082,016	„	1,927 „
4. „ строевымъ лѣсомъ	106,999	„	404 „
5. „ дровянымъ лѣсомъ	681,265	„	1,266 „
6. „ кустарникомъ	16,191	„	54 „
7. „ кустарникомъ съ по- косомъ	224,002	„	— „
8. „ солонцами	205,766	„	— „
9. „ усадьбами и садами	74,494	„	1,918 „
10. „ неудобной земли	1.108,864	„	1,579 „
Итого	7.472,362	дес.	855 саж.

Относительно другихъ естественныхъ произведеній саратовской губерніи надо замѣтить, что по прибрежью Волги и другихъ рѣкъ наблюдается болѣе разнообразіа, чѣмъ въ юго-западной части губерніи, представляющей степь съ холмистыми возвышенностями постепенныхъ наносовъ на первозданныя формациі и минеральныя толщи.

Изъ животныхъ здѣсь есть всѣ домашнія породы, кромѣ того у калмыковъ въ кочевьяхъ есть верблюды и особаго рода овцы съ курдюками. Изъ звѣрей водятся въ лѣсахъ: медвѣди, волки, рысь, лисицы, иногда и чернобурья, горностаи, бѣлки, ласки,

хорьки, зайцы; въ степяхъ: сайги, дикія козы, сурки; суслики, тушканчики, полевые мыши, крысы, кроты, кошки и иногда попадаются кролики; на островахъ и при рѣкахъ и озерахъ водятся: кабаны, хомяки, песцы и выдры; особенно много въ этомъ краю крысъ, мышей и ежей. Случалось, что въ лѣсахъ кузнецкаго уѣзда попадались куницы.

Изъ птицъ всѣ домашнія, а изъ дикихъ въ лѣсахъ: тетеревъ, куропатка, дятель, витютень, горлица, иволга, соловей, синица, щеголь, чижъ, зябликъ, ворона, сорока, галка, воронъ, ястребъ, соколъ, копчикъ, соера, филинъ, кукушка, по горахъ: шуръ, горный скворецъ (розовый), стрижь, орлы и беркуты; по степямъ: драхва, стрепегъ, полевая куропатка, перепель, жаворонокъ, сивка, вроншнепъ; по болотамъ и болотистымъ кустамъ: вальшнепъ, дупель, бекасъ, гаршнепъ, многое множество рѣчныхъ куликовъ разныхъ породъ, чибисъ, выпь; по водамъ: гуси, лебеди, утки различныхъ породъ, бабы, бакланы, гагары разныхъ породъ, рыболовы разныхъ породъ, и повсюду: голуби, скворцы, воробьи, галки, грачи, вороны и сороки.

Изъ пресмыкающихся: ящерицы разныхъ породъ, есть и довольно большія; ужь, змѣи и изрѣдка попадаются „гадюки“, въ особенности около мельницъ и большихъ запрудъ.

Изъ рыбъ: въ Волгѣ: бѣлуга, осетръ, сомъ, севрюга, шипъ, стерлядь, окунь, щука, лещъ, налимъ, язъ, сазанъ, судагъ, сельдь и разная мелкая рыба; въ небольшихъ рѣчкахъ только мелкая рыба и пискари, гальцы и вьюны и въ одной только рѣкѣ Лохъ — форели. По озерамъ раки, караси, окуни и т. п.

Изъ насѣкомыхъ: пчелы, шмели, шершни, осы, мухи, мошки, оводы, бабочки, жуки, шпанскія мухи, тысячи различныхъ козявокъ и букашекъ; рѣдко, но попадаются ядовитыя насѣкомыя какъ: тарантулъ, скорпионъ, фаланга. Временно появляются во множествѣ: кузнечики, кобылки и саранча. Повсюду муравьи и стрекозы.

Изъ растительнаго царства преобладаютъ хлѣбныя растенія: разнаго рода пшеница, рожь, ячмень, овесъ, просо, греча, горохъ, чечевица, конопля, ленъ, горчица, табакъ турецкій, русскій и американскихъ породъ; подсолнечникъ, макъ, дикій хмѣль отличнѣйшаго качества, но на который рѣшительно не обращается

никакого вниманія; дикій цикорій, донникъ, крапива, солодковый корень и т. п.

Изъ минеральнаго царства: соль, толщи которой, переищпанная съ краснымъ и зеленымъ песчанникомъ, попадаютъ во многихъ мѣстахъ южной части губерніи. Превосходнаго качества *умбра*, близъ с. Водяного, царичинскаго уѣзда. *Желѣзный купоросъ*, близъ поташнаго завода верстахъ въ 40 отъ Саратова. *Фаянсовая глина (маіолина)* въ 12 вер. отъ Саратова, въ мѣстѣ Н. И. Буковского. Желѣзная руда, преимущественно черепковатая, во многихъ мѣстахъ. *Сукновальная глина (argile smectique, walkerde, fullers — earth)* въ г. Царичинѣ. Мѣлъ, кварцъ, добываютъ много оселковъ и жернововъ въ учас. Уши камышинскаго уѣзда и въ оврагахъ Сарпинскихъ горъ. Валяльная и горшечная глина у Сарепты и Волгска. Попадаетъ, какъ мы уже и говорили выше, много окаменѣлостей, раковинъ, амониты, окаменѣлыя виды коралловъ каменно-угольной системы.

Насъ увѣряли, что въ западныхъ склонахъ Сарпинскихъ горъ, т. е. на юго-западной границѣ губерніи, есть мѣдныя руды. При поверхностномъ осмотрѣ мы дѣйствительно нашли образчики мѣдныхъ рудъ, но, не имѣя ни средствъ, ни времени для серьезнаго ознакомленія, мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать присутствіе рудниковъ въ этомъ мѣстѣ. Правда, руду мы находили, но сколько ея, т. е. каковы запасы руды, какъ она залегла, какой даетъ процентъ металла при выплавкѣ, условія добыванія и пр. и пр. — это такіе вопросы, отвѣчать на которые, до произведенія нами *точныхъ разслѣдованій на мѣсть*, мы не беремся.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина этого края. Условія климата, распредѣленіе температуры и вообще метеорологическія явленія мы изложимъ въ нашемъ полномъ трудѣ, *) такъ какъ подробное изложеніе и цифровыя таблицы метеорологическихъ наблюденій были-бы слишкомъ длинны и утомительны для читателя-не спеціалиста.

*) Авторъ готовитъ къ печати полное изданіе статистическаго обзора сарат. губерніи.

Теперь мы бросимъ взглядъ на колонизацію саратовской губерніи и обозначимъ тотъ историческій путь, которымъ она совершалась. Искони этотъ обширный край былъ населенъ, потому что, щедро одаренный растительностію, тучной почвой и богатыми водами, онъ представлялъ человѣку привлекательную мѣстность для заселенія. Познакомимся-же, на сколько это возможно, по имѣющимся историческимъ матеріаламъ и на сколько позволяютъ размѣры журнальной статьи, съ прошлымъ этого края, которое такъ или иначе переплетается съ настоящимъ. Далѣе посмотримъ, какъ воспользовался человѣкъ тѣми дарами природы, которые представляетъ этотъ край; что онъ сдѣлалъ для улучшенія своего быта, на сколько развилъ свои интеллектуальныя и матеріальныя силы,—какъ далеко онъ подвинулся впередъ въ образованіи. Мы видѣли, что природа даетъ здѣсь человѣку все, что нужно для его экономическаго процвѣтанія, а слѣдовательно, и умственнаго прогресса. Плодородная почва даетъ ему вдоволь хорошаго хлѣба, достаточно лѣсу, овощей, плодовъ и другихъ питательныхъ растений; рѣки предлагаютъ ему неисощимое богатство превосходной рыбы: земля—обильные запасы минеральныхъ произведеній; климатъ — умѣренную температуру, а географическое положеніе всѣхъ удобства для правильной дѣятельности, для успѣшной борьбы съ окружающимъ міромъ; однимъ словомъ, все, что нужно для развитія высокой культуры и вполне обезпеченнаго существованія. Посмотримъ-же, какъ самъ человѣкъ сумѣлъ устроить свою жизнь среди этой богатой обстановки и примѣнить ее къ своему личному и общественному благополучію.

Кто были первые аборигены этого края,—сказать трудно. Древніе историки и географы знали о здѣшней сторонѣ только по темнымъ слухамъ; свѣденія у писателей первыхъ вѣковъ христіанства тоже очень сбивчивы; можно предположить только одно: что за пятнадцать слишкомъ вѣковъ здѣсь проходили и останавливались различные народы, но не „осѣдали“.

Нѣкоторыя свѣденія оставили намъ арабскіе писатели; многіе изъ нихъ посѣщали эти мѣста лично. По ихъ указаніямъ, съ VIII и IX столѣтій въ сѣверу отъ прикаспійскихъ хозаръ, на разстояніи 20 дней пути отъ ихъ столицы Итиля, на западномъ берегу Волги, жили буртасы, имя которыхъ сохранилось донныѣ

въ названіи рѣчки, урочищъ и двухъ селеній: старше и новыя бурасы, явно передѣланные изъ буртасы. Арабы описываютъ буртасовъ народомъ кочевымъ, почти незнавшимъ земледѣлія и занимавшимся звѣроловствомъ; по ихъ-то имени и назывались мѣха черныхъ лисицъ „буртасіе“. Отличаясь разболами и буйнымъ характеромъ, буртасы вели непрерывныя войны съ печенѣгами, и хотя признавали надъ собою верховную власть хозарскихъ царей, но управлялись своими собственными царьками, избраніе которыхъ сопровождалось страннымъ обрядомъ: новому царьку стягивали поясомъ горло и при этой операціи спрашивали: сколько лѣтъ онъ желаетъ царствовать? Когда срокъ истекалъ, а царекъ еще оставался живымъ, то его безъ всякой церемоніи убивали.

Имя буртасовъ въ послѣдній разъ упоминается въ XIII вѣкѣ, при перечисленіи народовъ, покоренныхъ монголами. Но кто-же были эти буртасы? Надо полагать, что это была мордва, изъ племени „мокша“. Мнѣніе это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что арабскіе писатели, часто упоминая о двухъ другихъ и гораздо меньшихъ племенахъ мордвы, „эрза“ и „каратай“, совсѣмъ не говорятъ о племени мокша, далеко большемъ и сильнѣйшемъ и котораго географы и историки арабскіе не могли не знать. У буртасовъ было обыкновеніе хоронить своихъ покойниковъ въ могилахъ и насыпать надъ ними курганы. Кургановъ въ саратовской губерніи много, хотя они научнымъ образомъ не разслѣдованы и до сихъ-поръ; но все-таки съ господствующимъ донинѣ мнѣніемъ относить *все* курганы ко временамъ татарско-ордынскимъ мы согласиться положительно не можемъ; во-первыхъ, потому, что на этихъ курганахъ встрѣчаются каменные изваянія „бабъ“, какъ онѣ зовутся въ народѣ, у которыхъ черты лица не имѣютъ ничего похожаго на монгольскій типъ, да и у мусульманъ статуи на могилахъ не ставятъ, потому что это прямо запрещено кораномъ. Во-вторыхъ, вотъ открытіе, которое происходило на нашихъ глазахъ: въ 1866 году, на 38 верстѣ отъ г. Саратова, по камышинскому тракту, былъ разрытъ крестьянами одинъ изъ трехъ находящихся тамъ кургановъ. Рассказывали, что нашли человѣческія кости и пр. По этому случаю былъ посланъ полицейскій чиновникъ, г. Колесниковъ, прежде служившій по министерству народнаго просвѣщенія и искусный въ соби-

раніи скелетовъ, дѣланіи чучель и т. п. Колесниковъ исполнилъ свою командировку на-столько толково, на-сколько этого можно было ожидать отъ чиновника. Онъ собралъ кости челоуѣва и лошади, привезъ остатки изъ цѣлаго дуба выдолбленнаго гроба, но уже совершенно сгниваго. Гробъ, какъ замѣтно, былъ хорошо обтесанъ снаружи; головная часть гроба была обращена на востокъ, по лѣвую сторону костей находился разломанный на нѣсколько кусковъ мечъ, но безъ эфеса, хотя съ явными признаками металлическихъ ноженъ; въ нижней части гроба лежали нѣсколько доскутьевъ одежды фіолетоваго цвѣта, измѣнившася на воздухѣ тотчасъ въ темно-коричневый, нѣсколько кусковъ заржавленной кольчуги, сколько можно было разсмотрѣть, составленной изъ мелкихъ овальныхъ колецъ и овальной пряжки съ колечкомъ по срединѣ, имѣющемъ зубчики и, наконецъ, кости лошадиного остова. Ясно, что въ могилѣ были и другія вещи, да только онѣ или унесены разрывавшими могилу ранѣе Колесникова крестьянами, или перепорчены ими; иначе какъ объяснить, что отъ кольчуги нашлось только нѣсколько кусковъ? Наконецъ куда-же дѣвались наконецникъ и эфесъ меча? Эти части оружія, какъ извѣстно, дѣлаются изъ болѣе цѣнныхъ матеріаловъ и, конечно, были похищены отбрывшими могилу. Крестьяне рассказывали Колесникову, что голова лежала на лѣвомъ вискѣ. Останки эти были привезены въ Саратовъ и представлены саратовскому полиціимейстеру М. Попову, а имъ показаны намъ. (Нынѣ все это хранится въ музеѣ саратовской мужской гимназіи). Ученый другъ нашъ, уже извѣстный своими научными работами, докторъ медицины и хирургіи Н. В. Барминскій, много лѣтъ посвятившій изученію череповъ разныхъ народностей, призналъ этотъ черепъ за мордовскій; и дѣйствительно, ошибиться было невозможно: размѣры черепа были, какъ и его фигура, тождественны съ черепами мордовскими; дадѣе этотъ черепъ, при сличеніи съ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи,—безспорно древнимъ мордовскимъ черепомъ, оказался совершенно сходнымъ. Точно такой-же черепъ оказался и въ найденной мною въ 1868 году древней могилѣ, на которую я нечаянно наткнулся, производя геогностическія развѣдки въ с. Чардымъ саратовскаго уѣзда, въ имѣніи г-жи Яковлевой. Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключить, что разрытый г. Колеснико-

внмъ курганъ заключалъ въ себѣ древнюю мордовскую могилу. Далѣе, судя по остаткамъ вооруженія, въ которыхъ, не смотря на крайнюю ихъ порчу, нельзя не признать высокаго достоинства, по доскуткамъ одежды, повидимому, шелковой, по дубовому гробу съ массивными стѣнами и хорошею отдѣлкою, по остаткамъ коня, нельзя не предположить, что умершій былъ не простымъ воиномъ, а сановитымъ лицомъ. Но было-ли это мѣсто, на которомъ находятся курганы, полемъ битвы, а погребенный павшимъ вождемъ, или мѣстомъ мирнаго кладбища для сановниковъ—рѣшить трудно, хотя массивность гроба и его, повидимому, тщательная отдѣлка, не надѣтая на умершаго, а положенная въ гробъ кольчуга, что доказывается толщиной кусковъ, состоящихъ, кажется, изъ нѣсколькихъ складокъ кольчужнаго полотна; отсутствіе на ребрахъ, позвонкахъ, плечевыхъ костяхъ слѣдовъ ржавчины отъ кольчужныхъ колець, долженствовавшихъ непремѣнно остаться, если-бы, по стгненіи мягкихъ частей, кольчуга облегла кости; положенное въ ногахъ, какъ видно, парадное платье; наконецъ, останки зарытаго коня—доказываютъ скорѣе послѣднее предположеніе, чѣмъ первое, тѣмъ болѣе, что у мордвы обычай класть съ покойникомъ любимыя или необходимыя въ его званіи вещи существуетъ и до сихъ поръ; и теперь иногда кладутъ съ покойникомъ тавлинку, трубку, кочедыкъ, деньги и даже вино. Какъ-бы то ни было, но могила, выдавъ свою тайну, наводитъ еще на другой вопросъ: есть-ли возможность въ нынѣ почти вымершемъ и бѣдномъ народѣ предполагать потомковъ расы, судя по найденнымъ останкамъ, стоявшей не на низкой ступени культурнаго развитія? На это мы положительно отвѣтимъ: „да“. Въ преданіяхъ мордовскаго народа находятся указанія на существовавшія когда-то между ними письмена; остались сказанія объ ихъ князьяхъ, въ особенности о Тюштянѣ, ушедшемъ за море, когда русскіе отвоевали у нихъ землю. Вотъ эта легенда: было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, не зависѣло отъ нихъ. Но пришла пора, и русскому понадобилась земля мордовская, и сталъ онъ просить мордовскаго вождя, чтобы онъ, по старой дружбѣ, уступилъ ему столько земли, сколько можно охватить пеньковой нитью, обмотанной нѣскольکو разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій *инзяръ* (царь) согласился на просьбу

сосѣда, который, выбравъ изъ своего племени что ни на есть дюжого парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно-длинную нить, что голова стала цѣлою горою и нить, будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спыхватился инзяръ, но уже было поздно,—земля отошла во владѣніе русскихъ, а онъ ушелъ за море. Какое поразительное сходство этой русской пеньковой нити съ тѣми ремешками, которые нарѣзала Дидона изъ воловьей шкуры и которые дали ей мѣсто для постройки Карфагена. Одна и та-же легенда на знойныхъ берегахъ Африки и въ пустыняхъ сѣвера! Такъ сходны между собою всѣ преданія, гдѣ-бы ихъ ни создавала человѣческая фантазія, на извѣстной степени народной культуры.

Монголы, пришедшіе изъ степей Средней Азіи въ 1241 году, пронесли съ огнемъ и мечомъ въ одну сторону почти до верховьевъ Волги, а въ другую до Дуная, возвратились потомъ въ при-каспійскія степи и сѣли тамъ на постоянное становище. Власть монголовъ продолжалась съ 1237 по 1502 годъ. Монголы, повелѣвая Русью, вынуждали ея князей ѣздить на поклонъ въ Орду и съ этихъ поръ знакомство съ этимъ краемъ становится болѣе близкимъ.

Въ 1246 г. посолье Папы Инокентія IV, Іоаннъ Карпинъ, сдѣлалъ первое описаніе земель между р.р. Дономъ, Волгою и горами Общаго Сырта; потомъ, въ 1252 году, король Людовикъ IX послалъ монаха Рейсбрука разузнать о жизни, нравахъ и религіи монголовъ. Этотъ монахъ описываетъ, какъ онъ между Дономъ и Волгою, въ нынѣшнемъ камышинскомъ уѣздѣ, встрѣтилъ „ѣдущій на телѣгахъ городъ“, т. е. по-просту онъ видѣлъ перекочевку хана Джигитая, и потомъ рассказываетъ о прибытіи своемъ къ берегамъ Волги, гдѣ были станы богатѣйшаго и знаменитаго мурзы Сарката и самого Бату-Хана.

За этими путешественниками слѣдомъ прошли по степямъ Волги и Урала до Китая венеціанцы Николо и Матіо-Поло. На основаніи записокъ этихъ туристовъ и русскихъ князей, бояръ и духовныхъ, ходившихъ въ Орду, и изъ описанія африканца Ибнъ-Батута, путешествовавшаго по заволжью, думаютъ, что Сарай, столица Золотой Орды, построенная Батыемъ, между 1242 и 1254 годами, находилась на мѣстѣ нынѣ уѣзднаго города Царевска.

Позднѣе ханъ Мамай жилъ близъ рѣчки „Мечетной“, тоже въ нынѣшнемъ царевскомъ уѣздѣ. Пребываніе монголовъ оставило слѣды въ названіи многихъ рѣкъ, рѣчекъ, урочищъ и т. п., въ курганахъ и нѣкоторыхъ городищахъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ находятся на крутомъ берегу р. Волги, въ 15 верстахъ отъ г. Саратова, въ имѣніи г. Шабловскаго, у д. Увекъ; здѣсь, вѣроятно, былъ ханскій станъ, потому что находимыя здѣсь монеты носятъ имя города Увека. И до настоящаго времени уцѣлѣли кое-какіе остатки рва и вала, вѣроятно, бывшаго укрѣпленія. Лѣтъ десять тому назадъ существовалъ еще городокъ въ 16 верстахъ выше Царицына, близъ с. Городища и хутора Нижне-Мечетнаго. Лѣтъ за 60 тутъ стояли развалины обширныхъ каменныхъ зданій, отъ которыхъ нынѣ не осталось ничего. Кое-какіе признаки бывшаго города существуютъ верстахъ въ двухъ повыше посада Дубовки; также близъ с.с. Кошелей и Березниковъ въ волгскомъ уѣздѣ; но какіе это были города, когда они разорены — неизвѣстно.

Въ концѣ XV вѣка, какъ повѣствуютъ наши лѣтописцы, „Большая Орда порушилась и почали цари ордынскіе жити въ Астрахани, а Большая Орда заустѣла“... т. е. заустѣла собственно столица Орды, Сарай, хотя и самый край также участвовалъ въ этомъ заустѣніи. Мѣстность эта, обитаемая кочевниками и опустошаемая послѣ „порушенія“ Сарая наѣздами крымцевъ, конечно, вытерпѣла не мало. Только на сѣверѣ, т. е. на границѣ нынѣшней симбирской и пензенской губерній, гдѣ утвердились применувшіе къ казанскому царству татары и отатарившіеся, принявшіе исламъ буртасы, колонизація этой пустыни развивалась успѣшнѣе.

Съ половины XVI вѣка, когда пали казанское и астраханское царства, этотъ приволжскій край былъ присоединенъ къ Россіи, но это вовсе не означаетъ того, чтобы русскіе впервые посѣтили этотъ край; далеко ранѣе, еще въ IX и X вѣкахъ, русскіе, плавая по Азовскому, тогда называемому „Русскому“ морю, конечно, заходили въ р. Донъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ ближе сходится эта рѣка съ Волгою; перетаскивали свои лодки въ эту послѣднюю и по ней пускались въ Хвалынское море. По этому-то и „Дубовка“ получила свое названіе отъ слова „дубъ“ — известнаго рода долбленой лодки.

По присоединеніи этого края къ московскому царству, онъ заселялся очень туго, какъ вообще туго и медленно развивалось населеніе всей Руси. Нужно было сначала обезопасить для осѣдлой жизни этотъ край, опустошаемый разбойничьими шайками кочевниковъ, ордынцевъ, „вольницы понизовой“, „воровскими казаками“. Это вынудило царя Федора Ивановича учредить разѣзды и сторожевые пункты отъ Нижняго до р. Терека. Города Саратовъ и Царицынъ получили значеніе укрѣпленныхъ пунктовъ. Оба эти города не находились прежде на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ существуютъ нынѣ: Царицынъ стоялъ на островѣ, лежащемъ противъ устья рѣчки Царицы, а Саратовъ на лѣвомъ берегу Волги близъ рѣчки Саратовки, верстъ на десять выше нынѣшняго своего поселенія. Когда этотъ городъ занялъ свое настоящее мѣстоположеніе — точно неизвѣстно, но изъ наказа астраханскому воеводѣ князю Сицкому и потомъ Пушкину видно, что въ 1589 году „новый городъ Саратовъ“ стоялъ уже на нынѣшнемъ его мѣстѣ и что въ эпоху дѣйствій Заруцкаго прежнее мѣсто гор. Саратова носило названіе „саратовскаго пепелища“ и „саратовскаго городища“, гдѣ „копаныямы и искали поклажеевъ“. Въ старинныхъ актахъ постоянно встрѣчаемъ наставленіе саратовскимъ воеводамъ держать ухо остро и, отправляя людей, быть очень и очень осторожными: „и съ Царицына, смотря по вѣстямъ, идти на Саратовъ съ великимъ береженіемъ; ...и идти степью и на станѣхъ ставиться съ великимъ береженіемъ, и около конскихъ табуновъ, для береженья, послати въ разѣзды по-часту и самимъ разѣзжати день и ночь, и на станѣхъ, на караулѣхъ велѣти стоять бережно и усторожливо и во всемъ береженъе держати великое, чтобы, въ дорогѣ и на станѣхъ, казыевскіе или крымскіе и едисанскіе и ембулукіе и калмыцкіе люди и воры-казаки или иные какіе воинскіе люди безвѣстно не пришли и никакого дурна не учинили“.

Самые частые и самые опасные наѣзды производили „воры-казаки“. Съ XIV вѣка по Волгѣ уже плавали удалыцы, получившіе прозваніе „ушукуйниковъ“. Съ утвержденіемъ казаковъ на Дону, они появились и на Волгѣ, принявъ названіе „волжскихъ“. Сначала преслѣдуя ордынцевъ, они потомъ не давали

спуску никому и ихъ грозный вличъ: „сарынь на кичку!“ памятенъ еще и донниѣ. Тутъ не малое время дѣйствовалъ знаменитый Ермакъ; послѣ-же удаленія его въ Сибирь, въ 1590-хъ годахъ, появились двѣ страшныя шайки: Андрюшки Голошана — по Волгѣ, Курдюму, Чардыму и Терешкѣ и Трени Щеголева — на Медвѣдицѣ. Между селъ Лохъ и Рѣпного былъ станъ разбойника Кудеяра; у д. Кувыеи жилъ атаманъ Кувыкинъ, у д. Дѣвичьи-Горки стояла самая страшная по злодѣйствамъ шайка, атаманомъ которой была женщина — „дѣвушка Пелагеюшка“. Во времена самозванцевъ казаки ставили своихъ претендентовъ на престолъ: Августа, выдаваемого за сына Іоанна Грознаго, Илейку, Осиновика и Лавра — внуковъ будто-бы Грознаго; потомъ поддерживали Заруцкаго и Марину съ ея сыномъ. Потомъ (1667 — 1672) тутъ дѣйствовалъ знаменитый Стенька Разинъ, имя котораго неразрывно связалось съ именемъ Волги. Эти неурядицы и страшныя преступленія мѣстныхъ властей въ родѣ кн. Хованскаго, астраханскаго воеводы, съ дьякомъ Поздѣвымъ, захватывавшихъ „казну“ самымъ наглымъ образомъ да травившихъ людей медвѣдами, много парализировали успѣхъ заселенія этого края и только съ сѣверо-запада подвигалось заселеніе въ видѣ основанія одинокихъ хуторовъ бѣглыхъ раскольниковъ, стрѣльцовъ и крестьянъ. Въ 1692 году на лѣвомъ берегу устья рѣки Камышинки основанъ былъ новый городъ — Дмитріевскъ. Въ 1700 году его перенесли на правый берегъ, а въ 1780 переименовали Камышиномъ. Въ 1698 году основали на р. Медвѣдицѣ городъ Петровскъ, тоже служившій крѣпостью. Немного ранѣе начата „царицынская линія“, т. е. земляной валъ между Царицыномъ и Дономъ; валъ былъ укрѣпленъ деревяннымъ тыномъ. Въ 1731 году разрѣшено было селиться близъ царицынской линіи всѣмъ, кто хочетъ; давали деньги и хлѣбъ, но охотниковъ было немного, почему и поселили между Царицыномъ и Камышиномъ 1,057 семействъ донскихъ казаковъ, получившихъ официально названіе „волжскихъ“. Къ этому времени въ сѣверные уѣзды переселились изъ пензенской и казанской губерній часть мордвы, мещеряковъ и чувашъ, а потомъ южныя уѣзды колонизовались малороссами, въ качествѣ возчиковъ соли съ Елтонскаго озера, которое около 1630 г. было въ рукахъ перешедшихъ сюда вто-

рично калмыковъ и принадлежало исключительно улусамъ *торгутскаго* племени, принявшихъ, при ханѣ Тукуръ-Дайчинѣ, въ 1655 г. подданство Россіи. Озеро называлось *Алтонъ-Норгъ*, т. е. „золотое озеро“. Когда калмыки завели мѣновой торгъ съ русскими, то дозволили имъ брать и соль изъ озера. Солепромышленники, пользуясь такимъ дозволеніемъ, для безопасности отъ кочевниковъ, построили при озерѣ около 1705 г. земляной городокъ и вмѣсто калмыцкаго названія дали ему имя *Елтонъ*. Такъ шло до 1747 г., когда, по указу, отъ 9-го февраля, Елизаветы Петровны, озеро поступило въ казну; при немъ открыли контору и устроили земляное укрѣпленіе, снабженное гарнизономъ и артиллерією, и тогда, когда соль начала продаваться изъ однихъ казенныхъ магазиновъ, было переселено 26,000 душъ малороссовъ для перевозки соли. Возчики эти получили потомъ названіе „уметчиковъ“.

При Екатеринѣ II колонизація этого края производилась уже болѣе рационально. Манифестами 4-го и 14-го декабря 1762 и 22-го іюля 1763 гг. приглашались сюда на поселеніе бѣжавшіе въ прежнее время раскольники и выходцы изъ Германіи. Поселенія эти много терпѣли отъ кочевниковъ и разбойничьихъ шаекъ, между которыми начали появляться самозванцы, принимавшіе имя императора Петра III. Первые самозванцы успѣха не имѣли и только казакъ Федоръ Богомоловъ оставилъ по себѣ кой-какую память; но это были только передовые вѣстники трахнувшаго всѣмъ поволжьемъ Пугачева. Даже послѣ него народъ долго не могъ успокоиться, волнуемый остатками шаекъ Пугачева, изъ которыхъ замѣчательна была шайка Игната Метелкина, иначе называемаго „Заметаева“. Умы такъ были взволнованы, что въ 1780 году, казакъ въ п. Дубовкѣ, Максимъ Ханинъ, объявилъ себя Петромъ III, но былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь. Выселеніе волжскихъ казаковъ на р. Терекъ очень много способствовало успокоенію края. Въ 1780 году, указомъ отъ 11 января, учреждено саратовское намѣстничество и присоединено къ прежнимъ городамъ шесть новыхъ: Аткарскъ—изъ с. Иткары, Балашовъ—изъ с. Балашова, Волгскъ—изъ с. Малыковки, Кузнецкъ—изъ с. Труева (Нарышкина), Сердобскъ—изъ с. Сердобы и Хвалынскъ—изъ с. Сосноваго-Острова. Съ этого времени, втеченіи полуосто-

лѣтія, губернія заселялась всевозможными выходцами изъ другихъ мѣстъ. По мысли императрицы Маріи Федоровны, указомъ отъ 16 марта 1828 года, въ саратовскомъ уѣздѣ поселено 500 паръ женатыхъ питомцевъ московскаго воспитательнаго дома и къ нимъ еще причислено 500 мальчиковъ и дѣвочекъ. Построено было для ихъ житья пять деревень, которыя состояли подъ особымъ управленіемъ и носили имя „Маріинскихъ колоній“. Населеніе прибывало и въ 1850 году Саратовская губернія вошла въ тѣ предѣлы, въ которыхъ она состоитъ нынѣ, и въ административномъ отношеніи раздѣлилась на десять уѣздовъ.

Изъ этого бѣглаго историческаго очерка колонизаціи саратовскаго края мы видимъ, изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ составилось населеніе его. Сюда шель и „воровской казакъ“ съ Дона, и бѣглый раскольникъ, преслѣдуемый администраціей, и мещерякъ, и татаринъ, и малороссъ, и нѣмецкій колонистъ. Всѣ эти выходцы, искатели воли, молодцы-разбойнички, или укрывавшіеся отъ гоненій „хранители старой вѣры“ несли съ собой свои національныя особенности, свое міросозерцаніе, преданія, нравы и привычки и жили каждый по-своему, — *по старинѣ*. Если-бы московское царство могло бросить на эту почву хоть какія-нибудь сѣмена цивилизующаго начала, если-бы лучъ образованія хоть случайно коснулся этого края, то разношерстное населеніе его давно уже слилось-бы въ одно органическое цѣлое. Но ни того, ни другого не было, и разношерстность саратовской губерніи до сихъ поръ бросается въ глаза каждому. Старая тупая и хищная администрація заботилась только о защитѣ края отъ разбойниковъ и грабителей, но не имѣла и не могла имѣть ни малѣйшаго понятія о внутреннемъ устройствѣ приволжья. Воеводы ѣхали сюда *для кормленія* себя и своей челяди, и изъ этого кормленія создали систематическое разореніе края; они строили крѣпости, воздвигали земляные валы и тыны, посылали солдатъ для усмиренія волновавшейся поволжской вольницы, и только. Ни одного мало-мальски воспитательнаго и гуманнаго распоряженія для народа; народъ жилъ своей жизнію, вращаясь въ безъисходной круговой сферѣ экономической борьбы за свое существованіе и темныхъ предразсудковъ стараго времени. Вотъ почему и протекли многіе вѣка, а богатый и привольный край оставался

все тѣмъ-же степнымъ и бѣднымъ улусомъ, какимъ онъ былъ въ XVII вѣкѣ.

Общая цифра населенія саратовской губерніи въ настоящее время достигаетъ 1,634,879 душъ обоого пола, т. е. 807,189 д. мужскихъ и 827,490 женскихъ, и распределяется на десять уѣздовъ въ слѣдующей относительной пропорціи:

1. Камышинскій . . .	220,951
2. Саратовскій . . .	208,764
3. Балашовскій . . .	205,933
4. Аткарскій . . .	200,929
5. Сердобскій . . .	165,927
6. Петровскій . . .	156,522
7. Хвалынскій . . .	138,336
8. Волгскій . . .	134,096
9. Кузнецкій . . .	126,052
10. Царицынскій . . .	77,449 — 1,634,879

Число жителей въ городахъ слѣдующее:

	муж.	женск.	итогъ.
1. Саратовъ . . .	43,652	39,924	83,576
2. Волгскъ . . .	13,127	12,202	25,329
3. Кузнецкъ . . .	7,990	7,525	15,515
4. Хвалынскъ . . .	5,864	6,742	12,606
5. Царицынъ . . .	6,217	5,868	12,085
6. Камышинъ . . .	5,315	5,416	10,731
7. Петровскъ . . .	5,032	5,249	10,281
8. Балашовъ . . .	3,641	3,500	7,141
9. Аткарскъ . . .	3,169	3,153	6,322
10. Сердобскъ . . .	2,530	2,719	5,249

Итого . 96,537 92,298 188,835

Плотность населенія относительно пространства въ саратовской губерніи: 22 человѣка на 1 кв. версту.

Движеніе народонаселенія и смертность по-уѣздно, за періодъ 10 лѣтъ, слѣдующая:

I.

САРАТОВСКІЙ.

Родится . . .	5,81
Умираетъ . . .	4,19; прибыль 1,62

На 100 родившихся умираеть:	
Вообще	75,44
Мальчиковъ	77,59
Дѣвочекъ	73,57
До 5 лѣтъ	38,897
На 100 малолѣтнихъ . . .	68,98

II.

Балашовскій.

Родится	5,43
Умираеть	4,18; ежегодная прибыль 1,25.
На 100 родившихся умираеть:	
Вообще	77,11
Мальчиковъ	77,42
Дѣвочекъ	76,42
До 5 лѣтъ	31,501
На 100 малолѣтнихъ . . .	62,42

III.

Аткарскій.

Родится	5,45
Умираеть	4,20; ежегодная прибыль 1,25.
На 100 родившихся умираеть:	
Вообще	77,11
Мальчиковъ	77,50
Дѣвочекъ	76,52
До 5 лѣтъ	32,517
На 100 малолѣтнихъ . . .	62,47

Почти въ такой-же пропорціи совершается приращеніе населенія и въ остальныхъ уѣздахъ.

Вообще въ среднемъ итогѣ можно принять прибыль народонаселенія по всей губерніи не свыше 1,20. Приращеніе, какъ видитъ читатель, ничтожное, которымъ отличаются общества, стояція на низкой степени культурнаго развитія.

Если мы, для статистическаго сравненія, возьмемъ, наприм., самый отдаленный и бѣдный уголь Швеціи, неизмѣющій ни тѣхъ благопріятныхъ климатическихъ условій, ни матеріальныхъ средствъ, которыми пользуется саратовская губернія, то разница въ развитія народнаго населенія будетъ слишкомъ очевидная. Въ при-

морскомъ городѣ Швеціи, лежащемъ на глубокомъ сѣверѣ, Гаммерфестѣ, смертность въ рождаемости, за послѣднія пять лѣтъ, опредѣляется слѣдующимъ отношеніемъ:

Родится	6,32
Умираеть.	3,86

Слѣдовательно прибыль населенія, въ общемъ итогѣ, равняется 2,46, т. е. почти вдвое противъ саратовской губернии. (*Etudes statist. sur la Suède*).

Какія-же причины громадной смертности саратовскаго населенія? Причины эти нужно искать въ условіяхъ народной жизни, въ экономической, социальнo-гигіенической и общественной обстановкѣ саратовскаго населенія; но объ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

А. Раевскій.

Б Р А Т У.

О никогда въ мой домъ уединенный
Мой мальчикъ бѣдный больше не войдетъ,
И никогда головкой утомленной
Къ груди моей съ любовью не прильнетъ

Да, насъ судьба на вѣкъ разъединила,
Угрюмъ и пусть стоитъ теперь мой домъ,
И я безмолвно унесу въ могилу
Тоску о нашемъ счастьи быломъ.

Гдѣ онъ теперь? И принялъ-ли съ учащемъ
Его холодный, гордый мiръ людской?..
Мнѣ страшно думать, что мечта о счастьи
Въ душѣ его осталася мечтой.

Но будетъ жизнь его благословенна!
Онъ мнѣ всегда такъ милъ и дорогъ былъ,
И это его, какъ я, такъ неизмѣнно,
Такъ пламенно, возвышенно любилъ?..

Иванцкій.

СЪ ТОГО СВѢТА.

ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ.

(Окончаніе).

У случайности есть своего рода логика, которая или услуживает намъ неожиданно, или не кстати подставляетъ намъ ногу. Тамъ, гдѣ мы съ Ольгой не придумали еще выхода, не рѣшались дѣлать перваго рѣшительнаго шага, тамъ случайность сама объ этомъ позаботилась.

Такъ какъ Ольга пожелала, чтобъ я до воскресенья съ ней не видѣлся, то я и рѣшилъ цѣлую недѣлю не быть въ домѣ отца. Вчера, проработавъ цѣлое утро, я часовъ въ шесть вышелъ прогуляться и, по обыкновенію мало обращая вниманія на все окружающее, брелъ разсѣянно, опустивъ голову. Вдругъ за собой я услышалъ голосъ:

— Здравствуйте, батюшка, Павелъ Николаевичъ!

Обернувшись, я увидѣлъ предъ собой Прохора, стараго слугу моего отца. Въ голосѣ и фигурѣ Прохора было что-то таинственное; видимо было, что онъ желаетъ нѣчто сообщить мнѣ. Но новость, которую онъ хотѣлъ передать, и въ голову мнѣ не приходила. Подите, вѣрьте послѣ того въ предчувствія!..

— Здорово, Прохоръ. Что у васъ новаго? Да надѣнь пожалуйста шапку; ты знаешь, я этого терпѣть не могу.

Прохоръ шапки все-таки не надѣлъ, вѣрный своему камердинерскому уставу, но только подошелъ ко мнѣ ближе и тихо сталъ мнѣ докладывать:

— Исторія у насъ, Павелъ Николаевичъ, вчера вышла. Барышня отъ насъ уѣхала.

„Дѣяс“, № 3.

1

— Какая барышня? Лидія Николаевна?

Почему-то я прежде всего подумалъ о сестрѣ, никакъ не предполагая, что дѣло идетъ объ Ольгѣ.

— Нѣтъ, сударь, я докладываю вамъ объ Ольгѣ Ивановѣ. Онѣ отъ насъ переѣхали.

Едва скрывая свое волненіе, я началъ разспрашивать старика. Не знаю, догадывался-ли онъ, что все, касающееся Ольги, меня сильно интересуеетъ, или просто изъ желанія передать домашнюю новость, только старикъ словно радъ былъ сообщить мнѣ все, что ему было извѣстно.

— Не могу вамъ, сударь, рассказать всего въ точности, потому-что мы люди темные и въ господскія дѣла мѣшаться не смѣемъ. Сколько я самъ понимать умѣю и какъ у насъ въ домѣ прислуга толкуеетъ, выходитъ, что у Ольги Ивановны съ молодымъ бариномъ неприятность вышла какая-то. Барышня, извѣстно, скромница у насъ, ребенокъ сущій, а Анатолій Ивановичъ по молодости своей чѣмъ-то ее оконфузилъ. Отъ него у насъ, по истинѣ сказать, ни одной горничной проходу нѣтъ. Что у нихъ тамъ такое вышло—сказать не могу, только дѣло дошло до стараго барина и Марьи Ивановны; ну, они, какъ водится, за сына заступились, а барышня даже поплакать не успѣла: мигомъ собралась, взяла небольшой узелокъ и уѣхала.

— Гдѣ-же она теперь, ты не знаешь?

— Не знаю, батюшка. У Ольги Ивановны знакомыхъ, кажись, ни единой души нѣтъ въ городѣ. Вся прислуга у насъ о ней сильно жалѣетъ за ея кротость и ласковость.

Прохоръ говорилъ еще что-то, но я былъ уже не въ состояніи его слушать. Одна мысль—гдѣ Ольга и гдѣ ее можно отыскать—вотъ что занимало меня. Я хорошо понималъ, что при нашихъ настоящихъ отношеніяхъ, Ольга ни за что не обратится ко мнѣ за помощью, а между тѣмъ у нея не было въ городѣ угла, гдѣ-бы она могла преклонить голову. Послѣ ея удаленія изъ дома моего отца прошли уже сутки и я все-таки не знаю, гдѣ она. Меня жгло мучительное чувство неизвѣстности.

Куда броситься? гдѣ искать?

Прежде всего я бросился въ богадѣльню. Бабушка ничего не знала и только обрадовалась, что Ольги нѣтъ уже на старомъ мѣстѣ.

— Ужь извините, милый мой, за правду, говорила мнѣ старуха,—а тамъ ей не житье. Она мнѣ мало говорила объ этомъ житьѣ, да я сама о многомъ догадывалась. Вы вотъ и родной, да хуже чужого въ этомъ домѣ. Понимаю я кое что, хоть и изъ ума вышла глухая старуха. А за Олю я не боюсь; не пропадетъ она: у нея ручки золотыя и характеръ есть. Вся въ мать покойницу.

Старуха была права: такая дѣвушка, какъ Ольга, не пропадетъ; ломаются подобныя натуры не отъ матеріальной борьбы за право жизни, за право имѣть назавтра насущный кусокъ хлѣба.

Успокоенный мало-по-малу такими соображеніями, я свѣтло взглянулъ на будущее Ольги, выходя отъ ея бабушки. Но все-таки я не зналъ, гдѣ Ольга, не зналъ хорошенько причины, заставившей ее такъ быстро бросить семейство моихъ милыхъ родственниковъ. Не долго думая, я велѣлъ везти себя въ отцу: можетъ быть, что-нибудь узнаю случайно, мимоходомъ.

Хоть время было послѣ-обѣденное, но отецъ отсутствовалъ по дѣламъ службы. Мачиха и Лидія занимали гостей—какую-то болѣзненную мамашу съ здоровеннѣйшей дочкой, которой судьба вмѣсто дара слова подарила одинъ даръ безконечнаго хихиканья. Марья Ивановна видимо была довольна, что нашей бесѣдѣ мѣшали гости, но все-таки она была нѣсколько смущена, хоть и старалась скрыть смущеніе подъ своей строгой чопорностью. По нѣкоторымъ ея вопросамъ, выраженнымъ самымъ небрежнымъ образомъ, мнѣ нетрудно было угадать, что мачиху очень занималъ вопросъ: знаю я, или не знаю про домашній казусъ. Тоже самое и еще замѣтнѣе было въ Лидіи, которая очень зорко и лукаво на меня поглядывала, стараясь быть любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Я не могъ отплатить ей тѣмъ-же, говорилъ разсѣянно, и, вѣроятно, она замѣтила мое волненіе.

Разговоръ шелъ о пустякахъ и городскихъ сплетняхъ; старая гостыя вздыхала и жаловалась на свои болѣзни, дочка ея неутомимо хихикала. Дѣло не выяснялось и я начиналъ злиться. Для моихъ напряженныхъ нервовъ нуженъ былъ какой нибудь исходъ.

Лидія подѣсла ко мнѣ. Мое нервное состояніе объяснило ей, кажется, что мнѣ все извѣстно, и въ ея глазахъ, по обыкновенію, мало выразительныхъ, сверкало какое-то злое торжество. Она.

точно радовалась непріятности, которую я испытывалъ. Чему-бы, казалось, радоваться? Но есть такіе аматеры зла, которые безъ всякой надобности его совершаютъ или со стороны имъ наслаждаются. Лидія даже попробовала дразнить меня.

— Что съ вами, mon frèге! Вы сегодня рѣшительно не въ своей тарелкѣ.

— Если вы не угадываете, почему я сегодня не въ духѣ, то я самъ за-то хорошо знаю причину вашей веселости.

— Вотъ какъ! Какой-же вы проникательный!.. Нельзя-ли знать конецъ вашей мысли?

— Къ чему это? Довольно и одного начала.

— Нѣтъ, вы нынче окончательно разстроены. Право, вы вѣрно очень много работаете. По-моему, когда въ трудѣ кончается комфортъ и начинается утомленіе, то нужно бросать его.

— Извините, это мнѣніе чисто-барское, а я такихъ непридерживаюсь. Что-же касается самого труда, то въ немъ нѣтъ, какъ вы думаете, ни комфорта, ни наслажденія. Наслаждаются иногда только исходомъ труда, да и то рѣдко...

— Это грустно, если правда. Для чего-жъ послѣ того трудиться?

— А, вы думаете, многіе трудятся? Оглянитесь кругомъ, да подумайте.

Лидія какъ-бы не поняла моего намека и, слегка только поблѣднѣвъ, продолжала иронически.

— А могу я узнать, какою новостью сами вы готовитесь подарить свѣтъ.

— Пока никакой. Приходятъ въ голову однѣ только карикатуры, потому что пища повсюду для нихъ обильная.

— Съ такимъ новымъ направленіемъ я васъ, mon frèге, не поздравляю. Говорятъ, что карикатура есть только низшій родъ живописи.

— Это выдумали тѣ, которымъ есть основаніе бояться карикатуры. Для нихъ и Гогартъ не художникъ. Подобныя ходячія мнѣнія потому только и существуютъ еще, что ихъ несостоятельностью никто серьезно не занимался.

Въ это время вошелъ отецъ. Лидія, указывая ему на меня, съ улыбкой замѣтила:

— Папаша, рекомендую вамъ нашего русскаго Гогарта.

Отецъ даже не потребовалъ объясненія этой фразы, минутъ пять просидѣлъ съ нами въ гостиной и отправился къ себѣ въ кабинетъ. Немного погодя я послѣдовалъ за нимъ. Я былъ увѣренъ, что самъ онъ не заговоритъ со мной объ Ольгѣ, а потому рѣшился обратиться къ нему прямо безъ всякихъ приготовленій.

— Могу я у васъ спросить о причинѣ, по которой Ольга Ивановна не живетъ у васъ больше?

Отецъ быстро оглянулся и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Тебя почему это интересуешь?

Это было сказано тѣмъ тономъ, который догаваривалъ: да и какое тебѣ до этого дѣло? Я отвѣчалъ:

— Потому что я очень расположенъ къ Ольгѣ Ивановнѣ и принимаю въ ней искреннее участіе.

— Да? Я самъ, Павелъ Николаевичъ, принималъ въ ней „искреннее участіе“, она выросла у меня на глазахъ вмѣстѣ съ моею дочерью и я въ правѣ былъ ожидать отъ нея нѣкоторой благодарности. Да, какъ-же! Таковскій нынче народъ! Нынче всякій нищій думаетъ о самостоятельности, каждая дѣвчонка изъ себя героиню корчитъ. И кто-бы могъ подумать, что и эта самая дѣвчонка, тихоня невозмутимая, заговоритъ, дерзко поднявши голову, съ людьми, которымъ она всѣмъ обязана.

— Но что-же случилось, отецъ? сказалъ я, желая прервать монологъ возмущившагося благодѣтеля.

— Что случилось? Да ничего собственно и не случилось, пустяки одни!.. Анатолій по своей вѣтрености,—можетъ быть, это и глупо,—вздумалъ нѣжничать съ Ольгой, поцѣловалъ тамъ ее, что-ли, а она, тихоня-то эта, осмѣлилась оскорбить моего сына, осмѣлилась... ты понимаешь, однимъ словомъ, что случилось и что заставило меня навсегда распротиститься съ этой госпожей, которая успѣла заслужить твое расположеніе. Во всякомъ случаѣ въ моей семьѣ ей нѣтъ теперь болѣе мѣста. У меня у самого дочь невѣста, которую я обязанъ оберегать отъ всякихъ дурныхъ примѣровъ. О, я вѣдь очень хорошо знаю этихъ барышень-недотрогъ, которыя сегодня негодуютъ отъ шуточнаго поцѣлуя, а завтра...

— Батюшка, позвольте на одну минуту прервать васъ, едва сдерживая свое волненіе, проговорилъ я. Кровь бросилась мнѣ

въ голову... Я зналъ, что отецъ принадлежитъ въ числу людей, которые смотрятъ на современныхъ „дѣтей“ сквозь призму романовъ Стебницкаго и К^о, почему всякое простое возраженіе или замѣчаніе сына превращается въ ихъ глазахъ въ рѣзкую и грубую фразу. Я рѣшился оборвать нашъ разговоръ совершенно инымъ образомъ.

— Миѣ очень грустно, продолжалъ я, — что все это случилось...

Отецъ въ недоумѣніи пожалъ плечами и смотрѣлъ на меня во все глаза, но я продолжалъ.

— Грустно потому, что одинъ вашъ сынъ нанесъ оскорбленіе дѣвушкѣ, которую другой вашъ сынъ называетъ своей невѣстой.

Отецъ вскочилъ прямо на ноги и выразилъ самое искреннее удивленіе.

— Ты—женихъ Ольги, такъ-ли я понялъ? Гмъ, извини, я этого не зналъ. Да и не моя вина, впрочемъ. Подобныя новости отцы всегда узнаютъ послѣдніе. Что-жъ, любовь да совѣтъ, желаемъ счастья!.. Съ вами, идеалами, на счетъ такихъ пунктовъ не спорять.

Отецъ, какъ ярый поклонникъ Наполеона I, часто любилъ фигурировать его словами и выраженіями.

Наступила пауза. Мы оба не ловко себя чувствовали и я, чтобъ прервать глупое молчаніе, взялся за шляпу. Отецъ послѣ краткаго раздумья остановилъ меня:

— Постой, Павелъ. Коли ты уже женихъ Ольги, то у меня до тебя есть дѣло. Какъ-бы то ни было, и что-бы тамъ ни случилось, я до конца выполнилъ свои обязательства относительно Ольги Ивановны. Я взялъ ее почти ребенкомъ отъ умирающаго отца, пригрѣлъ и пріютилъ въ своемъ семействѣ. Теперь, когда это дѣло кончилось, у меня осталось другое. Послѣ смерти ея отца остались небольшія деньги и кой-какое имущество. Такъ какъ Ольга жила все время у насъ и ни въ чемъ не нуждалась, то я и не говорилъ ей до поры до времени объ этомъ небольшомъ наслѣдствѣ (а почему не говорилъ? Быстро мелькнуло въ головѣ моей), которое передано было мнѣ. Всего за продажей имущества состоитъ деньгами 1,187 руб. съ копѣйками, о чемъ я тебѣ и объявляю. На все у меня есть нужные документы.

Я въ душѣ порадовался за Ольгу, которая оказывалась не такой безпріютной, а могла считаться даже собственницей не-большого капитала. Я выразилъ эту мысль отцу, прибавивъ, что Ольгѣ ея деньги въ настоящее время будутъ болѣе чѣмъ кстати, потому что она, прежде чѣмъ выйдти замужъ, хочетъ пожить совершенно независимо отъ другихъ.

— Постой, я еще не кончилъ, продолжалъ отецъ, нѣсколько сморщившись при послѣднихъ словахъ моихъ. — Деньги эти въ сущности не большія, но тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что и милліонеры очень часто въ надлежащую минуту не могутъ располагать даже такой незначительной суммой; по той-же причинѣ и я поставленъ теперь въ положеніе очень непріятное и ранѣ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ не могу передать Ольгѣ ея денегъ. — Да чего-же ты смущаешься? Я вижу, гг. художники, что въ денежныхъ дѣлахъ вы ровно ничего не смыслите. Пойми-же ты: я взялъ на сохраненіе маленькій капиталъ, за цѣлость котораго ручаюсь; но я его обратилъ вмѣстѣ съ своими собственными деньгами для осторожности въ вѣрныя цѣнныя бумаги, такъ чему-же тутъ удивляться? Такъ нынче поступаютъ все практическіе люди. Только подождать нужно до размѣна этихъ бумагъ нѣсколько мѣсяцевъ. Понялъ-ли?

Я болѣе чѣмъ понялъ, и хотѣлъ заикнуться о безотлагательной нуждѣ въ деньгахъ Ольги Ивановны, но остановился на первомъ звукѣ и раскланялся съ отцемъ.

Въ швейцарской предо мной вдругъ явилась трехуголка Анатолія. Я-бы ничего ему не сказалъ, если-бъ онъ не протянулъ съ наглѣйшей интонаціей:

— Знаешь ты, какой вчера *entrechat* выкинула наша барская-барышня?

— Я знаю только одно, невольно сорвалось у меня съ языка, — что ты величайшій болванъ!..

Анатолій при этомъ встряхнулъ только своей гусиной головкой, повернулся на одной ножкѣ и въ припрыжку побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Въ самомъ дѣлѣ, его мѣтко прозвали: на-стоящая левретка!..

Подъѣзжаю къ своей квартирѣ и въ окнахъ вижу огонь. У меня сердце ёкнуло; кто это: она или Сократъ? На мой звонокъ мнѣ отделинулся свѣжій, звонкій голосъ Ольги и она меня встрѣтила такъ беззаботно-весело, съ тѣмъ-же солнечнымъ личкомъ, что точно ничего новаго и не случилось въ ея жизни. Она попрежнему расположилась въ моемъ кабинетѣ, привела его въ порядокъ, зажгла лампу, и на столъ передъ собой положила свою работу съ маленькимъ портъ-сакомъ. Ужь не сонъ-ли это — вчерашняя исторія?..

— Вотъ я васъ и обманула, сказала Ольга, протягивая мнѣ обѣ руки, и откидываясь назадъ съ гибкостью тринадцатилѣтней дѣвочки, — хотѣла не быть до воскресенья, а явилась въ среду. Почему? Вы думаете — соскучилась? Нѣтъ, моя скука еще не родилась. А вотъ почему — пришла я вамъ загадать загадку. Вотъ видите-ли, купила я дорогой вашихъ любимыхъ орѣховъ — смотрите какіе крупныя! да и напѣваю старую пѣсню моей няни:

Я отъ дѣда ушла,
Я отъ бабки ушла,
Я отъ сына ушла,
Я отъ дочки ушла,

Отъ тебя тоже уйду...

Я, коза, съ орѣхами,
Я, коза, съ калеными.

Пѣсня-пѣсней, а загадка сама по себѣ. Будьте-ка умникомъ, разгадайте.

— Безъ загадки и безъ орѣховъ все я знаю, Ольга; пойми одно слово: я сейчасъ былъ у отца.

— А какъ-же это вы общались не быть тамъ цѣлую недѣлю, милостивый государь?

— А зачѣмъ вы, милостивая государыня, не извѣстивъ меня, обратились въ бѣгство? Я только „у вратъ потеряннаго рая“ узналъ о вашемъ геройскомъ подвигѣ и исчезновеніи.

— Значить, вы все знаете и эффектъ моего разсказа потерянь! Такъ говорите, что вы тамъ узнали. Или, лучше, я все-таки сама разскажу все, а вы только провѣряйте слышанное. Сегодня мнѣ вотъ даже весело, что все такъ случилось, а вчера я поплакала даже: вѣдь и къ злымъ людямъ привыкнуть можно. Потому-то къ вамъ вчера вечеромъ я и не пріѣхала: ваше сол-

нышко было тучкой затуманено, а вы, я знаю, этого не любите. Теперь-же все прошло и меня только удивляетъ, какъ все это скоро случилось. А случилось вотъ что. Послѣ обѣда Анатолій Николаевичъ обманомъ вошелъ въ мою комнату и когда я попросила его уйти вонъ, онъ схватилъ меня за талію и подѣловалъ въ шею. Тутъ я сама себя забыла, даже стыдно сказать... по щекѣ его ударила. Это-то потомъ больше всего и огорчило меня. Стала я думать, какъ-бы на моемъ мѣстѣ поступили другія дѣвушки: одна-бы его своимъ презрѣніемъ наказала, другая на смѣхъ-бы подняла, а я вотъ... я вѣдь злая оказалась. Злая я, Павелъ Николаевичъ? Какъ по-вашему?

— Это вамъ моя мачиха сказала-бы, можетъ быть, а не я. И добрые бьютъ тѣхъ, которые ихъ кусаютъ, поэтому оставьте всякое угрызение совѣсти, дитя мое!. Въ такихъ-то случаяхъ истинно добрые люди и познаются.

— Ну, вы ко мнѣ, милый мой, просто пристрастны. Рассказывать больше почти нечего. Я почти безъ памяти, — такъ вся и дрожу,—нѣтъ, я, ей Богу, презлая! бросилась къ вашей мачихѣ. Съ ней дурно вдругъ сдѣлалось, дочь услали въ ея комнату, Анатолій Николаевичъ неретрусилъ, и куда-то тоже бѣжалъ, — я осталась передъ судилищемъ вашего папаша. Заливаясь слезами, я просила его оградить меня отъ дерзостей его сына, если онъ желаетъ, чтобъ я оставалась въ его домѣ, просила его, чтобъ онъ остановилъ Анатолія Николаевича, и на это онъ мнѣ грубо только отвѣтилъ: „порядочныя дѣвушки однимъ умѣньемъ держать себя защищены отъ всякихъ дерзостей, а въ своемъ домѣ, сударыня, я васъ больше не удерживаю.“ Что-жъ послѣ того оставалось дѣлать „сударынь“? Взять, да уѣхать. Я такъ и поступила. У меня есть знакомая старушка, бывшая учительница музыки; у ней-то я и остаюсь теперь жить до-поры до-времени. Вы не думайте, что у меня денегъ нѣтъ! Я постоянно на себя работала, продавала, бабушкѣ подарки даже дѣлала и себѣ на черный день оставила: могу и васъ орѣхами угощать.

Пора было сказать Ольгѣ о наслѣдствѣ, но вся моя торжественность просто оказалась комическою, потому что моей вѣсти Ольга не только не обрадовалась, но даже просто затуманилась. Удивленный ея молчаньемъ и непонятнымъ для меня рав-

нодушіемъ, я самъ не могъ проронить слова. Наконецъ, она подняла голову и улыбнулась.

— Васъ, я вижу, удивляетъ, что я не радуюсь при всей своей бѣдности такому неожиданному для меня богатству. Вѣдь и точно не радуется! Въ другое время я вѣрно-бы въ восторгъ пришла, а теперь вѣтъ. Именно теперь-то мнѣ и хочется только себѣ одной быть во всемъ обязанной, своимъ трудомъ жить, чтобъ было полнѣе мое счастье. Поняли? Я знаю, что вы поняли. Мнѣ наша любовь будетъ казаться тогда лучше и крѣпче, закончила она едва слышнымъ шепотомъ, низко склонивъ надъ работою свое вспыхнувшее отъ волненія личико. Я только молча, крѣпко, по-братски обнявъ Ольгу.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вношу я теперь въ свою тетрадку всю эту сцену... Ольга вела себя такъ просто, такъ искренно, что я могъ-бы пожелать этого многимъ и многимъ изъ тѣхъ женщинъ, которыя, слѣдуя модному уставу, постриглись въ „передовыя“. Во всѣхъ замѣчаніяхъ Ольги, приправленныхъ самымъ незлобнымъ, почти ребяческимъ комизмомъ, мнѣ прежде всего была дорога непосредственность пониманія міреа, ея окружающаго. Ничего формальнаго, ничего заученнаго по моднымъ прописямъ. Мнѣ, какъ художнику, равно противенъ всякій формализмъ, какъ въ идеяхъ, такъ въ бюрократическихъ конторахъ, и дороже всего въ мірѣ свободная простота и правда въ искусствѣ и... въ женщинѣ.

Ксенофонтъ Антоновичъ ливуетъ по случаю избавленія Ольги отъ „плѣна вавилонскаго“. Хотя до вчерашняго дня онъ ее и въ глаза не видѣлъ, но принимаетъ въ ней заочно самое горячее участіе, толкуетъ о мельчайшихъ подробностяхъ ея новой жизни и обстановки, однимъ словомъ, говоритъ о ней, какъ о самомъ близкомъ и старомъ другѣ. Бываютъ-же такіе прелестные чудачки!.. Что ему Гекуба? А онъ изъ-за нея распинаться готовъ. Трудно влюбиться въ женщину по одному ея портрету, хотя это у нѣмцевъ и случается, но воспылать къ ней платонической страстью „со словъ пріятели“,—это просто мило до чудовищности. Заочное знакомство двухъ друзей нужно окончить и вчера это случилось пресмѣшнымъ образомъ. Рѣшившись отпраздновать обѣдомъ „освобожденіе“ Ольги отъ благодѣтелей, я пригласилъ

и Ксенофонта Антоновича. Онъ обрадовался и обробѣлъ какъ-то.

— Да не стѣсню-ли я Ольгу Ивановну? спросилъ онъ меня, совершая обычное превращеніе своего носоваго платка въ жгутъ.

— Кого вы стѣсните, когда она сама желаетъ видѣть оригиналь моего „Сократа“. Такъ вы уже бросьте свои отговорки и являйтесь.

Утромъ, когда Ольга у меня уже занималась приготовленіями къ обѣденному пиршеству, я долженъ былъ не надолго уѣхать. Ксенофонтъ Антоновичъ явился, какъ нарочно для своего замѣшательства, во время моего краткаго отсутствія. Ольга сама отворила ему дверь и, разумѣется, въ ту-же минуту его узнала. Онъ тотчасъ-же растерялся, когда узналъ, что меня нѣтъ дома, и попятился-было назадъ, но Ольга его не пустила.

— Нѣтъ, ужъ я васъ отсюда не выпущу. Вѣдь вы Сократъ, а съ нимъ я ужъ знакома. Сейчасъ и вы со мной должны познакомиться.

Потерявъ рѣшительно всю свою храбрость, Сократъ едва могъ стащить съ себя пальто. „Я даже подумала, рассказывала Ольга, что оно было приклеено къ его платью: такъ долго онъ, бѣдный, сдиралъ свое пальтишко.“

Такъ какъ я живу совершенно по-американски и держу только одного мальчишка для посылокъ, потому что терпѣть не могу, чтобъ въ моей квартирѣ толкались лишніе люди, то я и засталъ своихъ гостей за импровизированнымъ хозяйствомъ: Ольга устанавливала спиртовой приборъ и всякія принадлежности трапезы, а наслѣдникъ Гиппократъ откупоривалъ бутылки. Взглянувъ на послѣдняго, я едва не расхохотался. На Ксенофонтъ Антоновичъ оказался сильно поношенной и отъ времени поряжѣвшій фракъ съ узкими рукавами; затѣмъ костюмъ завершался полосатымъ жилетомъ и широчайшими сѣрыми бровками на штрипкахъ.

— Кажется, вы уже познакомились и васъ нѣтъ надобности рекомендовать другъ другу? сказалъ я, увидя хозяйственную сцену въ фламандскомъ вкусѣ.

Дѣйствительно, знакомить ихъ было нечего. Ольга съ первыхъ словъ умѣла поставить доктора на самую дружескую ногу и мало по-малу смущеніе его исчезло и даже говорливость вернулась къ нему.

— У Ольги Ивановны и сфинксы заговаривать человѣческимъ

языкомъ, сказалъ Сократъ, потому въ избыткѣ чувствъ обнялъ и поцѣловалъ меня, хотѣлъ что-то сказать, но только посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и снова принялся за бутылки.

Этотъ поцѣлуй и взглядъ старика я принялъ за безмолвное родительское благословеніе...

— А гдѣ-же шампанское? вдругъ засуетился онъ, — развѣ нынче можно безъ шампанскаго?

Шампанскаго дѣйствительно не оказалось и Ксенофонтъ Антоновичъ въ качествѣ друга дома бросился дѣлать нужныя распоряженія. Когда мы остались съ Ольгой одни, я сказалъ ей:

— Ольга, я первый хочу поздравить тебя съ новосельемъ и новою жизнью. Старую мы сегодня похоронимъ. Съ этой минуты мы никогда больше не разстанемся...

Не то, чтобы Ольга не ожидала услышать этихъ словъ, но она смутилась и, обвивъ мою шею руками, кротко и стыдливо ко мнѣ приникла. Я слышалъ, что она тихо плакала, но то были счастливыя, освѣжающія слезы... Люди плачутъ не часто такими слезами.

Когда докторъ вернулся, ея глаза блестяли по-прежнему, только краска лица сдѣлалась живѣе, да въ веселости чувствовалось присутствіе новой нервной струйки.

Да, другая, еще неизвѣданная жизнь начинается для Ольги. Мы не испытываемъ того, что чувствуютъ женщины у порога такой жизни.

Когда мы сѣли за обѣденный столъ, мнѣ подали письмо: оно было отъ отца. Онъ извѣщалъ меня, что, по случаю болѣзни, полученіе наслѣдства Ольги пришлось отложить на нѣкоторое время.

— Кто принесъ письмо? спросилъ я своего мальчика.

— Прохоръ!

— Такъ позови сюда старика.

Когда старикъ вошелъ въ столовую и увидалъ Ольгу, то никакъ не могъ скрыть своего радостнаго изумленія и бросился цѣловать ей ручки.

— Барышня, голубушка вы наша! Я вѣдь отчаявался увидать васъ когда-нибудь.

— Выпей-же, Прохоръ, — сказалъ я, наливая стаканъ наливки, — за здоровье Ольги Ивановны, и поздравь ее: она моя невѣста.

Отъ такой несожиданности Прохоръ окончательно остолбѣлъ и едва не пролилъ стакана, несвязно бормоча свои поздравленія.

— А что, Николай Павловичъ болѣнъ? случайно, безъ всякаго умысла замѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, всё, кажется, у насъ здоровы, ничего объ этомъ не знаю. Вотъ письмо къ вамъ старый баринъ курьеру передалъ, а тотъ—мнѣ, благо я въ вашу-же сторону шелъ.

Мы всё невольюно переглянулись при этомъ. Прохоръ уходилъ.

— Прощай, старикъ. Отвѣта никакого не будетъ.

— Значить, канитель затягивается, Ольга? Что ты скажешь?

— И слава Богу! Вы знаете, что я даже рада этому.

Ксенофонтъ Антоновичъ качалъ только головою.

— Радоваться тутъ нечему, Ольга Ивановна. Разумѣется, вы свое всегда получите, но все-таки дѣло было-бы вѣрнѣе, если-бы денежки у васъ въ рукахъ были. Смерть у всѣхъ людей за плечами ходить. Но, продолжалъ онъ, поднимая стаканъ вина:

Что до мертвыхъ, что до гроба!

Мертвыхъ жизнь—земли...

тфу, пропасть... Можно-ли было тутъ придумать такое слово: *утроба!*.. Вотъ поди и говори спичи съ русскими стихами... Нѣтъ, лучше пусть будетъ такъ:

Жизнью пользуйся живущій.

Мертвый мирно въ гробѣ спи.

Мой тостъ будетъ кратокъ, какъ моя докторская практика, ибо у меня оной никогда не было. Будьте счастливы, Ольга Ивановна, и сдѣлайте счастливымъ этого несчастнаго, который такъ долго оставлялъ васъ въ плѣненіи вавилонскомъ. Больше ничего сказать не могу: „чувствъ много, мало словъ“.

Остальные свои тосты нашъ ораторъ приправлялъ только одними своими прибауточками и вино окончательно его развеселило. Всякими антитезами и загадками собственнаго творчества онъ видимо старался „занимать даму“.

— Вамъ, Ольга Ивановна, угодно вотъ говорить, что у васъ знаній очень мало. Не правда-съ! Самый этотъ выводъ вашъ есть уже знаніе. Погодите: будете еще много знать, да и несо-старѣетесь при томъ. Къ тому-же, кто похвалится, что онъ все вѣдаетъ, да знаетъ? Вотъ хоть Павелъ Николаевичъ, напримѣръ,

ужь чего, кажется, хитрый Эдипъ, а задамъ я ему одинъ-другой вопросъ, онъ не отвѣтитъ, ей-Богу не отвѣтитъ!.. Спрошу я, положимъ, что такое земля, онъ сейчасъ, навѣрно, ляпнетъ— планета и—маху дастъ. Я-же изъ исторіи ея и изъ географіи вынесъ самое вѣрное и короткое заключеніе, что земной шаръ— круглый дуракъ. Развѣ не вѣрно? И не плоско даже, ибо рѣчь идетъ о дуракѣ округленномъ... Вотъ еще примѣръ: 2×2 , по его и по вашему,—четыре, а по моему такъ—нуль. Доказать?

— Доказывайте.

— Хорошо-съ. Собрались гдѣ-нибудь, — а гдѣ они только нынче не собираются?—двѣ пары идиотовъ; посмотрите на нихъ. умножьте и увидите, что дважды-два=нулю. На все своя собственная точка зрѣнія у каждаго... Гдѣ одинъ видитъ свѣтъ, другому онъ тьмою кажется; гдѣ для одного гибель, тамъ для другого спасеніе. Ева погибла за яблоко, а Ньютонъ чрезъ яблоко возвысился.

Въ подобномъ родѣ долго продолжалось зубоскальство Сократа и мы ему не препятствовали. Счастливые люди великодушны, и всему улыбаются. Что касается до меня, я болѣе улыбался въ отвѣтъ на улыбки Ольги. Вообще, не говоря уже о ней, я прежде всего обращаю вниманіе на людскую улыбку. Я не довѣряю человѣку, неумѣющему улыбаться. Глаза не то, что улыбка: выразительные, кроткіе и умные глаза встрѣчаются у многихъ животныхъ, улыбка-же принадлежитъ только одному человѣчеству. Если справедлива гипотеза, что родъ людской ведетъ свою родословную отъ какого-нибудь древняго звѣря, то мнѣ кажется, что люди вступили въ свой новый высшій рангъ только именно тогда, когда они стали способны улыбаться.

— Именно такъ, воскликнулъ Ксенофонтъ Антоновичъ, когда я ему высказалъ ту-же мысль,—именно такъ: я улыбаюсь, слѣдовательно я человѣкъ!.. Въ улыбкѣ сила обоюдо-острая; въ ней скрывается и грація и жало ироніи. Грація—можетъ плѣнять, а иронія—убить можетъ. Не даромъ-же кто-то сказалъ, что всѣ люди смѣха боятся больше даже самой полиціи...

Весь этотъ день и вечеръ Сократъ провелъ съ нами; мы его не отпускали.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого дня, но отъ полноты новыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній эти немногіе дни мнѣ кажутся цѣлыми годами. Внутреннею жизнью жилось очень много—за себя и за Ольгу.

Если возможно безотносительное, личное счастье, то я теперь самый счастливѣйшій человекъ въ мірѣ. Присутствіе чуткой живой души, близость любимой женщины скрашиваетъ даже жизнь всякаго горькаго бѣдняка. Въ моей квартирѣ, въ которой не сдѣлано почти никакихъ перемѣнъ, все приняло какой-то новый, свѣжій оттѣнокъ, весь фонъ ея повеселѣлъ. Такъ иногда на старой посредственной картинѣ видишь, что по ней прошлась кисть даровитаго художника. День нашъ вошелъ очень скоро въ строгія, почти однообразныя рамки. По утрамъ я встаю поздно, а потому не застаю Ольги дома. Она уже нашла себѣ занятіе, встаетъ рано и до самаго обѣда работаетъ въ золотошвейной мастерской, гдѣ ея искусство оцѣнили сразу. Я тоже просиживаю утро въ своей мастерской. Въ обѣдъ мы сходимся; кто-нибудь изъ пріятелей у насъ непременно обѣдаетъ, всѣхъ чаще Ксенофонтъ Антоновичъ. Вечеромъ, если никого нѣтъ, Ольга читаетъ, иногда вслухъ. Я ей составилъ небольшую, но избранную бібліотеку.

Прѣты, книги, звонкій смѣхъ, пытливые вопросы, задушевные ласки и бесѣды — вотъ чѣмъ окруженъ я теперь. Трактирный обѣдъ замѣненъ домашнимъ, холостой хаосъ—изящнымъ порядкомъ. Я чувствую себя такъ хорошо, я окруженъ такой здоровой атмосферой, что просто завидую самому себѣ, потому-что, потому-что... боюсь даже произнести это страшное слово!.. Привычка къ анализу жизни испортить не можетъ, но отучаетъ отъ маниловской распущенности и иллюзорности.

Вчера уже довольно поздно мы съ Ольгой задумали проѣхаться за городъ. Бросивъ экипажъ на островахъ, мы незамѣтно такъ далеко зашли, что насъ на дорогѣ застала ночь, но за то какая ночь!.. На нашемъ сѣверѣ подобныя ночи словно въ бенефисъ природы даются. Мы забрели въ самую глушь по берегу взморья. Какъ серебряная волнистая броня подъ молочнымъ блескомъ полнога мѣсяца раскидывалось передъ нами безконечное водное пространство. Даль сливалась съ голубою мглою. Въ чистомъ воздухѣ ночи звѣзды въ своей безконечной синевѣ словно

стали ближе къ землѣ и ярко, пытливо, таинственно на насъ смотрѣли. Ольга и я остановились у самого взморья и долго, молчаливо смотрѣли на эту ночную картину.

— Можно-ли не любить природы! сказала наконецъ Ольга.— Посмотри, какъ хорошо!..

Съ этимъ нельзя было не согласиться.

— За что-жъ ты нападаешь вчера такъ сильно на „божью коровку?“

Такъ прозвалъ я одного милаго пріятеля, пейзажиста Лыскова, который весь свой вѣкъ интимничаетъ съ природой, но, улавливая ея краски, не улавливаетъ души ея. Онъ даже думать сталъ однѣми только красками: сюда-бы вотъ лазури подпустить, а тутъ карминовою оттѣнить и т. д. Я объяснилъ Ольгѣ такую односторонность. Всю свою жизнь проглядѣть только на облака могутъ одни только дураки, но никогда ихъ не видятъ и не могутъ видѣть—одни свинья.

— Въ такую ночь, продолжала Ольга, закидывая вверхъ свою голову, облитую луннымъ сіяніемъ и ближе ко мнѣ прижимаясь, — въ такую ночь я еще сильнѣе, еще глубже чувствую, какъ я счастлива. Ахъ, Павелъ, какъ хорошо быть счастливымъ!..

— Хорошо, моя милая, потому-что оно рѣдко и, говорятъ, непродолжительно, отвѣчалъ я, невольно впадая въ нѣкоторое резонерство.

— Нѣтъ, объ этомъ думать страшно, когда это правда.

— Думать ни о чемъ, Ольга, не страшно. Робость мысли никогда ни къ чему доброму не приведетъ. Нужно всегда быть готовымъ и во всеоружіи встрѣчать всякую переменну. Ты вотъ любишься теперь этою ясной и тихой картиной ночи, но черезъ часъ она можетъ перемениться, набѣгутъ тучи и мракъ, полетѣть дождь и мы съ тобой промочимъ ноги и получимъ насморкъ, если противъ такой переменны декораціи не приняли своихъ мѣръ. Таково и самое счастье. Сегодня солнце, а завтра грязь и слякоть. Поэтому-то людямъ счастье и дается иногда только лихорадочными, почти болѣзненными пароксизмами. Если-бы морякъ смотрѣлъ на природу такъ-же беззаботно, какъ иные люди на счастье, если-бы онъ не приготовился ко всякимъ неожиданностямъ бури, то онъ-бы погибъ отъ первой переменны вѣтра. Потому онъ всегда готовъ къ борьбѣ.

— Но иногда и борьба ему бываетъ не подѣ силу и стихія все-же его побѣждаетъ.

— Такъ и бываетъ. Онъ сдѣлалъ все, что возможно для защиты и уже погибаетъ не по своей винѣ, а какъ жертва. Въ жизни—тѣ-же жертвы. Мы вотъ съ тобой, Ольга, о счастьи заговорили, а какъ, въ самомъ дѣлѣ, ты думаешь, что такое счастье?

На такой вопросъ, напоминающій нѣсколько опыты экзаменатора, Ольга не вдругъ отвѣтила.

— Счастье, сказала она послѣ нѣкотораго раздумья,—по моему мнѣнiю, вотъ что: когда кругомъ насъ все хорошо, тогда и намъ хорошо. Среди зла нельзя-же быть совершенно счастливымъ!..

А Ольга, говоря такъ, статей Милля и въ глаза не видѣла!.. Я только разцѣловалъ мою унницу за такой отвѣтъ.

— Что-же ты скажешь самъ? спросила она.

— Да то-же самое, что и ты, только развѣ другими словами—книжными, какъ мы привыкли. Только гармонія окружающихъ насъ явленiй можетъ дать людямъ полное счастье. Сами его мы не сочинимъ. Съ самымъ желѣзнымъ организмомъ человекъ въ скверномъ климатѣ Гвианы или внутренней Австралии постепенно разрушается и падаетъ жертвою какой-нибудь гнилой горячки. Таковы-же законы и нравственной гигiены.

Но, толкуя о счастьи, мы стали забнуть и отправились скорѣе отсыивать свою коляску. Стало сыро; луна спряталась за тучей, волны зарыбили. Картина совершенно перемѣнилась.

Когда мы вернулись домой и отогрѣвались за самоваромъ, я развернулъ передъ Ольгой книгу и просилъ ее прочитатъ слѣдующiя слова Милля: „Человекъ высокоодаренный постоянно будетъ чувствовать, что при тѣхъ несовершенствахъ, которыя его окружаютъ, счастье его не можетъ быть совершенно; но онъ можетъ научиться сносить эти несовершенства, если только вообще они сносны, и никогда не позавидуетъ онъ тому человеку, который ихъ не сознаетъ, но за то и не знаетъ того наслажденiя, которое обуславливается ихъ сознаниемъ. Лучше быть недовольнымъ человекомъ, чѣмъ довольнымъ животнымъ, недовольнымъ соевратомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ...“

— Все это совершенно вѣрно, я думаю. Я сама-бы сказала то-же, если-бы только сумѣла выразить свою мысль словами...

— Знаю, знаю, душа моя. Вотъ поэтому-то я тебѣ и указываю на тѣ „умныя книжки“, которыя тебѣ только по робости кажутся недолимыми, а въ сущности онѣ разясняютъ тебѣ то, что смутно бродитъ въ твоей собственной головѣ.

— Ужь ты не хочешь-ли, Павелъ, изъ меня „умную“ женщину сдѣлать? шути сказала она.

— Боже сохрани! Это только въ повѣстяхъ герои берутъ себѣ женъ на „воспитаніе“, развивать ихъ начинаютъ. Тебя-же учить нечего, ты и сама впередъ пойдешь.

И въ этомъ я убѣжденъ искренно. А „дѣланная умница“ изъ нея никогда не выйдетъ и—слава Богу!..

Ольга—деспотка. Она строго на строго внушила мнѣ не дѣлать для нея никакихъ лишнихъ расходовъ, особенно на счетъ туалета. Мнѣ только съ особеннымъ трудомъ удалось съ нѣкоторымъ комфортомъ устроить ея комнату, но и благодарность я получилъ за одни только цвѣты и книги.

— Не разоряйте меня, Павелъ Николаевичъ, своими подарками. На дорогой подарокъ я должна отвѣчать такимъ-же, а это пока мнѣ не подъ силу.

Я было не послушался и что-же вышло? Я подарилъ ей бархатную кофту съ кружевами; она приняла подарокъ, а на другой день на свои заработки купила и поднесла мнѣ чернильницу съ большимъ яшмовымъ приборомъ, отдѣланнымъ тяжелой бронзою.

— Зачѣмъ это ты дѣлаешь? упрекалъ я Ольгу.

— Ты самъ хочешь меня разорять. И всегда такъ будетъ!..

— Вѣдь это своего рода тиранія!..

— Да, око за око, подарокъ за подарокъ!..

По неволѣ я долженъ покориться ея щепетильности.

— Неужели женщина и одѣться-то на собственный счетъ не можетъ? говорить она.—Вѣдь это стыдно носить чужія тряпки, ужасно стыдно!.. Удивляюсь, какъ женщины мало объ этомъ думаютъ, хотя въ этомъ случаѣ онѣ находятся въ томъ-же поло-

женіи, какъ и вы, мужчины. Чтобы ты сказалъ, если-бы даже самый твой лучший пріятель презентовалъ тебѣ въ подарокъ фракъ, жилетъ и сапоги? Что-бы ты сказалъ? Или увидѣлъ въ этомъ шутку, или-же разсердился, а подарки отослалъ-бы назадъ. Такъ должны думать и женщины. Мы-же лишены даже удовольствія заботиться о своихъ нарядахъ... Видишь, вотъ на мнѣ сегодня обновы!..

На Ольгѣ было черное шелковое платье съ высокимъ скромнымъ воротомъ и безъ моднаго тюника, всегда напоминающаго нарядъ кухарки, предъ тѣмъ, какъ она собирается мыть полъ въ своей кухнѣ.

— По милости этой обновы—скрывать не хочу—я сегодня въ особенно хорошемъ настроеніи. Это первое мое шелковое платье, а главное, что я сама его заработала и сама сшила. Не отнимай-же у меня подобныхъ удовольствій.

Что противъ этого скажешь? Привычка къ роскоши потому и укореняется въ женщинахъ, что онѣ, не зная цѣны труду, заставляютъ отцовъ, мужей и любовниковъ расплачиваться за свои прихоти. Потому-то наши барыни дома бываютъ только въ гостяхъ, а проживаютъ больше въ гостиномъ дворѣ, да въ разныхъ соблазнительныхъ магазинахъ, подобно мачихѣ и Лидіи.

Кстати о послѣдней. Мы очень давно не видались. На дняхъ, идя по Морской, я увидѣлъ ее издали и замѣтилъ, что всѣ проходящіе не только оглядываются, но даже останавливаются, при встрѣчѣ съ нею. Причину такого особеннаго любопытства я сперва не могъ понять, но когда миссъ Варагина подошла ко мнѣ ближе, то сзади ея я увидѣлъ стараго и рѣдкаго по крохотности карлика въ голубой ливреѣ.

— Ловлю васъ на дорогѣ и на словѣ, привѣтствовалъ я Лидію.— Не вы-ли всегда возставали противъ всякой эксцентричности и вдругъ таскаете съ собой этого несчастнаго лилипута, обращая на себя вниманіе всѣхъ встрѣчныхъ.

— Я тутъ ничѣмъ не виновата, если хотите знать. Мама говоритъ, что по нашимъ улицамъ одной женщины ходитъ невозможно безъ „человѣка“...

— Но вѣдь это только восьмушка человѣка, шутить я.

— Да, вотъ поэтому-то я избрала изъ всѣхъ золъ меньшее,

пропародировала она съ лѣнивой улыбкой извѣстнаго слова Гейнриха Гейне, сказаннаго имъ о своей маленькой Луизѣ.

— Во всякомъ случаѣ, протянула Лидія, — если выбирать изъ двухъ крайностей, то я карликовъ предпочитаю великанамъ, — и она быстро окинула меня взглядомъ до самой шляпы.

Намекъ сестрицы былъ понятенъ и я только раскланялся.

Наши встрѣчи и разговоры съ Лидіей, особенно въ послѣднее время, никогда не бывають продолжительнѣе сейчасъ приведенной бесѣды. Особенной близости между нами и прежде быть не могло, а теперь и подавно. Мачиха и, разумѣется, ея благовоспитанная дочка, совершенно игнорируютъ новую перемену въ моей жизни. Онѣ говорятъ со мной, какъ будто-бы ничего имъ неизвѣстно: такъ предписываетъ кодексъ „приличія“. Впрочемъ, изъ всѣхъ правилъ „приличія“ это стоитъ полнаго поощренія, потому-что оно деликатно и не дозволяетъ съ распросами, оханьями, упреками или наставленіями заглядывать въ чужую жизнь и совѣсть. „Тактъ“ замѣняетъ для многихъ умъ; житейскій тактъ и „отмѣненные манеры“ спасаютъ насъ отъ излишней навязчивости: хоть и за то спасибо.

Моя репутація растетъ, между тѣмъ, не по днямъ, а по часамъ; всѣ модныя барыни желаютъ имѣть портреты моей кисти; всѣ прежніе мои этюды, на которые въ началѣ не обращалъ никто вниманія на постоянной выставкѣ, теперь раскупаются на расхватъ, а мои фотографическія карточки продаются на всѣхъ перекресткахъ. Два-три авторитетныхъ человека „сдѣлали“ мою славу и всѣ ей повѣрили.

Глушцы о томъ передають,
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ...
И вотъ общественное мнѣніе!..

Такая слава — оскорбительна. Ея незаслуженное, быстрое рожденіе предсказываетъ такую-же смерть. Хоть скудна земля русская всѣми дарованіями, но все-же я не думалъ, что успѣхъ у насъ такъ легко дается. На меня смотрять, какъ на какое-то чудо-юдо. Художникъ-публицистъ! Да это что-то неслыханное на русской почвѣ, по общему мнѣнію. Художники, которые

прежде кричали о моемъ шарлатанствѣ, о незнаніи рисунка и даже перспективы, теперъ молчатъ, не смѣя идти противъ теченія, и всѣ рвутся въ мои пріятели и въ мою мастерскую, желая знать, что я работаю. Въ мастерскую, однако, никого изъ нихъ я не пускаю, но не скуплюсь на „сюжетцы“, которые они у меня пренаивно выпрашиваютъ, и на вино, которое они истребляютъ съ готовностью, достойною полнѣйшаго удивленія.

О томъ, чѣмъ „новымъ я подарю публику“, я таинственно умалчиваю или отдѣлываюсь общими мѣстами. Это еще болѣе разжигаетъ любопытство моихъ собратій. Мнѣ дѣйствительно трудно было-бы дать положительный отвѣтъ, потому что я самъ еще не знаю, на чемъ остановлюсь, что выберу для окончательной обработки изъ массы набросанныхъ эскизовъ. Во всякомъ случаѣ картины-скороспѣлки я не выставлю. Во мнѣ нѣтъ, къ счастью, слабости большинства русскихъ дѣятелей и художниковъ. Побаловавшись первымъ успѣхомъ, они ежегодно начинаютъ поставять по нѣсколько романовъ, большихъ трех-саженныхъ картинъ, комедій, драмъ и погибаютъ безслѣдно отъ своей спекулятивной производительности.

Кругъ моего знакомства поневолѣ дѣлается все шире; у меня цѣлый вечеръ полна квартира гостей, но самъ я гдѣ-нибудь бываю очень рѣдко. Ольга при большихъ сборищахъ не показывается, но всегда съ удовольствіемъ присутствуетъ въ интимномъ кружкѣ нѣсколькихъ хорошихъ моихъ пріятелей. Она такъ быстро развернулась, что, глядя иногда на нее, нельзя и подумать, что это самая безмолвная дѣвочка, которую я въ первый разъ увидалъ за столомъ отца.

Сократъ окончательно сдѣлался любимцемъ Ольги; въ его-же глазахъ нѣтъ выше авторитета Ольги Ивановны. Положеніе самого Ксенофонта Антоновича, вѣчно бѣдствующаго и вѣчно занятаго „прискаіемъ средствъ для дальнѣйшаго существованія“, измѣнилось къ лучшему. Это меня тѣмъ болѣе радуетъ, что я, зная его бѣдствованія, никогда не могъ заставить его „въ минуту жизни трудную“ взять у меня хоть сколько-нибудь денегъ. Онъ постоянно—и руками и ногами.

— Лучше украсть, чѣмъ нашему брату займы безъ отдачи дѣлать. Въ воровствѣ своя храбрость и отвѣтственность предвкусывается.

— Да когда-нибудь отдадите, развѣ не все равно, убѣждаетъ его.

— „Когда-нибудь отдадите!“ Это только новая форма милостыни, Павелъ Николаевичъ, горячился Сократъ, — ужь вы лучше не ссорьтесь со мной. Когда-нибудь отдадите!.. Никогда я не отдамъ, если возьму, ergo — въ будущемъ предвижу еще сквернѣйшую скверность, а въ настоящемъ все мое имущество заключается въ старой бритвѣ и въ двухъ томахъ Плутарха.

— Но дѣла ваши могутъ поправиться.

— Есть турецкая поговорка; „не лови птицъ въ воздухъ“, Павелъ Николаевичъ.

На этихъ дняхъ является къ намъ Ксенофонтъ Антоновичъ съ двумя огромными томами въ рукахъ.

— Нѣтъ, „дураковъ не убавишь въ Россіи“, началъ онъ, освобождаясь съ нервнымъ раздраженіемъ отъ своей тяжелой ноши. — Сами дураки лезутъ въ петлю, а потомъ удивляются, почему петля давитъ ихъ за горло.

По тону Сократа я предположилъ было, что онъ ворчитъ на какую-нибудь непріятность, но все дѣло оказалось въ томъ, что ему предложили большую и выгодную работу — переводъ одного устарѣвшаго медицинскаго сочиненія, изданіе котораго на русскомъ языкѣ онъ считаетъ непроходимую глупостью.

— Да вамъ-то какое дѣло, замѣтилъ я.

— Какъ какое дѣло! Перечелъ я вотъ эти два фоліанта и вижу, что старина самая трущобистая, которая при теперешнемъ состояніи медицины не выдержитъ никакой критики, — на смѣхъ развѣ только поднимутъ. Объясняю я эту штуку издателю, а онъ еще лукаво улыбается и по плечу меня хлопаетъ: „Переводите, дескать, только почтеннѣйшій, а книжки свои мы въ ходъ пустимъ“... Условія, впрочемъ, отличныя предложилъ и за переводъ и за корректуру.

Часто-ли нынче попадаются такіе идеально-честные бѣдняки, которые готовы отказаться отъ выгодной работы изъ-за того только, что предпріятіе издателя можетъ лопнуть по его скудому?..

Есть личности, постоянно негодующія на тѣхъ людей, которымъ приходится платить свои долги. Къ такой категоріи при-

наддежить и отецъ. Послѣ его письма ко мнѣ о наслѣдствѣ Ольги мы хоть рѣдко, но видѣлись. Онъ не упоминалъ о деньгахъ ни слова, я не спрашивалъ. Того желала сама Ольга.

Третьяго дня вмѣстѣ съ нею я былъ на открытіи оперы. Мы пріѣхали передъ самымъ поднятіемъ занавѣса и едва я осмотрѣлся кругомъ, какъ въ ложѣ перваго яруса увидалъ отца со всѣмъ его семействомъ. Въ одно и то-же время въ ложѣ замѣтили и насъ, и въ ту-же минуту четыре бинокля впились въ Ольгу. Мелочное удовольствіе невольно шевельнулось во мнѣ, когда я самъ взглянулъ на нее: она была особенно мила въ этотъ вечеръ; въ нарядѣ простота и ничего лишняго.

Въ одинъ изъ антрактовъ я отправился въ ложу. Мачиха жаловалась на духоту и на дурное устройство нашихъ театровъ; Лидія „критиковала“ новый составъ труппы какому-то бѣлобрысому юношѣ безъ бровей и съ лягушачьями глазами. Сказавъ нѣсколько словъ и совершивъ поклоненіе мамашѣ и дочкѣ, пожавъ руку отцу, я собирался уже уйти.

— Не заѣдешь-ли завтра утромъ ко мнѣ, сказалъ онъ при прощаніи, — нужно повидаться.

Я обѣщался и вышелъ. На другой день я поѣхалъ и вошелъ прямо въ кабинетъ. Отецъ очень дружески бесѣдовалъ со вчерашнимъ бѣлобрысымъ франтомъ.

Ужъ не женихъ-ли какой Лидіи! почему-то мелькнуло у меня въ головѣ.

— Вы не знакомы? сказалъ отецъ, представляя насъ другъ къ другу. Мой сынъ... баронъ... (фамилію его я забылъ тотъ-часъ-же).

Мы пожали другъ другу руку. Баронъ, не имѣющій бровей, заболталъ безъ умолку, безъ перерыва о живописи и скотоводствѣ, о сѣздѣ естествоиспытателей и удивительныхъ французскихъ прачкахъ, о Пьерѣ Бонапартѣ и о какой-то новой камелии изъ татарокъ. Разсыпавшись, какъ мѣшокъ орѣховъ, онъ вдругъ вскочилъ, что-то вспомнилъ, опять сѣлъ, опять вскочилъ и — улетучился. Рукъ такихъ, какъ у него, я не видывалъ: крошечныя, но совершенно безъ костей, вмѣсто нихъ — хрящи и рыхлое тѣло. Прощаясь съ нимъ, я точно держалъ его не за руку, а за носъ.

Я не полюбопытствовалъ даже узнать, кто это такой, но отецъ самъ предупредилъ меня:

— Подивись; какъ молодъ, а уже миллионами ворочаетъ. Куда ни ступить — тамъ деньги растутъ. Что тамъ хочешь говори, а *Le titan d'aujourd'hui est le millionnaire*. Вашъ Викторъ Гюго сказалъ. Кстати, ты самъ, говорятъ, чудеса дѣлаешь въ томъ-же родѣ. На дняхъ у князя Т. я видѣлъ его портретъ твоей работы. Просто живой. Скажи, пожалуйста, если это не секретъ, правда-ли, что ты взялъ за работу пять тысячъ? Всѣ говорятъ.

— Не пять, а три, поправилъ я.

— Три? Все-таки кушъ огромный. Вѣроятно, въ настоящее время Ольга Ивановна не нуждается вовсе въ деньгахъ?

Послѣ ея ухода изъ его дома, отецъ въ первый разъ заговорилъ со мной объ Ольгѣ.

— Вы ошибаетесь. Наши отношенія таковы, что она для себя не хочетъ брать у меня ни гроша. Она сама работаетъ.

— Сама?—Отецъ усмѣхнулся, но ничего не сказалъ.

— Деньги Ольги Ивановны у меня готовы, началъ онъ, — и при соблюденіи нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, ты ихъ можешь получить сегодня-же.

Дѣйствительно, черезъ два часа, съ помощью нотариуса, все устроилось, и отецъ всѣ деньги сполна передалъ въ мои руки.

Выходя отъ нотариуса, онъ не удержался, чтобъ не крикнуть мнѣ въ догонку:

— За портретъ — три тысячи рублей, а она живетъ своимъ трудомъ!..

И его густой хохотъ прокатился по всей улицѣ.

Я не разсердился, а задумался. Въ сущности онъ вѣдь правъ. Сопоставленіе — грустно комическое: мой трудъ и трудъ Ольги. Я въ одинъ день получу то, чего она не заработаетъ въ два года. Только одинъ барскій геній Гёте нашель оправданіе неравенству человѣческаго заработка, увѣряя, что „и въ нравственномъ мірѣ есть тоже дворянство. Обыкновенныя патуры выплачиваютъ повинность трудомъ; высшія—однимъ фактомъ своего существованія“.

Да, только нѣмецкіе олимпійцы и способны дѣлать такіе успо-

коительные выводы. Они не просто живутъ, а „дѣлаютъ высокую честь своимъ существованіемъ“ всемірной исторіи.

Но пусть-бы шло дѣло о генияхъ, за ежедневнымъ вареніемъ желудка которыхъ должно, приподнявшись на цыпочки, со страхомъ и трепетомъ слѣдить все человѣчество. Въ нашей исторіи нѣтъ ничего подобнаго. Это еще вопросъ—кто изъ насъ полезнѣе, чья натура болѣе высшая: моя или Ольги. Я пока только модный портретистъ, она неизвѣстная труженица. Мы оба должны хорошо понимать это, а между тѣмъ разыгрываемъ другъ съ другомъ какую-то комедію. Кто-же виновать?

Когда я привезъ Ольгѣ деньги, она даже на нихъ и не взглянула, за то Сократъ старательно перечелъ ихъ и пересмотрѣлъ на свѣтъ каждую бумажку.

— Что-же я буду дѣлать съ ними? спрашивала Ольга своего любимца.

— Сохранная касса есть. Нужно припрятать ихъ на черный день.

— Да черныхъ дней нѣтъ вовсе...

— Ну, объ этомъ вы у меня, сударыня, спросите, я вамъ про такую черноту могу разсказать, что страшно сдѣлается...

Цѣлую недѣлю я почти не былъ дома. Князь Т. убѣдительно просилъ меня заняться сперва устройствомъ его домашняго театра, потомъ живыхъ картинъ къ семейному спектаклю. Сперва я взялся за дѣло нехотя, потомъ втянулся въ него. Князь рѣдкій экземпляръ среди нашего сановитаго барства. Онъ много испыталъ и видѣлъ; зналъ Европу гораздо лучше своихъ курскихъ помѣстій и его артистическая натура сохранила свою свѣжесть и подъ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ любитъ всѣ искусства, какъ умный диллетантъ; его картинная галлерей не велика, но составлена съ большимъ вкусомъ и толкомъ. Безъ всякаго меценатства онъ поощрялъ начинающихъ артистовъ и при случаѣ никогда не отказываетъ имъ въ случаѣ или помощи. Князь давно вдовецъ, но у него есть дочь, которую онъ обожаетъ и балуетъ, какъ ребенка. Княжна не дурна собой, немножко капризна, немножко вѣтрена и очень граціозна.

Не знаю, ей или отцу запала мысль, что въ княжнѣ есть сценическое дарованіе, только для первыхъ ея сценическихъ опытовъ отецъ задумалъ устроить домашній театръ въ своемъ загородномъ домѣ, гдѣ онъ живетъ постоянно лѣтомъ и зимою. Князь какъ-то поймалъ меня на словѣ и я волей-неволей принялся помогать ему. Въ мое распоряженіе была отдана огромная концертная зала въ два свѣта, съ хорами. Работа закипѣла. Я слѣдилъ за работой, далъ рисунки нѣкоторыхъ декораций и занялся постановкой живыхъ картинъ. Все это отнимало у меня много времени и я только поздно вечеромъ возвращался въ городъ.

Въ день перваго спектакля князь прислалъ намъ два кресла — для меня и Ольги. Мы поѣхали.

Въ залѣ собрались сливки общества: я показывалъ Ольгѣ „свѣтъ“.

— Смотри, говорилъ я ей въ шутивоиъ тонѣ, — мы поднялись съ земли въ высшую сферу. Передъ нами въ лицахъ весь небесный глобусъ. Прекрасныя планеты съ своими спутниками, напудренные кометы съ длинными шлейфами, Марсы, Венеры, неподвижныя звѣзды на черныхъ фракахъ и даже серпъ луны въ качествѣ секретаря турецкаго посланника.

Спектакль начался водевилемъ и розыгранъ былъ очень весело. Въ княжнѣ дѣйствительно есть артистическая струйка, живость и только не достаетъ привычки къ сценѣ. Роль бойкой шалуньи княжна исполнила съ тою правдивостью, которую ей подсказала ея собственная шаловливая натура.

За тѣмъ шли мои живныя картины на комическую тему „Семейная жизнь“ въ пяти отдѣленіяхъ. Картины были исполнены довольно сносно, особенно послѣдняя сцена, гдѣ супруги судятся у мирового.

Во время антракта я взглянулъ на афишу. Въ ней значилось, что спектакль кончается драматической сценой въ стихахъ „Въ гаремѣ“. Сцена передѣлана изъ „Донъ-Жуана“ Байрона графомъ Сладкоустовымъ.

Графъ былъ въ залѣ и, проходя мимо меня, сказалъ:

— Вы сейчасъ увидите перлъ и въ драгоцѣнной оправѣ.

Извѣстно, что авторы большіе охотники выводить въ „та-ланты“ исполнителей своихъ произведеній, почему на замѣчаніе

графа я не обратилъ никакого вниманія. Я не забылъ, какъ однажды этотъ баринъ, ужиная со мною, серьезнѣйшимъ образомъ сказалъ мнѣ, что ему только лѣнь и разныя занятія помѣшали въ юности занять въ литературѣ мѣсто выше И. Тургенева.

Поднялся занавѣсъ. Сцена изображала роскошную спальню султанши Гюльбеи. Евнухъ Баба ввелъ Донъ-Жуана въ цѣпяхъ, котораго онъ купилъ на рынкѣ по повелѣнію влюбившейся султанши. Вялыми, дряблыми стихами евнухъ сталъ говорить своему плѣннику о томъ счастьи, которое ему готовится, и давалъ разныя наставленія. Она сдѣлала знакъ рукой и рабъ удалился.

Султанша осталась одна съ Донъ-Жуаномъ и отбросила съ лица покрывало.

Шопоть одобренія пробѣжалъ по залѣ при видѣ выразительнаго, прекраснаго лица султанши. Вся дальнѣйшая сцена такъ врѣзалась въ моей памяти, произвела на меня такое впечатлѣніе, что я записываю ее со всѣми мельчайшими подробностями.

Султанша съ открытымъ лицомъ уже нѣсколько минутъ стояла передъ Жуаномъ; артистка молчала, но въ ея молчаніи была уже игра. Радость, торжество, гордость, любовь — свѣтились попеременно въ ея лицѣ. Она пожирала своего плѣнника глазами съ какою-то сатанинскою нѣжностью. Высокомѣрно протянувъ ему руку для поцѣлуя, она, наконецъ, сказала: „Ты, чужестранецъ, можешь-ли любить?“ Когда-же Донъ-Жуанъ отвѣчалъ ей съ гордостью, что для орда нѣтъ подруги въ его неволѣ, и что онъ не можетъ любить ее, султанша вдругъ преобразилась: надменная царица обратилась въ изумленную женщину, которая удивляется, что ея любовь въ первый разъ въ жизни отвергнута чуть не съ презрѣніемъ. Она слушала, но еще не вѣрила собственному слуху. Донъ-Жуанъ продолжалъ:

Спросила ты — могу-ли я любить:
Суди сама, какъ полюбить могу я,
Коль на тебя, прекрасная жена,
Могу теперь смотрѣть я хладнокровно.
Любовь — не достояніе рабовъ,
Любовь живетъ въ однихъ сердцахъ свободныхъ.

Гюльбея, слышавшая вокругъ себя одну только лесть и раблѣнное поклоненіе, Гюльбея, думавшая, что вся земля создана

только для однихъ султаншъ—наконецъ, поняла оскорбленіе: точно ударъ ножа почувствовала она въ своемъ сердцѣ. Голосъ ея, звучавшій сперва, какъ „жемчугъ, разсыпавшійся по серебрянному блюду“, поднялся и слился въ одну бурю, гдѣ гнѣвъ и сладострастіе только разжигали другъ друга. Гнѣвъ налетѣлъ, какъ ураганъ, потомъ вдругъ неожиданно оборвался. Она зажглася грозой и, какъ гроза, мгновенно утихла. Угрозы смѣнились холоднымъ рѣшеніемъ—наказать, казнить оскорбителя. Тотъ, кто ее не любитъ,—преступникъ. Гюльбея выхватываетъ изъ за пояса кинжалъ, поднимаетъ его надъ Донъ-Жуаномъ и—отбрасываетъ оружіе въ сторону.

Вѣдь убить его, говоритъ она, значитъ убить всякую надежду на обладаніе имъ! Гюльбея разрѣшается страстнымъ монологомъ, забываетъ свое величіе, проситъ его, умоляетъ не отталкивать ее отъ себя и съ рыданіемъ, наконецъ, падаетъ къ ногамъ Донъ-Жуана.

Теперь ужъ не султанша предъ тобой,
А женщина, готовая рабою
Твоей весь вѣкъ, наложницею быть.

Когда-же Жуанъ отвѣтилъ ей и на это только однимъ сожалѣніемъ и холодно сказалъ ей: „никогда“, то Гюльбея вскочила, какъ раненая львица, и рѣчь отчаянія, гнѣва, любви довершила безумною рѣшимостью:

Ты не хотѣлъ моимъ быть добровольно,
Такъ знай: насильно будешь ты моимъ,
Насильно, понимаешь-ли, насильно!...

И она, какъ полу-звѣрь, полу-женщина хочетъ броситься на Донъ-Жуана... Въ эту минуту вбѣгаетъ Баба съ извѣстіемъ, что самъ султанъ жалуется въ покои султанши. Жуана уводятъ въ гаремъ.

Когда занавѣсъ опустился при общихъ рукоплесканіяхъ, я сидѣлъ, какъ въ лихорадкѣ: голосъ султанши продолжалъ еще то жечь, то ласкать меня, то надрывать мнѣ сердце. Со сцены я еще никогда не слыхалъ ничего подобнаго. Я не понималъ, что это такое: игра-ли высоко-талантливой артистки, или откликъ наболѣвшей любящей женской души, выраженіе собственной драмы, вопль собственнаго сердца. Откуда взялись у этой неизвѣстной артистки такіе потрясающіе своей правдой звуки отчаянія, стра-

сти, нѣги, страданія, мольбы и сладострастнаго бѣшенства? Неужели это только объективное творчество?

Я взглянулъ на Ольгу: она казалась сильно взволнованной. Я не замѣтилъ, что за сценой она слѣдила также внимательно, какъ и за мною.

— Что ты скажешь? спросилъ я.

— Скажу послѣ, отвѣтила она тихо.

Передъ нашимъ отъѣздомъ я узналъ отъ князя, что любительница, исполнявшая роль султанши, — жена одного довольно извѣстнаго пѣаниста, Пронина. Я спросилъ князя, что онъ думаетъ объ игрѣ ея.

— Нервами сыграно, но очень не дурно. Изъ нея вышла-бы хорошая артистка, если-бъ она поступила на сцену и побольше поработала...

Мы вѣхали и дорогой Ольга первая заговорила о впечатлѣніи послѣдней сцены.

— Ты, кажется, очень сильно увлекался игрою этой барыни?

— А ты сама развѣ не увлеклась?

— Да, но не такъ, какъ ты. Вѣдь тебѣ случалось читать разныя неправдоподобныя французскіе романы? Читаешь и хоть чувствуешь всю ихъ вздорность, а все-таки не можешь осилить нѣкотораго волненія, а иногда и страха. Такова игра и барыни этой, по моему.

Я старался объяснить разницу между художественной правдой и мелодраматическою искусственностью. Отъ ложнаго впечатлѣнія скоро отдѣлаешься, поймашь себя на немъ, а вліяніе истиннаго творчества остается очень на долго.

Ольга покачала головою.

— Я съ тобой согласна въ этомъ, но относится-ли это къ султаншѣ? Но притворщица она удивительная.

— Какъ притворщица? не понялъ я Ольги.

— Да развѣ это не удивительное притворство выразить то, чего въ это время вовсе не чувствуешь. Помнишь: этотъ гнѣвъ, нѣжность, страсть и, наконецъ, рыданія. Вѣдь она, я видѣла, дѣйствительно зарыдала.

— Вотъ и прекрасно, засмѣялся я. — Ты, не желая того, сама признала большой талантъ въ этой женщинѣ, потому что способность проникаться чужимъ положеніемъ и выразить различ-

няя стороны человѣческихъ чувствъ и страстей — и называется сценическимъ дарованіемъ.

Болѣе объ этомъ мы не говорили во всю дорогу. На меня игра Прониной, нужно признаться, произвела самое глубокое впечатлѣніе.

Кажется, Наполеонъ, философствуя на островѣ св. Елены, сказалъ, что „людьми надо управлять и занимать ихъ посредствомъ игрушекъ“. Но когда-же на людей перестанутъ смотрѣть, какъ на ребятешекъ и помогутъ ихъ совершеннолѣтію?

Искусство не должно держаться наполеоновскаго взгляда; нынче и педагогика старается поставить воспитателя къ дѣтямъ на возможно близкій уровень. Художники объ этомъ думаютъ мало. Что такое всѣ ихъ художественныя выставки? Собраніе „картинокъ милымъ дѣтямъ на ѣлку“. Наивныя сюжетцы пасущихся барановъ, нарядныхъ нищихъ, для возбужденія состраданія, голыхъ русалокъ и ундинъ для щекотанія плоти и баталіическіе ужасы для поддержанія храбрости — вотъ та дѣтская мораль, которую предлагаютъ намъ художники въ своихъ произведеніяхъ.

Идти по такой дорожкѣ значитъ не уважать своей профессіи.

Справлюсь-ли я съ своею новою картиною „Общественное мнѣніе“, — не знаю, но она меня сильно занимаетъ и я сижу за обработкой ея отдѣльныхъ частей. Цѣлаго, однако, еще не выходитъ и я начинаю робѣть предъ исполненіемъ трудной задачи. Если можно, по выраженіи князя Т., играть нервами, то картины одними нервами не напишешь. Поэту между людьми легче, чѣмъ художнику,

Смутить веселыхъ ихъ

И бросить имъ въ глаза желѣзный стигъ,

Облитый горечью и злостью.

Все то, что актеръ говоритъ на сценѣ „въ сторону“, все то, что поэтъ выражаетъ въ лирическомъ отступленіи, все это въ живописи немислимо; она по самому существу своему гораздо реальнѣе. У кисти меньше средствъ, чѣмъ у живого слова. Въ картинѣ не должно быть ничего лишняго, ничего случайнаго. Поэтому приходится много думать, много работать. Простота и правда разомъ не даются. „Какъ это просто!“ замѣтилъ кто-

то извѣстному Ѳедотову, глядя на его картину. „Да, будетъ просто, какъ сдѣлаешь разъ со сто“, отвѣчалъ авторъ „Маіора.“ Вотъ почему я и не тороплюсь, передѣлывая по нѣскольку разъ каждую группу и каждую фигуру.

Также разъ двадцать принимался я за портретъ Ольги и всякій разъ—неудача: лицо то же, а сходство не улавливается. Это меня досадуетъ, а Сократъ доволенъ.

— И никогда вы не напишете ея портрета, говоритъ онъ,— если станете писать красками, а не лучами. Это также невозможно, какъ перевести на полотно какую-нибудь музыку или цифрами написать мелодію.

Ольга заливается хохотомъ. Въ подобныхъ случаяхъ она называетъ его „докторомъ, сбѣжавшимъ изъ повѣсти А. Марлинскаго“.

— Вы, я думаю, скоро стихи станете писать, Ксенофонтъ Антоновичъ, замѣтилъ я, какъ-то слушая его восторженные похвалы красотѣ, уму и другимъ свойствамъ Ольги.

— А вы думаете, не могу писать?

— Ты только, послушай, Павелъ, воскликнула Ольга,—вѣдь онъ, дѣйствительно, лишь отъ тебя скрываетъ, а мнѣ такіе стихи писать, что прелесть. Когда князь прислалъ мнѣ цвѣтовъ изъ своей оранжереи и я стала прыгать отъ радости и ухаживать за ними, поэтъ мой сѣлъ и тотчасъ-же написалъ мнѣ посланіе. Вотъ послушай.

Ольга убѣжала и сей-часъ вернулась съ листомъ бумаги. Сократъ протестовалъ, но Ольга начала читать:

Цвѣты—твои сестры и братья,
Они также чисты, какъ ты,
Кого-же удивишь, что ты любишь,
Какъ что-то родное—цвѣты...
Они понимаютъ и сами
И чувствуютъ!..

Сократъ не далъ кончить чтенія и сталъ, притворившись сердитымъ, гоняться за Ольгой.

— А что переводъ вашъ, старый вѣтренникъ? поймалъ я его за фалду.

— Подвигается со скоростью построекъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, только безъ всякихъ несчастій. Деньгами такъ я раз-

богатѣлъ, что моя и ваша бывшая хозяйка безъ чепчика ко мнѣ показаться не смѣетъ; не то, что прежде.

Я вовсе не искалъ встрѣчи съ Прониной, но случай свелъ насъ очень неожиданно. Знакомство совершилось довольно странно. Давно уже звалъ меня къ себѣ на артистическіе четверги „всемирный пріятель“, какъ его зовутъ, Коростовъ. Онъ старій холостякъ, добрый, немножко фатоватый малый, что-то среднее между семинаристомъ и отставнымъ ремонтеромъ. Онъ одинъ изъ типовъ, который непремѣнно найдется въ каждомъ большомъ городѣ и особенно въ столицѣ. Онъ „артистическій кухмистеръ“ въ широкихъ размѣрахъ, и не по ремеслу, а по призванію. Съ утра и до ночи занятый, смотря по сезону, устройствомъ всякихъ пикниковъ, концертовъ, спектаклей и пр. и пр., Коростовъ въ артистическомъ мірѣ считается своимъ человекомъ, „прикосновеннымъ къ искусству.“ Онъ общій другъ. Жены его любятъ, мужа его не боятся. Не нуженъ самому себѣ, необходимый для всѣхъ, Коростовъ встрѣчается вездѣ, кромѣ, вѣроятно, мѣста своего служенія. Но онъ гдѣ-то служитъ, Богъ знаетъ для чего, и живетъ Богъ знаетъ чѣмъ. На его вечеринкахъ мнѣ быть до сихъ поръ не случалось, но онъ взялъ, наконецъ, съ меня слово и я въ одинъ изъ четверговъ къ нему отправился. Было довольно поздно, когда я пріѣхалъ; вхожу — людно, шумно, накурено. Бюрократической стѣсненности нѣтъ и слѣда; гости разбрелись по разнымъ комнатамъ. Тамъ собираются группы, здѣсь шепчутся или смѣются отдѣльныя пары. Въ одномъ углу закусываютъ и пьютъ; въ другомъ раздается хохотъ отъ импровизаціи любимаго комика. Коростовъ налетѣлъ на меня съ пачкой какихъ-то билетовъ, облобызаль, по своему обыкновению, и куда-то исчезъ. Поговоривъ кое съ кѣмъ изъ знакомыхъ, я прошелъ чрезъ гостиную, потомъ еще двѣ комнаты, наконецъ, очутился въ угольной, гдѣ, казалось мнѣ, никого не было. Но я ошибся. На диванѣ сидѣла дама съ папиросой въ рукахъ и курила. Я по первому взгляду узналъ Пронину.

Я хотѣлъ уже удалиться, кака она быстро подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку.

— Вы ужь меня извините, что я сама рѣшаюсь знакомиться съ вами. Это не принято, но развѣ не все равно? Для соблюденія приличій Коростовъ пусть заднимъ числомъ, послѣ совершить обрядъ представленія. Я знала отъ него, что вы будете сегодня здѣсь и только для васъ однихъ сюда пріѣхала. Принимая на себя обязанность хозяйки, я хочу бессовѣстно эксплуатировать ваше терпѣніе и не отпущу васъ отъ себя цѣлый вечеръ.

Такой рѣшительный приступъ нѣсколько удивилъ меня, но онъ сдѣланъ такъ ловко, съ такою граціей, что мнѣ даже понравился по своей простотѣ. Мы сѣли. Пронина со сцены кажется гораздо моложе, но вблизи она еще привлекательнѣе. Ей лѣтъ около тридцати, но она еще въ полномъ цвѣтѣ молодости. Брюнетка съ сѣрыми большими глазами и тонко профѣзанными ноздрями совсѣмъ не русскаго, законченнаго носа, съ подбородкомъ, слегка выдающимся впередъ, она-бы была положительная красавица, если-бы контуры ея рта были нѣсколько по изящнѣе и ротъ немножко поменьше. Несмотря на большой ростъ, фигура ея „вся соразимѣрная, стройная, гордая“ невольно къ себѣ манила. Передо мной была уже не пылко-надменная султанша, а обыкновенная, изящная женщина.

— Вы, пожалуйста, очень не удивляйтесь моей смѣлости; я уже давно знаю васъ по вашимъ произведеніямъ; я читала о васъ, я видѣла ваши работы, но только съ вами мнѣ нигдѣ не удавалось встрѣчаться. Этого я очень хотѣла, особенно когда васъ мнѣ показали въ театрѣ. Вообразите, я васъ представляла почему-то совсѣмъ не такимъ, а какимъ-то Андрей Степановичемъ Букой. Такъ представляли васъ разные художники, которые, надо сказать правду, васъ терпѣть не могутъ... Вотъ я какая болтушка, однако: хотѣла васъ слушать и не дамъ вамъ слова вымолвить. Ну-съ, говорите.

Я невольно разсмѣялся.

— Не трудно угадать, что и въ жизни вы привикли повѣлѣвать, какъ на сценѣ султаншей.

— Благодарю васъ. Мнѣ передавали вашъ отзывъ о моей игрѣ, а ваша похвала, вы и не догадываетесь, какъ дорога для меня. Когда-нибудь узнаете.

Въ это время въ комнату влетѣлъ Коростовъ и развелъ руками.

— Вездѣ ихъ ищу, чтобъ познакомиться, а ужъ прелестная гражданка его заполонила. Ну, братъ, берегись, обратился онъ ко мнѣ,—лучше не ухаживай за Зинаидой Петровной: въ гробъ уложить—совсѣмъ сирена. Меня, понимаешь-ли, *меня* даже съ носомъ оставила... „А впрочемъ, власть Господня!“ До грѣха долго-ли.

— Коростовъ! Коростовъ! раздавалось изъ залы.

— Никакъ безъ меня обойтись ребята не могутъ! протянулъ нѣсколько въ носъ Коростовъ и, махнувъ рукою, ринулся въ залу.

Между нами начался тотъ легкій разговоръ, во время котораго люди мало знакомые какъ-бы высматриваютъ другъ друга. Впрочемъ, больше говорила она; въ ея лицѣ свѣтилось непритворное удовольствіе и она дала волю своему холерическому нраву.

— Вы съ нами непременно должны познакомиться, — слышите! непременно! требовала она.

Я напомнилъ ей о ея мужѣ.

— О, за нимъ дѣло не станеть, онъ у меня славный, ручной, право! и вы съ нимъ должны поладить. Онъ у васъ самъ непременно будетъ.

Въ это время въ комнату заглянула чья-то фигура и остановилась въ дверяхъ. Пронина сидѣла спиной къ входу и ничего не видала, но я догадался, кто это былъ: супруга, который смотреть на жену или за женой, — сейчасъ узнаешь. Я угадалъ и на этотъ разъ

— Зиночка, не пора-ли ѣхать! раздался такой беззвучный глухой голосъ, точно онъ выходилъ не изъ человѣческой груди, а изъ бокового кармана.

Пронина подозвала своего „піаниста“ и познакомила насъ. Супругъ оказался не очень привлекательнымъ, особенно по сравненіи съ женою. Худое, съ сонными глазами лицо его точно землю посыпано. Носъ его, напоминающій солнечные часы, смотритъ въ сторону, когда онъ глядитъ прямо. Къ тому-же Пронинъ ходитъ всегда бокомъ, забинувъ руки назадъ и одной рукою поддерживая локоть другой, точно локоть деревянный и безъ поддержки упадетъ на полъ.

Пронина на вторичный зовъ мужа встала и уѣхала, крѣпко пожавъ мнѣ руку.— „Я васъ жду, не забудьте“.

— Знаешь, съ кѣмъ я познакомился? сказалъ я Ольгѣ въ тотъ-же вечеръ.— Съ Прониной.

Мнѣ показалось, что Ольга немножко поблѣднѣла. Неужели она ревнива?..

Дней черезъ пять мнѣ подали записку, написанную крѣпкимъ и смѣлымъ почеркомъ. Она была отъ Прониной. „Чувствую, что надоѣдаю вамъ, писала она, но на первый разъ не откажите въ моей просьбѣ. Сегодня открытіе нашего клуба. Я буду тамъ вечеромъ въ такомъ только случаѣ, если буду увѣрена, что тамъ встрѣчу васъ. Пріѣзжайте, пожалуйста. Отвѣтъ дайте посланному! P. S. Мой мужъ только по болѣзни до сихъ поръ не былъ у васъ...“

— Зачѣмъ я былъ тамъ? къ чему поведутъ частыя встрѣчи съ этою женщиной? подумаль я, поздно въ тотъ вечеръ возвращаясь изъ клуба. Но когда въ моей головѣ мелькнулъ этотъ вопросъ, мнѣ стало смѣшно и даже какъ-то совѣстно. Во мнѣ, какъ и во всѣхъ людяхъ, еще не пропала привычка усложнять и запутывать всякія простыя отношенія мужчины къ женщинѣ. Всякая простота насъ пугаетъ и мы начинаемъ вдумываться, подглядывать сами за собой, съ опасеніемъ, не скрывается-ли подъ этою простотою какой-нибудь опасности или западни. Всякій анализъ, доведенный до болѣзненности, приводитъ только къ узкому и бесполезному самоистязанію. Если-бы я встрѣтился съ Прониной до моего чувства къ Ольгѣ, то и тогда-бы эта встрѣча не грозила мнѣ глубокой, серьезной привязанностью, а теперь объ этомъ странно и думать. А между тѣмъ, Зинаида Петровна мнѣ очень нравится, какъ рѣдкій типъ женщины съ самостоятельнымъ взглядомъ и характеромъ и съ тѣмъ внутреннимъ, нравственнымъ изяществомъ, которое лучше всякой морали удерживаетъ женщину отъ роковыхъ, непоправимыхъ промаховъ. Съ Прониной говорится легко, какъ съ пріятелемъ, а отсутствіе буршеской безцеремонности и того пріятельскаго цинизма, составляющаго поделку „мужской дружбы“, еще болѣе дѣлаютъ при-

влекательными подобныя дружескія бесѣды. Враговъ такъ называемой „женственности“ я считаю или неискренними болтунами, или самыми откровенными филистерами, по разглагольствованію которыхъ можно часто думать, что ихъ матери даже не были женщинами и что они вышли на свѣтъ изъ какой-то реторты.

Но я забѣгаю впередъ. Когда я пріѣхалъ въ клубъ, Пронина встрѣтила меня на порогѣ залы.

— Какъ видите, я васъ поджидала, улыбнулась она, протягивая мнѣ руку.—Вы считаетесь визитами я вижу, потому что до сихъ поръ у меня не были. Чтобъ васъ пристыдить, я буду публично ухаживать за вами весь вечеръ. Пойдите.

„Сіиаль, горѣлъ ужъ въ полночь блескъ балъ“. Клубная зала до того была биткомъ набита публикой, что въ страшной духотѣ негдѣ было повернуться. Мы пробрались въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ было просторно: почти вся публика была занята клубнымъ концертомъ.

Мы сѣли.

— Вы, кажется, рѣдко бываете въ подобныхъ публичныхъ собраніяхъ, сказала Пронина,—и дурно дѣлаете, какъ художникъ-наблюдатель. А я такъ ужасно люблю подобную толпу и не потому вовсе, что я пустая женщина. Люди, когда они собираются вѣстѣ, гораздо интереснѣе, чѣмъ каждый въ отдѣльности. Смотришь на такую толпу издалека, какъ на ребусъ, еще не разгаданный. Затѣмъ, я здѣсь свободна, говорю съ кѣмъ хочу и избавлена отъ роли хозяйки, обязанной „занимать“ всякаго гостя, а это—смерть моя...

— Вотъ поэтому-то я и не тороплюсь быть у васъ, замѣтила я, улыбаясь.

— Ну, противъ васъ я приму свои мѣры, насиліе даже, если вы сами боитесь быть „избраннымъ“. Если гора не подходитъ къ намъ, мы сами къ ней приближаемся. Гостей у себя я, дѣйствительно, не люблю, но вы—другое дѣло. Вамъ странно меня, разумѣется, слушать, продолжала она полу-шутя, полу-серьезно,—но вы на меня произвели такое сильное впечатлѣніе, что я—вы думаете испугалась? нѣтъ, обрадовалась. Поэтому вы или совсѣмъ не будете бывать у меня, или станете не „гостемъ моимъ“, а добрымъ знакомымъ, другомъ даже, можетъ быть. Въ „гости“

же къ другъ другу ходять одни чиновники, да еще герои русскихъ повѣстей.

— Впередъ не заглядывайте: вы меня мало знаете.

— Вотъ тутъ-то и ошибка ваша. Такіе публичные дѣятели, какъ вы, извѣстны дѣлаются раньше всякаго знакомства по своимъ произведеніямъ. О васъ, господа, говорятъ вездѣ, говорятъ всего чаще худо; мы васъ читаемъ, смотримъ, слушаемъ сплетни о васъ; неужели это не больше, чѣмъ цѣлый мѣсяцъ хожденія „въ гости?“ Съ другимъ-бы я такъ и не говорила, а вотъ съ вами говорю безъ опасенія. Я угадываю даже, что вы думаете теперь обо мнѣ.

— Позвольте мнѣ думать послѣ; искренно говоря, я теперь только слушаю васъ и люблюсь вами.

— Можетъ быть, но все-таки вы думаете: вотъ праздная женщина! И вы правы. Я сама сознаю всю свою праздность и такое сознаніе тягостно. Жить хочется, а жить не умѣешь, — вотъ вся исторія женщинъ, подобныхъ мнѣ. Силъ и дѣвать некуда, а приложить не къ чему. Но стойте! я знаю, что вы не ныѣшній „учитель словесности“, который женщинамъ „все говорить о трудѣ, объ извѣстности“. Будете болтать лучше. Помните у Гейне: „чѣмъ серьезнѣе предметъ, тѣмъ веселѣе нужно толковать о немъ“.

Пронина, дѣйствительно, оказалась мастерицей той „серьзной болтовни“, на которую мало способны наши женщины, той оживленной болтовни, въ которой безпрестанно сверкаютъ блески оригинальнаго, живого ума, самостоятельной мысли и тонкаго, изящнаго юмора. Она очень много читала, но обращается со всѣмъ прочитаннымъ безъ всякаго педантизма „скорознайки“ и не щеголяетъ своими знаніями. Позабывъ мечтать о семейномъ счастіи, она, видимо, тятотится домашней пустотой и не знаетъ, чѣмъ ее наполнить. Она вѣрно сказала: жить хочется, а жить не умѣешь. Темпераментъ и живучая артистическая жилка до нѣкоторой степени скрашиваютъ пустоту ея мірка; она носитъ веселье въ собственномъ сердцѣ и прячетъ и бережетъ это веселье отъ всѣхъ внѣшнихъ случайностей. Эту мысль я высказалъ ей мимоходомъ.

— Вы думаете такъ? У меня точно натура не кислосладкая, но слезы и улыбка мнѣ одинаково знакомы. Только слезы безо-

бразять, не красивы онѣ, а я не люблю ничего некрасиваго, почему и скрываю ихъ отъ всѣхъ, а улыбки — не прячу. Словомъ, не знаю, какъ у другихъ, но мои слезы горды, какъ любовь, и напоказъ въ живыхъ картинахъ не выставляются.

— А на сценѣ, во время игры? спросилъ я.

— Ахъ, если-бъ вы видѣли, какъ я плачу иногда на сценѣ! Разревусь совсѣмъ! Но это только въ нѣкоторыхъ роляхъ, да и то когда минуты такія находятъ, когда я точно изъ себя играю, а не изъ чужой пьесы. Вотъ поэтому-то я и не могла-бы никогда быть настоящей актрисой: ровности никакой нѣтъ. Однако, послушайте, Павелъ Николаевичъ: вѣдь противъ васъ я оказываюсь большой тиранкой. Вы навѣрно курите?

— Курю, и много, но на этотъ разъ совершенно забылъ объ этомъ. Пеняйте на себя.

— Такъ я прогоняю васъ насильно; ступайте, курите, а я не сойду съ этого мѣста и буду васъ ждать.

Въ дверяхъ крошечнаго, клубнаго буфета, гдѣ дымъ стоялъ облаками, я столкнулся съ Коростовымъ. Какъ всегда, онъ обнялъ, поцѣловалъ меня и оттащивъ къ окошку, воскликнулъ чуть не съ ужасомъ:

— Что ты такое дѣлаешь? Что ты затѣваешь?

— Ничего пока преступнаго.

— Хуже: глупость дѣлаешь, вздумавши ухаживать за Прониной.

Я невольно расхохотался его трагическому тону по поводу такого случая.

— Да я и не думаю за ней ухаживать.

— Такъ она за тобой ухаживаетъ.

— „Умольни, адское творенье!“ я съ ней вижу сегодня только во второй разъ въ жизни.

— Это ничего не значитъ; будешь видѣться съ ней каждый день и, помани мое слово, въ дуракахъ останешься. Нѣтъ, ты не смѣйся, а слушай, Павелъ, — ты не знаешь этой женщины, а я, я, всемирный сплетникъ, какъ ты самъ меня называешь, и знающій всю подноготную, тебѣ не совру. Чортъ знаетъ, что это за барыня! Мужа, нѣтъ сомнѣнія, терпѣть не можетъ, а между тѣмъ всѣмъ своимъ обожателямъ носы постоянно утираетъ, салазки подаетъ имъ. Я ее лѣтъ десять уже знаю и

самъ былъ втюрив шись въ этого сфинкса... Помяни-же мое слово—карачунъ тебѣ будетъ! Скажу словами поэта:

Не одинъ уже юноша млѣлъ
Передъ ней, словно солнцемъ согрѣтый,
Но никто-бы сказать не посмѣлъ:
Вотъ избранникъ прасвицы этой!..

И онъ, по обыкновенію, умчался и исчезъ въ табачномъ облакѣ.

Зинаиду Петровну я засталъ на томъ-же мѣстѣ. Она говорила съ однимъ одутловатымъ господиномъ, у котораго лицо было изобильно украшено бородавками, а осипшій голосъ напоминалъ человѣка, сорвавшагося съ висѣлицы. Онъ что-то издаетъ, что-то строить и во всякомъ случаѣ много пѣть. Съ нахальствомъ офицеровъ прежнихъ временъ онъ упрашивалъ Пронину идти съ нимъ ужинать.

— Я только за ужиномъ и могу говорить съ женщинами, силно картавилъ онъ, прищуривая свои маленькія глазки.

— Значить, мнѣ никогда не придется говорить съ вами.

— Почему такъ?

— Потому что я женщина не въ вашемъ родѣ, т. е. „неужинающая“.

— Ха, ха! Мнѣ это очень нравится. Именно всѣ женщины раздѣляются на „ужинающихъ“ и „неужинающихъ“. Сами-же вы, Зинаида Петровна, принадлежите къ разряду людодѣвъ, потому что пожирате сердца наши.

И, довольный своей остроюй, бородавчатый эпикуреецъ отправился въ столовую.

— Такъ вы вотъ какая! обратился я къ Прониной, передавая ей мнѣніе „всемирнаго сплетника“.

— Бездушная кокетка, хотите вы сказать?

— Нѣтъ, просто неприступная добродѣтель.

— „Сатира и мораль смыслъ этого всего!“ Вѣдь нынче добродѣтель чуть-чуть не ругательное слово! Впрочемъ, оно ко мнѣ относится мало.

Пронина вдругъ замолчала, опустивъ голову; по ея лицу пробѣжало облако.

— Я сегодня не въ припадѣѣ откровенности, наконецъ, улыбнулась она, — да и о самой себѣ я говорю очень рѣдко.

Скажу одно: мнѣніе Коростова обо мнѣ въ сущности справедливо. Я на вѣтеръ чувствъ своихъ никогда не бросала и по мелочамъ ихъ не тратила. Почему? Потому только, можетъ быть, что человѣка подходящаго до сихъ поръ не встрѣчала... Это знаетъ, это, можетъ быть, и къ лучшему!

Она съ нервнымъ движеніемъ встала съ своего мѣста и схватила меня за руку.

— Пойдемте въ залъ, мнѣ теперь хочется слушать музыку.

Музыки, однако, не оказалось; въ залѣ ужинали. Мы вернулись назадъ въ гостиную и Пронина заговорила опять въ прежнемъ, веселомъ, оживленномъ тонѣ. Мы, сами того не замѣчая, заговорились до второго звонка.

— Неужели такъ поздно? удивилась Пронина, натягивая перчатку.

— Я проводилъ ее до наемной кареты.

— До скорой встрѣчи, не правда-ли? тихо и какъ-то особенно ласково проговорила она, прощаясь со мною и крѣпко пожимая мнѣ руку.

Мы увидѣлись, однако, не скоро и притомъ совершенно неожиданно.

Когда я изъ клуба вернулся домой, то былъ очень удивленъ, когда мнѣ дверь отворила сама Ольга. Она никогда не ложится поздно, а было уже три часа ночи.

— Отчего ты не спишь, Ольга? спросилъ я тревожно.

— Легла, да не спалось мнѣ что-то, вотъ мнѣ и вздумалось тебя подождать, Павелъ.

Но Ольга скрывала; ей сильно нездоровилось, лицо какъ-то осунулось, а глаза были тусклы. Я тотчасъ-же хотѣлъ послать за докторомъ, но она рѣшительно воспротивилась этому, объяснила свое нездоровье легкой простудой.

— Усну и все какъ рукой сниметъ. Мнѣ вотъ и теперь легче, когда я тебя увидала. Гдѣ ты былъ такъ долго? неужели все въ клубѣ? передъ уходомъ въ свою комнату, спросила она меня.

Въ первый разъ въ жизни какое-то нехорошее, досадливое чувство на самого себя шевельнулось во мнѣ, когда я только

подумать, что для пустой болтовни заставил проскучать одну и полу-больную мою дорогую Ольгу. Но отъ Ольги у меня нѣтъ тайнъ; утромъ она видѣла записку Прониной и знала, что я долженъ провести съ нею вечеръ. Упрекая Ольгу за то, что она съ утра не сказала мнѣ о своемъ нездоровьѣ, иначе-бы я просидѣлъ цѣлый день съ нею, я откровенно передалъ Ольгѣ впечатлѣніе клубнаго вечера и не скрылъ того, что Пронина мнѣ нравится.

— Смотри, не влюбись, сказала она мнѣ, цѣлуя меня на прощанье.

— Да развѣ ты вѣришь въ возможность этого?

— Нѣтъ, не вѣрю, но она тебя можетъ полюбить, а любовь, говорить, заразительна.

— Ты знаешь, моя дорогая, что я уже привилъ ослу любви и не боюсь никакой заразы.

Личико Ольги просвѣтлѣло и она ушла къ себѣ счастливая и видимо успокоенная. Когда черезъ часъ я заглянулъ къ ней въ комнату, она уже спала и ея тихое, ровное дыханіе едва было слышно.

Но самъ я уснулъ не скоро. Мои утреннія мысли приняли совершенно другой характеръ. Мнѣ стало обидно за Ольгу, которую я хоть ненадолго, да оставляю для другой женщины. Я еще болѣе началъ сердиться уже на самого себя, замѣчая, что эта женщина настолько уже меня занимаетъ, что я невольно о ней думаю. Что она для меня? Развѣ можно такъ скоро разлюбить Ольгу для другой? Развѣ можно, наконецъ, любить двухъ женщинъ въ одно и то-же время? Что за дикія мысли!.. А между тѣмъ, образъ Прониной противъ моей воли стоялъ передъ моими глазами; стараюсь отогнать его, заслонить его другимъ, самымъ драгоценнымъ для меня образомъ, а онъ точно на смѣхъ выплываетъ на темномъ фонѣ моей комнаты, обаятельный, ласкающій, сулящій что-то новое, неизвѣданное... Долго я ворочался на постели... Что за вздоръ! Не влюбленъ-же я, въ самое дѣлѣ, въ Зинаиду Петровну! Намъ просто нѣтъ надобности часто встрѣчаться, и съ мыслью о томъ, что эти встрѣчи ни къ чему не ведутъ, что не нужно ни искать ихъ особенно, ни избѣгать безъ нужды, я, наконецъ, уснулъ. Съ той-же самой рѣшимостью я проснулся утромъ, давши себѣ слово на двѣ недѣли отло-

жить свой визитъ къ Прониной. Нѣтъ, „отойди отъ меня, сатана!“

— Но вѣдь это трусость! какъ-бы въ отвѣтъ на мою мысль звучалъ передо мною ея голосъ. — Вы меня боитесь, боитесь за собственное чувство, бѣжите отъ любви ко мнѣ!..

Никогда!.. Мнѣ просто нечего у васъ дѣлать, сударыня! уже со злостью подумалъ я и бросился къ Ольгѣ. Она уже давно встала и казалась совершенно здоровой. Такъ какъ было воскресенье, день ея отдыха, то я объявилъ ей, что цѣлый этотъ праздникъ я хочу провести съ нею, только съ нею одною. И мы дѣйствительно не разставались весь день, къ большому удовольствію Сократа, который уже давно хмурится, что я мало сталъ работать и рѣдко сижу дома.

— У этихъ художниковъ все крайности, ворчитъ онъ иногда у меня, — или изъ дому палкой ихъ не выгонишь, или рыскаютъ по городу съ утра до ночи, такъ что ихъ и съ полиціей не разыщешь...

Я сдержалъ данное самому себѣ слово и не только двѣ недѣли не былъ у Прониной, но усердно работалъ то въ мастерской, то за кабинетной лампой и кончилъ давно уже начатую статью „О реализмъ въ искусствѣ“. Ровно чрезъ двѣ недѣли, послѣ клубнаго вечера, часа въ два утра, старикъ Прохоръ, который живетъ теперь у меня, пришелъ сказать, что меня спрашиваетъ какая-то дама. Я не успѣлъ подняться съ мѣста, какъ дверь отворилась и, къ моему удивленію, я увидѣлъ передъ собой Зинаиду Петровну.

— Я вамъ сказала уже, начала она своимъ серебристымъ голосомъ, — если гора къ намъ не приближается, то мы подходимъ къ ней сами. Я свожу съ вами визитные счета за больного мужа. Ну, протяните-же руку и встрѣчайте неожиданную гостью.

Первое мое чувство, при видѣ Прониной, было — смущеніе, второе — радость, радость чисто ребяческая: я порадовался въ душѣ, что, не нарушая своего слова, не сдѣлавъ самъ впередъ ни шагу, я все-таки вижу ее. При первомъ взглядѣ на Пронину, въ моей головѣ, какъ молнія, сверкнула блаженная и въ то-же время ужасная мысль, — какъ дорого для меня присутствіе, каждое слово, всякій взглядъ этой женщины. Она начала вротко упрекать меня; въ ея упрекахъ звучали слезы, а глаза какъ-то

расширились и казались больше обыкновеннаго. Безъ всякихъ стереотипныхъ отговорокъ, я по-дѣтски объяснилъ ей, что „виновать и впередъ не буду“. Она оживилась и, какъ подвижная натура, черезъ минуту обратила все дѣло въ шутку. Бѣгло, но внимательно осматривъ мою мастерскую и кое-какія начатныя работы, Зинаида Петровна остановилась передъ портретомъ Ольги, несовсѣмъ еще оконченнымъ въ подробностяхъ, и у нея невольно вырвалось восклицаніе:

— Вѣдь это... ахъ, какъ она хороша!..

Хотя съ Прониной я не говорилъ прежде ни слова о моихъ отношеніяхъ къ Ольгѣ, но по многимъ намекамъ замѣтилъ, что они очень хорошо ей извѣстны.

Въ то время, какъ она безмолвно и съ замѣтнымъ волненіемъ стояла передъ портретомъ, портьера въ мастерской поднялась и передъ нами очутилась Ольга, которая вошла ко мнѣ, думая, что я одинъ. Признаюсь, во мнѣ шевельнулось какое-то новое, непріятное чувство; мнѣ жутко и неловко было видѣть этихъ женщинъ, стоящихъ рядомъ передо мною. Къ этому чувству примѣшалось еще иѣщански-мелкое опасеніе за Ольгу; я боялся, что въ первую минуту она растеряется и покажется неловкой въ глазахъ этой граціозной, видѣвшей свѣтъ женщины... И какъ же я былъ наказанъ за это пошленькое ощущеніе!..

Когда при шорохѣ портьера Пронина обернулась и увидѣла оригиналъ портрета, то быстро подошла къ Ольгѣ, которая, никакъ не ожидая найти у меня Пронину, едва не выронила изъ рукъ чашку кофе, которую несла мнѣ, и вдругъ вся зардѣлась... Она была прелестна въ эту минуту.

Зинаида Петровна дружески протянула ей руку.

— Пользуюсь пріятнымъ случаемъ, Ольга Ивановна, познакомиться съ вами. Сейчасъ я только любовалась вашимъ портретомъ, но теперь, при всемъ моемъ уваженіи къ таланту Павла Николаевича, я отдаю преимущество самому оригиналу. Теперь я недовольна портретомъ.

— Это говорятъ мнѣ всѣ, прямо и совершенно оправившись, отвѣчала Ольга,—а мнѣ такъ, право, кажется, что я сама есть только слабое подражаніе этому портрету.

Я согласился тотчасъ-же съ мнѣніемъ Прониной и привелъ даже при этомъ слова нашего Сократа по поводу скромности

Ольги, что „у солнца есть одинъ недостатокъ: оно не можетъ видѣть самого себя“.

Пронина просидѣла у насъ еще съ полчаса, говоря болѣе съ Ольгой, чѣмъ со мной. Не трудно было замѣтить, что она ее высматривала и была озадачена чарующей простотой и прелестью Ольги и при всей своей находчивости какъ-то оробѣла, стараясь прикрыть эту робость натянутой веселостью.

— Мы будемъ знакомы, не правда-ли? уѣзжая, сказала Пронина Ольгѣ.—Признаюсь, вы меня рѣшительно очаровали, я начинаю васъ бояться.

— Меня? удивилась Ольга.

— Да, васъ: вы для меня опасная соперница. Знаете-ли: вѣдь я начинаю сильно увлекаться Павломъ Николаевичемъ!..

Ольга засмѣялась своимъ весеннимъ, молодымъ смѣхомъ и сказала:

— Что-жъ! Я его тоже люблю, такъ будете любить вмѣстѣ!..

Эта тонкая, хоть и добродушная иронія сразу поставила Ольгу на ту высоту, на которой она должна стоять въ глазахъ Зинаиды Петровны. Когда она уѣхала, я не могъ скрыть своего восторга и расцѣловалъ мою золотую Олю.

— Что это: похвальный листъ за экзаментъ? спросила она, ласкаясь ко мнѣ своими тихими ласками.

— За какой экзаментъ?

— Да за тотъ, который мнѣ сейчасъ дѣлала твоя амазонка!

— Именно такъ, дорогая моя! Ты угадала и видишь, что тебѣ этой амазонки бояться нечего.

— Кто-жъ тебѣ сказалъ, что я ее боюсь? взглянула она на меня съ отважностью смѣлаго ребенка.

И самъ я теперь ничего не боюсь, думалъ я въ ту минуту, чувствуя близъ себя бѣшеніе чистаго, драгоцѣннаго для меня сердца.

Кто это писалъ? Неужели я? Неужели эти мысли, превращенныя въ буквы, только полтора мѣсяца назадъ тому занесены въ мою тетрадку? Мнѣ противно, совѣстно перечитывать ихъ. Въ жизни каждаго изъ насъ случается, можетъ быть; не болѣе двухъ-трехъ случаевъ, гдѣ испытывается и доказывается наша

нравственная сила, а вотъ я при первомъ новомъ столкновеніи съ женщиной убѣдился въ дряблости, въ тряпичности своей натуры. Весь этотъ мѣсяцъ прошелъ у меня въ какомъ-то бреду, въ лихорадкѣ безумства, и только въ рѣдкія минуты отрезвленія я старался оправдать свою безхарактерность посредствомъ разныхъ парадоксовъ, антитезъ и всей той казуистики нашего развитія, въ которой слова только запутываютъ, а не разъясняютъ дѣло. Но долго лгать предъ самимъ собой невозможно; себя не спасешь тѣмъ, что зажмуришь глаза въ виду налетѣвшаго урагана. Многіе изъ насъ похожи на людей, которые, сдѣлавъ поджегъ своего дома, ложатся въ постель, закутывая голову въ подушку, и, въ ожиданіи посторонней помощи, удивляются, что они рискуютъ сгорѣть или задохнуться отъ пожара.

Не такъ-ли поступилъ я самъ, бросаясь очертя голову на встрѣчу набѣжавшей бури, которую я предвидѣлъ и только старался обмануть самого себя, что это не буря, а стаканъ воды. Въ моихъ дѣйствіяхъ даже не было удалства человѣка, рискующаго перебѣжать по вешнему, тонкому, уже трепещущему льду черезъ рѣчку; нѣтъ, напротивъ, втайнѣ мнѣ именно и хотѣлось провалиться подъ этотъ ледъ, хотѣлось поскользнуться на скользкомъ пути увлеченія... Но что-же такое случилось?.. Вотъ тутъ я опять ловлю самого себя. Искренно проклиная свой поступокъ, я въ то-же время съ наслажденіемъ готовъ думать и писать о немъ. Что за отвратительное противорѣчіе! Но я его не скрываю.

Я былъ у Прониной на другое утро послѣ ея неожиданнаго посѣщенія и, — я самъ не знаю, какъ это случилось, — съ этого визита мы видѣлись чуть-ли не каждый день. Для встрѣчъ какъ-то постоянно находились предлоги: то помогаль случай, то мы сами ему помогали. Мы инстинктивно поняли, что присутствіе Ольги стѣсняеть насъ обоихъ, а потому у насъ Зинаида Петровна была всего только два-три раза и то на одну минуту.

— Ольга Ивановна самая опасная соперница для женщины, съ задумчивостью замѣтила она мнѣ однажды, — потому что ее нельзя ненавидѣть, а можно только благоговѣть предъ нею.

Я внутренно поблагодарилъ Пронину за это мнѣніе; если-бъ объ Ольгѣ она отозвалась иначе, я потерялъ-бы въ ней уваженіе. Очень скоро отношенія между нами установились чисто дру-

жескія, искреннія безъ навязчивости, нѣжныя до сдержанности. Мы чувствовали потребность часто встрѣчаться, проводить цѣлыя вечера вмѣстѣ и не скрывали другъ отъ друга этой потребности. Ольга это знала, но только ухмылялась, да добродушно подтрунивала надъ мной и надъ „моей амазонкой“. Только нашъ домашній аргусъ, Ксенофонтъ Антоновичъ, сталъ положительно на меня дуться и смотрѣть сѣрымъ волкомъ. Какъ-то, не очень давно, когда Ольги не было дома, онъ даже сказалъ мнѣ, нахмуривши свои щетинистыя брови:

— Послушайте, землякъ. Знаете вы народное повѣрье, что когда на зимнемъ небѣ появляются два солнца — значитъ, быть бѣдѣ? Вотъ и на нашемъ небѣ два солища появилось; остерегайтесь: быть бѣдѣ!..

— Что вы каркаете, старій воронъ!

Но Ксенофонтъ Антоновичъ уже скрылся, сердито хлопнувъ дверью.

Въ концѣ мясоѣда—забыть-ли мнѣ этотъ день?—именно въ предпоследній день масляницы уже довольно поздно я поѣхалъ къ Прониной. По вечерамъ она постоянно почти дома и одна, потому что мужъ ежедневно пребываетъ въ клубѣ до трехъ-четыре часовъ ночи. Въ гостиной, когда я вошелъ, видѣнь былъ свѣтъ, но совершенно темная зала освѣщалась только однимъ уличнымъ фонаремъ. На темномъ фонѣ залы у рояля я увидѣлъ знакомый мнѣ силуэтъ Прониной. Она была вся въ бѣломъ и, задумавшись, лѣниво перебирала пальцами клавиши. Я вошелъ такъ тихо, что она не слышала моихъ шаговъ; звукъ моего голоса заставилъ ее вздрогнуть, быстро подняться и привѣтливо протянуть мнѣ руки.

— Вы сегодня особенно кстати явились: мнѣ такъ васъ хотѣлось нынче видѣть, что я уже думала послать къ вамъ записку.

При свѣтѣ лампы Зинаида Петровна показалась мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, только глаза ея искрились иногда незнакомымъ мнѣ блескомъ. Впродолженіи вечера выпадали мгновенія, что глаза ея до такой степени блестѣли, что ихъ зрачковъ вовсе не было видно въ общемъ, точно электрическомъ, сіяніи.

— Вы больны? спросилъ я съ участіемъ, садясь рядомъ съ нею на маленькой кушеткѣ.

— Не знаю сама, что со мною. Просто, вѣрно, нервы не въ порядкѣ. У меня каждую минуту являются новыя желанія, но только приходятъ въ голову, тотчасъ-же становятся скучными.

— Счастливая! Значить, у васъ нѣтъ никакихъ желаній, если вы сами ихъ сочиняете!..

— У меня нѣтъ никакихъ желаній? И это вы думаете искренно? Нѣтъ, у меня есть одно, но я его боюсь, боюсь даже думать о немъ.

— Развѣ оно такъ несбыточно?

— И да, и нѣтъ.

— Зачѣмъ вы играете въ прятки? Скажите мнѣ прямо, что васъ такъ волнуетъ: признаніе всегда облегчаетъ душу.

— Вамъ признаться? И вы этого хотите?

Пронина быстро вскочила съ мѣста и встала передо мной, взволнованная, поблѣднѣвшая, прелестная, прижавъ свои обнаженныя до локтя, изящныя руки къ груди, словно стараясь удержать біеніе трепещущаго своего сердца. Она продолжала:

— Хорошо, такъ знайте-же: одно слово жжетъ мои губы, жжетъ мою грудь, и это слово: я люблю васъ!..

Наступило какое-то странное молчаніе. Я сидѣлъ, какъ онѣмѣлый; Пронина стояла передо мной, точно изваяніе, съ тѣми-же скрещенными руками, и я слышалъ, я чувствовалъ, какъ прерывистое дыханіе высоко поднимало ея грудь.

— Да, я люблю васъ и вы должны были замѣтить это сами, наконецъ, какимъ-то полупопотомъ, полуслезами начала говорить она. — Я десять лѣтъ замужемъ; вы знаете всю жизнь мою, вы должны, вы не можете мнѣ не вѣрить, что я люблю только въ первый разъ въ жизни. До сихъ поръ я думала, что никто въ мірѣ не вырвалъ-бы у меня такого признанія, никому въ мірѣ, мнѣ казалось, я не сказала-бы первая о любви своей, но вы почти съ первой встрѣчи перевернули все существо мое и я теперь нахожу какое-то безумное наслажденіе повторять хоть сто разъ передъ вами: я люблю, я люблю, я люблю васъ!.. Молчите, не говорите ничего мнѣ о томъ, что вы не имѣете права раздѣлять любовь мою: у чувства нѣтъ обязанностей. За всю свою любовь я прошу только частицу вашей привязанности. Я

на колѣняхъ готова, какъ милостыни, выпрашивать у васъ этого нищенскаго подаянiя. Я понимаю теперь, что въ любви не можетъ быть гордости. Скажите-же вы мнѣ, можете-ли вы, если не теперь, то когда-нибудь любить меня?

— Не знаю... точно во снѣ, машинально проговорилъ я. — Двухъ женщинъ любить нельзя...

— Нѣтъ, хоть день, хоть часъ, хоть минуту ты будешь любить меня такъ, какъ я тебя люблю!! почти крикнула Пронина, бросаясь на меня, и въ одно мгновенiе ея голыя руки обвили мою шею и ея горячее дыханiе, ея пальцы губы я почувствовалъ на лицѣ своемъ и голова моя закружилась...

Нѣтъ, клянусь, я не виноватъ за эти минуты; я виноватъ только въ томъ, что не хотѣлъ предвидѣть ихъ, не умѣлъ предупредить случившагося. Отступать уже было невозможно и, словно увлеченный бѣшенымъ потокомъ, я отдался всему очарованiю, всему сумасшествiю новаго чувства...

Было уже очень поздно, когда я вышелъ съ подъѣзда на улицу въ состоянiи пьянаго, возвращающагося съ шумной, полуночной оргiи. Голова моя пылала и я съ жадностью глоталъ въ себя воздухъ морозной ночи. Если-бъ въ темнотѣ кто-нибудь могъ видѣть меня и лицо мое, тотъ подумалъ-бы, что видитъ предъ собою человѣка, только-что совершившаго тяжкое преступленiе. Я не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Холодный воздухъ совершенно отрезвилъ меня и я могъ спокойнѣе думать о томъ, что случилось. Но спокойствiе это было ужасно. Я ясно сознавалъ, что разомъ обманывалъ двухъ женщинъ. Этотъ обманъ тѣмъ постыднѣе, что одну изъ нихъ я люблю болѣе жизни, а другую — уважаю. Слѣдовательно, колебанья быть не могло, не могло даже явиться вопроса о томъ, кого я люблю: Ольгу или Зинаиду Петровну? Даже я не смѣю оправдывать себя минутнымъ увлеченiемъ, потому что самъ шелъ къ нему на встрѣчу, почти искалъ его...

Человѣкъ, начинающiй терять уваженiе къ самому себѣ, — что можетъ быть обиднѣе такого состоянiя! Въ себѣ самомъ я открылъ то грязненькое, пошлое тщеславiе, которое до сихъ поръ я презиралъ въ другихъ, — то самое тщеславiе, которое добивается любви женщины, еще никѣмъ неувлекавшейся и пользо-

вавшейся самой незапятнанной репутаціей... Какъ все это гадко и возмутительно!..

Нужно было совершенно покончить съ этой печальной исторіей двойной лжи, и я сжегъ свои корабли въ то-же утро. Ольга, встающая, какъ птичка, вмѣстѣ съ солнцемъ, перепугалась не на шутку, увидя, что постель моя не смята и я еще не раздѣвался.

— Что такое случилось? спросила она съ тревогой.

Прямо, долго не думая и не стараясь вовсе себя оправдывать и щадить, я все рассказалъ Ольгѣ. Она слушала меня спокойно и внимательно и, когда я кончилъ свое покаяніе, лицо ея просмѣлѣло и она съ нѣжностью сестры обняла меня и, перекрестивъ, сказала:

— Слава Богу, мой милый, что все кончилось скорѣе, чѣмъ я думала!..

Хоть мнѣ хорошо извѣстно всепрощающее, многолюбящее сердце Ольги, но все-же я былъ удивленъ ея спокойствіемъ и даже ея словъ не понялъ въ первую минуту.

— Неужели ты думаешь, Павелъ, что я не догадывалась, что это рано или поздно должно было случиться? Я только ждала этого дня. Онъ наступилъ ранѣе даже, чѣмъ я ожидала, вотъ и все. Я тебя ни въ чемъ не виню и прошу тебя никогда не возобновлять этого разговора: я знаю, онъ будетъ тяжелъ для тебя. Мнѣ только очень жаль Пронину: вѣдь она любитъ тебя, бѣдная!

Ольга и не догадывалась, какъ она уничтожала меня своимъ благородствомъ и недослагаемою добротою, не догадывалась, какии жалкимъ я былъ во время нашего объясненія съ нею. Оля, моя прекрасная Оля! какъ ты неизмѣримо выше и честнѣе меня!

„Простите меня, писалъ я въ тотъ-же вечеръ къ Прониной, — и не вините ни въ чемъ себя. Пусть вся тяжесть вины ляжетъ на меня одного, потому что я глубоко виноватъ передъ вами. Что сдѣлано разъ, того не вычеркнешь изъ жизни; отъ насъ зависятъ только дальнѣйшія отношенія. Вы понимаете, что мы не можемъ болѣе встрѣчаться. Кромѣ васъ, я виноватъ еще и передъ другою женщиною, которую слишкомъ люблю для того, чтобы скрывать отъ нея то, что произошло между нами. Прощайте, жму вамъ руку и отъ глубины души желаю вамъ счастья“.

Итакъ, корабли сожжены и точно цѣлая скала отвалилась отъ моего сердца.

Одна бѣда ведетъ за собою другую. Ольга сильно заболѣла.

Нѣсколько дней она перемогалась, но, наконецъ, слегла въ постель совершенно больная. Такъ какъ она скрывала до послѣдней возможности свою болѣзнь, то вчера утромъ, когда она не могла уже подняться съ кровати, я не на шутку перепугался, взглянувъ на нее: она вся горѣла и металась; ея дыханіе было точно огненное.

— Не хорошо мнѣ что-то, Павелъ... Я вся пылаю, мѣста себѣ не найду и жажда у меня нестерпимая.

Нужно было какъ можно скорѣе послать за докторомъ. Я поѣхалъ самъ.

— Сохрани только васъ Богъ, упрасивалъ меня Ксенофонтъ Антоновичъ, — привозить какую-нибудь медицинскую знаменитость: это все шарлатаны по большей части. Возьмите кого-нибудь изъ молодыхъ хорошихъ врачей.

Я съ этимъ былъ согласенъ и, зная по слухамъ одного молодого доктора, пользующагося репутаціей добросовѣстнаго и много работающаго врача, черезъ полчаса отыскалъ его и привезъ съ собою. Онъ долго изслѣдовалъ и разспрашивалъ больную. У меня духъ занялся, когда мы вышли изъ ея спальни и я едва могъ спросить:

— Что такое съ нею? спросилъ я доктора, когда онъ прописывалъ лекарство.

— Сегодня ничего не могу сказать положительнаго; подождите до завтра...

— Но что вы предполагаете?

— Мнѣ кажется, у ней тифъ начинается... Но это одно только предположеніе. Вечеромъ я опять заѣду. Во всякомъ случаѣ не торопитесь тревожиться. При ея крѣпкомъ организмѣ все можетъ окончиться благополучно...

Вечеромъ онъ объявилъ мнѣ, что болѣзнь очень опасна.

— Тифъ?

— Да, теперъ почти несомнѣнно, что тифъ... На сколько воз-

можно, мы поможемъ натурѣ, — болѣе медицина ничего не въ состояніи сдѣлать.

Мы — я и Ксенофонтъ Антоновичъ — большую часть ночи не отходили отъ ея постели и слѣдили за ея дыханіемъ. Она часто впадала въ забытѣе и по временамъ не узнавала насъ. Мнѣ становилось страшно смотрѣть въ ея глаза: они были открыты, но взгляда въ нихъ не было: она нигуда не смотрѣла и ничего не видѣла.

Теперь четыре часа утра. Ольга уснула и точно успокоилась.

До сна-ли мнѣ теперь, когда рѣшается вопросъ ея жизни или смерти! Нѣтъ, она не умретъ, не должна умирать она! Это мнѣ кажется невозможнымъ. Неужели для того только распустилась, разцвѣла такая молодая жизнь, только для того, чтобъ погибнуть, завянуть въ лучшую свою пору? Это жестоко, бессмысленно!..

Жду съ нетерпѣніемъ, съ замираніемъ сердца, что скажетъ докторъ утромъ.

Черезъ три мѣсяца. Да, три мѣсяца прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ ее нѣтъ уже на свѣтѣ, моей бѣдной Ольги. Къ этой потерѣ я не могу привыкнуть, да едва-ли и привыкну когда-нибудь. Развѣ такія женщины, какъ она, могутъ умирать безслѣдно? Съ собой въ могилу она унесла не одну только любовь свою, но мои силы, мои надежды, мою вѣру въ свое будущее. Отъ этихъ прекрасныхъ цвѣтовъ не осталось ни одного стебля, ни одного даже сухого листика... Только сама Ольга, ея молодой, неумирающій образъ остался со мною и я вездѣ во всемъ кругомъ чувствую ея невидимое присутствіе. Подчасъ мнѣ даже думается, что она не умирала вовсе, но куда-то далеко-далеко уѣхала и что я съ минуты на минуту жду ея возвращенія. Вотъ, вотъ, кажется, отворится дверь и Ольга явится передо мною все та же юная, живая, лучистая красотой и счастіемъ... Тотъ только пойметъ подобное состояніе духа, кто имѣлъ несчастіе такъ рано хоронить людей дорогихъ и любимыхъ. Живая душа надолго оставляетъ послѣ себя живой слѣдъ и народъ, этотъ великій поэтъ, не даромъ-же думаетъ, что душа умершихъ людей улетаетъ прямо въ голубое необъятное небо.

Нѣтъ, я не хочу думать о той Ольгѣ, которая лежитъ теперь въ землѣ, обезображенная смертью и всѣми ея отвратительными послѣдствіями, а думаю, мысленно живу съ ея живымъ образомъ, слышу звукъ ея голоса, ея веселый смѣхъ и тихія, ровныя рѣчи.

Мы схоронили ее въ свѣтлое, солнечное утро и только вдвоемъ съ Сократомъ проводили ее до могилы. На кладбищѣ, когда гробъ уже опустили въ могилу и я склонился надъ нею въ какомъ-то одуреніи, захлебываясь слезами, къ могилѣ подошли двѣ дамы въ глубокомъ траурѣ—это были мачиха и Лидія. Присутствіе ихъ на могилѣ Ольги меня глубоко тронуло и, когда вся церемонія была кончена, я горячо поцѣловавъ руку мачихи и въ первый разъ по-братски, искренно обнявъ Лидію. Она плакала и эти слезы меня окончательно съ нею помирили.

Ксенофонтъ Антоновичъ тоже рыдалъ, какъ отецъ, потерявшій своего любимаго ребенка. Этотъ добрый старикъ до старости сохранилъ свое юношеское сердце и теперь, послѣ смерти Ольги, я еще больше къ нему привязался: онъ и благословилъ мою любовь, онъ и схоронилъ ее въ могилу.

Не знаю долго-ли это продолжится, но я чувствую такой упадокъ нравственной силы, такую неспособность, что до сихъ поръ со смерти Ольги не могу приняться ни за какую работу. Всякій трудъ мнѣ сдѣлался противенъ и что со мною будетъ дальше—не понимаю. Неужели стоитъ жить, какъ живетъ Ксенофонтъ Антоновичъ, только „для изысканія средствъ для дальнѣйшаго существованія?“ У меня даже нѣтъ и такого развлеченія, потому что я лѣтъ пять еще могу прожить безъ всякой нужды, не ударивъ палецъ о палецъ. Лѣтъ пять!.. Мнѣ даже смѣшно теперь думать о такомъ долгодѣтіи...

Обмануться въ комъ-нибудь—тяжело; обмануться въ самомъ себѣ ужасно: такая рана незалечима. Подобное разочарованіе незнакомо только или гению, или жалкому ничтожеству,

Всегда довольному собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

Я обманулъ въ себѣ, какъ въ человѣкѣ, и, въ заключеніе,

разочаровался какъ въ художникѣ. Свою смѣлость, при нѣкоторой вдумчивости и усидчивости, я одно время признавалъ за оригинальное дарованіе; нѣкоторый успѣхъ еще болѣе подогрѣвалъ эту ложную увѣренность и вотъ только теперь я пришелъ къ горькому выводу, что я даже не художникъ, а ремесленникъ въ искусствѣ, способный писать однѣ только вывѣски, а не картины съ глубокимъ общественнымъ содержаніемъ. Да что вывѣски!.. Талантливый художникъ изъ вывѣски сдѣлаетъ картину; бездарность каждую картину обращаетъ въ вывѣску. Многимъ-ли изъ насъ, въ самомъ дѣлѣ, суждено сказать „новое слово“ въ искусствѣ или литературѣ! Цѣльный законченный талантъ вырабатываетъ только культура, а художникъ—роскошь культуры. Откуда-же у насъ являться такой роскоши? Намъ-ли послѣ того удивляться, что даже въ крупныхъ русскихъ дарованіяхъ всегда было что-то недодѣланное, сумеречное, намъ-ли удивляться, что они почти всегда кончали преждевременнымъ паденіемъ, пустоцвѣтомъ или болѣзненнымъ нравственнымъ уродствомъ.

Впрочемъ не первый я и не послѣдній въ средѣ людей, въ юности „подававшихъ надежды“, мечтавшихъ быть свѣтилами своего края и кончавшихъ карьерой надворнаго совѣтника, сятаго бюрократа или вѣчно голоднаго, газетнаго отиѣтчика! Разница между мною и ими только та, что я не могу дойти до ихъ успокоенія и задохнусь тамъ, гдѣ имъ легко дышется.

Я на куски изрѣзалъ полотно моей картины „Общественное мнѣніе“ и, вѣроятно, и на выставкѣ и нигдѣ не появится никогда никакой моей картины. Изъ-за нѣсколькихъ похвалъ, да изъ-за диплома академика совѣстно гаерничать передъ публикой... Сознаніе, что ты „не нуженъ“, при самой маленькой добросовѣстности опускаетъ руки и повергаетъ въ бездѣйствіе, въ равнодушіе ко всему, а равнодушіе къ жизни не та же-ли могла?..

Я право не знаю даже, зачѣмъ я живу до этихъ поръ на свѣтѣ.

Меня теперь можно сравнить съ человѣкомъ, который выписался за городъ, отиѣтился: „выѣхалъ въ Ростовъ“, но замѣшался еще нѣсколько дней въ столицѣ.

А „выѣхать въ Ростовъ“ все-таки придется.

Чего-же я жду? Мнѣ невольно припомнился теперь жирондистъ Мерсье, который, стоя уже одной ногой въ гробу, говорилъ при паденіи первой имперіи: „Я живу еще только для того, чтобы посмотреть, чѣмъ все это кончится“. Только у меня идетъ дѣло не о паденіи первой имперіи, а о собственномъ паденіи. У меня теперь явилось какое-то сладострастное наслажденіе дразнить самого себя за свое безсиліе и прежніе непосильные замыслы, обрывать всѣ нити надеждъ, гордыхъ помысловъ и смѣяться надъ собой какъ надъ жалкимъ постороннимъ мнѣ человѣкомъ.

Сократа бѣситъ моя бездѣятельность и полиѣйшее презрѣніе къ своимъ силамъ. Онъ увѣряетъ, что я болѣю и что мнѣ надобно лечиться, какъ будто-бы отъ всякой болѣзни есть лекарство; онъ читаетъ мнѣ душеспасительную мораль, не догадываясь, какъ нелѣпо человѣку, знающему день и часъ своей смерти, совѣтывать учиться и вести себя добронравно.

Я замѣтилъ, что Ксенофонтъ Антоновичъ сталъ слѣдить за каждымъ моимъ шагомъ и движеніемъ и почти не оставляетъ меня одного.

— Успокойтесь, говорилъ я ему на-дняхъ, — часть мой еще не пробилъ, а отъ роли спасителя моей жизни лучше откажитесь. Жизнь, однажды разбитую, нельзя склеить, какъ разбитую чашку. Берите примѣръ съ камчадаловъ. У нихъ есть философскій обычай: кто спасаетъ утопленника, тотъ будетъ потопленъ самъ...

— Трусость жизни постыдна для каждого развитого человѣка.

— Если такъ, то всѣ мы трусы: вы боитесь смерти, а я боюсь жизни. Не все-ли равно?.. По моему мнѣнію, самое умное животное послѣ человѣка—скорпионъ: когда ему приходится плохо, онъ самъ себя убиваетъ.

Бѣдный старикъ хмурится и прячетъ отъ меня подалеже бритвы.

Я не сказалъ, что онъ на этихъ дняхъ совершенно перебрался ко мнѣ и слѣдить за мной, какъ старая нянька за сорвиголовымъ ребенкомъ. Когда я въ послѣдній разъ былъ въ заоблачной каморкѣ Сократа, рядомъ съ которой жилъ нѣкогда, я грустно заглянулъ въ ея единственное окошко...

— Въ это окно, подумалось мнѣ, — я смотрѣлъ когда-то на свое будущее; теперь-же впереди меня мракъ, — а назади пустота.

Я давно уже нигдѣ не показываюсь, но знаю, что сдѣлался предметомъ разныхъ городскихъ толковъ. Всѣмъ стала извѣстна судьба моей изрѣзанной картины, о которой прокричали наши газеты, кажется, еще до ея зачатія. Это возбудило всякія соображенія, ходилъ даже слухъ, что я сильно пью и даже истребилъ свою картину въ припадкѣ delirium tremens. Въ этихъ толкахъ, пожалуй, есть смыслъ. Ожиданіе самоубійства не та-же ли сухая бѣлая горячка?

Когда я умру, то люди, знавшіе отчасти исторію моей жизни съ Ольгой, вѣроятно, будутъ говорить, что причина моей смерти любовь—и потеря любимой женщины. Но они ошибутся: несчастная любовь моя была только послѣдней каплей переполненной чаши... Нѣтъ, одна любовь, даже самая неудавшаяся, не убиваетъ.

Недавно, точно нарочно, мнѣ попалась въ руки глупая книга, написанная очень умнымъ человѣкомъ. Я говорю о „Вертерѣ“. Я читалъ его лѣтъ пятнадцать тому назадъ и теперь перечелъ вновь... Помимо высоко-художественной формы, эту книгу просто смѣшно читать въ наше время. Она могла выдти только изъ головы нѣмца, и только одни нѣмцы могли ею восхищаться и даже стрѣляться изъ подражанія Вертеру. Въ самомъ дѣлѣ, какая была причина его самоубійства? Да только та, что излюбленная имъ нѣмочка вышла замужъ за другого, да еще та, что въ одномъ аристократическомъ домѣ на Вертера посмотрѣли съ презрѣніемъ, какъ на выскочку-плебея. Стоило-же изъ-за этого стрѣляться? Одну только хорошую мысль я нашелъ во всей книгѣ и эта мысль, можетъ быть эпиграфомъ моихъ посмертныхъ записокъ; „Не нашла натура выхода, говорить Гёте, изъ лабиринта противорѣчій и спутанныхъ силъ—ну, и умирай человѣкъ!“

Если-бъ кто-нибудь могъ теперь заглянуть въ мою голову и прочитать въ ней мое неотразимое рѣшеніе, то непременно-бы подумалъ: чего-жъ ты медлишь? Зачѣмъ разглагольствуешь въ такія минуты? Можетъ быть, это и странно, но мнѣ извѣстенъ случай еще страннѣе. Я зналъ одного самоубійцу, который за день до своей смерти цѣлое утро ворчалъ на кухарку за лишній четвертакъ, издержанный ею для обѣда. Къ тому-же я еще живъ и пользуюсь всѣми правами живущаго. Мнѣ торопиться некуда. Я точно сижу въ театрѣ и жду конца длинной пьесы;

я знаю ея скучный финалъ, но все-таки сижу въ партерѣ изъ любопытства. Потомъ спустится занавѣсъ и... курокъ...

Если найдутся такіе люди, которые, прочтя мои записки, будутъ еще говорить, — отчего онъ застрѣлился? то я отошлю ихъ къ „Полицейскимъ Вѣдомостямъ“; въ нихъ, вѣрно, будетъ заявлено, что причина моей смерти — меланхолія... Да будетъ такъ! Я впередъ этого не оспариваю...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербур. Город. Полиціи“ отъ 4-го августа 18** года было заявлено: „Вчера въ два часа ночи въ собственной квартирѣ застрѣлился свободный художникъ Павелъ Варагинъ. Причина смерти неизвѣстна. По показанію людей, его близко знавшихъ, онъ въ послѣднее время сильно страдалъ меланхоліей.“

Д. Свіязскій.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

этнографический этюдъ.

V.

Изъ предыдущей главы читатель могъ видѣть, какъ тяжела судьба славянской женщины въ ея семьѣ, какъ матери, какъ жены и какъ невѣсты. И такъ прошли для нея цѣлые вѣка, и никто не подумалъ ни однимъ словомъ заявить протестъ противъ ея рабскаго положенія подъ тяжестью непосильной работы, подъ давленіемъ семьи — рода, подъ кулакомъ деспота-мужа.

„Безпрекословно покорна и послушна своему мужу“ — вотъ аттестатъ, который можно выдать каждой изъ славянскихъ женщинъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣденія; а свѣденія, хоть короткія, но довольно выразительныя, есть почти о всѣхъ славянахъ, начиная съ Черногоріи, Далмаціи, т. е. съ береговъ Адриатическаго моря, до Сибири включительно, значить, до береговъ Охотскаго моря. „Жена не смѣетъ плавать по верху, она должна тонуть“, говоритъ хорватъ. „Мужъ — глава жены и жена не можетъ имѣть своей воли, а должна исполнять волю мужа“, думаетъ болгаринъ. „Худо мужу тому, у котораго жена большая въ дому“, изрекаетъ великороссъ и т. д. Женщина, затупленная рабствомъ и тяжкимъ трудомъ, своимъ собственнымъ признаніемъ даетъ санкцію этимъ ненормальнымъ отношеніямъ. Нѣкто Рореръ (слова котораго приводятся въ книгѣ проф. Богишиса) говорить, что одна русинская женщина, которая пришла къ нему жаловаться на то, что мужъ брата прибилъ ее, говорила по этому поводу: „Я знаю, что такое право, какъ и нашъ судья. Мой мужъ можетъ меня бить и долженъ, если я ему не противна и если онъ имѣетъ что-либо противъ меня. Но отъ его

брата я никакъ не могу этого сносить: не онъ мой господинъ". Въ этихъ словахъ вылилось все profession de foi славянской женщины. Они показываютъ, какъ вѣлись въ ея плоть и кровь понятія о своей зависимости и подчиненности мужчинѣ, лишь-бы только она находилась къ нему въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Побой для нея не злоупотребленіе власти, а совершенно законное и естественное ея проявленіе, до такой степени естественное, что отсутствіе этого проявленія считается явленіемъ ненормальнымъ, нарушающимъ гармонію супружескихъ отношеній, и ближайшее объясненіе этого ненормального явленія жена находитъ въ охлажденіи къ ней мужа. Вышеприведенныя слова русинской женщины служатъ лучшимъ подтвержденіемъ факта, о которомъ свидѣтельствовали иностранцы, писавшіе о старинной Россіи, — факта, который подвергался сомнѣнію со стороны русскихъ писателей вслѣдствіе его кажущагося противорѣчія съ простымъ здравымъ смысломъ, именно, что русскія женщины считаютъ побои мужа доказательствомъ его любви. Но какимъ образомъ побои могли получить такое странное значеніе? Та-же русинка объяснила Рореру, что побои свидѣлствуютъ о силѣ мужчины и его достоинствѣ: если онъ казнить, то, значить, можетъ и миловать, можетъ защитить жену отъ обидъ. Въ этихъ словахъ можно найти объясненіе первоначальныхъ причинъ, которыя создали настоящее положеніе женщины; причины эти: физическая слабость женщины и вытекающая изъ слабости потребность въ защитѣ со стороны болѣе сильнаго физически. И мужья сознаютъ эту свою обязанность по отношенію къ женамъ. Хотя далматинскій морлакъ считаетъ себя несравненно выше жены и обходится съ нею деспотически, но никто посторонній не посмѣетъ ее обидѣть, кому мила жизнь.

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи существуетъ пословица, которая какъ-будто намекаетъ на одно исключеніе изъ общаго закона, опредѣляющаго отношенія славянской женщины къ мужчинѣ. „Не въ Польшѣ жена, не больше меня“ или „У насъ — не въ Польшѣ: мужъ жены больше“, говоритъ задурившій крестьянинъ, если ему кажется, что жена имѣетъ кое-какія претензіи на значеніе и власть въ семьѣ. Значить-ли это, что польскій крестьянинъ иначе относится къ своей женѣ, чѣмъ русскій? Кажется, нѣтъ. Скорѣе эта пословица указываетъ на непріязненные отношенія русскаго крестьянина къ поляку, воспитанныя нашей политической исторіей. Въ

тѣхъ мѣстахъ Польши, о которыхъ есть свѣденія, напр., въ Подляхѣхъ, мужъ обращается съ женой такъ-же, какъ и вездѣ, такъ-же неограниченна его власть, такъ-же бьетъ онъ жену за всякую бездѣлицу, а она съ безропотнымъ терпѣніемъ переноситъ свою горькую долю; „мой панъ“, обращается жена къ мужу въ польскихъ народныхъ пѣсняхъ. Замѣчательно, что въ Сербіи, гдѣ даже слуга называетъ хозяина только по имени, какъ всякій младшій старшаго, жена обращается къ мужу въ народныхъ пѣсняхъ всегда со словомъ „господинь“. И русская женщина поетъ:

А милому ладѣ
Я сама головою,
Въковъчною слугою.

Вотъ какія отношенія устанавливаются между мужемъ и женой въ Сербіи. „Поужинавъ, женатыя родичи обращаются къ своимъ женамъ съ такою повелительною рѣчью: „обувь снимай!“.. Положение сельской женщины самое тяжелое, потому что въ грубомъ крестьянскомъ быту мужъ относится къ своей женѣ какъ къ рабочей лошади, и кромѣ удовлетворенія своихъ животныхъ потребностей ничего другого въ ней не ищетъ и не чувствуетъ. Мужья бьютъ женъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Нерѣдко, въ присутствіи всѣхъ родичей, изъ-за какого-нибудь вздора мужъ кидаетъ въ жену табуреткой, а то и дубиной изъ огня.

Въ такомъ-то положеніи находится женщина. И никакой протестъ съ ея стороны, никакое облегченіе ея участи невозможно, пока держится родовое устройство семьи. Жену давитъ мужъ, но ихъ обоихъ давитъ родъ, семья. Если-бы женщина и довела мужа, какими-либо средствами, до признанія необходимости облегчить ея положеніе, то ей все-таки не было-бы легче. Семья заставитъ мужа требовать отъ жены исполненія того, что считается ея обязанностью. Не станеть онъ съ достаточной строгостью направлять жену на путь истины и добродѣтели—станутъ направлять его самого. Варварскій принципъ отвѣтственности одного лица за другое въ полной силѣ примѣняется въ семьѣ, держащейся на родовыхъ началахъ. Вотъ характерный рассказъ объ одномъ случаѣ, бывшемъ въ селѣ вологодской губерніи. Одна женщина осталась вдовою съ малолѣтними сыновьями. Такъ какъ ей одной трудно было поднимать дѣтей, она и пригласила отставного солдата, родственника ея покойнаго мужа, жить у нея въ

домъ и помогать ей. Вотъ подросли дѣти, и она женила старшаго сына. Все было ладно сначала. Только невѣстка разъ начала стирать бѣлье; все бѣлье выстирала, а бѣлье солдата отбросила, говоря, что не хочетъ стирать на дружка свекрови. Узнала объ этомъ мать, но ничего не сказала ей, а позвала старшаго сына, мужа невѣстки, и говоритъ: „Григорій, сходи-ка въ лѣсъ, нарѣби розогъ“. — Зачѣмъ? — „Не твое дѣло, поди“. Сынъ отправился и принесъ розогъ. „Ложись на полъ“, приказываетъ мать. Зачѣмъ? — „Ложись, послѣ скажу“. Легъ сынъ, а она начала его сѣчь, приговаривая: „Учи жену, не давай ей воли, не давай ей говорить, что она не хочетъ стирать на свекровина дружка; мать ваша честная, а это не ея дружокъ, а вашъ благодѣтель, растилъ васъ.“ Выстегала старшаго, зоветъ второго: „Ложись и ты“! Да меня-то за что? вѣдь у меня нѣтъ жены... — „Ложись“! Выстегала и второго, приговаривая: „Не бери такой жены, которая станетъ меня дружками попрекать“ и т. д. Такъ и высѣкли обоихъ. Тогда старшій сынъ и говоритъ женѣ: „Ахъ ты, такая-сякая, все вотъ тутъ изъ-за тебя: тебя нужно сѣчь! Ложись“. И высѣкли ее вмѣстѣ съ братомъ. Такъ-то и направили жену на путь должнаго уваженія къ старшимъ.

Подобныя явленія повторяются постоянно въ нашихъ большихъ семьяхъ. Лишь только невѣстка, особенно молодая, не привышая еще къ новымъ семейнымъ порядкамъ, какъ-нибудь не угодить семьѣ или скажетъ лишнее слово, которое покажется недостаточно полнымъ уваженія къ старшимъ, или даже просто имѣетъ невеселый, недовольный видъ, какъ семья, въ лицѣ старшаго, обыкновенно свекра, заставляетъ мужа учить жену. Невѣстки напоминаютъ, что за нее деньги плачены, что она куплена для того, чтобы работать и безпрекословно исполнять малѣйшія приказанія старшихъ; затѣмъ привязываютъ ее къ чему-нибудь иногда за косы, и мужъ истязуетъ несчастную, чтобы урокъ покрѣпче запалъ въ ея памяти.

При такихъ порядкахъ, возможна-ли для женщины хоть какая-нибудь тѣнь борьбы?

Безропотно и тупо сносятъ славянская женщина свое иго, не протестуя противъ него даже порокомъ и преступленіемъ. Только тамъ, гдѣ родовая семья уже колеблется, гдѣ начинается развиваться личное начало, и между прочимъ въ великорусской боль-

шой семьѣ, является этотъ видъ протеста. Тамъ-же, гдѣ въ правахъ и понятіяхъ народа крѣпки еще родовые принципы, гдѣ личность не пробудилась для самосознанія, для заявленія о своихъ требованіяхъ, тамъ женщины славятся своими добродѣтелями, въ особенности цѣломудріемъ. И не только женщины, даже мужчины блестятъ чистотою нравовъ, хотя, разумѣется, грѣхъ или проступокъ болѣе сильнаго и въ этихъ зародышевыхъ обществахъ значить менѣе и менѣе осуждается, чѣмъ проступокъ слабаго. Но все-таки тамъ еще не дошли до того, чтобы считать легкой шалостью для мужчины то, что считается непростительнымъ грѣхомъ для женщины. Если согрѣшившая жена босняка должна умереть въ ужасныхъ мученіяхъ, то и согрѣшившій мужъ вѣшается или убивается на мѣстѣ: разница въ оцѣнкѣ преступленія того и другого, какъ видите, есть, но все-же не такая большая, какая допускается въ цивилизованныхъ обществахъ. Соблазнить какой-нибудь сербъ или болгарякъ молодую дѣвушку, общество, окружающее его, не пожуритъ его легонько, какъ милаго шалуна добрая мамаша, въ сущности очень довольная проказой своего сына, развлекающаго ея непроходимую скуку; нѣтъ, оно отнесется къ дѣлу серьезно и заклеитъ позоромъ провинившагося, если онъ не поспѣшитъ женитьбой загладить свой проступокъ. Вообще, въ этихъ первобытныхъ обществахъ, несмотря на печальное положеніе женщины, взглядъ на извѣстныя отношенія между полами естественнѣе, проще и справедливѣе, чѣмъ въ обществахъ, *будто-бы* цивилизованныхъ. Если признается необходимымъ соблюдать, напр., супружескую вѣрность, то это обязательно для обоихъ половъ, и если мужчина дѣлаетъ себѣ иногда поблажку, то никогда такъ беззавѣтно и нагло, какъ то мы видимъ часто передъ нашими глазами.

Если-бы народъ изучался тщательнѣе и всестороннѣе, то, можетъ быть, мы нашли-бы въ нравахъ и обычаяхъ славянъ другихъ мѣстностей объясненіе этихъ явленій, которыя кажутся намъ такими одиночными и аномальными. Мы, напр., знаемъ, что въ меземскомъ и шенкурскомъ уѣздахъ, архангельской губ., мужчины не пренебрегаютъ дѣвушками, которыя имѣли дѣтей; говорятъ даже, что такія дѣвушки предпочитаются, но мы не беремся утверждать это за положительное. Между пословицами Даля есть одна, свидѣтельствующая объ индеферентномъ отношеніи мужа къ

постороннимъ связямъ жены: „Въ остаткахъ вольна, была-бы мнѣ полна“. Но этихъ фактовъ, очевидно, слишкомъ мало, чтобы сдѣлать изъ нихъ какой-либо выводъ.

У юго-западныхъ славянъ разводъ очень легокъ, несмотря на то, что почти всѣ юго-западные славяне, за исключеніемъ босняковъ, такіе-же православные христіане, какъ и мы. Препятствія къ разводу являются тамъ не со стороны церкви или закона, а со стороны того рода, который терпѣль-бы отъ развода и который потому естественно стремится оградить интересы свои кровною мезью, такъ-что если мужъ безъ уважительной причины прогонялъ жену или жена уходила помимо воли мужа въ свой родъ, это вызывало жестокую вендетту, которая оканчивалась иногда полнымъ истребленіемъ одной изъ семей. Теперь-же дѣла улаживаются болѣе мирнымъ образомъ. Захочетъ мужъ развестись съ женой, долженъ заплатить за безчестіе въ ея родъ 50 талеровъ; захочетъ жена, отецъ ея долженъ заплатить столько-же въ родъ мужа. За женой признается право на разводъ, какъ и за мужемъ; эта равноправность зависитъ оттого, что тутъ дѣло касается не одной жены, но ея рода, въ который она должна возвратиться послѣ развода. Но на дѣлѣ выходитъ, что только одинъ мужъ можетъ пользоваться своимъ правомъ; вѣдь для того, чтобы жена могла поддержать свои требованія развода, необходимо согласіе родной задруги, которой не всегда пріятно возвращеніе этого ея члена, разъ сбитаго съ рукъ. Потому-то, вѣроятно, одинъ французскій писатель, писавшій о черногорцахъ, говоритъ, что у нихъ жена не можетъ искать развода. Мужъ не всегда даже и платитъ за безчестіе въ родъ жены: если онъ уличитъ жену въ прелюбодѣянніи, то можетъ прогнать и такъ. Разводъ дѣлается очень просто: мужъ, въ присутствіи священника или передъ судьей, а иногда и самъ собою, разрываетъ пополамъ какую-нибудь принадлежность жениной одежды, напр., платокъ, поясъ, и разводный актъ совершенъ. Мужъ можетъ снова жениться, а жена выйдти замужъ. Потребность въ легкомъ разводѣ такъ укоренилась въ нравахъ, что вся сила духовной власти, которая въ Черногоріи до послѣдняго времени была соединена съ свѣтской, не могла положить какихъ-либо ограниченій свободѣ развода. Отпущенная мужемъ черногорка не только не пренебрегается, но еще скорѣе дѣвушки находитъ себѣ новаго мужа.

Также въ Сербіи, Болгаріи и др. мѣстахъ духовенство не препятствуетъ разводу, особенно если его желаютъ обѣ стороны. Мужъ и жена выбираютъ каждый изъ своего рода по нѣсколько человѣкъ, которые уговариваются на счетъ вознагражденія. Иногда супруги и сами устраиваютъ между собою сдѣлку. Обрядовныя формальности развода вездѣ сходны между собою, состоятъ въ перерѣзываніи чего-либо у одежды. Уходя, жена уноситъ то, что получила изъ своей задруги въ приданое; все-же, что было получено отъ мужа или отъ его задруги, должна оставить. Если есть дѣти, то мальчики остаются отцу, дѣвочки—матери.

VI.

Руководящіе принципы супружескихъ отношеній, выработанные народной мудростью, не вездѣ примѣняются и проводятся съ одинаковой послѣдовательностью. Чѣмъ болѣе извѣстный слой населенія или извѣстная мѣстность пользуется благосостояніемъ, съ которымъ въ массѣ обыкновенно соединяется и соответственно большая степень развитія, тѣмъ болѣе отстываетъ практика отъ послѣдовательнаго проведенія этихъ принциповъ, строго признаваемыхъ въ теоріи. Наоборотъ, чѣмъ бѣднѣе и невѣжественнѣе масса, тѣмъ послѣдовательнѣе проводится грубая практика супружескихъ отношеній, проводится до того строго, что, наконецъ, низводитъ жену на степень животнаго, которое работаетъ, что есть силъ, и за все получаетъ только постоянные жестокіе побои отъ своего господина. Это соответствіе супружескихъ отношеній съ степенью развитія и благосостоянія народа можно прослѣдить, даже не выходя за предѣлы одной губерніи, напр., архангельской. Одинъ уѣздъ находится въ лучшемъ экономическомъ положеніи, — почва плодороднѣе, хлѣбъ померзаетъ рѣже, отхожіе промыслы даютъ жителямъ значительныя заработки, — народъ лучше живетъ, лучше одѣтъ, относительно гораздо болѣе развитъ, тамъ и положеніе женщины въ семьѣ сносное. Рядомъ другой уѣздъ, гдѣ почва хуже, хлѣбъ чаще померзаетъ, нѣтъ достаточно обезпечивающихъ постороннихъ промысловъ, народъ бѣденъ и невѣжественъ, — здѣсь женщина отягощена непосильными работами и крайне унижена. Разница замѣтна

даже въ близъ-лежащихъ мѣстностяхъ одного уѣзда. Возьмемъ деревню, которая находится недалеко отъ уѣзднаго города, на почтовомъ трактѣ,— деревню, гдѣ издавна помѣщаются почтовая и обывательская станція, арестантская, квартира становаго: отъ постоянныхъ сношеній съ проѣзжими и прохожими жители этой деревни гораздо бойчѣе и развитѣе другихъ окрестныхъ крестьянъ, а содержаніе почтовой и обывательской, также извозъ, даютъ имъ значительные заработки — и тамъ во всей деревнѣ мужья почти не бьютъ женъ и женщины выглядятъ довольно самостоятельно. Другая деревня въ томъ-же уѣздѣ, лежащая въ сторонѣ, и мы видимъ, что тамъ возможенъ фактъ въ родѣ того, что мужъ съчетъ въ присутствіи гостей, въ числѣ которыхъ находятся и сельскія власти, свою жену за-то, что она недостаточно скоро или недостаточно вѣжливо подала угощеніе пьяной компаніи,— и это никого не возмущаетъ. И такая разница совершенно понятна: чѣмъ человекъ бѣднѣе, болѣе стѣсненъ окружающими неблагоприятными условіями, тѣмъ, естественно, онъ недовольнѣе, раздражительнѣе; развитой человекъ въ такихъ обстоятельствахъ постарается замкнуть въ себѣ свое недовольство, но невѣжественный всегда будетъ переносить его на окружающее, на другихъ „срывать сердце“. Ближайшій-же предметъ, на которомъ всего удобнѣе сорвать сердце, это жена: лишній кусокъ хлѣба, лишняя копейка,— все можетъ обратиться въ причину недовольства, проявляющагося побоями. Въ такихъ положеніяхъ всего удобнѣе примѣняется теорія супружескихъ отношеній, которая создана родовыми принципами подъ вліяніемъ тѣхъ-же двухъ условій: невѣжества и бѣдности. Крестьяне сами сознаютъ отношеніе между бѣдностью и тяжелымъ положеніемъ женщины въ семьѣ. Одна крестьянка, которой мы предложили вопросъ на счетъ того, какъ обращаются мужья съ женами въ данной мѣстности, такъ отвѣчала: „Извѣстно, въ богатствѣ — и женѣ хорошо, и мужъ для нея лучше, потому не-изъ-за чего имъ ссориться; а какъ доведется нужду дѣлить, — тутъ ужъ не жди добра“. И до какихъ-же безобразныхъ послѣдствій доводитъ этотъ дѣлежъ нужды! Измѣненіе къ лучшему матеріальныхъ условій жизни нашего крестьянства, вѣроятно, въ скоромъ времени измѣнило-бы къ лучшему и отношенія мужа къ женѣ. Станетъ меньше нужды, меньше поводовъ къ недовольству и раздраженію,— рѣже будетъ терпѣть побои жена; существующій фактъ

болѣ мягкихъ отношеній мало-по-малу обратится въ обычай, на основаніи котораго женщина, привыкшая уже къ инымъ формамъ своихъ супружескихъ отношеній, станетъ и отстаивать свои права; варварскія теоріи, рѣже и рѣже примѣняясь на практикѣ, наконецъ, забудутся и новая практика вызоветъ новыя, болѣе гуманныя, теоріи.

Положеніе крестьянской женщины въ родовой семьѣ крайне тяжело. Но мы видѣли, что тѣ-же родовыя начала, въ основаніи этой семьи, господствуютъ даже и тамъ, гдѣ уже вовсе нѣтъ патриархальныхъ формъ, о которыхъ было говорено раньше. Выигрываетъ-ли, значитъ, что-нибудь крестьянка отъ перемѣны формъ, отъ замѣны большей семьи малою? Можетъ быть, эта перемѣна также мало значить для нея, какъ и замѣненіе чисто патриархальной задруги большою великорусскою семьею съ экономическимъ характеромъ?

Женщина много боролась и борется до-сихъ поръ, чтобъ разрушить родовую семью. Покуда эта форма крѣпко держится, женщина пассивно покоряется своей горькой долѣ; но лишь только почувствуетъ она возможность жизни, основанной на иныхъ началахъ, какъ въ ней тотчасъ-же пробуждается и сознаніе всей тягости ея настоящаго положенія и горячее стремленіе къ его измѣненію. Родовые принципы, уже пошатнувшіеся, находятъ въ ней противницу, озлобленную вѣковой тяжестью, которая лежала на ней такимъ невыносимымъ гнетомъ. Всѣ свои орудія обращаетъ она на борьбу съ этими принципами. Орудія, которыми она искусно пользуется, — хитрость, клевета, постоянныя ссоры изъ-за всякихъ мелочей и т. п.; дѣйствія этихъ орудій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совершенно незначительны; но взятыя въ своей совокупности, они составляютъ рѣшающую силу, что и выражается въ народныхъ пословицахъ, напр.: „Женскій обычай не мытьемъ — такъ катаньемъ“. „Мужикъ клиномъ, баба блиномъ, а тожъ дойметъ“. „День ворчить, ночь верещить, плюнь да сдѣлай“. „Женская лестъ безъ зубовъ, а съ костями сгложетъ“. „Баба бредитъ, да чортъ ей вѣрять“ и т. п. Дѣлая различными способами невыносимую общую семейную жизнь, постоянно дѣй-

ствуя на мужа, уже и безъ того пошатнувшись въ своей инстинктивной привязанности къ родовымъ принципамъ, она достигаетъ таки свой цѣли, раздѣляетъ семью. Народъ вездѣ, какъ у великоруссовъ, такъ и у другихъ славянъ, признаетъ женщину, какъ злую противницу общей совмѣстной родовой жизни и считаетъ ее главною причиною паденія стараго порядка, который въ силу рутинны кажется ему лучшимъ, хотя на практикѣ самъ же онъ отдаетъ предпочтеніе новому. Въ первомъ, т. е. въ томъ, что женщина есть врагъ стараго порядка, народъ правъ, но основной причины, разумѣется, надо искать не въ женщинѣ: она только воспріимчивѣе отнеслась къ вліянію новыхъ началъ, которыя обѣщаютъ ей хоть нѣсколько облегчить ея положеніе. Замѣчательно единодушіе, съ которымъ крестьяне сваливаютъ всю вину новыхъ порядковъ на женщину: бабы, молъ, все безчинствуютъ, никакъ не могутъ вмѣстѣ ужиться. Если возвратитъ, что вотъ было-же время, и недавно еще, какъ десятки бабъ уживались вмѣстѣ, то крестьяне дѣлаютъ обыкновенно глубокомысленное замѣчаніе на счетъ иныхъ временъ. „Время нынѣ совсѣмъ другое, все не попрежнему идетъ“ эти слова, несмотря на ихъ незамысловатость, все-таки достаточно ясно выражаютъ сознаніе, что въ жизнь начинаютъ вторгаться какія-то инныя роковыя силы, заправляющія дѣйствіями людей помимо ихъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и желаній. Тотъ-же отецъ, который будетъ говорить, сколько есть силъ, противъ дѣлежа, непремѣнно раздѣлитъ своихъ сыновей: „инныя времена“. Правда, встрѣчаются отцы и даже матери, которые, пользуясь какими-либо выдающимися качествами ума или характера, сдерживаютъ еще свои семьи, но это послѣдніе изъ могиканъ. Интересно, что несчастная невѣстка и тутъ является козломъ очищенія за все зло, которое видятъ въ раздѣлахъ сами крестьяне. Это они и выражаютъ въ пословицахъ, напр., „невѣстка мила семейныя руки, а не миль семейный горшокъ“, т. е. что завистливая, жадная невѣстка рада пользоваться общимъ семейнымъ трудомъ, но не можетъ спокойно выносить расходовъ, которые требуются большою семьей.

.Выше мы показали, подъ вліяніемъ какихъ неблагоприятныхъ условій складывается жизнь женщины и въ малой семьѣ, особенно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ сильнѣе невѣжество и бѣдность, слѣдовательно, и въ нашемъ крестьянствѣ; да и жизненный опытъ важ-

даго, кто только имѣлъ возможность соприсасаться съ жизнью массъ, достаточно твердо устанавливаетъ тотъ фактъ, что положеніе женщины и въ малой семьѣ низшихъ слоевъ общества очень не завидно. Такъ изъ-за чего-же боролась и борется женщина такъ упорно? Не ошибается-ли она въ надеждахъ на улучшение своего положенія? Вѣдь если прежде давилъ родъ, то теперь также давить семья въ лицѣ мужа, воплотившаго въ себѣ всѣ атрибуты власти, принадлежавшей коллективной личности родовой семьи. Нѣтъ, инстинкты женщины не обманули ее. Разрушеніе родовой семьи было первымъ шагомъ къ освобожденію женщины. Хотя между этимъ первымъ и дальнѣйшими шагами по тому-же пути могутъ пройти сотни и тысячи лѣтъ,—все-же этотъ первый шагъ безусловно необходимъ для того, чтобъ могла возникнуть потребность въ слѣдующихъ. Но, что еще важнѣе, онъ, самъ по себѣ, улучшилъ положеніе женщины. Если народная философія и перенесла вполнѣ свои теоріи зависимости и неправности, выработанныя принципами родowego быта, на супружескія отношенія малой семьи и требуетъ примѣненія этихъ принциповъ, все-таки остается въ полной силѣ то обстоятельство, что малая семья не такое удобное поле для практики этихъ принциповъ, какъ семья большая. Одна личность мужа просто-на-просто не имѣетъ физической возможности сосредоточить въ себѣ ту систему давленія, которую практикуетъ родъ и которой требуетъ, во имя своихъ старыхъ идеаловъ, народная мудрость. Женщина, стоящая лицомъ къ лицу только съ своимъ мужемъ, всегда можетъ воспользоваться какимъ-либо своимъ преимуществомъ физическимъ, нравственнымъ или умственнымъ, если имѣетъ ихъ, чтобъ завоевать себѣ извѣстную долю свободы, пріобрѣтеніе которой немислимо подъ давленіемъ рода, и женщина ^снерѣдко пользуется этой выгодой своего новаго положенія. Кромѣ того, въ крестьянской малой семьѣ мы встрѣчаемся съ однимъ вліяніемъ, парализующимъ нѣсколько силу дикихъ традиціонныхъ взглядовъ на женщину. Этимъ парализующимъ вліяніемъ является устройство крестьянской малой семьи въ экономическомъ отношеніи, вынуждающее для женщины нѣкоторую долю самостоятельности. Для успѣшнаго веденія хозяйства семьи, въ которой сначала только два работника — мужъ и жена, необходимо строгое раздѣленіе труда. Правда, раздѣленіе труда есть и въ родовой семьѣ; но

тамъ женщины лишены всякой самостоятельности: онѣ просто машины для выполненія известныхъ заранее распределенныхъ и предписанныхъ семье работъ; между тѣмъ въ малой семьѣ женщины въ своей области пользуются почти полной самостоятельностью, такъ какъ мужъ по необходимости долженъ вѣрить ей эту область, — область домашняго хозяйства, не имѣя никакой физической возможности въ нее вмѣшиваться. Поэтому жена въ малой семьѣ обыкновенно почти полная распорядительница своей части и продуктовъ своего хозяйства. Она можетъ продавать, напр. масло, молоко, яйца, печеный хлѣбъ и т. д.; можетъ на вырученныя деньги покупать, что захочетъ, и производить разные обороты. Мужъ сначала не вмѣшивался въ дѣла женинаго хозяйства, потому что у него не оставалось на это времени отъ своихъ хлопотъ и заботъ, а впоследствии существующій фактъ обращается въ обычай, по которому мужъ считаетъ себя какъ-бы *не въ правѣ* распоряжаться принадлежностями женинаго хозяйства. Въ Малороссіи, гдѣ вслѣдствіе особенныхъ мѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, гораздо раньше распалась родовая семья, чѣмъ въ Великороссіи, — такое раздѣленіе труда, обязанностей и правъ доведено до значительной степени. Мужъ никогда не вмѣшивается въ дѣла жены, предоставляя ихъ на полное ея благоусмотрѣніе и произволь: „се бабске хозяйство“, говоритъ малороссъ. Есть одна малороссійская пословица, гдѣ въ юморстической формѣ выражается взглядъ мужа на хозяйство жены, какъ на нѣчто самостоятельное, совсѣмъ независящее отъ него: „коли моя жінка така, нехай свині борошно ідять“, т. е. мужъ мститъ своей женѣ тѣмъ, что позволяетъ свиньямъ ѣсть муку, относящуюся къ хозяйству жены. Ясно, что жена-хозяйка не можетъ быть въ такихъ рабскихъ отношеніяхъ къ мужу, какія требуются народной мудростью: мужъ поневолѣ долженъ смотрѣть на жену, какъ на товарища, съ которымъ вмѣстѣ трудится для созиданія ихъ общаго благосостоянія — чоловікъ и жінка то одна спілка (товарищество), выражается малорусскій народъ. Но грубые инстинкты темнаго человѣка, — инстинкты, укрѣпленные вѣковой привычкой и преданіемъ, часто берутъ верхъ надъ здравымъ смысломъ, заставляющимъ мужа жить дружно съ товарищемъ-женой въ видахъ своей собственной пользы.

Есть еще одинъ обычай, распространенный вездѣ между на-

шимъ крестьянствомъ, обычай, вытекающій прямо изъ родовыхъ порядковъ, но въ новомъ своемъ примѣненіи въ малой семьѣ оказывающій благоприятное вліяніе на положеніе женщины. Это отношеніе мужей къ приданому женѣ. Родовая семья, давая приданое за дѣвушкой, выходящей замужъ, имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобы оградить это приданое отъ покушеній той семьи, въ которую дѣвушка вступаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ открыто перечень всѣхъ вещей, которыя даются за дѣвушкой, чтобы она могла принести ихъ въ цѣлости назадъ, если случится ей вернуться въ родную семью. Изъ этого возникъ обычай, по которому приданое стало считаться неприкосновенною собственностью жены, т. е. неприкосновенною для той семьи, въ которую вошла женщина и гдѣ она въ огромномъ большинствѣ случаевъ и оставалась навсегда. Этотъ обычай такъ твердо укоренился, что во всей цѣлости перешелъ и въ малую семью. Въ этой послѣдней онъ явился съ новымъ значеніемъ, какового не имѣлъ въ семьѣ родовой: онъ сталъ служить нѣкоторой точкой опоры для женщины въ ея стремленіи къ улучшенію ея положенія.

Тотъ-же принципъ раздѣльности имущества и независимости приданого жены отъ мужа, какъ извѣстно, проводится и въ нашемъ законодательствѣ. Наши законы проводятъ принципъ раздѣльности имущества до возможной тонкости, ставя супруговъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по имуществу совершенно такъ, какъ постороннихъ: они могутъ дарить, продавать и покупать, заблаговременно другъ другу и постороннимъ лицамъ, безъ вѣдома и согласія одинъ другого; они могутъ дѣлать между собою всякіе договоры по имуществу, какъ и посторонніе: мужъ, напр., можетъ нанимать квартиру въ домѣ жены, можетъ служить у нея управляющимъ имѣньемъ, прикащикомъ, пожалуй, простымъ работникомъ и т. д. Крестьянству неизвѣстны наши законы объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, но обычай развилъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его частяхъ, которыя не подавлены окончательно непосильной двойной тяжестью крайней бѣдности и непроходимого невѣжества, замѣчательное уваженіе къ собственности жены, состоящей главнымъ образомъ въ ея приданомъ. Причины этого, съ одной стороны, заключаются въ болѣе независимомъ положеніи жены, какъ хозяйки и полной распоря-

дательницы въ домашней сферѣ малой семьи, съ другой стороны, въ свѣдѣннхъ воспоминаній о томъ порядкѣ, когда имущество жены защищалось ея родомъ, который не прочь былъ и заявить на это имущество свои притязанія. Извѣстно, какое малое значеніе имѣетъ въ родовомъ быту право полной собственности, которое замѣняется въ большинствѣ случаевъ правомъ пользованія. Жена, отходя въ чужую семью, съ имуществомъ, полученнымъ изъ своей родной, не считалась полной госпожей этого имущества, не могла распоряжаться имъ вполне, не могла назначать послѣ себя наслѣдниковъ: право-же полной собственности предполагаетъ право посмертнаго распоряженія, произвольнаго назначенія наслѣдниковъ. Поэтому и въ малой семьѣ женщина до сихъ поръ не завѣщаетъ своего приданого; обычай тутъ вполне имѣетъ силу закона. Если у нея остались дѣти, то приданое имущество идетъ имъ и при этомъ она имѣетъ свободу распредѣлять, кому что должно поступить. Но если она умираетъ бездѣтною, то приданое непременно идетъ назадъ ея отцу или вообще родственникамъ, и этотъ обычай никогда не нарушается. Мужъ, по обычаю, получаетъ послѣ умершей бездѣтной жены только извѣстныя вещи, которыя даются ему какъ-бы на память, напр., постель, икону и нѣсколько другихъ мелочей; все остальное онъ долженъ возвратить въ полной цѣлости и сохранности въ семью жены. Если даже и останутся дѣти, родственники жены все-таки считаютъ себя вправѣ вмѣшиваться въ распоряженіе имуществомъ покойной, защищать его отъ хищничества мужа и даже взять къ себѣ на сохраненіе до возраста дѣтей. При такихъ обычаяхъ за мужемъ естественно не признается право распоряжаться имуществомъ жены, и крестьянство строго смотритъ за соблюденіемъ этого обычая. Всякій нарушающій его подвергается общественному презрѣнію и если дѣло дойдетъ до волостнаго суда, — онъ непременно возстановитъ попираемыя права жены и накажетъ виновнаго. Это обстоятельство, которое въ родовой семьѣ почти ничего не значило для женщины, въ малой семьѣ способствуетъ увеличенію ея самостоятельности, опирающейся на ея хозяйственное значеніе. Интересно наблюдать, какъ сами крестьянки держатся за право неприкосновенности ихъ имуществовъ. Брѣткая, слабая женщина ожесточается, когда задѣвается это ея право. Она готова перенести всякія мученія, лишь-бы сохранить

имущество, на которое мужъ иногда, чаще въ пьяномъ видѣ, заявляетъ свои притязанія. Женщины жестоко порицають и смѣются надъ тою изъ нихъ, которая, живя въ согласіи съ мужемъ, позволяетъ ему распорядиться своимъ имуществомъ. Этотъ фактъ, встрѣчающійся изрѣдка въ крестьянствѣ, служитъ у женщинъ наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ браковъ по любви. „Живи съ мужемъ по любви, да по согласію, говорятъ онѣ, такъ онъ и выманитъ все твое добро, — ни съ чѣмъ и останешься.“ Онѣ готовы цѣлую жизнь вести съ мужьями жестокую борьбу для огражденія своихъ имущественныхъ правъ и, надо отдать имъ справедливость, — энергически защищаютъ ихъ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ стремленіе женщинъ совпадаетъ съ общими понятіями крестьянъ о справедливости.

Но не приданое, какъ уже сказано выше, служитъ основой нѣсколько болѣе самостоятельнаго положенія женщины въ малой семьѣ, а ея положеніе, какъ хозяйки, какъ самостоятельнаго работника. Это ея значеніе признается и цѣнится крестьянами, что и выражается въ ихъ пословицахъ, напр., „Мужъ задуритъ половина двора горить, а жена задуритъ и весь сгоритъ“ или другая еще выразительнѣе: „мужъ возомъ не навозитъ, что жена горшкомъ наноситъ,“ и т. п. Изъ этого видно, какая разница между положеніемъ женщины въ большой и малой семьяхъ: мы говоримъ объ ея экономическомъ значеніи. Въ большой семьѣ она — механическая рабочая сила, и только; ни малѣйшей доли собственной инициативы не можетъ она внести въ свой трудъ, которымъ распорядается семья. Въ малой семьѣ женщина работаетъ не меньше, а иногда, пожалуй, и больше, какъ признають сами крестьянки, особенно если есть маленькія дѣти и нельзя взять кого-нибудь на помощь, но за то она распорядительница своего труда: тутъ есть къ чему приложить не одну силу мускуловъ, но и свою сообразительность, свой умъ и знанія, — свои душевные силы. Она видитъ теперь ясно, что отъ ея ума и трудолюбія зависитъ ея благосостояніе и благосостояніе ея дѣтей. Женщина малой семьи по необходимости должна сбросить съ себя отупѣніе и апатію, — продукты ея прежняго рабскаго положенія, такъ-какъ новое ея положеніе вызываетъ къ дѣятельности ея силы, которыя были парализованы отсутствіемъ ихъ примѣненія въ родовой семьѣ. Вотъ еще одна изъ причинъ, почему

женщина такъ стремится къ малой семьѣ: она инстинктивно чувствуетъ, что тутъ будетъ хоть какой-нибудь просторъ ея подавленнымъ душевнымъ силамъ.

Благотворное вліяніе экономическаго принципа, дѣлающаго изъ крестьянской супружеской четы одну сплску—товарищество, каждый изъ двухъ членовъ котораго самостоятельно работаетъ въ своей области для созиданія ихъ общаго благосостоянія, сильно уменьшается, а иногда и вовсе уничтожается тѣми допотопными теоріями на счетъ неограниченной власти мужа и его правъ на личность жены, о происхожденіи и значеніи которыхъ было говорено выше. Но какое важное значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ супружескомъ союзѣ экономическій принципъ, видно особенно тогда, когда личность мужа съ его самодурными и деспотическими замашками, устраняется, когда женщина остается вдовой. Вотъ тутъ-то и можно отчетливо видѣть, какая огромная разница между положеніемъ женщины въ большой и малой семьяхъ. Ничего не можетъ быть унизительнѣе той роли, которую играетъ вдова женщины въ родовой семьѣ. Для нея потеряна та маленькая точка опоры, которую она находила въ значеніи своего мужа и его естественномъ покровительствѣ и защитѣ: ей некому пожаловаться на обиды и притѣсненія; ей не у кого просить защиты, — и вотъ на нее возлагаются самыя тяжелыя работы; она дѣлается предметомъ, на которомъ каждый можетъ срывать свое сердце.

Быть снохой—вдовой въ большой семьѣ—пѣтъ болѣе тяжелой доли для крестьянки. Она можетъ имѣть два исхода: если она бездѣтна, то можетъ возвратиться въ семью ея родителей, или выдти замужъ; но въ родной семьѣ она потеряла свое естественное мѣсто и тамъ ей обыкновенно не лучше, чѣмъ и въ семьѣ покойнаго мужа; выдти-же замужъ удается далеко не всякой, такъ какъ крестьянинъ предпочитаетъ дѣвушку вдовѣ, которая цѣнится значительно ниже. Правда, у черногорцевъ охотнѣе женятся на вдовахъ, чѣмъ на дѣвушкахъ; но это обычай исключительный. Какъ-же опредѣляется положеніе вдовы въ малой семьѣ? Опредѣляется оно довольно оригинально и въ этомъ-то опредѣленіи рельефно выступаетъ экономическій принципъ. Народу вовсе неизвѣстны законныя *указныя* части, которыя наследуютъ супруги изъ имущества одинъ другого; эти искусственныя и ни на чемъ не основанныя четвертыя и седьмыя части не нужны народу, кото-

рый рѣшаетъ дѣло гораздо проще и разумѣе. Если у женщины вдовы есть дѣти, то она наследуетъ все имущество мужа, то есть, вѣрнѣе, не наследуетъ, а получаетъ его въ пользованіе, причѣмъ обязана распоряжаться имъ въ интересахъ дѣтей; если она не заботится объ этихъ интересахъ, расточаетъ имущество или выходитъ вторично замужъ, надъ имуществомъ назначается опека, состоящая обыкновенно изъ родителей или родственниковъ мужа. Если-же она остается навсегда вдовой, то можетъ располагать имуществомъ, пока дѣти не вырастутъ и не захотятъ дѣлиться: тогда она получаетъ на прожитокъ долю, равную долямъ сыновей, или идетъ къ кому-нибудь изъ нихъ на содержаніе, или, наконецъ, всѣ сыновья обязуются принимать извѣстное участіе въ содержаніи матери. Но особенно оригинально опредѣляется положеніе бездѣтной вдовы. Если она прожила съ мужемъ недолго, то за ней не признается право на имущество мужа, такъ какъ она ничѣмъ не заслужила, не *заработала* этого права. Въ такомъ случаѣ она получаетъ свое приданое, кое-что изъ имущества мужа, напр., его подвѣчное платье, которое дается ей, по обычаю, какъ-бы на память о мужѣ, и затѣмъ выходитъ снова замужъ, или возвращается къ родителямъ, или уходитъ на сторону на заработки, а имущество мужа идетъ его родителямъ или родственникамъ; впрочемъ, еслибъ она пожелала остаться у лица, получившаго имущество мужа, обыкновенно свекра или деверя, — тотъ не имѣетъ права отказать ей въ пріютѣ. Но если она долго жила съ мужемъ, то своимъ трудомъ она зарабатываетъ право на все имущество мужа, и никто не можетъ у ней оспаривать этого права, для признанія котораго не нужны никакія духовныя завѣщанія. Чувство справедливости было-бы страшно возмущено въ крестьянинѣ, еслибъ кто сталъ оспаривать у такой жены наследство, опираясь на законъ. До какихъ, иногда, высоко гуманныхъ проявленій доходитъ это чувство, видно изъ одного обычая, распространеннаго во всей архангельской губерніи. Еслибъ дѣвушка или женщина жила съ мужчиной безъ вѣчанья продолжительное время, то послѣ его смерти она признается его наследницей, помимо всякихъ родственниковъ, все равно, есть ли у нея дѣти, прижитыя съ нимъ, или нѣтъ. Когда мы спрашивали у крестьянъ объясненія этого обычая, они такъ и говорили, что женщина, которая прожила вѣкъ съ мужчиной, рабо-

таза съ нимъ и для него, заботилась о немъ — больше всѣхъ имѣеть право на его имущество. Крестьянина сильно возмутилъ бы фактъ, встрѣчающійся сплошь и рядомъ въ другихъ сословіяхъ, мимо котораго совершенно равнодушно проходятъ люди, гораздо болѣе развитые, — тотъ фактъ, когда, въ силу закона, какіе-нибудь дальніе родственники покойнаго, которыхъ онъ могъ даже никогда не знать, выбрасываютъ на улицу женщину, пожертвовавшую для него всѣмъ, дѣлившую съ нимъ много лѣтъ горе и радость, выбрасываютъ иногда съ дѣтьми, которыя выросли въ извѣстныхъ привычкахъ довольства и вдругъ, въ одну минуту, дѣлаются безпріютными нищими съ позорящей кличкою незаконнорожденныхъ. Никакой законъ, никакой судъ не въ состояніи чѣмъ-бы то ни было помочь женщинѣ, находящейся въ такомъ положеніи. Въ крестьянствѣ-же вполне признаются права такой женщины на обезпеченіе имуществомъ ея сожителя. Вздумаеть кто-либо нарушить ея право, даже изъ самыхъ близкихъ родственниковъ ея сожителя, напр., родной его братъ, волостной судъ тотчасъ возстановитъ эти права, хотя-бы женщина не могла представить никакихъ фактическихъ доказательствъ, что покойный желалъ передать имущество именно ей: достаточнымъ доказательствомъ считается самый фактъ сожительства. Даже право на пользование земельнымъ участкомъ до ревизіи переходитъ иногда къ такой сожительницѣ, тогда какъ оно не всегда передается даже законнымъ женамъ, а часто идетъ въ семью мужа, — его отцу или брату. Не знаемъ, повсемѣстно-ли распространены въ нашемъ крестьянствѣ такіа гуманная воззрѣнія на извѣстныя отношенія между мужчиной и женщиной, если эти отношенія и не скрѣплены законнымъ порядкомъ, но представляютъ прочный союзъ, а не простую мимолетную связь; но въ архангельской губерніи рѣшенія волостныхъ судовъ подтверждаютъ, что этотъ обычай принадлежитъ къ прочно установившимся обычаямъ.

Рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми мы располагаемъ за нѣсколько лѣтъ, съ самаго того времени, когда вошло въ дѣйствіе новое „положеніе“ о крестьянахъ, давшее волостнымъ судамъ значительную долю самоуправленія, по всѣмъ уѣздамъ архангельской губерніи представляютъ большой интересъ какъ для изучающихъ народъ вообще, такъ въ особенности для изучающихъ его понятія о справедливости. Эти рѣшенія представляютъ не мало данныхъ для

уясненія занимающаго насъ вопроса на счетъ того, каково положеніе женщины въ крестьянской малой семьѣ (такъ какъ это въ Архангельской губерніи господствующая форма) и какъ народъ относится къ взаимнымъ отношеніемъ мужа и жены. Надо сказать, что волостной судъ почти никогда не отказывается разбирать дѣла между супругами, касаются-ли эти дѣла личныхъ или имущественныхъ отношеній, хотя, собственно говоря, онъ не имѣетъ никакого права мѣшаться въ эти дѣла: по крайней мѣрѣ въ числѣ предметовъ, подлежащихъ вѣденію волостнаго суда по сельскому судебному уставу, вовсе не упоминаются дѣла между супругами, кромѣ исковыхъ по имуществу. Да оно и понятно, — наши законы, примѣняясь во всей своей строгости, почти исключаютъ возможность какихъ-либо дѣлъ между супругами, кромѣ дѣлъ по имуществу, гдѣ супруги выступаютъ уже какъ лица постороннія, — и дѣлъ уголовныхъ, которыя не входятъ въ кругъ вѣденія волостнаго суда. Законъ ничего не представляетъ для личности женщины, какъ жены, и ни одно судебное мѣсто не можетъ принять просьбу отъ жены хоть-бы на счетъ того, чтобъ ее защитили отъ самоуправства мужа, если только она не представитъ доказательствъ, достаточныхъ для возбужденія противъ мужа уголовного преслѣдованія, которое можетъ отправить его въ каторгу, — чтобъ ей позволили жить отдѣльно отъ мужа, — чтобъ заставили мужа дать ей содержаніе; законъ можетъ только водворить ее въ совмѣстное жительство съ мужемъ. Ничего не можетъ сдѣлать для женщины, и потому не дѣлаетъ, ни одно судебное мѣсто, кромѣ волостнаго суда. Мало того, что волостной судъ разбираетъ дѣла между супругами, вовсе не подлежащія его вѣденію, онъ часто постановляетъ рѣшенія, совершенно противорѣчащія и духу, и буквѣ закона, и, надо сказать, что многія изъ такихъ рѣшеній направлены въ пользу женщины, въ защиту правъ ея личности. Мы вовсе не хотимъ сказать, что рѣшенія крестьянскихъ судовъ всегда направлены въ защиту слабаго отъ злоупотребленій властью сильнаго; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что многія рѣшенія могутъ показаться очень гуманными человѣку, знакомому съ холодной черствостью положительнаго права, если сопоставить его положенія съ рѣшеніями волостныхъ судовъ. Волостной судъ въ своихъ рѣшеніяхъ, до извѣстныхъ предѣловъ, вполнѣ выражаетъ собою юридическое сознаніе народа супружескихъ отношеній

со всёми его противорѣчіями, неясностью, сбивчивостью. Въ рѣшеніяхъ почти нѣтъ ничего твердо установленнаго, ясно и точно формулированнаго. Нѣтъ ни одной стороны супружескаго вопроса, которая-бы одинаково понималась и получала одинаковое опредѣленіе въ различныхъ судахъ,—даже въ одномъ и томъ-же судѣ; все зависитъ отъ частной постановки вопроса, отъ обстоятельствъ дѣла. Но чтобъ ориентироваться въ этомъ хаосѣ, надо припомнить, что такой-же хаосъ существуетъ и въ сознаніи народа, а причина его заключается въ борьбѣ двухъ враждебныхъ элементовъ, одного—традиціоннаго, требующаго полного господства мужа надъ безправною и униженною женою со всёми атрибутами господства—беззавѣтнымъ самодурствомъ и побоями, съ другой—новаго, нарождающагося подъ вліяніемъ распада родовой семьи и появленія новой формы семейнаго устройства, требующей нѣкоторой доли самостоятельности для женщины. Эти два противоположныя теченія постоянно борются: то то, то другое беретъ верхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, въ разныхъ семьяхъ одной мѣстности, даже въ разное время въ одной семьѣ. Чѣмъ сильнѣе въ крестьянинѣ здравый смыслъ, не затемняемый одурающей бѣдностью и безвыходно-тяжелюю обстановкой, тѣмъ болѣе склоненъ онъ видѣть въ женѣ товарища, съ которымъ ему необходимо въ собственныхъ видахъ поддерживать хорошія отношенія. Но привычки, воспитанныя вѣками и обратившіяся почти въ инстинкты, часто берутъ верхъ надъ разсудкомъ даже въ разсудительнѣйшихъ субъектахъ; каковой мужъ, напр., не покуражится надъ женой хоть подъ пьяную руку или подъ вліяніемъ страстей, которыя у мало-развитаго человѣка всегда берутъ верхъ надъ разсудкомъ? Тѣмъ отраднѣе наблюдать въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ проявленія противоположнаго теченія. Тутъ они удобнѣе для наблюденія, чѣмъ въ самой жизни, между прочимъ и потому, что выступаютъ отчетливѣе: судья, являясь въ судѣ, естественно относится къ фактамъ болѣе разсудочно, чѣмъ частные люди, когда имъ приводится не разбирать и обсуждать чужія дѣла, а самимъ дѣйствовать.

Посмотримъ-же, какъ рѣшаются въ волостныхъ судахъ различныя дѣла и затрудненія, вытекающія изъ супружескихъ отношеній, личныхъ и по имуществу, и постараемся прослѣдить тѣ два противоположныхъ теченія крестьянской мысли, о которыхъ было говорено выше.

Истцами являются главнымъ образомъ жены. Мужья обращаются къ суду гораздо рѣже и почти исключительно съ жалобами на самовольный уходъ женъ. Дѣло въ томъ, что молодыя женщины, которыя не могутъ привыкнуть къ своему новому положенію, въ качествѣ жены, уходятъ нерѣдко къ своимъ родителямъ въ родную семью, гдѣ имъ естественно легче дышется, особенно первое время, пока онѣ недостаточно привыкнутъ къ тягостямъ супружескихъ обязанностей. Вотъ въ такихъ-то случаяхъ мужья и обращаются въ волостной судъ, прося возвратить жену; если судъ не находитъ достаточно уважительныхъ причинъ для отлучки жены, онъ заставляетъ ее возвратиться къ мужу и иногда еще наказываетъ за самовольный уходъ. Но и тутъ, въ мотивировкѣ рѣшеній, выступаетъ экономическій принципъ, лежащій въ основаніи семьи: жена наказывается не потому, чтобъ она своимъ самовольнымъ уходомъ нарушила какое-нибудь отвлеченное право своего мужа, а просто потому, что отъ ея отсутствія страдаютъ ихъ общіе семейные интересы, которыми она пренебрегаетъ. Когда одна замужняя женщина прожила у своихъ родителей, противъ воли мужа, лѣтнее страдное время, то судъ приговариваетъ первыхъ уплатить второму убытки, причиненные отсутствіемъ жены. Вотъ на какихъ практическихъ соображеніяхъ основываются крестьянскія понятія о справедливости. Наши крестьяне, особенно крестьяне сѣверные, были всегда поставлены въ слишкомъ невыгодныя и тяжелыя условія, которыя не позволили развиваться симпатической сторонѣ ихъ души; нѣжныя и утонченныя чувства, которыми блещетъ малороссійская народная поэзія, совершенно чужды, какъ правамъ, какъ и поэзіи нашего сѣвернаго крестьянства. Любовь, напр., почти не играетъ никакой роли въ жизни крестьянъ и для супружескихъ отношеній кажется вещью не только не необходимою, но положительно лишнею и даже вредною. Поэтому, если женщина уходитъ отъ мужа, недѣлающаго ей повидимому никакихъ неприяностей, то пониманіе нашего крестьянства рѣшительно отказывается снизойти до того психологическаго процесса, который съ непреодолимою силою отталкиваетъ женщину отъ нелюбимаго мужа и можетъ довести, да и доводитъ нерѣдко, какъ свидѣтельствуетъ наша уголовная хроника, до ужасныхъ крайностей съ цѣлью отъ него отдѣлаться во-что-бы-то ни стало. Крестьяне не могутъ объяснить этого явленія иначе, какъ или вмѣша-

тельствомъ сверхъестественныхъ силъ, — порчей, или „дуростью“ жены, отъ которой они не прочь попытаться и исправить женщину посредствомъ универсальнаго орудія исправленія, завѣщаннаго мудростью предковъ — розогъ. Намъ попалось одно рѣшеніе такого назидательнаго характера, — рѣшеніе довольно интересное, но производящее тяжелое впечатлѣніе. Мужъ жалуется волостному суду на жену, убѣжавшую неизвѣстно куда послѣ трехъ недѣль брачной жизни, и проситъ возвратить ее къ нему и подвергнуть наказанію за самовольный уходъ. При разбирательствѣ дѣла оказалось, что жена дѣйствительно ушла изъ дому тайно во время отлучки мужа, не сказавшись свекру, къ своимъ родителямъ въ другую деревню, откуда и была приведена матерью. Судъ разсудилъ дѣло слѣдующимъ образомъ: „такъ-какъ она дѣйствительно ушла самовольно, и притомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ избѣгнуть мужа своего, собственно неимѣющаго на нее никакихъ не-удовольствій, по мнѣнію нашему, отъ дурости своей, но не по помѣшательству ума, то, согласно изъявленному желанію мужа ея, за дурость и убѣгъ отъ мужа наказать розгами пятнадцатью ударами“. Это самое возмутительное рѣшеніе, возмутителенъ и мотивъ его, тѣмъ болѣе, что волостной судъ не въ правѣ подвергать женщину тѣлесному наказанію. Но надо помнить, что судъ постановилъ такое рѣшеніе только потому, что не видѣлъ никакого резоннаго основанія въ поступкѣ женщины и неосновательный, по его мнѣнію, поступокъ приписалъ ея дурости, т. е. глупости; отъ дурости-же необходимо попытаться исправить ее, о чемъ проситъ и мужъ, которому, конечно, непріятно и неудобно жить съ женой, только и помышляющей, какъ-бы убѣжать изъ дому безъ всякой видимой причины. Кто виновать, что нашъ темный крестьянинъ серьезно убѣжденъ въ томъ, что розги есть самое дѣйствительное средство къ исправленію всякихъ заблужденій и къ обращенію людей на нутъ истины? Кто виновать, что мозговья силы его парализуются отсутствіемъ здоровой пищи, необходимой для поддержанія правильности въ умственныхъ отправленіяхъ, что голова его набита разными нелѣпостями и вздоромъ? Пусть тотъ броситъ въ крестьянина слово осужденія, кто, находясь въ несравненно болѣе счастливыхъ условіяхъ, очистилъ свою голову отъ мусора, частью завѣщаннаго предками, частью благопріобрѣтеннаго при отсутствіи серьезнаго критическаго отно-

шенія къ своему психическому міру; но такихъ людей, которые не даютъ засоряться своимъ головамъ, и къ каждому явленію способны отнестись съ свѣтлой критической мыслью, было, есть и будетъ очень немного, и эти немногіе скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, преклонятся передъ той искрой прометеева огня, которая, кажется, совершенно угасла въ темныхъ головахъ нашего крестьянства подъ пеломъ предрасудковъ и разныхъ нелѣпостей, но чуть-чуть благоприятныя условія и она опять загорается, а временами даже вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ.

Но возвратимся къ нашему предмету. Можетъ быть, иные, прочитавъ рѣшеніе, приведенное выше, совершенно разочаруются въ волостномъ судѣ. Вѣдь что-бы ни говорили о суровомъ отношеніи нашего дѣйствующаго законодательства къ женщинѣ по вопросамъ, вытекающимъ изъ брачной жизни, все-же дѣло никогда не дойдетъ до того, чтобы наказать женщину розгами за уходъ отъ мужа. Совершенно справедливо: за-то мужъ можетъ вы потребовать ее къ себѣ и заставить жить вмѣстѣ съ собой во что-бы то ни стало, какъ-бы ни были уважительны причины, заставившія ее избѣгать совмѣстной жизни. Если мужъ вздумаетъ поучить жену, — это онъ можетъ. Правда, нельзя попросить какое-либо судебное мѣсто, чтобы оно приговорило жену къ наказанію розгами, — и самъ мужъ долженъ быть остороженъ въ выборѣ средствъ для наказанія жены, такъ какъ слишкомъ грубыя могутъ, пожалуй, и самого его подвергнуть отвѣтственности предъ мировымъ, а то и передъ уголовнымъ судомъ; но развѣ жестокіе побои — все, чѣмъ человекъ можетъ совсѣмъ отравить жизнь другого человека, находящагося въ такихъ обязательныхъ отношеніяхъ, какъ жена къ мужу? А между тѣмъ почти невозможно заставить мужа отпустить отъ себя жену, если онъ этого не желаетъ.

Волостной судъ такія дѣла устраиваетъ слѣдующимъ образомъ. Является туда молодая женщина и жалуется, что мужъ, проживъ съ нею недѣли двѣ по заключеніи брака, вдругъ начинаетъ жестоко бить ее. Какъ устраиваетъ судъ это дѣло? Онъ не при-суждаетъ мужа къ одному изъ тѣхъ относительно легкихъ наказаній, какими имѣетъ право располагать, такъ-какъ это только напрасно ожесточило-бы мужа, въ которомъ внезапно, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ обстоятельствъ, проснулись звѣрскіе инстинкты. Не предаетъ судъ отвѣтчица и дѣйствию уголовного право-

судя, которое вѣдаетъ дѣла о жестокихъ побояхъ, такъ-какъ для нашего крестьянина довольно несообразнымъ дѣломъ показалось-бы считать побои жены уголовнымъ преступленіемъ. Онъ рѣшаетъ дѣло просто и естественно, хотя и противозаконно: отпускаетъ жену жить къ ея отцу на неопредѣленное время, т. е. до тѣхъ поръ, пока мужъ не пожелаетъ обращаться съ нею почтительно; судъ приговоритъ также отобрать отъ мужа приданое и отдать женѣ. Мы знаемъ одинъ очень интересный случай изъ жизни мѣстнаго крестьянства, случай, такъ сходный съ рассказаннымъ, что подробности, которыя мы изложимъ, представлятъ какъ-бы иллюстрацію къ вышеприведенному. Молодой крестьянинъ женился на молодой дѣвушкѣ изъ одной съ нимъ деревни, сосѣдкѣ. Они выросли вмѣстѣ и хорошо знали другъ друга. Любили-ли они другъ друга—неизвѣстно, такъ-какъ мѣстные крестьяне слову „любовь“, примѣняемому къ взаимнымъ отношеніямъ молодыхъ людей, придаютъ всегда неудобное значеніе; выходить за-мужъ по любви считается для дѣвушки постыднымъ. Но молодая женщина совмѣщала въ себѣ всѣ качества, которыхъ крестьянинъ требуетъ отъ своего идеала жены: была работяща, здорова, необыкновенно сильна для женщины, красива, скромна, изъ зажиточнаго дома и потому съ хорошимъ приданымъ. Недѣлю или двѣ послѣ брака молодые прожили хорошо, въ мирѣ, любви и согласіи. Вдругъ, безъ всякой видимой причины мужъ началъ задумываться и сторониться отъ жены; потомъ возненавидѣлъ ее до такой степени, что положительно не могъ выносить ея присутствія. Лишь только она попадалась на-глаза, онъ начиналъ бить ее чѣмъ-попало и, наконецъ, ударилъ ножомъ по шеѣ. Рана, къ счастью, была неглубока и неопасна, но дѣло принимало, очевидно, слишкомъ серьезный оборотъ, чтобъ его можно было представить естественному ходу. Хотя противъ мужа смѣло можно было возбудить уголовное преслѣдованіе, но никто и не думалъ объ этомъ. Жена ушла къ родителямъ, которые черезъ волостной судъ взяли съ мужа расписку въ томъ, что онъ не будетъ требовать жену къ себѣ и возвратитъ ея приданое: приданое онъ дѣйствительно возвратилъ, кромѣ тѣхъ вещей, которыя, по обычаю, остаются у мужа послѣ смерти бездѣтной жены, какъ было сказано выше. Мы съ большимъ интересомъ слѣдили за развитіемъ этой драмы, финалъ которой былъ, впрочемъ, вовсе не дра-

матическій. Когда жена ушла къ родителямъ, мужъ отдѣлился отъ брата, съ которымъ жилъ сообща, обратилъ свое довольно порядочное хозяйство въ деньги и отправился въ Питеръ. Прожившись тамъ, спустя годъ или даже меньше, онъ вернулся въ свою деревню и пожелалъ жить снова съ женой. Но родители рѣшительно не хотѣли отпустить дочь, такъ-такъ хозяйство ея мужа было совсѣмъ разстроено. Между тѣмъ молодой женщиной хотѣлось жить съ мужемъ, и она начала постоянно видаться съ нимъ тайкомъ отъ своихъ родителей; но уйти къ нему она не смѣла, несмотря на все свое желаніе и на его просьбы. Ни супруги, ни родители и не подозрѣвали, что мужъ имѣетъ полнѣйшее право вытребовать къ себѣ жену. Тайныя свиданія между нашими супругами продолжались до-тѣхъ-поръ, пока молодая женщина не почувствовала себя беременной; въ то-же время общество сдало мужа въ солдаты. Тогда родители не стали уже удерживать дочь и она уѣхала въ губернской городъ къ своему мужу солдату. „Зачѣмъ вы отпустили дочь къ мужу?“ спрашивали мы у матери, женщины бойкой и смышленной. „Да какъ ее не отпустить-то? Вѣдь онъ теперь солдатъ, можетъ ее и по этану вытребовать, не то что крестьянинъ“. „А крестьянинъ не можетъ?“ „Извѣстно, не можетъ, коли не захотѣлъ съ ней жить, какъ слѣдуетъ, по закону...“ Этотъ случай, помимо своего юридическаго значенія, имѣетъ еще большой интересъ потому, что мы тутъ наталкиваемся на одно явленіе, которымъ въ крестьянствѣ сильно увеличивается сумма несчастій въ супружеской жизни. Это явленіе есть суевѣріе, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, играющее видную роль въ жизни нашего крестьянства, даже въ наиболѣе развитыхъ его слояхъ. Когда мы просили крестьянъ объяснить, отчего, по ихъ мнѣнію, можетъ произойти такой, нерѣдко встрѣчающійся фактъ, что молодой мужъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, начинаетъ чувствовать къ своей женѣ отвращеніе, доводящее его до безумныхъ крайностей, то крестьяне единодушно объясняютъ это порчей. Сейчасъ явится на сцену и человекъ, который имѣетъ свой интересъ въ томъ, чтобъ причинить молодымъ зло: въ рассказанномъ случаѣ это была невѣстка, жена брата. Какъ въ архангельской губерніи, такъ, кажется, и въ остальной Россіи ни одна крестьянская свадьба не обхо-

дится безъ знахаря, который приглашается нарочно съ тѣмъ, чтобы отвращать дѣйствіе злыхъ чаръ, и занимаетъ на свадьбѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ; тысячи разныхъ предосторожностей принимаются съ цѣлью не допустить кого-либо „подшутить“ (по мѣстному выраженію) надъ молодыми. Но эти предосторожности еще болѣе разстраиваютъ и безъ того болѣзненно настроенное воображеніе вступающихъ въ бракъ, и въ результатъ получается то, что порча свадебъ случается сплошь и рядомъ: въ каждой данной мѣстности не проходитъ года, чтобы не была испорчена свадьба. Желающіе пошутить надъ свадьбой, надо полагать, употребляютъ какія-нибудь снадобья, такъ какъ намъ извѣстно, что иногда съ новобрачными и гостями дѣлаются сильныя конвульси и другіе болѣзненные припадки; но чаще причина порчи просто въ разстроенномъ воображеніи. Новобрачные возвращаются изъ церкви, входятъ въ домъ. На порогъ встрѣчаетъ ихъ невѣста, которая слыветъ за колдунью и, противъ обычая, раздергиваетъ молодыхъ въ разныя стороны. Гости начинаютъ зловѣще перешептываться, у молодого упадаетъ сердце. Онъ весь подавленъ мыслью о томъ, что онъ испорченъ, и дѣйствіе порчи дѣйствительно не замедлитъ дать себя знать: онъ перестаетъ чувствовать физическое влеченіе къ своей жепѣ. Затѣмъ является отвращеніе къ ней, которое, подъ вліяніемъ варварскихъ традиціонныхъ понятій, выражается побоями и тиранствомъ, и несчастный, измучивъ себя и ни въ чемъ неповинную жену, можетъ кончить преступленіемъ, которое его окончательно губитъ. И жертвами порчи или, точнѣе сказать, своего суевѣрно настроеннаго воображенія дѣлаются не только молодые супруги, начинающіе свою брачную жизнь; и пожившіе уже не застрахованы отъ подобнаго несчастія, которое, богъ-знаетъ-зачѣмъ, богъ-знаетъ-откуда, налетитъ, какъ шеваль, и внезапно разрушаетъ если не счастье, то спокойствіе семьи, обращая жизнь въ каторгу. Мы познакомились случайно съ одной молодой замуженной крестьянкой. Она жила съ мужемъ въ согласіи, пользовалась относительнымъ достаткомъ; они имѣли уже дѣтей; жена, кажется, была довольна своимъ положеніемъ, мужа мы почти не знали. Намъ не случилось видѣть этой женщины года два-три, и когда увидѣли, то не хотѣли вѣрить глазамъ: вмѣсто здоровой, полной, красивой женщины стоялъ какой-то остовъ, едва напоминающій о прежнемъ. Мо-

лодая женщина имѣла основаніе подѣлиться съ нами своимъ горемъ и рассказала исторію. Ея деверь, т. е. братъ ея мужа, имѣлъ любовницу, какую-то женщину изъ пинежскаго или мезенскаго уѣздовъ. Надо замѣтить, что жители южныхъ уѣздовъ относятся къ Пинегѣ и Мезени съ сильнымъ суевѣрнымъ предубѣжденіемъ и cadaго изъ жителей этихъ уѣздовъ готовъ принять за колдуна или колдунью. Любовница такъ приворожила, по словамъ разсказщицы, ея деверя, что тотъ безъ нея не могъ ни быть, ни жить и, наконецъ, женился на ней. Но этого мало. Когда мужъ разсказщицы и она сама стали заявлять свое неудовольствіе по поводу этого неравнаго брака молодого зажиточнаго ерестьянина съ пожилой, некрасивой батрачкой, эта послѣдняя приворожила къ себѣ и мужа разсказщицы, и вотъ это-то обстоятельство и разстроило совершенно семейную жизнь нашей знакомой, и довело ее до настоящаго положенія. „Господи, говорила бѣдная женщина,—не знаю ужъ, что и дѣлать съ мужемъ. Задумывается все, молчитъ да сохнетъ, рукъ ни къ какой работѣ приложить не можетъ. Посылаю, посылаю его: съѣзди хоть ты куда-нибудь, въ городъ, что-ли, авось легче будетъ. Нѣтъ, говорить, сердце болитъ и никуда не двинется. Ужъ я рада, чтобъ онъ сбѣгалъ посмотрѣть на нее, на окаянную; сама его посылаю: вѣдь она сказываетъ, что стоитъ ей только въ трубу пещнуть, и ужъ онъ непремѣнно придетъ къ ней, а то весь изсохнетъ, тоскуючи“. И столько горя слышалось въ этихъ наивныхъ словахъ молодой женщины, что невольно забывалась вся вздорность и нелѣпость причинъ, которыми оно обуславливалось. Эта несчастная чета, какъ многія тысячи ей подобныхъ, гибнетъ подъ тяжелымъ гнетомъ могучей темной силы невѣжества и суевѣрія.

Но мы уклонились далеко въ сторону отъ нашего предмета: Мы видѣли, что крестьянскій обычай вовсе не требуетъ отъ супруговъ совмѣстной жизни такъ строго, какъ требуетъ законъ. Волостной судъ принимаетъ дѣла и рѣшаетъ ихъ, согласно обычаю; онъ разлучаетъ жену съ мужемъ, если того требуютъ интересы обиженной стороны, даетъ свою санкцію актамъ, заключаемымъ между супругами и клонящимся къ ихъ разлученію, т. е. постоянно творитъ проступки противъ роковой для женъ 103 ст., гласящей, что „строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ“. Да простятся волостному

суду его прегрѣшенія, такъ какъ ими предупреждаются ужасныя катастрофы, приводящія многихъ жертвъ, ни въ чемъ неповинныхъ, кромѣ своего несчастія, въ преждевременную кровавую могилу или на скамью подсудимыхъ.

Волостной судъ нисколько не стѣсняется утвердить, напр., такой актъ, разлучающій супруговъ. Жена обязывается не входить въ домъ мужа и не вступаться ни въ какое его имущество подъ тѣмъ условіемъ, что онъ ей дастъ на прокормленіе корову съ теленкомъ. Но тутъ, по крайней мѣрѣ, это дѣлается по желанію той и другой стороны; судъ-же часто разлучаетъ жену съ мужемъ и противъ желанія послѣдняго. Большинству читателей, вѣроятно, никогда не случилось имѣть въ рукахъ рѣшеній волостныхъ судовъ, и потому мы считаемъ нелишнимъ привести одно изъ нихъ цѣликомъ, въ видѣ образца: „Крестьянская жена шелашскаго общества, села Семеновскаго, Маремьяна Никитина Гашева, 39 лѣтъ, явясь къ волостному суду, объявила, что мужъ ея, Илья Лукьяновъ Гашевъ, 39 лѣтъ, съ давняго времени обращается съ ней жестоко, причиняетъ ей безъ всякой вины напрасныя и жестокія побои и болѣе полугода не имѣетъ съ нею супружескихъ отношеній, въ раздѣленіи которыхъ она подозрѣваетъ его съ иными лицами, наконецъ, 26 числа сего августа нанесъ ей жестокія и безчеловѣчныя побои, претерпѣвать которые она признаетъ себя не въ состояніи, а потому и просила внушить мужу ея, чтобы онъ не причинялъ ей напрасно побоевъ и оскорбленій и обходился-бы съ ней по-супружески, а между тѣмъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ ссоръ позволить ей отлучиться изъ своего дома для работъ по найму у разныхъ лицъ, хотя на три мѣсяца со взятіемъ съ собою на ея воспитаніе восьмимѣсячной своей дочери, съ которой и жить означенное время отдѣльно отъ мужа съ выдачею ей, въ случаѣ надобности, увольнительныхъ видовъ безъ согласія мужа, отъ котораго она на время отлучки пособія не требуетъ, но съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ свой домъ было даваемо ей съ дочерью отъ мужа ея должное содержаніе. Ссорящіяся были вызваны къ волостному суду 26 сего августа. Волостные судьи (такіе-то), спрося крестьянина Илью Гашева о вышеизложенномъ, который въ нанесеніи женѣ своей побоевъ и въ жестокомъ и несупружескомъ съ нею обращеніи сознался, обѣщая впредь жить съ нею по-супружески, не дѣлая побоевъ, но

на выдачу ей увольненія на отлучку согласія не изъявилъ, объясняя, что безъ нея некому будетъ заниматься работою, отчего онъ въ хозяйствѣ потерпитъ большой убытокъ, но на совершенное примиреніе съ женой за всѣми убѣжденіями согласія не изъявилъ, отчего и надежды къ человѣчному и супружескому обращенію съ нею не производится, напротивъ, предвидится опасность, что онъ можетъ причинить ей болѣе жестокіе побои. А потому волостной судъ постановилъ: 1) крестьянину Ильѣ Гашеву подтвердить съ подпискою, чтобы онъ на будущее время не причинялъ женѣ своей побоевъ и обходился-бы съ нею по-супружески, въ противномъ случаѣ онъ будетъ подвергнутъ заслуженному наказанію; и 2) женѣ его Маремьянѣ Гашевой, согласно ея желанію, дозволить проживать вмѣстѣ съ дочерью ея отдѣльно отъ мужа 3 мѣсяца, съ выдачею, въ случаѣ надобности, увольнительныхъ видовъ безъ согласія ея мужа съ тѣмъ, что когда она возвратится къ мужу, то тотъ обязанъ давать ей съ дочерью должное пропитаніе и обходиться съ нею по-супружески, удаляясь отъ худыхъ поступковъ. (Подписи судей, истицы и отвѣтчика).“

Изъ этого рѣшенія видно, что судъ сдѣлалъ для жены все, что могъ и чего только она сама требовала, а главное, освободилъ ее отъ непріятностей совмѣстной жизни съ мужемъ, несмотря на то, что мужъ, удерживая жену, представлялъ такой полновѣсный доводъ, какъ разстройство хозяйства. Такъ поступали волостные суды во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какіе только есть въ находящихся у насъ рѣшеніяхъ: ни одинъ изъ нихъ ни разу не отказался, на основаніи какихъ-либо соображеній, освободить жену отъ власти мужа, когда она просила объ этомъ, и просила, разумѣется, не безъ основанія: безъ крайности женщина, конечно, не пожелала-бы оторваться отъ семьи, отъ своего угла и куска хлѣба.

Понятно, какое важное значеніе имѣетъ для крестьянки то обстоятельство, что она оказывается свободной отъ обязательства совмѣстной жизни съ дикаремъ-мужемъ, тѣмъ важнѣе эта льгота, чѣмъ грубѣ нравы окружающей ее среды.

Но если жена можетъ оставить своего мужа, даже противъ его воли, когда находитъ невыносимую общую жизнь, — можетъ-ли, наоборотъ, мужъ оставлять свою жену? Обратимся опять къ нашимъ матеріаламъ. Нѣтъ въ нихъ ни одного случая, чтобы

мужъ обращался въ волостной судъ съ просьбою оставить жену, да это ему и не нужно: если онъ не хочетъ жить съ нею, то пользуется своимъ правомъ сильнѣйшаго и просто ее выгоняетъ. Онъ, очевидно, считаетъ себя въ правѣ такъ поступать, да и естественно: если жена можетъ оставить его, то отчего онъ не можетъ ее? Прогоняетъ мужъ жену или потому, что крайне бѣденъ, такъ что крайне затрудняется ее пропитывать, или, если жить съ родителями, то по ихъ желанію, вслѣдствіе неудовольствій, постоянно возникающихъ между свекромъ, свекровью и нелюбимою невѣсткою. Большая часть жалобъ, приносимыхъ женщинами, членами большихъ семей, обращаются прямо не противъ мужа, но противъ его родни, и изъ родни главнымъ образомъ противъ свекрови. Вотъ какъ описываетъ свое положеніе въ семьѣ молодая женщина: „Свекровь ея часто укоряетъ ее, что все разворовала, и когда она, Парасковья, будетъ ѣсть, то свекровь ея выражаетъ, что по половинѣ коровы съѣдаетъ, и сверхъ того, она, свекровь, приказываетъ сыну, Артемию, убирать ее, Парасковью, куда знаетъ, черезъ какое наущеніе свекрови мужъ наноситъ ей побои, выгоняетъ ее вонъ изъ дому...“ Свидѣтели по этому дѣлу показывали, что „въ разное время въ семействѣ крестьянина (такого-то) производятся драки и ссоры и слышали ревъ, и когда послѣ ссоры выбѣгаетъ изъ дому жена Артемья, Парасковья, то объявляетъ, что не даютъ ей ѣсть и выгоняютъ изъ дому вонъ и что всѣ эти непріятности происходятъ отъ свекрови ея... Когда вѣяли онѣ (свидѣтельницы) на гумнѣ хлѣбъ, то слышали гдѣ-то и чей-то ревъ и потомъ пришла на гумно вдова Маремьяна (свекровь), сказавъ, что сынъ ея Артемій выгоняетъ невѣстку вонъ изъ дому... „Еще свидѣтель показалъ, что видѣлъ, „какъ Артемій выгоняетъ жену свою вонъ изъ дому, а она уперлась въ ворота руками и ногами и кричитъ: „вараулъ, убили...“ Вотъ печальная картина положенія женщины въ тѣхъ остаткахъ большей семьи, какіе встрѣчаются въ архангельской губерніи. Женщинѣ тамъ гораздо хуже, чѣмъ въ малой семьѣ: родители мужа считаютъ себя вправѣ бить невѣстку, не давать ей ѣсть и даже прогонять ее изъ дому, отъ мужа. Женны прогоняются въ большей части случаевъ изъ такихъ семей: изъ малой семьи мужъ почти никогда не гонитъ жену, такъ какъ онъ безъ

нея рѣшительно не можетъ обойтись, если только имѣетъ хоть какое-нибудь хозяйство.

Прогоняя жену, мужъ вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно отказывается ей въ содержаніи, такъ что почти всегда въ крестьянской практикѣ вопросъ о правѣ мужа прогнать отъ себя жену связанъ съ другимъ, не менѣе важнымъ вопросомъ объ обязанности его давать ей содержаніе. Извѣстно, какъ относится къ этому предмету законъ; въ 106 ст. X т. сказано: „онъ (т. е. мужъ) обязанъ давать женѣ пропитаніе по состоянію и возможности своей.“ Кажется, чего-бы лучше? Но на дѣлѣ выходитъ вотъ что: во-первыхъ, жена ничего не можетъ требовать отъ мужа, если живетъ отъ него отдѣльно, такъ какъ законъ не признаетъ самовольнаго разлученія супруговъ; во-вторыхъ, если она живетъ и вмѣстѣ съ мужемъ, ея право получать отъ мужа содержаніе ничѣмъ не гарантировано, такъ какъ въ законѣ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій по этому вопросу. Хочетъ мужъ, — даетъ женѣ удовлетворительное содержаніе „по возможности своей“, не хочетъ, — даетъ самое скудное и неудовлетворительное, хотя-бы и имѣлъ возможность содержать жену лучше. Въ низшихъ слояхъ нашего городского населенія, напр., можно видѣть сплошь и рядомъ, что мужъ не даетъ женѣ никакого содержанія, пропивая свои заработки или проживая ихъ съ посторонними женщинами: кто и какъ можетъ принудить такого мужа исполняя свою законную обязанность? Жена обыкновенно ничего не ищетъ съ мужа, не считая себя вправѣ искать и желая только одного, чтобъ мужъ не мѣшалъ ей своимъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитаніе. А кто не знаетъ хоть одной такой супружеской четы, гдѣ супругъ не только не даетъ женѣ содержанія, а напротивъ, самъ живетъ на ея содержаніи, и женщина принуждена бываетъ добывать тяжкимъ трудомъ, а иногда и разными постыдными средствами, пропитаніе для себя, для дѣтей и для мужа-лѣнтяя или пьяницы, отъ котораго законъ не даетъ ей права отдѣлится, являясь тутъ умолимо строгимъ и послѣдовательнымъ.

Какъ-же относится къ такимъ обстоятельствамъ крестьянскій обычай и его выразитель—волостной судъ.

Обычай не есть что-либо совершенно законченное, ясно и точно формулированное. Правда, есть нѣсколько обычаевъ, имѣющихъ твердость и устойчивость законнаго опредѣленія; но большинство

ихъ въ высшей степени эластично, постоянно видоизмѣняется примѣняясь къ обстоятельствамъ. То-же самое замѣчается и въ рѣшеніяхъ. Есть нѣсколько вопросовъ, гдѣ заранѣе можно предсказать, въ какомъ духѣ будетъ рѣшеніе, но число такихъ вопросовъ невелико; къ тому-же обычай по вопросамъ такого рода, установившись твердо, имѣютъ для крестьянъ большую обязательную силу и рѣдко нарушаются; но въ большинствѣ другихъ вопросовъ, къ которому принадлежитъ и вопросъ о правѣ мужа прогнать жену и обязанности его давать ей пропитаніе, волостной судъ поступаетъ очень разнообразно. Разнообразіе это происходитъ или отъ различныхъ обстоятельствъ и условий дѣла, которыя волостной судъ всегда принимаетъ въ соображеніе и на основаніи которыхъ онъ склоняется то въ одну, то въ другую сторону, или, наконецъ, отъ того, что является въ данномъ случаѣ основнымъ мотивомъ рѣшенія, традиція-ли, требующая принесенія женщины въ жертву мужчинѣ, или здравый смыслъ, заставляющій оказывать защиту женщинѣ, или, въ исключительныхъ случаяхъ, законъ (последнее обстоятельство бываетъ тогда, когда окажется въ числѣ судей или писаремъ грамотникъ и законникъ, естественно влияющій на своихъ товарищей). Вотъ одно рѣшеніе, составленное, очевидно, подъ влияніемъ такого грамотника и законника: жена проситъ волостной судъ, чтобъ онъ заставилъ мужа кормить ее, такъ какъ тотъ рѣшительно отказывается ей въ пропитаніи. Судъ отказывается сдѣлать что-нибудь для жены на томъ основаніи, что „отъ суда не зависитъ заставленіе мужа жену *воспитать* (мѣстное выраженіе, значитъ прокормить), такъ какъ эти сдѣлки дѣлаются по суду и чину духовному“: воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда всѣ семейныя дѣла рѣшались духовнымъ, а не гражданскимъ порядкомъ. Впрочемъ, судъ, кажется, отказалъ женѣ главнымъ образомъ оттого, что мужу самому нечего было ѣсть, а ссылка на законъ есть ничто иное, какъ простое желаніе покрасивѣе мотивировать свое рѣшеніе.

Мужъ и его родители выгоняютъ жену изъ дому, не даютъ ей пропитанія и не соглашаются взять ее назадъ. Собственно дѣлается это по инициативѣ свекра и свекрови. На судѣ родители объясняютъ, что прогнали невѣстку „за невѣжество и нерасторопность“. Самая неопредѣленность обвиненія показываетъ, какъ мало основанія было для него на самомъ дѣлѣ, и это подтвер-

дили сосѣди свидѣтели. Судъ приказываетъ свекру и свекрови вознаграждать невѣстку за лѣтнюю работу, выкупить ея платье, положенное ими въ закладъ, и уплатить взятыя у нея взаимныя деньги. Затѣмъ водворяютъ жену снова къ мужу, приказывая послѣднему не обижать жены и жить съ нею въ согласіи; но такъ какъ онъ выгналъ жену въ первый разъ, то порѣшили его не наказывать за это. Что можно вывести изъ этого рѣшенія? За мужемъ какъ будто не признается право выгнать жену и отказать ей въ пропитаніи, но, признавая дѣйствія мужа недозволенными, судъ, съ другой стороны, не считаетъ возможнымъ отнестись строго къ его проступку. Очевидно, судъ самъ недоумѣваетъ, какъ поступать въ такого рода дѣлахъ.

Вотъ опять является жена съ жалобой на мужа и его родителей: „выгнали они меня вонъ изъ дому и не впускаютъ болѣе, но по случаю неурожая хлѣба трудно пропитываться черезъ прошеніе милостыни, и сверхъ того я беременна“... Какъ поступаетъ волостной судъ въ этомъ случаѣ? Онъ совѣтуетъ мужу взять жену, но не считаетъ себя въ правѣ принудить мужа къ повинновенію, и потому постановляетъ на этотъ случай, если онъ не захочетъ ее взять, взыскивать ежемѣсячно по три рубля на содержаніе жены. Этимъ рѣшеніемъ точно и опредѣленно признается за женой право на общее съ нимъ жителство; между тѣмъ на основаніи положительнаго закона жена могла-бы требовать, чтобы мужа ея заставили жить съ нею вмѣстѣ.

Рѣшеніе, приведенное выше,—рѣшеніе наиболѣе правильное,—къ сожалѣнію, все-таки надо считать явленіемъ частнымъ, а не выразителемъ взглядовъ, общихъ всему крестьянству или даже крестьянству данной мѣстности. У крестьянъ архангельской губерніи не могъ выработаться твердый, установившійся взглядъ на этотъ предметъ, такъ какъ большія семьи тутъ рѣдки, а изъ малой семьи мужъ не можетъ прогнать жену, такъ какъ она ему безусловно нужна и если такіе случаи не невозможны и въ малой семьѣ, то все-таки они несравненно рѣже, чѣмъ въ большой. Но хотя въ малой семьѣ мужъ и не прогоняетъ жену, однако, случается нерѣдко, что онъ стѣсняетъ ее въ пропитаніи. Главная причина этого крайняго бѣдность нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи, бѣдность, которая въ неурожайные годы доводитъ людей до того, что разрываются самыя тѣсныя родственныя узы въ виду инстинкта са-

мосохраненія: семьи расходятся въ разныя стороны, а кто живетъ вмѣстѣ, — считаетъ каждую крошку, съѣдаемую другимъ. Нѣтъ нужды возстановлять тѣ ужасныя картины, которыя сдѣлались извѣстны всей читающей Россіи послѣ жестокаго 1867 года; но спрашивается, возможна-ли какая-нибудь рѣчь объ юридическихъ отношеніяхъ, правахъ и обязанностяхъ въ виду ежеминутно угрожающей голодной смерти?

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жена живетъ вмѣстѣ съ мужемъ и жалуется на то, что мужъ не кормитъ ее, волостной судъ приказываетъ мужу давать женѣ пропитаніе; если-же мужъ не даетъ пропитанія женѣ и дѣтямъ, пьянствуя и пропивая свои заработки, то и наказываетъ его, обязывая не пропивать впередъ денегъ, а содержать семейство.

Мы не разъ уже имѣли случай говорить, какую видную роль играютъ въ крестьянской семьѣ побои. Даже тамъ, гдѣ жена занимаетъ относительно лучшее положеніе, какъ хозяйка и самостоятельная распорядительница въ своей хозяйственной области, даже тамъ нерѣдко берутъ верхъ дикіе инстинкты, и мужъ избиваетъ жену, хотя и самъ относится къ такимъ явленіямъ съ порицаніемъ. Посмотримъ-же, какъ рѣшаетъ волостной судъ дѣла по жалобамъ женъ на побои. Жалуются жены обыкновенно только на жестокіе побои, „выносить которые признаютъ себя не въ состояніи“; болѣе легкіе проходятъ, значить, и такъ, безъ суда, выносятся женщинами на собственныхъ плечахъ. И не мудрено: большинство крестьяночекъ еще до сихъ поръ считаетъ мужа имѣющимъ право поучить ее. Мы видѣли, въ какомъ рабскомъ положеніи находилась женщина въ родовой семьѣ; какъ-бы ни улучшилось ея положеніе въ малой семьѣ, все-же не можетъ оно вдругъ переродить ее; да и улучшеніе ея положенія, значительное въ сферѣ имущественныхъ отношеній, идетъ крайне медленно въ сферѣ отношеній личныхъ, постоянно встрѣчая препятствія въ твердо укоренившихся дикихъ теоріяхъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ. Какъ-же относятся къ такого рода явленіямъ мужчины въ лицѣ своихъ представителей—волостныхъ судей?

Мужъ-самодуръ бьетъ жену, такъ что она принуждена по трое сутокъ скрываться на гумнѣ, не смѣя зайти въ домъ. На спросъ суда о причинахъ такого дурного обращенія съ женой, мужъ объясняетъ, что жена будто-бы „просилась къ отцу въ гости съ 9-ти

недѣльнымъ младенцемъ, но я ее не отпустилъ, а приказалъ мольотъ крупу, а она мнѣ не повиновалась“. Дѣло оканчивается мировой, и мужъ обязывается не бить жену. Это рѣшеніе можетъ служить прототипомъ рѣшеній по дѣламъ подобнаго рода. Всѣ они отличаются какою-то неопредѣленностью; очевидно, судъ, рѣшая такіа дѣла, чувствуетъ себя между двухъ огней: и не хочется оставить жену безъ защиты, не удовлетворивъ ее хоть какъ-нибудь, и не хочется, съ другой стороны, очень стѣснить мужа въ его правѣ поучить жену. Поэтому судъ старается вникнуть въ причину неудовольствій между супругами, и если эта причина представляется устранимою, то и устраняетъ ее; если-же нѣтъ, то обязываетъ мужа не бить жену, жить съ нею „въ мирѣ, любви и согласіи“, но никогда не назначаетъ наказанія за побой, какъ назначаетъ за другіе проступки противъ жены, напр., за нарушение ея имущественныхъ правъ — растрату приданаго или что-нибудь въ этомъ родѣ. Назначаются-же наказанія развѣ въ томъ случаѣ, когда мужъ является упорнымъ рецидивистомъ, который не только не исправляется внушеніями суда, но еще, какъ видно изъ одного рѣшенія, „похваляется, что жену въ полъ втопчу, и при живности ея болѣе никакого согласія дѣлать не буду, кромѣ побоевъ“, за все это мужъ приговаривается къ наказанію розгами. Но надо сказать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ имущественный вопросъ, влияние котораго, вѣроятно, способствовало усилению наказанія: мужъ требовалъ отъ жены ея имущества — приданаго платья и заработанныхъ ею денегъ. Въ нашихъ рѣшеніяхъ есть два случая чрезвычайно жестокаго обращенія мужей съ женами. Въ одномъ случаѣ, мужъ, находясь въ связи съ другою женщиной, такъ билъ свою жену, что она бросилась въ рѣку, чтобъ избѣжать мужа, съ которымъ встрѣтилась на берегу. Въ другомъ случаѣ, мужъ разбилъ своей беременной женѣ голову и, поваливъ на землю, топталъ ее ногами. Волостной судъ отказался разбирать жалобы женъ въ обоихъ этихъ случаяхъ, предоставивъ ихъ на рѣшеніе уголовнымъ порядкомъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Вотъ все, что мы могли извлечь изъ нашихъ рѣшеній на счетъ тѣхъ отношеній супруговъ, которыя подводятся закономъ подъ рубрику личныхъ, хотя и не совсѣмъ точно, такъ какъ тутъ есть, напр., вопросъ о пропитаніи и содержаніи, который дол-

женъ былъ-бы принадлежать къ области отношеній имущественныхъ.

Если бросить *coup d'oeil* на разсмотрѣнный отдѣлъ рѣшеній, можно замѣтить въ немъ много сбивчиваго, неопредѣленнаго, даже противорѣчащаго, такъ какъ по многимъ вопросамъ обычай еще не отлился въ законную форму, а самъ видоизмѣняется и развивается, приспособляясь къ обстоятельствамъ. Впечатлѣннѣе, производимое рѣшеніями, также сбивчиво, неопредѣленно, противорѣчаще. Съ одной стороны, изъ нѣкоторыхъ фактовъ, представляемыхъ рѣшеніями, видно, какъ могучи въ народѣ традиціонные элементы, заимствованные изъ понятій родового быта, желающіе держать женщину на степени рабы, безпрекословно повинующейся своему господину и рѣшительно не имѣющей никакой собственной воли, но съ другой стороны, можно замѣтить, что на сцену появляются уже другія живыя силы, стремящіяся дать женщинѣ нѣкоторую самостоятельность, защитить ее отъ деспотизма мужа. Даже тотъ, кто скептически отнесется къ существованію медленнаго, но тѣмъ не менѣе правильнаго поступательнаго движенія въ нашемъ крестьянствѣ, даже тотъ не можетъ не замѣтить, что крестьянскій судъ, руководствующійся своими обычными понятіями о справедливости, относится къ женщинѣ мягче, чѣмъ законъ. Затрудненія, вытекающія изъ брачнаго союза, разрѣшаются у крестьянъ проще, цѣлесообразнѣе и справедливѣе, чѣмъ у другихъ сословій; интересы слабой стороны, т. е. женщины, болѣе принимаются во вниманіе въ волостныхъ, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ судахъ, обязанныхъ точно руководствоваться закономъ.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣляются въ волостныхъ судахъ имущественныя права женщины.

Крестьянскій обычай такъ-же признаетъ раздѣльность имущества супруговъ, какъ и законъ, но понимаетъ ее нѣсколько иначе. Между крестьянами нѣтъ такой строгой разграниченности имущественныхъ сферъ, какая принимается закономъ. Есть часть имущества жены, въ которую мужъ, по обычаю, никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ вступаться: это такъ называемое въ архангельской губерніи платное приданое, т. е. приданое, состоящее изъ различныхъ принадлежностей одежды. Считается для мужа зазорнымъ дѣломъ изъявлять притязанія на это имущество жены и подвергается посмѣянію та женщина, которая дозволяетъ

мужу такое вмѣшательство. Но въ приданое жены входитъ не только одежда; иногда, хотя и рѣдко, у богатыхъ крестьянъ, она получаетъ отъ родителей деньги, скоть и т. п. Это уже не называется собственно приданнымъ, а надѣлкомъ. Право жены на надѣлокъ далеко не такъ безусловно, какъ право на приданое. Деньги иногда, по предварительному условію, идутъ прямо въ руки мужа и онъ тогда распоряжается ими, какъ своею собственностью, иногда-же онѣ остаются у жены; скоть-же, пришедшій въ приданое, никогда не считается полною собственностью жены на томъ основаніи, что его надо кормить, а кормить приходится сѣномъ, родившимся на „душѣ“ мужа. Оттого-то скоть относится къ той части имущества, которая составляетъ общую собственность супруговъ; почти вся область домашняго хозяйства составляетъ именно такую общую собственность. Въ этой общей собственности главная роль распорядительницы принадлежитъ женщинѣ; многими предметами она можетъ распоряжаться совершенно безконтрольно; продаетъ, покупаетъ, даетъ займы и т. д. Власть и участіе мужа въ большинствѣ случаевъ тутъ чисто номинальныя. Въ нѣкоторыхъ, несравненно болѣе рѣдкихъ случаяхъ мужъ возвращается къ старымъ порядкамъ, виѣшивается во все, требуетъ во всемъ отчета и отнимаетъ у жены всякую самостоятельность въ какой-либо имущественной области, кромѣ области собственно приданого; но такіе случаи, повторяемъ, очень рѣдки въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прочно установилась малая семья. И хотя уклоненія къ старымъ порядкамъ и формамъ случаются, но уже несятъ болѣе или менѣе исключительный характеръ. Нельзя не упомянуть здѣсь объ одномъ замѣчательномъ рѣшеніи, которое стоитъ совѣмъ особнякомъ и представляетъ интересный случай возвращенія къ отжившимъ юридическимъ воззрѣніямъ, рѣшительно не совмѣстнымъ съ настоящимъ устройствомъ крестьянской семейной жизни, т. е. малой семьи. Жена тайно покупаетъ у крестьянина краденное масло. Когда это обстоятельство открылось, то въ судъ призываютъ не провинившуюся женщину, а ея мужа и наказываютъ его трех-суточнымъ арестомъ, такъ-какъ, по объясненію суда, „жена ничего не должна покупать и продавать безъ дозволенія мужа.“ Между тѣмъ, навѣрное у cadaго изъ семейныхъ крестьянъ, подписавшихъ рѣшеніе, жена сама и покупаетъ, и продаетъ, и имѣетъ собственныя деньги, которыми рас-

поряжается по произволу. Вотъ какъ живуча бываетъ сила преданія; нежданно-негаданно врывается она на поверхность совершенно иного порядка вещей, гдѣ она является чѣмъ-то въ высшей степени аномальнымъ и уродливымъ. Съ какою-бы, казалось, стати вдругъ выступить родовому принципу отвѣтственности мужа за проступокъ жены, когда всѣ новые порядки утвердили за женщиной право на имущественную самостоятельность, обуславливающую, конечно, и отвѣтственность за противозаконное распоряженіе своимъ имуществомъ? Это очень несообразно, нѣтъ спору; но все-таки тутъ отвѣчаетъ мужъ за жену: онъ считается и по закону, и по обычаю выше жены и потому можетъ имѣть нравственную обязанность руководить низшимъ существомъ — женою, а ужъ если признать за нимъ обязанность руководить, то, пожалуй, не будетъ противъ логики и привлечь его къ отвѣтственности за неисполненіе обязанности.

Между всѣми рѣшеніями волостныхъ судовъ это единственное, которымъ признается такое полное отсутствіе имущественныхъ правъ у жены. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, представляемыхъ рѣшеніями, дѣло ставится совершенно иначе. Приданое жены всегда и безусловно ограждается волостнымъ судомъ отъ посягательствъ мужа, который нерѣдко и подвергается наказанію за это посягательство. Мало того: если жена жалуется на растрату мужемъ вещей, относящихся къ общему семейному имуществу; то и тутъ волостной судъ считаетъ себя вправѣ запрещать ему растрату и даже подвергаетъ его наказанію, не обращая вниманія на то, что растрачиваемыя вещи нажиты имъ и могутъ поэтому считаться его собственностью. Не знаемъ, однако, слѣдуетъ-ли это считать крестьянскимъ обычаемъ? Можетъ быть, пушно приписать такое вмѣшательство волостного суда въ имущественныя дѣла вліянію „Сельскаго устава о благоустройствѣ крестьянъ“, которымъ обязаны руководствоваться волостной судъ; въ этомъ уставѣ сказано: „наказываютъ тѣхъ, кто, по нерадѣнію, лѣности, пьянству и тому подобной развратной жизни, разстраниваютъ свое хозяйство и сдѣлаются несостоятельными къ платежу казенныхъ податей и повинностей“. Разумѣется, крестьянскій міръ, связанный круговою порукой, зорко блюдетъ за каждымъ своимъ членомъ, имѣя свой интересъ заботиться о томъ, что-бы онъ какъ-нибудь не лишился способности быть платежной душой: будь или не будь уставъ, крестья-

яне, можетъ-быть, силою тяжелой экономической необходимости должны-бы были дойти до того-же вмѣшательства въ частныя дѣла, какое теперь требуется уставомъ. И вмѣшательство иногда простирается до возмущающихъ предѣловъ. Крестьянское общество или волостной судъ считаютъ себя вправѣ учитывать каждую копейку, которую бѣдная податная душа могла употребить не на исполненіе тѣхъ обязанностей, для которыхъ она, кажется, только и существуетъ на свѣтѣ, а „на бесполезныя потребности.“ Жена жалуется, что мужъ не даетъ пропитанія. Мужъ оправдывается тѣмъ, что годъ голодный, и потому рѣшительно не имѣетъ средствъ ее содержать. Нѣтъ, разсчитываетъ волостной судъ. врешь: ты живешь у хозяина, на хозяйскомъ содержаніи, жалованья получаешь 20 рублей въ годъ, вотъ тебѣ и есть чѣмъ уплатить подати; ну, а хлѣбъ-то, 9 мѣръ, что родился на твоёмъ участкѣ, гдѣ? Не отдалъ жевѣ, не можешь дать отчета въ томъ, что употребилъ его, какъ прилично податной душѣ, значитъ, вѣрно, истратилъ „на бесполезныя потребности, чѣмъ и выказываешь свои порочныя наклонности“, ну, и наказать розгами съ строгимъ внушеніемъ, „чтобъ удерживался впередъ отъ растраты своего достоянія“. Тяжелое впечатлѣніе производитъ это рѣшеніе: возмущаетъ сильно это вмѣшательство, которое какъ-бы не хочетъ признать въ человѣкѣ ничего, кромѣ способности къ отбыванію податей; но что-же дѣлать? Все подчиняется только желѣзной, роковой силѣ экономической необходимости. Волостной судъ, конечно, правъ въ своемъ стремленіи удовлетворить жену; жена права, требуя отъ мужа помощи для себя и для своихъ дѣтей, такъ-какъ женщинѣ трудно прокормиться и самой, а не то что прокормить дѣтей въ неурожайный годъ; но кто осудить и мужа за то, что онъ не можетъ удовлетвориться хозяйскимъ харчомъ и исправнымъ платежомъ податей, а имѣетъ и еще кое-какія „бесполезныя“ потребности. Когда сельское общество замѣчаетъ, что хозяйство супруговъ идетъ плохо по ихъ винѣ, напр., вслѣдствіе взаимныхъ неудовольствій, то доноситъ объ этомъ обстоятельствѣ волостному суду, который обязываетъ супруговъ жить согласно, а чтобы это обязательство чувствовалось ими сильнѣе, не преминетъ наказать того и другого за несогласную жизнь.

Изъ этихъ примѣровъ видно, до чего доходитъ вмѣшательство крестьянскаго общества въ дѣла своихъ членовъ. Растрата му-

жесть имущества, даже его собственного, запрещается и влечетъ за собою наказаніе. Это мы приписываемъ отчасти вліянію закона, а главное—экономической необходимости, ставящей на первомъ планѣ не самостоятельную личность крестьянина, а его способность къ отбыванію податей. Но обычай, защищающій имущество жены отъ мужа, есть обычай совершенно оригинальный, и о происхожденіи его было уже говорено выше. Онъ такъ твердо установился, что и нарушеніе его бываетъ сравнительно рѣдко. Развѣ какой-нибудь пьяница стащить въ кабакъ женины платокъ, чтобъ опохмѣлиться, или въ минуту безвыходной крайности рѣшится мужъ продать или заложить что-нибудь изъ вещей жены на покупку хлѣба; но оба эти случая уже выходятъ изъ колеи обыденнаго теченія вещей, которымъ заправляетъ обычай. Интересно объясненіе, которое даетъ мужъ, въ одномъ рѣшеніи, по поводу обвиненія его женою въ растратѣ имущества; онъ объясняетъ, что расточаетъ имущество и пьянствуетъ „отъ постоянныхъ ругательствъ жены и *отказа* въ управленіи хозяйствомъ“.

Имущественными отношеніями супруговъ при ихъ жизни и опредѣляется окончательно размѣръ имущественныхъ правъ женщины; чтобъ сказать, велики или малы эти права,—необходимо знать, какъ обезпечивается женщина послѣ смерти мужа. Выше мы представили въ общихъ чертахъ наслѣдственные права жены по крестьянскимъ обычаямъ. Разсмотримъ теперь, какъ относится волостной судъ къ правамъ жены на обезпеченіе послѣ смерти мужа. Для удобства сгруппируемъ рѣшенія и потомъ сдѣлаемъ выводы по каждой группѣ: сначала посмотримъ, какъ опредѣляются права вдовы неотдѣленнаго члена большой семьи, бездѣтной и имѣющей дѣтей, затѣмъ право бездѣтной вдовы отдѣленнаго самостоятельнаго члена. Вдовѣ отдѣленнаго члена, имѣющей дѣтей, не приводится имѣть дѣло съ судомъ, такъ-какъ ея права, какъ полной распорядительницы, если не собственницы имущества мужа, признаются безспорными и никому не придется въ голову ихъ нарушить.

Молодая вдова неотдѣленнаго сына обыкновенно послѣ смерти мужа беретъ свое приданое, кое-что изъ вещей мужа, достаемое ей по обычаю и отправляется обратно къ своимъ родителямъ; при этомъ волостной судъ обязываетъ иногда свекра дать ей еще въ пособіе и единовременную отсыпь (извѣстное количество хлѣба),

вѣроятно, принимая въ расчетъ ея работы на семью. И она отправляется куда-нибудь вонъ изъ дому покойнаго мужа, такъ какъ ей не можетъ быть пріятно оставаться во власти чужого свекра; полный деспотическихъ замашекъ, онъ всегда готовъ раздѣляться съ подчиненною невѣсткою по-свойски: и побьетъ ее, и откажетъ ей въ пропитаніи, и выгонитъ ее изъ дому, и будетъ продавать ея вещи, какъ показываютъ рѣшенія. Но все-таки, если-бъ ей некуда было дѣться и она захотѣла-бы остаться у свекра, онъ обязанъ кормить ее, за-что, конечно, она платитъ своимъ трудомъ, или, наконецъ, если-бъ онъ не могъ кормить за недостаткомъ средствъ, то обязанъ дать хотя помѣщеніе. Если женщина и не имѣетъ дѣтей, но жила долго въ семьѣ мужа, то этимъ она получаетъ право на обезпеченіе отъ семьи, въ которой она работала. По одному рѣшенію, женщина вдова проситъ взыскать съ своего девера обуви и одежды за 16 годовъ, проведенныхъ ею въ общей семьѣ, и затѣмъ требуетъ особаго помѣщенія въ домъ девера. Деверъ и соглашается отвести ей для житья особую горенку, обязуясь скласти въ ней печь, съ тѣмъ, чтобы дрова для отопленія приготовляла невѣстка сама, а ввозила ихъ на лошади девера, а для содержанія ея обязуется дать въ первый годъ по раздѣлѣ отсыпного хлѣба ржи 6 четвериковъ и ячменя 4 четверика, молока одно ведро, масла 3 фунта, картофеля 3 четверика, брюквы 3 четверика, капусты половину грады; а въ слѣдующемъ году хлѣба — ржи 3 четверика, ячменя 1 четверикъ и овса 1 четверикъ; въ будущіе годы давать ей по 2 четверика ржи и по 1 четверику ячменя ежегодно. Затѣмъ невѣстка обязуется ничего болѣе не требовать отъ девера.

Однимъ изъ рѣзкихъ доказательствъ того значенія, какое имѣетъ въ юридическихъ воззрѣніяхъ крестьянства трудъ, есть право наслѣдованія бездѣтной жены послѣ отдѣленнаго мужа, если только они жили вмѣстѣ продолжительное время. Права женщины на имущество, пріобрѣтенныя трудомъ, вложеннымъ ею для поддержанія и приращанія этого имущества, заставляютъ отступать всѣ другія права, основанныя на родствѣ. Иногда отецъ изъясняетъ претензіи на имущество своего отдѣленнаго сына, показывая готовность взять невѣстку къ себѣ и дать ей содер-

жаніе; но судъ отказываетъ свекру въ такой просьбѣ, если невѣстка дѣйствительно жила съ мужемъ довольно долго. Да если-бъ жена жила съ мужемъ и не долго, но помогала ему, кромѣ своего труда, и имуществомъ, — этимъ она получаетъ право на наслѣдство послѣ мужа; такъ, по одному рѣшенію, бѣздѣтная вдова получаетъ домъ, оспариваемый свекромъ, такъ-какъ этотъ домъ былъ выстроенъ послѣ раздѣла при помощи ея приданаго.

Вдова отдѣленнаго члена семьи, имѣющая дѣтей, признается наслѣдницей или, по крайней мѣрѣ, полной распорядительницей имущества мужа, и права ея на-столько неоспоримы, что не возникаетъ никакихъ дѣлъ по этому поводу. Вмѣстѣ съ имуществомъ мужа она беретъ на себя и долговныя обязательства, лежащія на этомъ имуществѣ, впрочемъ, только въ такомъ случаѣ, если имущество достаточно велико, чтобъ могло вынести тяжесть этихъ обязательствъ. Если-же оно не такъ велико, чтобъ могло обезпечить жену, то отъ нея не требуютъ уплаты долговъ, особенно если дѣло идетъ не о частныхъ долгахъ, а о казенныхъ: такіе долги взыскиваются обыкновенно съ поручителей, жена-же или вовсе не участвуетъ въ платежѣ, или участвуетъ такою долей, которая считается для нея посильной.

Вотъ и все, что я могла извлечь изъ тѣхъ матеріаловъ, которыми располагала. Глубоко сознаю, какъ всего этого недостаточно для сколько-нибудь удовлетворительной характеристики предмета; но меня успокоиваетъ мысль, что въ этой области, еще совершенно нетронутой, почти необращавшей на себя ничего вниманія, можетъ быть, полезно и мое немногое. Насколько я права, — предоставляю рѣшить читателю.

Сдѣлаю теперь сжатое резюме всего сказаннаго выше.

Два противоположныя начала господствуютъ въ жизни русскаго крестьянства. Одно — продууть древнѣйшихъ эпохъ народной жизни — начало патріархальное, родовое, подавляющее личность; другое — результатъ дальнѣйшаго развитія народа, приспособившагося къ окружающимъ его условіямъ, — начало экономическое, трудовое, стремящееся вызвать къ жизни самостоятельную личность. Все по происхожденію — вотъ лозунгъ одного; все по

труду — лозунгъ другого. Понятно, какой важный шагъ въ прогрессивномъ смыслѣ сдѣлала жизнь, выработавъ второй лозунгъ въ замѣну перваго. Съ измѣненіемъ началъ измѣнялись и внѣшнія формы, въ какихъ проявлялись эти начала: чисто-патріархальную задругу смѣняетъ великорусская семья съ замѣтно развитымъ уже экономическимъ характеромъ; великорусская большая семья смѣняется малой семьей, такой формой, гдѣ личность можетъ найти себѣ наибольше простора.

Патріархальныя основы жизни очень живучи; крайне упорно борются они противъ новыхъ началъ, крайне трудно и медленно уступаютъ имъ поле битвы; но ни въ чемъ ихъ живучесть не оказывается такъ рѣзко, какъ въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыми опредѣляется положеніе въ семьѣ женщины. Какую-бы форму семьи въ народѣ ни взяли мы, вездѣ патріархальныя начала выступаютъ могучею силой, подавляющею личность женщины, лишаящую ее самостоятельности. Только въ позднѣйшей формѣ малой семьи, въ ея экономическомъ устройствѣ, является зародышъ противодѣйствія патріархальнымъ началамъ. Довольно рѣзко проявляется это противодѣйствіе въ сферѣ отношеній имущественныхъ, гораздо слабѣе въ сферѣ отношеній личныхъ. Но какъ-бы то ни было, здоровый зародышъ есть; дѣло въ томъ, какъ поидеть его развитіе. Если это развитіе будетъ предоставлено, какъ до сихъ поръ и было, исключительно собственнымъ силамъ народа, оно будетъ совершаться, но совершаться съ тою, если можно такъ выразиться, зоологическою медленностью, которою отличаются всѣ процессы развитія, гдѣ сознаніе, мысль не участвуютъ, какъ дѣятельныя, движущія силы. Чтобъ ускорить эти процессы, единственное средство — внести въ нихъ созвательную мысль, и здѣсь одна изъ задачъ той великой миссіи, которую высшіе образованные классы націи должны взять на себя по отношенію къ народу. Изучить народъ, ознакомиться хорошенько съ его здоровыми задатками и направить ихъ, распространеніемъ мысли и знанія парализовать его темныя стороны — вотъ путь, которому должна слѣдовать эта миссія.

Е. Ефименко.

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

V.

Въ Губерляхъ.

— Ну, гроза нынче ночью будетъ, страсть! произнесъ ямщикъ изъ мѣстныхъ казаковъ и сталъ тянуть изъ подъ себя запасной халатъ.

— Да, что-то подозрительно солнце садится, замѣтилъ Ледоколовъ.— Чу! громъ никакъ?!

— Вѣтеръ изъ чумнаго ущелья рвется; вотъ оно и гремитъ по горамъ завсегда такъ, объяснилъ казакъ происхожденіе глухого грохота, доносившагося до слуха путешественниковъ.— Эй вы, дьяволы, пошевеливайтесь, что-ли!..

Онъ подобралъ возжи и подхлеснулъ пристяжную; та наддала задомъ и шарахнулась въ бокъ, нажавши на оглобли; какой-то угловатый, чернѣй камень торчалъ у самой дороги и встревожилъ подозрительнаго коня.

— Испужалась!.. намъ-бы только до станціи добраться; а тамъ ночевать будете, потому—въ эту пору никто васъ Губерлями не повезетъ.

— Опасно, что-ли?

— Косогоры, обрывы, дорога чистѣй камень—скользко; опять не видать ничего. Долго-ли до грѣха!

Сильный порывъ вѣтра, налетѣвшій совершенно неожиданно, чуть было не сорвалъ шанку съ головы Ледоколова, тотъ уже, почти на-лету прихватилъ ее рукою.

— Надо верхъ поднять. Подержи лошадей.

Звонъ колокольчика и стукъ колесъ по каменистой дорогѣ замолкли, когда ямщикъ остановилъ лошадей. Глухой, заунывный вой доносился снизу изъ ущелий, затянутахъ темно-сизымъ туманомъ. Солнце сѣло за громадную черную тучу, медленно поднимавшуюся изъ-за горизонта. Ярко красный, багровый свѣтъ пылалъ изъ-за этой тучи и, словно раскаленные, рисовались на вечернемъ небѣ отдѣльно разбросанныя, скалистыя вершины. Дорога шла по уступамъ каменистыхъ холмовъ, безпрестанно поднимаясь и опускаясь. Направо и налѣво чернѣли мѣстами глубокія трещины; жалкіе кустарники цѣплялись кое-гдѣ по откосамъ.

Въ сторонѣ, на высокомъ косогорѣ, навскось торчала одинокая полувисокая сосна; вершина дерева, расщепленная громовымъ ударомъ, высоко поднималась, упираясь въ самое небо своимъ занозистымъ, обуглившимся остриемъ и вотъ-вотъ собиралась прорвать грозно надвигавшуюся тучу.

— Видѣли?.. таинственно произнесъ ямщикъ.

— Что?

— Сосну. Вонъ на этой-то самой соснѣ въ ину пору, ночью, огонь стоитъ на самой вершинѣ. Словно свѣчка теплится...

— Ты самъ видѣлъ? спросилъ Ледоболовъ, поглядывая на оригинальное, такъ высоко забравшееся, изуродованное дерево.

— Нѣтъ, самому не приходилось; наши сказывали. — Урядникъ станціонный въ прошломъ году выдалъ; говорилъ: страсть! Пылаетъ ровно пакель (факель), а, это, около, словно кто въ колоколь бьетъ, таково протяжно. Подѣхалъ ближе: ничего, все какъ слѣдуетъ.

— Можетъ, онъ пьянъ былъ?

— У Березинскаго старшины на крестинахъ былъ — точно.

— Ну вотъ.

— Казначей тутъ, сказываютъ, ѣхалъ, — давно это было, еще о ту пору, какъ наши казаки отъ царицы Катерины первыя льготы получали... Ну вотъ ѣхалъ казначей... Эй вы, что-ли!..

— Легче подѣ гору.

— Ничего, кони привычныя. Ѣхалъ это казначей и около самаго этого мѣста остановился; надобность, можетъ, какая была, хватъ-похватъ — сумки нѣту. А въ сумкѣ-то у него деньжищъ казенныхъ было... Тп-р-ру!

— Что тамъ?

— Развозжалась.

— Ну, намъ отъ грозы не уйти.

— Можетъ, поспѣемъ. Эй вы, потрогивай!..

Крупныя капли дождя съ глухимъ стукомъ забарабанили по туго натянутой кожѣ экипажного верха. Стеннѣло. Тучи заволокли послѣдніе отблески вечерней зари, и только въ одномъ мѣстѣ, около рѣзко очерченнаго края, сверкала одинокая звѣзда. Вотъ и она исчезла. Исчезли очертанія скалистыхъ краяхъ; исчезло все, поглощенное густымъ мракомъ; и только на нѣсколько шаговъ отъ экипажа чуть-чуть блестя мокрая отъ дождя, кремнистая дорога.

Вдругъ полъ-неба вспыхнуло разомъ... Въ этомъ красномъ, пожарномъ свѣтѣ промелькнула змѣеобразная, голубоватая, ослѣпительная борозда. Громовый ударъ треснулъ, словно пушечный выстрѣлъ у самого уха... На секунду все затихло... и глухо зарокотали по горамъ и ущельямъ громовые перебаты, то затихая, то раздаваясь съ новою силою, то гдѣ-то далеко, далеко, то почти надъ самыми головами путешественниковъ.

— Гляди, баринъ, съ нами крестная сила! наклонился съ возель ямщикъ,—вотъ оно, вотъ!..

— Что тамъ?

— Назадъ гляди: оно самое. Да воскреснетъ Богъ и расточатся...

Ледоколовъ выглянулъ. Онъ высунулся изъ экипажа, его обдало холоднымъ дождемъ; онъ закрылся полою непромокаемаго плаща и повторилъ попытку взглянуть по указанію ямщика.

Высоко, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла сосна, теплилась небольшая огненная точка, и этотъ фосфорическій, мигающій свѣтъ, казалось, находился въ постоянномъ движеніи. Онъ прыгалъ по вѣтвямъ дерева, взбирался на самую верхушку и тамъ исчезалъ на мгновеніе, и снова показывался, и снова исчезалъ...

— Это душа казначейская томится, шепталъ ямщикъ.—Удавился онъ въ ту пору, сердечный...

— Поосторожнѣй.

Тарантась сильно качнуло. Снизу доносился шумъ воды и всплеска, какая-то громадная черная масса загромодила дорогу.

— Что это, станція? спросилъ Ледоколовъ.

— Какая станція... Что за диеовина?! До станціи еще верстъ пять будетъ.

— Окно свѣтитса... Да это дормезъ, кажется, на боку лежитъ. Придержи лошадей.

Еще разъ освѣтилось грозное небо; опять зарокотали горы. При блескѣ молніи, ясно можно было разобрать внизу на дорогѣ большой дормезъ, стоящій наклонно на трехъ только колесахъ. Внутри этого дормеза было освѣщено и слышались голоса. Лошади съ отстегнутыми постромеами стояли около экипажа и, опустивъ головы, повернулись задами къ вѣтру, жались и вздрагивали при каждомъ громовомъ ударѣ. Ямщика не было: онъ, вѣроятно, уѣхалъ на уносныхъ лошадяхъ и намокшіе веревочные уносы виѣстъ съ вальками висѣли на концѣ экипажного дышла.

— Боже мой! я готова умереть: я не выдержу болѣе!.. взвизгнула Фридерика Казиміровна, когда молнія ярко освѣтила экипажное окно, и жалкою, грязноватою точкою показалось въ это мгновеніе крохотное пламя внутренняго фонаря.—Это ужасно..

Она уткнулась носомъ въ подушку и тяжело дышала, такъ-какъ въ наглухо, со всѣхъ сторонъ, закрытомъ экипажѣ было душно и невыносимо жарко.

— Мама, я отворю окна. Это невыносимо, я задыхаюсь, говорила Адель и рванулась привести въ исполненіе свое намѣреніе.

— Ада... пощади. Ты знаешь, какъ это опасно, стонала маменька.—Ты отворишь, молнія влетитъ и всѣ мы погибнемъ.

— Но мнѣ дышать нечѣмъ... Мнѣ душно...

— Лучше перетерпѣть...

— Это на счетъ молніи вы, Фридерика Казиміровна, напрасно беспокоитесь, началъ Катускинъ.—Вотъ развѣ дождемъ помочить, это точно.

Онъ сидѣлъ на передней лавочкѣ, подобравъ подъ себя ноги и боясь пошевелиться. Ему было страшно неловко, ноги у него затекли и въ колѣняхъ бѣгали мурашки, но онъ стойчески выносилъ свое стѣсненное положеніе, боясь потревожить дамъ.

— Какую ужасную ночь мы должны будемъ провести, стонала Фридерика Казиміровна.

— Ничего-съ; можетъ, скоро ящикъ подѣдетъ, утѣшалъ ее Катускинъ.

— Иванъ Демьяновичъ...

— Что прикажете-съ?

— У васъ есть пистолеты?

— Какже-съ; мы въ степь безъ оружія никогда не ѣздимъ, только теперь пока не требуется, они—въ чемоданѣ уложены...

— А что здѣсь есть бандиты?..

— Нѣтъ, бандитовъ не водится.

— Да вѣдь это горы; мы вѣдь въ горахъ?

— Такъ точно, Губерли прозываются, отрогъ Уральскаго хребта, а тамъ дальше пойдетъ...

— Мама, какъ хочешь, а я отворю.

Адель взялась за тесьму.

Опять вспыхнула яркая молнія, опять взвизгнула на всѣ Губерли Фридерика Казиміровна. На этотъ разъ струсила и сама Адель; она быстро отодвинулась отъ окна и смотрѣла въ него широко раскрытыми, испуганными глазами.

Чье-то блѣдное, бородатое лицо мелькнуло за напотѣвными стеклами окна. Свѣтъ молніи словно голубоватымъ бенгальскимъ огнемъ освѣтилъ высокую фигуру въ плащѣ, въ башлыкѣ, стоявшую у самой экипажной подножки.

— Что я видѣла?.. шептала Адель.

— Ада, не пугай, волновалась госпожа Брозе.

— Ящикъ, ты, что-ли? громко окликнулъ Катускинъ. — Фридерика Казиміровна, позвольте, я выйду: можетъ, помочь что нужно...

— Ахъ нѣтъ, сидите; не пушу, въ такую критическую минуту мы будемъ однѣ.

Рука безъ перчатки показалась у самаго стекла и легко постучала въ окно. Адель замѣтила блестящій перстень на одномъ изъ пальцевъ таинственной руки.

— Я—прѣзжающій. Съ вами случилась одна изъ дорожныхъ неприятностей. Не могу-ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезень.

— Это онъ, мама, тихо произнесла Адель,—нашъ самарскій vis-a-vis.

— До станціи не далеко: вы, вѣроятно, скоро доѣдете. Нельзя-

ли вамъ поторопить нашего ямщика, послѣшилъ произнести Катушкинъ.

— Ради Бога. Мы здѣсь задыхаемся! крикнула Адель.

— Отворите окно...

— Ни за что... Ахъ!.. крикнула, въ свою очередь, Фридриха Казиміровна.

Даже Ледоколовъ вздрогнулъ отъ страшнаго громового удара, прервавшаго переговоры.

— Это гдѣ-нибудь близко въ скалу ударило, говорилъ ямщикъ съ козелъ ледоколовскаго тарантаса.

— Мой экипажъ къ вашимъ услугамъ и я доведу васъ до станціи, если вамъ угодно, предложилъ Ледоколовъ.

— Ахъ, какъ это хорошо; маменька, дайте мнѣ мой большой платокъ, обрадовалась Адель.

— Э, гм... замаялся Иванъ Демьяновичъ.

— Я не поѣду ни за что, я не рѣшусь, говорила госпожа Брозе.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду одна, объявила Адель.

— Ада...

— Тяните къ себѣ дверцу, у меня не хватаетъ силы, крикнула дѣвушка Ледоколову.

— Ада... Ада...

Сильный порывъ вѣтра обдалъ мелкими брызгами дождя всѣхъ пассажировъ, когда Ледоколовъ распахнулъ дверцу дормеза.

— Я васъ перенесу на рукахъ.

Онъ протянулъ руки.

— Ада, Ада, дитя мое!..

— Какъ хорошо, какъ свѣжо!

Тарантасъ Ледоколова стоялъ шагахъ въ трехъ, не болѣе, отъ дормеза; на одно только мгновеніе почувствовала Адель, какъ двѣ сильныя руки подняли ее на воздухъ; затѣмъ она уже сидѣла въ тарантасѣ, прижавшись въ уголъ и сѣясь во все горло: ей вдругъ стало почему-то необыкновенно весело.

— Мама, мама, скорѣе! кричала Адель.

— Пожалуйста, протягивалъ вторично руки Ледоколовъ.

— Ни за что!

— Мама, да идите!

— Что-же, Фридерика Казимировна, теперь уже все одно-съ: пожалуйте! вдохнулъ Катускинъ и добавилъ какъ-бы про себя: — своенравная барышня!

— Ай! ступила-было на подножку г-жа Брозе и опять пятилась назадъ.

— Смѣлѣе! одобрительно говорилъ Ледоколовъ.

— Я уже при экипажѣ останусь; такъ вы уже похлопочите тамъ на станціи, чтобы насчетъ колеса... станціонному скажите: отъ Лопатина, Ивана Иларіоновича, — онъ знаетъ, обратился Катускинъ къ Ледоколову.

— Непремѣнно. Пошелъ!

Черезъ минуту звонъ колокольчика подъ дугою ледоколовской тройки чуть слышался въ воѣ вѣтра и глухомъ шумѣ проливного дождя.

Иванъ Демьяновичъ завернулся въ шинель, вытянулся во всю длину дормеза, подsunулъ себѣ подъ голову подушку, подъ бокъ другую, закурилъ папиросу и сточески принялся ожидать результатовъ своего порученія.

„Гувернантка — ха, ха! Не сдобровать Ивану Иларіоновичу съ такою гувернанткой, да-съ! началъ онъ свои размышленія. — При такомъ, — такъ сказать, оживленіи нашего тракта народу ѣдетъ всякаго много... ги! глаза молодые разбѣгутся... услужливость эта проклятая, — ну, и шабашъ! Да мнѣ-то что? — только бы довести, да сдать...“

Онъ опустилъ стекло и выбросилъ папиросный окурокъ.

„Симсонъ сказывалъ, продолжалъ думать вслухъ Иванъ Демьяновичъ, — что за лѣшій такой? Меня знаетъ, Лопатина знаетъ, всѣхъ знаетъ. Разспрашивалъ, что и какъ, — подозрительно! Да вѣдь примѣты какія — ничего не разберешь! Всѣхъ перебралъ — подходящаго нѣтъ... Что за чортъ, право, въ самомъ дѣлѣ? — Тс! ѣдутъ нивакъ...“

Ему послышался какъ-будто топотъ конскихъ ногъ по дорогѣ; прислушался — ничего не слышать.

Ивовый пенъ, подмытый дождевыми потоками, сползъ съ своего мѣста, нависъ надъ обрывомъ и — рухнулъ въ воду. Коня, привязанные къ дышлу, шарахнулись и стали рваться; тяжелый дормезъ заскрипѣлъ и покачнулся.

— Тирру, вы, дьяволы! крикнулъ Катускинъ, высунулся изъ

окна и посвисталъ успокоительнымъ образомъ, какъ обыкновенно свистять ямщики во время водопоя. Лошади перестали биться. Катушкинъ началъ дремать.

На просторномъ дворѣ станціоннаго дома уже стояло нѣсколько экипажей, задвинутыхъ до половины подъ окружающіе дворъ навѣсы. Подслѣповатый фонарь со стеклами, заклеенными бумагою, мигалъ у столба, въ воротахъ двора. Другой фонарь, поменьше, чуть-чуть освѣщалъ покосившееся крыльцо. Если свѣтъ этихъ двухъ фонарей не былъ достаточенъ для того, чтобы въѣхавшій въ отворенныя ворота тарантасъ Ледоколова не наткнулся-бы на другіе экипажи, за то яркія, широкія свѣтлыя полосы, направляясь изъ оконъ, тянулись черезъ весь дворъ и достигали даже самой глубины навѣсовъ, гдѣ видѣлись сѣрныя, воронья, рыжія, гнѣдые, пѣгія и всѣхъ прочихъ мастей почтovyя лошади, стоявшія тѣсными рядами у кормовой колоды.

Окна станціоннаго дома были отворены и оттуда неслись самыя разнообразныя звуки: брякала посуда, слышались возгласы: „ну, шельма, иси, подлець, ну, иси!“ — „Напе... дана... уголь отъ трехъ красныхъ!“ — „Тубо, Трезоръ, тубо, каналья!“ — „Манюся, ты ужь шестую никакъ?“ и т. п.

— Боже мой, сколько народу! испугалась Фридерика Казиміровна.

— Да, съѣздъ большой, говорилъ Ледоколовъ, слѣзая съ козель.

Онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ ямщикомъ и съ его непромокаемаго плаща вода текла, какъ съ крыши.

— Дальше дорога очень опасна въ горахъ и въ такую погоду до утра никого не повезутъ, сообщалъ онъ, помогая дамамъ поочередно выбраться изъ экипажа.

— Что-то дѣлаетъ теперь нашъ Иванъ Демьяновичъ? произнесла Адель, взбираясь на ступеньки крыльца. — Мама, осторожнѣй!

— Ничего, идите смѣлѣе, говорила сверху толстая, краснощекая баба-казачка, вышедшая въ сѣни посвѣтить пріѣзжимъ, загоразивая отъ вѣтра своею пухлою рукою сильно колеблющееся пламя салнаго огарка.

— Самовары доливай, Авдотья! кричалъ голосъ изъ вторыхъ сѣней. — Скажи Борькѣ, чтобы еще двѣ бутылки воды спросилъ у дьячка: проѣзжіе требуютъ.

— Ахъ, чортъ меня съѣшь и назадъ не верни! долетѣло изъ открытаго окна.

— Мама... немного струсила Адель.

— Какъ-же мы, что-же мы: здѣсь такъ уже много! замялась на порогѣ Фридерика Казиміровна.

Дверь отворилась. Десятки глазъ смотрѣли на новыхъ пріѣзжихъ. Кучеренокъ съ сильно развитыми бедрами не донесъ рюмки до своихъ свѣженькихъ, розовыхъ губокъ да такъ и остановился на полдорогѣ. Усатый блондинъ собирался положить кусочекъ колбасы на носъ Трезору и держалъ этотъ кусочекъ двумя пальцами. Слѣдохватовъ пріостановился метать и, на всякій случай, прикрылъ кучку скомканныхъ ассигнацій своею широкою ладонью; около него сидѣла довольно красивая блондинка съ громаднѣйшимъ, почти вертикально укрѣпленнымъ шиньономъ, несмотря на дорожный костюмъ, сильно напудреннымъ, и грызла ногти на своихъ пальчикахъ, сверкавшихъ чуть не полудюжиною разнообразныхъ перстеньковъ. За ними виднѣлись: плечо въ кителѣ съ штабъ-офицерскимъ пагономъ, спина въ казачьемъ мундирѣ и пара ботфортовъ со шпорами, принадлежащая кому-то, должно быть лежащему на диванѣ и, несмотря на шумъ, похрапывающему съ носовымъ присвистомъ.

Для пріѣзжихъ дамъ отвели слѣдующую комнату, поменьше, отдѣленную отъ первой только тоненькою перегородкой, недоходящею даже до потолка. Г-жа Брозе и ея дочка, потупивъ глаза и подобравъ свои шлейфы, прошмыгнули черезъ первую комнату подъ перекрестными взглядами всего общества; даже Трезоръ, неспускавшій сначала глазъ съ куска колбасы, и тотъ обратилъ вниманіе на Фридерика Казиміровну, обнюхавъ полу ея щегольского бурнуса.

Ледоволовъ притворилъ дверь за дамами и остался въ первой комнатѣ; всѣ проѣзжіе оказались болѣе или менѣе знакомыми ему: со всѣми приходилось встрѣчаться на пути: то на пароходѣ, то въ Самарѣ, то въ Оренбургѣ, или-же просто на станціяхъ.

— Господа, мы продолжаемъ? объявилъ Слѣдохватовъ.

— Э-э, позвольте! протянула спина въ казачьемъ мундирѣ. — Это все на смарку, и это тоже, и это тоже.

— Просто духъ захватываетъ! произнесъ штабъ-офицеръ и разобралъ пальцами свои густыя, черныя бакенбарды.

— Что такъ? спросилъ зеленоватый чиновникъ, сидѣвшій въ углу и упрекавшій передъ этимъ „Манюсю“ въ неумѣренности.

— Барыня хороша.

— Дочка?

— Маменька, то-есть — факъ! шикъ-особа. Глазами такъ и работаетъ. Вы съ ними знакомы? обратился онъ къ Ледоколову.

— Почти нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— Э, да это все равно: отрекомендуйте меня, представьте... ну, пожалуйста!

— Отрекомендуйтесь сами, коли хотите. Нельзя-ли чаю или чего-нибудь горячаго? спросилъ онъ казака-смотрителя.

— Сію минуту закипаетъ. Авдотья, скоро, что-ли?

— Что-же вы? говорила спина въ казачьемъ мундирѣ, опершись обѣими руками на столъ для поддержанія равновѣсія и пытливо глядя на банкюмета.

— У меня готово, произнесъ тотъ. — Вѣрочка, стойди по-далѣше: дышеть въ самое ухо...

— Eh bien! — Понтеръ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукою. — Мечите, что-же вы?

— Деньги на столъ.

— Что!

— Деньги. Ваша ставка такъ велика. Вы хотите отыграть-ся на одной картѣ...

— Что-же, вы мнѣ не вѣрите, вы мнѣ не вѣрите?..

— Это мое правило.

Блондинъ съ усами оставилъ въ покоѣ своихъ собакъ и под-сѣлъ къ столу; подошелъ и штабъ-офицеръ — бакенбардистъ и началъ рыться и пересчитывать въ своемъ бумажникѣ.

— У меня денегъ много... Я не знаю, выдержать-ли вашъ банкъ, а денегъ у меня много... Мионовъ... Мионовъ-чортъ... скотина!

Въ двери стремительно ворвался молодой казакъ-драбантъ, по всѣмъ признакамъ только-что проснувшійся.

— Шкатулку мою сюда... живо! Денегъ у меня нѣтъ, ха, ха, ха!

— Это мое правило, пожалъ плечами Спѣлохватовъ.

Мироновъ принесъ шкатулку. Шкатулку отперли. У Вѣрочки заблистали глазки; заблистали ярче, чѣмъ розетки на ея пальчикахъ, она даже покраснѣла немножко и нѣжно взглянула на обладателя такой цѣнной шкатулки.

— Мечите...

Спина въ казачьемъ мундирѣ была, что называется, далеко на второмъ взводѣ и потому въ ея манерахъ проявлялась необыкновенная размашистость и развязность, между тѣмъ какъ языкъ словно распухъ и съ трудомъ ворочался во рту.

— Вы въ Ташкентъ ѣдете? спросилъ кто-то у Ледоколова, скромно пріютившагося у другого столика въ сторонѣ и разбиравшаго чайный погребецъ.

— Вы меня спрашиваете? Онъ поднялъ голову.

Къ его столу подошелъ господинъ, котораго онъ не замѣтилъ съ перваго раза. Вѣроятно, его скрывала громадная, израсцовая печь, выдвинувшаяся чуть не на средину комнаты. Это былъ худощавый брюнетъ довольно высокаго роста съ длинными усами, съ добрыми веселыми глазами, нѣсколько рябоватый, и въ гололосѣ его ясно слышался малороссійскій акцентъ.

— Да, въ Ташкентъ, отвѣчалъ Ледоколовъ и невольно подвинулся, какъ-бы предлагая подлѣ себя мѣсто подошедшему.

Есть натуры, которыя располагаютъ къ себѣ съ перваго взгляда. Эта была одна изъ тѣхъ симпатичныхъ натуръ, и Ледоколову вдругъ очень захотѣлось разговориться и познакомиться покороче съ малороссомъ.

— Скука такая, право, сидишь здѣсь всю ночь,—пробовалъ заснуть, не могъ: шумать очень... Вы въ первый разъ ѣдете?

— Въ первый.

— А я такъ вотъ уже въ третій. Каждый разъ давалъ себѣ слово не возвращаться болѣе, а поживешь годикъ въ Россіи и опять потянетъ...

— Вы служить ѣдете?

— Нѣтъ, я уже послужилъ довольно тамъ, будетъ съ меня. Такъ собираюсь работать частнымъ человѣкомъ... Я, знаете, не много горное дѣло морую, такъ вотъ хочу попытать счастья.

— Въ самомъ дѣлѣ, обрадовался Ледоколовъ, — такъ мы по специальности товарищи; я тоже горный инженеръ.

— Вотъ и прекрасно, можетъ, вѣстѣ работать будемъ.

Минуть черезъ пять они совершенно сошлись и разговаривали, какъ самые старые знакомые, почти пріятели.

Доски тонкой перегородки не совсѣмъ плотно приходились одна къ другой. Фридерика Казиміровна смотрѣла въ одну щелку—Адель въ другую. Усатый блондинъ, пробравшись по заваленкѣ къ окну изъ комнаты, смотрѣлъ въ стекло, хотя и сильно затаявшее изнутри, но все-таки позволявшее рассмотреть все, что происходило въ комнатѣ. Впрочемъ, онъ ничего не видѣлъ, кромѣ широкихъ формъ госпожи Броне и менѣе широкихъ, но не менѣе граціозныхъ формъ ея дочери.

— Смотрителя березенской станціи видѣли? спрашивалъ бакенбардистъ зеленоватаго чиновника.

— Видѣлъ, это пятая станція отъ города, кажется.

— Ужъ тамъ какая она счетомъ, не знаю. А глазъ у него лѣвый видѣли? Хорошъ?

— Подбитъ сильно.

— Моихъ рукъ работа... Пріѣзжаю, — лошадей не даетъ: кромѣ курьерскихъ, всѣ въ разгонѣ... Ну, понятно, результаты извѣстны: онъ получилъ въ рыло, а, вслѣдствіе этого, получилъ лошадей. Позвольте-съ.

Онъ сложилъ въ четверо бумажку, прикрылъ ее девяткой и протянулъ къ банкometу.

— Вотъ этотъ тоже второй разъ ѣдетъ, малороссъ кивнулъ головою на Спѣлохватова, — барыню его я не знаю; это онъ въ Петербургѣ себя раздобылъ, а съ нимъ прежде встрѣчался; онъ тамъ нообчистилъ публику... Съ Батоговымъ покойникомъ пріятеля были. Вы не слыхали про Батогова?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Ледоколовъ съ любопытствомъ наблюдалъ изящныя манеры Спѣлохватова.

— Хорошо играетъ. Смотрите: рукава немного засучены, какъ у фокусниковъ, колода словно святымъ духомъ вертится между пальцами; а пальцы-то, пальцы также играютъ... Музыкальныя руки. Что это за барыни съ вами ѣдутъ?

— А, право, не могу вамъ сказать опредѣлительно; я ихъ

захватилъ по дорогѣ; у нихъ экипажъ сломался въ оврагѣ, верстъ пять отсюда... Ъдутъ въ Ташкентъ. Обстановка роскошная, по всѣмъ признакамъ, авантюристики.

— Хлѣбныя персоны; коли не глупы, въ убыткѣ не останутся. Эки пальцы... эки пальцы!.. смотрите-ка, въ Петербургѣ случалось мнѣ наблюдать подобныя манеры въ домахъ у Неплюйцына и Брулева, тамъ у нихъ собираются въ ночки темныя, осеннія этого ремесла художники... Вотъ и этотъ баринъ той-же школы... Ловко!..

Малороссъ замѣтилъ что-то уже очень замысловатое въ движеніи рувъ игрока и даже врянулъ отъ удовольствія.

— Однако, это вы бьете подъ рядъ уже пятую карту, — протянула спина въ казачьемъ мундирѣ.

Спѣлохватовъ пожалъ плечами.

— Вы имѣете,—онъ пододринулъ ставку къ бакенбардисту.

— Ага, заполучилъ малую толику. А ну-ко уголокъ опять...

— Ахъ, чортъ меня съѣшь... опять...

— Одинадцатую тысячу пропираетъ, шепталь кучеренокъ зеленеватому чиновнику.

— И не оставить... хоть-бы его попридержать; а то, что толку. Вотъ ты съ нимъ съ самого Бузулука возишься... и останешься съ носомъ.

— Вѣдь я-же тебѣ уже передала шестьсотъ.

— Гм! шестьсотъ, тутъ большимъ пахнетъ...

— Ва-банкъ со всякимъ чортомъ... идетъ... горячилась спина въ казачьемъ мундирѣ.

— Позвольте, я сочту, остановился Спѣлохватовъ.

— Пойти поглядѣть, это интересно. Подойдемте, пригласилъ малороссъ Ледоколова.

Пріятели встали и подошли къ столу.

— Ипполитъ Карловичъ... нѣжно произнесъ кучеренокъ.

— Madame?... отозвался казакъ.

— На два слова...

Спина въ казачьемъ мундирѣ шатаясь подошла къ кучеренку; тотъ сталъ шептать ему что-то на ухо.

— Гм!.. буду глядѣть въ оба, произнесъ Ипполитъ Карловичъ и вернулся къ столу.

Ледоколовъ и его новый знакомый не спускали глазъ съ

пальцевъ банкюмета; Вѣрочка незамѣтно толкнула его въ бокъ. Брови Спѣлохватова немного сдвинулись.

Карта была весьма крупная. Цѣлая гора бумажекъ лежала у банкюмета подъ локтемъ; така-же гора лежала прикрытая сверху надорванною двойкою.

Медленно, съ разстановкою ложились карты на право и на лѣво.

Вѣрочка вышла изъ-за стола и начала прохаживаться по комнатамъ.

— Теперь онъ готовъ-бы послать къ самому сатанѣ всѣхъ трезвыхъ наблюдателей, шепнуть малороссъ Ледоколову.

— Ай! во все горло завизжала Вѣрочка.

Всѣ обернулись.

— Какой большой паукъ, какой страшный... хныкала блондинка, указывая со страхомъ на крохотнаго паука, мирно притаившагося въ трещинѣ стѣнной штукатурки.

— Бита, отчетливо произнесъ Спѣлохватовъ.

Малороссъ расхохотался, махнулъ рукою и пошелъ на свое прежнее мѣсто, Ледоколовъ пошелъ за нимъ.

— Ахъ, сколько онъ денегъ потянулъ къ себѣ. Ахъ, сколько денегъ! томно шептала Фридерика Казиміровна, и вдругъ вспылала непримиримою злобою къ обладательницѣ напудренного шиньона.

— Кокотка какая-нибудь, ядовито прошептала госпожа Брове и добавила:—чего-бы намъ поѣсть, Адочка?

Въ воротахъ блеснулъ неожиданно знакомый рефлекторъ лопатинскаго дормеза. Иванъ Демьяновичъ дождался таки личиковъ съ колесомъ и прибылъ, наконецъ, благополучно на станцію.

Гроза понемногу стихала. На прочистившемся небѣ кое-гдѣ замигали звѣздочки, и только вдали чуть слышались въ горахъ громовые перебаты, да на самомъ почти горизонтѣ вспыхивали по-временамъ отблески молніи.

Съ прибытіемъ Катюшкина все оживилось за перегородкою. Явились разнообразныя спиртовныя приборы, всевозможныя консервы и закуски, запахло свѣже-завареннымъ чаемъ и жесткіе станціонныя диваны покрыты были ковромъ и чистыми простынями, да какъ покрыты. Все эхидное населеніе безчисленныхъ трещинъ старой мебели могло цѣлую ночь безуспѣшно блуждать

подъ полотномъ, и самый маленькій клопикъ, будь онъ самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, не нашель-бы для себя лазейки, чтобы выбраться на поверхность и попробовать прогуляться по жирному, розовому тѣлу Фридерики Казимировны или стройнымъ формамъ ея прелестной дочки.

Мало по малу разошлось и остальное общество спать по своимъ экипажамъ. Въ большой комнатѣ остались только: Катускинъ, Церберомъ расположившійся на диванѣ, у самыхъ дверей дамской комнаты, Ледоколовъ съ малороссомъ, нашедшіе себѣ безконечныя темы для разговора, и пара ботфортъ, такъ и не просыпавшаяся съ тѣхъ поръ, какъ завалилась съ вечера, только теперь эти ботфорты были согнуты подъ прямымъ угломъ, грозя всѣмъ близко проходившимъ своими ржавыми шпорами, и виднѣлись еще широко натянутые, вытертые отъ давняго употребленія кавалерійскіе рейтузы и развороченныя полы такового-же сюртука, изъ кармана котораго висѣлъ конецъ бумажнаго цвѣтного платка и блестящая стальная окова портсигара.

— Да, капитальные залежи, такіе, что стоитъ надъ ними повозиться, рассказывалъ малороссъ. — А въ каменномъ углѣ нужда предстоитъ великая, такая, что безъ него, пожалуй, ничего не пойдетъ...

— Лѣсовъ мало?

— Какіе лѣса, все сады... не станеть-же сартъ рубить на дрова деревья, которыя разсаживалъ поштучно, ну, валить онъ только, что попорчены, ихъ на небольшой обиходъ хватало... Ну, а заводская дѣятельность—это совсѣмъ другая статья...

— Мы съ вами, кажется, уже имѣемъ удовольствіе быть знакомы, приподнялся Катускинъ съ своего дивана.

Онъ присмотрѣлся къ говорившему и узналъ его.

— Да-съ, припоминаю. Вы у Хмурова прежде служили, потомъ у Перловича, потомъ у... кого, бишь, это еще?...

— Да мало-ли у кого, вотъ у Федорова, потомъ самъ по себѣ пробовалъ; къ Перловичу опять перешель, да мы не поладили... во многихъ мѣстахъ...

— Теперь у кого?

— У Лопатина, Ивана Илларионовича; вы еще ихъ не изволите знать? Изъ новыхъ негоціантовъ.

— Слыхалъ прѣздомъ въ Самарѣ, потомъ въ Оренбургѣ.

— Помогите, помогите! раздался вопль за перегородкою. Это былъ голосъ госпожи Брозе. Катускинъ рванулся на призывъ.

— Что случилось, что?.. спрашивалъ онъ.

Холодный, предразсвѣтный вѣтеръ вривался въ открытое окно. Фридерика Казиміровна закрылась съ головою подъ одѣяло и оттуда только слышалось, сперва громко, потомъ все тише и тише:—помогите... ахъ, помогите... помогите... Адель приподнялась и испуганно смотрѣла на открытое окно; рука ея держалась за мѣдный подсвѣчникъ, готовая къ защитѣ. Въ комнатѣ было почти темно, потому что вѣтеръ затушилъ свѣчу.

— Что случилось? спрашивалъ Катускинъ, цѣломудренно отворачиваясь отъ полуоткрытаго бюста Адели.

— Я сама не понимаю, говорила дѣвушка.—Окно распахнулось, кто-то ввалился, упалъ, опрокинулъ вонъ тотъ столъ и опять ушелъ черезъ окно. Я не понимаю, что это такое?..

— Разбойники, это разбойники... стонала госпожа Брозе.

Катускинъ сообразилъ кое-что. Онъ подошелъ къ окну, заглянулъ въ него, захлопнулъ и заперъ задвижки, улынулся и собирался уходить.

— Ну, спите покойно; теперь къ вамъ никто больше не ввалится, я принялъ мѣры.

— Иванъ Демьяновичъ!—Фридерика Казиміровна выглянула немного изъ подъ одѣяла.

— Что прикажете?

— Спите здѣсь съ нами...

— Мама, это что за глупости?.. произнесла Адель.

— Ада, молчи,—ну, или вотъ что, возьмите пистолетъ и ходите подъ окномъ...

— Не беспокойтесь больше; я за вашу безопасность ручаюсь, прощенья просимъ-съ, пріятнаго сна-съ. Ну, народъ, вздохнулъ Иванъ Демьяновичъ, выходя опять въ общую комнату.

Ледоколовъ и малороссъ вышли на крыльцо, намѣреваясь тоже провести остатокъ ночи въ экипажахъ.

Всѣ тарантасы, несмотря на то, что лошади, привезшія ихъ спокойно и совершенно отдѣльно отъ нихъ жевали овесъ у колоды, поскрипывали и повачивались; это въ нихъ возились, укладывались на покой, ихъ владѣльцы. Вездѣ слышались шепотъ, вздохи, сопѣніе и даже иногда легкое чмоканье...

У одного тарантаса, засунувши голову подъ экипажный фартукъ и привставъ на подножку, видѣлась спина въ казачьемъ мундирѣ.

— Маня... шептала спина.

— Те! Мужъ можетъ проснуться, чуть слышно говорилъ изъ тарантаса голосъ кучеренка.

— Ты прійдешь ко мнѣ, не правда-ли!.. вонъ стоитъ моя коляска. Ангелъ мой, я буду ждать...

— Убирайся, продулся весь въ пухъ и туда-же лѣзетъ съ нѣжностями.

— Маня, вѣдь не въ деньгахъ счастье... жизнь моя...

— Тише!

Въ тарантасѣ послышалось сонное откашливаніе... Спина въ казачьемъ мундирѣ отскочила.

— Ты, Манюся, однако, очень не заходи, шепталъ зеленоватый чиновникъ.

— Безъ тебя знаю, отвѣчала его „Манюся“.

Невдалекѣ блеснулъ огонекъ сигары. Тамъ, закутавшись въ туземный халатъ, сидѣлъ Спѣлохватовъ. Ему не спалось, и онъ рассчитывалъ что-то, то загибая, то разгибая вновь свои изящные пальцы.

— Вотъ, батенька, попался было, говорилъ сидящій неподалеку на водопойной колодѣ блондинъ съ длинными усами. — Задвижку-то онъ не заперли, я прислонился, понажалъ: окно бацъ и распахнулось, а стоялъ я въ это время на одной ногѣ... что-то опрокинулось у нихъ, зазвенѣло сильно...

Онъ потеръ себѣ рукою колѣно и, прихрамывая немного, пошелъ куда-то въ темный уголь.

— Вотъ вамъ причина тревоги, слышали? замѣтилъ малороссъ. — Ну, прощайте пока.

Скоро все успокоилось окончательно.

Съ солнечнымъ восходомъ все уѣхало со станціи. Дормезъ раньше всѣхъ выбрался на дорогу, благодаря предусмотрительности Ивана Демьяновича и его знакомству съ смотрителемъ.

Уже на двадцатой верстѣ обогналъ его тарантасикъ Ледоколова, и когда ямшикъ свернулъ лошадей немного на косогоръ, чтобы объѣхать дормезъ, то Ледоколовъ замѣтилъ, какъ изъ окна

дормеза весело улыбалось и кивало ему хорошенькое, молодое личико.

— Адель, ты себя ведешь непозволительно, укоряла дочку Фридерика Казимировна.

— Только-бы довести, да сдать благополучно, а тамъ не наше дѣло, бормоталъ Катускинъ, сидя на козлахъ и пуская дымокъ изъ своей трубочки.

— Эй вы, други! покрививалъ ямщикъ.

Бурченко, — такъ звали малоросса, — сидѣлъ рядомъ съ Ледоколовымъ и приподнялъ свою фуражку, замѣтивъ дѣвушку въ окнѣ дормеза.

Пріатели уговорились продолжать путь дальше вмѣсте, на половинныхъ издержкахъ, что оказалось весьма удобнымъ и для того и для другого.

Звонко гудѣли колокольчики; весело смотрѣло солнцѣ, поднявшееся надъ зубчатою линіею губерлинскихъ горъ: еще непросохшія послѣ ночного ливня скалы сверкали мириадами блестящихъ и серебристыми нитями тянулись по дорогѣ наполненные водою колея.

Начинало пригрѣвать. Свѣжій горный воздухъ такъ живо-ворно дѣйствовалъ на нервы путешественниковъ, возбуждая аппетитъ и заставляя ихъ пристально всматриваться въ даль, въ то мѣсто, гдѣ изъ-за густой зелени, въ лощинѣ, краснѣла крыша новой почтовой станціи.

VI.

«Энергическія мѣры».

— Вотъ это, видите, вправо, кустики чуть чернѣютъ за тѣмъ бугромъ, — это уже послѣдніе; и не встрѣтите вы долго теперь ни одного прутива... потому — началась степь...

Бурченко, произнеся эту фразу, пустилъ кольцомъ дымокъ изъ своей маленькой трубочки и задумчиво сталъ вглядываться въ безпредѣльную равнину, разстилающуюся передъ глазами путешественниковъ.

— Войтъ и церковь Орская почти пропала изъ глазъ; прощай,

Русь! На долго-ли? вздохнулъ Ледоколовъ, привставъ въ тарантасѣ и оглянулся назадъ.

— А что загадывать, — обживетесь; придется по душѣ, — можете, и на всю жизнь останетесь; а нѣтъ; что-же, вы въ тому краю не пришиты: въ томъ-же тарантасикѣ и назадъ придете, говорилъ спутникъ и сталъ напѣвать сквозь зубы какой-то характерный малороссійскій напѣвъ.

Маленькій, легкій, прочный, словно выкованный изъ литой стали тарантасъ казанской работы тихонько катился по мягкой степной дорогѣ. Ямщикъ-киргизъ, спустивъ совѣзмъ съ плечъ грязную рубаху и подставивъ свою темно-бронзовую, закопченную дымомъ и покрытую толстымъ слоемъ жирной грязи спину подъ жаркіе лучи полуденнаго солнца, дремалъ на козлахъ, распустивъ веревочныя возжи. Лошаденки киргизскія, замороженныя усиленно говною, чуть плелись, что называется, собачьею рысцою, обмахивая хвостами степныхъ оводовъ, цѣлыми роями налетавшихъ на ихъ наболѣвшія, покрытыя ссадинами спины.

Давно миновали кое-какія поля и огороды, разведенные орскими жителями, миновали бакшу съ арбузами, что, на десятой верстѣ отъ городна, въ самой степи засѣялъ казакъ-переселенецъ, миновали и сторожевой шалашъ его, долго еще чернѣвшій вдаль, какъ только кому-нибудь изъ путешественниковъ приходила охота взглянуть назадъ; и съ обѣихъ сторонъ дороги теперь только колыхались подъ легкимъ вѣтромъ сѣдя верхушки степнаго полныя и топчіе, полувывсохшіе стебельки какой-то травы, кое-гдѣ зеленѣлись отдѣльныя небольшія пространства, тамъ, словно вставленные кусочки зеркаль, сверкали столчія мелководныя лужи. Какія-то бурья, горбатыя массы медленно двигались, то опуская въ самую землѣ, то поднимая кверху длинныя, мохнатыя шеи; это паслись двугорбые верблюды, принадлежащіе ближайшимъ кочевникамъ. По дорогѣ на встрѣчу попадались киргизы, то верхомъ на маленькихъ лошадакахъ, то на верблюдахъ, ѣдущіе въ Орскъ на тамошній базаръ, приобрести себѣ промѣномъ на свой товаръ что-нибудь необходимое для своего несложнаго хозяйства. Равнодушно смотрѣли они на русскій тарантасъ; Ледоколову показалось даже, что изъ подъ густой тѣни бараньихъ малахаевъ сверкаютъ далеко не ласковые взгляды. Киргизы

неохотно давали дорогу экипажу, хотя въ степи мѣста для разъѣзда было не мало.

— Ишь, волками какими смотрять, замѣтилъ Ледоколовъ.

— Не съ чего имъ барашками прикидываться, произнесъ Бурченко, — вонъ женщины ихъ ѣдутъ. Вы еще не видали, чай, такихъ амазонокъ?

Онъ указаль на двѣ оригинальныя фигуры въ красныхъ арха-лукахъ и въ высокихъ бѣлыхъ тюрбанахъ, карьеромъ пронесшіяся мимо тарантаса.

— Гмъ, наѣздницы...

— А вонъ кибитки стоятъ. Видите? вонъ правѣе, верстахъ въ трехъ, словно улья торчатъ.

— Вижу.

— Вотъ погодите, поближе ихъ рассмотрите. Долго намъ не видать теперь другого жилья, кромѣ этихъ кошениныхъ дворцовъ.

Помолчали съ полчаса.

— А мы вѣдь уже черезчуръ тихо ѣдемъ, началъ Ледоколовъ.

— Да, не торопимся, отвѣчалъ Бурченко.

— Что-же, мы всю дорогу будемъ такъ тащиться?

— Надо полагать.

— Эй ты, какъ тебя звать, погонай, что-ли!

Ледоколовъ, приподнявшись, толкнулъ легонько въ спину дремавшего ямщика.

„Гей, гей“! сипло прикрикнулъ киргизъ, махнулъ лѣниво рукою и опять задремалъ; только теперь спустился съ козелъ на самыя дроги, вѣроятно, во избѣжаніе повторенія побудительныхъ толчковъ Ледоколова.

— Оставьте, толку никакого не будетъ, повѣрьте, говорилъ Бурченко, — клячи ихъ совсѣмъ заморены. Вѣдь раза два въ день гоняютъ, а станція безъ малаго полсотни верстъ... Доѣдемъ какъ-нибудь.

Пришлось переѣзжать черезъ неширокую водомоину, на днѣ которой стояла ступившаяся отглытнихъ жаровъ, черная, илистая грязь. Тихонько спустились туда лошади, завязили тарантасъ по самыя ступицы и стали.

А по дорогѣ, на встрѣчу ѣхаль конный киргизъ, въ поводу велъ онъ другую лошадь, тоже осѣдланную. Увидѣлъ онъ таран-

тась, остановился въ сторонѣ и сталъ равнодушно поглядывать: чѣмъ, моль, все это кончится?

Побился немного съ усталыми лошадьми проснувшійся ямщикъ; вылѣзли пассажиры, даже сами приняли участіе, ухватившись за какія-то веревочки; покричали, пошумѣли, похлестали лошадей по бокамъ и подъ брюхо... Тарантась съ мѣста не двигался.

А тѣмъ временемъ къ киргизу, безучастному зрителю, подѣхали еще человѣка три верховыхъ и тоже остановились неподалеку, молча наблюдая за всѣмъ происходившимъ.

— Ну, что-же мы будемъ дѣлать? спросилъ ямщика Бурченко по-киргизски.

— А ничего, видишь, не берутъ; устали очень и не берутъ, отвѣчалъ покойно киргизъ; сплюнулъ, почесалъ спину и отошелъ въ сторону.

— Отдохнуть — возьмутъ, хладнокровно произнесъ онъ въ отвѣтъ на недоумѣвающіе взгляды Ледоколова.

— Подсобите, вы, эй! крикнулъ Бурченко киргизамъ-зрителямъ.

Тѣ переглянулись, усмѣхнулись и не трогались съ мѣста.

— Что-же вы?!

— А намъ что, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — почемъ барановъ продалъ, Гассакъ, вчера въ Орскѣ? обратился онъ къ товарищу, слѣзшему съ лошади.

— Дешево. Мясники тамъ сбились; цѣны настоящей не даютъ, а назадъ въ степь гнать не хотѣлось.

— Да помогите-же. Что вамъ трудно, что-ли?

— Лошади къ вашимъ арбамъ непривычны.

— Я заплачу вамъ, коли хотите, вель Бурченко переговоры.

— А что дашь?

— А вотъ это дамъ.

Бурченко показалъ двугривенный.

— Мало.

— Два дамъ.

Киргизъ отрицательно покачалъ головою.

— Ну, больше не дамъ.

Киргизы еще разъ переглянулись и тронулись своею дорогою.

— Дайте сколько хотятъ. Не сидѣть-же намъ, въ самомъ дѣлѣ,

пока отдохнуть эти влячи, обратился Ледоколовъ къ своему товарищу.

— Погодите, я ихъ натуру знаю, произнесъ Бурченко, полѣзъ въ тарантасъ и принялъ тамъ самую покойную позу, словно дѣйствительно намѣренъ былъ хоть цѣлые сутки провести въ такомъ положеніи.

— Ну, хорошо, неожиданно подѣхалъ сзади вернувшійся киргизъ. — Мы тебѣ поможемъ... Гайда, берись!

Два всадника заскакали съ обѣихъ сторонъ тарантаса, подхватили его веревочными арканами, гикнули и вынеслись на противуположный берегъ водомоины. Только комья грязи полетѣли изъ-подъ колесъ, и испуганныя почтовые лошади еще съ добрую четверть версты пронеслись вскачь, путаясь въ оборвавшихся построюкахъ.

— Ну, давай деньги, подѣхалъ вплотную къ тарантасу одинъ изъ помогавшихъ киргизъ.

Бурченко расплатился.

— Мы смотрѣли: будешь ты бить ямщика или не будешь?

— За что-же бить-то его?

— Ваши вѣдь все бьютъ нашихъ. Ну, такъ вотъ мы и смотрѣли. За то и помогли, что не билъ, а сталь-бы бить, мы-бы...

Киргизъ замаялся немного, пряча деньги въ плоскій кожаный кошелекъ, висѣвшій у пояса.

— А если-бы мы его стали бить?.. спросилъ Бурченко.

— Ну, мы тогда-бы уѣхали. Вылѣзай самъ изъ грязи, какъ знаешь.

— Резонно, замѣтилъ Бурченко и перевелъ весь разговоръ Ледоколову.

— Вотъ какъ! Вотъ тутъ и примѣняй къ дѣлу тѣ нагаечныя теоріи, что предлагалъ штабъ-офицеръ съ бакенбардами, помните, что тремя днями выѣхалъ раньше нашего.

— Погодите, еще не то увидите.

Кромѣ этого небольшого эпизода, другихъ развлеченій не предстояло болѣе нашимъ путешественникамъ. Скучная, ровная, словно по шнуру вытянутая линія степного горизонта утомительно дѣйствовала на зрѣніе; глаза слипались; одолѣвала сильная дремота, голова неволью отыскивала мягкій уголокъ кожанной дорожной подушки.

Бурченко затащилъ теноромъ какую-то пѣсню; ящикъ оглянулся, оскалилъ зубы и затащилъ что-то свое.

Лѣтливое бряканье разбитаго колокольчика все слабѣе и слабѣе слышалось въ ушахъ Ледоколова, словно лошади вмѣстѣ съ дугою и колокольчикомъ уходили куда-то далеко-далеко отъ тарантаса... Пѣсня Бурченко о томъ, какъ орелъ сидѣлъ на курганѣ, нѣсколько разъ прерывалась носовымъ свистомъ и даже похрапываніемъ и, наконецъ, замолкла... Тихо, покойно покачивался тарантасъ на своихъ эластическихъ дорогахъ. Отвинувшись въ одинъ уголъ, полураскрывъ ротъ, спалъ Ледоколовъ и теплый степной вѣтеръ скользилъ у него по лицу, путая его густую бороду. Бурченко спалъ въ другомъ углу, уткнувшись лицомъ въ подушку и стиснувъ зубами давно уже потухшую трубочку.

— Заснули, дьяволы, проговорилъ про себя ящикъ, присмотрѣвшись къ обоямъ пассажирамъ, и самъ поспѣшилъ свернуться клубкомъ на козлахъ, привизавъ возжи за какую-то сбобку.

А привычныя лошади шли, да шли себѣ ровною тихою рысцою и только немного надбавили ходу, когда завидѣли вдали бѣловатую точку почтовой землянки.

Солнце садилось, когда тарантасъ подѣхалъ къ станціи и остановился передъ входомъ въ низенькую саклю-землянку съ провалившейся крышею, изъ-за которой торчало колѣно трубы отъ желѣзной печки. Повѣшенная на деревянныхъ колкахъ кошма замѣняла дверь. Поломаный столъ и два табурета, — единственная мебель „станціоннаго дома“, — были вынесены на свѣжій воздухъ и стояли у глинобитной стѣнки дворика, предназначеннаго для лошадей.

Теперь только груды перегорѣвшаго навоза и кучья кое-какой упряжи свидѣтельствовали о его назначеніи. Въ углу этого дворика стояла старая желомейка, около нея лежалъ ящикъ повозки и приставлена была сломанная ось. Красный ошипанный пѣтухъ забрался на самую верхушку желомейки и усаживался покойнѣе, вѣроятно, рассчитывая тамъ провести наступающую ночь.

Нѣсколько поодаль лежала на боку совершенно потерявшая силы, загнанная лошадь и только чуть-чуть отдѣлила отъ земли свою страдальческую голову и пошевелила ушами, когда послѣдній разъ звякнулъ колокольчикъ остановившейся тройки.

— Ге! Ге! Урумбай! кривнулъ ямщикъ, прислушался и сталъ неторопливо слѣзать съ козелъ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Ге! Ге! повторился призывный крикъ.

— А, пріѣхали? очнулся Ледоколовъ, приподнялся и сталъ удивленно озираться кругомъ.

— Чего вскочили? спите; еще долго прійдется ждать, не безъ проиія произнесъ Бурченко.— Видите, ни одной лошади нѣтъ, да и ямщиковъ не видать. Должно быть, всѣ въ разгонѣ.

— Что-же мы будемъ дѣлать?

— Ждать, пока вернутся. Ночевать здѣсь прійдется. Что-же, переночуемъ. Дѣло бывалое. „Су баръ-ма?“ *) обратился Бурченко къ ямщику.

— Кудукъ-баръ, **) отвѣчалъ тотъ, махнувъ въ сторону рукою.

— Что это вы? спросилъ Ледоколовъ.

— А вотъ насчетъ чаю справки навожу. Пойди, принеси ведро воды и огонь разложи, вотъ тутъ у стѣнки. Чаю дамъ тебѣ за это, говорилъ онъ ямщику.

— Чаю, ухмыльнулся тотъ.— Джаксы (хорошо.) И баранковъ дашь?

Киргизъ слово *баранковъ* произнесъ по русски. Онъ пригля-дѣлся къ этого рода хлѣбу, которымъ обыкновенно запасаются путешественники по степи.

— И баранковъ дамъ.

Ямщикъ отпрягъ лошадей и пустилъ ихъ прямо въ степь. Тѣ отошли шаговъ полтора, мимоходомъ обнюхали лежащую лошадь и принялись щипать сухую травку и валяться на спинѣ, дрыгая во всѣ стороны своими разбитыми ногами.

Черезъ четверть часа огонь весело горѣлъ, обливаясь и коптя шереховатую поверхность стѣнки, въ которую вкоченъ былъ желѣзный крюкъ, а къ крюку подвѣшенъ былъ объемистый мѣд-

*) Вода есть?

**) Колодець есть.

ный чайникъ, налитый мутною, нѣсколько солоноватою на вкусъ водою.

Быстро темнѣло въ степи. Последніе отблески вечерней зари давно уже потухли и со степи потянуло сыроватымъ холодомъ. Тарантась, землянка, верхушка желомейки съ неподвижно, словно какой-то буроватый комокъ, сидящимъ пѣтухомъ, околѣвавшая лошадь... все исчезло, поглощенное густымъ мракомъ. Только черныя силуэты нашихъ путешественниковъ да оригинальная фигура ямщика-киргиза, сидѣвшаго на корточкахъ въ ожиданіи общаго чая, отчетливо рисовались на ярко освѣщенной части стѣнки.

Дорожный погребецъ поставленъ былъ вмѣсто столика; хозяйничать взялся Бурченко, и въ настоящую минуту онъ, вооруженный полотенцемъ, усердно перетиралъ стаканы и прочія принадлежности чаепитія.

— Много народу вашего ѣдетъ въ степь нынче, произнесъ киргизъ, и сталъ ощупывать рукою хитрыя металлическія оковки дорожного сесесера.

— Это еще что за много.— Вотъ, погоди, скоро еще больше поѣдутъ, угрожающимъ тономъ отвѣчалъ Бурченко.

— Вой-вой! покачалъ головою ямщикъ.—И скоро поѣдутъ?

Онъ поближе придвинулся къ огню и внимательно слѣдилъ глазами, какъ Ледоколовъ отвинчивалъ пробку-стаканчикъ у своей оплетенной фляги.

— Скоро.

— Ц-цъ... Бѣда!—киргизъ вздохнулъ.—Отчего они все такіе сердитые?

— Чѣмъ сердитые?

— Чѣмъ? Извѣстно чѣмъ, онъ почесалъ спину.—Дерутся больно.

— А то васъ не бить.

Бурченко засмѣялся и хлопнулъ киргиза по плечу.

— Хе-хе, ослабился ямщикъ.—Что-же, это все начальники ѣдутъ?

— Начальники.

— Большіе?

— Нѣтъ маленькіе, большіе послѣ поѣдутъ.

— Вотъ бѣда будетъ!

— Это почему?

— Какъ почему? Вотъ съ четвертой станціи всё ямщики разбѣжались; насилу послѣ собрали. А ты спрашиваешь: почему.

Изъ степи донеслись какія-то дикія завыванія. Пасущіяся лошади, впрочемъ, нисколько не выражая безпокойства, не обращали никакого вниманія на эти звуки.

— Что это, волки? Поднял голову Ледоколовъ и потянулся за своимъ ружьемъ.

— Нѣтъ верблюды, отвѣчалъ Бурченко.— Тутъ ауль, можетъ, гдѣ-нибудь неподалеку, а то такъ караванные пасутся.

— Ауль близко; десять кибитокъ, сказалъ киргизъ, появившій, о чемъ идетъ рѣчь.

Чай поспѣлъ и Бурченко началъ разливать его по стаканамъ. Ямщику онъ налил въ тывянный ковшъ, который тотъ принесъ изъ желомейки. Когда онъ туда ходилъ, то путешественникамъ показалось, что ямщикъ съ кѣмъ-то тихо разговаривалъ.

Бурченко и Ледоколовъ переглянулись.

— Вы слышали?

— Можетъ, это онъ самъ съ собою.

— Нѣтъ, другой голосъ. Развѣ тамъ кто есть? спросилъ Бурченко ямщика.

— Никого нѣтъ тамъ, всё уѣхали... кому тамъ быть...

Киргизъ, видимо, смущенъ былъ этимъ вопросомъ.

— А вотъ я погляжу.

Бурченко всталъ и шагнулъ по направленію къ желомейки.

— Не надо ходить, зачѣмъ? Тамъ больной ауру... Человѣкъ совсѣмъ никуда не годится, ухватилъ его за полы киргизъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, коли никуда не годится.

— Можетъ быть, помочь ему чѣмъ-нибудь можно. Со мною всякія средства есть, замѣтилъ Ледоколовъ.— Зажгите-ко фонарь.

— Не надо ходить, бормоталъ ямщикъ.

— Ладно.

Всѣ трое пошли черезъ дворикъ. Впереди Ледоколовъ съ фонаремъ, за нимъ Бурченко; сзади всѣхъ ямщикъ, значительно поодаль, запрятывая на ходу что-то къ себѣ въ шаровары. Онъ успѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и стащилъ цѣлую связку баранокъ.

Какой-то странный шорохъ послышался внутри жилища, когда Ледоколовъ взялся за кошку, служащую вмѣсто двери.

Вошли, подняли высоко фонарь и освѣтили внутренность желомейки. Мятая, грязная до нельзя солома валялась на полу; тутъ-же лежали два рваныхъ хомута и сломанная дуга. Старый чугунный котель, весь проржавѣвшій, стоялъ на треногѣ посреди нѣ. Никакого живого существа, кромѣ прыгающихъ по всѣмъ направленіямъ блохъ, не было въ желомейкѣ.

— Что за чортъ? пожалъ плечами Бурченко.

— Никого нѣтъ! удивился Ледоколовъ.— Но я самъ слышалъ. Я не могъ до такой степени ошибиться...

— Стой! я видѣлъ босую ногу вотъ въ этой прорѣхѣ, говорилъ Бурченко.— Какъ только мы вошли, она прежде всего попала въ мнѣ на глаза; теперь ея нѣтъ. Онъ выползъ подъ кошку, съ противоположной стороны. Тс!..

Оба замолчали и стали прислушиваться.

— Да не бойся, это добрые, тихо говорилъ кому-то ящигъ, невходившій въ кибитку.

— Бить будутъ... чуть слышно стоналъ другой голосъ.— Урумбайку бить будутъ...

Путешественники поспѣшили выйти на свѣжій воздухъ. Да и пора была: грудь сжималась отъ нестерпимой вони, наполнявшей все тѣсное помѣщеніе улье-образнаго жилища.

Вся голая, съ сине-багровыми полосами, тянувшимися крестообразно по плечамъ, спинѣ и худымъ, выдающимся ребрамъ; съ распухшимъ колѣномъ, обмотаннымъ грязными тряпками, полусидѣла жалкая фигура еще не стараго киргиза и пугливо глядѣла на русскихъ учащенно моргающими, слезящимися глазками. Но, кромѣ безотчетнаго страха, въ этомъ дикомъ взглядѣ чудилось что-то недоброе.

Такъ смотритъ волкъ, пойманный въ капканъ, когда къ нему подходитъ охотникъ-промышленникъ и, поплеывая на рукавицы, стискиваетъ рукоять топора, обухомъ котораго намѣренъ привончить пойманнаго, лишеннаго возможности защищаться разбойника.

— Зачѣмъ Урумбайку бить... Урумбайку бить не надо... Его уже много-много били... хрипло бормоталъ киргизъ и все плотнѣе и плотнѣе жался къ кибиточной кошкѣ, словно хотѣлъ продавить ее этимъ движеніемъ.

— Не будутъ тебя бить; это не такіе, уговаривалъ его ямщикъ.

— Лошадей нѣтъ... ямщиковъ нѣтъ, Урумбайка ходитъ не можетъ...

— Не тронемъ тебя, не бойся... Хочешь, чаю дадимъ тебѣ, хлѣба, ласково нагнулся къ нему Бурченко.—Экъ, исполосовали его сердечнаго!

— Но это звѣрство! возмутился Ледоколовъ.—Я думалъ, что рассказы всѣ преувеличенны... Это ужасно!

— Самыя обыкновенныя явленія; не то еще увидите. Эй ты, бери его подъ мышки, тащи къ огню! распорядился Бурченко.

Ямщикъ подхватилъ избитаго подъ мышки и поволокъ къ огню; несчастный еще кое-какъ дѣйствовалъ лѣвою ногою, за то правая, совершенно парализованная, безпомощно тащилась бороздя по пустому слою пыли.

— Урумбайка ѣсть хочеть... Изъ аула никто не приходилъ, а туда не могъ дойти: больно ..

— И ѣсть тебѣ дадутъ... Ахъ, ты проклятая! Бурченко бѣгомъ кинулся къ оставленному безъ наблюденія бивуаку.

Какая-то тощая, облѣзлая собака, нивѣсть откуда появившаяся, пробиралась по самой стѣнѣ, поджавъ хвостъ между ногъ и боязливо оглядываясь. Нѣсколько шаговъ отдѣляло ее отъ соблазнительно пахнувшихъ путевыхъ припасовъ, и только голосъ Бурченко заставилъ ее мгновенно исчезнуть въ той самой темнотѣ, изъ которой она такъ неожиданно появилась.

— Кто-же это тебя билъ? распрашивалъ Бурченко киргиза, когда всѣ четверо усѣлись у огня.

— Проѣзжій вчера билъ, хрипѣлъ и захлебывался Урумбай, жадно теребя зубами поданный ему большой кусокъ холоднаго мяса.

Не прошло и десяти минутъ, какъ несчастный совсѣмъ ободрился, подползъ къ самому огню, съ видимымъ наслажденіемъ отогрѣвалъ свои избитые члены и пересталъ вздрагивать, при каждомъ неожиданномъ движеніи кого-нибудь изъ русскихъ, что безпрестанно дѣлалъ сначала.

— Вотъ оно, что значить пуганая ворона, замѣтилъ Бурченко, выгребая прутикомъ уголекъ для своей трубочки.

— Рано утромъ вчера, рассказывалъ Урумбай, — пріѣхалъ

большой тарантасъ, фонари по бокамъ, фонарь наверху, кругомъ стекла, какъ въ комендантскомъ домѣ, въ Орскѣ; я такого еще и не видалъ... Въ прошломъ году вотъ самый большой генералъ проѣзжалъ, такъ у того былъ хуже... А тяжелый какой—бѣда! Одной тройки мало было, а на станціи было всего двѣ тройки, да вонъ эта... Киргизъ кивнулъ въ ту сторону, гдѣ лежала околѣвающая лошадь, — ну, та уже больше не годится. Въ тарантасѣ этомъ двѣ женщины и мужчина ѣхали и очень уже они хорошо деньги платили.

— Это лопатинскіе... помните, обратился Бурченко къ Ледолову.

Тотъ кивнулъ головою.

— Ямщикъ, что привезъ ихъ, говорилъ: на водку цѣлую горсть копѣекъ дали; считалъ, считалъ онъ ихъ, да надоѣло, такъ и запряталъ въ шаровары, до другого раза... А тутъ слухъ былъ, изъ ауловъ приходили и сказали: будетъ курьеръ скоро изъ Орска... Какъ я отдамъ всѣхъ лошадей?! Однако, отдалъ.. всѣхъ отдалъ. Ну, не успѣли они еще совсѣмъ отѣхать, смотрю, еще бѣжитъ маленькій тарантасъ, сидитъ въ немъ такой толстый, высокій, борода черная... кричитъ, еще вонъ съ того мѣста кричитъ: лошадей скорѣй! бить буду!.. Вылѣзъ онъ, глазами во всѣ стороны ворочаетъ, цапъ меня за воротникъ... Гдѣ я возьму лошадей, всѣ уѣхали; большой тарантасъ тоже уѣхалъ. Никого нѣтъ кругомъ, только мальчикъ у меня былъ, такой баранчुकъ маленький, — Урумбай показалъ на аршинъ отъ земли, — спрятался онъ за трубу, на крышу, и оттуда выглядываетъ... Я и самъ хотѣлъ спрятаться, да не успѣлъ... а вырваться не могу, держать крѣпко. „Подожди, тюра,“ говорю, а тотъ-то меня баць! прямо въ глазъ кулакомъ, вонъ подбилъ какъ! Сталъ я рваться, кричать, и уже ничего не помню. Можетъ, я его самъ какъ-нибудь нечаянно ударилъ, можетъ быть, и не трогалъ. Прижалъ онъ меня къ самой землѣ, подтащилъ къ своему тарантасу, вынулъ нагайву и принялся дуть... билъ, билъ онъ меня... Я сперва считалъ, думалъ послѣ жаловаться бію, такъ чтобы счетъ знать... Да гдѣ ужъ тутъ... говоритъ: покуда лошадей не приведутъ, до тѣхъ поръ бить не перестану. А сильный какой—десяти нашихъ мало, чтобы съ нимъ справиться... Кричу я баранчуку: бѣги въ аулъ, проси, кланяйся, можетъ, кто дастъ жо-

шадей хоть на пару... побѣжалъ мальчишка. Ну, самъ знаешь, пока добѣжалъ, пока что; изъ степи тоже не скоро приведуть, найти ихъ сперва надо, степь-то велика. А тотъ-то все говорить: пока не приведуть, — не перестану... Привязалъ онъ меня къ колесу, да и лупить, перестанетъ на минуту, отдохнетъ, табакъ покурить и опять... Ужь мнѣ потомъ и не больно было... Ничего не помню. Какъ лошадей привели, какъ уѣхалъ проклятый медвѣдь... ничего не помню. Очнулся я, когда темнѣть уже стало. Такъ вотъ всю ночь и сегодняшній день и провалялся въ железейкѣ. Слышу, вы пріѣхали, страхъ на меня такой напалъ, думаю, опять бить будутъ, притаился я и Богу молюсь... А уже какъ сюда вы ко мнѣ шли, такъ ужъ думалъ, что совсѣмъ мой конецъ пришелъ: добьютъ меня теперь уже совсѣмъ до смерти, потому теперь до завтра привести лошадей не откуда. А тотъ-то меня сильно билъ, — я-бы „еще“ не выдержалъ; немного-бы ничего, а много не выдержалъ...

Киргизъ наивно посмотрѣлъ на проѣзжихъ и еще разъ повторилъ: — нѣтъ, Урумбайка больше-бы не выдержалъ. Вотъ тутъ больно, — онъ взялся за лѣвый бокъ, — на ноги стать не могу: спина не позволяетъ...

— Араку хочешь? Это хорошо, помогаетъ скоро, предложилъ ему Бурченко. — Будешь пить?

— Давай аракъ!

Киргизъ жадно, сквозь зубы, прихвативъ обѣими руками поданную ему чарку, вытянулъ водку.

— Любишь?

— Аракъ джаксы, копь джаксы аракъ!.. Я поползу въ аулъ, къ утру, можетъ, тамъ буду и пришлю вамъ лошадей.

— Я самъ съѣзжу, вызвался привезшій путешественниковъ киргизъ. — Гдѣ ужъ тебѣ? Еще волки сложутъ дорогою... На водку дашь? обратился онъ къ Бурченко.

— А вотъ приведешь лошадей — дамъ. Посмотримъ, такъ-ли подѣйствуютъ деньги, какъ нагайка этого бородача.

— А вѣдь это тотъ самый, что ораторствовалъ тогда. Я его еще въ Самарѣ видѣлъ, сказалъ Ледоколовъ, — онъ еще все наставленія дорожныя читалъ всѣмъ вновь ѣдущимъ.

— Кромѣ его кому-же быть больше, согласился Бурченко.

— Ну прощай, я поѣду, сказалъ киргизъ и пошелъ отыскивать своихъ лошадей.

Несмотря на темноту, онъ справился скоро. Онъ припалъ къ самой землѣ, присмотрѣлся и тотчасъ-же замѣтилъ на болѣе свѣтломъ фонѣ ночного горизонта темные силуэты пасущихся клячь. Черезъ минуту топотъ конскихъ ногъ далъ знать о томъ, что ямщикъ отправился по своему назначенію.

— Ну, такъ какъ-же, я полагаю, теперь спать надо. Уберемъ все какъ слѣдуетъ и завалимся въ тарантасъ; это самое лучшее, предложилъ Бурченко.— Да что это вы опять задумались? Хандрить опять начинаете? Стыдно!

— Грустно что-то стало, да и этотъ разсказъ такъ на меня съверно подѣйствовалъ.

— Полпото, на всякое чиханье не наздравствуетесь. Вы много еще услышите и увидите такого, да что я говорю: такого,—гораздо почище. И повѣрьте моей опытности, спрячьте вашу чувствительность въ карманъ: мы ѣдемъ въ такую сторону, гдѣ она вовсе неумѣстна.

Они убрали дорожный приборъ и полѣзли въ экипажъ. Повозились немного, умасливаясь, и успокоились, закуривъ Ледоколовъ сигару, а Бурченко свою носогрѣйку.

— Вотъ въ прошломъ году, напримѣръ, занималъ своего товарища на сонъ грядущій, словоохотливый Бурченко.— Я самъ видѣлъ. Барыня тутъ одна проѣзжала и прехорошенькая, молодая еще совсѣмъ, такое нѣжное, юное созданіе,—съ мужемъ она ѣхала... Пошла она изъ сакли, а киргизъ-скотина и сыграй надъ нею какую-то шутку, гукнулъ, кажется, на нее изъ-за забора, извѣстно, дикарь нецивилизованный, что съ него взять? Такъ вѣдь что-же вы думали-бы? Мужъ держать за локти сзади, киргиза-то, а жена пустою бутылкою отъ водки по зубамъ его дуеть. Зубы выбила, бутылку разбила, рожу всю стекломъ изрѣзала... Даже смотрѣть было противно.

— Да чего-же вы смотрѣли?

— А что? Что я могъ одинъ сдѣлать. Рѣчи имъ гуманныя читать,—не поймутъ, дуракомъ еще назовутъ, а пожалуй, тоже бутылкою: съ ними вѣдь еще человѣка три было, по мировымъ учрежденіямъ на службу туда ѣхали, и посуды съ собою много пустой было.

— И это цивилизаторы?

— Цивилизаторы... Ёдутъ всякъ по своему дѣлу... Покойной ночи...

— Тс!.. приподнялся Ледоколовъ на локтѣ.

— Кто-то возится у насъ подъ тарантасомъ? сталъ прислушиваться Бурченко.— Кто тамъ? наклонился онъ, перевѣсившись черезъ облучекъ.

Шорохъ усилился немного, то, что заползло подъ тарантасъ, слегка застонало.

— Это ты, Урумбай, что-ли?

— Гге, Урумбайка есть тамъ, Урумбайка.

— Что ты?

— Тюра спать будутъ... Собака прійдетъ, нехорошій чловѣкъ прійдетъ: Урумбайка стеречь будетъ... Урумбайка не будетъ спать.

— Ну вотъ мы и подъ охраной, расхохотался Бурченко. — Итакъ, постараемся заснуть.

— Но этого нельзя допустить. Больной, искалѣченный, почти голый, валется въ пыли, подъ тарантасомъ.

— Ихъ натуру не передѣлаете; это, по ихнему, въ порядкѣ вещей. Вы напоили и накормили его, а главное не били; за это онъ считаетъ себя обязаннымъ отблагодарить васъ чѣмъ можетъ. Прогоните его изъ подъ тарантаса, онъ отползетъ два шага и ляжетъ на дорогѣ. А коли ужъ хотите что-нибудь сдѣлать, такъ это вотъ самое лучшее.

Бурченко вытащилъ изъ подъ ногу коверъ и сбросилъ его на землю.

— На вотъ, завернись; все теплѣе будетъ, крикнулъ онъ Урумбайкѣ...

Затихла возня въ тарантасѣ, заснули, наконецъ, путешественники. Не затихла, не засыпала только вѣчно неугомонная степь... И если замолкли тамъ дневные звуки, то теперь каждый легкій порывъ вѣтра доносилъ съ собою что-то неопредѣленное, то словно звонъ отдаленнаго колокольчика, то тихій продолжительный свистъ, то слабый крикъ, внезапно оборвавшійся, то шелестъ какого-то ползущаго тѣла, а то и такое, что и самое опытное, самое привычное ухо косоглазаго степняка не разберетъ, что оно такое, и вздрогнетъ во снѣ полудивной конь, наостривъ свои над-

рѣзанные уши, и вскочить на ноги распавшійся верблюдъ, и призоветъ на помощь покровительство пророка наивный номадъ, и шопотомъ скажетъ своему товарищу:—слышишь, это проклятый шайтанъ гоняетъ по степи свои атары *).

VII.

Всадникъ, хорошо знающій свое дѣло.

Луна, поднявшись надъ горизонтомъ, длиннымъ серебристымъ столбомъ отражалась въ водахъ Соленогорькаго озера. Эту столбъ тянулся черезъ всю водную поверхность, дрожалъ, искрился и былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзанъ черными отмелями. Ни кусточка, ни стебелька не видѣлось на плоскихъ, пустынныхъ берегахъ; трудно было даже опредѣлить ту черту, что отдѣляла воду отъ сѣроватыхъ песковъ, покрытыхъ кое-гдѣ иломъ и солонцеватымъ налетомъ; казалось, что пески незамѣтно переходили въ воду, такъ все кругомъ было гладко, ровно.

Темная группа какихъ-то живыхъ существъ видѣлась въ полуверстѣ отъ озера. Отъ этой группы по временамъ отдѣлялось что-то, двигалось, опять сливалось въ общую массу, да и вся-то масса, несмотря на то, что находилась на одномъ и томъ-же мѣстѣ, какъ-то странно колебалась, двигалась, и не могло быть сомнѣнiя въ томъ, что это были живыя существа, забредшія сюда, чтобы хотя сколько-нибудь оживить эту мертвую пустыню.

Это былъ небольшой табунъ дикихъ лошадей-кулановъ. Эти животныя любятъ посѣщать подобныя солончаки и лизать сѣрый песокъ, пропитанный горьковатою солью.

Нѣсколько кобылокъ дремали, то стоя и опустивъ книзу свои немного ослиныя головы, то лежа плашмя на боку и вытянувъ ноги, какъ лежатъ обыкновенно павшія лошади. Жеребята копошились около своихъ матокъ, вскакивали поминутно на свои тонкія высокія ножки, прислушивались, подбрыкивали иногда, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, задомъ и снова примащива-

*) Стада.

лись къ кобыламъ, теребя губами припухшіе, обильные молокомъ сосцы. Десятокъ подростковъ стояли плотною кучею и тоже дремали. Не дремалъ только одинъ сторожевой, косячный жеребецъ и, держась поотдаль, зорко присматривался къ окрестностямъ, тянулъ носомъ воздухъ, настораживалъ уши и, понемногу успокоившись, принимался потихоньку бродить вокругъ косяка, обнюхивая кучки помета и отфыркиваясь.

Тихо и покойно было кругомъ и робкія животныя, казалось, были совершенно довольны своимъ положеніемъ. Вдругъ жеребецъ вздрогнулъ и даже прискакнулъ на одномъ мѣстѣ. Рысью пробѣжалъ онъ нѣсколько шаговъ по направленію къ водѣ, храпнулъ и замеръ, весь обратившись въ одно, самое напряженное вниманіе. Даже въ табунѣ замѣтно было какое-то безпокойство и лежавшія кобылки лѣниво поднимались на ноги.

Изъ степи чуть доносился мѣрный, однообразный топотъ. Эти звуки неслись съ противоположнаго берега Соленого озера. Широко оно въ этомъ мѣстѣ; только въ совершенно ясную погоду можно замѣтить желтоватую береговую полосу. Но по водѣ, да еще тихою ночью звуки доходятъ отчетливо и не для такого чуткаго уха, какимъ обладаетъ дикая лошадь.

Успокоился было жеребчикъ, но подозрительные звуки не затихали, не удалялись, а, напротивъ, все яснѣе и яснѣе поражали слухъ. Чу, вотъ еще что-то прибавилось, будто металлъ звякнулъ о металлъ, или кованое копыто наступило на камень.

Съ легкимъ ржаніемъ жеребецъ обѣжалъ вокругъ своего косяка и всѣ куланы сбились въ кучу. Вся куча шагомъ потянулась въ степи, дальше отъ озера и долго еще видѣлась темная масса, постепенно уменьшаясь въ своемъ размѣрѣ и сливаясь въ общей линіи темнаго горизонта.

А между-тѣмъ звуки, всполошившіе чуткихъ дикарей, теперь уже опредѣленно достигали до слуха, нельзя было сомнѣваться въ ихъ происхожденіи. То былъ конскій топотъ, лошадей было двѣ; обѣ онѣ шли собачьей рысью, „тротомъ“, одна ступала тяжелѣе, значить, она была подъ всадникомъ, другая — легче, значить, ее вели въ поводу. Металлическое стремя звякало по временамъ, можетъ быть, оно задѣвало за оковку какого-нибудь оружія.

Нота какой-то заунывной пѣсни пронеслась надъ озеромъ, усталый конь фыркнулъ и спотынулся. Яснѣе и яснѣе слышалось

все это, но только не видно было ни коней, ни всадника. Мглистое туманное отраженіе луннаго свѣта отъ свѣрыхъ песковъ скрывало путника; но вотъ, на самомъ почти берегу, показались темные силуэты, отразились въ озерѣ кверху ногами, исчезли, еще разъ отразились на другомъ мѣстѣ и выдвинулись изъ этого луннаго столба, протянувъ отъ себя по степи длинныя тѣни.

Этъ да не одна... то во полѣ дороженька

Пролегла...

Уныло тянулъ всадникъ и, словно въ дремотѣ, согнулся надъ шею своего коня, лѣнливо помахивая нагайкою.

Если онъ и воспѣвалъ поле, по которому пролегалo много дорогъ, то по тому полю, по которому онъ самъ ѣхалъ, не пролегалo ни одной. Всадникъ держалъ путь цѣликомъ степью, руководясь ему одному извѣстными соображеніями. Этотъ всадникъ не заблудился. Онъ былъ слишкомъ опытенъ для того, чтобы заблудиться. Онъ хорошо зналъ пустыню; зналъ всѣ ея капризы и особенности. Ему не надо было дорогъ, онъ самъ ихъ прокладывалъ вездѣ, гдѣ только къ тому не представлялось положительно непреоборимыхъ препятствій. Довольно было только взглянуть на этого всадника, на его лошадей, на его вьюки, на то, какъ все это предусмотрительно, съ знаніемъ дѣла, прилажено, чтобы узнать въ немъ травленнаго степного волка, выдавшаго на своемъ вѣку разные виды.

Всадникъ былъ одѣтъ въ полосатый сине-сѣрый халатъ туркменскаго покроя, въ кожанныя желтыя шаровары, поверхъ халата, и на головѣ у него былъ ушастый лисій малахай съ краснымъ суконнымъ верхомъ; за плечами висѣлъ одноствольный штуцеръ, танеровскій казачій, за кушакомъ, подтягивающій шаровары, торчала рукоятъ револьвера, шнурокъ котораго былъ накинутъ на шею, ножъ съ утопленною (т. е. входящею въ ножны) костяною ручкою и висѣлъ на ремняхъ кожаннй кошель съ патронами и другой, поменьше, съ табакомъ и бумажными принадлежностями. За сѣдломъ ловко переброшены были переметныя сумки, куржумы, туго набитыя и перехваченныя поверхъ волоснянымъ арканомъ, такъ-что висѣли покойно даже на самомъ быстромъ алорѣ и не толкали въ бока лошади; поверхъ сумокъ прилаженъ былъ небольшой мѣдный котелочекъ и складной таганъ. На передней лукѣ висѣлъ теркешъ съ чашками и

бунганъ для чаю. Все сѣдло и вьюкъ плотно прикрыты были сверху полосатою, тканною изъ верблюжьей шерсти попоною, такъ-что вещи и не пылились и были предохранены отъ вліянія непогоды; кромѣ того, эта-же попона служила ковромъ во время отдыха. Вторая лошадь была тоже осѣдлана остролюкимъ хивинскимъ сѣдломъ съ подушкою и за сѣдломъ свернуто было сѣрое байковое одѣяло. На этомъ конѣ висѣлъ мордою книзу, притороченный за все четыре ноги молодой сайгаченокъ, добытый сегодня утромъ мѣтвимъ выстрѣломъ танеровской винтовки. На эту лошадь, какъ на осѣдланную легче первой, вьючилась постоянно случайно во время пути добытая провизія. Оба коня были казачьей оренбургской породы, крѣпкіе, выносливые, имѣющіе много сходства съ обыкновенными киргизскими лошадьми средней орды, но только нѣсколько плотнѣе на видъ и шире въ костяхъ; они были вороной масти, оба со звѣздочками на лбу, съ надрѣзанными ушами, на прямыхъ низкихъ бабкахъ и съ длинными волнистыми хвостами, закрученными въ хитрый узелъ по тюркменскому обычаю. Трудно было рассмотреть лицо наѣздника, такъ оно было запачкано, вымазано и до половины прикрыто густою тканью малахая.

Потихоньку, медленнымъ ходомъ подвигался терпѣливый всадникъ. Онъ ѣхалъ такъ, какъ слѣдуетъ: ни тише, ни скорѣе, все у него было рассчитано, да и ходъ лошадей былъ такъ вѣренъ, что, прослѣдивъ по часамъ хотя одну версту, можно было навѣрное, съ математическою точностью опредѣлить часъ и даже минуты прибытія его на данное мѣсто.

Такимъ размѣреннымъ ходомъ путешествуютъ только опытные степные бродяги, и только тогда, когда имѣютъ въ виду очень продолжительное путешествіе.

Всадникъ, повидимому, избралъ ночь для движенія и день для отдыха. Это было для него очень выгодно: во-первыхъ, ночью не жарко и кони менѣе утомляются, а во-вторыхъ, не такъ замѣтно; а это тоже входило въ расчетъ путешественника.

Давно онъ уже въ дорогѣ; подобравшіе животы кони поху-дѣли и перестали горячиться, втянувшись въ мѣрную побѣжку. Подъ ремнями уздечекъ и подпругъ бѣлѣлась мыльная пѣна.

Русская пѣсня смолела. Другой мотивъ, болѣе веселый, пля-

совой смѣнилъ монотонные звуки дороженьки. Ба! да это краковякъ. Вотъ ясно слышны польскія слова прилѣва.

Всю ночь ѣхалъ всадникъ, давно онъ уже миновалъ берега Солено-горькаго озера. Миновалъ песчаные наносы, бѣлѣвшіеся въ сторонѣ, пересѣлъ какую-то торную тропу... и завидѣлъ на свѣтлой полосѣ утренней зари темный силуэтъ отдаленнаго кургана.

Впереди и вправо разстилалась безконечная степь, лѣвѣе виднѣлась волнистая линія песковъ тальды-кумъ, всадникъ направлялся наискось къ этимъ пескамъ, и не успѣло еще хорошо разсвѣсть, какъ ноги его лошадей вязли по щиколотки въ сыпучемъ пескѣ, прокладывая себѣ дорогу между барканами незначительной высоты. Всадникъ зорко приглядывался по сторонамъ и впередъ, привставая на стременахъ, и вообще принялъ видъ челоуѣка, что-то отыскивающаго. Онъ уже бывалъ здѣсь и зналъ, что искалъ, только его немного смутили конскіе слѣды, еще не занесенные пескомъ, которые раза три попались ему на его дорогѣ.

Въ одномъ мѣстѣ песокъ былъ темнѣе цвѣтомъ, чѣмъ окружающіе барканы, онъ былъ влаженъ и лежалъ плотнымъ слоемъ. Это была небольшая котловина, обрамленная песчанымъ кольцеобразнымъ валуномъ, и въ центрѣ этой котловины видѣлся оригинальный родникъ, одно изъ чудесъ степи. Представьте себѣ небольшой песчаный конусъ, вершина котораго ссѣчена и углублена, въ этой природной чашкѣ стоитъ прозрачная холодная вода и сколько вы не выбирайте ее оттуда, чашка будетъ полна. Это волшебная, неисчерпаемая чашка, словно нарочно поставленная въ глухомъ безводномъ пространствѣ, внушаетъ кочевому дикарю суевѣрное боготвореніе, и чтить номады эти спасительные родники, съ молитвой подходя къ нимъ для удовлетворенія своей жажды. Вода въ родникѣ постоянно какъ-будто кипитъ; это происходитъ оттого, что со дна ея пробивается струйка водяной жилы, а песокъ, окружающій родникъ, всасываетъ излишекъ воды и не даетъ ей переливаться черезъ край; вода, вслѣдствіе этого, находится въ постоянномъ движеніи и, несмотря на время дня, сохраняетъ одну и ту-же, довольно низкую, температуру.

Въ кочевьяхъ средней орды родники довольно часты, но

здѣсь они составляютъ одно изъ самыхъ рѣдкихъ степныхъ явленій и, скрытые въ сторонѣ отъ караванныхъ путей, между бесплодныхъ песковъ, становятся секретомъ, которымъ обладаютъ далеко не многіе изъ окрестныхъ кочевниковъ. Вотъ къ такому роднику пріѣхалъ путешественникъ о дву-конь и намѣревался здѣсь провести день и дать отдохнуть своимъ усталымъ конямъ, пробѣжавшимъ въ одну ночь около восьмидесяти верстъ, т. е. сдѣлавшимъ за одинъ разъ два большихъ караванныхъ перехода.

Всадникъ слѣзъ съ лошади и привязалъ ее за ногу къ приколу; другую лошадь онъ пустилъ по волѣ (онъ зналъ, что никакой степной конь не уйдетъ далеко отъ своего товарища), а самъ, расправивъ онемѣвшія немного ноги, пошелъ на барканъ взглянуть, нѣтъ-ли чего кругомъ подозрительнаго, да кстати парвать бурьяну и колючки для того, чтобы было чѣмъ развестъ огонь и поджарить на немъ кусокъ жирной сайгачины.

Скоро маленькій синеватый дымокъ тонкою струею поднялся изъ котловины и весело затрепало пламя, пробѣгая по сухимъ стебелькамъ скуднаго топлива и накаливая желѣзныя ножки тигана и тонкія стѣнки мѣднаго чайника.

Выстоявъ въ этомъ мѣстѣ самую жару, путешественникъ опять привелъ въ порядокъ свои вьюки и поѣхалъ дальше. Выбравшись изъ Тальди-кумъ, онъ взялъ направленіе на юго-западъ. Опять степь потянулась ровная, какъ скатерть и только правѣе синѣла полоса озера Челкара. Эта синяя полоса словно отдѣлилась отъ горизонта и облакомъ висѣла на воздухѣ, въ одномъ мѣстѣ эта черта переломилась и уступомъ шла далѣе, словно отраженіе въ составленномъ изъ двухъ кусковъ зеркалѣ. Длинная вереница верблюдовъ тянулась еще выше; два, три животныхъ рисовались отчетливо, можно было даже замѣтить вьюки, остальные легкими, голубоватыми тѣнями чуть обозначались, поднимаясь изъ водъ озера-миража и, мало-по-малу, расплываясь въ колеблющемся отъ зноя воздухѣ. Всѣ эти отраженія дрожали и волновались, особенно тѣ, которыя находились ближе къ горизонту.

Пробѣхалъ всадникъ съ версту и явленіе исчезло, уступивъ мѣсто новому: какіе-то странные предметы медленно двигались, извиваясь отлогою дугою. Внимательно изучалъ всадникъ этотъ

новый миражъ и даже засмѣялся отъ удовольствія. Онъ узналъ большія воловьы повозки, пары рогатыхъ оренбургскихъ воловъ, верблюдовъ, перемѣшавшихся между повозокъ. Густой, пепельно-сѣрый, степной смерчъ высокимъ крутящимся столбомъ закрылъ видѣніе, покружился на одномъ мѣстѣ и понесся къ югу. Миражъ исчезъ, словно вихрь закрутилъ его вмѣстѣ съ вырванными кустами бурьяна, двумя птицами, не смогшими вырваться изъ этого воздушнаго водоворота, и увлекъ его въ пески, гдѣ онъ и разсыпался, налетѣвъ на высокіе барканы.

— Они, произнесъ всадникъ, — идутъ хорошо, этотъ проклятый казакъ водить умѣть...

Нѣсколько разъ подносилъ онъ къ глазамъ большой бинокль, присматривался къ горизонту и снова пряталъ трубку въ кожаный футляръ, висѣвшій черезъ плечо на ремешкѣ.

Нѣсколько черныхъ точекъ виднѣлось впередъ, всадникъ не догонялъ ихъ, а ѣхалъ на встрѣчу, потому что эти точки быстро росли, формируясь въ нѣчто опредѣленное. То былъ верблюдъ и два всадника, на верблюдѣ былъ всадникъ и сверху сидѣла женщина въ киргизскомъ бѣломъ тюрбанѣ, съ открытымъ лицомъ и погоняла длинною нагайкою усталое животное, тянувшееся на поводу, конецъ котораго былъ привязанъ къ сѣдлу передняго всадника.

Оба всадника, по костюмамъ, были мирные киргизы челкорскихъ ауловъ, расположенныхъ на южномъ берегу этого озера.

Опытнымъ взглядомъ всадникъ оцѣнилъ встрѣтившихся кочевниковъ и спокойно поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу, держась поближе къ сторонѣ, чтобы сѣхаться вмѣстѣ.

— Да будетъ гладка дорога передъ твоею лошадейю, привѣтствовалъ его передній киргизъ.

— И надъ тобою да будетъ рука Аллаха.

— Спасибо, куда глаза твои смотрять?

— На Малые барсуки къ Бію-кашикъ-ходжа... Какъ степь живеть?

Всадникъ остановилъ своихъ лошадей, остановился и маленькой караванъ.

— Народу много гуляетъ у святаго мѣста Аулье, у Девлетъ-яра нехорошіе люди стоять. Коли ты не къ нимъ, — обходи дальше.

— Много?

— Лошадей сорокъ.

— Тюркмены?

— Бузачинцы съ Усть-юрта, есть курома *).

— Ну, прощайте.

— Прощай... Да, караванъ русскій прошелъ вчера, передъ вечеромъ (арбинной караванъ), да остановился.

— Что такъ?

— Узваль, что у Девлетъ-яра нечисто; переживаетъ, повозки базаромъ поставили, воловъ близко пасуть, стерегутъ въ оба; на курганъ сторожевика поставили...

— Проклятый казакъ, эдакъ онъ все дѣло попортить, подумалъ всадникъ и добавилъ громко:

— Далеко стоять?

— Съ пути влѣво, на забытыхъ колодцахъ, въ саксаулѣ.

— Ну, прощайте, повторилъ нашъ наѣздникъ, и повторилъ такимъ тономъ, будто-бы говорилъ: „ахъ чортъ-бы васъ подралъ съ вашими вѣстами“.

Киргизы поѣхали въ одну сторону, всадникъ въ другую. Раза два оглянулся послѣдній, раза два оглянулись и тѣ.

— Эдакъ не распроси вотъ путемъ, какъ разъ нарѣжешься, думалъ всадникъ,—спасибо, народъ словоохотный.

„Что за чортъ, думали киргизы, — по виду совсѣмъ изъ нашихъ, а не нашъ“, а баба, что сидѣла на верху, та съ разу порѣшила: яу **), такой-же, какъ и тѣ, что стоять у могилы.

И снова все было гладко да ровно кругомъ, снова не видно было нигдѣ ни одного живого существа, даже миражи исчезли, потому-что солнце давно уже перешло за полдень, и весь колоритъ степи измѣнился изъ сѣроватаго, знойнаго, въ красноватый съ лиловымъ, туманнымъ горизонтомъ.

*) Здѣсь слово «курома» употреблено, какъ общее выраженіе—сбродъ, потому и цѣлый уѣздъ куроминскій получилъ свое названіе, что населеніе его составилось изъ сбродныхъ киргизскихъ племенъ, выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ.

***) Яу—разбойникъ.

VIII.

Вагенбургъ въ саксаулѣ.

Въ сторонѣ отъ караванной дороги, въ рѣдкихъ заросляхъ саксаула, на небольшой возвышенности расположился оригинальный лагерь. Оренбургскія воловьи повозки, длинныя, на широкихъ колесахъ, стояли четверугольникомъ, связанныя попарно задними колесами; скрещенныя дышла были приподняты и образовали ворота, въ которыя могъ проѣхать даже всадникъ, пригнувшись предварительно къ шеѣ своего коня. Повозки были тяжело нагружены и ихъ прикрытыя войлокомъ верхи далеко виднѣлись съвозъ саксаульную чашу; издали казалось, что это слоны забрались въ саксаулъ и выстроились рядами; громадный паровикъ, установленный на восьми парахъ здоровыхъ бычьихъ колесъ, занималъ цѣлый фазъ импровизированнаго укрѣпленія. Человѣкъ десять погонщиковъ, казаковъ и киргизъ, возились у повозокъ, улаживая на досугъ всѣ дорожныя поврежденія. Въ сторонѣ, въ четверти версты отъ лагеря, кусты саксаула трещали и колыхались, оттуда повременамъ показывались: то пѣгій бокъ, то рогатая, широколобая голова, то махалъ хвостъ, сбивающій со спины назойливаго, кровожаднаго овода; иногда слышалось хриплое мычаніе и взлетали кверху комки земли и пыль, взбитые ногою разсердившагося на что-нибудь животнаго. Тамъ паслись упряжныя обозныя волы, обглядывая молодые побѣги саксаула и сгрызая верхушки полныя и степной колючки. За ними, на небольшомъ курганѣ, лысая вершина котораго далеко видѣлась надъ саксаульною чащею, поднимался столбъ чернаго дыма и мигало красноватое пламя. Тамъ сидѣли сторожевые и варили себѣ что-то отъ скуки, сжигая даровое, обильное топливо.

Въ центрѣ укрѣпленнаго лагеря, была поставлена круглая, татарская палатка, возвышавшаяся надо всѣмъ своимъ ярко-зеленымъ конусомъ; тамъ на коврѣ лежали три человѣка и прихлебывали чай изъ стакановъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ бѣломъ парусинномъ пальто, въ фуражкѣ, въ высокихъ щеголеватыхъ сапогахъ и обладалъ всѣми признаками цивилизованнаго европейца; двое другихъ были въ рубахахъ, засунутыхъ въ кир-

гизсье штаны, вымазанные дегтемъ, заскорузные до того, что согнулось-бы лезвее ножа, если-бы пришлось ихъ рѣзать. Корявые, мозолистые, черные, какъ сажа, пальцы неуклюже придерживали стаканы и кусочки сахара; босые ноги обладали такими прочными, ноуязвимыми подошвами, что никакой въ свѣтъ тарантуль или скорпионъ не могъ-бы прокусить эту мозолистую кожу. Одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ старикъ съ сѣдыми длинными усами, съ обритой щетинистой бородой и гладко остриженной головою, другой былъ еще молодой парень и, судя по сходству, сынъ старика. Европейецъ былъ Симсонъ, сопровождавшій транспортъ Лопатина, двое другихъ были казаки Ефимъ Мьякенькій съ сыномъ, взявшіе на себя воловью доставку до Казалинска. Этотъ старикъ и былъ тотъ самый „проклятый казакъ“, раздосадовавшій такъ таинственнаго всадника.

— Настъ немного и мы-бы не устояли на пути, т.-е. оно, можетъ быть, сами-то и отбились-бы, но скотину нашу не отстояли-бы, ни за что, говорилъ старикъ.—Ты говоришь, сколько этихъ собакъ было? обратился онъ къ своему сыну Прокопу.

— Человѣкъ двадцать пять, о дву-конь всѣ, я хорошо разглядѣлъ, отвѣчалъ молодой казакъ, осторожно кладя на дно опрокинутого стакана недогрызенный кусочекъ сахара.

— Да ты близко-ли подѣзжалъ? пытливо посмотрѣлъ Ефимъ Мьякенькій въ глаза своему сыну.

— А то нѣтъ!—Прокопъ тряхнулъ головою.—Одѣжу я взялъ у Девлетки-работника и малахай его надѣлъ, чтобы не такъ въ глаза бросилось съ перваго разу; а поѣхалъ на саврасомъ; тотъ лихо скачетъ, такъ чтобы, не ровень часъ, удрать можно было... Ну, подобрался я къ нимъ сзади, отъ могилы; ѣду эдакъ себѣ сторонкою, словно самъ по себѣ; мнѣ-то все видно, а имъ за мазарками не видать... Кони всѣ на приколахъ, важные кони; у стѣны пики поставлены; ружья и всякаго, снарядъ въ порядкѣ, извѣстно барантаци. Я было еще ближе подѣхалъ, да „саврасый“,—прострѣли-те брюхо,—какъ заржетъ, тѣ и встрепенулись. Не успѣлъ я съ бархану спуститься, а мнѣ наперерѣзъ двое, сзади четверо, а одинъ, какъ-есть, около самого меня, лѣпшій его знаетъ, откуда выскочилъ, гикнули; я ходу, безъ памяти гналъ, Мосула на дорогѣ встрѣтилъ, кричу:—бѣги, чортъ, трухмены! Замѣтался онъ, сердечный, лошаденка подъ нимъ хромая

была (соловой, что у Балдучевцевъ дорогою купили). Ну, его и накрыли...

— Убили, что-ль?

— А не знаю; взвыль онъ волкомъ; должно, ножемъ куда пырнули, не видалъ. Ужь у самого саксаула отстали проклятыя. Кабы не савраска, гдѣ удрать, то-есть ни въ жисть...

— Но вѣдь и насъ человекъ пятнадцать, замѣтилъ Симсонъ,—силы почти равны; можно было-бы идти.

— А тебѣ, купецъ, хозяйскаго добра не жалко, что-ли? Коли не жалко, такъ мы свою скотину бережемъ. Они на нее больше и зарятся, произнесъ Ефимъ.

— Извѣстно, до воловъ нашихъ добираются, а то, что имъ еще? Нѣтъ, надо погодить.

— Да долго-ли ждать придется? нетерпѣливо перебилъ Симсонъ и всталъ на ноги.

— А сколько придется. Благо, спасибо Владчицѣ Небесной, мѣсто привольное Богъ послалъ: топливо, вода, припасу у насъ великаго много, кормъ есть, чего не ждать? Вотъ коли-бы гдѣ на пескахъ довелось, али вотъ середь голаго мѣста, ну, тогда все одно пропадай. Отсидимся.

— Надѣсь Калашниковъ эдакъ тоже отсидѣлись, вставилъ, съ своей стороны, Прокопъ.

— Долго ждать насъ не стануть; имъ тоже кормиться надо, откроютъ намъ дорогу,—это вѣрно, утѣшалъ нетерпѣливаго англичанина старый казакъ.

— Я долженъ къ сроку...

— Какіе тутъ въ степи сроки... Мы еще такихъ и не слышали, улыбнулся Прокопъ. — Вечеряетъ, батька, пора воловъ поить. Я пойду.

— Время. Скажи тамъ на курганѣ,—больно огонь широко распустили, балуются со скуки, какъ-бы чащу не запалили; бѣды наживемъ.

— Ладно, скажу. За угощеніе благодаримъ покорно, протянулъ Прокопъ Симсону свою руку и вышелъ изъ палатки.

— Будемъ ждать, вздохнулъ англичанинъ.

— Выждемъ... какъ-бы про себя произнесъ Ефимъ.

— Батьбо, всполохъ на курганѣ! врывнуль Прокопъ, вбѣгая въ палатку.

Симсонъ поблѣднѣлъ, закусилъ губу и, захвативъ въ охапку револьверъ и свою двустволку, кинулся къ выходу.

— Всѣхъ къ воламъ... загонять живо!.. ревъль Ефимъ Мяненькій и полѣзъ на верхъ паровика, чтобы осмотрѣться кругомъ и сообразить степень опасности.

На сторожевомъ курганѣ темная фигура махала жердью съ навязанною на концѣ тряпкою. По саксаулу шелъ гулъ и трескъ: воли ревели и, сгоняемые всѣми погонщиками, приближались къ вагенбургу. Нѣсколько верблюдовъ, задравъ хвосты и пугливо поглядывая по сторонамъ, метались, натываясь на повозки; саврасый жеребецъ ржалъ и рвался на приколѣ. Четыре киргиза вмѣстѣ съ Прокопомъ раздвигали возы, чтобы пропустить скотину внутрь лагеря.

Кругомъ-же все было покойно; ничего подозрительнаго не было замѣтно и Эдуардъ Симсонъ взмогилъ на паровикъ, гдѣ стоялъ уже старый Ефимъ и внимательно осматривалъ замокъ своей ружницы.

Сторожевые оставили курганъ и между саксауломъ мелькали ихъ шапки, быстро приближающіяся къ лагерю.

— Что за чортъ, произнесъ Ефимъ, —какая такая бѣда?..

— Кажется, насъ потревожили даромъ эти тусы... началъ Эдуардъ Симсонъ.

— Погоди, остановилъ его старикъ. — У тебя ружье далеко стрѣляетъ?

— А что?

— Вонъ до того кургана хватить?

Онъ указалъ на курганъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ сторожевой пикетъ. Огонь, не поддерживаемый болѣе, сталъ гаснуть, дымъ опалъ и расплзался по низу, влѣбаясь между вустами. На красноватомъ фонѣ вечерняго неба мелькнула тонкая черточка, рядомъ съ ней другая...

— Видѣлъ?

— Что такое?

— Пики тухменскія. Берегись!..

Симсонъ чуть не полетѣлъ съ своего возвышеннаго поста, такъ онъ порывисто отшатнулся и ухватился рукою за веревки ближайшаго закрутка.

Старикъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

О выпуклый, металлическій боеъ паровика, испещренный закругленными головками болтовъ, что-то звонко шелкнуло, расплюстнулось и, оставивъ чуть замѣтный знакъ, отскочило. Елубъ дыма вспыхнулъ на курганѣ, донесся звукъ выстрѣла. У подножья кургана мелькнули красные халаты и блеснула кольчуга. Силуэтъ всадника показался на вершинѣ и пропалъ, показался еще разъ, къ нему прибавилось еще двое...

— Отвѣчай, шепнулъ Ефимъ Симсону.— Мое ружье недостаточно.

Симсонъ приложился.

— Задирать-ли ихъ? онъ приподнял голову и вопросительно смотрѣлъ на стараго казака.

— Стрѣлай. Надо ихъ пострадать, а то очень расходятся... Я ихъ натуру знаю.

— Есть! крикнулъ съ угла Прокопъ, наблюдавшій за результатомъ выстрѣла англійской двустволки.

Симсонъ ничего не видѣлъ за дымомъ. Когда дымъ разсѣялся то вершина кургана оказалась пуста.

— Можеть, теперь отстануть, произнёсъ Ефимъ.

Атаки барантачей болѣе не повторялись; съ ихъ стороны это была только простая рекогносцировка.

Однако, эта попытка заставила обозниковъ удвоить свою осторожность. Волонъ на ночь такъ и не выгнали изъ-за воевъ. Прокопъ самъ залегъ въ саксаулъ, невдалекѣ отъ вагенбурга, и отъ его чуткаго уха не ускользнулъ-бы ни одинъ, сколько-нибудь внушающій подозрѣнiе, звукъ. На паровикѣ, какъ на самомъ высокомъ пунктѣ, сидѣлъ смѣнный сторожевой... Эдуардъ Симсонъ былъ въ тревожномъ состоянiи и волновался.

— Вотъ прiятная перспектива, думалъ онъ.— Пожалуй, еще одолѣють они насъ, въ плѣнъ попадемся, увезутъ чортъ знаетъ куда...

Онъ немного трусилъ. Ему представились всѣ ужасы плѣна въ стени у дикарей, онъ припомнилъ все, что читалъ до сихъ поръ объ этомъ, начиная съ рассказовъ Мунго-Парка до послѣднихъ газетныхъ извѣстiй.

— И отчего это конвой не даютъ торговымъ караванамъ? Что за безопасность такая относительно нашихъ интересовъ. Ну, вотъ, возможна-ли правильная торговля... А, что такое? Кажется, шумятъ въ той сторонѣ?

— Нѣтъ, ничего, спокойно отвѣчалъ Ефимъ,—это вѣтеръ въ саксаулѣ; ну, оно и гудитъ.

— А что они обыкновенно убиваютъ тѣхъ, кто при караванамъ, или въ плѣнъ берутъ? спросилъ Эдуардъ Симсонъ у старика.

— Если очень барахтаться кто будетъ, ну, съ тѣмъ покончатъ; а то имъ въ полонъ таскать много прибыльнѣе.

— Я думаю, легче умирать, чѣмъ къ нимъ попасться?

— Что такъ, отъ нихъ уйти можно. Оно точно, что съ первоначалу трудно, а потомъ обтерпешься и ничего, я два раза былъ у нихъ въ полону.

— Не можетъ быть?

— Да, два раза, покойно говорилъ старый казакъ.—Разъ еще мальчикомъ, по десятому году; ну, тогда былъ недолго. Съ отцомъ это я попался, отецъ покойникъ тоже ходилъ въ степь съ волами; возили крупу, муку—и еще кое-что по торговой части. Былъ у отца пріятель, купецъ бухарецъ Саидъ-Хаджа; узналъ это онъ о нашей бѣдѣ и у хана хлопоталъ черезъ муллу ихняго, самого важнаго; насъ съ отцемъ и выпустили. А второй разъ... те!..

Изъ чащи донесся рѣзкій свистокъ; сторожевой на паровикѣ щелкнулъ куркомъ своего ружья.

Луна поднялась уже довольно высоко и солонцеватая степь за саксауломъ бѣлѣлась, словно покрытая снѣгомъ: тамъ, тихимъ шагомъ, ѣхалъ всадникъ на вороной лошади и велъ другую въ поводу. Всадникъ, повидимому, даже и не замѣчалъ лагеря, хотя ѣхалъ отъ него не болѣе какъ въ трехстахъ шагахъ.

— Что за дьяволъ? пожалъ плечами Ефимъ Мякенькій, выглядывая изъ-за воза.—Погоди Егоръ...

Онъ остановилъ сторожевого казака, который было прицѣлился въ проѣзжающаго.

Всадникъ остановился и повернулся лицомъ къ повозкамъ. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи и, казалось,

не рѣшался, подъѣзжать-ли ему къ обозу или нѣтъ. Наконецъ, онъ рѣшился и тронулъ впередъ своихъ лошадей.

— Кого Богъ посылаетъ? окликнулъ старикъ, когда всадникъ подъѣхалъ ближе.

Ефимъ окликнулъ по киргизски.

— Свой... торговый человекъ. Ёду въ Казалу, отвѣчалъ всадникъ по русски.—Что стоите на дорогѣ?

— А то, что и тебѣ совѣтуемъ остановиться, коли бережешь свою голову, говорилъ Прокopfъ, неожиданно поднявшись почти около самого всадника.

Воронье кони шарахнулись, такъ неожиданно увидѣвъ бѣлую фигуру, словно изъ подъ земли вынырнувшую.

— Въ степи, что-ли, не чисто? спрашивалъ проѣзжій.

— У могилы барантаци; на насъ нападали, да мы отбились.

— Ну, такъ я съ вами переночую, коли пустите.

— Милости просимъ, коли добрый человекъ, произнесъ старикъ.

— А коли худой, подозрительно взглянулъ Прокopfъ,—такъ у насъ тоже глаза есть, небось не проглядимъ.

— Экій ты неласковый, усмѣхнулся всадникъ, слѣзая съ лошади.

— Не могу припомнить, а голосъ положительно знакомый, шепнулъ Симсонъ старому казаку.

— Усталъ я страсть и спать хочется, говорилъ незнакомецъ, убирая лошадей и привязывая ихъ къ дышлу повозки.

— Ужинать будешь?

— Поѣмъ, коли дадите. И долго-ли это стоите такимъ манеромъ?

— Вотъ уже цѣлые сутки... Издали ихъ замѣтили, а то-бы на дорогѣ влопались...

— Кони у тебя хороши больно, замѣтилъ Прокopfъ.

— Ничего, годятся,—это у васъ лапша?

— Съ бараниною; вотъ на, возьми ложку.

— А что, теперь съ нами поѣдете? обратился Эдуардъ Симсонъ къ гостю.

— Да уже прійдется, въ обществѣ все веселѣе и не опасно.

— И намъ выгодно,—хорошо вооруженный человекъ не будетъ лишнимъ.

— Слышь ты, батько, пойди сюда, толкнулъ въ бокъ отца молодой казакъ, — дѣло есть.

— Что тамъ еще? лѣниво поднялся Ефимъ.

— Тамъ въ возу колесо. Да пойди самъ погляди.

Отецъ съ сыномъ отошли къ одному изъ возовъ.

— Ну, что ты?

— Да-что, больно у меня сердце не лежитъ къ этому! — Онъ кивнулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ гость и съ апетитомъ ѣлъ лапшу изъ большой деревянной чашки. — Какъ-бы худа какого не было, — кто его знаетъ? Ъдетъ одинъ, ровно волкъ; къ намъ вотъ подѣхалъ совсѣмъ не по дорогѣ, нивѣсть откуда. Можетъ, онъ одной масти съ тѣми...

— Поглядимъ — увидимъ; не гнать-же его теперь.

— Гнать не слѣдуетъ, а я-бы его скрутилъ да и шабашъ.

— Поспѣемъ, коли надо будетъ: насъ много, — онъ одинъ.

— Не могу припомнить, гдѣ это я васъ видѣлъ? говорилъ громко Симсонъ, обращаясь къ сосѣду.

— Не встрѣчался я съ вами никогда, — у меня память хорошая, — это вѣрно, отвѣчалъ тотъ.

— Можетъ быть, но вашъ голосъ... голосъ...

— Сходство всякое бываетъ... Ко сну такъ клонить, что страсть. Лошадей своихъ напою уже съ разсвѣтомъ.

— Вотъ вамъ коверъ, если хотите.

— Благодарю покорно. Спокойной ночи!

— Ты, батька, ложись, а я не лягу — сна нѣту, говорилъ Прокопъ.

— Что-жъ, посторожи — дѣло хорошее.

Старикъ снялъ шапку, повернулся лицомъ къ востоку и началъ молиться. Набожно склонилась на грудь сѣдая, усатая голова, рука размашисто, отчетливо переходила отъ лба на животъ, съ одного плеча на другое. Казакъ былъ старовѣръ и крестился всею ладонью.

Тяжело дышали, сопѣли и пережевывали кормъ лежащія тѣсною кучею вола. Подъ тѣлгами слышался тихій говоръ погонщиковъ; гость давно уже храпѣлъ, безпечно свернувшись подъ своимъ одѣяломъ; улегся и старикъ, вряхтя и почесываясь; не спалъ только сторожъ на паровикѣ — Эдуардъ Симсонъ, ходившій по вагенбургу въ какомъ-то агитированномъ состояннн, и

казакъ Прокopfъ, подозрительно поглядывавшій на вороныхъ лошадей, покойно стоявшихъ у дышла.

Луна стояла высоко, почти надъ самою головою, и обливала сонную степь своимъ серебристымъ свѣтомъ. Кругомъ было покойно и тихо, но въ этой тишинѣ невольно чужалось что-то недоброе, сжимавшее сердце англичанина и отразившееся даже на состояніи духа всѣхъ погонщиковъ. Всѣ спали, что-называется, однимъ глазомъ и готовы были вскочить и взяться за оружіе при малѣйшемъ намекѣ на опасность.

Когда разсвѣло, Прокopfъ еще разъ сдѣлалъ развѣдку въ ту сторону, гдѣ стояли гробницы „Девлетъ-яръ“. Въ степи никого не было видно; приглядывался-приглядывался казакъ вдаль — ничего подозрительнаго. „Что за дьяволъ, неужели ушли? подумалъ Прокopfъ и подѣхалъ ближе. — Золу издалека видно, пометъ конскій виднѣтъ; вонъ то самое мѣсто, гдѣ стояли ихъ кони. Не въ гробницы-ли забрались?—такъ нѣтъ: лошадей много, — шутка-ли: штукъ полсотни!— всѣхъ въ мазарку не попрячешь. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ ушли“.

Еще ближе подѣхалъ, на курганъ взобрался, обогнулъ кругомъ — никого. А отсюда далеко видно кругомъ — мѣсто высокое, выше нѣтъ во всей этой степи. Вонъ ихъ воза стоятъ, вонъ даже воловъ можно разглядѣть; поятъ ихъ, должно быть, ребята: всѣ у колодца столпились. Вонъ и это чудище — паровикъ стоитъ. „Да, ушли... въ ночь ушли. Это передъ вечеромъ они послѣднюю попытку дѣлали“, окончательно рѣшилъ Прокopfъ и поѣхалъ рысью къ вагенбургу.

Не успѣвъ онъ подѣхать къ зарослямъ, какъ услышалъ, что въ лагерѣ какая-то суматоха. Погналъ коня казакъ, вскачь пошелъ по чащѣ, раздвигая кусты грудью своего саврасаго.

Столпились всѣ погонщики въ кучу, въ серединѣ кругъ оставили, въ кругу стоитъ кто-то; всѣ наперерывъ его разспрашиваютъ; громче всѣхъ слышны голоса англичанина и того „гуса“, что на вороныхъ пріѣхалъ.

Голый, въ однихъ только совершенно изодранныхъ штанахъ, съ окровавленными боками, то всхлипывая, словно плача, то хрипло смѣясь, стоялъ киргизъ Мосолъ, попавшійся-было въ плѣнъ къ барантачамъ. Онъ рассказывалъ исторію своего освобожденія.

— Сперва я все ползкомъ да ползкомъ: поверху-то свѣтло? а въ ложбинѣ темно: а тутъ, на мое счастье, жеребцы подрались, — одинъ съ прикола сорвался.

— Какъ-же ты ноги развязалъ? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Перетеръ о камень, — самъ ужъ пророкъ помогалъ, не иначе.

— Что-же, тебя били много? Это они тебѣ лобъ разсѣкли, говорилъ „гусь“.

— Рѣзать-было совсѣмъ хотѣли, да потомъ бросили...

— Такъ они при тебѣ еще собирались уходить? перебилъ Симсонъ.

— Какже, при мнѣ. Старшій ихъ, черный такой, весь чапанъ на немъ кольчужный, говорилъ: „Что-же мы ждать-то будемъ? Здѣсь, видимое дѣло, плоха пожива, а въ другомъ мѣстѣ упустимъ что получше“.

— Да вѣрно-ли? усомнился Ефимъ Мясенькій.

— Вотъ высохни я, какъ этотъ пруть, если самъ не слышалъ! — Мосоль поднялъ съ земли какую-то былинку.

— Тамъ, говорятъ, у нихъ народу столько-же, какъ и насъ, и ружья хорошия. Вчера-то—ха, ха! Вечеромъ-то одного ихняго убили, — важнаго батыря ухлопали: я видѣлъ, какъ привезли.

— Это я стрѣлялъ, похвастался Симсонъ.

— Да само собою разумѣется, уйдуть, если уже не ушли, произнесъ всадникъ, пріѣхавшій вчера ночью. — Въ невѣрную схватку вступать имъ нѣтъ никакого расчета. Мы можемъ вступать смѣло.

— Вы полагаете? не безъ оживленія произнесъ Симсонъ.

— Понятное дѣло!

— Эге, да это нашъ Мосоль! вскрикнулъ Провопъ, протискиваясь впередъ.

— Ну что, сынку? Что новаго привезъ?

— Да что: курганы чисты, былъ у самыхъ могилъ: ни души нѣту.

— А, что я говорилъ? обрадовался Симсонъ.

— Такъ ушли? переспросилъ обладатель воронихъ лошадей у Провопа.

Тотъ взглянулъ на него искоса и произнесъ:

— Ушли... да ты, можетъ, это лучше нашего знаешь?— Онъ

понизилъ голосъ и не спускалъ глазъ съ того, кто стоялъ передъ нимъ, покойно набивая себѣ трубочку.

— Ты, братъ, никакъ умомъ повихнулся?

— Всяко бываетъ... Я вѣдь не въ обиду.

Прокопъ отвернулся и пошелъ къ воламъ.

— Ну, вотъ, жару переждемъ маленько, а тамъ и воловъ запрягать будемъ, рѣшилъ Ефимъ Мякеникій.

— Наконецъ-то! вздохнулъ Симсонъ.

— Еще-бы денекъ-другой переждать... ворчалъ Прокопъ, слышавшій распоряженіе своего отца.

Какъ рѣшилъ старый Ефимъ, такъ и сдѣлали. Часамъ къ четыремъ пополудни караванъ выбрался изъ саксаула, и возы длинною вереницею потянулись по степной дорогѣ. Верблюды вьючные шли стороною. Прокопъ уѣхалъ много впередъ и далеко видѣлся его „савраснѣ“, особенно когда ему приходилось повернуться къ солнцу своимъ широкимъ, на-диво вычищеннымъ крупомъ.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОЛЬНЫЕ ЛЮДИ.

«Бѣсы», романъ Федора Достоевскаго, въ трехъ частяхъ. Сиб. 1873.

„Въ юности увлекался... съ лѣтами созналъ свои заблужденія, раскаялся, отрекся отъ прошлаго и строго осудилъ свои юношескія мечтанія“, — вотъ въ короткихъ словахъ исторія такихъ писателей, какъ г. Федоръ Достоевскій. Я знаю, что нѣкоторые поверхностные умы находятъ это несовѣмъ благовиднымъ и даже... хуже того. Но очевидно, что эти поверхностные умы никогда не раскаявались и не отрекались, — въ противномъ случаѣ они должны были-бы понять, сколько великаго самоуслажденія заключается въ актѣ публичнаго раскаянія и отреченія. „Глядите на меня, добрые люди, какъ я смѣлъ и независимъ: сегодня я говорю и дѣлаю какъ-разъ противное тому, что говорилъ и дѣлалъ вчера, и я не скрываюсь, не прячусь, — напротивъ, я открыто и торжественно объявляю, что вчера я былъ однимъ, а нынче другимъ. И' этотъ герой дня сознаетъ себя несравненно выше всѣхъ этихъ ординарныхъ „людишекъ“, которые имѣютъ глупость упорствовать въ увлеченіяхъ своей юности, которые приросли къ своимъ убѣжденіямъ, какъ улитка къ раковинѣ, которые считаютъ измѣну низостью, ренегатство — пошлостью. Разумѣется, если слишкомъ многіе и слишкомъ часто будутъ прибѣгать къ этому дешевому (а иногда и очень выгодному) средству самовозвеличенія и самоуслажденія, то можно думать, что „отреченіе“ и „раскаяніе“ утратятъ всѣ свои обаятельныя свойства, — изъ актовъ, требующихъ нѣкотораго геройства

и смѣлости, они превратятся въ акты самые будничные и ординарные. Можно опасаться, что у насъ это скоро и случится: слишкомъ ужъ много развелось кающихся и отрекающихся. Конечно, съ болѣе высшей, общественной точки зрѣнія это фактъ весьма утѣшительный: юношескія увлеченія теряютъ свой вредный характеръ и становятся даже въ высокой степени полезными, служа постоянно предлогомъ къ самообличенію и самобичеванію...

Этотъ великій актъ публичнаго самозаушенія въ послѣднее время едва-ли кто производилъ надъ собою съ такимъ геройскимъ самоотверженіемъ, какъ разбираемый мною авторъ „Бѣсовъ“. Что г. Достоевскій въ юности увлекался—это ни для кого не составляетъ тайны. Ни для кого не составляло также тайны, что онъ давно, повидимому, *покаялся и отрекся*. Самъ г. Достоевскій употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы разсѣять на этотъ счетъ всякія недоумѣнія. Началь онъ, разумѣется, тихонько и исподоволь: съ гг. Страхова, Апполона Григорьева и незабвенныхъ „внутиковъ либерализма“, а кончилъ Мещерскимъ, „Гражданиномъ“ и „Бѣсами“. „Русскій Вѣстникъ“ служилъ ему переходною ступеню изъ стойла „Эпохи“ въ причетническую „Гражданина“; „внутики либерализма“ и „свистуны изъ-за куска хлѣба“ логически привели его къ бѣсовщинѣ г. Стебницкаго. Повидимому, раскаяніе и отреченіе полное: далѣе Лѣскова нельзя-же идти! Понятно, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ должны были слѣдить прежніе его противники за успѣхами автора „Мертваго дома“ на поприщѣ покаянія. Успѣхи эти казались неподлежащими ни малѣйшему спору и вдругъ... и вдругъ—о, ужась!— г. Достоевскій отпирается и отрекшевается отъ собственнаго покаянія, г. Достоевскій жалуется, что его „не понимаютъ“ („Гражданинъ“, № 3, 1873 г.), что его мысли превратно истолковываются, что его „аллегоріямъ“ придается смыслъ, котораго онѣ вовсе не имѣютъ. Бѣдный г. Достоевскій! Его постигла участь, уже разъ испытанная однимъ изъ его вѣрныхъ соратниковъ по „Эпохѣ“, г. Страховымъ. Сей философъ, въ тѣ дни, „когда намъ было ново сказанье правды и добра“ и когда онъ еще не писалъ о женскомъ вопросѣ, вздумалъ-было, порѣшивъ съ цивилизаціею луны, заняться вопросомъ о цивилизаціи Польши. Вопросъ былъ очень тонкій и щекотливый; нашъ философъ, какъ говорятъ,—т. е. какъ онъ самъ говоритъ,—желалъ разрѣшить его въ смыслѣ гг. Каткова

и Аксакова, но на самомъ дѣлѣ рѣшили его такъ, что навлекъ на себя нареканіе въ сѣяніи „смуты и крамолы“, и Аксаковъ съ Катковымъ не только не одобрили его, но едва-ли не первые обличили его въ измѣнѣ и призвали къ порядку. Философъ, — какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, — совсѣмъ растерялся: онъ публично расплакался и покаялся. Все оказалось однимъ недоразумѣніемъ: философа не поняли; слова его превратно истолковали. Теперь та-же исторія повторяется съ г. Достоевскимъ. Дѣтъ восемь тому назадъ написалъ онъ небольшой фантастическій рассказъ, который приняли въ то время за пасквиль на „одно лицо“. Г. Достоевскій, какъ теперь оказывается, очень хорошо зналъ, въ какомъ именно смыслѣ понимается и комментируется его „Крокодилъ въ Пассажѣ“, и однако, онъ тогда молчалъ, а теперь, почти черезъ цѣлое десятилѣтіе, онъ вдругъ начинаетъ увѣрять, что его превратно поняли и что ему и на умъ не приходило писать пасквиль на упомянутое лицо. 8-го января нынѣшняго 1873 года тотъ-же Достоевскій написалъ въ „Гражданинѣ“ фельетонъ (такъ-называемый „Дневникъ писателя“), въ которомъ увѣрять, будто наши присяжные одержимы маніей прощать преступниковъ, и доказывать вредныя и разрушительныя послѣдствія такой странной маніи. Изъ этого фельетона вообще слѣдовало, по логикѣ обыкновеннаго читателя, что авторъ не доволенъ дѣятельностью нашихъ судовъ съ присяжными и отрицательно относится къ правосудію ихъ приговоровъ. Но г. Достоевскій въ слѣдующемъ-же номерѣ „Гражданина“ торжественно заявилъ, что его опять не поняли и что статья его придали такой смыслъ, какого она не имѣла или, по крайней мѣрѣ, не должна была-бы имѣть. Изъ этихъ примѣровъ можно, кажется, заключить, что авторъ „Мертваго дома“ обладаетъ печальною способностью говорить не то и не такъ, какъ-бы онъ хотѣлъ сказать: хочетъ онъ, напримеръ, сказать, что столъ черенъ, а бумага бѣла, а по его словамъ выходитъ, будто столъ сѣръ, а бумага желта и т. и. Несчастное неумѣніе сообразовать свои мысли и желанія съ словами, или, лучше сказать, полнѣйшее отсутствіе такта — того такта, безъ котораго и умный человѣкъ рискуетъ прослыть за полуумнаго, — вотъ это-то и составляетъ, какъ кажется, характеристическую, болѣзненную особенность таланта г. Достоевскаго. Въ головѣ у него точно сидитъ какой-то *злой духъ* и, помимо

воли и желанія бѣднаго автора, постоянно заставляеть его выдѣ- лывать такіе поступки и приносить такія рѣчи, отъ которыхъ ему самому впослѣдствіи приходится отрекаться. Теперь онъ отрывается отъ крокодиловой аллегоріи и отъ очевиднаго смысла своихъ фельетонныхъ упражненій въ „Гражданинѣ“, завтра онъ будетъ отрывать отъ того значенія, которое, по мнѣ- нію всякаго обыкновеннаго читателя, должны имѣть его „Бѣса“. Онъ точно такъ-же, какъ и теперь, воскликнетъ съ благороднымъ негодованіемъ: „но гдѣ-же тому доказательства? Принесите мнѣ, что хотите: „Записки сумасшедшаго“, оду „Богъ“, „Юрія Ми- лославскаго“, стихи Фета, — что хотите, и я берусь вамъ выве- сти тотчасъ-же изъ первыхъ десяти строкъ, вами указанныхъ, что тутъ именно аллегорія о франко-прусской войнѣ или пасквиль на актера Горбунова, — однимъ словомъ, на кого угодно, на кого прикажете“ („Гражданинъ“, № 3). И г. Достоевскій останеться въ наивномъ убѣжденіи, что онъ „жертва вечерняя“, „оскор- бленная невинность“, непонятый гений, и что только чело- вѣческая злоба можетъ усмотрѣть въ *гражданскихъ* фелье- тонахъ, въ его аллегоріяхъ и бѣсахъ — пасквили и инсинуаціи, что они такъ чисты и невинны въ гражданскомъ отношеніи, какъ „безглагольная“ пѣснопѣнія Фета или „Записки сумасшедшаго“. Мнѣ кажется, что съ г. Достоевскимъ, (если судить о немъ по его теперешнимъ отнѣкваніямъ) случилось то-же, что и съ однимъ изъ его героевъ, описанныхъ въ *Двойникъ*; чита- тель, можетъ быть, помнить, что въ „Двойникѣ“ авторъ пред- ставилъ тонкій и необыкновенно искусный анализъ нѣкотораго *психіатрическаго случая*, характеризующагося *раздвоеніемъ* со- знанія. Человѣку кажется (впрочемъ, самъ больной иногда этого и не сознаеть), будто въ немъ сидятъ два человѣка, будто у него не одно, а *два* „я“; каждое я ведетъ независимую, само- стоятельную жизнь и не только не отвѣчаетъ, но иногда даже и не сознаеть поступковъ другого я. Случай этотъ хорошо извѣ- стень медикамъ и, вѣроятно, не безызвѣстенъ и самому г. До- стоевскому. Въ г. Достоевскомъ тоже сидятъ два человѣка, его сознаніе раздѣлилось на два я: одно я сознаеть себя неспособ- нымъ писать пасквили и гордо объявляетъ, что оно „не торгуетъ своимъ перомъ“ и гнушается даже самой мысли о какихъ-ни- будь „заскиваніяхъ au haut lieu“ (Гражд. № 3). Другое я—

амикошонствуетъ съ Мещерскимъ, сочиняетъ крокодиловъ, пишетъ инсинуаціи на присяжныхъ и соперничаетъ съ Лѣсковымъ въ „Бѣсахъ“. Я не хочу дѣлать первое я отвѣтственнымъ за поступки второго я; я вѣрю на слово г. Достоевскому, когда онъ увѣряетъ, будто его „не понимаютъ“, и „невѣрно перетолковываютъ“, т. е. я вѣрю на слово, что г. Достоевскій искренно отказывается отъ солидарности съ нѣкоторыми изъ своихъ поступковъ и съ настоящимъ смысломъ нѣкоторыхъ изъ своихъ писаній. Такимъ образомъ, авторъ „Бѣсовъ“ представляется намъ не просто кающимся и отрекающимся, а *двойникомъ*, одна половина котораго кается и отрекается, а другая отбѣживается отъ этого покаянія и отреченія.

Случай не совсѣмъ ординарный, но не невозможный; и если вы вспомните, какъ странны и *бѣсноваты* почти всѣ дѣйствующія лица въ повѣстяхъ и романахъ г. Достоевскаго, если вы вспомните, что большинство ихъ отличается какими-нибудь психическими аномаліями, то вы должны будете согласиться, что аномалія самого автора не изъ самыхъ удивительныхъ.

Но дѣйствительно-ли это — только психическая аномалія, а не что-нибудь хуже... или лучше, смотря по воззрѣніямъ cadaго? Иными словами, имѣемъ-ли мы право вѣрить г. Достоевскому на слово и дѣлать его, такъ сказать, невмѣняемымъ?

По правдѣ говоря, вопросъ этотъ, взятый самъ по себѣ, не особенно важенъ; по крайней мѣрѣ, что касается меня, то я-бы не сталъ ни на единую секунду утруждать имъ своего вниманія; оцѣнка нравственнаго достоинства и личнаго характера автора „Мертваго дома“ нисколько меня не занимаетъ. Но дѣло въ томъ, что отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса зависитъ рѣшеніе и вопроса о художественномъ талантѣ г. Достоевскаго, — а послѣдній литературная критика уже никакъ не можетъ обойти. Вотъ почему мы начнемъ именно съ провѣрки предположенія, допускающаго въ авторѣ не столько сознательную умышленность, сколько болѣзненное настроеніе ума.

II.

Стоитъ только припомнить все, что писалъ г. Достоевскій, въ качествѣ публициста, въ журналѣ своего покойнаго брата, стоитъ

вспомнить, какая тенденція была пришта къ роману „Преступленіе и Наказаніе“ и какъ многимъ „Бѣсы“ позаимствовались отъ „Некуда“, стоитъ, наконецъ, припомнить, фельетоны „Гражданина“ и мы безъ труда поймемъ, почему г. Достоевскій прослылъ за „кающагося и отрекающагося“. Но, съ другой стороны, въ публицистическихъ и беллетристическихъ писаніяхъ этого „покаявшагося“ грѣшника невольно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ своихъ публицистическихъ статьяхъ г. Достоевскій имѣетъ обыкновеніе выражаться такъ неясно, неопредѣленно, такъ мистически-туманно, такъ аллегорично (онъ очень любитъ аллегорію), что легко можно усомниться въ томъ, понимаетъ-ли онъ самъ внутренній смыслъ того, что пишетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ двусмысленъ, потому онъ всегда имѣетъ и будетъ имѣть возможность жаловаться, что его не понимаютъ и превратно толкуютъ. При отсутствіи раздвоенности въ его мысляхъ, такой фактъ было-бы трудно объяснить; тѣмъ болѣе, что откровенное покаяніе не должно, повидимому, допускать никакой двусмысленности, никакой неопредѣленности. Еще болѣе двусмысленности и раздвоенности представляютъ два только что упомянутыя беллетристическія произведенія автора „Мертваго дома“. Дѣло въ томъ, что г. Достоевскій во всѣхъ своихъ беллетристическихъ упражненіяхъ исключительно ограничивается анализомъ *психіатрическихъ* аномалій человѣческаго характера, живописаніемъ внутренняго міра психически больныхъ людей. Само собою понятно, что никакія тенденціозныя обобщенія тутъ невозможны: нельзя-же по больнымъ людямъ судить о здоровыхъ, и *чортикъ* Достоевскаго всегда остается въ дуракахъ, а самъ Достоевскій всегда имѣетъ предлогъ отнѣживаться отъ его проказъ. Только одна психическая раздвоенность можетъ объяснить такое удивительное явленіе: съ одной стороны, г. Достоевскій никогда не выходитъ изъ своей спеціальности и постоянно занимаетъ насъ разказами о душевныхъ состояніяхъ разныхъ идіотовъ, маниаковъ, меланхоликовъ, эпилептиковъ; съ другой, ему очень хочется провести какую-нибудь *покаянную* тенденцію, *ничто* обличить и *кого-то* заклеить. Но такъ-какъ тенденція бьетъ на изобличеніе здоровыхъ людей, а романистъ всегда имѣетъ дѣло съ больными людьми, то его тенденціозность находится въ вѣчномъ разладѣ съ его художественностью, его первое я съ его

вторымъ я. Нагляднѣе всего доказываетъ это послѣднее его произведеніе — „Бѣсы“.

Помимо детальныхъ подробностей, авторъ преслѣдуетъ въ романѣ какую-то не то благонамѣренную, не то мистическую тенденцію; тенденція эта, въ короткихъ словахъ, формулируется такимъ образомъ: всѣ эти ваши, тамъ, „мечтанія“, „начинанія“, „новые люди“ и т. п. — все это не болѣе, какъ бѣсы, выпешіе изъ больной Россіи и, подобно евангельскимъ бѣсамъ, перешедшіе въ *свиней*, т. е. въ „мечтающихъ юношей“. „Юношамъ“, обороченнымъ въ „свиней“, ничего, разумѣется, болѣе не остается, какъ „броситься со скалы въ море“ и потонуть; т. е., говоря не метафорически, а юридически, окончить жизнь самоубійствомъ или подпасть подъ дѣйствіе нѣкоторыхъ статей уголовного кодекса... Такъ просто, такъ удивительно просто формулируетъ *Бисъ* г. Достоевскаго свои отношенія къ окружающей его современности (см. ч. III, стр. 280); г. Достоевскій могъ-бы превзойти въ подвигахъ покаянія самыхъ аскетическихъ подвижниковъ русской литературы. Но двойственность его внутренняго міра нейтрализуетъ ядовитость его чортика и подвиги покаянія превращаетъ въ безцѣльное кривляніе. Не будь авторъ двойникомъ, — этого, конечно, никогда-бы не могло случиться. Но почему эта двойственность автора почти или, лучше сказать, нисколько незамѣтная въ его первыхъ произведеніяхъ, съ такою откровенною рѣзкостью обнаруживается въ его послѣднихъ писаніяхъ и въ особенности въ „Бѣсахъ“? Я думаю: тутъ-то именно и доказалъ, г. Достоевскій, на собственномъ примѣрѣ, что отрицать „философію среды“ (см. „Гражданинъ“, № 2) еще не значитъ эмансипировать себя отъ капризныхъ „вѣяній“ этой „среды“. „Среда“ сыграла съ нимъ злую шутку. „Ты позволяешь себѣ отрицать меня, высокоумно относиться ко мнѣ, можетъ сказать ему „среда“ — презрительно смотрѣть на людей, которые проповѣдуютъ *мою* философію, — „философію среды“ (слово, сочиненное самимъ г. Достоевскимъ), ты усматриваешь въ этой философіи подкопъ подъ общественную нравственность, обезличеніе человѣка, ниспроверженіе основъ уголовного, а слѣдовательно, и всякаго другого права, и т. д. (см., стр. 34 и др.). Хорошо, посмотри теперь самъ на себя. Что ты такое, какъ не игрушка въ моихъ рукахъ, развѣ ты не продѣлывалъ всѣхъ тѣхъ штукъ,

которая я заставлю тебя продѣлывать? Развѣ ты не мечталъ и не увлекался, когда я мечтала и увлекалась? Развѣ ты не каялся и не отрекался, когда я каялась и отрекалась?" „Среда“ жаждет теперь сплетень, скандаловъ, Офенбаха и танць-классовъ. Давайте больше и больше сплетень, скандаловъ, раздражайте сильнѣе спинной мозгъ читателя, заставляйте его волосы подыматься дыбомъ, потѣшайте его, смѣшите его или пугайте, но только не заставляйте его думать и оглядываться. Г. Достоевскій—человѣкъ среды, и онъ не могъ остаться глухъ къ ея потребностямъ; не онъ одинъ... большинство нашихъ беллетристовъ и публицистовъ наперерывъ спѣшатъ приспособиться къ капризнымъ вожделеніямъ этой среды. Достоевскій поплылъ по теченію вмѣстѣ съ другими, но въ то время, какъ другіе умѣли отдаться этому теченію вполне и нераздѣльно, нашъ бѣдный романистъ поплылъ какъ-то бокомъ, постоянно оборачивая одну половину тѣла назадъ, а другую впередъ. Тутъ-то ему и пришлось раздвоиться. Эта была дань „духу времени“. И, опять-таки, не съ одного его взята была такая дань. Почти всѣ современные (это еще не значитъ *новые*; читатель знаетъ, что новое и современное давно уже перестали быть синонимами) беллетристы были захвачены, какъ-бы врасплохъ новѣйшими требованіями среды. „Нервнаго раздраженія, скандаловъ, ужасовъ, пикантностей“, предъявляетъ имъ среда свой ультиматумъ. А откуда имъ ихъ взять? Въ жизни, правда, никогда не ощущалось недостатка ни въ скандалахъ, ни въ ужасахъ, ни въ чертовщинѣ. Но на бумагѣ-то ничего не выходитъ; яркія черты дѣйствительности тускнѣютъ и стираются, все становится какъ-то вяло и безцвѣтно; какъ-то мутно и грязно. Въ результатѣ не оказывается не только никакого раздраженія, но даже и никакого пріятнаго препровожденія времени. Въ другомъ мѣстѣ я старался объяснить, почему именно это такъ и должно было случиться. У нашихъ беллетристовъ, въ силу чисто-историческихъ причинъ, не могла развиваться творческая фантазія, они неспособны, какъ и ихъ читатели, ни глубоко чувствовать, ни смотрѣть прямо въ глаза неприглядной дѣйствительности; они способны только резонировать да анализировать, т. е. нагонять скуку, но скуки и безъ нихъ такъ много, что читатели не знаютъ куда отъ нея дѣваться. Не обладая ни воображеніемъ, ни глубиною чувствъ и въ то-же время основательно опасаясь конкурен-

ціи такихъ виртуозныхъ сочинителей скандаловъ, какъ Дрозъ, Габоріо и пр. — наши бѣдные романисты принялись за туземную фабрикацію „ужастей“ и „пикантностей“. Но тутъ-то вотъ и обнаружилась вся бѣдность ихъ творческихъ ресурсовъ: на первыхъ-же шагахъ пришлось обратиться за помощью и со-вѣтомъ къ полицейскимъ агентамъ, судебнымъ слѣдователямъ и даже просто къ стенографисткамъ окружныхъ судовъ. Конечно, это еще не бѣда, почему-же и не позаимствоваться, когда это такъ легко и общедоступно? Матеріалъ самый богатый, повидимому, изъ него можно-бы было выкроить столько романовъ, что на каждаго беллетриста пришлось-бы въ годъ, по скромному расчету, дюжины по двѣ. Но полицейскіе агенты, судебные слѣдователи и стенографы давали только грубые факты, сырье; чтобы воспользоваться ими, нужно было предварительно обработать ихъ, прогнать ихъ, какъ говорится, сквозь горнило творческаго вдохновенія; безъ такой обработки и прогонки они не только не могли произвести на читателя желаемого эффекта, но скорѣе могли нагнать на него опять-таки одну скуку. Что за удовольствіе читать въ двухъ изданіяхъ рассказъ объ одномъ и томъ-же происшествіи, что за удовольствіе, развертывая новый романъ, наткаться на старую газетную корреспонденцію, на старый стенографическій отчетъ? Притомъ, если фактъ дѣйствительной жизни велеивается цѣликомъ и безо всякихъ существенныхъ измѣненій въ рамки какой-нибудь вымышленной фабулы, то онъ всегда производитъ впечатлѣніе суконной заплаты на атласномъ платѣ. Процессъ художественнаго творчества и процессъ воспроизведенія и передачи дѣйствительно совершившихся фактовъ—это два совершенно различные, и, во многихъ отношеніяхъ, діаметрально противоположные процесса, смѣшивать ихъ никогда не слѣдуетъ. Чѣмъ болѣе второй процессъ будетъ вмѣшиваться въ дѣятельность перваго, тѣмъ несовершеннѣе и неудовлетворительнѣе будетъ послѣдній. Беллетристъ, пичкающій свои романическіе вымыслы сырыми и непереработанными фактами и анекдотами изъ дѣйствительной жизни, перестаетъ быть художникомъ и превращается въ простого хроникера, а подчасъ и сплетника. Наши беллетристы способны лишь на живописаніе *внутреннихъ* состояній чело-вѣка, на отдѣлку разныхъ психологическихъ тонкостей и деталей, а между тѣмъ, та-же среда, которая выработала въ нихъ этотъ

ограниченный талантъ, та-же среда требуетъ отъ нихъ теперь „шкантнаго“ и „ужаснаго“. За отсутствіемъ у насъ литературы скандальныхъ мемуаровъ и семейныхъ хроникъ, беллетристамъ по необходимости приходится дѣлать постоянныя вторженія въ область уголовно-полицейскаго права. При нѣкоторомъ навыкѣ и при нѣкоторомъ (хотя-бы и весьма поверхностномъ) знакомствѣ съ практикою полицейскихъ сыщиковъ, слѣдователей и т. п. можно, разумѣется, и не придерживаться слишкомъ слѣпо документальныхъ данныхъ, а сочинять уголовные случаи „изъ головы“, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ извѣстный Крестовскій. Но отъ такого „сочинительства“ произведеніе автора не становится ни на волосъ художественнѣе, оно только перестаетъ быть правдоподобнымъ и нерѣдко является, дѣйствительно, стоящимъ „внѣ законовъ“ всякаго здраваго смысла. Впрочемъ, г. Достоевскій не принадлежитъ къ числу подобныхъ „сочинителей“, онъ всегда строго и буквально придерживается „документовъ“; безъ ихъ помощи онъ не въ состояніи сочинить ни одной „ужасти“, даже ни одной сплетни, ни одного скандала. Да, даже простого скандала, если онъ требуется романическимъ вымысломъ, онъ не способенъ изобрѣсти путемъ самостоятельнаго творчества.

III.

Послѣдній романъ г. Достоевскаго доказываетъ самымъ безспорнымъ образомъ то, что было, впрочемъ, очевидно и по первому его роману, „Бѣднымъ людямъ“, — отсутствіе въ авторѣ всякой творческой фантазіи. Напрасно авторъ думалъ впоследствии (въ „Преступленіи и Наказаніи“ и въ „Идіотѣ“), когда явился спросъ на „ужасное“, дополнить этотъ существенный недостатокъ своего таланта фантастическими вымыслами; напрасно онъ прибѣгалъ къ театральнымъ эффектамъ, безжалостно эксплуатируя и свои собственные нервы и нервы своихъ читателей, — изъ его потугъ ничего не выходило, кромѣ самыхъ безобразныхъ нелѣпостей, во вкусѣ французскихъ беллетристическихъ ремесленниковъ. Только у послѣднихъ фантастическій вымыселъ всегда отличается большею смѣлостью, чѣмъ у нашего автора. Въ „Бѣсахъ“ окончательно обнаруживается творческое банкротство автора „Бѣдныхъ людей“: онъ

начинает переписывать судебную хронику, путая и перевирая факты, и наивно воображаетъ, будто онъ создаетъ художественное произведеніе. Подобно большинству нашихъ беллетристовъ, и г. Достоевскій способенъ лишь на анализъ внутренняго міра человѣческой души, на психологическое резонерство; когда онъ выходитъ за предѣлы этого внутренняго міра, когда онъ даетъ волю своей творческой фантазіи, когда изъ анализирующаго психолога онъ пытается стать обобщающимъ художникомъ, онъ впадаетъ въ нелѣпость и односторонность, и тутъ-то его талантъ выказывается во всей своей яркости. Вы видите, что дальше психологическаго анализа онъ не можетъ идти, что за предѣлами психологіи онъ совершенно безсиленъ. Но и внутренній міръ человѣческой души доступенъ его анализу только *отчасти*, только въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ; и въ этомъ отношеніи г. Достоевскій мало чѣмъ отличается отъ прочихъ російскихъ романистовъ. Я уже имѣлъ случай не разъ замѣтить, что наши романисты ограничиваются обыкновенно разработкою одной какой-нибудь группы человѣческихъ чувствъ, душевныхъ настроеній и т. п., одной какой-нибудь стороною человѣческаго характера. Излюбленное чувство ихъ — любовь, излюбленное душевное состояніе — почти всегда раздоръ съ самимъ собою и, такъ сказать, внутренній маразмъ, — привлекаютъ къ себѣ все вниманіе романиста, на нихъ сосредоточивается весь интересъ воспроизводимой имъ жизни, — все остальное ступшевывается и отходить на задній планъ. Оттого нашему романисту никогда не удавалось и не удастся создавать цѣлостные характеры, но за то часто удавалось и удается съ поразительною рѣльефностью живописать нѣкоторыя отдѣльныя чувства и изолированныя душевныя состоянія. У г. Достоевскаго есть тоже своя излюбленная группа психическихъ явленій, и ихъ исключительнымъ анализомъ, ихъ постояннымъ воспроизведеніемъ исчерпывается весь его талантъ. Излюбленная имъ группа, съ одной стороны, довольно тѣсно примыкаетъ къ тѣмъ душевнымъ состояніямъ, которыя, по преимуществу, эксплуатируются російскими беллетристами; но, съ другой стороны, она, если хотите, и весьма рѣзко отличается отъ нихъ. Впрочемъ, это различіе, на самомъ дѣлѣ, не такъ велико, какъ это можетъ показаться съ перваго взгля-

да. Герои г. Достоевскаго почти всегда ненормальные люди съ рѣзко обнаруживаемыми признаками умственной болѣзни; авторъ съ особенною любовью анализируетъ именно болѣзненные явленія человѣческой души, извращеніе человѣческихъ чувствъ и мыслей, психіатрія — вотъ его специальность, и вотъ почему онъ занимаетъ какъ-бы исключительное мѣсто въ стаѣ славныхъ нашихъ беллетристовъ. Однако, тѣ душевныя состоянія, которыя чаще всего производятся нашими беллетристами, не только не отличаются никакою слишкомъ рѣзкою чертою отъ болѣзненныхъ явленій, производимыхъ г. Достоевскимъ, но, напротивъ, находятся съ ними въ близкомъ родствѣ: послѣднія составляютъ, какъ-бы естественный продуктъ, окончательный результатъ первыхъ. Душевная дряблость и инертность, вѣчная возня съ своими внутренностями, вѣчный разладъ съ самимъ собою, вѣчное резонерство, отсутствіе живой, свободной, чуждой мелко-эгоистическихъ интересовъ дѣятельности, рѣшительная неспособность активного сопротивленія гнетущимъ вліяніямъ „среды“, — вотъ основной фонъ, вотъ тѣ существенные моменты, изъ которыхъ по преимуществу слагаются характеры героевъ, живописуемыхъ нашими романистами. Конечно, эти моменты выбраны не случайно, не въ силу какого-нибудь каприза; они, дѣйствительно, являются господствующими моментами въ характерахъ живыхъ людей нашей мѣщанско-интеллигентной среды; они глубоко коренятся въ условіяхъ жизни этой среды, въ ея семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, въ ея теоретическихъ идеалахъ и нравственныхъ доктринахъ, во всемъ складѣ ея умственнаго міросозерпанія. Но хотя эти свойства нашего характера находятъ свое полное оправданіе въ условіяхъ нашихъ общественныхъ отношеній, хотя они составляютъ законный продуктъ нашего историческаго образованія, тѣмъ не менѣе въ нихъ нельзя не видѣть здороваго, нормальнаго проявленія психической жизни человѣка. Не составляя сами по себѣ болѣзни, они представляютъ, однако, какъ-бы предверіе болѣзни, почву, въ высокой степени благоприятную для развитія психическихъ аномалій; ими начинается вырожденіе человѣческаго характера, — вырожденіе, оканчивающееся идиотизмомъ, эпилепсією, нравственнымъ или мыслительнымъ помѣшательствомъ. Особенно легко и почти незамѣтно они переходятъ въ таѣ называемую *меланхолію*; въ большой части случаевъ почти невозможно даже

опредѣлить, гдѣ кончается та „ветхость внутренняго человѣка“, которую воспѣвалъ г. Тургеневъ, и гдѣ начинаются тѣ, ясно выраженные формы умственной болѣзни, которыя съ большимъ искусствомъ анализируетъ г. Достоевскій. Въ произведеніяхъ самаго Достоевскаго читатель встрѣтитъ множество характеровъ представляющихъ какъ-бы переходную ступень отъ здоровья къ болѣзненному состоянію. Таковъ, напримѣръ, характеръ героя „Бѣдныхъ людей“, Раскольниковъ—въ „Преступленіи и наказаніи“, Прокофія—въ „Идіотѣ“, Вельчанинова—въ „Вѣчномъ мужѣ“, наконецъ, Степана Трофимовича Верховенскаго—въ „Бѣсахъ“ и т. д. Мы остановимся здѣсь только на характеръ послѣдняго; это очень старый и общезвѣстный характеръ одного изъ представителей такъ называемыхъ людей 40-хъ годовъ. Типъ избѣженный; каждая его черточка, каждая деталь были уже много разъ воспроизводимы нашими лучшими беллетристами, и притомъ беллетристами 40-хъ-же годовъ. Достоевскому пришлось тутъ, слѣдовательно, идти по прогоренной дорожкѣ и не столько творить, сколько компилировать. И дѣйствительно, его Степанъ Трофимычъ не болѣе, какъ компиляція, составленная по извѣстнымъ образцамъ, даннымъ Писемскимъ, Гончаровымъ, Тургеневымъ и т. п. Во всѣхъ извѣстныхъ типахъ людей 40-хъ годовъ исключительно разрабатывались романистами одні и тѣ-же стороны характера, одні и тѣ-же свойства, одні и тѣ-же душевныя состоянія привлекали къ себѣ ихъ вниманіе. Оттого, несмотря на то, что этотъ типъ эксплуатировался очень часто и очень многими, онъ все-таки отпечатлѣлся въ довольно однообразныя формы, сильно отзывающіяся абстрактностью, книжностью. Компиляція г. Достоевскаго отличается тѣми-же свойствами, но при всей своей абстрактной односторонности она составлена съ большимъ психическимъ искусствомъ. Къ несчастію только, привычка автора постоянно пускаться въ психическій анализъ, постоянно стараться объяснять и подробно комментировать каждый шагъ, каждый поступокъ, каждую мысль своихъ героевъ сдѣлала то, что и воспроизведеніе личности Верховенскаго вышло у него болѣе похожимъ не столько на объективное изображеніе характера, сколько на критическую оцѣнку его. Конечно, для критики это очень удобно: авторъ самъ исполнилъ всю работу за нее, и ей остается только заняться простымъ переписи

сываніемъ. Но если мы взглянемъ на дѣло не съ точки зрѣнія интересовъ критики, а съ точки зрѣнія интересовъ искусства, то нельзя не согласиться, что такой способъ отношенія къ изображаемымъ лицамъ очень мало благопріятствуетъ чисто художественнымъ цѣлямъ. Степанъ Трофимычъ представляетъ собою не живое воплощеніе конкретнаго характера, а просто психологическій анализъ нѣкоторыхъ выдающихся и наиболѣе общихъ чертъ извѣстнаго типа людей. Я ограничусь здѣсь лишь самою общою характеристикою этихъ чертъ, для того, чтобы читатель лучше могъ уяснить себѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ общихъ причинъ, которыя вызываютъ наши психическія аномаліи, которыми обуславливаются до извѣстной степени наши умственные болѣзни. Психическая болѣзнь, умственное вырожденіе готовится обыкновенно медленно и постепенно цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній. Въ большинствѣ случаевъ она развивается изъ того умственнаго и нравственнаго наслѣдства, которое отцы завѣщаютъ своимъ дѣтямъ. Конечно, одного наслѣдства, т. е. одного предрасположенія, не всегда еще бываетъ достаточно: нужны еще *благопріятныя условія*, чтобы, такъ сказать, оплодотворить эти наслѣдственные зачатки умственнаго расстройства; въ противномъ случаѣ болѣзненное предрасположеніе можетъ погибнуть за-даромъ, или перейти въ какія-нибудь другія, уже не просто нервныя болѣзни. Однако, съ другой стороны, и однихъ „благопріятныхъ условій“, безъ предварительной, унаслѣдованной отъ предковъ наклонности, тоже не всегда бываетъ достаточно. Поэтому, для большей ясности, мы должны разсмотрѣть, какъ то умственное наслѣдство, которое господа Верховенскіе и подобные имъ завѣщали своимъ дѣтямъ, такъ и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ развивались эти дѣти. Тогда самъ собою опредѣлится и источникъ и общій характеръ ихъ психическихъ аномалій, т. е., по крайней мѣрѣ, тѣхъ аномалій, которыя г. Достоевскій беретъ за анализировать въ своемъ послѣднемъ романѣ и которыя онъ, съ наивностью средневѣковаго аскета, считаетъ за *бъсовское навожденіе*.

IV.

Анализируя характеръ Верховенскаго, г. Достоевскій съ особенною рельефностью отъиваетъ только нѣкоторыя, впрочемъ, наиболѣе выдающіяся и, такъ сказать, преобладающія свойства людей этого типа—нашихъ отцовъ. Степанъ Трофимовичъ былъ не героемъ, но „лучшимъ человѣкомъ“ 40-хъ годовъ; онъ былъ личность заурядная, одна изъ единицъ толпы. Не о немъ, удостоивъ насъ авторъ „Бѣсовъ“, сказалъ народный поэтъ: „Воплощенной укоризной ты стоялъ передъ отчизной, либераль-идеалистъ“. „Нашъ Степанъ Трофимычъ,—продолжаетъ авторъ,—былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежащемъ положеніи, надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе, что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли-бы вы на него у насъ въ клубъ, когда онъ садился за карты. Весь видъ говорилъ: „Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно. Кто-же отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!“ и онъ осанисто козырялъ съ червей“ (ч. I, стр. 10). Своимъ „лежащимъ позированіемъ“ онъ приобрѣлъ себѣ нѣкоторую репутацію въ городѣ: его считали за человѣка умнаго, отъменно либеральнаго и „гонимаго“ за правду. Эта репутація вполне удовлетворяла его тщеславію, и не потому, что его тщеславіе было слишкомъ уже не высокаго полета, а потому, что онъ и взаправду считалъ себя за нѣкотораго „гражданскаго дѣятеля“. „Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь, что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его постоянно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ, смѣннившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзжая править губернію, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше...“ (ib, стр. 3). Эта мечта льстила самолюбію Степана Трофимовича, но помимо самолюбія она была естественною и, такъ сказать, законною дочкою его „заячьей“ трусости. Трусость — это была одна изъ преобладающихъ чертъ его характера. Она заставила его бросить про-

фессуру, она законопатила его въ провинціальномъ городишкѣ. она внушила ему гордую мысль о собственной опасности и сдѣлала въ то-же время „тише воды, ниже травы“. Даже его тщеславіе, такъ непошррно развитое у людей сороковыхъ годовъ, этихъ вѣчно позировавшихъ лежебоковъ, даже это тщеславіе пасовало передъ его трусостью. Въ 60-хъ годахъ, въ эпоху нашего „renaissance“, о Степанѣ Трофимовичѣ вспомнили въ Петербургѣ, „какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи“, даже ставили его почему-то на ряду съ Радищевымъ. Кто-то напечаталъ, что онъ умеръ, и общалъ его некрологъ. Нашъ герой не помнилъ себя отъ восторга; бессмысленная помѣщица, г-жа Ставрогина, у которой онъ жилъ въ качествѣ проживальщика, и которая двадцать лѣтъ питала къ нему „нѣжную дружбу“ и давала деньги на его содержаніе, тоже возгордилась славою своего друга; и оба они, не долго думая, покатили въ Петербургъ съ тщеславной мечтою стать au courant „движенія“, а, быть можетъ, даже и во главѣ его. Бессмысленная помѣщица задумала издавать журналъ. Разумѣется, для честолюбія Степана Трофимовича было-бы очень легко сдѣлаться руководителемъ предполагавшагося изданія, но онъ трусилъ. „Помните, — упрекала его потомъ его самодурная подруга, — помните, какъ потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, (?) вы вдругъ прибѣжали ко мнѣ перепуганный и стали требовать, чтобы я тотчасъ-же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому, что ему еще не додано жалованіе, не такъ-ли? Помните это вы? Вы отменно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ...“ (ч. 2, стр. 189). Да, всю свою жизнь онъ отличался подвигами малодушной трусости. Изъ трусости онъ бросилъ и свою ученую карьеру; „какъ-то и кѣмъ-то, рассказываетъ авторъ, — перехвачено было письмо къ кому-то, съ изложеніемъ какихъ-то „обстоятельствъ“; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій“. (ч. I, стр. 5). Это до того обезкуражило Степана Трофимовича, что онъ почелъ за лучшее ступшеваться и поспѣшилъ принять предложеніе какой-то генеральши Ставрогиной, богатой помѣщицы, которая въ началѣ только ввѣ-

рила ему воспитаніе своего однороднаго сына, а потомъ сдѣлала его своимъ другомъ и приживальщикомъ.

Мнѣ кажется, что до сихъ поръ, недостаточно было обращено вниманія на ту, такъ сказать, хроническую робость, запуганность, которая составляла едва-ли не самую существенную черту характера этихъ „либераловъ-идеалистовъ“, „стоявшихъ передъ отчизной воплощенной укоризной“. А между тѣмъ это душевное состояніе, это постоянное дрожаніе передъ дѣйствительными или воображаемыми опасностями можетъ служить ключемъ къ объясненію всей ихъ жизни, всей ихъ дѣятельности, которая, впрочемъ, всегда ограничивалась „лежаніемъ на боку“, да комическимъ „позированіемъ“. Не то, чтобы они были ужь очень лѣнливы, или очень дряблы и неспособны, или черезчуръ ограничены, правда, они не хватали звѣздъ съ неба, правда, они отличались довольно замѣчательною тупостью; но и эта тупость происходила главнымъ образомъ изъ трусости: они боялись слишкомъ долго и слишкомъ послѣдовательно думать, они старались искусственно усыплять свою мысль, они собственными руками подрѣзывали себѣ крылья; это были, въ нѣкоторомъ родѣ, *нравственные самоубійцы*, и самоубійцы изъ трусости. Думать—это опасно; двигаться, жить—это тоже опасно; всего безопаснѣе лежать на боку, и они превращались въ Обломовыхъ. Ихъ нельзя обвинять за это; ихъ вѣчный страхъ, ихъ малодушная пугливость были естественнымъ продуктомъ всей обстановки ихъ жизни. Они имѣли свою весьма реальную, хотя, быть можетъ, и нѣсколько преувеличенную причину. Можемъ-ли мы обвинять наковальню за то, что она дрожитъ и трясется подъ тяжелыми ударами желѣзнаго молота? А эти люди именно и были наковальнею. Удивительно тутъ лишь то, что они не только мирились съ своимъ положеніемъ, но даже какъ-бы гордились имъ; повидимому, положеніе челоуѣка-наковальни на-столько непривлекательно, что онъ долженъ-бы употреблять всѣ силы выйти изъ него. Они-же были довольны! И это ихъ странное довольство объясняется ихъ трусостью. Ихъ умственный кругозоръ, и безъ того довольно ограниченный, съ годами еще болѣе и болѣе суживался, подъ вліяніемъ гнетущей думы о собственной безопасности. Отсюда вторая черта нашихъ папенокъ изъ „идеалистовъ-либераловъ“—неумѣренное, до уродливости развитое чувство эгоизма, весьма миролюбиво уживав-

шеся съ довольно честными (говоря, конечно, сравнительно) идеалами, съ весьма гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Замѣчательно при этомъ, что эти люди, эгоисты отъ головы до пятокъ, никогда не сознавали своего эгоизма. Они въ минуты самообличенія охотно обвиняли себя во всемъ, но только не въ животномъ эгоизмѣ: они были твердо убѣждены, будто все ихъ существо пропитано какою-то эссенціею любви и нѣжности; они и до сихъ поръ видятъ въ своемъ мягкосердечіи и любвеобиліи главное и самое существенное свое отличіе отъ дѣтей. Они высокоумно упрекаютъ свое потомство въ „черствости“ и „безсердечіи“, въ „узкомъ эгоизмѣ“ и, подобно евангельскому фарисею, съ гордостью восклицаютъ: „благодареніе Богу, мы были не таковы!“ Да, они были не таковы, они были гораздо хуже. Посмотрите на одного изъ ихъ представителей, на Степана Трофимовича Верховенскаго: не есть-ли онъ воплощенная квинтъ-эссенція эгоизма? Онъ живетъ исключительно личною жизнью; онъ думаетъ только о себѣ; онъ возится съ своимъ „я“, какъ съ какимъ-то чирьемъ; весь свой вѣкъ онъ проводитъ около юбокъ Варвары Петровны Ставрогинной, которая за это поитъ его, кормитъ и даже платитъ за него долги; у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ интересовъ, кромѣ интереса собственной безопасности; но сердце его способно только на эгоистическую, исключительную привязанность къ своей „кормилицѣ и поительницѣ“, но и ее-то, предметъ своей двадцатилѣтней любви, онъ постоянно мучитъ и терзаетъ своимъ тщеславіемъ и своею вздорною мелочностью. Въ этой привязанности у него не было никакихъ другихъ симпатій; даже къ сыну своему онъ относился какъ чловѣкъ посторонній. Забросивъ его въ Петербургъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ затѣмъ совершенно устранился отъ исполненія какихъ-бы то ни было родительскихъ обязанностей; даже официальныхъ обязанностей опекуна онъ не могъ добросовѣстно выполнить: съ имѣніемъ сына онъ обращался, какъ съ своею собственностью, разорилъ его, часть продалъ, надѣлалъ долговъ, и сыну не удалось-бы, вѣроятно, получить съ него ни копѣйки, если-бы та-же добродѣтельная Варвара Петровна не взяла на себя грѣшковъ родителя-идеалиста и не заплатила изъ собственнаго кармана за всю его „родительскую любовь“. И этотъ черствый и безсердечный родитель, который умѣлъ только дать сыну свою фамилію (онъ самъ

сомнѣвался, былъ-ли этотъ сынъ—его сынъ, и эти сомнѣнія были известны самому сыну), научилъ его презирать свою мать, наконецъ, разорилъ и научилъ презирать и отца, этотъ родитель вламывается въ амбицію, зачѣмъ это сынъ не нѣжничаетъ съ нимъ. зачѣмъ онъ къ нему не посылаетъ сыновнею любовью, и позволяетъ себѣ обращаться съ нимъ безъ малѣйшаго лицемѣрія, но за то и безъ малѣйшей церемоніи. Онъ обижается, онъ негодуетъ! Онъ патетически вопрошаетъ: „Скажи мнѣ, наконецъ, извергъ, сынъ-ли ты мой или нѣтъ?“ На это сынъ весьма резонно отвѣчаетъ, что „ему объ этомъ лучше знать... Не ты-ли, припоминаетъ онъ далѣе родителю,—не ты-ли самъ рассказывалъ мнѣ по ночамъ скоромные анекдоты про мою мать? И не все-ли равно тебѣ, твой-ли я сынъ или нѣтъ? Ты рубля на меня не истратилъ, всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперь кричишь, что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломаешься предо мною, какъ актеръ!“ (Ч. II, стр. 143, 144). Какъ вы думаете, что дѣлаетъ почтенный родитель, выслушавъ эту, хотя и нѣсколько рѣзко выраженную, но тѣмъ не менѣе, совершенно очевидную и безспорную правду? Онъ проекиваетъ непочтительнаго сына, и остается въ наивной увѣренности, что сынъ его безсердечный извергъ, а онъ невинно-оскорбленная добродѣтель.

V.

Говорятъ, что эгоизмъ есть великая нравственная сила, выростившая роскошное дерево современной цивилизаціи. Увѣряютъ, что онъ постоянно возбуждаетъ человѣческую дѣятельность, даетъ силы человѣку совершать богатырскіе подвиги, будитъ и изоощряетъ его мысль, создаетъ прогрессъ, скопляетъ богатство, развиваетъ науку и завоевываетъ свободу. Пусть все это такъ; но все-таки не всегда это бываетъ такъ. Очень можетъ быть, что при извѣстныхъ условіяхъ эгоизмъ является могучею прогрессивною силою, великимъ двигателемъ цивилизаціи. Предоставьте эгоиста его собственной судьбѣ, поставьте его въ необходимость *само*му всего добиваться и до всего доходить, откройте ему, при этомъ, всюду доступъ, развяжите его руки, дайте ему хоть кро-

шечку ума, и онъ, дѣйствительно, подъ вліяніемъ одного своего эгоизма, въ состояніи будетъ продѣлать всѣ тѣ штуки, которыхъ вы отъ него ожидаете: онъ и богатство накопить, и науку подвинетъ впередъ, и цивилизацію распространить, и прогрессъ ускорить и даже, если хотите, сдѣлается филантропомъ и защитникомъ „вдовъ и сиротъ“. Но поставьте того-же эгоиста въ другія условія: навяжите ему на руки десяти-пудовыя гири, наполните его желудокъ даровымъ хлѣбомъ, поставьте его независимо отъ всякихъ его усилій, въ привилегированное положеніе, поощряйте ему коврижку за то только, чтобы онъ какъ можно меньше думалъ и двигался, пропитайте его мозгъ вѣчнымъ безотчетнымъ страхомъ, и вашъ эгоистъ собственноручно задушитъ въ себѣ всякія человѣческія стремленія, онъ покорно подчинится наложенному на него ярму, онъ безмятежно уединится въ самомъ себѣ, займется созерцаніемъ своего „я“, а ко всему прочему станетъ относиться съ тупою пассивностью лежебока.

Въ такихъ именно условіяхъ находились наши Степаны Трофимовичи. Эгоизмъ подстрекалъ ихъ не къ борьбѣ, а къ подчиненію, онъ побуждалъ ихъ не къ вѣшной дѣятельности, а къ внутреннему самоуглубленію: онъ дѣлалъ изъ нихъ не опытныхъ и энергическихъ практиковъ, не смѣлыхъ теоретиковъ, а пустыхъ и вздорныхъ людишекъ, весь вѣкъ живущихъ на чужой счетъ, постоянно резонирующихъ, постоянно роющихся то въ своей душѣ, то въ душѣ своихъ ближнихъ, постоянно обижающихся, пивирующихся, суетныхъ, тщеславныхъ, корчащихся изъ себя какихъ-то „униженныхъ и оскорбленныхъ“, и всегда одинаково пошлыхъ и одинаково бесполезныхъ. Впрочемъ, не всегда наши отцы были поставлены въ положеніе Степановъ Трофимовичей. Иногда, и даже довольно часто, вѣшнія условія ихъ жизни были, повидимому, гораздо благоприятѣе; ихъ эгоизмъ принималъ нѣсколько иное, болѣе дѣятельное направленіе, но, разумѣется, ихъ ближніе не были черезъ это слишкомъ осчастливлены; впрочемъ, ихъ объ этомъ и не спрашивали. „Власть имущіе“ отцы (или матери) исправляли въ общественной гармоніи роль молота и, въ качествѣ бессмысленнаго молота, имъ не могло быть никогда дѣла до того, какъ отзываются на наковальнѣ ихъ удары. Они били, производили шумъ и этимъ исчерпывалась вся задача ихъ практической дѣятельности. Дѣятельность эта

давно уже известна у нас подъ хорошо знакомымъ всеѣмъ словомъ *самодурство*. Самодурство было естественнымъ вырожденіемъ эгоизма, съ одной стороны, слишкомъ избалованнаго окружающимъ подобострастіемъ крѣпостной эпохи, съ другой, поставленнаго въ условія совершенно непригодныя для какой-бы то ни было разумной дѣятельности. Представительницею поколѣнія родителей-самодуровъ является въ романѣ Достоевскаго много разъ уже упомянутая мною помѣщица и генеральша Варвара Петровна Ставрогина. Особа эта, какъ и „другъ“ ея Степанъ Трофимовичъ, много разъ уже, въ различныхъ костюмахъ, отрекомендовывалась русскимъ читателямъ; г. Достоевскій точно также скомпилировалъ характеръ деспотической помѣщицы, какъ онъ скомпилировалъ и характеръ Верховенскаго. И вторая компиляція, какъ и первая, отличается тѣмъ-же отсутствіемъ художественной конкретности, и тѣмъ-же, хотя и одностороннимъ, но въ высшей степени тонкимъ и остроумнымъ психологическимъ анализомъ. Я, впрочемъ, не стану здѣсь останавливаться на разборахъ этого характера. Достаточно сказать только, что Варвара Петровна представляетъ собою какъ-бы „дополнительный цвѣтъ“ по отношенію къ Степану Трофимовичу. Основной фонъ того или другого характера одинаковы: это болѣзненно-развитое себялюбіе, дѣлающее изъ своего „я“ высшее и конечное средоточіе всей своей жизни и дѣятельности. У одного только это себялюбіе приняло направленіе пассивной самосозерцательности, совершенно, впрочемъ, безобидной для окружающихъ его лицъ, у другой выродилось въ самодурный деспотизмъ. Само собою понятно, что „дружба“ обоихъ этихъ эгоизмовъ не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго: оба друга двадцать лѣтъ взаимно одинъ другого мучаютъ, одинъ другому отравляютъ послѣднія спокойныя минуты желкаго существованія. Въ характерѣ этой дружбы рельефно обрисовывается, между прочимъ, вся пошлость и безсодержательность, вся мелочность и тупая ограниченность людей разсматриваемаго типа. Черезъ двадцать лѣтъ оказалось, что оба друга жаждали не простой дружбы, а взаимной любви, но во все это время ни у одного изъ нихъ не хватало смѣлости, чтобы взглянуть истинѣ прямо въ глаза и отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ. А между тѣмъ оба они были большіе охотники до самоанализированія. Но это такъ всегда бываетъ съ малодушными резонерами: резонеръ любитъ

всегда приискивать къ своимъ чувствамъ сотни самыхъ хитросплетенныхъ комментариевъ и оправданій, но всѣ они обыкновенно одинаково далеки отъ истины. Какъ трусъ, резонеръ инстинктивно избѣгаетъ послѣдней; онъ всегда предпочитаетъ то, что льститъ (хотя и на время) пустому тщеславію. Впрочемъ, у Варвары Петровны тутъ дѣйствовала не столько трусость, сколько болѣзненное самолюбіе. Какъ можно, чтобы она, генеральская вдова, богатая помѣщица, унизилась до любовныхъ объясненій хотя и съ другомъ, но все-же „другомъ, сравнительно съ нею весьма ничтожнымъ, состоящимъ, при ней въ качествѣ приживалки.“ Но глупость ихъ взаимныхъ отношеній не исчерпывается однимъ этимъ двадцатилѣтнимъ недоразумѣніемъ. Они запоминали каждую мелочь, ставили „въ лыко“ каждую строку, а потомъ при случаѣ (а часто даже и безъ всякаго случая) подпускали другъ другу всякія шпильки (см., напр., ч. 2, стр. 136—145, и др.); особенно памятлива была насчетъ всякаго вздора Варвара Петровна. Однажды Степанъ Трофимовичъ, слушая рассказъ одного завѣжаго гостя барона о слухахъ по поводу предстоящей крестьянской реформы, не вытерпѣлъ и крикнулъ: „ура“; это взволновало Варвару Петровну и она не спустила даромъ своему другу его неосторожное восклицаніе. Когда баронъ уѣхалъ, она молчала минуты три, а потомъ вдругъ „блѣдная, со сверкающими глазами“ обернулась къ ничего неподозрѣвавшему „другу“ и шепотомъ процѣдила: „я вамъ этого не забуду“. И, дѣйствительно, рассказываетъ авторъ, „тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его и также точно поблѣднѣла, какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала“ (ч. I, стр. 15, 16). Степанъ Трофимовичъ былъ не такъ злопамятенъ, но за-то онъ былъ очень самолюбивъ и до крайности обидчивъ, хотя и состоялъ въ скромной роли приживалки. Онъ допекалъ ее письмами, наполненными безконечными пререканіями, извиненіями, претензіями, слезными покаяніями и т. п. Онъ писалъ къ ней, живя даже съ ней въ одномъ домѣ, въ экстренныхъ случаяхъ, по два раза въ день. Какъ ни мелочна такая подробность, а она бросаетъ очень яркій свѣтъ на характеръ этого человѣка: она показываетъ, до какой степени всѣ его мысли и интересы исключительно поглощались его личными отношеніями, его тщеславнымъ „я“. Вообще, исторія этой „стран-

ной дружбы“ (такъ ее называетъ и самъ авторъ), исторія, составленная съ мастерскимъ искусствомъ и обнаруживающая въ авторѣ большую психологическую наблюдательность, эта исторія вполне можетъ убѣдить каждаго, что если ея герои и не больные, то, во всякомъ случаѣ, ихъ нельзя назвать и здоровыми людьми; ихъ нравственный характеръ обнаруживаетъ несомнѣнные слѣды начинающагося вырожденія; сами-же они стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ, отдѣляющемъ здоровье отъ болѣзни. Рубежь этотъ очень неопредѣлененъ, достаточно какого-нибудь одного обстоятельства, чтобы совершенно уничтожить его и почти, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, свести Степана Трофимовича съ ума. Дѣйствительно, ссора съ Варварой Петровной, болѣе крупная, чѣмъ всѣ предшествующія, охлажденіе, которое онъ замѣтилъ въ ней, оскорбительныя предложенія, которыя сдѣлала ему его „самодурная подруга“, не считавшая нужнымъ щадить его нравственное достоинство, все это окончательно потрясло его умственный аппаратъ. Наговоривъ глупостей и сдѣлавъ скандалъ на томъ литературномъ вечерѣ, о которомъ я уже упоминалъ, онъ убѣжалъ домой, просидѣлъ нѣкоторое время взаперти, никого къ себѣ не пуская, затѣмъ надѣлъ шинель и высокіе сапоги и, взявъ всѣ имѣющія у него деньги, въ количествѣ 40 рублей, пустился въ путь-дорогу. Какъ, куда, зачѣмъ? Онъ этого самъ не зналъ. Онъ просто вышелъ за городъ на большую дорогу и пошелъ по ней куда глаза глядятъ. Въ умѣ его смутно мелькала мысль, что онъ идетъ къ какому-то „*matchand*“ нациматься въ гувернеры. Но гдѣ обрѣтается этотъ *matchand*, кто онъ такой, и существуетъ-ли вообще во всей Россіи какой-нибудь *matchand*, который-бы могъ нуждаться въ услугахъ Степана Трофимовича, всѣ эти вопросы если и приходили на умъ, то только на минуту, и онъ не трудился прискивать отвѣтовъ на нихъ. Онъ, по словамъ автора, находился, какъ-бы въ *забытѣ*, неохотно разсуждать или хоть отчетливо сознавать было для него невыносимо“ (ч. 3, стр. 245). Встрѣтившись съ мужиками, которые посадили его на телѣгу и подвезли къ близлежащей деревнѣ, онъ обнаружилъ въ своихъ разговорахъ съ ними всѣ признаки несомнѣннаго умственнаго расстройства. Въ деревнѣ онъ натѣнулся на какую-то особу, торговавшую книгами, еще не старую, и плѣнился ею. Мысль о мифическомъ купцѣ какъ-то испарилась изъ его головы, и вмѣсто нея

явилась другая не менѣе блистательная идея: вмѣстѣ съ милостивой книгоношей распространять въ народѣ евангеліе. Замѣтите при этомъ, Степанъ Трофимовичъ всю свою жизнь считалъ себя волтеріанцемъ и даже гордился своимъ вольнодумствомъ; теперь тотъ-же Степанъ Трофимовичъ вдругъ преобразился въ отчаяннаго скептика. Затѣмъ Степанъ Трофимовичъ начинаетъ гордиться безсвязною нелѣпностью и, наконецъ, самъ чувствуетъ, что онъ, какъ говорится, сбился съ панталыку. „Я ужасно сбился, признается несчастный, я никакъ не могу вспомнить, что я хотѣлъ сказать. О, блаженъ тотъ, кому Богъ посылаетъ всегда женщину, и я думаю даже, что я въ нѣкоторомъ восторгѣ. И на большой дорогѣ есть высшая мысль! вотъ, вотъ, что я хотѣлъ сказать. про мысль“... и т. д. (ib, стр. 266). Въ этотъ періодъ умственного разстройства Степану Трофимовичу пришла въ голову гениальная мысль „о бѣсахъ, вошедшихъ въ молодое поколѣніе“ (стр. 280). Г. Достоевскому такъ понравилась эта идея, что онъ положилъ ее въ основу своего романа. Что сказать объ авторѣ, который руководится въ своемъ творчествѣ бредомъ сумасшедшаго? Впрочемъ, Богъ съ ними. Бредъ Степана Трофимовича продолжался недолго, и г. Достоевскому не удалось позаимствоваться у него слишкомъ многимъ. Доѣхавъ съ своей книгоношей до другого села, онъ внезапно занемогъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Варвара Петровна не умерла, но, по всей вѣроятности, и она впала въ такое состояніе, въ которомъ даже и не опытный психіатръ усмотритъ симптомы умственной болѣзни. По крайней мѣрѣ, у нея еще раньше являлись такія дикія и нелѣпыя фантазіи (въ родѣ, напр., сватовства Даши на Степанѣ Трофимовичѣ), что признать ее вполне здоровою никогда нельзя было; подъ гнетущимъ вліяніемъ самодурного и ограниченнаго эгоизма ея характеръ долженъ былъ съ годами точно также вырождаться, какъ вырождался характеръ Степана Трофимовича, подъ вліяніемъ эгоизма трусливаго, малодушнаго, пассивно-созерцательнаго самообожанія. Только вырожденіе въ томъ и въ другомъ случаѣ принимало различныя формы. У одной, оно переходило въ „періодъ предвѣстниковъ“ неистовства (такъ называемой *manii*), у другого въ меланхолію. Внезапные порывы неистовства или приступы гнетущей тоски, эти психіатрическіе феномены, были самымъ обыденнымъ явленіемъ въ жизни нашихъ папенокъ и маменокъ, нашихъ Варваръ Петровнъ

и Степановъ Трофимовичей. Особенно обыденны приступы меланхоли въ средѣ нашихъ „либераловъ-идеалистовъ.“ Эта знаменитая „русская тоска“ (какъ называется ее одинъ нашъ романистъ), которая по своей тупой, гнетущей боли едва-ли не ужаснѣе англійскаго сплина и нѣмецкаго weltenschmerz'a хорошо знакома и современному поколѣнью, хотя теперь она принимаетъ нѣсколько иныя, болѣе человѣчныя формы. У нашихъ отцовъ, она проявлялась въ гнетущемъ сознаниіи собственного ничтожества, незнаниіа за что взяться и на чемъ остановить свою дѣятельность, и шатаіи изъ стороны въ сторону. У него не было силъ бороться съ окружающимъ самодурствомъ, онъ пассивно ему подчинялся и это пассивное подчиненіе, обусловливаемое всеѣмъ складомъ жизни, заставляло его подчасъ презирать самого себя. „Какой я жалкій, пошлый, ничтожный глупецъ, ни начто-то я не годенъ, ничего-то я не могу сдѣлать; каждый самодуръ можетъ плевать мнѣ въ глаза, а я все сношу съ терпѣливою покорностью, потому что нѣтъ у меня силъ для борьбы, нѣтъ у меня смѣлости для открытаго протеста“. Чтобы подсластить горечь этой мысли, онъ начиналъ прискивать какія-нибудь „смягчающія обстоятельства“ въ пробѣлахъ своего образованія, въ своей личной безталантности и т. д. Но само собою понятно, что чѣмъ болѣе его мысль работала въ этомъ направленіи, тѣмъ съ большимъ пессимизмомъ онъ относился къ своему „я“, тѣмъ сильнѣе становились приступы хандры. Однако, у человѣка, невапшаго окончательно въ умственную болѣзнь, такое умственное, подавленное состояніе духа не могло сдѣлаться постояннымъ; оно неизбежно, въ силу реакціи, должно было смѣняться противоположнымъ настроеніемъ, радостнымъ и почти тоже болѣзненнымъ самовозвеличеніемъ. За минутами унижительнаго сознаниія собственной дрянности, слѣдовали минуты какого-то самозабвенія; человѣку казалось тогда, что онъ лучше и выше всеѣхъ остальныхъ людей, что они только не могутъ его помять, что они ему завидуютъ, что они его боятся, и что онъ всеѣмъ не подчиняется имъ, а только гордо изолируетъ себя отъ ихъ пошлости. Зачѣмъ мнѣ, думалось ему въ эти счастливыя минуты, „вязаться со всякою швалью, они сами по себѣ, я самъ по себѣ, я плюю на нихъ, потому что я выше ихъ“. Степанъ Трофимовичъ постоянно находился въ этой перемежающейся лихорадкѣ самоуниженія и самовозвеличенія. То онъ плевалъ на себя, то съ тщеславною гор-

достью смотрѣлъ черезъ плечо на своихъ ближнихъ. Г. Достоевскій очень тонко подмѣтилъ этотъ замѣчательный психологическій или, лучше сказать, психіатрическій феноменъ и ярко очертилъ его въ отношеніяхъ своего героя къ подругѣ его Варварѣ Петровнѣ. Въ минуты самовозвеличенія Степанъ Трофимовичъ третируетъ свою подругу съ поистинѣ комическимъ высокомеріемъ; въ эти минуты ему казалось, что Варвара Петровна боится его удивительныхъ талантовъ, завидуетъ ему, преклоняется передъ его гигантско-умственною силою и питаетъ преступныя намѣренія эксплуатировать своего даровитаго друга въ своихъ личныхъ интересахъ. Эти тщеславныя идеи до такой степени овладѣвали его умомъ, что онъ былъ даже не въ силахъ таить ихъ про себя; онъ откровенно сообщилъ ихъ не только своимъ друзьямъ, но даже и самой Варварѣ Петровнѣ. Варвара Петровна, никогда ничего не забывавшая, записывала въ своемъ сердцѣ забавныя претензіи своего друга, и потомъ, черезъ много лѣтъ, жестоко мстила за нихъ. Ее не смягчало даже то обстоятельство, что у ея друга эти припадки самовозвеличенія быстро смѣнялись припадками самоуниженія, что вслѣдъ за письмами (хотя онъ могъ видѣться съ ней ежеминутно, потому что жилъ въ одномъ домѣ, но онъ имѣлъ обыкновеніе, какъ уже было замѣчено выше, формулировать свои душевныя состоянія въ эпистолярной формѣ), наполненными тщеславными притязаніями, упреками и высокомерными назиданіями, она получала письма, въ которыхъ ея другъ униженно просилъ ее не вмѣнять ему въ осужденіе его гордости, въ которыхъ онъ смѣшивалъ себя съ грязью, и ее ставилъ на недосигаемый пьедесталь. Въ эти свои несчастныя минуты Степанъ Трофимовичъ считалъ себя едва-ли не за самого жалкаго и ничтожнаго человѣка [во всемъ мірѣ. Онъ не болѣе, какъ простой приживальщикъ богатой помѣщицы; она его благодѣтельница и онъ настолько наглъ и безчестенъ, что принимаетъ ея благодѣнія! Да это-ли одно? Онъ сына своего ограбилъ, онъ крѣпостныхъ своихъ проигрывалъ въ карты, онъ ведетъ праздную, пошлую жизнь, онъ измелъчалъ до того, что напивается пьянымъ и убиваетъ время за игрою въ ералашъ? О, какъ онъ жалокъ и ничтоженъ! Въ послѣднее время, какъ повѣствуетъ авторъ, Степанъ Трофимовичъ все чаще и чаще „началъ впадать въ хандру и въ шампанское“. Болѣзнь или, лучше ска-

зять, симптомы — предвѣстники болѣзни принимали все болѣе и болѣе угрожающую форму и привели его, наконецъ, къ этой роковой катастрофѣ, которая стоила ему жизни. Впрочемъ, исходъ могъ быть и другой: Степанъ Трофимовичъ могъ-бы впасть, напри- мѣръ, въ тихій идиотизмъ и окончить свою жизнь „выжившимъ изъ ума“ старикомъ. Этотъ исходъ былъ очень обыкновененъ въ жизни людей, подобныхъ ему. Конечно, ихъ не называли идиотами, но это дѣлалось только изъ приличія или-же по невѣжеству. — Я не хочу, разумѣется, этимъ сказать, что всѣ эти люди или даже большинство ихъ кончали сумасшествіемъ или идиотизмомъ. По- добная мысль шла-бы, очевидно, въ разрѣзъ съ фактами; я хочу только сказать, что при данныхъ условіяхъ ихъ жизни и ихъ психической организаціи, такой конецъ былъ весьма возможенъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ, напри- мѣръ, тѣхъ, въ которыя авторъ ставитъ Степана Трофимовича, даже неизбѣ- женъ. Не случись этихъ обстоятельствъ (скандала на литератур- номъ вечерѣ, ссоры съ Варварой Петровной, сватовства на Да- шенькѣ и т. п.) Степанъ Трофимовичъ могъ-бы мирно и спокойно дожить свой вѣкъ, не обнаруживая никакихъ рѣзкихъ признаковъ умственного расстройства. Жизнь-же большинства нашихъ отцовъ и матерей, изъ среды интеллигентнаго мѣщанства и „дворянскихъ гнѣздъ“, представляла такъ мало поводовъ къ сильнымъ душев- нымъ волненіямъ, такъ рѣдко выходила изъ своей обычной, ру- тинной колеи, что зародыши ихъ умственныхъ болѣзней не нахо- дили достаточно пищи для своего развитія; умственные болѣзни являются обыкновенно, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ пси- хіатръ, продуктомъ дѣятельнаго умственного напряженія. Только тамъ, гдѣ умственная жизнь, нервная дѣятельность достигаютъ высшихъ формъ своего развитія, только тамъ является возмож- ность ясно выраженныхъ формъ умственного расстройства. У низ- шихъ животныхъ, у дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ случаи помѣшательства очень рѣдки, и при этомъ самое помѣ- шательство носитъ характеръ афективнаго помѣшательства, т. е. почти исключительно ограничивается болѣзненнымъ расстройствомъ въ сферѣ чувствъ. Чисто умственные аномалии, какъ и вся ум- ственная жизнь, находятся у нихъ еще въ зародышѣ, и до та- кой степени перепутываются и смѣшиваются съ здоровыми, нор-

мальными проявленіями человѣческаго организма, что никому и на умъ не приходитъ видѣть въ нихъ какую-нибудь особенную болѣзнь. Но умственная жизнь развивается, а вмѣстѣ съ нею развиваются и зародыши ея аномаліи, развиваются и принимаютъ, наконецъ, такія рѣзкія формы, что уже теперь никто не ошибется насчетъ ихъ истиннаго значенія и не смѣшаетъ ихъ съ здоровымъ состояніемъ человѣка. Такимъ образомъ, развитіе умственныхъ болѣзней прямо пропорціонально умственному прогрессу, развитію цивилизаціи. Это не значитъ, что ихъ порождаетъ цивилизація; нѣтъ, цивилизація (я употребляю это слово исключительно въ смыслѣ умственнаго прогресса) дѣлаетъ только *явнымъ* то, что до нея было *скрытымъ*, развиваетъ тѣ сѣмена, которыя запали въ человѣческую душу, когда человѣкъ былъ еще тупымъ невѣждою, когда его окружали ненормальныя условія дикой или полудивилизированной жизни. За эти-то условія, за его прежнюю дикость она и заставляетъ его расплачиваться. Какъ мстительная Немезида—она никого не забываетъ, она тщательно сберегаетъ и дурныя и хорошія сѣмена, и зародыши здороваго развитія, и зародыши болѣзненнаго вырожденія, она не дѣлаетъ выбора, она съ одинаковою заботливостью вскармливаетъ и возвращаетъ и „зерна и плевелы“. Кто виноватъ, что плевелы разрослись? Конечно, тотъ, кто ихъ посѣялъ. Что въ умахъ людей этого поколѣнія, среди котораго жилъ Степанъ Трофимовичъ, это плевелы были посѣяны, что въ ихъ психическомъ организмѣ гнѣздились зародыши умственныхъ аномалій, въ этомъ насъ вполне убѣждаетъ представленный здѣсь краткій анализъ наиболѣе выдающихся чертъ ихъ характеровъ. Конечно, ни чрезмѣрно развитый эгоизмъ, ни чрезмѣрно развитое чувство страха, ни безпричинная тоска, перемежающаяся съ безпричиннымъ самовосхищеніемъ, ни самодурство, взятая сами по себѣ, еще не составляютъ никакой умственной болѣзни, но они составляютъ то, что на языкѣ психіатровъ можетъ быть названо „*insant temperament*“, *нездоровое* умственное состояніе. Такой „*insant temperament*“ не всегда ведетъ къ умственному разстройству, но, передаваясь по наслѣдству, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ, въ большинствѣ случаевъ, вырождается въ помѣшательство. Условія, среди которыхъ жили наши Степаны Трофимовичи, какъ я уже сказалъ, мало благопріятствовали подобному вырожденію: почти совер-

шенное отсутствіе дѣятельной нервной жизни, царящая кругомъ умственная спячка—вотъ, что ихъ гарантировало отъ умственныхъ болѣзней. Зародыши умственныхъ аномалій остались зародышами и въ этомъ видѣ перешли по наслѣдству къ ихъ дѣтямъ. Условія жизни послѣднихъ были, какъ всѣмъ извѣстно, нѣсколько иными, чѣмъ первыхъ. Посмотримъ-же теперь, насколько эти новыя условія благопріятствовали или неблагопріятствовали развитію тѣхъ умственныхъ предрасположеній, которыя господа Верховенскіе и Ставрогины завѣщали своимъ дѣтямъ.

И. И.

(Окончаніе будетъ.)

СТЭНЛЕЙ И ЛИВИНГСТОНЪ.

(Окончаніе.)

III.

Уніамвези простирается отъ востока къ западу на 145 миль отъ 34° В. Д. до $31^{\circ} 25''$, а отъ сѣвера къ югу на 149 миль отъ южнаго берега Викторіи Ніанзы подъ $3^{\circ} 51'$ Ю. Ш. до рѣки Гамбе подъ $5^{\circ} 40'$ и, занимая до 24,500 кв. миль, дѣлится на многіе независимыя округа, изъ которыхъ самый важный по своему центральному положенію и многочисленному населенію Уніаніембе. Вообще это лучшая страна всей восточной и центральной Африки и представляетъ обширную, возвышенную равнину, нѣсколько волнистую, опускающуюся къ озеру Танганика и покрытую необозримыми лѣсами, только кое гдѣ пересѣгаемыми плодоносными полями, зелеными лугами и мрачными массами скалистыхъ горъ. Во всѣ стороны простирается эта безконечная панорама; конечно, въ ней нѣтъ ни громаднхъ пиковъ, ни поразительныхъ по красотѣ видовъ, ее можно назвать даже прозаичной, однообразной, но въ этомъ однообразіи заключается нѣчто величественное, напоминающее океанъ, изрытый пѣнистыми волнами или безмолвно дремлющій подъ лучами тропическаго солнца. Въ этихъ безконечныхъ лѣсахъ, по которымъ путешественнику надо пробираться цѣлыя недѣли, растутъ громаднѣйшія деревья экваторіальныхъ странъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ гигантскіе сикоморы или дикія смоковницы, плоды которыхъ туземцы ѣдятъ съ удовольствіемъ. Впрочемъ, эти дикіе колоссы попадаются рѣдко и стоятъ одиноко. По словамъ Стэнлея, онъ видѣлъ на югѣ Уніамвези подобное дерево въ 38 футовъ въ объемъ, а діаметръ тѣни его равнялся 120 футамъ, такъ что цѣлый полкъ могъ-бы расположиться на дневку подъ его раски-

дистыми вѣтвями. Изъ другихъ деревьевъ всего чаще встрѣчаются восковыя, копаловныя, мимозы, платаны, тамаринды, тамариски, пальмы. Стэндей приводитъ цѣлый списокъ туземныхъ названій деревьевъ, изъ которыхъ жители этихъ странъ дѣлаютъ лодки, скамейки, ступки для толченія зеренъ, а изъ коры вьютъ веревки, ткнуть матеріи и готовятъ громадные, круглыя ящики для сбереженія зерна. Фруктовыя деревья также многочисленны; дикіе персики, яблоки, сливы и виноградъ въ изобиліи, а въ Уніаніембе арабы разводятъ въ своихъ садахъ лимоны, апельсины, гранаты и бананы. Вокругъ селеній, которыя очень многочисленны, особливо въ Уніаніембе, простираются богатые поля индѣйской пшеницы, проса, кунжума, кукурузы, риса, сладкаго картофеля, яма, маниоки и пр. Хлопокъ, табакъ, клещевина (изъ которой добываютъ касторовое масло, неизвѣстное, впрочемъ, туземцамъ) и индиго встрѣчаются повсемѣстно. Между овощами всего болѣе распространены бобы, огурцы и тыквы. Урожай бываетъ одинъ разъ въ годъ, въ маѣ мѣсяцѣ. Южные округи, особливо берега рѣки Гамбе представляютъ настоящій рай для охотниковъ, по многочисленности звѣрей: жирафовъ, буйволовъ зебръ, оленей, ланей, антилопъ, кабановъ и пр. Кроме того, тутъ впервые попадаются слоны, единороги и хищные звѣри: львы, леопарды, гіены, шакалы. Изъ домашнихъ животныхъ туземцы держатъ коровъ, быковъ съ горбами, въ родѣ бизоновъ, овецъ съ широкими курдюками, козловъ на короткихъ ногахъ, ословъ, собакъ и кошекъ, которыя крайне необходимы при безчисленномъ количествѣ крысъ. Изъ металловъ въ Уніамвезе находится много желѣза, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желѣзная руда виднѣтся на поверхности земли.

Жители этой страны, ваніамвези, составляютъ замѣчательнѣйшее племя центральной Африки. Идеаль ваніамвези, по словамъ Стэндея, — человекъ высокаго роста, чернокожій съ добродушнымъ лицомъ, постоянной улыбкой на устахъ, съ небольшимъ отверстіемъ въ верхней деснѣ, — отличительный признакъ всего племени, — съ сотнею проволочныхъ ожерелій на шеѣ, почти голый, хотя въ Занзибарѣ они носятъ арабскую длинную одежду и турбанъ. Его можно по справедливости назвать африканскимъ янки; онъ отъ колыбели промышленникъ и путешественникъ. Съ незапамятныхъ временъ это племя пользуется монополіей переноски

товаровъ изъ одной страны въ другую. Ваніамвези служатъ носильщиками для всѣхъ арабскихъ каравановъ и ихъ можно встрѣтить вездѣ въ центральной Африкѣ нагруженныхъ всевозможными товарами, словно вьючныя животныя. Требования на нихъ, особливо на восточномъ берегу, очень велики и во время междоусобицъ туземныхъ племенъ цѣна на нихъ сильно возвышается. Во время слѣдованія каравановъ они очень послушны и трудолюбивы; въ своихъ-же селеніяхъ они веселый, работающій, смысленный народъ. Жители сѣверныхъ округовъ весьма искусныя рабочіе. Они добываютъ желѣзо изъ руды и выдѣлываютъ мотыки, которыя расходятся по всѣмъ сосѣднимъ странамъ. Караваны, возвращающіеся изъ Уніаніембе на восточный берегъ, всегда берутъ большой запасъ мотыкъ для платежа дани воинственнымъ вагогамъ. Кромѣ того, въ Уніаніембе туземныя ремесленники выдѣлываютъ съ замѣчательнымъ искусствомъ копья, луки и топоры, чрезвычайно похожіе на орудія каменнаго періода. Стэнлей увѣряетъ, что ваніамвези всего легче усвоили-бы цивилизацію и христіанство, но, къ сожалѣнію, это племя, повидимому, вымираетъ, благодаря постояннымъ междоусобицамъ, затруднительнымъ странствіямъ и рабству со всѣми его ужасами.

Система правленія въ этой странѣ—наслѣдственная монархія, и начальники отдѣльныхъ округовъ носятъ названіе итеми, т. е. царя, хотя собственно это званіе принадлежитъ только предводителямъ трехъ важнѣйшихъ округовъ. Царь главнаго округа Уніаніембе Мказива,—самый могущественный изъ туземныхъ владѣтелей: онъ можетъ вооружить въ короткое время 3,000 солдатъ при народонаселеніи въ 20,000 человѣкъ.

Ваніамвези вѣруютъ въ Бога, называемаго мирингу, и считаютъ его творцомъ и подателемъ всѣхъ благъ. Но они рѣдко обращаются къ нему, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда просятъ о ниспосланіи земныхъ богатствъ. Когда кто-нибудь умираетъ, то они говорятъ: „это дѣло мирингу“, или „мирингу взялъ его“. Они очень суевѣрны и никогда не отправляются на охоту, не взявъ предварительно у знахаря талисманъ или ладонку, которыми обыкновенно служатъ ухо зебры, кровь льва, губа буйвола, хвостъ жирафа, кусочекъ кварца, какое-нибудь растеніе и т. д.

Многіе изъ обычаевъ ваніамвези тѣ-же, что у сосѣдей вагоговъ; такъ, свадьбы и похороны совершаются одинаково, но есть

и оригинальные обычаи. При рожденіи каждаго ребенка, отецъ отрѣзываетъ его пуповину и, отправившись на границу своего округа, хоронитъ ее въ землю; если граница—рѣка, то онъ закапываетъ ее на берегу; потомъ онъ беретъ съ этого мѣста древесный корень и, возвратившись домой, прячетъ его у порога своей двери. Вслѣдъ за этимъ онъ приглашаетъ всѣхъ друзей на заранѣе приготовленный пиръ, для котораго онъ убиваетъ быка или полдюжины козлятъ. Если рождаются двойни, то это считается божескимъ благословіемъ и никогда не убиваютъ одного изъ нихъ, какъ это водится у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Женщина, при приближеніи родовъ, удаляется въ дѣсь, въ сопровожденіи родственницы или пріятельницы. Ваніамвези поступаютъ также, какъ вагоги относительно открытія и наказанія преступниковъ. Преступленія противъ государства и общины, а также колдовство съ злонамѣренной цѣлью наказываются смертью. Воръ, пойманный съ поличнымъ, или убивается на мѣстѣ, или, по суду царя, отдается въ рабство тому лицу, котораго онъ хотѣлъ обворовать.

Общественная жизнь не безызвѣстна въ этомъ племени и мужчины постоянно собираются въ отдѣльномъ помѣщеніи, находящемся среди селенія, которое называется *ванца*. Тамъ они обсуждаютъ всѣ общественныя дѣла и можно смѣло сказать, что ванца для Уніамвези то-же, что агора была для Афинъ и биржа для современнаго европейскаго міра. Съ другой стороны, женщины собираются по вечерамъ и весело разговариваютъ о всемъ интересующемъ ихъ ограниченный мірокъ. Ваніамвези, какъ всѣ негры, очень любятъ музыку. Конечно, она варварская и очень монотонна, но лучшіе изъ туземныхъ музыкантовъ умѣютъ придать ей интересъ. Многіе изъ нихъ замѣчательные импровизаторы и въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ жителями селеній, постоянно упоминаются новѣйшія событія общей политики или мѣстной скандальной хроники. Такъ, по словамъ Стэнлея, во время его пребыванія въ Уніаніембе, бѣлый и его пріѣздъ были любимой темой туземныхъ пѣсенъ. Куреніе табаку очень распространено, но табакъ не первостепенный и готовится въ видѣ тѣста. Трубки, различныхъ образцовъ, походятъ на трубки американскихъ индѣйцевъ; онѣ дѣлаются изъ чернаго жировика, но такъ какъ этотъ мягкій камень добывается не въ большемъ количествѣ, то ихъ дѣлаютъ всего чаще изъ глины, къ которой примѣшиваютъ мелко толченую солому. Вані-

авези держать коровъ для молока, но рѣдкій изъ нихъ имѣеть болѣе тридцати головъ. Обыкновенная ихъ пища заключается въ густой похлебкѣ изъ пшеничной муки, бобовъ и другихъ овощей. Они рѣдко ѣдятъ мясо, по причинѣ его дороговизны, но жадно на него набрасываются, если оно достается имъ даромъ. Они ѣдятъ свою похлебку изъ глинянаго горшка пригоршнями, но при этомъ строго наблюдается, чтобъ мужчины ѣли отдѣльно отъ женщинъ, такъ какъ ѣсть вмѣстѣ унизительно для мужчинъ.

Важнѣйшій городъ въ Униамбези Квикуру, столица царя Унианіембе, но гораздо большее значеніе имѣеть сосѣдній городъ Табора, главное изъ арабскихъ селеній въ центральной Африкѣ. Въ Таборѣ находится около 1,000 *тембе* и около 5,000 жителей. Арабы, родомъ большею частью изъ Омана, живутъ очень роскошно. Окружающая страна, хотя безлѣсная, чрезвычайно плодородна; богатые луга дозволяютъ имъ держать большія стада, такъ что многіе имѣютъ болѣе пятидесяти коровъ, а поля вокругъ ихъ жилищъ изобилуютъ пшеницей, рисомъ, кукурузой, сладкимъ картофелемъ, бобами, горохомъ, огурцами, лукомъ и пр. Кроме того, арабы развели плантаціи лимоновъ и апельсиновъ. Съ восточнаго берега невольники доставляютъ имъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ необходимые запасы чая, кофе, сахара, пряностей, вина и т. д. Почти всѣ достаточные арабы имѣютъ роскошные персидскіе ковры, богатые сервизы и рѣшительно всѣ, смотря по своимъ средствамъ, держатъ гаремъ черныхъ красавиць. Дома въ Таборѣ отличаются удобствомъ и красотой; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ 100 футовъ длины и 20 вышины, стѣны толстыя, въ 4 фута, оштукатурены, комнаты большія, двери рѣзныя съ мѣдными ручками, а передъ фасадомъ — плантаціи гранатовыхъ деревьевъ.

Въ часовомъ разстояніи отъ Таборы, въ селеніи Квигарѣ туземцы и арабы приготовили домъ Стэнлею и здѣсь онъ прожилъ три мѣсяца, отдыхая отъ перенесенныхъ трудностей и приготовляясь къ продолженію своего пути. Прежде всего онъ сдѣлалъ подробную ревизію всѣмъ своимъ караванамъ, какъ пришедшему съ нимъ, такъ и прибывшимъ ранѣе, и рассчитался съ носильщиками, которые были наняты только до Унианіембе. Едва Стэнлей покончилъ это дѣло и принялъ также вещи для Ливингстона, посланныя еще въ 1870 году изъ Занзибара и до сихъ поръ оставшіяся въ Таборѣ, онъ занемогъ горячкой, продолжавшейся двѣ

недѣли. Той-же участи подверглись Шо и Селимъ. Вообще въ Уніаніембе свирѣпствуютъ горячка, лихорадка, холера и оспа, страшный бичъ восточной и центральной Африки. Туземцы своеобразно лечатъ эти болѣзни, но рѣдко съ успѣхомъ; такъ въ дисентеріи они кладутъ горячіе камни на животъ, въ коликахъ производятъ рвоту механическимъ дѣйствіемъ пальца, въ лихорадкѣ обертываютъ больного простынями и кладутъ на солнце для испарины. Въ оспѣ они не прибѣгаютъ ни къ какимъ средствамъ и только наблюдаютъ самый строгій карантинъ, такъ что больныхъ удаляютъ въ лѣсъ, гдѣ они выздоравливаютъ или умираютъ по волѣ судьбы.

Арабы, жившіе въ Таборѣ, приняли Стэнлея чрезвычайно радушно, прислали ему на поклонъ быковъ, овецъ, цыплятъ, яицъ и, наконецъ, въ доказательство своего уваженія, пригласили его на военный совѣтъ. Дѣло шло о Мирамбо, предводитель одного изъ округовъ Уніамвези, который находился въ постоянной враждѣ съ сосѣдями. Простой носильщикъ у арабскаго торговца, этотъ чернокожій Бонапартъ, какъ его называетъ Стэнлей, явился во главѣ шайки разбойниковъ въ Уіове и, по смерти тамошняго предводителя, насильственнымъ образомъ захватилъ власть надъ этой страной. Ему помогли въ его смѣломъ предпріятіи, какъ обыкновенно это случается, нѣсколько злодѣевъ, которые думаютъ только о своемъ обогащеніи, и рядъ счастливыхъ экспедицій, обогатившихъ этихъ искателей приключеній, утвердилъ окончательно господство Мирамбо. Съ тѣхъ поръ его дерзость не знала границъ. Онъ распространилъ свои набѣги до Увинцы и Укононго, истребляя селенія на пространствѣ трехъ географическихъ градусовъ, наконецъ, онъ вступилъ въ борьбу съ царькомъ Уніаніембе и поссорился съ арабами за отказъ ихъ—объявить войну своему старому союзнику: онъ остановилъ арабскій караванъ, идущій въ Уджиджи, и объявилъ, что ни одинъ арабскій караванъ не пройдетъ черезъ его владѣнія, развѣ переступить чрезъ его бездыханный трупъ. Начальникъ арабской колоніи, Шейхъ Саидъ, добродушный старикъ, напрасно прибѣгалъ ко всемъ мирнымъ средствамъ для успокоенія Мирамбо, напрасно предлагалъ ему дорогіе подарки, чернокожій тиранъ ни на что не соглашался и грозилъ войною. Въ такомъ-то положеніи были дѣла, когда арабы создали военный совѣтъ въ Таборѣ.

„Первый произнесъ рѣчь, рассказываетъ Стэнлей, — Камисъ-бин-Абдула, смѣлый, мужественный человѣкъ, всегда готовый съ жаромъ отстаивать законныя права арабовъ на производство торговли во всѣхъ странахъ. По его словамъ, Мирамбо заявилъ прямо, что онъ не остановится до тѣхъ поръ, пока ни изгонитъ изъ Унианіембе послѣдняго араба и не станетъ господствовать надъ всей страной вмѣсто Мказивы. „Неужели, дѣти Омана, вы допустите до этого? воскликнулъ онъ;— что намъ дѣлать, вступать въ борьбу съ невѣрными или возвратиться на нашъ островъ?“ Одинъ изъ стариковъ, Салимъ, старался склонить собраніе къ болѣе мирнымъ мыслямъ; но всѣхъ обуялъ воинственный пылъ и молодой красивый арабъ Саудъ произнесъ слѣдующую краснорѣчивую рѣчь: „Мой отецъ рассказывалъ мнѣ, что онъ помнитъ то время, когда арабы, вооруженные одними посохами, безпрепятственно путешествовали по всѣмъ странамъ отъ Багомойо до Уджиджи, отъ Усенги до Уганды. Эти дни прошли. Мы довольно долго переносили оскорбленіе вагоговъ. Сваруру, предводитель Узуми, беретъ съ насъ все, что хочетъ, и вотъ теперь Мирамбо, взявъ чудовищную дань, объявляетъ, что ни одинъ арабскій караванъ не пройдетъ въ Уджиджи. Неужели, по милости этого человѣка, мы откажемся отъ слоновой кости, добываемой въ Уджиджи, Карагвѣ и Угандѣ? Нѣтъ, я говорю: война, война до тѣхъ поръ, пока мы не истопчемъ ногами его бороды, не уничтожимъ всего Уіове, и не добьемся того, что по всѣмъ странамъ можно будетъ путешествовать съ посохомъ въ рукѣ“.

Война была единогласно рѣшена, и такъ-какъ арабы рассчитывали покончить дѣло очень скоро, недѣли въ двѣ, то Стэнлей вызвался быть ихъ союзникомъ вмѣстѣ съ своими людьми. Онъ надѣялся, что пораженіе Мирамбо откроетъ ему прямой, кратчайшій путь въ Уджиджи, и съ радостью принялся за приготовленія къ выступленію своего каравана. Нанявъ новыхъ 50 носильщиковъ и нагрузивъ ихъ необходимыми товарами и вещами для Ливингстона, Стэнлей, въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ тѣлохранителей, выступилъ при громкихъ звукахъ туземной пѣсни, въ которой говорилось и о Мирамбо, и о бѣломъ человѣкѣ. На четвертый день онъ достигъ Мфуто, гдѣ оставилъ всѣ свои вещи и соединился съ арабами для открытія военныхъ дѣйствій противъ Мирамбо. Весь его довольно значительный отрядъ состоялъ изъ

2,255 человекъ, преимущественно невольниковъ. Изъ нихъ 1,500 человекъ были вооружены ружьями французскими, нѣмецкими, англійскими, американскими, различныхъ системъ, начиная отъ кремневыхъ до новѣйшихъ штуцеровъ, а также копьями и большими ножами. Пороху и пуль было у всѣхъ въ изобиліи. Туземные воины обмазали себя съ ногъ до головы особой чудесной мазью, составленной знахарями и долженствовавшей сдѣлать ихъ неуязвимыми. 3 августа эта небольшая, но внушительная на взглядъ армія выступила въ походъ и официальный ораторъ ваниамвези напутствовалъ ее слѣдующей краснорѣчивой рѣчью:

„Слава! Слава! Слава! Слушайте, сыны Мказивы, дѣти Униамвези! День вашъ, лѣсные грабители васъ ждутъ; да, они грабители, они захватываютъ ваши караваны, похищаютъ вашу словеную кость, убиваютъ вашихъ женщинъ. Смотрите, арабы съ вами и бѣлый человекъ также съ вами. Идите, сынъ Мказивы въ вашихъ рядахъ; идите, сражайтесь, убивайте, берите невольниковъ, теля и скотъ, убивайте, ѣшьте и набивайте свою утробу! Идите!“

„На слѣдующій день, рассказываетъ Стэнлей, — мы достигли Цимбизо, укрѣпленнаго селенія въ царствѣ Мирамбо. Наша армія выстроилась и началась перестрѣлка. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть, какъ наши черные воины прыгали съ мѣста на мѣсто, точно лагушки, не переставая въ то-же время заряжать ружья и стрѣлять. Несмотря на деревянный палисадъ, окружавшій селеніе и служившій отличнѣмъ прикрытіемъ застрѣльщикамъ, непріятель вскорѣ прекратилъ огонь и обратился въ бѣгство. Наши храбрые воины бросились въ крѣпость, выломали ворота, перелѣзли черезъ палисадъ и преслѣдовали во всѣ стороны бѣглецовъ. Оставивъ въ Цимбизо небольшой отрядъ, мы продолжали наше побѣдоносное шествіе и черезъ нѣсколько часовъ овладѣли еще двумя селеніями, которыя предали огню и разоренію. На слѣдующій день наша армія раздѣлилась на мелкіе отряды и стала опустошать всю окрестную страну. Молодой Саудъ съ отрядомъ въ 500 человекъ достигъ до Виліанкуру, гдѣ находился самъ Мирамбо. Я совѣтывалъ нашему главнокомандующему Саиду-бин-Салиму сжечь высокую траву, покрывавшую всю окрестность, чтобы тѣмъ уничтожить всякую засаду со стороны непріятеля, но меня не послушались, а сильный припадокъ лихорадки заставилъ меня возвратиться въ Цимбизо и я не могъ на этомъ настоять.

„Въ тотъ-же вечеръ разнеслась печальная вѣсть, что Саудъ, сопровождавшіе его арабы и половина солдатъ черной арміи были перебиты, а остальные обращены въ бѣгство; пятеро изъ моихъ людей также погибли, а бѣглецы рассказали, что арабы легко овладѣли крѣпостью, изъ которой Мирамбо ушелъ съ своими солдатами и, скрывшись въ травѣ, началъ враслохъ на побѣдителей, возвращавшихся съ добычей: сотней слоновыхъ клыковъ, 300 невольниковъ и т. д. Сѣча была страшная и, кто не погибъ изъ нашей арміи, тотъ бѣжалъ. Невозможно описать панику, овладѣвшую нашимъ еще недавно побѣдоноснымъ войскомъ. Всю ночь крика, вопли и стоны не давали мнѣ покоя. На слѣдующій день у арабовъ были безконечные военные совѣты, въ которыхъ всѣ обвиняли другъ друга въ легкомысленномъ объявленіи войны. Эти ссоры начальниковъ окончательно деморализировали армію и въ вечеру не осталось ни одного араба или негра, всѣ бѣжали въ Мфуту, откуда еще такъ недавно мы торжественно выступили въ походъ. Несмотря на мою лихорадку, я долженъ былъ послѣдовать за бѣглецами, такъ-какъ распространилась вѣсть, что Мирамбо идетъ по нашимъ пятамъ“.

Отступленіе арабской арміи не прекращалось до самой Таборы, хотя Стэндей всячески старался ихъ остановить, убѣждая, что пораженіе было маловажное и что бѣгствомъ они только побудятъ Мирамбо явиться въ ихъ страну и предать ее опустошенію. Но это ни къ чему не повело и онъ тогда объявилъ, что перестаетъ быть ихъ союзникомъ, такъ-какъ война продлится слишкомъ долго, и онъ считаетъ себя въ правѣ, отблагодаривъ ихъ за гостепримство, продолжать свой путь.

Легко было сказать: отправиться въ путь, но по какой дорогѣ? Прямая дорога въ Уджиджи, на берегу озера Танганики, проходила черезъ страны, въ которыхъ свирѣствовала междоусобная война и обитали союзники Мирамбо, такъ что было невысказано идти по этому направленію. Оставалась другая южная дорога, но очень немногіе ее знали и тѣ распространялись объ ея малонаселенности, о недостаткѣ воды, и о свирѣпыхъ разбойникахъ. Но прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ путь, надѣ было составить новый караванъ, такъ-какъ прежніе носильщики считали свою службу оконченной походомъ на Мирамбо. Наемъ людей во время войны чрезвычайно труденъ, такъ-какъ ваніамвези ни за какія деньги

не занимаются торговлей, когда раздается барабанный бой. Поэтому Стэнлею пришлось обратиться къ бѣглецамъ изъ Занзибара, которые запрашивали двойную цѣну.

Между-тѣмъ, пока онъ былъ занятъ приготовленіями къ дальнѣйшему путешествію, Мирамбо во главѣ двухъ тысячъ человекъ подступилъ къ Таборѣ, безъ труда овладѣлъ ею и поджегъ со всѣхъ сторонъ; главнѣйшіе изъ арабовъ были убиты, другіе бѣжали и многочисленныя толпы искали спасенія къ Квихарѣ, гдѣ жилъ Стэнлей. Смѣлый американецъ принялъ тотчасъ всѣ мѣры къ укрѣпленію своего жилища и вооружилъ около полутора ста человекъ. Нѣсколько дней онъ прождалъ непріятеля, но все тщетно и, наконецъ, узналъ, что Мирамбо ушелъ изъ Табора по направленію къ сѣверу, гдѣ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство.

Неугрожаемый болѣе нападеніемъ этого африканскаго завоевателя, Стэнлей успѣшилъ покинуть гостепріимный, но опасный Уніаніембе и 20 сентября выступилъ во главѣ небольшого, съ трудомъ собраннаго каравана. Всѣхъ носильщиковъ, солдатъ и слугъ было 54 человекъ, а изъ вещей онъ взялъ только самыя необходимыя, такъ что на каждого носильщика приходилось не болѣе 50-ти фунтовъ, что давало возможность идти скорѣе.

До выхода изъ Уніаніембе было получено извѣстіе о смерти Фарьгара, оставленнаго въ Усагорѣ, а черезъ нѣсколько дней путешествія Стэнлею пришлось расстаться и съ Шо, который въ послѣднее время отъ продолжительныхъ болѣзней и боязни новыхъ трудностей, ожидавшихъ ихъ въ пути, рѣшительно ничего не дѣлалъ, плакалъ, какъ ребенокъ, и просилъ оставить его у гостепріимныхъ арабовъ. Стэнлей долго сопротивлялся, но, видя наконецъ, что онъ только служитъ помѣхой и подстрекаетъ другихъ къ недовольству, онъ отослалъ его обратно въ Квихару. Вообще начало путешествія ознаменовалось многими затрудненіями и непріятностями для Стэнлея. Его люди, отвыкшіе втеченіи трехъ мѣсяцевъ отъ утомительныхъ переходовъ, шли чрезвычайно вяло, неохотно, требовали частыхъ остановокъ и число дезертировъ росло съ каждымъ днемъ. Наконецъ, когда они достигли южной границы Уніамвези, на берегу рѣки Гамбе дѣло дошло до прямого возмущенія. Носильщики отказались идти далѣе, а двое изъ тѣлохранителей Стэнлея съ угрозою взяли за ружья. Смѣлая на-

ходчивость и энергія спасли его въ эту минуту. Онъ быстро прицѣлился въ одного изъ негровъ почти въ упоръ и трусливые герои, неожиданный такого смѣлаго отпора, тотчасъ упали на колѣни, прося пощады. Пользуясь паникой, Стэнлей приказалъ главныхъ зачинщиковъ заковать въ цѣпь, взятую имъ у арабовъ и обыкновенно употребляемую для невольниковъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ, однако, простилъ мятежниковъ и съ тѣхъ поръ уже до конца путешествія, ничего подобнаго не повторялось. Здѣсь естатн прибавить, что вообще Стэнлей, какъ видно изъ его разсказа, обращался гуманно съ своими людьми, но иногда прибѣгалъ къ ударамъ плеткой, считая это совершенно необходимымъ. Въ этомъ, какъ мы увидимъ впоследствии, онъ положительно расходился съ Ливингстономъ, который никогда въ своихъ долговременныхъ сношеніяхъ съ дикарями не прибѣгалъ къ насилию и мягкими, нѣжными мѣрами укрощалъ самыхъ жестокихъ, разъяренныхъ туземцевъ.

Дорога, избранная Стэнлеемъ изъ Уніамвези въ Уджиджи, шла черезъ двѣ невѣдомыя еще бѣлыя страны: Укононго и Уковенди, лежація на югъ и юго-западъ отъ Уніамвези. Какъ мы уже сказали, онъ долженъ былъ рѣшиться на этотъ путь по причинѣ междоусобицъ, свирѣпствовавшихъ среди племенъ, обитавшихъ между Таборой и озеромъ Танганики. Изъ Уковенди онъ надѣялся продолжать путь на западъ до Танганики, но и тамъ, по той-же самой причинѣ, ему пришлось свернуть съ прямой дороги и снова подняться къ сѣверу, черезъ страну Увинцу, уже посѣщенную и описанную Вертономъ и Спикомъ. Возвратясь, такимъ образомъ, на 5° ю. ш., подъ которымъ находится Табора и Уджиджи, Стэнлей слѣдовалъ уже по дорогѣ Вертона и Спика черезъ страны Уху и Уваронгу до Уджиджи на берегу Танганики.

Открытыя Стэнлеемъ новыя для цивилизаціи и науки страны не представляютъ, однако, особаго интереса, такъ какъ по физическимъ и этнографическимъ условіямъ онѣ какъ-бы служатъ продолженіемъ Уніамвези. Та-же частью гористая, частью плоская, но возвышенная, лѣсная страна, та-же роскошная тропическая природа; населеніе ихъ принадлежитъ тому-же племени и отличается тѣми-же обычаями, правами и языкомъ. Только эти страны, особенно послѣдняя, менѣе населены и многія изъ существующихъ селеній опустошены междоусобными войнами.

Увинца—хотя также гористая страна, особенно на югѣ, но представляетъ уже иной видъ. Долина рѣки Малагараци, впадающей въ Танганику, чрезвычайно плодородна и густо населена. Всякаго рода пища тутъ въ изобиліи и можетъ быть пріобрѣтена за дешевую цѣну. Далѣе къ сѣверу простираются мѣстами солончаки, служащіе постояннымъ предметомъ ссоръ между предводителями туземныхъ племенъ. Жители этой страны отличаются отъ сосѣдей, какъ расой, такъ и обычаями. Особенно любопытна церемонія перваго знакомства между двумя вавинцами. Подходя, они протягиваютъ другъ другу руки, но нежимаютъ ихъ, а взявшись за локти, быстро потираютъ ихъ, произнося различныя междометія, выражающія удовольствіе. Женщины привѣтствуютъ мужчинъ, даже юношей, клянясь въ землю и, дотрогиваясь руками до своихъ ногъ, хлопаютъ въ ладоши; мужчины отвѣчаютъ такимъ-же хлопаньемъ въ ладоши; при этомъ произносятся тѣ-же междометія, выражающія радость. Одежда жителей Увинци, если они недостаточно богаты, чтобы купить тканей у проходящихъ каравановъ, или недостаточно искусны, чтобы выдѣлывать свои собственные матеріи, состоитъ изъ козлиныхъ шкуръ, накинутахъ на плеча. Изъ украшеній они особенно любятъ носить на шеѣ полированные буйволовыя клыки или изваянія изъ слоновой кости, а на рукахъ и ногахъ мѣдныя браслеты.

На границѣ сосѣдней страны Ухи Стэнлей встрѣтилъ караванъ, возвращавшійся изъ Уджиджи, и сопровождавшіе его туземцы объявили, что они недѣлю тому назадъ видѣли въ Уджиджи бѣлаго, который недавно пришелъ изъ страны Маніемы и былъ больной, сѣдой старикъ. „При этомъ неожиданномъ, радостномъ извѣстіи, говоритъ Стэнлей, — я не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть ура! Этотъ бѣлый былъ, конечно, Ливингстонъ! Но намъ надо было какъ можно скорѣе достигнуть Уджиджи, а то, узнавъ о нашемъ приближеніи, онъ могъ нарочно удалиться, какъ пророчилъ докторъ Керъ“.

Но послѣпить было не легко, такъ какъ жители Ухи озадались самыми ненасытными, придирчивыми дикарями на счетъ требованія дани; никакіе подарки не могли ихъ удовлетворить и требованія ихъ постоянно возрастали. Бромъ того, предводитель каждаго мелкаго племени увѣрялъ, что онъ главный владыка страны и что, уплативъ ему дань, каравану не придется болѣе

никому платить. Попавъ нѣсколько разъ въ подобную ловушку, Стэнлей вышелъ изъ терпѣнія и хотѣлъ проложить себѣ путь оружіемъ, но его туземные тѣлохранители возстали противъ столь неблагоразумнаго намѣренія, такъ какъ ваухи — многочисленное племя и, конечно, легко истребили-бы весь караванъ. Все-же, не желая подчиниться излишнимъ, недобросовѣстнымъ требованіямъ предводителей, Стэнлей подкупилъ одного изъ туземцевъ и, подъ его предводительствомъ, минуя всѣ селенія и углубившись въ лѣса, достигъ благополучно сосѣдней страны Ужоранги.

Въ пограничномъ селеніи Ніаштагъ его радушно встрѣтили туземцы и, отдохнувъ послѣ опасностей и тревоженій послѣднихъ дней, Стэнлей радостно выступилъ на другое утро въ дальнѣйшій путь, который долженъ былъ черезъ нѣсколько часовъ привести его въ Уджиджи, желанную цѣль его путешествія. Разскавъ объ этомъ послѣднемъ переходѣ такъ любопытенъ и характеристиченъ, что мы приведемъ его вполнѣ.

10 ноября 1871 года, пятница; 236-й день путешествія.
Свѣтлое, великолѣпное утро; воздухъ свѣжій, прохладный, небо улыбается землѣ, покрытой роскошной изумрудной растительностью. Мы выходимъ изъ селенія веселые и бодрые, столь-же счастливые, какъ въ тотъ день, когда отправлялись въ далекое странствіе изъ Занзибара. Кажется, съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый вѣкъ: такъ много мы видѣли, такъ много перенесли.

— Впередъ! команду я.

— Аллахъ! Аллахъ! восклицаютъ мои удалцы и мы поспѣшно выступаемъ въ походъ.

Мы взбираемся прежде всего на сосѣднюю гору, покрытую бабукомъ, потомъ спускаемся въ ущелье, въ глубинѣ котораго шумитъ быстрый потокъ, наконецъ, идемъ снова въ гору по узкой тропинкѣ. По словамъ проводника, мы скоро увидимъ Танганику. Сердце мое такъ переполнено, что я едва не кричу отъ радости. Но минута еще не настала, надо подождать. Мы ускоряемъ шагъ, словно боясь, чтобы ожидающее насъ зрѣлище какимъ-нибудь образомъ не исчезло. Вотъ мы и на вершинѣ. Однако, ничего не видно. Еще нѣсколько шаговъ. Вонъ, съвозъ зеленую листву деревъ, что-то сверкнуло, что-то серебрится. Да, передо мною

разстилается громадная водная равнина, блестящее зеркало подь голубымъ сводомъ, украшеннымъ какъ-бы роскошными занавѣсами изъ черноватыхъ горъ и зеленыхъ пальмовыхъ лѣсовъ.

— Ура, Танганика!

Всѣ дружно подхватываютъ торжественный крикъ англо-саксонца; горы и лѣса отдаленной Африки какъ-бы раздѣляютъ наше ликованіе.

— Здѣсь стояли Бертонъ и Спикъ, увидавъ впервые Танганику? спрашиваю я у Бомбея.

— Не помню, господинъ, отвѣчаетъ онъ; — должно быть, въ этихъ мѣстахъ.

Бѣдные труженники! Въ минуту своего славнаго открытія одинъ былъ полуслѣпъ, другой еле живъ, а я? Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ казалось, будь я совершенно слѣпъ и изнеможенъ, въ эту радостную минуту я прозрѣлъ-бы и вскочилъ на ноги.

Однако, мы продолжаемъ спускаться по склону горы; передь нами разстилается долина Лиуче. Около 11 часовъ мы достигаемъ берега рѣки, усаженной тростниками; переходимъ ее въ бродъ и вступаемъ въ роскошные сады Уджиджи. Я слишкомъ взволнованъ, чтобы замѣтить всѣ подробности великолѣпной картины, развернувшейся передо мною, но меня поражаютъ граціозныя пальмы, хорошо воздѣланные огороды и небольшія селенія, обнесенныя тростниковыми изгородями. Мы спѣшимъ далѣе и, перебравшись чрезъ небольшую возвышенность, послѣднюю преграду на пути, мы останавливаемся. У ногъ нашихъ, въ какихъ-нибудь 500-хъ шагахъ, виднѣется изъ-за пальмъ селеніе Уджиджи, въ которомъ, по дошедшимъ до меня слухамъ, жилъ бѣлый человѣкъ съ сѣдою бородой.

— Распустите знамена и зарядите ружья! воскликнулъ я: — разъ, два, три,—пли!

Залпъ изъ пятидесяти ружей раздался въ воздухъ.

— Ну, проводникъ, продолжалъ я, — иди впередъ со знаменемъ бѣлыхъ людей, а занзибарскій флагъ пусть замыкаетъ шествіе. Молодцы, сомкнитесь и не переставайте стрѣлять, пока мы не остановимся передъ домомъ бѣлаго человѣка или на базарной площади. Вы часто говорили, что чуете танганинскую рыбу, ну, и я ее теперь чую. Васъ ожидаетъ отдыхъ и вдоволь рыбы и пива. Впередъ!

Не успѣли мы сдѣлать и ста шаговъ, какъ насъ окружила толпа, выбѣжавшая изъ селенія на-встрѣчу каравану. Впервые въ этой странѣ развѣвалось американское знамя, но многіе изъ туземцевъ видали его въ Занзибарѣ и потому привѣтствовали насъ криками: „Бѣлое знамя! американское знамя!“ Туземцы и арабы поспѣшно здоровались со всѣми нами, оглашая воздухъ своими неизбѣжными: „іамбо бана!“

— Здравствуйте, сэръ, вдругъ раздается подъ самымъ моимъ ухомъ.

Я съ изумленіемъ оборачиваюсь и вижу передъ собою человѣка такого-же чернаго, какъ вся окружающая толпа, но въ длинной, бѣлой одеждѣ и въ коленкоровомъ тюрбанѣ.

— Кто вы такой?

— Я Сузи, слуга доктора Ливингстона; отвѣчаетъ онъ, улыбаясь и скаля свои блестящіе, бѣлые зубы.

— Какъ! Докторъ Ливингстонъ здѣсь?

— Да, сэръ.

— Въ этомъ селеніи?

— Да, сэръ.

— Это вѣрно?

— Я прямо отъ него.

— Здравствуйте, сэръ, произнесъ новый голосъ.

— Еще другой! воскликнулъ я.

— Да, сэръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Чума.

— Другъ Вуекатани, который отправился съ Ливингстономъ?

— Да, сэръ.

— Докторъ здоровъ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Ну, Сузи, предупредите своего господина о моемъ пріѣздѣ.

Вѣрный слуга бросился со всѣхъ ногъ, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился, чтобы спросить, какъ меня зовутъ. Онъ сказалъ Ливингстону, что я пріѣхалъ, но тотъ не хотѣлъ вѣрить и спросилъ мое имя, которое было неизвѣстно Сузи.

Между тѣмъ извѣстіе о прибытіи каравана бѣлаго человѣка распространилось по всему селенію и значительнѣйшіе изъ арабовъ Уджиджи собрались передъ домою Ливингстона, который

также вышелъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ караванъ останавливается и мой переводчикъ Селимъ восклицаетъ:

— Я вижу доктора, о! какой старикъ! У него сѣдая борода!

Дорого-бы я далъ, чтобъ находиться въ эту минуту въ уединенной пустынѣ, гдѣ-бы я могъ вылить свою радость въ какой-нибудь нелѣпой выходкѣ, меня такъ и подмывало перекувырнуться, искушать себѣ руки или срубить близъ стоявшее дерево; сердце мое страшно билось, но лицо мое не должно было выразить волненіе, такъ какъ иначе я унизилъ-бы достоинство бѣлыхъ людей въ глазахъ всей этой черной толпы. Поэтому я поступилъ, какъ полагаю, самымъ достойнымъ образомъ. Растолкавъ толпу, я тихо, спокойно пошелъ на-встрѣчу къ бѣлому человѣку съ сѣдой бородой, стоявшему впереди арабовъ. Издали я замѣтилъ, что онъ былъ блѣдный, изнуренный, что на немъ была красная фуфайка, сѣрые панталоны и голубая фуражка съ полинялымъ золотымъ оковышомъ. Я хотѣлъ броситься къ нему, но меня удержалъ ложный стыдъ; я хотѣлъ обнять его, но не зналъ, какъ онъ, англичанинъ, приметъ меня американца; потому, повинаясь голосу ложной гордости, я спокойно подошелъ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Вы, кажется, докторъ Ливингстонъ?

— Да, отвѣчалъ онъ съ доброй улыбкой и также приподнялъ фуражку.

Потомъ мы оба надѣли шляпы и пожали другъ другу руку.

— Благодарю Бога, докторъ, что я васъ вижу, сказалъ я громко.

— Очень счастливъ, что могу васъ здѣсь привѣтствовать, отвѣчалъ онъ.

Затѣмъ я обращаюсь къ арабамъ и снимаю шляпу въ видѣ отвѣта на ихъ привѣтствія; докторъ представляетъ ихъ мнѣ, называя каждого по имени. Потомъ, забывая окружающую насъ толпу и сопровождавшихъ меня людей, я слѣдую за Ливингстономъ къ его жилищу, гдѣ онъ усаживаетъ меня на свое любимое мѣсто подъ навѣсомъ у двери. Онъ самъ садится рядомъ, далѣе помѣщаются арабы, а передъ нами толпятся около тысячи туземцевъ, съ любопытствомъ наблюдавшихъ невиданное для нихъ зрѣлище— свиданіе двухъ бѣлыхъ.

Начался разговоръ. О чемъ? Я рѣшительно не помню. Вѣроятно, мы спрашивали другъ друга: Откуда вы? Гдѣ были? Но я не могу повторить ни моихъ, ни его отвѣтовъ; я былъ слишкомъ поглощенъ изученіемъ этого удивительнаго человѣка. Каждый волосъ его сѣдой бороды, каждая морщина на его лицѣ, его изнуренный видъ, блѣдныя щеки—все краснорѣчиво объясняло мнѣ то, чего я искалъ въ центральной Африкѣ. Сколько любопытнаго, сколько поучительнаго заключалось въ этихъ безмолвныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Въ то-же время онъ дополнялъ словеснымъ рассказомъ тѣ подробности, которыя остались для меня темными. Очень сожалѣю, что не могу передать всего, что повѣдали мнѣ эти уста, которыя никогда не лгутъ, но я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ стенографировать его рассказъ. Онъ имѣлъ столько сообщить, что началъ съ конца, забывая, что ему приходилось дать отчетъ въ пяти или шести-лѣтней дѣятельности. Однако, его рассказъ мало-по-малу расширялся и достигалъ громадныхъ размѣровъ удивительной исторіи его подвиговъ.

Арабы вскорѣ удалились, понимая, что мы желали остаться одни. Я послалъ къ нимъ Бомбея, такъ какъ они также, вѣроятно, ждали узнать о томъ, что дѣлалось въ Унианіембе. Въ то-же время я распорядился, чтобъ моихъ людей помѣстили и паковрили, какъ слѣдуетъ, а также приказалъ позвать Каифа-Галека, которому докторъ Керъ поручилъ доставить Ливингстону сумку съ письмами. На этой знаменитой сумкѣ была надпись: „1-го ноября 1870 года“, и теперь, только благодаря моему посѣщенію Унианіембе, она достигла своего назначенія ровно черезъ годъ!

Ливингстонъ распечаталъ нѣсколько писемъ и прочелъ тѣ изъ нихъ, которыя были отъ его дѣтей. Лицо его мгновенно просіяло; но, отложивъ письма, онъ просилъ меня рассказать обо всемъ, что дѣлалось новаго на бѣломъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, докторъ, отвѣчалъ, я, — прочтите прежде ваши письма, которыя, вѣроятно, для васъ интереснѣе.

— Я ждалъ ихъ столько лѣтъ, отвѣчалъ онъ, — что научился терпѣнію. Нѣсколько часовъ ничего не значать. Прошу васъ, расскажите мнѣ, что дѣлается на свѣтѣ.

— Вы, вѣроятно, многое уже знаете. Извѣстно-ли вамъ, на-

примѣръ, что открыть Суэзскій каналъ и чрезъ него установлены постоянныя торговыя сношенія между Европой и Индїей?

— Я не слыхалъ объ его открытїи. Это дѣйствительно важная новость. Ну, еще что новаго?

Такимъ образомъ, я превратился въ живую газету, но съ тѣмъ преимуществомъ, что мнѣ не надо было ничего ни преувеличивать, ни прикрашивать. Въ послѣдніе годы мїръ видѣлъ столько удивительнаго! Открытіе желѣзной дороги чрезъ всю Америку отъ Восточнаго океана до Атлантическаго, низверженіе Изабеллы съ испанскаго престола, побѣда Пруссїи надъ Данїей и Австріей, нашествіе германцевъ на Францію, плѣнь „человѣка судьбы“, изгнаніе „царицы модъ“, уничтоженіе наполеоновской династїи Бисмаркомъ и Мольте—всѣ эти факты не могли не поразить человѣка, только-что вышедшаго изъ дѣвственныхъ лѣсовъ центральной Африки. Слушая мой разсказъ о событїяхъ, которыя составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ человѣческой исторїи, Ливингстонъ оживился; на лицѣ его отражался теперь блестящїй свѣтъ цивилизаціи, передъ которымъ такъ блѣднѣли мелкія тревоженія жизни дикарей.

Между тѣмъ арабы, разойдясь по домамъ, стали присылать намъ на поклонъ различныя кушанья; одинъ прислалъ пирогъ съ рубленнымъ мясомъ, другой жаренаго цыпленка, третїй блюдо пилава и т. д. По жѣрѣ того, какъ приносили эти яства, мы ихъ поспѣшно поглощали. Я былъ совершенно здоровъ и потому неудивительно, что все ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Но Ливингстонъ, увѣрявшїй, что желудокъ его переваривалъ только чай и то не часто, отъ меня не отставалъ и ѣлъ, какъ человѣкъ здоровый, голодный.

— Вы вдохнули въ меня новую жизнь, говорилъ онъ, принимаясь за каждое новое блюдо.

— Ахъ! воскликнулъ я, наконецъ, — я совсѣмъ забылъ. Селимъ, принесите скорѣй бутылку, вы знаете какую, и серебряные стаканы. Я нарочно привезъ эту бутылку для сегодняшняго радостнаго дня, ибо я всегда былъ увѣренъ, что онъ настанетъ.

Селимъ принесъ бутылку шампанскаго и я, наполнивъ стаканы, произнесъ:

— За ваше здоровье, докторъ Ливингстонъ!

— И за ваше, отвѣчалъ онъ.

За этииъ слѣдовали новыя блюда, которыя мы продолжали опустошать. Галима, кухарка Ливингстона, была во все это время въ страшномъ волненіи. Поминутно она высовывала свою голову изъ кухни, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли два человѣка сидятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде сидѣлъ одинъ, никогда ничего неѣвшій. Она уже отчаявалась, чтобъ ея господинъ когда-нибудь оцѣнилъ ея кулинарное искусство, а теперь, къ ея величайшей радости, онъ ѣлъ все, что она подавала. Она была вѣ себя отъ восторга, и не переставала рассказывать окружающимъ ее о столь необыкновенномъ событіи. Слыша ея безконечную болтовню, Ливингстонъ рассказалъ мнѣ, какъ многимъ онъ былъ обязанъ заботамъ этой доброй, преданной женщины и какъ она безпокоилась, узнавъ о прибытіи новаго, бѣлаго человѣка, который не походилъ на арабовъ и привыкъ хорошо ѣсть.

Много кой-о-чемъ говорили мы съ докторомъ, но преимущественно объ его грустномъ положеніи въ Уджиджи, гдѣ онъ надѣялся найти большой запасъ различнаго товара, а въ дѣйствительности оказалось только двадцать кусковъ различныхъ тканей, все-же остальное было продано Шерафомъ, пьянымъ мулатомъ, посланнымъ съ вещами изъ Занзибара англійскимъ консуломъ. Кромѣ этого тяжелаго разочарованія, онъ еще страдалъ отъ дисентеріи и вообще его положеніе было очень плачевное.

— А вы, докторъ, вѣроятно, удивляетесь, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ? спросилъ я, наконецъ.

— Да, признаюсь, отвѣчалъ онъ.— Я сначала думалъ, что вы агентъ французскаго правительства, присланный на мѣсто лейтенанта Лесона, умершаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гондокора. Поэтому я обрадовался, увидавъ американскій флагъ. Хорошо были-бы мы съ французомъ, еслибъ онъ не умѣлъ говорить по-англійски—вѣдь здѣсь не найдешь переводчика. Я-же до сихъ поръ не спрашивалъ о цѣли вашего путешествія, потому-что это не мое дѣло.

— Не испугайтесь, докторъ, но я пріѣхалъ за вами.

— Какъ за мною?

— Да. Знаете вы „New-York Herald“?

— Еще-бы, кто не знаетъ этой газеты.

— Джемсъ Гордонъ Бенетъ, сынъ издателя „New-York Herald“, послалъ меня отыскать васъ, получить свѣденія, какія вы поже-

лаете дать о вашихъ открытіяхъ, и оказать вамъ содѣйствіе въ чемъ только возможно.

— Я очень благодаренъ молодому Бенету и горжусь тѣмъ, что вы, американцы, такого хорошаго обо мнѣ мнѣнія. Вы явились какъ разъ во время; благодаря Шерафу, мнѣ уже пришлось просить помощи у арабовъ, которые сами нуждаются въ тканяхъ и въ бусахъ. Я надѣюсь, что съумѣю выразить въ письмѣ всю мою благодарность м-ру Бенету, но если мнѣ это не удастся, то вѣрьте, что мое чувство признательности все-же искренно и глубоко.

Наконецъ, этотъ радостный день сталъ склоняться къ вечеру и отдаленныя горы начали исчезать изъ глазъ въ полумракѣ сумерекъ.

— Докторъ, сказалъ я; — вамъ-бы лучше теперь заняться письмами. Я васъ не буду болѣе задерживать.

— Да, отвѣчалъ онъ;— уже поздно; я пойду почитаю письма друзей. Доброй ночи, да благословить васъ Богъ.

— Покойной ночи, докторъ; надѣюсь, что я вамъ привезъ хорошія извѣстія.

IV.

Ливингстонъ былъ найденъ! Но Стэнлей совершилъ только половину даннаго порученія; онъ долженъ былъ еще собрать свѣдѣнія у знаменитаго путешественника о его любопытныхъ страдствіяхъ по неизвѣстнымъ землямъ и повѣдать ихъ міру въ своихъ корреспонденціяхъ. Эта часть его задачи была не менѣе трудная и чрезвычайно щекотливая. Открытія, сдѣланныя Ливингстономъ цѣною столькихъ лишеній и трудовъ, какъ говоритъ совершенно справедливо Стэнлей, принадлежали ему и въ напечатаніи ихъ онъ видѣлъ награду, тѣмъ болѣе для него драгоценную, что онъ могъ передать ее своимъ дѣтямъ. Поэтому, хотя Ливингстонъ ничего не скрылъ отъ Стэнлея, и послѣдній привезъ стенографическій отчетъ вѣкоторыхъ бесѣдъ съ нимъ, но честный американецъ обнародовалъ въ своемъ сочиненіи лишь общія, довольно скудныя свѣденія о шестилѣтней дѣятельности Ливингстона, предоставляя ему самому, по возвращеніи въ Европу,

обрадовать ученый и неученый міръ подробнымъ описаніемъ всего, что онъ видѣлъ и открылъ въ центральной Африкѣ. Все же, съ помощью книги Стэнлея и собственныхъ писемъ Ливингстона къ Бенету и лорду Гренвиллю, можно составить себѣ довольно полное понятіе о странствіяхъ и открытіяхъ великаго пѣонера цивилизаціи, сжатый, но, по возможности, обстоятельный очеркъ которыхъ мы и представимъ нашимъ читателямъ.

Въ мартѣ 1866 года Ливингстонъ выступилъ изъ Занзибара съ цѣлью изслѣдовать водяную систему центральной Африки и окончательно разрѣшить вѣковой спорный вопросъ объ источникахъ Нила, столь успѣшно подвинутый къ разгадкѣ трудами Слика и Беккера. Караванъ его состоялъ изъ 30 человекъ, въ томъ числѣ 12 сипаевъ изъ Бомбея, 6 верблюдовъ, 3 буйволовъ, 2 муловъ, 3 ословъ, 10 тюковъ различныхъ тканей, 2 мѣшковъ бусъ и нѣсколькихъ ящиковъ съ хронометрами, термометрами и другими инструментами, одежды и пр. Избранный Ливингстономъ путь по лѣвому берегу рѣки Ровумы представлялъ многочисленныя затрудненія на каждомъ шагу. На протяженіи цѣлыхъ миль каравану приходилось прорубать себѣ дорогу топорами черезъ густую, непроходимую чащу тропическихъ кустарниковъ. Это утомительное, медленное путешествіе было тѣмъ болѣе неприятно, что сипаи и носильщики, часто останавливались, отказываясь идти далѣе. Вскорѣ ихъ недоброжелательство стало выражаться еще энергичнѣе. Надѣясь заставить Ливингстона возвратиться назадъ, они начали обращаться съ животными такъ жестоко, что въ нѣсколько времени не осталось ни одного въ живыхъ. Кромѣ этого сипаи заставляли встрѣчавшихся туземныхъ женщинъ и дѣтей нести ихъ оружіе и вообще вели себя самымъ неблаговиднымъ образомъ. Наконецъ, они пытались возбудить туземцевъ противъ Ливингстона, рассказывая о немъ всякія небывлицы и обвиняя его въ колдовствѣ. Тогда онъ рѣшился ихъ отправить обратно на берегъ, такъ-какъ эти люди, которые должны были составлять его конвой, служили только помѣхой и могли вовлечь его въ опасность. Давъ имъ необходимыя средства для возвратнаго пути, онъ продолжалъ свое путешествіе съ значительно уменьшившимися силами. Но этимъ не окончились его тревоженія и въ окрестностяхъ озера Ніасы его покинули еще девять человекъ подъ предлогомъ боязни вовсе несуществовавшихъ въ этой мѣст-

ности разбойниковъ. Эти-то послѣдніе дезертиры, выходцы съ каморскихъ острововъ, возвратясь въ Занзибаръ, распространили вѣсть о смерти знаменитаго путешественника, такъ-какъ имъ нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свое бѣгство.

Такимъ образомъ, въ августѣ 1866 года Ливингстонъ остался почти безпомощнымъ и одинокимъ среди дикихъ племенъ, но, по счастью, удалась отъ береговъ Нياسы, онъ вступилъ въ страну, которую никогда не попирала нога торговцевъ невольниками. „Это была новая, дѣвственная земля, говоритъ онъ; — и какъ всегда, туземцы были истинно добры, гостепріимные люди; за незначительное количество тканей они съ удовольствіемъ перенесли мой багажъ изъ одного селенія въ другое“. До декабря мѣсяца онъ оставался въ этой гостепріимной странѣ, но дальнѣйшій путь чрезъ Бабизу, Бобембу, Барунгу и Баулунгу снова былъ ознаменованъ многочисленными затрудненіями и лишеніями. Въ этихъ мѣстностяхъ преимущественно свирѣпствовало извѣстное разбойничье племя мозиту и большая часть жителей покинула свои селенія, а весь скотъ и всѣ запасы продовольствія были истреблены, такъ-что каравану приходилось голодать и питаться одними дикими плодами. Это грустное положеніе ухудшалось еще болѣе бѣгствомъ дезертировъ, которые уносили съ собою одежду и другія вещи самого Ливингстона. Наконецъ, онъ достигъ страны Лунды, гдѣ живетъ знаменитый царь Казембе, съ которымъ впервые познакомилъ европейцевъ португальскій путешественникъ, докторъ Лоцерда. Этотъ государь чрезвычайно смышленный человекъ, высокаго роста и довольно дородный; онъ принялъ Ливингстона въ торжественной аудіенціи, окруженный своимъ дворомъ и одѣтый въ парадную одежду, состоящую изъ короткой, красной, ситцевой юбки. Одинъ изъ придворныхъ, которому было поручено королемъ разузнать все, что было возможно о бѣломъ человѣкѣ, громогласно объявилъ во время этой аудіенціи результаты своихъ справокъ. По его словамъ, бѣлый явился въ ихъ страну отыскивать рѣки и озера, хотя онъ не понималъ, для чего ему это требовалось, но, во всякомъ случаѣ, онъ не сомнѣвался, что цѣль была добрая. Послѣ этого Казембе спросилъ Ливингстона, что онъ намѣревался дѣлать и куда направлялъ свой путь. Путешественникъ отвѣчалъ, что думалъ идти на югъ, гдѣ, по слухамъ, были озера и рѣки. „Зачѣмъ вамъ идти туда, и

въ нашихъ мѣстахъ довольно воды“, сказалъ Казембе, и потомъ объяснилъ, что Ливингстонъ былъ первый англичанинъ, котораго онъ видѣлъ, что онъ ему очень понравился и потому онъ прикажетъ пропускать его безпрепятственно по всѣмъ его владѣнiямъ. Прежде, чѣмъ кончилась эта аудiенцiя, въ обширный домъ, въ которомъ она происходила, вошла жена Казембе, окруженная тѣлохранительницами-амазонками съ копьями въ рукахъ. Она была красивая, высокаго роста, молодая женщина, и, очевидно, желая поразить дикаго бѣлаго, одѣлась самымъ пышнымъ, царственнымъ образомъ. Но весь ея внѣшнiй видъ, одежда и громадное копье въ рукахъ возбудили въ Ливингстонѣ только громкiй смѣхъ, который совершенно испортилъ предполагаемый эффектъ, тѣмъ болѣе, что смѣхъ оказался заразительнымъ и сама царица расхохоталась, а амазонки сочли своей обязанностью ей вторить. Разочарованная красавица быстро повернулась и бѣжала со всей своей свитой. Объ этомъ государь и его дворъ Ливингстонъ рассказывалъ Стэнлею много любопытнаго, но послѣднiй воздерживается отъ передачи этихъ рассказовъ по принятому правилу не лишать будущее сочиненiе Ливингстона свѣжести и интереса.

Въ странѣ Лундѣ, но нѣсколько ранѣ вступленiя въ царство Казембе, Ливингстонъ переправился черезъ значительную рѣку, называемую Чамбези. Сходство этого названiя съ Замбези ввело его въ заблужденiе и онъ, принявъ Чамбези за источникъ Замбези, не обратилъ на него никакого вниманiя, тѣмъ болѣе, что португальскiе путешественники утверждаютъ въ книжкахъ и картахъ, что „Чамбези наша рѣка“ что „по дорогѣ отъ Нiасы къ Казембе надо переправляться чрезъ Замбезе“ и т. д. Это заблужденiе стоило Ливингстону многочисленныхъ двухлѣтнихъ трудовъ и отъ начала 1867 года до марта 1869 года, когда онъ прибылъ въ Уджиджи, онъ главнымъ образомъ занимался исправленiемъ ошибокъ португальскихъ путешественниковъ. Чтобы дойти до полнаго убѣжденiя въ этомъ спорномъ вопросѣ, онъ по нѣскольку разъ посѣтилъ тѣ-же самыя мѣстности и исходилъ взадъ и впередъ всю страну, орошаемую этой сложной водяной системой. Всегда и всѣмъ онъ задавалъ одни и тѣ-же вопросы, такъ что наконецъ боялся, что его примутъ за сумасшедшаго. Во время этихъ изслѣдованiй онъ открылъ озеро къ сѣверозападу отъ владѣнiй Казембе, которое туземцы называли Лиемба, по имени стра-

ны, лежавшей на западномъ и южномъ его берегахъ. Поднявшись къ сѣверу, онъ вскорѣ нашелъ, что это озеро известная Танганика или, лучше сказать, юго-восточная часть ея, очень похожая по очертанію на Италию. Такимъ образомъ, эта громадная, водная равнина простирается на 360 географическихъ миль и доходитъ на югъ до $8^{\circ} 42''$. Удостоверившись въ этомъ фактѣ, онъ пошелъ далѣе на западъ чрезъ страну Марунгу до озера Моеро, имѣющее въ длину около 60 миль. Въ это озеро на югѣ впадаетъ рѣка Луапуга, поднявшись по которой, Ливингстонъ достигъ до другого, еще большаго озера Бангвеоло, почти равняющагося по объему Танганикѣ. Ислѣдовавъ рѣки, впадающія въ Бангвеоло, онъ нашелъ, что самая значительная—Замбези; такимъ образомъ, онъ прослѣдилъ эту рѣку отъ ея источника до озера Бангвеоло, изъ котораго она снова выходитъ на сѣверѣ подъ именемъ Луапуги и впадаетъ, въ свою очередь, въ озеро Моеро; слѣдовательно, Чамбези, текущая на сѣверъ на протяженіи трехъ географическихъ градусовъ, не могла быть Замбези, не смотря на все сходство названій.

Возвратясь снова къ Казембе, Ливингстонъ увидѣлъ тамъ стараго мулата Магомеда бин-Соли, котораго держали подъ арестомъ, въ виду сомнительныхъ обстоятельствъ его прибытія въ страну. Вѣрный своему призванію распространять идею мира и любви, знаменитый путешественникъ выпросилъ у Казембе свободу старика и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Уджиджи. На дорогѣ онъ горько раскаялся въ своемъ благодѣянніи, такъ какъ Магомедъ отплатилъ ему самой черной неблагодарностью, возбуждая противъ него немногочисленныхъ лицъ его каравана и переманивая ихъ въ свою службу, причѣмъ доходилъ даже до уступки имъ своихъ черныхъ наложницъ. Такимъ образомъ, Ливингстона повинули всѣ слуги, исключая двухъ, и между дезертирами былъ даже его вѣрный слуга Сузи, который, однако, вскорѣ вернулся къ нему обратно. Послѣ многихъ тревоженій и горькихъ испытаній, Ливингстонъ достигъ Уджиджи въ мартъ 1867 года. Тутъ онъ прожилъ до конца іюня и отправилъ въ Европу письма, успокоившія его друзей, хотя вообще публика и послѣ ихъ обнародованія сомнѣвалась въ томъ, что онъ живъ. Въ это время онъ желалъ изслѣдовать сѣверную часть озера Танганики, но ему пришлось отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ вад-

жаджи и арабы требовали съ него слишкомъ большую плату за эту экспедицію, а у него оставалось мало мѣнового товара, такъ что если-бъ онъ согласился на ихъ требованія, то не имѣлъ-бы средствъ изслѣдовать теченіе рѣки Луалабы, что казалось ему гораздо важнѣе. Поэтому, собравшись съ силами, онъ переѣхалъ черезъ Танганику въ Учуху и оттуда предпринялъ свое послѣднее и величайшее путешествіе по странамъ Руа и Маніема, которыя до сихъ поръ не были извѣстны бѣлымъ.

Въ сопровожденіи небольшого отряда торговцевъ слоновой костью, Ливингстонъ достигъ послѣ двухнедѣльнаго пути до Бамбары, перваго значительнаго центра торговли слоновой костью въ Маніемѣ, гдѣ ему пришлось остаться около шести мѣсяцевъ, такъ какъ его мучали язвы на ногахъ, которыя не позволяли ему ступить безъ боли. Оправившись, онъ продолжалъ свой путь на югъ и вскорѣ вышелъ на широкую болотистую рѣку, называемую туземцами Луалабой. Она текла то на сѣверъ, то на западъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на югъ, такъ что сначала Ливингстонъ сталъ въ тупикъ, но послѣ долгихъ, старательныхъ изысканій ему удалось прослѣдить эту рѣку, несмотря на ея капризное теченіе на сѣверозападъ, до узкаго длиннаго озера Камаландо подъ 6° 30' ш. Тутъ онъ повернулъ къ югу и поднялся по Луалабѣ до озера Моеро, въ которое впадала, какъ онъ зналъ изъ прежнихъ своихъ странствій, рѣка Луапуда. Знаменитый путешественникъ съ энтузіазмомъ рассказывалъ Стэнлею о красотѣ этого озера. Окаймленное со всѣхъ сторонъ высокими горами и богатой тропической растительностью, оно пробиваетъ исходъ своимъ водамъ въ каменной стѣнѣ, и бурный, могучій потокъ вырывается съ шумомъ водопада изъ ея зеркальной поверхности. Но этотъ горный потокъ мало-по-малу превращается въ тихую, спокойную Луалабу, имѣющую отъ одной до трехъ миль ширины и которая, извиваясь то на западъ, то на юго-западъ, наконецъ, поворачиваетъ къ сѣверу и впадаетъ въ озеро Камоландо. На противоположномъ берегу она снова выходитъ изъ озера и продолжаетъ свой путь къ сѣверу, гдѣ, по слухамъ, вновь впадаетъ въ другое озеро. Ливингстонъ прослѣдилъ Луалабу до 4° ю. ш. и тамъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ виду непреодолимыхъ преградъ отъ туземцевъ и недоброжелательства своихъ спутниковъ. Кромѣ этой

рѣки, которую отъ Моеро до Камоланды онъ назвалъ рѣкою Веба, въ честь одного изъ своихъ старѣйшихъ и преданнѣйшихъ друзей, онъ открылъ нѣсколько ея притоковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный Ломами, выходящій изъ большого озера, извѣстнаго туземцамъ подъ названіемъ Чебунго, но названнаго имъ Линкольномъ въ честь американскаго президента, освободившаго 4,000,000 невольниковъ.

Страны, въ которыхъ находятся всѣ эти вновь открытыя рѣки и озера, называются, какъ мы уже сказали, Руа и Маниема. Впервые образованный міръ узнаеть, что между Танганикой и извѣстными источниками Конго живутъ миллионы негровъ, никогда невиданныхъ бѣлаго челоуѣка. Эти обширныя страны населены настоящими дикарями, которыми управляютъ не деспотическіе государи, какъ въ Карагвѣ и Угандѣ, а мелкіе султаны отдѣльныхъ селеній. Самые развитые предводители туземныхъ племенъ не знаютъ, что дѣлается внѣ ихъ округа; такъ въ 30 миляхъ отъ Дуалабы очень немногіе слышали когда-нибудь о существованіи этой большой рѣки. Подобное невѣжество, конечно, увеличивало трудности дѣла, предпринятаго Ливингстономъ. Въ сравненіи съ жителями этихъ мѣстностей, всѣ остальные африканскія племена, съ которыми Ливингстонъ приходилъ въ столкновеніе, могутъ быть названы цивилизованными, но въ промышленномъ отношеніи дикари маниемы стоятъ гораздо выше всѣхъ видѣнныхъ имъ африканскихъ народовъ. Тогда какъ остальные туземцы довольствуются, вмѣсто одежды, звѣриными шкурами, наброшенными на плечи, жители маниемы носятъ красивыя куртки, по арабской модѣ, изъ великолѣпной твани. мѣстнаго производства изъ травы, которая нѣсколько не уступаетъ лучшимъ подобнымъ индѣйскимъ тканямъ. Кромѣ того, они отлично красятъ эту ткань въ красный, желтый и черный цвѣта, а также изготовляютъ порядочные кинжалы и копья.

Эти страны чрезвычайно богаты слоновою костью и Маниема въ настоящее время можетъ быть названа Эльдorado арабовъ и племень вамрима, которые стремятся туда такъ-же пламенно, какъ нѣкогда стремились европейцы и американцы въ Калифорнію за золотомъ. Не болѣе четырехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ первый арабъ вернулся изъ Маниемы съ громадными сокровищами слоновой кости, и съ тѣхъ поръ ста-

ринные рынки этого драгоценнаго предмета, Карагва, Уганда, Узипа и Марунгу, сравнительно повинуты. Туземцы Маниемы, не зная цѣны слоновой кости, употребляли ее на столбы и стойки своихъ жилищъ, такъ что становится понятнымъ соломоновъ дворець изъ слоновой кости. Въ настоящее время, благодаря арабамъ, цѣна слоновой кости значительно увеличилась, но все-же она баснословно дешева: такъ, въ Занзибарѣ фунтъ стоитъ около двухъ долларовъ, въ Унианіембѣ — одинъ долларъ, въ Маниемѣ — одинъ центъ (то есть около одной копейки серебромъ). Но арабы вездѣ умѣютъ портить торговлю своей жестокостью и корыстолюбіемъ. Небольшой отрядъ арабовъ съ ружьями непобѣдимъ среди такого народа, какъ жители Маниемы, которые до послѣдняго времени никогда не слыхали ружейнаго выстрѣла и считаютъ, что арабы украли молнію съ неба. Они не лишены мужества и часто заявляли Ливингстону, что не выпустили-бы ни одного араба живымъ изъ своей страны, если-бы не ружья, противъ которыхъ они ничего не могутъ сдѣлать съ луками и стрѣлами.

Въ какую страну ни заберутся арабы, они всегда умѣютъ сдѣлать свою расу ненавистной и, несмотря на хорошее впечатлѣніе, произведенное Ливингстономъ на жителей Маниемы, его жизнь часто подвергалась опасности оттого, что этого апостола цивилизаціи дикари принимали за торговца невольниками. Дѣйствительно, главная причина ненависти къ арабамъ заключается не въ цвѣтъ ихъ кожи или характеръ, а въ торговлѣ невольниками. До тѣхъ поръ, пока эта позорная торговля будетъ дозволена въ Занзибарѣ, арабы, хотя вообще очень дѣятельный, предприимчивый народъ, будутъ испытывать ненависть всѣхъ туземцевъ Африки. На прямомъ торговомъ пути изъ Занзибара во внутренность Африки арабы не производятъ злодѣйствъ, прославившихъ ихъ расу и по той простой причинѣ, что туземцы, вооруженные ружьями, прибѣгаютъ къ ихъ защитѣ, когда только представится къ тому надобность. Арабы сами доставили туземцамъ ружья и, конечно, теперь жестоко въ этомъ раскаяваются, но уже поздно и, въ виду встрѣчаемаго на каждомъ шагу значительнаго отпора, они совершенно отказались отъ охоты за невольниками по всѣмъ странамъ, лежащимъ между восточнымъ берегомъ и озеромъ Танганикой. Но въ Маниемѣ, гдѣ туземцы народъ боязливый, нерѣшительный и раздѣленный на мелкія племена, они производятъ эту охоту вполне

безпрепятственно. Ливингстонъ разсказывалъ Стэнлею самыя ужасныя подробности о звѣрствѣ арабовъ; между прочимъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ чудовищной рѣзни, произведенной арабами въ многолюдномъ селеніи на берегу Дуалабы.

„Ваманиемы, разсказывалъ Ливингстонъ, — очень любятъ торговлю, считая величайшимъ наслажденіемъ торговаться изъ-за каждой бездѣлицы, и потому на рынкѣ всегда стекается значительное число людей, тѣмъ болѣе, что женщины отличаются тою-же страстью и, слѣдовательно, рынокъ представляетъ двойное наслажденіе для мужчинъ. Однажды въ базарный день въ торговомъ центрѣ на берегу Дуалабы собралось около 2,000 туземцевъ и среди самой дѣятельной торговли вдругъ явился Тагамаю, мулатъ-арабъ съ вооруженнымъ конвоемъ невольниковъ. Безъ всякаго повода и предувѣдомленія, онъ начинаетъ стрѣлять въ несчастный народъ, который бросается къ своимъ лодкамъ, но въ общей суматохѣ немногіе попадаютъ въ нихъ, а большинство или тонетъ въ рѣкѣ или дѣлается жертвами арабскихъ пуль и крокодиловъ. Сами арабы насчитывали до 400 погибшихъ, большую часть женъ и дѣтей, и столько-же, я полагаю, взято въ неволю“.

Маниема притягиваетъ къ себѣ арабовъ не только слоновой костью, но и красотой своихъ женщинъ, которыя цѣнятся дороже всѣхъ другихъ негритянокъ. По словамъ Ливингстона, онѣ дѣйствительно очень красивы и, кромѣ волосъ, не имѣютъ ничего общаго съ неграми западнаго берега. Цвѣтъ ихъ кожи очень свѣтлый, какъ у португальскихъ мулатокъ, носъ правильный, губы не очень толстыя, скулы невыдающіяся. Поэтому мулаты на восточномъ берегу и даже арабы изъ Омана охотно женятся на нихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ очень кротки и ловки. Къ достоинствамъ женщинъ этого племени надо еще прибавить, что онѣ искусныя водолазы и занимаются ловлей устрицъ, которыми изобилуетъ Дуалаба.

Относительно Руа, другой невѣдомой для европейцевъ страны, открытой Ливингстономъ и находящейся къ югу отъ Маниемы, Стэнлей приводитъ только свѣденія объ ея минеральномъ богатствѣ. Она изобилуетъ мѣдными рудами, разрабатываемыми впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и въ одной изъ рѣкъ найдено золото, небольшими кусками въ родѣ сплюснутой горошины. Двое арабовъ отправились туда въ качествѣ золотопромышленниковъ,

но, не имѣя никакого понятія объ этомъ дѣлѣ, они наврядъ-ли дойдутъ до какихъ-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Среди этихъ любопытныхъ изслѣдованій и важныхъ открытій, Ливингстонъ принужденъ былъ вернуться назадъ. Сопровождавшіе его люди рѣшительно отказались идти далѣе и грозили, покинувъ его, возбудить возстаніе туземцевъ, что, конечно, окончилось-бы его смертью. Другихъ слугъ невозможно было нанять въ Маніемѣ, и потому Ливингстонъ долженъ былъ превлестись передъ судьбой, которая, дозволивъ ему изслѣдовать водяную систему центральной Африки на протяженіи 600 миль, остановила его побѣдоносное шествіе въ какихъ-нибудь 100 миляхъ отъ желанной цѣли.

Возвращеніе въ Уджиджи и положеніе, въ которомъ его застала Стэнлей, лучше всего описываетъ онъ самъ въ своемъ благодарственномъ письмѣ къ Бенету, издателю „New-York Herald“:

„Если я вамъ объясню, пишетъ онъ, — всю безнадежность того положенія, въ которомъ нашель меня м-ръ Стэнлей, то вы поймете, какъ основательны мои выраженія благодарности за вашу удивительную ко мнѣ доброту. Я возвратился въ Уджиджи послѣ утомительнаго странствія на протяженіи 500 миль, подъ палящимъ солнцемъ, изнуренный, побѣжденный, вынужденный отступить отъ достиженія географической цѣли моего путешествія почти въ ея виду, благодаря нѣсколькимъ мусульманскимъ мулатамъ невольникамъ, присланнымъ мнѣ изъ Занзибара вмѣсто людей. Сердце мое, переполненное грустью, особенно при видѣ безчеловѣчнаго обращенія челоуѣка съ челоуѣкомъ, до того наболѣло, что распатало и мою тѣлесную оболочку; я думаль, что умру на пути, каждый шагъ былъ для меня новымъ терзаніемъ и, дойдя до Уджиджи, я представлялъ изъ себя только челоуѣческой остоуѣ. Тутъ я узналъ, что большой запасъ различныхъ вещей, по крайней мѣрѣ, на 500 фунтовъ стер., который я выписаль изъ Занзибара, былъ порученъ пьяному мулату портному, по вѣрѣ мусульманину, и онъ, пробывъ въ пути 16 мѣсяцевъ, продалъ въ Уджиджи все, что не было имъ украдено до тѣхъ поръ. Онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что гадалъ на корачѣ, который ему повѣдалъ о моей смерти. Онъ также написалъ правителю Уніаниембе, что посылаль невольниковъ отыскивать меня въ Маніемѣ, и они принесли ему

вѣсть о моей погибели. Онъ, конечно, зналъ очень хорошо, что я былъ живъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ каравана, но такъ-какъ въ нравственномъ отношеніи онъ, очевидно, идиотъ, а закона здѣсь нѣтъ другого, кромѣ винжала или ружья, то мнѣ приходилось спокойно оставаться въ Уджиджи безпомощнымъ, лишеннымъ всего, кромѣ незначительнаго количества тканей и бусъ, отложенныхъ на черный день. Въ близкомъ будущемъ мнѣ угрожала необходимость просить милостыню у жителей Уджиджи; я былъ очень несчастенъ, но не приходилъ въ отчаяніе, ибо я такъ много смѣялся надъ однимъ товарищемъ, который на рѣкѣ Замбезе отчаявался въ успѣхѣ нашей экспедиціи, отъ потери портрета своей жены, что мысль объ отчаяннѣ съ тѣхъ поръ была для меня невозможна по своей нецѣлѣности. Когда я дошелъ, такимъ образомъ, до послѣдней крайности, распространился смутный слухъ о прибытіи англійскаго путешественника. Я считалъ себя тѣмъ несчастнымъ, на котораго напали разбойники на пути изъ Іерусалима въ Іерихонъ, но мимо меня не могли пройти ни левитъ, ни самаритянинъ. И однако, добрый самаритянинъ былъ невдалекѣ и одинъ изъ моихъ слугъ неожиданно вбѣжалъ ко мнѣ, восклицая: „англичанинъ пришелъ, я его видѣлъ“. Американскій флагъ, развѣвавшійся надъ караваномъ и впервые видѣнный въ этихъ странахъ, объяснилъ мнѣ національность прибывшаго чужестранца. Я холоденъ и несообщителенъ, какъ всѣ островитяне, но ваша доброта заставила сильно забиться мое сердце и я воскликнулъ въ глубинѣ своей души: „Да ниспошлетъ на него Господь всевозможныя блага“.

Такимъ образомъ, прибытіе Стэнлея спасло Ливингстона на краю гибели и возвратило ему, по его собственнымъ словамъ, какъ нравственныя, такъ и физическія силы. вмѣстѣ съ тѣмъ воскресла жажда дѣятельности и на вопросъ Стэнлея, не желаетъ-ли онъ возвратиться въ Англію и отдохнуть послѣ своихъ тяжелыхъ шестилѣтнихъ трудовъ, маститый герой отвѣчалъ:

— Я очень желалъ-бы вернуться домой и повидать дѣтей, но я не могу бросить недоконченнымъ взятое на себя дѣло, особенно когда я такъ близокъ къ цѣли. Мнѣ нужно только шесть или семь мѣсяцевъ, чтобы окончательно изслѣдовать соединеніе открытаго мною источника Нила, рѣки Луалабы, съ притокомъ Бѣлаго Нила, найденнаго Петерикомъ, или съ озеромъ Бекера Альбертъ-
«Дѣло», № 8.

Ніанза, называемаго туземцами Чувамбе. Зачѣмъ-же мнѣ теперь ѣхать домой, не окончивъ своего дѣла, и потомъ снова возвращаться сюда?

Но при всей его готовности продолжать такъ не кстаети прерванные труды, что могъ онъ сдѣлать съ пятью людьми и незначительнымъ количествомъ тканей? Очевидно, прежде всего надо было вновь организовать его караванъ и для этой цѣли Стэнлей предложилъ сопутствовать ему обратно до Таборы, гдѣ онъ могъ получить присланныя для него вещи отъ англійскаго консула, отдохнуть въ удобномъ жилищѣ и дожидаться, пока Стэнлей достигнетъ до Занзибара и вышлетъ ему оттуда надежныхъ 50 человекъ и все необходимое для дальнѣйшаго путешествія. Послѣ долгаго обсужденія, этотъ планъ былъ принятъ Ливингстономъ, но, прежде чѣмъ отправиться въ обратный походъ, рѣшено было остаться нѣсколько времени въ Уджиджи для укрѣпленія физическихъ силъ обоихъ путешественниковъ и предпринять небольшую экспедицію по сѣверной части Танганики, гдѣ еще не бывали бѣлыя.

Въ приготовленіяхъ къ этимъ двумъ экспедиціямъ мирно и счастливо проходили дни подъ сѣнью пальмъ Уджиджи. Ливингстонъ быстро оправлялся отъ своей болѣзни и съ надеждой смотрѣлъ въ будущее, обѣщавшее увѣнчать славной побѣдой его долговременные труды, а Стэнлей съ любопытствомъ и съ ежедневно возрастающимъ уваженіемъ изучалъ этого замѣчательнаго человека. Плодомъ этого изученія является мастерская характеристика Ливингстона, которую мы приведемъ цѣликомъ:

„Доктору Ливингстону, говоритъ Стэнлей, — около 60 лѣтъ, хотя, когда онъ здоровъ, ему кажется не болѣе 50. Волоса его каштановые съ просѣдою на вискахъ, борода-же и усы совершенно сѣдые. Каріе глаза отличаются необыкновеннымъ блескомъ и соколинымъ взглядомъ. Только зубы обнаруживаютъ въ немъ старика; онъ этимъ обязанъ пребыванію въ странѣ Лундѣ, гдѣ потерялъ почти всѣ зубы отъ сырого маиса, который долго составлялъ его единственную пищу. Онъ роста выше обыкновеннаго, довольно плотный и слегка сутуловатъ. Походка его довольно твердая, но тяжелая, какъ у человека, слишкомъ много работавшаго или подвергавшагося часто усталости. Его одежда при первой нашей встрѣчѣ была испещрена заплатами, но безукоризненно

опрятна. На головѣ онъ всегда носитъ морскую, офицерскую фуражку съ золотымъ околышкомъ, по которой его признають во всей Африкѣ.

„Отправляясь въ путешествіе, я, по рассказамъ и слухамъ, представлялъ себѣ Ливингстона непріятнымъ, мрачнымъ мизантропомъ; нѣкоторые увѣряли, что онъ чрезвычайно сварливъ, другіе, что онъ просто сошелъ съ ума и совершенно не походитъ на прежняго, почтеннаго миссіонера, третьи, что онъ ничего не записывалъ во время своихъ путешествій, а замѣтокъ, которыя онъ дѣлалъ въ своей записной книжкѣ, никто, кромѣ него, не могъ разобратъ, наконецъ, увѣряли, что онъ женился на африканской принцессѣ. Я рѣшительно отвергаю всѣ эти обвиненія. Положимъ онъ не ангелъ, но приближается къ нему на столько, на сколько это возможно живому человѣку. Я никогда не замѣчалъ въ немъ и тѣни мизантропіи; онъ не только не сварливъ, но даже чрезвычайно сдержанъ, и тотъ, кто считаетъ его характеръ измѣнившимся, вѣроятно, никогда не зналъ его близко. Точно также ошибочны и другіе толки о Ливингстонѣ. Я привезъ его дочери громадный томъ его дневника, наполненный замѣчаніями и цѣлыми страницами цифръ. Длинное письмо, привезенное мною извѣстному астроному, сэру Томасу Макеру, заключаетъ въ себѣ многочисленныя ученныя изслѣдованія. Впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ съ Ливингстономъ, я видѣлъ, какъ онъ каждый вечеръ дѣлалъ записи въ своей памятной книжкѣ, а большой жестяной ящикъ, который онъ вездѣ возитъ съ собою, наполненъ рукописями, содержаніе которыхъ, конечно, будетъ когда-нибудь обнаружено. Карты его также обнаруживаютъ много знанія и самую усидчивую работу. Что-же касается до его африканскаго брака, то подобный слухъ не достоинъ даже опроверженія, такъ оскорбителемъ онъ для подобнаго человѣка. Вообще я вызываю всѣхъ указать мнѣ на малѣйшій недостатокъ въ характерѣ Ливингстона. Конечно, онъ очень горячо принимаетъ къ сердцу всякое сомнѣніе или критическое недовѣріе къ его трудамъ. Но развѣ это не естественное чувство? Развѣ онъ не имѣетъ права сердиться на кабинетныхъ географовъ, которые, сидя въ покойныхъ креслахъ, легкомысленно опровергаютъ его открытія и сочиняютъ никогда несуществовавшій горный кряжъ, простирающійся на три географическіе градуса, только для того, чтобы

торжественно заявить: „Ливингстонъ бьетъ объ стѣну головою“. Дѣйствительно, знаменитый труженникъ, при всемъ своемъ знаніи невѣдомыхъ нѣдръ Африки, не умѣетъ сочинять горь; онъ слишкомъ скромнень и честень, чтобы измѣнять наружный видъ земли въ угоду предвзятыхъ теоретическихъ соображеній. Онъ можетъ ошибаться въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ или гипотезахъ, но никто его не уличить въ искаженіи истины.

„Главная черта характера Ливингстона — стойкая энергія въ достиженіи однажды поставленной себѣ цѣли. Ничто — ни естественныя преграды, ни роковыя случайности, ни тяжелыя лишеныя, ни долгая разлука съ милыми сердцу людьми, ни безчисленныя заботы и беспокойства — не можетъ заставить его покинуть неоконченнымъ то дѣло, которое онъ взялъ на себя. Только строгому чувству долга приносить онъ въ жертву свою любовь къ дѣтямъ и привычку жить среди всѣхъ удобствъ и удовольствій цивилизованной жизни. Спартанское геройство, мужество римлянина и стойкость англо-саксонца одушевляють этого человѣка, и, не смотря на всю его жажду возвратиться на родину, онъ ни за что не покинетъ своего великаго дѣла, пока не доведетъ его до побѣдоноснаго конца. Во всѣ трудныя минуты его опасныхъ странствій его поддерживаютъ твердая вѣра, что Провидѣніе увѣнчаетъ его труженическую дѣятельность и сильный организмъ дозволяющій ему вынести пагубный климатъ центральной Африки. При этомъ я обязанъ прибавить, что способностью переносить роковое вліяніе смертоноснаго климата онъ обязанъ не только своему организму, но и строго-умѣренной жизни. Пьяница и развратный человѣкъ никогда не уцѣлѣлъ-бы въ центральной Африкѣ.

„Кромѣ необыкновенной энергіи, уничтожающей всякую мысль о разочарованіи или отчаяніи, Ливингстонъ отличается еще самымъ добродушнымъ, веселымъ нравомъ. Въ его чистосердечномъ, добромъ смѣхѣ было нѣчто заразительное, и я никогда не могъ удержаться отъ хохота при его веселыхъ разказахъ о любопытныхъ охотничьихъ приключеніяхъ, въ которыхъ главную роль всегда играли его друзья и товарищи. Его необыкновенная веселость и живая энергія меня такъ поразили сначала въ сравненіи съ его изнуреннымъ внѣшнимъ видомъ, старческой пошустью, сѣдой бородой и сторбленной спиной, что я невольно приписалъ это рас-

положеніе духа ненормальной нервной вспышкѣ. Но во все время моей четырехмѣсячной жизни съ Ливингстономъ это расположеніе духа никогда не измѣнялось и потому я смѣло могу признать его нормальнымъ, естественнымъ. Подъ изнуренной долгими годами трудовъ и лишеній внѣшней оболочкой бьется въ этомъ человѣкѣ юное, восторженное сердце. Слушая его безчисленные рассказы, я особенно удивлялся его необыкновенной памяти, которая позволяла ему, послѣ столькихъ лѣтъ жизни въ дикой Африкѣ безъ всякихъ книгъ, приводить отрывки, почти цѣлыя поэмы Байрона, Тениссона, Лонгфелло и пр. По всей вѣроятности, это можно объяснить тѣмъ фактомъ, что онъ всю жизнь провелъ почти одинъ самъ съ собою и внутренній міръ его высокообразованнаго ума представлялъ всегда для него болѣе интереса, чѣмъ мелочныя событія внѣшняго свѣта.

„Очеркъ характера Ливингстона былъ-бы не полонъ безъ нѣсколькихъ словъ о его религіозной сторонѣ. Религія Ливингстона не теоретическая, а чисто-практическая. Она выражается не догматической полемикой, а чистосердечнымъ, постояннымъ примѣненіемъ истинно-христіанскихъ началъ къ жизни. Его религія не воинственная, не колющая глаза своей внѣшней святостью, а искренняя, преисполненная доброты и человеколюбія. Она руководитъ всѣми его поступками, въ отношеніи не только его слугъ, но и туземцевъ, фанатичныхъ магометанъ и вообще всѣхъ окружающихъ его. Она укротила его пламенный характеръ и сдѣлала его идеаломъ христіанина-джентльмена, самымъ пріятнымъ товарищемъ и лучшимъ, снисходительнѣйшимъ начальникомъ. Я часто слыхалъ, какъ наши слуги обсуждали достоинства каждаго изъ насъ, называя Ливингстона старшимъ господиномъ, а меня — младшимъ. „Вашъ господинъ, говорили мои слуги слугамъ Ливингстона, — добрый человекъ, очень добрый: онъ васъ не бьетъ, потому что у него доброе сердце, но нашъ — о! бѣдовый, огонь!“ Несмотря на то, что арабы и мулаты всячески старались ему противодействовать и выказывать свою ненависть, онъ своимъ постоянно ровнымъ, добрымъ, мягкимъ обращеніемъ побѣдилъ всѣ сердца. Каждый день я видѣлъ доказательства всеобщаго къ нему уваженія и никогда магометанинъ не проходилъ мимо его дома, чтобъ не привѣтствовать его словами: „да будетъ благословеніе

Божіе на васъ“ *). Каждое воскресенье утромъ онъ собираетъ свою маленькую паству, читаетъ молитвы, главу изъ Библии и произноситъ краткую, простую, безыскусственную проповѣдь на языкѣ туземцевъ, которые его слушаютъ съ видимымъ интересомъ и вниманіемъ“.

Экскурсія по сѣверной части Танганики заняла у нашихъ путешественниковъ 28 дней и произвела на нихъ такое пріятное впечатлѣніе, что Ливингстонъ прозвалъ ее пивникомъ. Все путешествіе было совершено въ лодкѣ, занятой у арабовъ и снабженной небольшимъ экипажемъ, въ числѣ 20 человекъ. Восточный берегъ, вдоль котораго наши путешественники шли до самой сѣверной оконечности озера, представляетъ великолѣпную, непрерывную панораму живописныхъ видовъ. На заднемъ планѣ безконечно нитью тянутся возвышенныя Урундскія горы, покрытыя зеленѣющими лѣсами. Онѣ то круто опускаются въ самую воду, то отступаютъ въ материкъ, оставляя у подножія богатныя поляны, усѣянныя пальмами, платанами, подъ сѣнью которыхъ гнѣздятся многочисленныя селенія. Тамъ и сямъ горный кряжъ прерывается глубокими долинами и ущельями, въ которыхъ съ шумомъ бѣгутъ серебристыя потоки, низвергающіеся въ озеро. Наконецъ, встрѣчаются узкія полосы песчанаго берега, на которыхъ туземцы продаютъ рыбу, которою изобилуетъ все озеро. Жители этой прибрежной страны Урунди, по словамъ Стэнлей, очевидно благоденствуютъ. Озеро даетъ имъ вдоволь всякой рыбы для ѣды и продажи. Плодородная почва берега, обрабатываемая преимущественно женщинами, доставляетъ имъ въ изобѣжѣ злаки, сладкій картофель и пр. Пальмы снабжаютъ ихъ масломъ, а платаны великолѣпными плодами. Въ ущельяхъ растутъ громадныя деревья, изъ которыхъ они дѣлаютъ лодки. Однимъ словомъ, природа окружаетъ здѣсь человѣка всѣмъ, чего только можетъ желать его душа или желудокъ. „Смотря на эту великолѣпную картину, по видимому, полную благоденствія и счастья, говоритъ Стэнлей, —

*) «Говорятъ, что я живу съ арабами словно арабъ, пишетъ самъ Ливингстонъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ лорду Гренвиллю, отъ 1-го іюля 1871 г., изъ Увianiембе, — но это только означаетъ, что я нахожусь съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ. Они часто называютъ меня «христіаниномъ» и я никогда и ни въ какомъ отношеніи не показалъ себя недостойнымъ этого прозвища».

невольно приходитъ въ голову мысль о томъ отчаяніи, которое должны ощущать несчастные обитатели этого земного рая, когда торговцы невольниками ихъ насильно схватываютъ, влекутъ чрезъ безконечную пустыню на морской берегъ и тамъ превращаютъ въ носильщиковъ-рабовъ“.

Научная цѣль экскурсіи по Танганикѣ заключалась въ изслѣдованіи рѣки Рузизи, которая, по убѣжденію Ливингстона, основанному на теоріи и туземныхъ свѣденіяхъ, вытекала изъ сѣверной оконечности озера и соединяла его съ Альбертъ-Ніанзой. Но на дѣлѣ оказалось, что эта очень незначительная рѣка впадаетъ въ Танганику, а не выходитъ изъ нея. Такимъ образомъ, теорія Ливингстона опровергнута, но онъ все-же, по словамъ Стэнлея, поддерживаетъ свое прежнее мнѣніе, что Танганика, какъ и всякое озеро прѣсной воды, должно имѣть истокъ, если не Рузизи, то какую-нибудь другую рѣку. Съ своей стороны, Стэнлей приводитъ, какъ возможное разрѣшеніе вопроса объ истокѣ озера Танганики, рассказъ туземцевъ о большой горѣ Кабого, находящейся на восточномъ берегу и полной громаднхъ отверстій или пещеръ, въ которыя вливаются воды Танганики, производя при сильномъ вѣтрѣ страшный шумъ. Туземцы и арабы такъ боятся этой мѣстности, въ которой часто погибаютъ лодки, что, проходя мимо, всегда бросаютъ куски тканей и бусы, чтобъ умиловитъ водяныхъ боговъ. Рассказъ этотъ Стэнлей подтверждаетъ отчасти своимъ собственнымъ опытомъ, именно, что онъ слышалъ за 100 миль и съ противоположнаго берега ужасный шумъ, похожій на громъ, и который, по словамъ туземцевъ, происходилъ отъ волнъ, грохотавшихъ въ пещерахъ Кабоги.

Для Стэнлея прогулка по Танганикѣ имѣла особый интересъ, потому что онъ впервые увидалъ Ливингстона въ дѣлѣ, т. е. былъ свидѣтелемъ, какъ онъ обращался съ туземцами. По его словамъ, система, которой держится Ливингстонъ, самая гуманная и на практикѣ приводитъ къ наилучшимъ результатамъ, хотя, какъ мы уже разъ замѣтили, самъ Стэнлей не всегда ее держался. Ливингстонъ никогда не прибѣгаетъ къ угрозамъ и насилію, а старается уговорить, образумить, устыдить дикарей, что ему почти всегда удается. Главной основой подобнаго мягкаго обращенія Ливингстона служить его глубокое и вполне справедливое убѣжденіе, что жестокость и корыстолюбіе, часто выказываемыя туземцами,

происходятъ отъ неразумнаго и позорнаго поведенія арабовъ въ отношеніи къ нимъ. Факты, приводимые Стэнлеемъ въ доказательство практичности системы Ливингстона, вполне убѣдительны. Такъ, въ первомъ столкновеніи съ туземцами Ливингстонъ поставилъ на своемъ силою одной логики. Какой-то предводитель мелкаго племени явился, окруженный толпою дикарей, въ сумерки въ лагерь путешественниковъ и требовалъ дани. Ливингстонъ спокойно вышелъ къ нему и спросилъ, принесъ-ли онъ что-либо съ собою. „Теперь уже поздно, отвѣчалъ дикарь,—а если вы дадите требуемую дань, то на возвратномъ пути мы вамъ что-нибудь принесемъ“. Ливингстонъ улыбнулся и весело возразилъ:—„Если вы теперь не можете намъ ничего принести, а намъ брѣны принести въ другой разъ, то и мы прибережемъ нашу ткань къ другому разу“. Дикарь вполне убѣдился этимъ доводомъ и черезъ нѣсколько минутъ представилъ козленка и большой горшокъ туземнаго пива, за что немедленно получилъ отъ Ливингстона то самое количество ткани, которое просилъ.

Второй эпизодъ, приводимый Стэнлеемъ, еще характеристичнѣе. „На возвратномъ пути, рассказываетъ онъ, мы остановились у берега, близъ одного селенія, и, разбивъ палатку, легли отдохнуть до завтрака, нисколько не опасаясь туземцевъ, которые, казалось, были очень смиренны и привѣтливы. Я вскорѣ заснулъ, но вдругъ былъ пробужденъ громкимъ крикомъ: „Господинъ, господинъ, вставайте! на насъ нападаютъ!“ Я выскочилъ изъ палатки съ револьверомъ въ рукахъ. Наши люди, спрятавшися за лодкой, вытащенной на берегъ, заряжали ружья, а впереди шумѣла ежеминутно увеличивавшаяся толпа разсвирѣпѣвшихъ туземцевъ. Я прежде всего спросилъ, гдѣ докторъ, и, узнавъ, что онъ пошелъ на соседнюю гору съ компасомъ, послалъ за нимъ двухъ гонцевъ. Но въ эту минуту онъ показался на склонѣ горы и, остановившись, сталъ съ улыбкой смотрѣть на траги-комическую сцену, разыгрывавшуюся у его ногъ. Дѣйствительно, не смотря на серьезный, опасный характеръ этой сцены, въ ней было много комичнаго. Передъ толпою туземцевъ сѣлъ султана, безъ всякой одежды, совершенно пьяный, топалъ, бѣсновался и кричалъ во все горло, что никто—ни арабы, ни вангваны—не останется ни минуты на ихъ священной землѣ. Его отецъ былъ также пьянъ, но не буйствовалъ. Явившись на театръ дѣйствія, докторъ спросилъ, въ чемъ

дѣло, и узналъ отъ нашихъ проводниковъ, что туземцы желали нашего удаленія, такъ какъ они были во враждѣ съ арабами, которые избили до смерти старшаго сына одного изъ мѣстныхъ султановъ, дерзнувшаго заглянуть въ гаремъ. Посовѣтовавшись съ проводниками, докторъ рѣшилъ, что лучше не обращать вниманія на пьянаго юношу, который вызывалъ на бой нашихъ людей, и успокоить султана хорошимъ подаркомъ. Поэтому, обратившись въ толпѣ, докторъ, засучивъ рукава и, показывая на свою кожу, сказалъ: „Мы не арабы и не вангваны, а бѣлые люди. У насъ совсѣмъ другая кожа. Мы бѣлые люди, совсѣмъ не тѣ, которыхъ вы привыкли видѣть и никогда черный не терпѣлъ вреда отъ бѣлаго“. Эта рѣчь произвела большое впечатлѣнiе и оба пьяные отецъ и сынъ сѣли спокойно и начали разговаривать съ Ливингстономъ, распространяясь о варварскомъ убійствѣ ихъ соотечественника. Нѣжное, отеческое обращенiе Ливингстона почти укротило дикарей, какъ вдругъ султанъ неожиданно вскочилъ и, ударивъ себя по ногѣ копьемъ, воскликнулъ, что чужестранцы его рамили. Немедленно половина туземцевъ бѣжала, а присутствовавшія при этомъ женщины стали упрекать султана въ желанiи навлечь гибель на весь его народъ и совѣтовали ему принять нашъ подарокъ. Онъ не слушался и, очевидно, съ минуты на минуту могла завязаться между нашими людьми и дикарями самая убійственная борьба. Но докторъ своимъ мягкимъ, терпѣливымъ обращенiемъ предотвратилъ кровопролитiе и кончилъ тѣмъ, что всѣхъ помирилъ. Султанъ и его сынъ ушли домой совершенно довольные полученными подарками“.

13 декабря, наши путешественники возвратились въ Уджиджи, сдѣлавъ всего водою 300 миль. Изъ собранныхъ Стэнлеемъ свѣдѣнiй во время этой экспедици и пребыванiя на берегу о туземныхъ жителяхъ, мы узнаемъ, что ваджиджи чрезвычайно суетвѣрны. У воротъ одного изъ селенiй Стэнлей видѣлъ идола, изваяннаго изъ дерева и представлявшаго человѣческую голову съ лицомъ, выкрашеннымъ бѣлою краскою, черными на выкатъ глазами и желтымъ головнымъ уборомъ. Всѣ мужчины и женщины, входя въ ворота, низко кланялись идолу. Ваджиджи вѣрятъ, что они имѣютъ особую власть надъ крокодилами, которыхъ могутъ заставить дѣлать что угодно. Такъ, Стэнлею рассказывали, что у одного изъ туземцевъ есть крокодилъ, который, по его приказан-

нію, беретъ любого человѣка изъ дому и уноситъ въ озеро, а также отправляется на рынокъ, и въ толпѣ отыскиваетъ вора. Мы уже упоминали объ обычаѣ туземцевъ бросать ткани и бусы у горы Кабоги, для умилостивленія водяныхъ боговъ. Хотя ваджиджи выдѣлываютъ очень искусную ткань изъ хлопка, но они и ихъ сосѣди варунди обыкновенно носятъ одежду изъ козлиныхъ и бараньихъ шкуръ, окрашенныхъ красной глиной, находимой на днѣ горныхъ ручьевъ. Они отличаются передъ всѣми племенами центральной Африки удивительнымъ разнообразіемъ своихъ прихотливыхъ причесокъ и искусствомъ татуировки. Ихъ любовь къ украшеніямъ не знаетъ границъ и богатые носятъ до 30 и 40 ожерелій изъ разноцвѣтныхъ бусъ, а также одинаковые браслеты на рукахъ и ногахъ. Кромѣ того, они носятъ на шеѣ изваянія изъ дерева и слоновой кости, мелкіе колокольчики изъ туземнаго желѣза и различные талисманы въ видѣ полированныхъ камушковъ, раковинъ и пр. Оружіе у нихъ такое-же, какъ у сосѣднихъ племенъ, только оно сдѣлано искуснѣе и съ большимъ вкусомъ.

Изъ другихъ племенъ, которыя видѣлъ Стэнлей на берегахъ Танганики, заслуживаютъ вниманія вабембы и васанзи, обитающіе на западномъ берегу и считающіеся людоедами. Насколько это послѣднее предположеніе справедливо, Стэнлей не имѣлъ случая убѣдиться и передаетъ только, что, по рассказамъ арабовъ, туземцы этихъ племенъ не разъ предлагали купить больныхъ невольниковъ и при видѣ толстаго занзибарскаго купца восклицаютъ съ удовольствіемъ: „Славный кусокъ! Славный кусокъ!“ Впрочемъ, Стэнлей полагаетъ очень вѣроятнымъ, что они людоеды, ибо видѣлъ самъ, съ какою алчностью васанзи бросались на сырое, кровавое мясо и собирали на землѣ кровь убитыхъ козлятъ.

V.

27-го декабря Стэнлей и Ливингстонъ выступили изъ Уджиджи въ Табору. Избранный ими путь лежалъ сначала по озеру Танганикѣ до порта Уримбы, а оттуда чрезъ неизвѣстныя, еще неизслѣдованныя мѣстности Уковенди до долины Имреры, гдѣ уже начиналась дорога, по которой Стэнлей прибылъ изъ Табору въ Уджиджи. Выборъ путешественниковъ палъ именно на этотъ путь

потому что, во-первыхъ, они могли совершить часть его на лодкахъ, а во-вторыхъ, дорога по ненаселеннымъ мѣстностямъ была безопаснѣе, не подвергая ихъ ни платежу дани, ни столкновеніямъ съ воинственными племенами, воевавшими между собою. Весь караванъ ихъ состоялъ изъ 48 человекъ и достаточнаго количества мѣноваго товара.

Путешествіе по озеру, вдоль восточнаго берега, чрезвычайно живописнаго, но мало населеннаго, продолжалось 10 дней. Такъ-какъ весь караванъ не могъ помѣститься въ двухъ туземныхъ лодкахъ, то большинство людей, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ ковъ и барановъ, слѣдовало по берегу. Освобожденные отъ тяжелой ноши, они шли легко и быстро, весело оглашая воздухъ громкими пѣснями, которыми вторили гребцы, такъ что сначала это путешествіе имѣло видъ какого-то торжественнаго шествія, но подъ конецъ горы, доходившія до самой воды, разлучили береговой караванъ отъ водяного, такъ-что послѣдній, прибывъ въ Уримбу, — небольшое селеніе почти посрединѣ западнаго берега, — долженъ былъ дожидаться три дня своихъ товарищей.

Послѣ пріятной прогулки по озеру, странствіе по необитаемой пустынѣ, покрытой непроходимыми чащами кустарниковъ и деревьевъ, казалось еще утомительнѣе и ужаснѣе. Несмотря на хвостовство проводниковъ, вскорѣ оказалось, что они не знали дороги, такъ-какъ, дѣйствительно, въ этихъ мѣстностяхъ Уковенди никогда еще не бывали ни арабы, ни сосѣдніе туземцы; поэтому Стэнлей самъ принялъ начальство надъ караваномъ и повелъ его по компасу. Хотя при караванѣ былъ значительный запасъ продовольствія, но онъ скоро истощился, и утомленные продолжительными переходами носильщики начали ощущать недостатокъ въ пищѣ, а купить что-либо было негдѣ и не у кого. Къ этому еще надо прибавить, что многіе, и въ томъ числѣ самъ Стэнлей, подверглись тяжелымъ припадкамъ лихорадки. Такимъ образомъ, этотъ десятидневный походъ оставилъ въ Стэнлей самое грустное воспоминаніе, несмотря на то, что самая страна, представляющая длинный рядъ горныхъ кряжей, параллельныхъ озеру, крутыхъ съ западной стороны и отлогихъ съ восточной, чрезвычайно живописна. „Прекрасный, очаровательный Уковенди! говоритъ Стэнлей. — Съ чѣмъ можно сравнить дикую прелесть твоей свободной, роскошной, плодоносной природы? Въ Европѣ нѣтъ ничего подоб-

наго. Только въ Мингрелии, Имеретии и Индіи можно увидѣть такія быстрыя, влокающія рѣки, такія живописныя холмы, такія высокія горы, такіе нескончаемые лѣса громаднѣйшихъ деревьевъ. И какое могущество, какая роскошь растительности! Почва здѣсь такъ плодородна, природа такъ соблазнительна, что, несмотря на смертоносныя испаренія, невольно привязываешься къ этой странѣ, которую, конечно, цивилизованный народъ могъ-бы сдѣлать здоровой и безопасной. Совершенно изнуренный лихорадкой, сазнавая, что ядъ, скрываеиный подъ такой прелестной оболочкой, отравлялъ мою жизнь, я все-же не могъ безъ восхищенія смотрѣть на Уковенди, не могъ разстаться съ нимъ безъ какой-то инстинктивной грусти“.

На десятый день тяжелаго, утомительнаго пути наши путешественники, наконецъ, спустились съ горнаго края въ долину Ииреры и вышли на прежнюю дорогу Стэнлея. Дальнѣйшее странствіе уже не представляло особыхъ затрудненій и разнообразилось охотой на жирафовъ, зебръ и другихъ звѣрей, которыми кишитъ эта страна. Во все время пути, по словамъ Стэнлея, Ливингстонъ, несмотря на свои больныя ноги и почти постоянные дожди, шелъ бодро и мужественно переносилъ, какъ утомленіе, такъ и грубую пищу. „Докторъ, говоритъ Стэнлей, — всегда обращаетъ самое терпѣливое вниманіе на благосостояніе своего желудка, такъ-какъ это важнѣйшее условіе въ путешествіи. Вообще онъ отличается всѣми способностями идеальнаго путешественника. Его знаніе Африки поразительно: ему извѣстны горы, деревья, плоды и пр. Онъ имѣетъ основательныя свѣденія объ этнографическихъ условіяхъ страны. Кроме того, онъ отличается умѣньемъ предусмотрѣть всѣ потребности путешественника и искусно имъ удовлетворить. Такъ, онъ каждую ночь устраиваетъ подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ постель, по удобству неуступающую лучшимъ пружиннымъ матрацамъ. Прежде всего онъ кладетъ на разстояніи двухъ футовъ двѣ длинныя жерди въ три или четыре дюйма въ діаметръ, а поперегъ короткія, небольшія палки, потомъ сверху настиляетъ толстый слой травы, который уже покрывается непромокаемой парусиной и простынями. Точно такъ-же заботится онъ и о пищѣ; по его совѣту я купилъ въ Уджиджидѣ нѣсколько козъ и ихъ молоко было истинной отрадой для насъ“.

на пути, такъ-какъ мы по три раза въ день пили по шести и семи чашекъ кофе или чая. Онъ даже не пренебрегаетъ и развлеченіемъ: такъ, мы часто находили удовольствіе въ мелодичныхъ крикахъ его попугаевъ, вывезенныхъ изъ Маніемы.“

Наконецъ, 18-го февраля Стэнлей и Ливингстонъ достигли Таборы на пятьдесятъ третій день путешествія. „Мы дома, докторъ“, сказалъ Стэнлей съ торжественною радостью, вводя своего гостя въ прежній домъ, отведенный ему въ Квихарѣ. Но здѣсь ожидало ихъ большое разочарованіе: они основывали большія надежды на ящикахъ, присланныхъ англійскимъ консуломъ изъ Занзибара для Ливингстона. Но, вскрывъ ихъ, они нашли большею частью совершенно ненужныя вещи, какъ, напр.: засохшій голландскій сыръ, чрезвычайно вредный въ африканскомъ климатѣ, различныя сои, перецъ, горчицу, консервы куринаго бульона и т. д. Изъ всего количества вещей, за провозъ которыхъ заплачены были громадныя деньги, Ливингстонъ взялъ себѣ только двѣ бутылки со спиртомъ, небольшой ящикъ лекарствъ и незначительное количество бѣлья, а также пару башмаковъ, которые преисполнили его дѣтской радостью. По счастью, Стэнлей могъ дать ему двѣсти тысячъ пятьсотъ аршинъ бумажныхъ тканей, около тысячи фунтовъ бусъ, триста пятьдесятъ аршинъ мѣдной проволоки, оружіе, снаряды, одежду, инструменты, лодку, палатку и пр. Такимъ образомъ, съ помощью этихъ вещей Ливингстонъ могъ содержать, по мнѣнію Стэнлея, 60 человекъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.

Ему недоставало только немногихъ предметовъ, именно: пшеничной муки, чая, иголокъ, нитокъ и т. д., и все это Стэнлей взялся выслать ему со всевозможною скоростью изъ Занзибара. А такъ-какъ весь его багажъ тогда потребовалъ-бы 70 носильщиковъ, а ихъ нельзя было найти въ Униамвези, во время междоусобной войны, то необходимо было Стэнлею нанять также въ Занзибарѣ свободныхъ людей, вооружить ихъ и выслать поспѣшно въ Табору. „Это порученіе, говоритъ онъ, — заставляло меня торопиться въ Занзибаръ, словно дѣло шло о жизни или смерти, и не знать минуты покоя, пока желанія Ливингстона не будутъ удовлетворены. Я, однако, принялъ на себя это обязательство, хотя для исполненія его мнѣ пришлось отказаться отъ мое-

го намѣренія пробраться на Ниль и, собравъ свѣденія объ экспедиціи Бекъра, возвратиться въ Европу черезъ Египетъ“.

14 марта было назначено для выступленія въ обратный путь Стэнлея и наканунѣ туземцы въ честь его задали прощальную пляску на площадке передъ домомъ. Эта дикая пляска подъ звуки четырехъ барабановъ была до того соблазнительна, что и самъ Стэнлей принялъ въ ней участіе. Послѣ окончанія веселыхъ танцевъ, туземцы встали на колѣни и начали медленно, торжественно пѣть прощальную пѣсню, замѣчательную по своей эпической красотѣ и силѣ выраженій. Вотъ подстрочный переводъ этого образца африканскаго эпоса:

З а п ѣ в а л о.

О-о-о! Бѣлый идетъ домой!

Х о р ъ.

О-о-о! Идетъ домой!

Идетъ домой! О-о-о!

З а п ѣ в а л о.

На счастливый морской островъ,

Гдѣ обиліе бусъ! О-о-о!

Х о р ъ.

О-о-о! Гдѣ обиліе бусъ!

О-о-о!

З а п ѣ в а л о.

А Сингири *) держитъ насъ долго,

Долго на чужбинѣ! О-о-о!

Х о р ъ.

На чужбинѣ!

О-о-о!

З а п ѣ в а л о.

И давно мы не ѣли,

Давно голодали,

О Сингири! Сингири!

Х о р ъ.

Давно голодали! О-о-о!

Сингири! Сингири!

*) Такъ звали предводителя одного изъ арабскихъ каравановъ.

ЗАПЪВАЛО.

Мирамбо пошелъ войной на арабовъ,
Арабы воюють съ Мирамбо!

ХОРЪ.

О-о-о! Воюють съ Мирамбо!
О! Мирамбо! Мирамбо!
Воюють съ Мирамбо!

ЗАПЪВАЛО.

Бѣлый насъ порадуеть.
Онъ идетъ домой,
Онъ идетъ домой
И насъ онъ порадуеть!
Шо-шо-шо!

ХОРЪ.

Бѣлый насъ порадуеть!
Шо-шо-шо!

Всю ночь Стэнлей провелъ въ разговорахъ съ Ливингстономъ и стенографировалъ все, что говорилъ ему тогда знаменитый путешественникъ, какъ послѣднюю его волю на случай несчастья, но онъ не знакомитъ читателей съ этимъ любопытнымъ документомъ, который былъ завернуть имъ въ клеенку съ надписью; „Не открывать“, подъ которой подписался и самъ Ливингстонъ. На другое утро рано караванъ тронулся въ путь, и Ливингстонъ, отдавъ Стэнлею двадцать пять писемъ къ друзьямъ и громадный журналъ своихъ странствій для передачи дочери, пошелъ его проводить на нѣкоторое разстоянiе.

— Насколько я васъ понимаю, докторъ, сказалъ по дорогѣ Стэнлей, — вы не хотите возвратиться домой, прежде чѣмъ не разрешите вопроса объ источникахъ Нила?

— Да, отвѣчалъ Ливингстонъ, — какъ только ваши люди придутъ изъ Занзибара, я тотчасъ отправлюсь въ Узипу, перейду рѣку Рунгву и, взявъ на югъ, обойду Танганику, потомъ поверну къ юго-востоку, переберусь черезъ Лаупулу и, направясь на западъ, достигну жѣдныхъ рудъ Катанги. Въ восьми дняхъ разстоянiя къ югу отъ Катанги, по показанiю туземцевъ, находятся четыре источника, изъ которыхъ одинъ долженъ быть настоящiй Ниль. Открывъ эти источники, я отправлюсь черезъ Катангу къ

подземнымъ жиламъ Руи. Оттуда черезъ десять дней я буду на озерѣ Камалондо и поднимусь въ лодкѣ по рѣкѣ Луфари до озера Линкольна. Тамъ снова спущусь внизъ и отправлюсь на сѣверъ по Луалабѣ къ четвертому озеру, которое, полагаю, разрѣшитъ весь вопросъ; оно, вѣроятно, окажется озероиъ Бекэра или Паджин.

— А какъ долго вы думаете продолжится это маленькое путешествіе?

— Года полтора, со дня выступленія изъ Уніаніембе.

— Положимъ, что вамъ понадобится два года: надо рассчитывать на непредвидимыя обстоятельства. Поэтому я найму людей на два года, считая съ ихъ прибытія въ Уніаніембе.

— Это будетъ отлично!

— Ну, теперь, докторъ, намъ надо проститься. Вы довольно далеко меня проводили, и пора вамъ возвратиться.

— На прощаньи я вамъ скажу, что вы совершили то, что сдѣлали-бы немногіе. Вы совершили свою задачу лучше многихъ извѣстныхъ мнѣ великихъ путешественниковъ. Что касается до меня, то я очень благодаренъ вамъ за всѣ оказанныя мнѣ услуги. Да благословитъ васъ Господь, мой другъ, желаю вамъ успѣшнаго и безопаснаго возвращенія домой.

— Да поможетъ вамъ Господь возвратиться невредимымъ къ намъ. Прощайте!

— Прощайте!

„Еще разъ, говоритъ Стэнлей,—взглянулъ я на дорогое мнѣ лицо, пожалъ протянутую мнѣ руку и воскликнулъ, обращаясь къ своему каравану: „Маршъ! чего вы стоите? Развѣ мы не идемъ домой?“ И я быстро повелъ своихъ людей. Я не буду болѣе ихъ жалѣть. Я имъ покажу, какъ люди ходятъ. Въ сорокъ дней я сдѣлаю то, на что потребовалось-бы три мѣсяца“.

Стэнлей сдержалъ свое слово, несмотря на дождливое время, на разлитіе рѣкъ, испорченныя дороги, страшныя наводненія, превратившія громадныя пространства въ непроходимыя болота и уничтожившія сотни селеній, въ томъ числѣ укрѣпленный Симбамвени, султанша котораго бѣжала съ немногими уцѣлѣвшими жителями. На 35-й день путешествія, пройдя 525 миль, онъ вступилъ въ Богомоіо при громкихъ крикахъ туземцевъ: „Бѣлый возвратился! Бѣлый возвратился!“

Такимъ образомъ окончилась экспедиція Стэнлея, но ему оставалось еще выслать Ливингстону обѣщанный караванъ. Въ Занзибарѣ онъ нашелъ членовъ экспедиціи, организованной лондонскимъ географическимъ обществомъ для оказанія помощи Ливингстону, въ томъ числѣ сына его Освальда, но, услыхавъ, что Ливингстонъ найденъ, они всѣ, по совѣту Керка, отказались отъ своего предпріятія и Стэнлей, воспользовавшись ихъ вещами, быстро образовалъ караванъ подъ предводительствомъ одного молодого араба, чрезвычайно искуснаго и честнаго, по словамъ мѣстныхъ торговцевъ. Эта экспедиція, въ числѣ 57 человекъ, между которыми было 20 прежнихъ слугъ Стэнлея, выступила изъ Занзибара 27 мая 1871 года, а черезъ два дня самъ Стэнлей отправился въ Европу, гдѣ ожидалъ его тотъ странный, недовѣрчивый пріемъ, о которомъ мы уже упоминали.

Что касается дальнѣйшей судьбы Ливингстона, то изъ его письма къ лорду Гренвилю отъ 1-го іюля 1872 года видно, что онъ все еще жилъ въ Уніаніембе, поджидая свой караванъ, по прибытіи котораго намѣревался немедленно отправиться въ путь. Но, повидимому, онъ измѣнилъ нѣсколько планъ своихъ изслѣдованій и ограничилъ ихъ восемью мѣсяцами, тогда-какъ говорилъ Стэнлею, что ему остается работы на $1\frac{1}{2}$ или 2 года. Вѣроятно, собравъ съ тѣхъ поръ большія свѣденія отъ туземцевъ, онъ счелъ возможнымъ сдѣлать то великое открытіе, которое ждетъ отъ него ученый міръ, въ болѣе краткій срокъ. При этомъ онъ рѣшилъ не отвлекаться въ сторону отъ своей главной задачи и отказался, на примѣръ, отъ посѣщенія любопытной горной страны Басанго, въ которой, по его словамъ, поселился пять поколѣній тому назадъ бѣлый человекъ съ шестью слугами и, избранный въ предводители туземнаго племени, оставилъ послѣ себя потомковъ въ третьемъ поколѣніи, до 60 мужчинъ и столько-же женщинъ; съ тѣхъ поръ число ихъ продолжало увеличиваться и они доселѣ отличаются отъ туземцевъ свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и привилегіей носить коралловыя бусы, впервые привезенныя ихъ предкомъ; до послѣдняго времени также хранилась у нихъ какая-то книга, привезенная этимъ бѣлымъ. „Интересъ этого замѣчательнаго явленія, говоритъ Ливингстонъ, заключается въ подтвержденіи имъ знаменитой теоріи Дарвина, что усовершенствованный видъ, какимъ мы смиренно себя признаемъ, не такъ легко

поглощается массами". Послѣ этого письма прямыхъ извѣстій отъ Ливингстона не получено, но официальные донесенія англійскаго консула въ Занзибарѣ сообщаютъ, что, по прибытіи каравана, посланнаго Стэнлеемъ, Ливингстонъ отправился немедленно въ Уджи-джи и оттуда, въ августѣ прошлаго года, выступилъ въ походъ въ источникамъ Нила. Несмотря на полное обезпеченіе знаменитаго путешественника всѣмъ необходимымъ и на сравнительно краткій срокъ, назначенный имъ для своихъ послѣднихъ странствій, лондонское географическое общество, опасаясь какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ преградъ на его пути, организовало еще одну экспедицію для оказанія ему помощи, подъ предводительствомъ лейтенанта Камерона. Эта экспедиція, по извѣстіямъ изъ Занзибара отъ 18-го февраля нынѣшняго года, окончила уже всѣ приготовленія и готова была выступить въ походъ. Надо надѣяться, что эта попытка англичанъ оказать содѣйствіе Ливингстону увѣняется большимъ успѣхомъ, чѣмъ всѣ предыдущія, и что въ числѣ сопровождающихъ ее лицъ не будетъ невольниковъ, такъ-какъ, по словамъ Ливингстона „присылка невольниковъ вмѣсто свободныхъ людей стоила ему потери двухъ лѣтъ, множества денегъ, побудила его пройти лишнихъ 2,000 миль и подвергала не разъ его жизнь опасности". Здѣсь кстати сказать, что вообще въ отношеніяхъ лондонскаго географическаго общества и англійскаго консула въ Занзибарѣ, Керкѣ, къ Ливингстону есть много страннаго, непонятнаго; такъ, экспедиціи, посланныя обществомъ одна за другой, оканчиваются ничѣмъ, не выступивъ даже изъ Занзибара; Керкъ отговариваетъ сына Ливингстона и другихъ членовъ его экспедиціи продолжать путь, а отправляемые имъ караваны частью пропадали на пути, частью, вопреки англійскимъ законамъ, воспрещающимъ правительственнымъ агентамъ пользоваться невольниками, состояли изъ рабовъ, которые, по ихъ собственнымъ словамъ, получили приказаніе привести Ливингстона обратно, но не идти съ нимъ въ дальнѣйшія странствія. Въ виду этихъ данныхъ, сообщаемыхъ Стэнлеемъ и самимъ Ливингстономъ въ послѣдующихъ его письмахъ къ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ и Керку, невольно является мысль о позорныхъ интригахъ завистниковъ столь заслуженной славы великаго путешественника. Конечно, при его возвращеніи въ Европу всѣ эти вопросы разъ-

яснятся и выставлятъ не въ лестномъ видѣ дѣйствія многихъ лицъ, называющихъ себя его друзьями.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ истинномъ значеніи и существенной важности трудовъ Ливингстона въ центральной Африкѣ. Въ научномъ отношеніи главная его заслуга состоитъ въ разрѣшеніи или, во всякомъ случаѣ, въ значительномъ уясненіи вѣкового вопроса объ источникахъ Нила. Самъ Ливингстонъ и Стэнлей твердо убѣждены, что открытая первымъ изъ нихъ рѣка Луалаба есть настоящій Ниль; но, чтобы окончательно удостовѣриться въ этомъ, необходимо фактически прослѣдить соединеніе этой новой рѣки съ старымъ, извѣстнымъ Ниломъ и, кромѣ того, изслѣдовать четыре источника, изъ которыхъ, по словамъ туземцевъ, подобно свидѣтельству Геродота, изливаются четыре большія рѣки: Ломама и Луфира (притокъ Луалабы), идущія на сѣверъ, къ Египту, и Леамбе (верхній Замбезе) и Кафуль, текущія къ югу. Разрѣшеніемъ этихъ географическихъ задачъ занятъ теперь Ливингстонъ и, конечно, если окажется, что его предположеніе объ источникахъ Нила несправедливо, то онъ первый признаетъ свою ошибку. Предсѣдатель лондонскаго географическаго общества Ролинстонъ, докторъ Бикъ и многіе другіе англійскіе географы оспариваютъ открытіе Ливингстона, доказывая, что его Луалаба не Ниль, а Конго. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ лорду Гренвиллю Ливингстонъ самъ какъ-бы нѣсколько сомнѣвается въ своей теоріи и, приводя доказательства, что Луалаба течетъ между 26 и 27 градусами в. д., говоритъ: „поэтому *менѣе вѣроятно*, чтобы эта рѣка была Конго, и я долженъ встрѣтить на ней Бэкера“.

Но какъ ни интересенъ въ научномъ отношеніи вопросъ объ источникахъ Нила, не въ его разрѣшеніи заключается великое значеніе трудовъ и изслѣдованій Ливингстона. „Если обличеніе мною всѣхъ ужасовъ уджиджійской или континентальной системы невольничества, говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ издателю „New-York Herald“, поведетъ къ уничтоженію торговли невольниками на восточномъ берегу, то я сочту это неизмѣримо большимъ дѣломъ, чѣмъ открытіе всевозможныхъ источниковъ Нила“. Дѣйствительно, важность двадцатилѣтнихъ трудовъ Ливингстона въ центральной Африкѣ заключается въ проложеніи пути цивилизаціи въ невѣдомыя плодородныя и населенныя страны. Такова

въ сущности и была всегда цѣль его дѣятельности. Какъ пасторъ и миссіонеръ, онъ, конечно, старался распространять христіанскую вѣру, но хорошо понималъ, что безъ цивилизаціи одно христіанство не можетъ достигнуть своей цѣли и потому въ просвѣщеніи жителей открытыхъ имъ дикихъ странъ онъ видѣлъ главную задачу своихъ трудовъ. Лучшимъ-же средствомъ къ распространенію просвѣщенія и уничтоженія позорнаго торга невольниками, служащаго преградой всякому развитію онъ всегда считалъ введеніе правильныхъ торговыхъ сношеній между европейскими націями и туземцами. „Моя цѣль двоякая, говоритъ онъ въ первомъ своемъ сочиненіи: быть полезнымъ для туземцевъ и для насъ. Мы должны приохотить туземцевъ къ работѣ для нашихъ рынковъ, такъ какъ это лучшее средство къ распространенію образованія; мы должны заботиться о введеніи правильныхъ путей сообщенія въ африканскихъ пустыняхъ для доставки намъ ихъ сырыхъ продуктовъ. Эти страны способны производить въ изобиліи хлопчатку; дайте туземцамъ хорошихъ сѣмянъ этого растенія, и они сдѣлаются вашими друзьями. Они скоро поймутъ, что ивнать свои произведенія на товары образованныхъ странъ гораздо выгоднѣе отвратительной торговли человѣческимъ мясомъ. Распространеніе правильныхъ торговыхъ сношеній примиритъ враждующія между собою племена, искоренитъ торговлю невольниками и введетъ африканскихъ негровъ въ семью образованныхъ народовъ“. Этой системѣ, по словамъ Ливингстона, держалась такъ называемая политика Пальмерстона на западномъ берегу Африки, гдѣ она дала самые блестящіе результаты. Тамъ пиратство и торговля невольниками совершенно уничтожены, жизнь и собственность вполнѣ обезпечены, правильная торговля съ 20,000 фун. ст., доставляемыхъ слоновой костью и золотымъ пескомъ, достигла до 2,000,000; въ томъ числѣ въ одну Англію вывозится пальмоваго масла на 1,000,000, а въ школахъ двадцати миссіонерскихъ станцій учатся до 12,000 туземныхъ дѣтей. Для достиженія подобнаго-же результата, была предпринята Ливингстономъ въ 1858 году, по порученію англійскаго правительства, экспедиція на Замбезе. Въ инструкціи, выданной ему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, прямо говорилось, что вромѣ стремленія къ распространенію правильной торговли, которая могла-бы успѣшно замѣнить позорный торгъ невольниками, экспедиція

должна обратить главное вниманіе на нравственное вліяніе на туземцевъ образованныхъ людей, ихъ правильно устроеннаго хозяйства, ласковаго обращенія, всегдашней готовности обучать туземцевъ земледѣлію и простымъ ремесламъ, наконецъ, внушеніе идей нравственности, мира и любви. Несмотря на неутомимые труды Ливингстона въ продолженіи шести лѣтъ, онъ, по его собственному сознанію, не достигъ предположенныхъ нравственныхъ результатовъ. Вездѣ главнѣйшей преградой его цивилизующей дѣятельности, служила торговля невольниками, со всѣми ея ужасами и растлѣвающимъ вліяніемъ. Преграда эта тѣмъ сильнѣе, что изъ личныхъ, корыстныхъ видовъ торговлю невольниками поддерживаютъ не только арабскіе и индѣйскіе купцы, но даже европейскіе негодіанты и правительства, какъ на примѣръ, португальское и отчасти французское во времена декабрьской имперіи. Однако, Ливингстонъ не унывалъ и настоящая его экспедиція, начатая въ 1863 году, служить только продолженіемъ его прежнихъ трудовъ. Но испытывъ главнѣйшія затрудненія отъ португальцевъ, открыто и тайно поддерживающихъ торговлю невольниками, онъ избралъ полемъ своей дѣятельности страны нѣскольکو сѣвернѣе, внѣ предѣловъ ихъ территоріи. Какіихъ результатовъ достигъ онъ въ этомъ отношеніи своими новыми, семилѣтними странствіями, еще нельзя опредѣлить, ибо книга Стэнлея не даетъ никакихъ свѣдѣній по этому важному предмету, и приходится терпѣливо ждать возвращенія Ливингстона и обнародованія имъ подробнаго описанія своихъ трудовъ.

Мы потому указали на эту сторону дѣятельности великаго путешественника, что, конечно, она имѣетъ теперь, а особливо будетъ имѣть въ будущемъ наибольшее значеніе. По продолженной имъ дорогѣ пойдутъ, конечно, многіе предприимчивые англичане, и хотя большинство станетъ руководствоваться не безкорыстными цѣлями этого честнаго піонера цивилизаціи, а торговашескими инстинктами англо-саксонской расы, все-же цивилизація проникнетъ въ эти забытые, но плодоносные углы земнаго шара. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ англійское правительство уже неуклонно стремится къ обезпеченію за собою прочнаго вліянія на вновь открывшіяся невѣдомый міръ, и какъ лучшее средство къ достиженію этой цѣли избрало достойный уваженія и сочувствія путь уничтоженія невольничества. Въ настоящее время, двѣ офи-

ціальныя экспедиціи сэра Самуэля Бэкера и сэра Бартела Фрира съ противоположныхъ концовъ, въ верхнемъ Египтѣ и Занзибарѣ, стараются съ помощью трактатовъ положить предѣлъ этому позорному торгу, который, такимъ образомъ, не имѣя исхода на морской берегъ, самъ собою прекратился-бы *). Всѣ эти правительственныя мѣры, прикрытыя громкими фразами о благѣ человѣчества, конечно, скрываютъ затаенную мысль объ открытіи новыхъ рынковъ англійскимъ товарамъ и о замѣнѣ новыми цвѣтущими колоніями Канаду и Австралію, уже помышляющихъ давно о независимости. Быть можетъ, правъ туземный переводчикъ Ливингстона, который, переводя Евангеліе дикарямъ, всегда прибавлялъ: „Книга говоритъ, чтобы вы воздѣлывали хлопокъ, а англичане будутъ приходить и

*) Первое изъ этихъ предпріятій, экспедиція сэра Самуэля Бэкера, какъ видно изъ послѣднаго доклада въ лондонскомъ обществѣ эмансипаціи невольниковъ, пользуется большимъ успѣхомъ и сильно ограничила торговлю невольниками на Вѣломъ Нилѣ, такъ что теперь во всемъ Египтѣ продается, и то контрабандою, не болѣе 400 рабовъ въ годъ. Любопытно, что египетскій вице-король на аудіенціи сказалъ сэру Бартилю Фриру, посланному англійскимъ правительствомъ съ подобной-же цѣлью къ занзибарскому султану, что онъ, при помощи Англии, готовъ принять на себя обязательство уничтожить эту позорную торговлю въ центральной Африкѣ, но крѣпостную зависимость слугъ, существующую уже многія вѣка, даже ранѣе исламизма, онъ, какъ мусульманскій государь, не можетъ разомъ пресѣчь, а, по его мнѣнію, она сама собою исчезнетъ съ уничтоженіемъ ея источника—торга невольниками. Съ цѣлью постепеннаго исключенія рабовъ изъ жилищъ знатныхъ магометанъ, въ Каирѣ открыта правительствомъ школа для подготовки служанокъ изъ дѣвушекъ бѣднаго, но свободнаго класса. Гораздо труднѣе представляется задача сэра Бартиля Фрира въ Занзибарѣ, гдѣ ежегодно вывозится до 20,000 невольниковъ, приносящихъ султану Саиду Бургаму около 40,000 ф. стерл. таможенной пошлины. По послѣднимъ извѣстіямъ отъ 18 февраля, султанъ, несмотря на всѣ убѣжденія англійскаго посла, опирающагося на 3 англійскихъ и 1 американскій военныхъ корабля, отказался подписать предлагаемый ему трактатъ на томъ основаніи, что невольничество—старинное, всѣми уважаемое учрежденіе, дозволенное магометанской религіей, и его уничтоженіе повело-бы къ возстаніямъ туземныхъ племенъ и разоренію страны. Впрочемъ, этотъ султанъ пользуется столь малой властью, что, можетъ быть, заключенный съ нимъ трактатъ ни къ чему не привелъ-бы, и цѣли англійскаго правительства будутъ лучше достигнуты прямыми мѣрами противъ продолженія позорнаго торга, доселѣ открыто производящагося въ глазахъ англійскаго посланника на площадяхъ Занзибара. Впрочемъ, окончательный результатъ посольства сэра Бартиля Фрира еще не опредѣлился, такъ какъ султанъ можетъ одуматься, но вліяніе посольства въ другихъ отношеніяхъ уже высказалось открытіемъ постоянныхъ почтовыхъ пароходныхъ ежемѣсячныхъ сообщений Занзибара съ Бомбеемъ, что, конечно, отразится на развитіи торговыхъ сношеній этого могущественнаго рычага современной цивилизаціи.

скупать его“; быть можетъ, нѣкоторымъ изъ туземныхъ племень, по примѣру индѣйцевъ, дорого обойдется купель цивилизаци. Но все-же въ концѣ концовъ центральная Африка возродится къ новой жизни, къ образованной дѣятельности и тогда, конечно, просвѣщенное потомство нынѣшнихъ дикарей вспоманетъ съ благодарностью своего честнаго, безкорыстнаго просвѣтителя—Давида Ливингстона.

НОВАЯ КНИГА.

Благодѣтели человечества. Вильямъ Пеннъ, основатель Пенсильваніи. Соч. Вильяма Гепворта Диксона, автора „Лондонской Башни“, „Свободной Россіи“ и др. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ новомъ произведеніи Диксона читатель найдетъ тѣ-же достоинства и недостатки, которыми отличаются всѣ произведенія этого неумоимаго книгопека. Бойкая, даже блестящая по формѣ книга Диксона крайне небрежна и легковѣсна по содержанію; но она написана на одну изъ тѣхъ живыхъ темъ, интересъ къ которымъ никогда не умираетъ среди людей, еще не погрузившихся въ безпробудную умственную апатію. Съ именемъ Вильяма Пэнна, одного изъ гениальныхъ пионеровъ политической практики, связана великая эпоха возрожденія европейскаго общества подъ сѣнью новыхъ принциповъ права и свободы, создавшихъ Соединенные Штаты Америки. Его энергическая инициатива пробила первую брешь въ старомъ конституціонномъ укладѣ Европы, противопоставила ему, не на словахъ, а на дѣлѣ, новую систему политической жизни, которую онъ провелъ среди всевозможныхъ преградъ и наперекоръ общему направленію господствовавшей въ то время политической и социальной рутины. Если Пэнна нельзя назвать оригинальнымъ творцемъ идей, которыя легли въ основаніе его знаменитой пенсильванской конституціи, такъ какъ онъ заимствовалъ ихъ у своихъ великихъ современниковъ Джона Локка и республика Сиднея, то во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ для судьбы этихъ идей ничуть не менше Локка и Сиднея. Самые свѣтлые теоретическіе принципы и вполне готовые выводы отвлеченной мысли не поддаются осуществленію и на долго лежатъ мертвымъ капиталомъ въ

сознаніи мыслителей, пока практическая переработка не сдѣлаетъ эти выводы пригодными для общественнаго употребленія и не облечетъ ихъ въ живыя формы реальной дѣйствительности. Въ дѣлѣ новыхъ политическихъ идей практическая реформа, естественно, встрѣчаетъ труднѣйшія помѣхи; особенно въ тотъ смутный періодъ монархической реставраціи, который переживала Англія во времена Пэнна. Только цѣною высокаго самоотверженія и презрѣнія къ опасностямъ, цѣною личной свободы и матеріальныхъ лишеній доставилъ Пэннъ торжество своей попыткѣ, и съ этой стороны его героическая личность, борвшаяся съ такимъ умомъ и постоянствомъ для общаго блага будущихъ милліоновъ населенія, внушаетъ къ себѣ глубокую симпатію и тѣмъ большее вниманіе, что идеи Пэнна, примѣненныя имъ 200 лѣтъ тому назадъ къ матеріку Новаго Свѣта, все еще представляютъ для насъ великій интересъ новыхъ идей.

Въ ожиданіи поучительныхъ на этотъ счетъ свѣденій мы раскрыли книгу Генворта Диксона, вглядываясь съ чувствомъ понятнаго любопытства въ нравственный и интеллектуальный характеръ великаго общественнаго дѣятеля Англіи, и видя предъ собою объемистый томъ въ 20 слишкомъ печатныхъ листовъ, нельзя было не радоваться заранѣе, что авторъ представитъ намъ во всей полнотѣ избранный имъ предметъ. Однако, эта радость была поспѣшна, ибо полнота изложенія распространялась только на такія стороны жизни Пэнна, которыя общи не только его современникамъ и соотечественникамъ, но, вѣроятно, всѣмъ смертнымъ, къ какой-бы эпохѣ, націи или профессіи они ни принадлежали. Остроумный авторъ, очевидно, желалъ разсѣять своей біографіей всѣ сомнѣнія на счетъ того, что Вильямъ Пэннъ былъ въ свое время живымъ человекомъ, и чтобъ разомъ доказать это, онъ взглянулъ на него съ точки зрѣнія туалета и кулинарнаго искусства. Перерывъ всѣ архивы Европы и Америки, Генвортъ Диксонъ открылъ подлинныя документы, изъ которыхъ усматривается, что Пэннъ имѣлъ привычку кушать и одѣваться. Пораженный этимъ открытіемъ, Диксонъ останавливается съ большимъ вниманіемъ на рассмотрѣніи этого обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, что оно значить и какой смыслъ имѣетъ для самого Пэнна или для насъ? Можетъ быть, и съ этой стороны великій квакеръ чему-нибудь научить насъ, тѣмъ болѣе, что «кухня у Пэнна, рассказываетъ его біографъ, была хорошая и онъ шутя говорилъ: Ахъ! повареная книга вытѣснила библію изъ моего дома, ее читаютъ гораздо чаще и съ большей пользой.» Но онъ возста-

валь противъ кулинарныхъ излишествъ (какая возвышенная добродѣтель!), говоря, что они уничтожаютъ гостепріимство и поглощаютъ то, что пошло-бы на бѣдныхъ. Французская кухня, бывшая тогда въ модѣ, и т. д... Погребъ Пэнна былъ хорошо снабженъ, и любимыми винами для семейства и гостей были и т. д... Кромѣ того у него былъ обширный запасъ эля и пр. Самъ-же Пэннъ всегда пилъ мадеру и вообще любилъ хорошо поѣсть и т. д. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ управляющему Сотчеру, онъ писалъ: «Пришли, пожалуйста, два или три окорока, которые купи у шведовъ, а также нѣсколько копченыхъ рыбъ, и пр.» Продолжая въ этомъ духѣ, мы могли-бы угостить читателя пространными выписками, въ которыхъ съ чувствомъ говорится о родословной лошадей Пэнна, о томъ, сколько у него было париковъ и за сколько онъ ихъ купилъ, какая мебель стояла въ его гостиной, въ какихъ экипажахъ ѣздило его семейство и онъ самъ и т. д. Мы не стали-бы указывать на неумѣстную подробность этихъ странныхъ характеристикъ, если-бы авторъ помѣстилъ ихъ гдѣ-нибудь на заднемъ планѣ хотя было-бы желательно, чтобы біографы поняли наконецъ, что частная жизнь описываемаго лица, пока она остается замкнутой въ предѣлахъ семейнаго быта, не имѣетъ общественнаго интереса. Біографъ описываетъ не частную, индивидуальную жизнь лица, но исторію той эпохи, которую онъ наполнилъ своею дѣятельностью и которая дала содержаніе и смыслъ его отдѣльной личности. Но Генвортъ Диксонъ отвелъ весьма незначительное мѣсто общественному движенію Англіи временъ Пэнна и его политическимъ стремленіямъ да и тамъ, гдѣ онъ рѣшается сказать по этому поводу нѣсколько словъ, видно полнѣйшее отсутствіе критическаго взгляда и убожество собственнаго міросозерцанія автора. Можетъ быть, именно потому Генвортъ Диксонъ постоянно старается сойти на эпизодическую почву, хватаясь за самые мелочные факты и событія изъ частной жизни своего героя. Онъ распространился особенно о квакерскихъ похожденияхъ Пэнна, и нѣсколько относящихся сюда разсказовъ написаны довольно живо и читаются съ любопытствомъ, но они интересны сами по себѣ, какъ счастливые отрывки, и едва-ли характеризуютъ Пэнна, какъ политическаго реформатора, между тѣмъ какъ ученіе квакеровъ, послѣдователемъ котораго былъ Пэннъ, оказало рѣшительное вліяніе на всю его жизнь. Его демократическія убѣжденія несомнѣнно выработаны квакерствомъ, оно расширило его понятія о свободѣ, о правахъ личности и равенствѣ всѣхъ предъ закономъ и даже фактически по-

служило предлогомъ къ учрежденію пенсильванской республики, такъ какъ, по мысли Пэнна, она должна была служить пріютомъ для всѣхъ гонимыхъ за религіозныя убѣжденія и въ томъ числѣ и для квакеровъ, терпѣвшихъ самыя сильныя преслѣдованія. Генвортъ Диксонъ очень мало говоритъ объ ученіи квакеровъ, читатель развѣ только узнаетъ, что квакеры не имѣли привычки снимать шляпъ и всѣмъ говорили *ты*. Отсюда происходило множество столкновеній и различныхъ казусовъ, о которыхъ Диксонъ распространяется весьма подробно. Онъ сообщилъ также въ своей біографіи довольно любопытный эпизодъ встрѣчи Пэнна съ Петромъ Великимъ, котораго квакеры старались обратить въ свою секту. Распространяя свои вѣрованія по всей Европѣ, квакеры случайно узнали о пребываніи Петра въ Дептфордѣ, гдѣ онъ работалъ въ качествѣ простаго плотника и судостроителя, и рѣшили познакомить русскаго царя съ новой религіей. «Петръ не зналъ по латыни, рассказываетъ Диксонъ, а они (квакеры) не умѣли говорить по нѣмецки, поэтому всякій разговоръ между подобными собесѣдниками былъ немислимымъ. Но все-же Петръ принималъ ихъ чрезвычайно любезно, и очарованные квакеры немедленно извѣстили Пэнна, знавшаго нѣмецкій языкъ, что русскій царь былъ склоненъ къ обращенію. Пэннъ отправился въ Юркъ-Гаузъ, гдѣ жилъ Петръ съ Меньшиковымъ, и, конечно, какъ человѣкъ, бывавшій при дворѣ, знавшій свѣтъ и кромѣ того сынъ знаменитаго адмирала, онъ имѣлъ гораздо болѣе успѣха въ разговорахъ съ царемъ. Петръ съ отличавшимъ его практическимъ направлениемъ ума тотчасъ коснулся того, что ему казалось сущностью дѣла. «Вы говорите, сказалъ онъ, что вы новый народъ, что-же, вы можете сражаться лучше другихъ?» Когда-же ему объяснили, что квакеры не берутъ въ руки оружія, то онъ спросилъ: «какую-же пользу вы можете приносить государству, если не хотите сражаться?» Ихъ обычай не снимать шляпъ казался ему забавнымъ, но онъ не могъ понять его причины. Томный жаждой всевозможныхъ знаній, онъ съ интересомъ слушалъ Пэнна и выразилъ желаніе узнать въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ словахъ сущность системы квакеровъ, чтобы имѣть возможность отличить ихъ отъ другихъ людей. На это Пэннъ отвѣчалъ: «Мы учимъ, что люди должны вести святую жизнь, или они не могутъ быть счастливы, что они должны быть не много-рѣчивы, миролюбивы, переносить терпѣливо зло, любить враговъ, жертвовать собою для другихъ, безъ чего религія—ханжество, а вѣра—ложь.» Петръ не обратился въ вѣру квакеровъ, но посѣщалъ нѣсколько разъ ихъ собранія въ Дептфордѣ, и велъ себя тамъ чрез-

вычайно прилично, подчиняясь вполне обычаямъ секты. Нѣкоторые изъ проповѣдниковъ считали русскаго царя новообращеннымъ квакеромъ. Они не знали, что, въ своей неутомимой жаждѣ знанія, Петръ основательно изучалъ каждую секту, съ которой встрѣчался. Конечно, Петръ не могъ понять въ то время ученія квакеровъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на заморскую диковинку. Его бурная натура не находила отклика въ миролюбивой доктринѣ Друзей, которые проповѣдывали кротость и смиреніе и считали большимъ грѣхомъ брать въ руки оружіе даже для самообороны. Вообще квакерство стояло слишкомъ высоко надъ господствовавшими убѣжденіями массы, хотя оно все-таки было одной изъ тѣхъ чисто практическихъ религій, которыя обнимаютъ всѣ стороны жизни, обыденной, религіозной и политической, и потому съ трудомъ резюмируются какой-нибудь опредѣленной формулой и догматическимъ кодексомъ. Кромѣ общихъ фразъ, Пэннъ ничего не могъ сказать Петру о своей религій, духомъ которой онъ, однако, былъ проникнутъ. Пытаясь охарактеризовать квакеровъ, Диксонъ придалъ ихъ ученію не совсѣмъ вѣрный характеръ. По смыслу его замѣчаній, квакеры исповѣдуютъ теорію пассивнаго повиновенія господствующей силѣ, но это едва-ли справедливо. Дѣйствительно, они избѣгаютъ вооруженныхъ столкновеній и готовы облобызывать бьющую ихъ десницу съ проповѣдью всепрощенія на устахъ. Но религія квакеровъ шла въ разрѣзъ со всѣмъ строемъ тогдашней жизни, а эта религія обязывала ихъ вербовать для нея прозелитовъ. И они разносили ея свѣтъ по всему міру, не страшась никакихъ преслѣдованій, жертвуя всѣмъ своимъ состояніемъ. «Да будетъ тебѣ и всѣмъ извѣстно, говорилъ Пэннъ судѣ, который арестовалъ его и велѣлъ отправить въ тюрьму за проповѣди къ народу, — что я не признаю той религіи, которая недостойна, чтобы за нее страдали, и которая не можетъ поддержать страдающихъ за нее. Твоя религія преслѣдуетъ, моя — прощаетъ. Я молю Бога простить тебя и всѣхъ причастныхъ къ моему аресту и не питаю къ вамъ никакой неприязни.» Въ этомъ смиренномъ убѣжденіи Пэннъ находилъ непоколебимую опору для пропаганды принциповъ свободы и для пракческаго осуществленія своихъ политическихъ плановъ, которые наполнили жизнь его рядомъ тяжелыхъ испытаній и привели его наконецъ къ совершенному разоренію. Подъ конецъ своей жизни Пэннъ заключенъ былъ въ тюрьму за долги, въ которые онъ вошелъ по управленію, вслѣдствіе громаднхъ расходовъ на основаніе американской колоніи. Онъ купилъ эту колонію у англійскаго пра-

вительства, которое раздавало земли въ Америкѣ частнымъ лицамъ за опредѣленную плату и при этомъ вполне благонадежнымъ въ политическомъ отношеніи. Но Пэннъ былъ на дурномъ счету у правительства, какъ безстрашный оппонентъ религіозной нетерпимости Карла II и другъ всѣхъ угнетенныхъ за свободное выраженіе своихъ мнѣній. Только благодаря необыкновенному такту и уму, съ которыми дѣйствовалъ Пэннъ, ему удалось обойти всѣ препятствія и убѣдить правительство согласиться на его просьбу. Хартія на владѣніе колоніей была утверждена и выдана Пэнну; который, получивъ ее, пророчески воскликнулъ: «Богъ далъ мнѣ эту страну въ лицѣ всего свѣта. Онъ благословитъ мое начинаніе и сдѣлаетъ ее ядромъ великой націи.» Первымъ дѣломъ Пэнна было составленіе конституціи для новой страны при дѣятельномъ сотрудничествѣ англійскаго республиканца Сиднея. Сначала Пэннъ хотѣлъ взять за образецъ конституцію Джона Локка, составившаго ее для Каролины, но эта конституція страдала тѣмъ недостаткомъ, что она пыталась создать вѣчную систему законовъ, которая была-бы обязательна для всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Конституція эта потерпѣла рѣшительную неудачу и Пэннъ, по совѣту Сиднея, отступилъ отъ нея въ весьма существенныхъ пунктахъ. Пэннъ рѣшилъ, что его колонія будетъ свободнымъ демократическимъ государствомъ, которое должно развиваться само, согласно своимъ нуждамъ и потребностямъ, «ибо никто не могъ знать, какіе нужны народу законы, лучше тѣхъ людей, свобода, жизнь и состояніе которыхъ были затронуты.» Поэтому Пэннъ, отказавшись въ своей конституціи отъ законодательныхъ подробностей, выработку которыхъ онъ предоставилъ времени и мѣстнымъ условіямъ страны, принялъ въ основаніе своей правительственной системы только самые необходимые и неизбѣжные пункты. Законодательная власть находилась въ рукахъ народа; въ выборѣ депутатовъ, избравшихся тайной подачей голосовъ, участвовалъ каждый совершеннолѣтній чело­вѣкъ, ненаходившійся подъ судомъ, все равно, богатъ онъ или бѣденъ, такъ какъ никакого имущественнаго ценза не полагалось. Государство принимало на себя воспитаніе сиротъ; никто не могъ быть подвергнутъ личному задержанію за долги и т. д. Но конституціей не ограничилась роль Пэнна, какъ основателя Пенсильваніи; несравненно труднѣе была его практическая дѣятельность въ самой колоніи, гдѣ нужно было примѣнить конституцію на дѣлѣ, руководить на первое время администраціей, улаживать недоразумѣнія и самому оберегаться отъ подкоповъ сво-

ихъ враговъ и друзей, которые старались помѣшать успѣху его предпріятія въ видахъ личныхъ выгодъ.

Въ концѣ своей книги Гепвортъ Диксонъ приложилъ «Защиту Пэнна противъ Маколея», гдѣ онъ опровергаетъ весьма толково всѣ обвиненія, введеныя знаменитымъ историкомъ противъ Пэнна. Это лучшія страницы въ біографіи Пэнна, и Диксонъ, безспорно, оказалъ большую услугу Англіи, смывъ съ одного изъ ея великихъ людей позорное пятно, которымъ такъ легкомысленно запачкалъ его Маколей. Всѣ обвиненія Маколея фактически невѣрны и основаны на его личныхъ догадкахъ и смѣшеніи фамиліи Пэнна съ мистеромъ Пэнне, извѣстнымъ въ свое время шпиономъ, который былъ и душой всѣхъ придворныхъ плутней. Прочитавъ «Защиту» Диксона, не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что Маколей былъ введенъ въ непростительное заблужденіе относительно Пэнна, и общественное мнѣніе въ Англіи, привыкшее безусловно довѣрять компетентности своего историка, на этотъ разъ единодушно согласилось съ Диксономъ.

Природа. Популярный Естественно-Историческій Сборникъ. Книга I, съ 8 табл. и многими политипажами въ текстѣ. Москва. 1873 года.

Издатели этого Сборника, какъ видно изъ ихъ предисловія, задались весьма почтенной цѣлью періодически знакомить публику въ популярныхъ статьяхъ съ естественными науками. Трудно судить, насколько оправдается увѣренность издателей въ своевременности ихъ предпріятія, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ и серьезныхъ недостаткахъ оно для насъ все-таки не бесполезно, особенно въ настоящее время, когда мы развлекаемъ себя романами, — одинъ глуше другого, — и болѣе чѣмъ равнодушно относимся къ сочиненіямъ естественно-научнаго содержанія, къ которымъ еще такъ недавно восплали-было страстнымъ увлеченіемъ. Даже Дарвинъ, который даетъ жизнь всему современному естествознанію, не могъ спастись отъ бессмысленнаго хихиканья нашей яко-бы реальной критики. По отзывамъ, напр., «Отечествен. Запис.» оказывается, что идеи Дарвина не только для насъ ненужны и бесполезны, но отчасти и вредны, такъ какъ онѣ проникнуты духомъ буржуазности и филистерства. Этого мало;

органъ г. Краевского, вытанцовывающій чуть-ли не *тридцать пятое направленіе* въ своей жизни, приравниая Дарвина къ Оффенбаху, этому излюбленному дѣтищу парижскихъ кокотокъ и *petits-scevés*, и если не удостоился всеобщаго свиста, то единственно потому, что мы разучились смѣстать. Г. Михайловскій, напримѣръ, вовсе не скрываетъ этихъ симпатій, онъ упрекаетъ Дарвина въ томъ, что онъ съ свойственной ему скромностью ограничился лишь простымъ собираніемъ фактовъ, учтиво отстраняя приглашенія своихъ легкомысленныхъ учениковъ сопровождать ихъ въ прогулкахъ по туманнымъ высямъ отвлеченной философіи; онъ жалуется, что Дарвинъ не высказываетъ ни одной мысли, «не нагромождая факта на фактъ», что онъ не пытается заглянуть въ будущее, пока еще не разсѣянъ мракъ настоящаго. Г. Михайловскій ждалъ, что гениальный старецъ на склонѣ дней своихъ внемлетъ увѣщаніямъ такого глубокомысленнаго критика, какъ г. Михайловскій, (ибо онъ давно уже распекаетъ и усовѣщеваетъ Дарвина) и разразится, наконецъ, многогомыслнымъ трансцендентально-философскимъ трактатомъ о какихъ-нибудь «монадахъ», «идеалахъ человечества», «естественномъ ходѣ вещей» и тому подобныхъ деликатныхъ матеріяхъ, а между тѣмъ этотъ старецъ, не желая бродить въ туманъ спекулятивной философіи, упрямо держитъ въ своихъ рукахъ знамя реальной науки и продолжаетъ идти все тою-же стезей фактовъ, фактовъ и фактовъ. Да позволить мнѣ, читатель, привести нѣсколько характеристическихъ строкъ изъ отзыва г. Михайловскаго о послѣдней книгѣ Дарвина: «Дарвинъ, говоритъ г. Михайловскій,—бросилъ въ общество вѣрную идею, которая разрабатывается, развивается, истолковывается одними такъ, другими иначе. Что-же дѣлаетъ въ это время учитель? Сообщаетъ въ новомъ сочиненіи, что ему извѣстенъ одинъ случай, когда кроликъ откусилъ у другого кролика полхвоста, или что, во всѣхъ извѣстныхъ ему случаяхъ, кошка, находящаяся въ пріятномъ расположеніи духа, держитъ хвостъ коломъ вверхъ, загибая конецъ влево». И повѣрьте, г. Михайловскій, что всѣ ваши прошедшія, настоящія и будущія философскія борзописанія, какъ-бы вы или даже мы ни цѣнили ихъ, не стоятъ все-таки этой отъѣденной половины кроличьяго хвоста, а обличенная вами кошка дала Дарвину, а съ нимъ и обществу, несравненно больше, чѣмъ сколько вы съ Оффенбахомъ. Спрашивается, могла-ли литература, претендующая на порядочность, говорить тономъ г. Михайловскаго пять или семь лѣтъ тому назадъ, когда факты и опытъ были девизомъ

общественнаго міровоззрѣнія, могла-ли она, не возбудивъ всеобщаго смѣха, проповѣдывать презрѣніе къ фактамъ и не замѣтили-ли-бы ей, что всѣ факты, науки, взятые сами по себѣ, мелочны, и однакъ, большая половина нашихъ несчастій происходитъ именно оттого, что мы уносимся за облака, пренебрегая этими мелочами. Но для назвѣи настоящей критики все возможно, все прилично, и г. Михайловскій въ своей самодѣльной философіи можетъ съ ухарской развязностью предлагать своимъ читателямъ сбросить съ себя лишнее бремя фактовъ и, если угодно, заняться переложеніемъ оперетокъ Оффенбаха или предаться тому умственному кейфу, который благоугодно было полицей-философу Гегелю назвать *высшимъ умозрѣніемъ*... Въ самомъ дѣлѣ, что это за чернорабочій трудъ — заниматься хвостами кроликовъ; то-ли дѣло толковать о монадахъ и о причинѣ всѣхъ причинъ! Но толковать о монадахъ можетъ всякій, кого Богъ не обидѣлъ способностію диалектическаго переливанія изъ пустого въ порожнее, а собирать факты, группировать ихъ, освѣщать ихъ такими выводами, какими обогатилъ Дарвинъ современное знаніе — это дѣло вовсе нелегкое и, главное, не каждому по силамъ. Лучшимъ примѣромъ этого служить тотъ-же Дарвинъ. Онъ около пятидесяти лѣтъ занимается собираніемъ фактовъ въ подтвержденіе своей теоріи и все-таки ему часто приходится сознаться, что многого еще не достаетъ въ его богатѣйшей коллекціи для того, чтобы считать тотъ или другой вопросъ рѣшеннымъ. Впрочемъ, мы заговорили объ этомъ не съ тѣмъ, чтобы вразумить г. Михайловскаго, — это было-бы слишкомъ смѣлой надеждой, — а за тѣмъ, чтобы пожелать добраго успѣха всякому популярному изданію по естественнымъ наукамъ, если только оно заслуживаетъ этого названія.

Чего достигнуть въ этомъ направленіи издатели «Естественно-историческаго Сборника», трудно сказать, судя по первому опыту. Но если характеръ помѣщенныхъ ими въ I книгѣ статей не случайный и не результатъ отсутствія опытности, столь естественнаго въ началѣ всякаго дѣла, то едва-ли можно ожидать отъ дѣятельности издателей полезнаго воздѣйствія на умы читающей публики. Прежде всего отъ всѣхъ почти статей «Сборника» вѣетъ страшной скукой, всѣ онѣ трактуютъ о самыхъ крошечныхъ вопросахъ естествознанія, быть можетъ, новыхъ и вполне современныхъ въ наукѣ, но не представляющихъ рѣшительно никакого интереса для обыкновеннаго читателя, особенно въ томъ изложеніи, которое одно способно отбить всякую охоту къ чтенію. И на какихъ разумныхъ основаніяхъ

издатели, знакомящіе публику съ какими-нибудь вымершими и весьма гадательными «Сиватеріями», «Аркарами» и т. д., исключили изъ своего «Сборника» естественную исторію человѣка. Мы ничего не имѣли-бы противъ общаго естественно-историческаго направленія этого «Сборника», еслибъ только оно поставило цѣлью подготовить читателя къ правильному воззрѣнію на природу человѣка. Это было-бы даже весьма желательно въ настоящее время, когда публика обыкновенно начинаетъ знакомство съ естественными науками по какому-нибудь лечебнику отъ гемороя и дальше ухода за желудкомъ, за кожей и собственнымъ тѣломъ ничего не знаетъ и не видитъ во всей вселенной. Повидимому, издатели и желали сдѣлать свой «Сборникъ» свободнымъ отъ такой узкой тенденціозности, но за-то они впали въ другую крайность и ударились въ отвлеченную и мелочную специальность. Исключенія составляютъ развѣ публичныя лекціи объ астрономіи г. Бредихина, хотя и онѣ скорѣе написаны для университетскихъ слушателей, чѣмъ обыкновенныхъ смертныхъ. Статья г. Сѣверцова «Аркары» (горные бараны), конечно, одна изъ самыхъ осмысленныхъ и интересныхъ по связи ея съ нѣкоторыми пунктами ученія Дарвина о происхожденіи видовъ, но она загромождена кучей мелочныхъ соображеній и утомительныхъ географическихъ подробностей, и мы сомнѣваемся, чтобы кто-нибудь прочиталъ ее отъ начала до конца, хотя она и помѣщена въ популярномъ сборникѣ. Остальныя статьи написаны больше для собственного удовольствія авторовъ и едвали на что-нибудь годны не специалистамъ. Онѣ доказываютъ только, что и въ области естествознанія можно находить предметы для безцѣльнаго и скучнаго словозверженія, и что вопросы естествознанія только тогда получаютъ интересъ, если они служатъ отвѣтомъ на дальнѣйшія требованія и запросы науки. Въ этомъ отношеніи мы понимаемъ еще значеніе такихъ статей, какъ «Аркары» г. Сѣверцова, который далъ намъ не простое описаніе наружнаго вида и образа жизни этихъ животныхъ, но воспользовался ими, какъ отличнымъ средствомъ для доказательства справедливости основныхъ положеній ученія Дарвина. Г. Сѣверцовъ доказываетъ на основаніи географическаго расселенія дикихъ барановъ или аркаровъ, что различные виды ихъ образовались не вдругъ, но чрезъ постепенное дѣйствіе естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе, между особями, личныя и индивидуальныя признаки которыхъ выдѣлялись въ видовыя и затѣмъ утрачивались путемъ наследственности. Довольно любопытны также замѣчанія г. Сѣверцова о вліяніи чело-

вѣческой культуры на измѣненія въ организаціи дикихъ родичей нашего домашняго скота. Г. Сѣверцовъ полагаетъ, что выдѣленіе личныхъ индивидуальныхъ особенностей въ видовыя у дикихъ барановъ совершалось послѣ различныхъ геологическихъ переворотовъ исключительно почти внимательствомъ человѣка. Порабощая дикія стада барановъ, человѣкъ вытѣснялъ ихъ съ мѣста ихъ коренныхъ пастбищъ, значительная и лучшая часть которыхъ отходила во владѣніе одомашненнаго скота, и по мѣрѣ того, какъ послѣдній ширялся и множился, между его дикими родичами усиливалась борьба за существованіе, а естественный подборъ сортировалъ ихъ едва замѣтныя индивидуальные различія въ рѣзкія видовыя группы. Слабѣйшіе и малорогіе бараны уступали мѣсто лучше вооруженнымъ, но въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, слабѣйшіе, какъ болѣе приспособленные къ скуднымъ пастбищамъ, брали перевѣсъ надъ сильнѣйшими. Такого рода вліяніе скотоводства на процессъ происхожденія видовъ между дикими баранами подтверждается ихъ географическимъ распредѣленіемъ. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ скотоводство было неизвѣстно, какъ, напр., въ Америкѣ и въ полярной Сибири, аркары обладаютъ смѣшанными свойствами нѣсколькихъ азіатскихъ типовъ. Американскій аркаръ или толсторогъ есть какъ-бы сумма нѣсколькихъ азіатскихъ типовъ, и потому справедливо считается ихъ древнѣйшимъ прародителемъ. Въ Азіи, гдѣ скотоводство развилось сравнительно рано, сумма эта должна была распастись на свои составные члены подъ вліяніемъ естественнаго подбора, усиленнаго борьбой дикаго стада съ приврученными. Скотоводство-же произвело рѣзкую разницу между азіатскимъ аркаркомъ и горнымъ козломъ. Тѣснимые домашними овнами, дикіе бараны, съ своей стороны, налегали на козловъ и въ борьбѣ съ ними измѣняли и обособляли свою организацію, но въ Америкѣ этого не было, и потому американскій толсторогъ сохранилъ козлиный складъ. Обстоятельство это заставляетъ думать, что нынѣшнія породы, какъ дикихъ, такъ и домашнихъ барановъ и козловъ первоначально, можетъ быть, составляли одну дружную семью, каждаго члена которой можно назвать козлобараномъ. Г. Сѣверцовъ приводитъ множество и другихъ видовыхъ различій въ средѣ аркаровъ подъ дѣйствіе естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Вообще онъ сообщаетъ довольно цѣнный и, главное, свой собственный, живой матеріалъ, какъ для подтвержденія теоріи Дарвина, такъ въ частности для рѣшенія довольно сложнаго и малоуясненнаго зоологами вопроса о происхожденіи видовъ дикихъ барановъ и связи ихъ съ домашними. Еслибъ г. Сѣверцовъ позаботился объ обработкѣ

этого матеріала и сообщил своей статьѣ болѣе опрятный видъ, ее, безъ сомнѣнія, прочитали-бы съ большимъ любопытствомъ всѣ интересующіеся судьбой дарвиновской теоріи.

Въ остальныхъ статьяхъ читатель едва-ли найдетъ пищу своей любознательности, и едва-ли даже заглянетъ въ нихъ, если только ему не вздумается ни съ того, ни съ сего освѣдомиться о костяхъ и черепѣ нѣкаго звѣря Цератода и разслѣдовать, были-ли на маковкѣ вымершаго животного Сиватерія рога. Но намъ кажется, что не только читатель, но и самъ ученый, интересовавшійся костью для кости, рогами для роговъ, достойны только сожалѣнія. Также безсодержательны статьи объ африканской птицѣ «Секретарь» и «Носорогъ московскаго зоологическаго сада», хотя въ послѣдней статьѣ избытокъ содержанія выкупается нѣкоторой живостью описанія.

Въ заключеніе намъ остается только пожалѣть, что гг. Сабанѣевъ и Усовъ не позаботились о внутреннихъ качествахъ своего изданія, какъ позаботились они о его внѣшности, вполне безукоризненной и даже роскошной, при весьма, однако, умѣренной цѣнѣ (4 р. с.).

Общедоступныя Чтенія профессора Петтенкофера. Отношеніе воздуха къ одеждѣ человѣка. — Вентиляція жилищъ помѣщениій. — Почвенный воздухъ. Переводъ Ф. Лесгафта. Съ прилож. статьи проф. Китарры. Подтип. въ текстѣ. Спб. 1873.

Вотъ книга, заглавіе которой не обѣщаетъ, повидимому, увлечь читателя дальше скромнаго круга житейскихъ нуждъ и потребностей организма. Воздухъ, одежда, жилище, почва и отношеніе ихъ къ человѣку—таковы предметы, которымъ посвящаетъ профессоръ Петтенкоферъ свои лекціи. И однако, чтеніе этой книги производитъ впечатлѣніе, которое рѣдко выноситея изъ книгъ подобнаго содержанія, при всей легкости ихъ изложенія. Есть очень добросовѣстныя книги по естественной исторіи человѣка, фізіологіи, медицинѣ или гигиенѣ, которыя предлагаютъ читателю немало хорошихъ совѣтовъ и практическихъ свѣденій, съ помощью которыхъ такъ легко, казалось-бы, ориентироваться въ области повседневнои жизни. «Дѣлать то-то, и не дѣлать того-то, тутъ ограничить, тамъ расширить» поучается читатель изъ этихъ

книжечъ, и, нагруженный этими предписаніями, спокойно закрываетъ книжку, возсылая благодарность автору за его благіе совѣты. Но какъ только вы отвернетесь отъ книги и станете лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, всемогущая рутина снова втягиваетъ васъ въ себя и всѣ вычитанныя вами полезныя наставленія и практическія указанія вылетаютъ изъ вашей головы еще быстрѣе, чѣмъ они попали туда. Конечно, дѣло не въ недостаткѣ желанія, ибо нѣтъ такого глупца, который не зналъ-бы, что «здоровье есть величайшее благо жизни». Мы всѣ хлопочемъ о здоровьѣ, мы, быть можетъ, даже слишкомъ заботимся о благополучіи своего тѣла, мы готовы напередъ высчитать, какъ проценты съ затраченнаго капитала, ту практическую пользу, которую принесетъ намъ примѣненіе почерпнутыхъ свѣденій. И все-таки изъ этого не выходитъ никакого толку, не выходитъ потому, что недостаточно сказать больному: «возьми одръ твой и ходи», чтобы онъ всталъ и пошелъ, недостаточно ни благодѣтельной воли начальства, ни спасительныхъ совѣтовъ гігіены, чтобъ одушевить человѣка на гигантскую борьбу съ вѣковыми условіями его существованія и заставить его сдвинуть своими единичными силами цѣлую гору враждебныхъ вліяній, которыя окружаютъ его съ пеленокъ и согласно которымъ регулируется вся его жизнь. Срыть до основанія жилища и построить новыя, скинуть съ себя модный костюмъ и облечься въ гігіеническій плащъ, отказаться отъ принятаго образа жизни, распредѣлить свое время и занятія по правиламъ санитарнаго масштаба, приучить себя къ новой діетѣ, перевернуть, словомъ, вверхъ дномъ вѣками освященную практику и заново перестроить жизнь— вотъ съ чѣмъ сопряжена эта борьба. Для такой борьбы нужна энергія возбужденной мысли, сила убѣжденія, сознаніе нѣкотораго величія опасности, нужно кое-что пошире и поглубже практическихъ соображеній о мясномъ бульонѣ Либиха. Если книга, которая берется научить васъ разумному образу жизни, не заронитъ въ васъ ни одной искры такой энергіи, если она не задѣнетъ васъ за живое, но замкнетъ вашу мысль въ узкую сферу ремесленнаго эмпиризма, обречетъ ее категорическими предписаніями на пассивное повиновеніе школьника, не ожидайте никакихъ плодовъ отъ чтенія такой книги: ничего вы изъ нея не вынесете, вы будете спокойно и ежеминутно нарушать основные законы гігіены и фізіологіи въ то время, какъ съ полки вашей бібліотеки будутъ насмѣшливо смотрѣть на васъ разные лечебники и практическія руководства всѣхъ этихъ Бокковъ, Соссеротовъ и т. п. Безжизненное слово ихъ сухой и мертвой морали не потревожитъ вашѣго ума и не сорветъ съ вашихъ глазъ той съ-

рой пелены, сквозь которую уныло глядятъ они на пасмурные будни житейской прозы, заставляя васъ апатично относиться къ ихъ докторальнымъ наставленіямъ и махать рукой на всѣ увѣщанія и приглашенія науки.

Ни одно изъ появившихся въ послѣднее время популярныхъ сочиненій по медицинѣ или гигиенѣ не даетъ понятія о высокихъ достоинствахъ «Общедоступныхъ Читеній» профессора Петтенкофера. Начиная отъ изложенія, увлекательнаго въ своей простотѣ и силѣ, до выбора научнаго матеріала, это нѣчто совершенно самобытное, до того непохожее на извѣстныя намъ сочиненія этого рода, что, читая о такихъ избитыхъ и общеизвѣстныхъ предметахъ, какъ воздухъ или гигиена одежды и жилища человѣка, вы какъ будто вступаете въ новооткрытый міръ явленій, которыхъ не касался еще пытливый умъ ученаго. А между тѣмъ, совокупность этихъ явленій, воспроизведенныхъ въ широкой и яркой картинѣ, необыкновенно важна. Каждый день, каждую минуту происходятъ они вблизи васъ, прямо передъ вашими глазами, — и вы ничего не знаете о нихъ, вы стоите въ центрѣ бурнаго круговорота этихъ явленій и не предчувствуете, въ какой рабской зависимости держать они васъ, ваше здоровье, вашу жизнь. Любой театралный эффектъ не заставитъ такъ встрепетнуться вашъ умъ, какъ этотъ неожиданный наплывъ новыхъ понятій и идей, важностью которыхъ вы проникаетесь все больше и больше, слѣдя съ лихорадочнымъ вниманіемъ за талантиливымъ разсказомъ профессора. Однимъ словомъ, «Общедоступныя Читенія» Петтенкофера—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ строго-научнаго содержанія, которыми можно зачитаться и послѣ которыхъ вы ощущаете нѣчто въ родѣ угрызения совѣсти за собственное невѣжество.

Цѣль «Общедоступныхъ Читеній» профессора Петтенкофера состоитъ вовсе не въ томъ, чтобъ сообщить читателямъ какъ можно больше практическихъ свѣденій въ примѣненіи къ потребностямъ обыденной жизни; хотя, прочитавъ внимательно лекціи Петтенкофера, читатель выведетъ изъ нихъ путемъ самостоятельнаго размышленія столько полезныхъ и чисто практическихъ результатовъ, что онъ вполне будетъ обезпеченъ отъ необходимости выслушивать совѣты разныхъ шарлатановъ, которыхъ столько расплодилось въ ученомъ вертоградѣ. Но прежде чѣмъ добраться до обѣтованной области практическихъ усовершенствованій и полезныхъ примѣненій, необходимо пройти путь общаго образованія, — путь, который, благодаря таланту Петтенкофера, вовсе не такъ тѣсенъ и тернистъ, какъ это,

обыкновенно бывает у тѣхъ ученыхъ, которые имѣютъ особенную привиллегію быть скучными.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна лекція Петтенкофера о вліяніи воздуха на одежду человѣка. Вы видите здѣсь, какъ изъ такихъ простыхъ факторовъ, какъ воздухъ, одежда и человѣческая кожа, слагается по истинѣ волшебное разнообразіе явленій, съ которыми вы невольно знакомитесь ради ихъ внутренняго интереса, независимо отъ важности той роли, которую они играютъ въ благосостояніи вашего тѣла. И тѣмъ сильнѣе затрогивается ваше любопытство, что для пониманія описываемыхъ процессовъ нужно знаніе самыхъ элементарныхъ началъ физики и физиологій, такъ что не разъ, вѣроятно, вы удивитесь, какъ это вамъ никогда не приходила на умъ возможность тѣхъ простыхъ и незамысловатыхъ явленій, о которыхъ вы узнаете теперь изъ книги Петтенкофера. Сколько времени носите вы одежду, сколько заботъ прилагаете къ своему туалету, и все-таки вы не знаете его истиннаго назначенія и внѣ моды, обычая и прихотливой фантазіи портного или его ножницъ не въ состояніи отнестись критически къ своему костюму. Можетъ быть, читателю покажется смѣшнымъ стремленіе науки установить критическую точку зрѣнія на его сюртукъ, брюки, жилетъ и т. п., но онъ не имѣетъ права на этотъ смѣхъ, если онъ не видитъ ничего смѣшнаго въ заботахъ о томъ, чтобы въ его желудкѣ лежало, вмѣсто гнилого, свѣжее и удобоваримое мясо. И, конечно, никто изъ читателей Петтенкофера не найдетъ этой аналогіи неподходящей или преувеличенной. Дѣйствительно, одна изъ главныхъ заслугъ его лекцій состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти въ первый разъ разъяснено громадное значеніе одежды для человѣческаго тѣла, — значеніе, которое можно только сравнить съ общепризнанной важностью пищи. Физиологическія отправленія одежды тождественны функціямъ пищи, а сама одежда есть лишь продолженіе поверхности нашего тѣла, нѣчто въ родѣ искусственной кожи, которую мы заставляемъ мерзнуть вмѣсто себя, какъ остроумно объясняетъ профессоръ Петтенкоферъ. Роль пищи состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что она даетъ матеріалъ разнообразнымъ химическимъ процессамъ, результатомъ которыхъ является главнымъ образомъ развитіе теплоты въ тѣлѣ. Но химическіе процессы не могутъ правильно совершаться при недостаточной или сильно колеблющейся температурѣ тѣла, и на этомъ основаніи въ организмѣ здороваго человѣка теплота крови должна стоять на одной и той же высотѣ (37° Ц.). Это постоянство температуры достигается ежедневнымъ употребленіемъ пищи, но пища находятъ сильнаго про-

тивника своей полезной работѣ въ окружающей средѣ, которая стремится нагрѣться на ея счетѣ. Мы дѣйствительно отдаемъ окружающему воздуху часть своей теплоты или часть съѣденной нами пищи, но за то остальную, львиную часть оставляемъ себѣ и за нее готовы бороться до послѣдней капли крови. И нельзя, конечно, не бороться, потому что чуть только понизится температура крови больше, чѣмъ на 2—3 градуса, и мы стоимъ на дорогѣ къ смерти. Вотъ здѣсь-то на выручку тѣлу является одежда, безъ которой тепло было-бы немедленно отнято у насъ воздухомъ, который всегда бѣднѣе имъ, чѣмъ мы, по крайней мѣрѣ въ нашихъ широтахъ. Впрочемъ, для охраненія тепла въ тѣлѣ, къ нему приставленъ еще и другой стражъ, хотя не столь вѣрный и надежный, какъ одежда. Лишь только потеря теплоты достигнетъ извѣстнаго предѣла, какъ тотчасъ-же возбуждается къ дѣйствию цѣлая система особыхъ нервовъ, работа которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы управлять теченіемъ крови въ сосудахъ посредствомъ суженія или расширенія ихъ. Отъ холода нервы заставляютъ сокращаться тонкія волокна мышцъ, находящихся въ стѣнкахъ сосудовъ, а сокращеніе мышцъ производитъ суженіе стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ. Поэтому къ кожѣ притекаетъ меньше крови и расходъ тепла уменьшается. Но, разумѣется, кровь хотя медленно, но все-таки будетъ двигаться въ сосудахъ, иначе невозможна была-бы жизнь, слѣдовательно, потеря теплоты только уменьшается, но далеко не прекращается вполне. Такимъ образомъ, нельзя полагаться на одну самостоятельность нашего организма, но необходимо вмѣшательство регулирующей силы культуры и цивилизаціи, хотя опытъ показываетъ, что иногда можно развить эту самостоятельность до весьма значительной степени, прибѣгая къ такъ-называемому *заирубѣнію* кожи, или, если можно такъ выразиться, къ эманципированію ея отъ одежды. Насколько полезно или вредно это эманципированіе (конечно частное, а не полное), еще не рѣшено наукой, хотя, какъ извѣстно, оно практикуется давно и въ весьма почетныхъ разиѣрахъ немущими классами нашего населенія. Профессоръ Петтенкоферъ думаетъ, что слѣдуетъ вооружиться этой способностью и всегда держать ее на готовѣ, «но, прибавляетъ онъ, — не слѣдуетъ постоянно употреблять ее въ дѣло. Главная цѣль культуры заключается въ достиженіи наибольшаго дѣйствія при наименьшей затратѣ средствъ; нужно постоянно заботиться о надлежащемъ выборѣ средства, необходимаго для достиженія поставленной цѣли, не исчерпывая при этомъ нашихъ силъ, свѣжій запасъ которыхъ намъ необходимъ для достиженія *высшихъ цѣлей*. На основаніи этихъ сооб-

раженій необходимо, при разрѣшеніи вопросовъ, задаваемыхъ намъ нашею теплотною экономіею, предпочесть во всѣхъ случаяхъ употребленіе платья всякому излишнему загроубнiю. Истрачивать по-напрасну силы тѣла не только совершенно излишне, но оно, кромѣ того, рѣшительно вредно». Мы думаемъ, однако, что, и безъ стремленія къ высшимъ цѣлямъ, костюмъ счастливыхъ прародителей не совсѣмъ удобенъ нашему грѣшному тѣлу, и что чѣмъ больше мы подражаемъ этому костюму, тѣмъ болѣе подвергаемся грустнымъ послѣдствіямъ. Правда, что холодъ, какъ-бы изъ состраданія, сжимаетъ кровеносные сосуды тѣла и тѣмъ уменьшаетъ потерю тепла, но не слѣдуетъ забывать, что въ то-же время часть тепла расходуется на сокращеніе мышцъ, какъ на всякую механическую работу, слѣдовательно, то, что съэкономитъ холодъ, истратится нашимъ-же тѣломъ, и если въ концѣ-концовъ тѣло меньше охладится, то за то истощится нѣкоторое количество живыхъ силъ организма.

Итакъ, къ сожалѣнію, нагота—плохой видъ одежды, хотя едва-ли самый плохой, потому-что съ ней могутъ еще поспорить рубища бѣдняка. Чтобы рѣшить, на чьей сторонѣ тутъ преимущество, слѣдуетъ выяснитъ себѣ гигиеническое значеніе *нормальной* одежды. Если-бы окружающій воздухъ имѣлъ температуру нашей крови, то, очевидно, тѣло нисколько не теряло-бы своей теплоты, но этого не бываетъ; въ самые жаркіе дни, всегда существуетъ *разница* въ температурѣ тѣла и окружающаго воздуха, и одежда главнымъ образомъ и должна сдѣлать насъ нечувствительными къ этой разницѣ. Прежде всего она замедляетъ передачу тепла воздуху, но этимъ не ограничивается ея значеніе. Обыкновенно полагаютъ, что одежда должна предохранить или разобщить насъ отъ окружающаго воздуха, но это совершенно ошибочно. Напротивъ, платье только тогда удовлетворяетъ требованіямъ гвигіены, если чрезъ него свободно проникаетъ воздухъ къ поверхности нашего тѣла. Но такъ-какъ платье нагрѣвается тѣломъ, то воздухъ, проходящій чрезъ отверстія и поры одежды, также нагрѣвается ею и, прикасаясь къ кожѣ, почти нисколько не охлаждаетъ ее. Поэтому-то профессоръ Петтенкоферъ сравниваетъ платье съ печью, которая отапливается теплотой тѣла и, въ свою очередь, нагрѣваетъ слой воздуха, достигающаго поверхности кожи. Теперь понятно, что когда у человѣка этой печи вовсе нѣтъ, то положеніе тѣла его весьма грустное. Теплота крови передается быстро и въ большомъ количествѣ воздуху, и притомъ на весьма чувствительной поверхности нашей кожи, снабженной многочисленными нервами. Кромѣ того къ тѣлу, какъ болѣе теплому, чѣмъ окружающая среда,

устремляется потокъ воздуха, который, нагрѣвшись, поднимается вверхъ и уступаетъ мѣсто другому болѣе холодному слою. Такимъ образомъ, въ самую тихую, безвѣтряную погоду около тѣла, непокрытаго одеждой, бушевалъ-бы сильный вѣтеръ, а чѣмъ сильнѣе движеніе воздуха около нагрѣтаго тѣла, тѣмъ больше онъ отнимаетъ отъ него теплоты. Вотъ, слѣдовательно, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находится голое тѣло человѣка. Но замѣтите, однако, что совершенно голое тѣло подвергается равномерному охлажденію, вѣтеръ свирѣпствуетъ въ каждой его точкѣ и кровеносные сосуды сокращаются по всей поверхности кожи. Если-же тѣло прикрыто одеждой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то, чтобы получить понятіе объ опасности, которая ему угрожаетъ, представимъ себѣ, что мы находимся въ жарко нагрѣтой комнатѣ и стоимъ какъ разъ противъ раскрытой форточкы, откуда устремляется потокъ холоднаго воздуха на наше разгоряченное тѣло. Понятно, что самая крѣпкая натура не выдержитъ такого опыта и поплатится тифомъ, воспаленіемъ легкихъ, лихорадкой и т. д. Но, разумѣется, положеніе тѣла значительно выгоднѣе, если оно находится въ совершенно нетопленной комнатѣ, чѣмъ въ комнатѣ жаркой съ раскрытой форточкой. Читатель понимаетъ, что человѣкъ, покрытый дырчатыми рубищами или обутый въ разорванные сапоги, въ которые забирается вода и грязь совершенно свободно, — такой оборвышъ воспроизводитъ своимъ костюмомъ жарко-нагрѣтую комнату съ раскрытой форточкой, и потому онъ рискуетъ каждую минуту схватить одну изъ упомянутыхъ болѣзней. Отсюда можно думать, что если между бѣдными классами населенія появляется въ огромныхъ размѣрахъ тифъ или возвратная горячка, то едва-ли справедливо приписывать ихъ исключительно таинственнымъ вліяніямъ эпидеміи и разнымъ неуловимымъ причинамъ. Если тифъ обнаруживается періодически, то, быть можетъ, ходомъ его управляютъ колебанія въ матеріальномъ достаткѣ народонаселенія, неимѣющаго возможности соразмѣрять свою одежду съ различными колебаніями температуры.

Мы остановились нѣсколько долго на одеждѣ человѣка, потому-что на нее обращается вообще очень мало вниманія. Когда экономистъ разбираетъ по ниточкѣ незавидное положеніе рабочаго класса, то его поражаетъ главнымъ образомъ низкая заработная плата, недостатокъ пищи и отвратительныя жилища. Но одежда всегда считалась пустякомъ, ничтожной каплей въ необъятномъ морѣ нищеты. Разумѣется, такой взглядъ на одежду совершенно несправедливъ. Если признано, что жилища составляютъ предметъ первой необходимости, то, ужь

конечно, и одежда должна быть причислена къ тому-же разряду первыхъ и необходимѣйшихъ потребностей мало-мальски нормальнаго существованія чловѣка. Въ гигиеническомъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы между одеждой и жилищемъ. Стѣны вашей комнаты дѣйствуютъ на тѣло такъ же, какъ прикрывающее его платье. «Платье и палатка, говоритъ Петтенкоферъ, — стоятъ весьма близко другъ къ другу. Широкий и тяжелый плащъ, который въ прежнія времена столь часто употреблялся, можно-бы назвать палаткою, постоянно носимою нами съ собою; палатку-же можно-бы назвать прикрѣпленнымъ къ мѣсту плащемъ, въ который мы одеваемся, въ который мы входимъ всѣмъ нашимъ тѣломъ, на подобіе того, какъ мы вдѣваемъ руки наши въ рукава сюртука. Шляпа есть крыша одежды, крыша-же головной покровъ жилища». Даже въ вѣкоторыхъ случаяхъ одеждѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ жилищемъ. Если-бы былъ поставленъ вопросъ, снабдить-ли бѣдныхъ дровами для отопленія ихъ жилищъ, или за ту-же цѣну купить имъ хорошую одежду, мы посоветовали-бы послѣднее, ибо хорошая одежда заключаетъ въ себѣ столько сажень дровъ, что самый чувствительный филантропъ не согласился-бы на такую жертву. Но одежда не только достойна стоять на ряду съ жилищемъ, но она можетъ состязаться даже съ пищей. Если вы увѣрены, что ваша касса будетъ расхищена, когда вы оставите ее открытой, то хорошій замокъ къ сундуку, гдѣ хранится ваше имущество, для васъ такъ же дорогъ, какъ само имущество. Переработавъ пищу посредствомъ химическихъ процессовъ въ теплоту, необходимо привѣситъ къ тѣлу крѣпкій замокъ, покрыться хорошей одеждой, ибо воздухъ готовъ воспользоваться малѣйшей вашей оплошностью и похитить у вашего тѣла главное его сокровище—теплоту.

Что касается жилища и почвеннаго воздуха, то объ этихъ предметахъ профессоръ Петтенкоферъ рассказываетъ также весьма обстоятельно и съ обычнымъ своимъ остроуміемъ. Лекція о почвенномъ воздухѣ любопытна въ томъ отношеніи, что изъ нея читатель узнаетъ едва-ли не въ первый разъ, какое важное значеніе имѣетъ въ обыденной жизни чловѣка почва и сколько содержитъ она условій для различныхъ болѣзней и эпидемій. О связи воздуха съ жилищемъ читатель, вѣроятно, столько уже слышалъ и узналъ по поводу, напр., сырости, вентиляціи или топки печей, что, пожалуй, онъ сочтетъ эту лекцію не слишкомъ интересной для себя. Но онъ ошибется, ибо эта лекція дастъ ему множество совершенно новыхъ и весьма солидныхъ свѣденій, а то, что онъ зналъ прежде, возобновится въ памяти

его въ живыхъ и любопытныхъ формахъ. Профессоръ Петтенкоферъ спеціально посвятилъ свою дѣятельность вопросамъ общественнаго здравія и въ настоящее время пользуется вполне заслуженной славой лучшаго гигиениста Европы. Всѣ свѣденія, которыя онъ сообщаетъ, суть результаты его личныхъ наблюденій и проверены многочисленными опытами, но, какъ искусный и истинный популяризаторъ, онъ заставляетъ усваивать не одни конечные выводы своихъ изслѣдованій, не одни верхи, имѣющіе то или другое значеніе въ практической жизни, но болѣе широкія истины изъ области физики и физиологій въ приложеніи ихъ къ повседневной практикѣ. Въ этомъ-то и заключается несомнѣнное достоинство книги Петтенкофера. Съ одной стороны, она даетъ возможность читателю самому вывести изъ общихъ критеріевъ науки необходимые для него практическіе результаты, съ другой, она отбиваетъ всякую охоту обращаться за ними къ авторамъ медицинской практики и тѣмъ суживаетъ поле ихъ алчной предпріимчивости и эксплуатаціи. — Переводъ книги Петтенкофера весьма хорошъ и цѣна изданія сравнительно не высока.

Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла. Популярная физиологія съ 276 рисунками въ текстѣ, профессора медицины К. Реклама.

«Давно замѣчено, что люди ни о чемъ не спорятъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ о томъ, чего не понимаютъ». Этимъ справедливымъ замѣчаніемъ начинается одна изъ главъ разбираемаго нами сочиненія. Дѣйствительно, самые горячіе и нескончаемые диспуты и противорѣчія поднимаются изъ-за такихъ вопросовъ, которые еще смутно бродятъ въ нашемъ сознаніи и могутъ разрѣшаться по личному вкусу или пониманію каждаго, то въ ту, то въ другую сторону. Современная медицина—эта *alma mater* всѣхъ человѣческихъ знаній, основанныхъ на грубомъ и кое-какъ собранномъ матеріалѣ чисто опытныхъ наблюденій,—такъ богата всевозможными спорными вопросами, что нѣтъ такой нелѣпой гипотезы, которую-бы она не приютила у себя. Для однихъ она—мифъ, неимѣющій въ себѣ ничего реальнаго; для другихъ—она величайшее благодѣяніе человѣчества. Не смотря на нѣсколько вѣкозъ своего практическаго примѣненія въ жизни народовъ, она, по мнѣнію лучшихъ ея представителей, не

имѣть ни малѣйшаго вліянія на убыль смертности и, слѣдовательно, остается «искусствомъ для искусства», между тѣмъ, какъ защитники ея не позволяютъ намъ ни одного шага сдѣлать безъ того, чтобы не посоветоваться съ врачомъ. Кого-же слушать? И гдѣ искать истины? Тѣ-ли правы, которые отвергаютъ медицину, какъ науку, и даютъ ей значеніе не болѣе, какъ чисто-практическаго ремесла, разработаннаго преемственно сословіемъ врачей, или тѣ, которые возводятъ ее на пьедесталъ «матери всѣхъ знаній»? Мы думаемъ, что и тѣ, и другіе не правы. Медицина, какъ наука, дѣйствительно мифъ и ей принадлежитъ будущему, но, какъ знаніе опытное, имѣющее за собою цѣлый рядъ собранныхъ фактовъ и наблюденій, она имѣетъ полное право на наше вниманіе. Въ этомъ все ея противорѣчіе и та двуличная роль, которую она играетъ передъ судомъ современнаго точнаго знанія. Когда вы приглашаете врача къ постели больного и спрашиваете его, въ чемъ заключается причина болѣзни, гдѣ ея источникъ?—добросовѣстный врачъ отвѣтитъ вамъ, что онъ этого не знаетъ, что причины болѣзней — это такая темная область, въ которой медицина бродитъ ощупью, а между тѣмъ тотъ-же врачъ не задумается предложить больному то или другое средство, угоститъ его тѣмъ или другимъ сортомъ микстуры. Но какъ-же это,—думаете вы,—не знать причины явленія и браться не только судить о немъ, но и рѣшать его на чувствующемъ живомъ организмѣ? Есть-ли тутъ хоть капля здраваго смысла? Къ сожалѣнію, есть, проникательный читатель. Врачъ не знаетъ, что именно происходитъ въ вашемъ организмѣ, какія видоизмѣненія принимаетъ ваша болѣзнь,—не знаетъ-же онъ этого потому, что строеніе и вся физиологическая жизнь вашего тѣла еще плохо извѣстны, но онъ знаетъ хорошо, что лечить васъ нужно, и лечитъ на основаніи чистаго опыта. Если Богъ поможетъ вамъ умереть, врачъ, пожимая плечами, скажетъ, что болѣзнь ваша была неизлечима; если-же вы поправитесь, онъ припишетъ это счастливое событіе мудрости своей науки. Такимъ образомъ, и вы спасены, и медицина торжествуетъ. Въ Турціи есть обыкновеніе интересоваться, кѣмъ разрѣшится беременная женщина—мальчикомъ или дѣвочкой, и вопросъ этотъ предлагается врачу. Чтобы не попасть въ просакъ, врачъ отмѣчаетъ гдѣ-нибудь на косякѣ: *сынъ*, а на стѣнахъ общается родителямъ: *дочь*. Если дѣйствительно родится дочь,—значитъ, медикъ предсказалъ вѣрно; если-же сынъ, то онъ подводитъ отца къ косяку и показываетъ ему, что имя было отмѣчено именно такъ, какъ и случилось. Собственно говоря, вся медицинская прак-

тика сводится къ этому мудрому предугадыванію нашихъ наследственныхъ, родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ недуговъ.

У готентотовъ эта практика совершается нѣсколько проще. Если человѣкъ заболѣлъ, напримѣръ, лихорадкой, то его кладутъ на солнце вверхъ лицомъ и начинаютъ бить по животу такъ усердно, что если больной не умретъ подъ ударами, то выздоровѣетъ отъ нихъ; это называется у готентотовъ «выжиманіемъ болѣзни», какъ навожденія злого духа. Въ нашемъ крестьянскомъ быту такъ-же практикуется съ женщинами, трудно разрѣшающимися отъ бремени. Ихъ несутъ въ бани и *вытряхиваютъ* изъ нихъ ребенка, что, обыкновенно, сопровождается смертью и матери, и младенца. Но кто наблюдалъ въ госпиталяхъ и клиникахъ за ходомъ леченія трудныхъ болѣзней, особенно такого загадочнаго свойства, какъ нервныя болѣзни, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами, что готентоты не особенно отстаютъ отъ европейской медицины.

Все это, впрочемъ, мы говоримъ не въ судъ и осужденіе этого благодѣтеля человѣчества, не ради обличенія врачебнаго искусства, а единственно ради того, чтобы доказать, что медицина, какъ практика, и медицина, какъ наука, вовсе не родныя сестры, а отчаянные враги между собою. Если первая ни передъ чѣмъ не останавливается, угощаетъ васъ всевозможными рвотными и слабительными, сажаетъ васъ подъ пневматическіе колокола и часто безъ толку ломаетъ вамъ ребра, то все это она практикуетъ большею частію на-угадъ; совсѣмъ иначе дѣйствуетъ вторая. Она во всемъ еще сомнѣвается, всего боится и, не желая мучить васъ напрасно, ищетъ научныхъ основаній своимъ догадкамъ и предположеніямъ. Она говоритъ откровенно: я почти ничего не знаю, и потому не берусь рѣшать участи больного. Я совѣтую разсчитывать на меня только въ крайности и всѣми силами стараться предупредить болѣзни. Пока фізіологія и социальныя науки не поставятъ меня своими фактами и открытіями на твердую почву, я буду блуждать въ потемкахъ и лечить человѣчество на-угадъ.

То же самое говорить и Рекламъ, съ которымъ наша читающая публика уже знакома по его «Популярной гігіенѣ». Вышедшій выпускъ «Строенія и жизни человѣческаго тѣла» исключительно посвященъ *животной жизни* человѣка; въ немъ говорится о головномъ и спинномъ мозгѣ, о нервной жизни, о чувствахъ. Все эти вещи до такой степени важныя и интересныя, что я нахожу полезнымъ нѣсколько поговорить о нихъ здѣсь, на сколько мнѣ позволятъ размѣры библіографической статьи. Считаю за лучшее не придерживаться при этомъ одного сочиненія

Реклама, но указать читателю нѣкоторые факты и изъ другихъ источниковъ.

Мы привыкли обыкновенно относить различныя явленія вовсе не туда, куда слѣдуетъ, и объяснять ихъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Такъ, напр., мы твердо убѣждены, что сердце почему-то должно чувствовать и даже страдать, какъ о томъ намъ доподлинно извѣстно изъ многихъ чувствительныхъ романсовъ. Намъ никакъ не хочется признать, что сердце не болѣе, какъ полый мускулъ, играющій въ нашемъ организмѣ, относительно крови, роль всасывающаго и толкающаго насоса. Поэтому мы часто употребляемъ слова, сами по себѣ неимѣющія опредѣленнаго значенія и въ которыхъ мы сами не отдаемъ себѣ никакого отчета; сюда принадлежатъ, напримѣръ, выраженія: жизненная сила, психическая жизнь, горячая и холодная кровь и т. д. Поэтому, начиная говорить о животной жизни чело-вѣка, постоянно приходится напоминать, что головной мозгъ есть средоточіе всей нашей нервной системы, которой онъ поэтому и управляетъ, вліяя посредствомъ сложной сѣти нервовъ, расположенныхъ по всему тѣлу, на процессы кровообращенія, дыханія, пищеваренія, выдѣленіе и другія; что отправленія этого органа составляютъ то, что мы называемъ волей, чувствомъ, сознаниемъ; что, наконецъ, отдѣльные нервно-мозговые узлы, лежащіе въ различныхъ частяхъ тѣла и управляющіе процессами такъ называемой *растительной жизни* (питаніе, движеніе сердца, кишекъ и т. д.), совершающимися безъ прямого участія головнаго мозга, — все-же находятся въ связи съ нимъ, а спинной мозгъ находится даже въ непосредственной отъ него зависимости. Все это вещи крайне простыя, но которыя еще не вполне ориентировались въ общественномъ сознаніи. Слѣдовательно, волей-неволей приходится терять время на ихъ повтореніе.

Еще до настоящаго времени многое остается для науки неизвѣстнымъ и неразъясненнымъ. Къ числу этого «многаго» прежде всего слѣдуетъ отнести вопросы, касающіеся отправленія мозговыхъ центровъ и вообще нервной жизни чело-вѣка. Впрочемъ, этимъ отнюдь не слѣдуетъ смущаться. Если мы не знаемъ *еще всего*, то во всякомъ случаѣ мы знаемъ *кое-что*, и можно смѣло сказать, что съ каждымъ днемъ наблюденіе и опытъ расширяютъ нашъ кругозоръ. А вспомнивъ, что всего какихъ нибудь 30 лѣтъ тому назадъ Шванъ открылъ животную клѣтку, указавъ на ея аналогію съ растительною (Mikroskop. Untersuchung, 1839), и что цѣлые самостоятельные отдѣлы медицины и естествознанія, каковы, напр., целлюлярная патологія (cellula—клѣтка) и гистологія (микроскопич. ана-

томіа) — науки весьма юныя, нельзя не согласиться, что успѣхи знанія дѣйствительно быстры и плодотворны. Еще въ прошломъ столѣтіи мы не знали ровно ничего о причинахъ ощущенія, сознательнаго движенія, о строеніи и ходѣ нервовъ и т. д. Но въ концѣ XVIII столѣтія швейцарскій естествоиспытатель Альбрехтъ-фонъ-Галлеръ далъ наукѣ своими опытами надъ животными такіе факты, изъ которыхъ можно было заключить, что существуетъ извѣстная проводимость впечатлѣній по нерву и что ощущеніе и сознаніе сосредоточиваются въ мѣстѣ окончанія нервовъ — въ мозговыхъ центрахъ и главнымъ образомъ въ головномъ мозгу. Затѣмъ уже въ 1811 г. англичанинъ Чарльзъ Бэлль опредѣлялъ отправленіе корешковъ спинныхъ нервовъ, показавъ, что передніе изъ нихъ принадлежатъ *двигательнымъ*, а задніе — *чувствительнымъ нервамъ*. Это открытіе, разграничивавшее способности нервныхъ нитей, было важнымъ пріобрѣтеніемъ для фізіологіи. Идя постепенно далѣе, вооруженная микроскопомъ, скальпелемъ, еислотами и другими орудіями изслѣдованія, наука пріобрѣтала все новые факты, обобщала ихъ и дѣлала изъ нихъ выводы, которые опять-таки провѣряла опытомъ. Такимъ образомъ мы узнали различныя отправленія отдѣльныхъ нервныхъ центровъ, различныхъ частей головного и спинного мозга и связь ихъ всѣхъ между собою. Узнали мы, на сколько спинной мозгъ и другіе нервные узлы могутъ дѣйствовать самостоятельно и на сколько всѣ они зависятъ отъ главнаго регулятора всѣхъ жизненныхъ отправленій нашего тѣла — головного мозга. Отсюда уже не трудно было вывести общія основанія гигиеническихъ условій для извѣстныхъ органовъ животной жизни.

Одновременно съ этимъ изслѣдовали физическое строеніе и химическій составъ нервныхъ волоконъ, измѣненія, происходящія въ нихъ отъ дѣйствія кислотъ, щелочей, электричества, свѣта, звука, перемены температуры и т. д. При этомъ нашли, напр., что существенная часть нервного мозга — студенистой массы, содержащейся въ тонкой эластической нервной оболочкѣ, состоитъ изъ жира и бѣлковаго вещества, кромѣ воды, такъ какъ ее, конечно, болѣе всего, ибо изъ общаго вѣса нашего тѣла около 70% приходится на ея долю. «Жиръ облегчаетъ дѣятельность нервовъ, потому что относительно богатое содержаніе жира всегда встрѣчается въ тѣхъ нервахъ, дѣятельность которыхъ энергичнѣе и совершеннѣе» (Рекл., стр. 105). «Главный признакъ жизни, конечно, способность ощущенія нервовъ. Но нервное волокно не можетъ существовать безъ жира», замѣчаетъ между прочимъ и Молешотъ («Kreislauf des Lebens»). Поэтому головной мозгъ чело- вѣка содержитъ въ себѣ наибольшее количество жира, сравнительно

съ мозгомъ другихъ животныхъ; кромѣ того, сравнивая процентное содержаніе его въ головномъ мозгу различныхъ индивидуумовъ и въ различные возрасты (напр., см. таблицу въ «Физиологін челоуѣка» Дрепера, изд. 1868 г., ч. 2, стр. 28) мы видимъ, что у взрослыхъ его болѣе, чѣмъ у юношей и старцевъ, у юношей-же болѣе, чѣмъ у дѣтей, и что вообще чѣмъ усиленнѣе работа головного мозга, тѣмъ болѣе онъ содержитъ въ себѣ жира. Все предъидущее можно въ полной мѣрѣ отнести и къ содержанію въ мозгу фосфора, такъ какъ онъ входитъ въ большинство случаевъ въ составъ жира, образуя фосфористый жиръ. Отсюда понятна значительная доля справедливости въ извѣстной фразѣ Молашота: «нѣтъ мысли безъ фосфора», надѣлавшей столько шуму. Изслѣдуя скорость проводимости впечатлѣнія по нерву, нашли, что она равняется у челоуѣка 90 футамъ въ секунду (Рекл., стр. 115), а на основаніи этого опытомъ и вычисленіемъ убѣдились, на сколько замедляется умственная работа при возрастающей ея сложности, сколько времени требуется, чтобы воспринять извѣстное впечатлѣніе, сознать его и сдѣлать соотвѣтственное движеніе мышцами и т. д. Вообще нашли много интересныхъ вещей, совокупность которыхъ является уже практически полезною, приимною къ жизни.

Важно было заручиться уже тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что дѣятельность головного мозга сильно вліяетъ, какъ на растительную, такъ и животную жизнь организма. А отсюда понятно, какъ всякое поврежденіе или болѣзненное состояніе столь важнаго аппарата должно отзываться на процессѣ того непрерывнаго обиха веществъ въ тѣлѣ, которое мы называемъ жизнью. Изъ этого-же видно, какъ необходимо заботиться о «гигіенѣ мозга»; нерегулированная правильно, чрезмѣрная умственная работа, а особенно избытокъ страстей и постоянное возбужденіе, ослабляютъ всю нервную систему и чрезъ это производятъ болѣзненные измѣненія въ питаніи, выдѣленіяхъ и т. д.

Однимъ изъ первыхъ симптомовъ болѣзненнаго состоянія головного мозга является его преувеличенная раздражительность и впечатлительность. Это особенно часто бываетъ у ученыхъ, литераторовъ и вообще людей, посвятившихъ себя умственному труду. Затѣмъ является неправильность сужденія, которое относитъ извѣстныя представленія, сложившіяся въ мозгу, — къ внѣшнимъ предметамъ; являются обманы чувствъ, особенно зрѣнія и слуха. Наконецъ, иногда дѣло доходитъ до галлюцинацій, которыя также ничто иное, какъ *ошибочное заключеніе* при весьма сильномъ раздраженіи извѣстныхъ нервовъ и частей головного мозга.

Теоретически довольно обстоятельно и въ то-же время популярно раз-
смотрѣлъ этотъ предметъ г. Мейеръ, профессоръ цюрихскаго универ-
ситета въ своемъ чтеніи «Обманы чувствъ», переведенномъ и на
русскій языкъ (см. изд. Вольфа, 1867 г.). Эти преувеличенія во-
ображенія — галлюцинаціи — объясняютъ намъ многіе факты ис-
торіи, въ родѣ видѣній релігіозныхъ фанатиковъ, поэтовъ и т. п.
При извѣстномъ настроеніи иллюзія можетъ быть полная. По этому
поводу Дреперъ совершенно справедливо говоритъ, что «физиологъ не
можетъ отрицать, что помѣшанный и находящійся въ бреду вѣрятъ
въ то, что имъ представляется; чувства обманываютъ ихъ, сами-же
они не обманщики». («Физиологія человека», ч. 2, стр. 257). «Валь-
теръ Скоттъ рассказываетъ, что всякій разъ, когда онъ живо вспо-
миналъ о смерти своего друга Байрона, онъ видѣлъ по утрамъ его
образъ между занавѣсками передъ своей постелью. Остроумный фи-
зикъ Лихтенбергъ, послѣ напряженной работы и чрезмѣрнаго упо-
требленія чернаго кофе, малѣйшій шумъ принималъ за громъ, а свистъ
вѣтра за какой-то насмѣшливый хохотъ; онъ пугался при видѣ паде-
нія со стола книги, прежде чѣмъ слышалъ звукъ отъ паденія» (Река.,
стр. 151). И такихъ примѣровъ можно было-бы привести великое мно-
жество.

Обманы чувствъ могутъ также быть вызваны искусственно и про-
извольно. Кому неизвѣстно дѣйствіе опія, столь излюбленнаго жите-
лями востока? Подъ его вліяніемъ человекъ видитъ цѣлый рядъ кар-
тинъ, волшебные сны, нѣчто въ родѣ Шехеразады въ лицахъ. По-
добныя-же видѣнія и сны могутъ быть вызваны вдыханіемъ эфира,
хлороформа, чистаго водорода и друг. веществъ, не поддерживающихъ
дыханія, хотя производить подобные опыты довольно опасно. Фохтъ
весьма резонно указываетъ на то, что къ хлороформу слѣдуетъ при-
бѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, при мучительныхъ операціяхъ,
такъ какъ, «несмотря на всѣ предосторожности, число смертныхъ слу-
чаевъ отъ него все-таки представляетъ довольно значительную цифру»
(«Физиологич. письма», стр. 295). Всѣ помянутыя вещества умень-
шаютъ притокъ къ мозгу артеріальной крови, дѣлаютъ мозгъ нечув-
ствительнымъ къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ и даютъ перевѣсъ старымъ,
прежде воспринятымъ впечатлѣніямъ. Прежнія впечатлѣнія могутъ
быть возбуждены и инымъ образомъ, чрезъ искусственное усиленіе моз-
говой дѣятельности, т. е. при большемъ притокѣ крови къ мозгу.
Въ этомъ отношеніи закись азота, вслѣдствіе большей своей раство-
римости въ крови, дѣйствуетъ даже сильнѣе кислорода на возвышеніе

мозговой дѣятельности. Послѣ вдыханія ея наступаетъ оцѣпенѣніе, во время котораго припоминаются старыя сцены, въ мозгу непроизвольно возбуждается рядъ живыхъ мыслей, все кажется величественнѣе и прекраснѣе и производитъ совершенно новое впечатлѣніе. Этотъ опытъ производилъ надъ собою Г. Девн (H. Davu), и желающіе могутъ найти описаніе его въ «Физиологіи человѣка» Дрепера (см. ч. 2, стр. 273). Почти таково-же, хотя въ болѣе слабой степени и дѣйствіе алкоголя.

Но *массу* мозга нельзя признать за мѣрило его дѣятельности, потому что хотя она и оказываетъ извѣстное вліяніе на его отправленія, но другіе вышепоименованные факторы оказываютъ гораздо сильнѣйшее дѣйствіе. И если, съ одной стороны, мы имѣемъ факты въ родѣ того, что мозговая масса Шиллера слишкомъ въ два раза болѣе мозговой массы несчастнаго идиота, умершаго въ домѣ умалишенныхъ въ Дессау на 44 году жизни (т. е. всего 2 годами ранѣе Шиллера), то, съ другой стороны, мы должны замѣтить, что мозгъ многихъ замѣчательныхъ ученыхъ оказался лишь немногимъ тяжелѣе мозга обыкновеннаго здороваго человѣка, а у нѣкоторыхъ онъ даже былъ нѣсколько легче, чѣмъ у послѣдняго (см. Рекл., стр. 40 — 42). Совершенно не то приходится сказать о вліяніи на наши способности *формы* головного мозга: она оказываетъ на нихъ огромное вліяніе. Какимъ образомъ — правильно или неправильно, сильнѣе или слабѣе — развита извѣстная часть, извѣстный отдѣлъ мозга, — это вопросъ нашего развитія, умственной дѣятельности, способностей воспринятія и переработки впечатлѣній. Это станетъ вполне понятно, если познакомиться съ фактами, доказывающими намъ специальность отправленій, какъ нервовъ, такъ и отдѣльныхъ частей головного мозга. Всякій нервъ воспринимаетъ и проводитъ къ мозгу только извѣстнаго рода впечатлѣніе, а вовсе не всякое. Двигательнымъ нервомъ нельзя чувствовать, точно также, какъ чувствительнымъ производить движенія; обонятельные нервы производятъ только соответствующее имъ ощущеніе, зрительный нервъ — ощущеніе свѣта и ничего болѣе. Точно также и отдѣльныя части мозга имѣютъ каждая свое назначеніе и способны оспринимать и перерабатывать только то, къ чему онѣ предназначены. На это указываетъ не мало фактовъ. Напр., у сумасшедшихъ замѣчается нерѣдко разстройство только *нѣкоторыхъ* способностей; «преобладаніе одной и той-же способности у различныхъ индивидуумовъ сопровождается необыкновеннымъ развитіемъ спеціальнаго мѣста головного мозга» и т. д. (Дреперъ «Физиологія человѣка» ч. 2, стр. 118). Теперь становится понятнымъ, какое вліяніе должна имѣть форма головного мозга вообще и тѣхъ или другихъ частей его въ

частности. Я не упоминаю еще о такъ называемыхъ мозговыхъ извилинахъ, о которыхъ рѣчь впереди, хотя онѣ также вліяютъ на форму мозга. Обращаясь къ *питанію* мозга, я прямо приведу слова самого Реклама: «Работа мозга, точно также, какъ и всякой части тѣла, обусловливается здоровымъ состояніемъ и правильнымъ питаніемъ организма (слѣдовательно, она подчинена физическимъ и химическимъ процессамъ, происходящимъ въ тканяхъ тѣла)» (стр. 42). Чѣмъ энергичнѣе въ организмѣ обмѣнъ веществъ, тѣмъ быстрѣе кровообращеніе, тѣмъ болѣе содержитъ въ себѣ кровь питательныхъ веществъ, а слѣдовательно, тѣмъ больше приносится къ мозгу и потребнаго для его работы матеріала. Изъ этого уже ясна важность хорошаго питанія для успѣшной работы мозга. Фосфористый жиръ, о которомъ я уже упоминалъ выше, и есть тотъ матеріалъ, запасъ котораго такъ необходимъ мозгу. Поэтому послѣ усиленной мозговой дѣятельности замѣчается значительное его уменьшеніе, особенно въ извилинахъ сѣраго—наружнаго вещества мозга, покрывающаго внутреннюю его бѣлую массу. Извилины этой сѣровато-красной массы и считаются въ настоящее время «*главнымъ органомъ умственной дѣятельности*». Густо лежащія одна возлѣ другой извилины наружнаго слоя головного мозга, образуя на немъ возвышенія и углубленія, увеличиваютъ его поверхность; большое количество этихъ извилинъ можетъ увеличить ее въ 12 разъ. *Чѣмъ больше извилинъ въ головномъ мозгу чело­вѣка или животнаго, тѣмъ выше его умственная дѣятельность.* Это фактъ положительно доказанный. Такъ, «способность дѣтей познавать окружающія явленія совпадаетъ съ типическимъ расположеніемъ извилинъ, такъ что дѣти, преждевременно родившіяся, становятся способны къ самостоятельной жизни лишь съ появленіемъ въ мозгу главныхъ извилинъ» (Рекл., стр. 50). Это становится вполне понятнымъ послѣ сказаннаго уже мною о спеціальныхъ отправленіяхъ отдѣльныхъ частей мозга. Точно также понятно, что особенно сильное развитіе какой либо способности непременно вы­казывается большимъ развитіемъ извилинъ въ соотвѣтственной части мозга. Изъ сравненія мозговыхъ массъ мыслителей, ученыхъ и простолюдиновъ замѣчено, на сколько мозгъ первыхъ обладаетъ болѣе многочисленными и разнообразными извилинами, чѣмъ послѣднихъ. Сравнивая мозгъ людей, которые занимались умственнымъ трудомъ, но которыхъ сила мышленія и способности были не одинаковы, наконецъ, сравнивая мозгъ различныхъ животныхъ, обладающихъ не одинаковою «*смышленностью*», мы приходимъ всегда къ одному и тому-же выводу, который высказанъ выше. У идиотовъ и кретинновъ гораздо ме-

нѣе извилинъ въ сѣромъ веществѣ мозга, чѣмъ у здоровыхъ людей. Что-же касается важной роли въ умственной дѣятельности этого сѣровато-краснаго вещества, то на это указываетъ уже обиліе и густота разнообразно вѣтвящихся въ немъ кровеносныхъ сосудовъ, отъ которыхъ и зависитъ его цвѣтъ, а также то, что отъ чрезмѣрной работы мозга это вещество измѣняется и убываетъ. «Движеніе умножаетъ число мышечныхъ волоконъ, мышленіе же умножаетъ число мозговыхъ извилинъ» (Рекл., стр. 51)—вотъ краткое и точное объясненіе увеличенія числа мозговыхъ извилинъ. Это прямое слѣдствіе умственной работы, т. е. болѣе сильнаго обилія веществъ.

Вотъ главные результаты, къ которымъ приводитъ Рекламъ своего читателя. Но, какъ нами замѣчено выше, это только первый выпускъ его объемистаго сочиненія. Надѣмся, что издатели не оставятъ на немъ и окончатъ свое предпріятіе — рано или поздно.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Впечатлѣніе, произведенное отреченіемъ короля Амедея отъ испанскаго престола.—Неизбѣжность этой катастрофы.—Неловкость и недалководность Зориля.—Диктаторскія замашки Сагасты.—Распущеніе палатъ.—Пагубныя послѣдствія этой мѣры.—Мошенничества и подкупы на выборахъ.—Отношеніе консерваторовъ къ монархіи Амедея.—Объявленіе войны карлстами.—Исчезновеніе полумилліона рублей.—Изобрѣтенные заговоры.—Аморветскій договоръ.—Выходъ изъ палаты депутатовъ радикальной и республиканской партій.—Король отказывается нарушить конституцію.—Необходимость реформистской политики.—Орденманія Зориля.—Покупеніе на жизнь короля.—Неудачное путешествіе короля на сѣверъ Испаніи.—Новые выборы въ палату.—Неудачное разрѣшеніе церковной и военной реформъ.—Колебанія радикальнаго министерства.—Проектъ закона объ уничтоженіи невольничества.—Недовольство консерваторовъ.—Разбои и грабежи.—Мятежи, имѣвшіе поводъ и безъ всякаго повода.—Серрано отказывается составить министерство.—Дѣло Гидальго и артиллерійскихъ офицеровъ.—Отреченіе короля.—Интересная корреспонденція газеты «Daily News».

I.

Отреченіе короля Амедея I отъ испанскаго престола произвело вездѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе и его слѣдуетъ разсматривать, какъ одно изъ самыхъ важнѣйшихъ событій послѣдняго времени. Никогда еще сынъ Виктора-Эмануила не пользовался такой популярностью и не возбуждалъ столько симпатій, какъ послѣ своего отреченія отъ престола. И въ самомъ дѣлѣ, исторія указываетъ намъ на многихъ людей, которые ставили на карту все, чтобы удержаться на престолѣ, противъ желанія управляемаго ими народа, чаще всего на престолѣ, которымъ они завладѣвали путемъ насилія; она указываетъ примѣры, хотя очень рѣдкіе, государей, отрекавшихся во время отъ престоловъ, т. е. послѣ того, какъ они убѣждались, что ихъ дѣло окончательно проиграно. Но исторія не заявляетъ ни объ

одномъ государѣ, который рѣшился-бы на отреченіе ранѣ попытки вооруженной борьбой удержать за собой власть. Такой борьбы въ Испаніи не происходило и Амедей отрекся во время мира и спокойствія, въ такое время, когда, казалось, онъ почти укрѣпился на своемъ шаткомъ престолѣ. Вотъ почему на его отреченіе посмотрѣли съ удивленіемъ; вотъ почему многимъ оно показалось необъяснимымъ. Но люди, внимательно слѣдившіе за ходомъ дѣлъ въ Испаніи, ни на минуту не сомнѣвались, что, рано или поздно, король Амедей долженъ будетъ отречься. Могла-ли, въ самомъ дѣлѣ, удержаться иностранная династія, которую возвели на престолъ безъ всякаго содѣйствія народа, путемъ дипломатической интриги? Могла-ли она пустить корни въ Испаніи, гдѣ народъ съ изумительной энергіей сопротивлялся всякому иноземному вторженію, гдѣ на иностранца, занимающаго даже самую ничтожную административную должность, всегда смотрятъ съ недоверіемъ. Въ майской (1872 г.) книжкѣ нашего журнала было высказано мнѣніе о крайней непрочности положенія Амедея I въ Испаніи; мы предвидѣли случившуюся катастрофу. Конечно, эта катастрофа могла случиться при болѣе тягостныхъ обстоятельствахъ; она могла стоить много крови, но все-таки она неминуемо должна была произойти. Можно только радоваться, что она совершилась безъ потрясеній и что до сихъ поръ еще Испанія довольно спокойна. Какія будутъ ея послѣдствія—предугадать пока довольно трудно. Въ нынѣшней хроникѣ мы займемся этимъ событіемъ по возможности подробнѣе.

II.

Кому не приходилось встрѣчать въ лѣсу или на проѣзжей дорогѣ дерево, вырванное съ корнемъ и лежащее на землѣ, которое весной покрывается листьями, пускаетъ даже ростки; но и листья и ростки скоро засыхаютъ и дерево не можетъ дать ни цвѣту, ни плода. Царствованіе Амедея I въ Испаніи, подобно этому дереву, одно время, казалось, пустило свои ростки и можно было думать, что въ немъ есть жизненная сила и оно дастъ цвѣтъ и плоды. Это было въ 1871 году, во время торжественнаго путешествія короля по Испаніи въ сопровожденіи популярнаго въ то время министра Зорилья. Однакожъ, и тогда, при внимательномъ изслѣдованіи, легко было замѣтить, что въ этомъ торжествѣ много искусственнаго, подогрѣтаго, кажущагося. Зорилья, необладающій блистательными способностями,

тактомъ и ловкостью, слишкомъ наввно принималъ эти торжественныя встрѣчи, слишкомъ замѣтно былъ дѣйствующимъ лицомъ и инициаторомъ всѣхъ этихъ манифестацій. Онъ слишкомъ чванился тѣмъ, что ѣдетъ въ одной каретѣ съ королемою; онъ на каждомъ шагу давалъ замѣтить, что король не можетъ удержаться безъ его покровительственной поддержки. Зорилья, дѣйствительно, энергично поддерживалъ въ кортесахъ избраніе на испанскій престолъ молодого герцога Аостскаго. Министерство Зорильи, взятое изъ партіи радикальныхъ прогрессистовъ, дѣйствительно, возбудило надежды въ Испаніи и король Амедей сдѣлался на время довольно популярнымъ; первыя дѣйствія министерства показывали, что король желаетъ быть вполне конституціоннымъ монархомъ: отсюда успѣхъ, которымъ сопровождалась каждая новая мѣра министерства. Этотъ успѣхъ вскружилъ голову Зорильѣ; онъ счелъ себя необходимымъ человекомъ и, въ качествѣ необходимаго человека, бывалъ часто невыносимъ. Его возненавидѣла королева, а онъ этого не замѣчалъ. Какъ человекъ ума очень обыкновеннаго, Зорилья, въ упоеніи перваго успѣха, счелъ себя всемогущимъ, единственнымъ изъ государственныхъ людей Испаніи, который можетъ взять на себя руководство ея запутанными дѣлами. Онъ никогда не могъ понять, какъ ему слѣдуетъ держать себя въ отношеніи короля, который совершенно искренно заявлялъ, что желаетъ дѣйствовать, какъ вполне конституціонный государь, изъ чего, однакожь, не слѣдовало, что онъ желаетъ обратиться въ буржуа, и окружить себя одними буржуа. Онъ, одинъ изъ первыхъ *джентльменовъ* цивилизованнаго міра, происходящій изъ савойскаго дома, одной изъ самыхъ древнѣйшихъ фамилій въ Европѣ, не могъ сносить, что съ нимъ обращается за панибрата какой-то *выскачка*, *радикальчикъ* (эти клички обыкновенно давалъ король, говоря о своемъ министрѣ). И королева Марія-Викторія, урожденная принцесса Чистерна, гордая красавица, рѣшительно ненавидѣла этого толстаго *выскачку* (какъ она обыкновенно называла Зорилью), который осмѣлился быть столько дерзкимъ, что предложилъ ей открыть вмѣстѣ съ нимъ торжественный балъ, данный въ честь короля и королевы, который осмѣлился держать ея вѣрть—и, что хуже всего, она вынуждена была танцовать съ нимъ и съ благосклонной улыбкой принять отъ него обратно свой вѣрть! Этого никогда не могла простить королева Зорильѣ! Не могла она простить ему и того, что ея мужъ изъ его рукъ получилъ корону Карла V и Изабеллы католической. Королева уже во время путешествія старалась возстановить короля противъ министра и успѣла въ этомъ. Случай отдѣлаться отъ не-

приятнаго министра представился тотчасъ по прїѣздѣ королевской четы въ Мадридъ изъ путешествія, во время котораго приходилось имъ выслушивать слишкомъ много рѣчей, слишкомъ часто являться на торжественные праздники и торжественные обѣды, на которыхъ приходилось ѣсть весьма незатѣйливыя кушанья, приготовленныя весьма невкусными поварами. И король, и королева возвратились въ Мадридъ усталые, въ дурномъ расположеніи духа. Маркизь Драгонетти, повѣренный королевы и дядька короля (проставленный къ нему Викторомъ-Эмануиломъ по выбору Ланцы и Висконти-Веносты), наканунѣ открытія палатъ сдѣлалъ нѣсколько тайственныхъ визитовъ къ разнымъ вліятельнымъ личностямъ, и въ первый-же день собранія кортесовъ либеральное министерство Зорилья пало; Зорилья предложилъ выбрать Риверо президентомъ кортесовъ; палата выбрала другое лицо; министерство приняло отставку.

Король поручилъ составить кабинетъ Сагастѣ, умѣренному либералу, что въ Испаніи означаетъ врага свободы, точно такъ-же, какъ въ Соединенныхъ штатахъ демократъ равняется защитнику рабства; во Франціи и теперь умѣренный либераль является яростнымъ реакционеромъ и т. п. Сагаста успѣшнѣе окружить себя отщепенцами различныхъ старыхъ партій, которые двадцать разъ въ своей жизни перебѣгали изъ одной партіи въ другую, постоянно измѣняя своимъ друзьямъ и предавая ихъ. Большая часть изъ нихъ были ревностными слугами дон-Карлоса, Изабеллы, Монпасье и другихъ претендентовъ во время торжества ихъ партій, и тотчасъ оставляли ихъ, какъ только счастье повертывалось въ другую сторону. Они заявляли, что теперь, когда молодой король прервалъ сношенія съ радикалами, они считаютъ своимъ долгомъ укрѣпить его династію на испанскомъ престолѣ. Они ревностно приваились за дѣло... своего обогащенія и такъ дѣятельно работали въ пользу короля, что вскорѣ уничтожили и ту небольшую долю популярности, какой онъ еще пользовался и сдѣлали окончательно невозможнымъ утверженіе Савойской династіи въ Испаніи. Съ этой поры для всѣхъ стало несомнѣннымъ, что Амедею невозможно уже оставаться на испанскомъ тронѣ, трудно было только предсказать, какъ онъ оставитъ его, — добровольно или его заставить отречься. Одни полагали, что отреченіе должно послѣдовать черезъ нѣсколько недѣль; другіе — мѣсяцевъ; третьи — лѣтъ. Заговорили также о томъ, кто будетъ ему преемникомъ. По словамъ однихъ, на престолъ долженъ былъ сѣсть Альфонсъ или Изабелла; другіе, конечно, рассчитывали на излюбленнаго католиками дон-Карлоса; были и такіе, которые пророчили, что престолъ перейдетъ къ Серрано; нако-

нець значительное число голосовъ склонялось въ пользу основанія республики. Споръ между противниками, дѣлившими шкуру медвѣдя, котораго они еще не убили, тянулся, впрочемъ, во все время несчастнаго царствованія Амедея I.

Самый сильный врагъ Амедея была католическая партія, преданная дон-Карлосу, которая яростно ненавидѣла либераловъ, сгруппировавшихся вокругъ конституціонной монархіи дон-Амедео. И однакожь Сагаста только благодаря ея помощи могъ составить большинство въ кортесахъ и провести нѣсколько реакціонерныхъ мѣръ. Сагаста сдѣлалъ ей нѣсколько уступокъ, пользуясь которыми она завладѣла вліятельными мѣстами въ арміи, во флотѣ и въ администраціи; она могла бы играть роль даже при дворѣ, но при всей своей паглости не рѣшилась втереться туда. Сагаста не могъ не видѣть, что карлисты съ каждымъ днемъ усиливаютъ свое вліаніе, но не обращалъ на это вниманія, занятый созиданіемъ своей партіи, которая своей численностью въ кортесахъ могла бы совершенно обезсилить радикаловъ и республиканцевъ, соединившихся для борьбы съ новымъ министерствомъ. Значительный перевѣсъ партіи Сагасты могли дать только клерикалы и карлисты, и министръ не смѣлъ противурѣчить имъ, когда они дѣйствовали также и для своей личной пользы. Однакожь союзники Сагасты не всегда поддерживали его. Начался раздоръ и большинство, которое имѣлъ за себя Сагаста въ началѣ своего управленія, рушилось. Тогда Сагаста рѣшился прибѣгнуть къ мѣрѣ, имѣвшей подобіе государственнаго переворота: онъ закрылъ палату на нѣсколько недѣль, рассчитывая, что въ то время, когда народные представители будутъ предаваться невиннымъ занятіямъ, въ родѣ разведенія капусты и картофеля, онъ успѣетъ измѣнить личный составъ въ министерствахъ и въ администраціи и насаждаетъ вездѣ своихъ приверженцевъ, изъ числа самыхъ рѣшительныхъ, которые ни передъ чѣмъ не остановятся. Онъ успѣлъ привести въ исполненіе свой планъ, и когда снова собрались депутаты, онъ явился въ палату, какъ полновластный диктаторъ. Онъ заговорилъ съ народными представителями наглымъ, рѣзкимъ тономъ; онъ отбросилъ всякую осторожность и тономъ вызова заявилъ, что онъ разобьетъ всякое сопротивленіе его волѣ... Въ палатѣ начался страшный шумъ; рѣчь министра безпрестанно прерывалась и, наконецъ, кортесы огромнымъ большинствомъ выразили ему свое порицаніе. Что ему оставалось теперь дѣлать? Удалиться, подобно Зорильѣ — такъ поступаютъ обыкновенно министры въ конституціонныхъ государствахъ: но Сагаста не хотѣлъ и слышать объ отставкѣ. Онъ побѣжалъ къ королю, по-

ручивъ своему пріятелю Ромеро Робледа занять палату длиннѣйшей, безсодержательной рѣчью до тѣхъ поръ, пока король не приметъ окончательнаго рѣшенія. Черезъ шесть часовъ (все это время Робледа тянулъ свою рѣчь) воротился Сагаста и, смѣривъ собраніе вызывающимъ взглядомъ, среди шума и свистковъ, прочелъ королевскій декретъ о распущеніи кортесовъ. Много труда стоило Сагастѣ уговорить короля утвердить подписью этотъ пагубный декретъ, разрывававшій всякую связь короля съ націей. Правда, эта связь и безъ того уже держалась не крѣпко, на тонкомъ волоскѣ, но все-таки еще держалась... Король долго колебался, но убѣжденный министромъ, наконецъ, согласился сдѣлать вызовъ всѣмъ партіямъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ декретомъ въ странѣ, было самое неблагоприятное и сопровождалось пагубными послѣдствіями для династіи. Къ тому-же эта крайняя мѣра нисколько не улучшила положенія самого Сагасты. Распустивъ палату, онъ долженъ былъ объявить новые выборы и тѣмъ произвести въ странѣ сильнѣйшую агитацію противъ министерства. Начались выборы; Сагаста пустилъ въ ходъ подкупъ, постыдный обманъ и грубое плутовство. Однихъ этихъ выборовъ было достаточно, чтобы погубить всякое правитель-ство; виновникомъ всѣхъ совершенныхъ гадостей былъ, конечно, одинъ Сагаста, но общественное мнѣніе долю отвѣтственности за нихъ возложило и на короля, потому что его министръ дѣлалъ все его именемъ. Король и прежде не пользовался особенной симпатіей своего народа, но его, по крайней мѣрѣ, уважали, теперь-же имя его стали произносить вмѣстѣ съ именемъ министра, возбуждавшаго противъ себя ненависть всего населенія.

Большинство въ палатѣ, организованное такимъ способомъ, было настолько сильно, что могло подавить всякое сопротивленіе. Сагаста имѣлъ теперь въ своемъ парламентѣ банду рѣшительныхъ мамелюковъ, готовыхъ на все, которые охотно соглашались вотировать всякій законъ, попирающій право и справедливость. Сагаста торжествовалъ; король успокоился. Желая быть исполнѣ конституціоннымъ королемъ, Амедей требовалъ одного, чтобы министерство обладало въ палатѣ значительнымъ большинствомъ. Этого съ него было достаточно и его нисколько не интересовало, изъ какихъ припасовъ приготавлиются кушанья въ парламентарной кухнѣ. Онъ рассуждалъ такъ: если за министерскій проектъ подано значительное большинство голосовъ, то этотъ проектъ хорошъ, а слѣдовательно и всѣ распоряженія министерства, поддержанныя большинствомъ палаты, исполнѣ законны.

Чѣмъ болѣе размышляешь о причинахъ неудачи, испытанной Са-

войской династіей въ Испаніи, тѣмъ полнѣе убѣждаешься, что главнѣйшую нравственную причину этой неудачи слѣдуетъ признать въ апрѣльскихъ выборахъ 1872 года, на которые король и его совѣтники смотрѣли, какъ на рѣшительную побѣду, ими одержанную.

III.

Вскорѣ король и министръ замѣтили, что между депутатами, избранными только благодаря поддержкѣ, оказанной имъ министерствомъ, большинство (т. е. большинство въ большинствѣ) состоитъ изъ приверженцевъ Монпансье и Альфонса, т. е. враговъ царствующаго короля. Амедей не успѣлъ еще образовать своей партіи. Либераль Сагаста, изъ ненависти къ радикаламъ и республиканцамъ, поддерживалъ всѣхъ, кто являлся на выборы въ качествѣ консерватора. Между тѣмъ всѣ испанскіе консерваторы принадлежали къ противникамъ существующей монархіи, которую до сихъ поръ поддерживали радикалы и ихъ союзники республиканцы. Къ несчастію для себя, Амедей былъ болѣе джентльменъ, чѣмъ король. Вначалѣ своего царствованія онъ былъ королемъ партіи демократовъ-прогрессистовъ, королемъ партіи Прима, Зорияли, Мартоса и Риверо, къ которымъ лично онъ не чувствовалъ никакого расположенія и при первомъ случаѣ поспѣшилъ отдѣлаться отъ нихъ, забывъ, что онъ имъ обязанъ короною, и что они мужественно поддерживали его противъ его многочисленныхъ враговъ. Подъ вліяніемъ своего нерасположенія къ радикаламъ, король взялъ подъ защиту Сагасту, противъ котораго высказалось большинство въ кортесахъ, и согласился на распущеніе палаты. Разойдясъ съ радикалами, Амедей вручилъ участь своего престола Сагастѣ, который своими руками выдалъ короля его смертельнымъ врагамъ.

Едва открылись засѣданія новой палаты, со всѣхъ сторонъ полетѣли протесты противъ незаконности выборовъ, произведенныхъ посредствомъ обмана и насилія. «Вашу палату можно сравнить съ грязной клоакой! вскричалъ депутатъ Косталесъ. — Я отказываюсь засѣдать въ такой палатѣ, которая представляетъ собою не страну, а министерство...»

Эти слова были сказаны депутатомъ республиканской партіи. Велѣдъ за нимъ поднялись 30 карлистскихъ депутатовъ и объявили, что они оставляютъ палату, повинуваясь приказанію своего короля Карла VII. Карлисты сочли сагастовскіе безобразные выборы удобнымъ мотивомъ

для оправданія своего вооруженнаго возстанія противъ пришельца, завладѣвшаго трономъ законнаго короля. Ихъ газеты стали наполняться статьями, въ которыхъ описывались всѣ возмутительныя продѣлки, ложь и насиліе, къ которымъ прибѣгалъ Сагаста для полученія большинства въ кортесахъ.

«Великая національная партія, заявлялъ въ то-же время дон-Карлосъ въ своемъ манифестѣ,—явилась къ избирательнымъ урнамъ, чтобы бороться на почвѣ, избранной ея противниками; хотя подобная борьба противорѣчитъ ея принципамъ, но она рѣшилась дѣйствовать такъ называемымъ легальнымъ путемъ... Результаты показали, что достойная смѣха комедія либерализма служитъ единственно для того, чтобы извращать общественное мнѣніе, нарушать права, о которыхъ онъ самъ громогласно проповѣдуетъ, вносить ложь въ парламентъ, трауръ въ семьи... Карлистская партія, повинуваясь приказанію своего короля, явилась безоружная въ свои округа, гдѣ встрѣтили ее насилія непопулярнаго правительства, книжалъ ея враговъ. Здѣсь не мѣсто описывать недостойную комедію, кровавые беспорядки, сопровождавшіе выборы... Мы заявляемъ, что не можемъ болѣе дѣйствовать на такъ называемой легальной почвѣ, изобрѣтенной либералами... герцогу мадридскому (дон-Карлосъ) и карлистской партіи остается только взяться за оружіе, чтобы защитить національную честь, достоинство и независимость. Герцогъ мадридскій не думаетъ, чтобы гражданская война длилась очень долго. Короткой, но рѣшительной борьбой онъ надѣется спасти отечество и расчистить дорогу, которая приведетъ къ благосостоянію цѣлое общество. Герцогъ мадридскій объявляетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что онъ имѣетъ честь командовать авангардомъ великой католической арміи, которая идетъ во имя Бога, на защиту трона, семьи и собственности!»

Вслѣдъ за этимъ манифестомъ началась въ Испаніи гражданская война, которая продолжается и до сихъ поръ, слѣдовательно ея нельзя назвать ни короткой, ни рѣшительной.

Возвратимся къ дѣятельности Сагасты, злого генія короля Амедея.

Среди преній по поводу правильности выборовъ и объ отвѣтномъ адресѣ на королевское посланіе, одинъ республиканскій депутатъ потребовалъ отъ министерства объясненія на счетъ исчезновенія суммы въ полмиліона рублей, которой не досчитывались въ кассѣ колоній. Сагаста рѣшительнымъ тономъ заявилъ, что эти деньги употреблены на «государственныя надобности на основаніи высшихъ политическихъ соображеній» Рабочіе большинство нашло отвѣтъ удовлетворительнымъ и поспѣшило тотчасъ-же утвердить этотъ расходъ. Но публика

не удовлетворялась такимъ отвѣтомъ. Въ кафе, въ политическихъ кружкахъ, въ самыхъ коридорахъ зданія кортесовъ шли толки и пренія по поводу этихъ денегъ. «Куда дѣвались эти два милліона Сагаста!» твердили вездѣ, пожимаяя плечами и дѣлали выразительные жесты руками. Любопытство было сильно возбуждено.

Такъ или иначе, но слѣдовало удовлетворить его. Въ палатѣ снова былъ сдѣланъ запросъ о расходованіи этихъ денегъ, причеиъ выражено изумленіе, что правительство вздумало отнести такой обширный расходъ на весьма ограниченный бюджетъ колоній. Сагаста понималъ, что уже нельзя дольше отдѣлываться фразами и приходится выложить на столъ факты. Сконфуженнымъ и робкимъ голосомъ онъ, относившійся къ палатѣ нагло и надменно, заявилъ, что онъ представитъ собранію подлинное дѣло объ этомъ расходѣ. Прошло нѣсколько дней и дѣйствительно Сагаста представилъ палатѣ фантастическій докладъ, наполненный самой беззастѣнливой ложью и грубыми ругательствами.

Желая доказать неправильность обвиненія его въ томъ, что онъ израсходовалъ эти деньги на собственные надобности и на подкупъ избирателей, Сагаста изобрѣлъ цѣлый рядъ заговоровъ, для предупрежденія которыхъ ему пришлось, будто-бы, принять чрезвычайныя мѣры, конечно, потребовавшія экстраординарныхъ расходовъ. По словамъ доклада, въ Испаніи разомъ затѣяли заговоры различныя партіи: альфонсисты, карлисты, монпансьеристы, республиканцы, социалисты, комунисты и др. Заговорщики зашли очень далеко и приготовляли вооруженное возстаніе; такъ генералъ Рей намѣревался присоединиться къ карлистамъ; Серрано хотѣлъ поднять знамя бунта въ своей сѣверной арміи въ пользу принца Альфонса; Кастеляръ, Фигуэрасъ и Пи-и-Маргаль, которыхъ самые враги ихъ называютъ людьми вполне честными, обвинялись въ томъ, что, будто-бы, они во главѣ шайки бунтовщиковъ хотѣли проникнуть въ банкъ и завладѣть золотыми слитками, тамъ хранящимися; Рюисъ Зорилья, предводительствуя бандами, набранными изъ послѣдователей международного общества рабочихъ, долженъ былъ напасть на барселонскія фабрики и сжечь ихъ. Точно также и всѣмъ другимъ замѣтнымъ личностямъ въ оппозиціи приписывались разрушительные и кровавые планы. Вожди республиканской и радикальной партій соединялись въ этомъ бунтѣ съ единственной цѣлью, чтобы заставить короля снова составить министерство изъ радикаловъ. Самъ король оказался скомпрометированнымъ: на почтѣ, будто-бы, перехватили его письмо къ Виктору-Эмануилу, въ которомъ онъ проситъ своего отца обратиться къ

князю Бисмарку съ просьбой прислать въ Испанію двухъ или трехъ прусскихъ генераловъ, чтобы они организовали испанскую армію и настолько дисциплинировали ее, чтобы она была постоянно вѣрна своему королю, а онъ, вслѣдствіе этого, могъ-бы довѣрять ей.

Можно судить, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ наглый документъ на публику, армію и на самого короля, который, натурально, долженъ былъ вознегодовать на своего министра. Но король, казалось, очень спокойно принялъ это дѣло; не въ его характерѣ было дѣлать сцены, требовать разъясненій и вообще энергически заявлять свою волю. Онъ промолчалъ, но купилъ гуттаперчевую карриатуру, изображавшую Сагасту, уносящего на плечахъ мѣшокъ съ полумилліономъ рублей. Эту карриатуру Амедей показывалъ всѣмъ, кто къ нему приходилъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда у него собрался совѣтъ министровъ, онъ, выслушавъ короткій докладъ Сагасты, спросилъ: «это все?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, вышелъ изъ комнаты, но уходя оставилъ на столѣ записку, въ которой говорилъ министерству о многихъ его упущеніяхъ, однакожъ, о полумилліонной растратѣ умалчивалъ. Пораженный Сагаста понялъ, что его царствованіе кончилось.

И въ самомъ дѣлѣ, Амедей въ это время уже договаривался съ партией уніонистовъ, т. е. реакціонеровъ даже въ правленіе Изабеллы, изъ которыхъ большая часть дѣйствовала въ пользу возстановленія принца Альфонса. Король, имѣвшій слабость къ Серрано, поручилъ ему составленіе кабинета, въ который должны были войти Топете, Улоа и Риосъ-Розасъ.

IV.

Серрано въ это время начальствовалъ надъ арміей, сражавшейся съ карлистами. Конечно, было-бы очень красиво призвать маршала въ министерство послѣ одержанной имъ побѣды, но призвать раньше было не совсѣмъ удобно. По неизвѣстную дѣйствительной побѣды слѣдовало выдумать что-нибудь подходящее, напримѣръ, прекращеніе возстанія мирными средствами. Серрано, съ согласія короля, заключилъ съ нѣкоторыми извѣстными карлистскими предводителями въ Амориетѣ договоръ о прекращеніи возстанія. Оказывалось, такимъ образомъ, что возстаніе прекращено кроткими мѣрами, почти безъ пролитія крови.

Въ силу этого договора каждый инсургентъ, который, съ оружіемъ

или безъ оружія, являлся къ правительственнымъ властямъ, получалъ полную амнистію. Генералы, офицеры и солдаты регулярныхъ войскъ, дезертировавшіе въ армію инсургентовъ, имѣли право возвратиться въ свои полки и занять тѣ мѣста, которыя они занимали до побѣга. Правительство принимало на себя уплату убытковъ, которые понесли частные лица во время междуусобной войны.

Этотъ трактатъ былъ заключенъ 24 мая и чрезъ пять дней сталъ извѣстенъ въ Мадридѣ, гдѣ онъ произвелъ самое мрачное впечатлѣніе на публику и вызвалъ всеобщее негодованіе. Было ясно, что эти, чрезмѣрно великодушныя условія не только не обезоружатъ возстанія, но, напротивъ, ободрятъ его. Карлисты непремѣнно выведутъ заключеніе, что правительство не въ силахъ съ своей стотысячной арміей побѣдить пять тысячъ инсургентовъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отрядовъ, дѣйствующихъ въ горахъ и лѣсахъ. Еще болѣе ненавистна была статья договора о генералахъ, офицерахъ и солдатахъ регулярныхъ войскъ, приставшихъ къ инсургентамъ и которымъ разрѣшалось возвратиться въ свои полки; въ обществѣ составилось убѣжденіе, что эти бѣглецы внесутъ деморализацію въ армію, и безъ того страдавшую отсутствіемъ дисциплины и склонностію къ бунтамъ.

Видя, что его договоръ не произвелъ никакого впечатлѣнія на карлистовъ и очень дурное въ Мадридѣ, Серрано издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ, что каждый изъ инсургентовъ, который, послѣ 1-го іюня, будетъ взять съ оружіемъ въ рукахъ, подвергнется немедленно разстрѣлянню. И эта прокламація произвела не лучшее впечатлѣніе, чѣмъ договоръ, потому что Серрано имѣлъ неловкость первымъ изъ инсургентовъ взять въ плѣнъ извѣстнаго генерала Мартинеца, который мѣсяцъ тому назадъ служилъ въ регулярной арміи. Въ силу прокламаціи Серрано, генерала Мартинеца слѣдовало разстрѣлять. Но какъ рѣшиться разстрѣлять генерала? — разстрѣлять консерватора, который поднялъ оружіе за дон-Карлоса только потому, что Амедей — король революціоннаго происхожденія и явшается съ либералами? Да и какой-же изъ испанскихъ генераловъ не участвовалъ въ пяти-шести пронунціаментахъ! Съ разныхъ частей арміи присылались петиціи съ просьбою помиловать бѣднаго Мартинеца. Что сдѣлали съ Мартинецомъ — намъ неизвѣстно, но только онъ не былъ разстрѣлянъ, и прокламація маршала Серрано, пущенная изъ Сернозы, осталась мертвой буквой, безъ примѣненія.

Рюисъ Зорилья позаботился объяснить палатѣ истинное значеніе аморвіетскаго договора. «Чѣмъ вы (т. е. министерство) оправдаете заключеніе этого постыднаго мирнаго договора? вскричалъ онъ. — Я

убѣжденъ, что никакое другое правительство, никакой другой министр, ни одинъ испанскій гражданинъ не примутъ его!»

Послѣ этихъ словъ поднялся страшный шумъ; всѣ депутаты вскочили съ своихъ мѣстъ; множество ораторовъ заговорили разомъ; со всѣхъ сторонъ раздавались упреки и ругательства. Министръ Улоа вошелъ на трибуну и, не смотря на то, что президентъ палаты Рюсъ-Розасъ безпрестанно звонилъ, долго не могъ начать свою рѣчь. Наконецъ, воспользовавшись временнымъ затишьемъ, Улоа заявилъ, что заключенный договоръ не подлежитъ обсужденію палаты, такъ какъ имъ достигнуты огромныя выгоды для государства. Разумѣется, подобнымъ объясненіемъ не могла удовлетвориться палата. Мартосъ, начальникъ штаба Зорилья въ радикальной партіи, отвѣчалъ министру. Не смотря на крики президента, что пренія о договорѣ заключены, Мартосъ продолжалъ говорить, вѣрнѣе сказать, диктовалъ стенографамъ свою рѣзкую, пламенную рѣчь, которую все время прерывало преданное министерству большинство. Министры не знали, что имъ дѣлать; бѣдняга Топоте (президентъ министровъ до пріѣзда Серрано) рѣшительно потерялъ голову. Между тѣмъ, Мартосъ въ заключеніе своей рѣчи объявилъ, что, оскорбленный въ своемъ правѣ депутата, онъ считаетъ невозможнымъ долѣе оставаться въ собраніи и слагаетъ съ себя свои депутатскія полномочія. Онъ вышелъ изъ залы засѣданія; за нимъ поднялись депутаты радикальной партіи и послѣдовали его примѣру. Зорилья тоже поднялся, но остался на своемъ мѣстѣ. Друзья министерства сочли, что онъ не желаетъ слѣдовать примѣру своихъ товарищей, и стали аплодировать. «Не аплодируйте! сказалъ имъ Зорилья. — Послѣ оскорбленія, нанесеннаго вамъ одному изъ самыхъ уважаемыхъ нашихъ со товарищей, я не могу долѣе оставаться въ палатѣ. Но прежде, чѣмъ я уйду отсюда, я громогласно заявляю, что когда дѣло идетъ о чести и достоинствѣ страны, правительство постыдно молчитъ. Мы принесли всѣ возможные жертвы, чтобы спасти наши учрежденія, которыя вы тянете въ пропасть,—и болѣе намъ приносить нечего». Сказавъ это, онъ вышелъ, провожаемый криками ненависти своихъ противниковъ и аплодисментами депутатовъ республиканской партіи, такъ-же оставившихъ, вѣсть съ Зорильей, собраніе.

Съ выходомъ радикаловъ и республиканцевъ, въ палатѣ остались только слуги правительства, слѣпыя исполнители его приказаній. Палата потеряла всякій нравственный авторитетъ; народнаго представительства болѣе не существовало.

Слагая съ себя депутатскія полномочія, Зорилья объявилъ, что

онъ совершенно оставляетъ общественную дѣятельность. Но предвидя печальный конецъ для трона Амедея, котораго онъ считалъ себя создателемъ и опорой, Зорилья написалъ письмо къ Виктору-Эмануэлу, гдѣ заявлялъ, что снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за будущія несчастія.

«Государь, писалъ онъ. — Извѣстіе о томъ, что я отказываюсь отъ званія депутата и оставляю совсѣмъ политическую жизнь, не должно удивить ваше величество послѣ пяти моихъ писемъ, въ которыхъ я имѣлъ честь изложить вамъ мои убѣжденія. Я полагалъ и полагаю, что утверженіе въ Испаніи трона и династіи вашего августѣйшаго сына зависить исключительно отъ примѣненія политики существенно революціонной, которая-бы окончательно отняла всякую надежду у консерваторовъ и карлистовъ и въ то же время уничтожила-бы зародыши республиканизма. Но вашъ августѣйшій сынъ захотѣлъ слѣдовать политикѣ соглашенія, которая, можетъ быть, дала-бы хорошіе результаты въ Италіи, но въ Испаніи служитъ только къ тому, что задерживаетъ естественный, свободный путь прогресса и еще сильнѣе возбуждаетъ борьбу партій. Политика соглашенія поддерживаетъ надежды альфонсистовъ, она побуждаетъ карлистовъ къ возстанію, которымъ нельзя пренебрегать, такъ какъ оно прикрывается религіозной мантией... Предвидя потерю трона вашимъ сыномъ, которому можетъ наследовать или партія Альфонса, или карлисты, и видя, что мои искренніе совѣты не принимаются, я удаляюсь отъ общественной дѣятельности; я не желаю быть участникомъ въ приближающейся катастрофѣ, не хочу принимать на себя отвѣтственность за печальныя событія...»

Молодой король иначе смотрѣлъ на свое положеніе; онъ вовсе не считалъ его критическимъ. Онъ сильно надѣялся на Серрано. Еще наканунѣ бури въ кортесахъ, онъ пригласилъ къ себѣ Зорилью, спеціально за тѣмъ, чтобы выразить ему свое неудовольствіе противъ «такъ называемыхъ народныхъ партій» и свое уваженіе къ «великой консервативной партіи». Король былъ доволенъ, радовался и весь дворъ, точно у всѣхъ придворныхъ появилась несомнѣнная увѣренность, что династія утвердилась на нѣсколько поколѣній. Болѣе всѣхъ радовалась королева; ей очень нравился составъ министерства, президентомъ котораго былъ изящный, элегантный, красивый Серрано, экс-регентъ Испаніи, мужъ милѣйшей, кокетливѣйшей женщины, съ которой королева находилась въ хорошихъ отношеніяхъ.

Слѣдуетъ отдать справедливость Серрано, что, вступая въ министерство, онъ намѣревался не только наслаждаться властію, но и

дѣйствовать энергически. Сагаста составилъ нѣсколько плановъ для подготовки государственнаго переворота, Серрано рѣшился привести ихъ въ исполненіе. Сагаста предлагалъ «очистить» улицы Барселоны, Малаги, Мадрида, Валенсіи и Сарагоссы, проще сказать, вызвать бунтъ въ этихъ большихъ городахъ и усмирить его энергическими мѣрами. Серрано находилъ этотъ планъ хорошимъ, тѣмъ болѣе, что ему не трудно было найти тысячи прецедентовъ. Какая партія въ Испаніи не подвергалась измѣненіямъ? Прогрессисты, республиканцы, уніонисты, карлисты, христіаносы, изабеллисты—каждая изъ нихъ, въ свою очередь, падала жертвой партіи побѣдительницы. Серрано представилъ королю опасность положенія Испаніи, которое можно улучшить только крутыми мѣрами; для водворенія должнаго порядка и спокойствія, по его мнѣнію, существовало только одно средство: объявленіе осаднаго положенія и управленіе при помощи военныхъ законовъ. Король долго колебался, но Серрано такъ убѣдительно доказывалъ, что только этимъ способомъ можно спасти общество, которое начинаетъ разлагаться, что король уже почти согласился, предписавъ съ своей стороны нѣкоторыя смягчающія условія.

Слѣдовало ковать желѣзо, пока оно горячо. На другой день послѣ объясненія Серрано съ королемъ, во время преній объ адресѣ въ палатѣ, поднялся Сагаста и сталъ нападать на международное общество рабочихъ, отъ котораго, по его мнѣнію, шло все зло. Сагаста напомнилъ о своемъ циркулярѣ по этому предмету, съ которымъ онъ обратился ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ; съ гордостью онъ заявлялъ, что получилъ сочувственные отвѣты изъ Пруссіи, Австріи, Даніи, Швейцаріи и даже Турціи. Онъ съ похвалой отнесся о знаменитомъ Жюль Фаврѣ, вполне раздѣлявшемъ его идеи, и съ порицаніемъ о лордѣ Гренвилѣ, который своимъ отказомъ прикннуть къ коалиціи много повредилъ плану кампаніи противъ вреднаго общества. Но чего Европа не можетъ сдѣлать совокупными дѣйствіями всѣхъ правительствъ, то Испанія можетъ и должна сдѣлать у себя. Большинство палаты, конечно, разразилось громкими рукоплесканіями; оно не забыло, что сидитъ здѣсь по милости Сагасты.

Заключивъ союзъ съ Сагастой, Серрано плохо рассчиталъ. Король не могъ забыть скандала, побудившаго его дать отставку Сагастѣ и ему не понравилось, что Сагаста снова выступилъ на арену въ качествѣ министерскаго оратора. Король посѣшилъ рѣшительно высказаться противъ осаднаго положенія. По всей вѣроятности, добрый инстинктъ подсказалъ ему, что серрано-сагастовскій планъ основанъ на совершенно ложномъ положеніи, что партія прогрессистовъ, въ

настоящемъ смыслѣ этого слова, болѣе враждебна его королевству, чѣмъ клерикалы и карлисты, которые питали къ нему смертельную ненависть за революціонное происхожденіе его власти. По всей вѣроятности, онъ понялъ, что реакція, согласія на которую отъ него требовали, постоянно возрастаютъ, разрушить и самый его тронъ. Намъ хочется вѣрить, что король, уяснивъ себѣ, чего у него требовали, былъ настолько честенъ, что не захотѣлъ нарушать конституціи, на вѣрность которой онъ присягалъ. Мы желаемъ вѣрить, что онъ обладалъ настолько возвышенными чувствами, что не захотѣлъ утверждать свой тронъ на трупахъ. Въ этотъ торжественный моментъ, въ этотъ рѣшительный день молодой король доказалъ, что онъ достоинъ уваженія всякаго честнаго человѣка. Въ этотъ день еще болѣе, чѣмъ въ минуту отреченія, король Амедей показалъ, что онъ человѣкъ умный и честный.

Съ неудовольствіемъ, смѣшаннымъ съ пренебреженіемъ, выслушалъ Серрано несогласіе короля на объявленіе осаднаго положенія, которое онъ мотивировалъ тѣмъ, что далъ торжественную клятву не посягать на конституцію страны. Вѣрность присягѣ, уваженіе къ данному слову! — это казалось дурной шуткой достойному Серрано, который достигъ своего высокаго положенія цѣлымъ рядомъ отступничествъ и клятвопреступленій. Серрано призвалъ къ себѣ на помощь президента сената и президента палаты и всѣ трое вмѣстѣ, они стали увѣрять короля, что онъ не преступитъ своей клятвы, если дастъ согласіе на принятіе мѣръ, которыя, не уничтожая конституціонныхъ гарантій, только регламентируютъ ихъ; что, наконецъ, необходимо приостановить дѣйствіе только нѣкоторыхъ гарантій до тѣхъ поръ, пока не водворится порядокъ, и общественная безопасность не утвердится на незыблемомъ основаніи.

— Я далъ клятву и сдержу ее, отвѣчалъ Амедей;—что я обѣщаль, то долженъ выполнить.

— Ваше величество, позвольте вамъ замѣтить, продолжалъ Серрано,—что такая крайняя добросовѣстность неудобна для правительства, въ особенности въ Испаніи. Если ваше величество не желаете дать согласіе на временное приостановленіе конституціонныхъ гарантій, я считаю долгомъ просить у вашего величества дозволенія выйти въ отставку.

— На это я согласенъ, отвѣчалъ король.

Составилось новое, восьмое министерство (въ 23 мѣсяца царствованія Амедея восемь министерствъ!), но оно держало власть въ своихъ рукахъ только 10 дней. Это было къ ряду третье министерство,

которое пало, не смотри на поддержку огромнаго большинства въ палатѣ. Бѣдному Топете король поручилъ объявить кортесамъ объ отставкѣ министерства и объ отсрочкѣ на неопредѣленное время застѣданій сената и палаты депутатовъ.

Король Амедей находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Онъ обращался ко всѣмъ предводителямъ партій и всѣ они разстались съ нимъ съ неудовольствіемъ. Серрано явно перешелъ въ партію альфонсистовъ. Зорилья, изъ своего уединенія, совѣтовалъ радикаламъ тѣсно соединиться съ своими соперниками республиканцами и работать вмѣстѣ для основанія буржуазной республики... Предводители монархическихъ партій, стояли такимъ образомъ, противъ короля. Нельзя-же было ему обратиться къ республиканцамъ и предложить имъ составить министерство изъ своей партіи?.. Что дѣлать? Король послалъ телеграмму къ старику Эспартеро, прося его составить министерство. Тотъ, конечно, отказался по старости лѣтъ. Тогда король пригласилъ нѣсколькихъ вліятельныхъ радикаловъ и уговорилъ ихъ вступить въ министерство подъ предѣлательствомъ Зорильи. Къ Зорильѣ была послана депутація. Онъ согласился.

Мы вынуждены были довольно подробно излагать эти, болѣе или менѣе, извѣстные факты потому, что послѣдующія событія служили имъ естественнымъ дополненіемъ; они подготовили тотъ финалъ драмы, который удивилъ общественное мнѣніе Европы, къ нему мало подготовленное.

V.

Ахиллъ радикализма—Рюисъ Зорилья долго не соглашался на предложенія, которыя присылались въ его шатеръ Амедеемъ—Агамемнономъ. Онъ не скрывалъ, что глубоко чувствуетъ обиду, нанесенную ему молодымъ королемъ и не можетъ забыть пренебреженія, которое ему постоянно высказывала королева. Долго пропадало даромъ краснорѣчіе его друзей съ Риверой во главѣ. Зорилья говорилъ одно, что онъ оскорбленъ и глубоко оскорбленъ неблагодарностью, которой онъ сталъ жертвой. Зорилья утверждалъ, повторяя это всѣмъ, кто только хотѣлъ его слушать, что Амедей, упорствуя въ невозможной политикѣ, стремится къ вѣрной гибели. Онъ завѣрялъ, что крушеніе неизбежно, и ему нѣтъ никакой охоты лѣзть въ ту ладью, которая должна унести Кесаря и его счастье.

Но, по слабости-ли характера, по властолюбію, по привычкѣ къ

общественной дѣятельности или наконецъ по невозможности противиться просьбѣ короля, — Зорилья кончилъ тѣмъ, что вернулся въ Мадридъ. Король обѣщалъ ему полную свободу дѣйствій.

Общественное мнѣніе было сильно возбуждено: «или теперь, или никогда!» Каждый чувствовалъ, что, для спасенія конституціонной монархіи, слѣдовало прибѣгнуть къ реформамъ, дѣйствительно радикальнымъ. На нихъ всегда трудно рѣшаться правительству, отчасти ради финансовыхъ соображеній, но разъ осуществленныя, онѣ съ избыткомъ вознаграждаютъ всѣ затраты и уступку власти. Усмиреніе карлистскаго возстанія было еще меньшею частью задачи, возложенной на Зорилью и его товарищей: слѣдовало отмѣнить рабство и смертную казнь, учредить судъ присяжныхъ, усмирить разбойничьи шайки, отдѣлить церковь отъ государства, совершенно реформировать народное образованіе (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ несчастные учителя не получали никакого жалованья по году и болѣе); слѣдовало вычистить Авгіевы конюшни, называемыя испанскою администраціею, слѣдовало, наконецъ, выполнить обѣщаніе, тысячу разъ уже клятвенно повторенное народу радикальною партіей, чрезъ своихъ депутатовъ, именно, уничтожить, въ случаѣ достиженія власти, постоянную армію и ввести военныя учрежденія, подобныя Швейцаріи. Slѣдовало начать съ распушенія сагастовской палаты и назначенія новыхъ выборовъ. Радикальная партія, пожелавшая спасти монархію Амедея, имѣла право на существованіе только подъ условіемъ энергическаго проведенія реформистской политики, соответствующей духу сентябрьской революціи. Slѣдовало, поэтому, соединить вокругъ себя всю честную и здоровую часть населенія и смѣло выступить въ походъ противъ безчисленныхъ злоупотребленій, которыя раздирали бѣдную Испанію.

Каждое утро, какъ друзья, такъ и враги радикальной партіи съ нетерпѣніемъ развертывали нумеръ «Официальной Газеты», рассчитывая найти въ немъ извѣстіе о новыхъ реформахъ. Но газета сохраняла мертвое молчаніе о всѣхъ важныхъ вопросахъ и наполнялась только приказами объ отставкѣ враговъ и опредѣленіи на ихъ мѣста друзей министерства. Процессы противъ печати, начатыя Сагастою и Серрано, шли своимъ чередомъ; люди, засаженыя этими министрами въ тюрьмы, оставались въ заключеніи. Не было даже слышно о распушеніи сагастовской палаты.

Новое министерство на первомъ же шагѣ своемъ къ реформамъ встрѣтило сопротивленіе со стороны короля, успокоившагося на томъ, что его министерство популярно и, слѣдовательно, опасность устра-

вена. Амедей опасался выборов, которые вводили-бы палату радикалами и республиканцами; онъ терпѣлъ радикальное министерство, потому что не могъ составить другое, но желалъ, по возможности, сдерживать его реформистскую дѣятельность, чего легко было достигнуть при существовавшей палатѣ. Но король не хотѣлъ сообразить, что министерство, неспособное произвести что-либо серьезное, окажется безсильнымъ и для того, чтобы поддержать его колеблющійся тронъ. Зорилья мирился съ своимъ ложнымъ и негѣпымъ положеніемъ, что служить доказательствомъ его ограниченныхъ способностей и слабости его характера. Чтобы доставить себѣ развлеченіе, радикаль, полу-республиканецъ Зорилья сталъ раздавать ордена своимъ друзьямъ, знакомымъ и даже совершенно неизвѣстнымъ ему лицамъ; онъ создавалъ герцоговъ, бароновъ и маркизовъ. Впродолженіи двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за революцію 1868 г., какъ временное правительство, такъ и регентъ Серрано были весьма воздержны въ отношеніи раздачи орденовъ. Но съ 1871 г. число кавалеровъ орденовъ Карла III и Изабеллы католической увеличилось непомѣрно: во второе полугодіе 1871 года пожалованы орденомъ Карла III 1481, а Изабеллы католической 1968 человекъ; министерство Сагасты основало даже новый орденъ королевы Маріи-Викторіи. Кресты его падали настоящимъ ливнемъ втеченіи цѣлаго года на всѣ сословія, въ особенности же на военное. Стараніями изобрѣтательнаго Сагасты былъ основанъ клубъ, тоже посвященный имени Маріи-Викторіи, въ члены котораго поступали горячіе приверженцы прекрасной молодой королевы. Но этому клубу не посчастливилось и онъ закрылся, едва заявивъ о своемъ существованіи.

Но, создавая невообразимо большое число новыхъ кавалеровъ, Зорилья, какъ истый представитель буржуазіи, обложилъ ордена налогомъ, соотвѣтственно ихъ степенямъ, что, конечно, вызвало неудовольствіе. Кавалеры находили, что приходится слишкомъ дорого платить за честь носить орденскій знакъ. И когда республика уничтожила, въ мартѣ мѣсяцѣ, всѣ знаки отличія, то въ пользу сохраненія ихъ не раздалось ни одного голоса.

Съ каждымъ днемъ увеличивалось разочарованіе простодушнаго населенія, надѣявшагося, что произойдетъ слитіе конституціонной монархіи съ демократіей,—и умами овладѣла меланхолическая тоска.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія въ должность министерство успѣло получить королевскую подпись на декретѣ, созывающемъ муниципалитеты, незаконно распущенные Сагастою; за-то министерство очень много толковало о созданіи народной милиціи, о вооруже-

ніи національной гвардіи, которая должна была служить противуѣсомъ регулярной арміи, офицеры которой принадлежали большею частію къ альфонсистамъ,—но дѣло и ограничилось одними толками; такъ какъ въ милицію, по всей вѣроятности, поступило-бы большинство республиканцевъ, то министерство побоялось попасть изъ Сидлы въ Харибду, и потому, послѣ раздачи 20 или 30 тысячъ ружей, сдало дѣло въ архивъ.

Апатія министерства сообщилась и самому обществу. Мадридъ, казалось, заснулъ и дремота его, можетъ быть, продолжалась-бы очень долго, какъ въ городѣ разнеслась вѣсть о покушеніи на жизнь короля и королевы, накануне ихъ отправленія (18 юля) на морскія купанья. По королевскому экипажу было произведено четыре выстрѣла, — къ счастью, никого незадѣвшихъ; кучеръ, стегнувъ лошадей, успѣлъ мигомъ ускакать изъ переулка, въ которомъ стрѣляли. Молодой король выказалъ въ этомъ случаѣ ту рѣшимость и физическую отвагу, которыхъ и слѣдовало ожидать отъ сына Виктора-Эмануила.

Все населеніе Мадрида выразило свое негодованіе противъ преступниковъ, покусившихся на жизнь короля и королевы. Тысячи гѣсныхъ и конныхъ въ тотъ-же день собрались вокругъ королевскаго экипажа, оглашая воздухъ своими сочувственными криками. Всѣ балконы были заняты народомъ; дамы махали платками и кричали «святъ!»». Вечеромъ передъ королевскимъ дворцомъ произведена была торжественная манифестація. Король вышелъ на балконъ и былъ встрѣченъ горячими привѣтствіями. Со всѣхъ концовъ королевства прибывали телеграммы съ выраженіемъ живѣйшей преданности династіи и конституціи. Два и даже три дня Амедей, еслибъ у него была сильно развита фантазія, могъ считать себя идоломъ своего народа.

Но ликованія продолжались недолго, и когда всѣ успѣли до-сыта натолковаться о происшествіи, заявленія любви и преданности смолкли внезапно. Королевское путешествіе (королева отправилась въ Эскуриаль, а король въ сѣверныя провинціи) не отвѣтило ожиданіямъ чинового люда. Разсчитывали на восторженные приемы въ Вальядолидѣ, Валенсіи и на промежуточныхъ станціяхъ. Но ничего этого не случилось. Офиціальныя газеты и телеграммы извѣщали торжественно о «неописанномъ восторгѣ», съ которымъ короля принимали вездѣ, но въ Вальядолидѣ его привѣтствовали криками: «да здравствуетъ республика!». Архіепископъ, — карлистъ, какъ и всѣ прелаты, — избралъ именно это время для пастырскаго объѣзда своей епархіи. Въ Сантандерѣ, гдѣ король намѣревался прожить съ мѣсяцъ, приемъ былъ такой-же. Муниципалитетъ отказалъ въ ассигнованіи какого-бы

то ни было кредита на приемъ короля и только согласился отправиться на дебаркадеръ, чтобы привѣтствовать Амедея, при чемъ выказалъ холодную вѣжливость, но не болѣе. Народу у станціи было много и нѣкоторые дома были украшены флагами національныхъ цвѣтовъ, но толпа даже не поклонилась королю, — впрочемъ, держала себя молча, скромно, прилично, не оскорбляя и не стѣсняя его величество ничѣмъ. Мэръ произнесъ коротенькую рѣчь, длившуюся всего три-четыре минуты, — подражаніе знаменитому привѣтствію, которое въ прошломъ году сказалъ королю республиканскій мэръ Сарагоссы. Сущность рѣчи перваго сантандерскаго сановника заключалась въ слѣдующемъ: «Вы стоите въ настоящую минуту во главѣ исполнительной власти въ Испаніи и по этой причинѣ я вынужденъ привѣтствовать васъ съ нѣсколькими преувеличенными, можетъ быть, выраженіями вѣжливости. Но честь обязываетъ насъ, сантандерскихъ жителей, предупредить васъ, что мы республиканцы и потому ваши противники». Король выслушалъ его довольно любезно и даже поблагодарилъ. Ходилъ слухъ, что сантандерскія дамы намѣревались оказать самый привѣтливѣйшій приемъ этому государю, скромному и сдержанному на видъ, но ихъ увѣрили, что будто-бы впереди короля ѣдетъ какая-то прекрасная итальянка, которой нанята квартира въ двухъ шагахъ отъ его резиденціи.

Королева, скучающая въ громадномъ и уныломъ эскуріальскомъ дворцѣ, сильно опечалилась, узнавъ о приемѣ, который встрѣтилъ ее супруга. Въ ней развилась тоска по родицѣ, и припадки ея меланхоліи были такъ сильны, что перепугали ея друзей. Она была беременна и проводила дни и ночи въ благочестивыхъ упражненіяхъ, проливая слезы и содрогалась, читая исторію императора Максимилиана, написанную его капеланомъ.

Но дѣла королевской фамиліи еще болѣе ухудшились, когда, черезъ мѣсяцъ, король возвращался въ Мадридъ. Въ Коронѣ ему пришлось уже выслушать такую рѣчь:

«Вы въ столицѣ Галисіи — страны, столько-же вѣрной національному духу, какъ и принципу свободы, — страны, которую, несмотря на ея доблести и постоянно миролюбивое настроеніе, постоянно обходили въ распредѣленіи различныхъ благъ, потому что дурныя правительства заботились только о томъ, чтобы получить ея золото и кровь ея дѣтей и не давать ничего взаменъ этого... Находясь въ ста десяти миляхъ отъ столицы, которая поглощаетъ и потребляетъ все и гдѣ дѣлятъ между собою богатства, добытыя трудомъ и страданіями испанскаго народа, Галисія не могла никогда, хотя имѣла

неотъемлемое право, получить свою часть изъ тѣхъ выгодъ, которыя сыпались на другія провинціи. Жалкое состояніе нашихъ дорогъ, бѣдность населенія, долги, тяготѣющія на нашихъ муниципалитетахъ, доказываютъ ясно истину моихъ словъ... Мнѣ нечего сказать вамъ болѣе. Прибавлю еще, что жители Галисіи честны и прямодушны. Входите-же съ миромъ!»

— Мнѣ надоѣло, сказала король одному изъ своихъ адъютантовъ, покуривая сигару, — изображать изъ себя молчаливаго слушателя, передъ которымъ они изощряютъ свои ораторскія способности и говорить прекрасныя рѣчи на манеръ брутовскихъ и катоновскихъ!

Въ Гижонѣ всѣ значительныя лица въ городѣ подъ различными предлогами отказались уступить свои дома королю и его свитѣ, такъ что, за неимѣніемъ приличнаго помѣщенія, Амедей и его спутники должны были расположиться въ меріи.

Въ Овiedo трактирщикъ согласился готовить обѣдъ королю не иначе, какъ подъ условіемъ, что «на него не падетъ никакой ответственности въ случаѣ отравленія, на которое могутъ, пожалуй, рѣшиться карлисты».

Предусмотрительность овіедскаго трактирщика была не совершенно лишенною основанія. Маркизь Драгонати набралъ придворный штатъ короля весьма небрежно, если вѣрить разсказу, помѣщенному въ «Ероса» и другихъ газетахъ и неопровергнутому нигдѣ: «въ Сантоньѣ, во дворцѣ дона Фелипе Квинтана, свита оставила по себѣ неизгладимую память. Конечно, никакая стая проголодавшихся бурсаковъ не позволила-бы себѣ, въ такомъ домѣ, наброситься, еще до начала обѣда, на десертъ, украшавшій середину стола. Такъ поступили, однако, у донна Квинтаны не только придворная прислуга, но даже и нѣкоторые милые кавалеры свиты. Донъ Квинтана, доложившій королю, что обѣдъ готовъ, нашелъ обѣденный столъ въ жалкомъ, опустошенномъ видѣ. Но это еще цвѣточки, ягодки будутъ впереди. Вечеромъ, во время отсутствія хозяевъ, достойные кавалеры и придворная прислуга не посовѣстились своевольно расхватать тысячу сигаръ и распить безчисленное множество бутылокъ шампанскаго безъ приглашенія и вѣдома хозяина. Происшествіе это извѣстно всѣмъ и каждому въ Сантоньѣ. Въ довершеніе всего безцеремонные гости уѣхали изъ дворца донна Квинтаны, не отблагодаривъ даже измученныхъ слугъ приличнымъ подаркомъ. Слуги и разгласили всѣ эти подробности и хотя донъ Квинтана и его супруга старались увѣрить всѣхъ въ несправедливости или преувеличеніи этихъ фактовъ, никто имъ не вѣрилъ...»

Такимъ образомъ, не получивъ никакихъ полезныхъ результатовъ отъ своей провинціальной поѣздки, король воротился въ Мадридъ, гдѣ его встрѣтили очень холодно и гдѣ начались уже демонстраціи, враждебныя королю. Попрежнему шла сильная агитація въ средѣ монархическихъ партій, враждебныхъ династїи, но начались также демонстраціи и чисто-республиканскаго характера.

Замѣчательное обстоятельство: по возвращеніи короля въ Мадридъ, гдѣ за мѣсяцъ передъ тѣмъ покушались на его жизнь, онъ узналъ, что ни слѣдственный судья, ни одинъ полицейскій сыщикъ не напали еще ни на малѣйшій слѣдъ дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія. Было захвачено нѣсколько негодяевъ, которыхъ обвиняли въ соучастіи въ преступленіи; было сверхъ того арестовано еще человекъ пятьдесятъ, которыхъ вскорѣ выпустили по неимѣнію уликъ, но истинные виновники преступленія оставались все еще неизвѣстными. Публика посмѣивалась, увѣряя, что полиція сама сострадала всю эту штуку съ цѣлью возратить нѣкоторую популярность Амедею и подготовить ему триумфальныя встрѣчи въ провинціи. Но самъ король, равно какъ и Драгонетти, и всѣ политическіе люди, смотрѣвшіе на дѣло серьезно, дѣлали сближенія между этою попыткой и убійствомъ маршала Прима, призвавшаго Амедея въ Испанію, виновники котораго тоже остались неоткрытыми... И въ тѣни возставала лукавая, мрачная фигура Монпансье...

VI.

Наконецъ было приступлено къ избранію депутатовъ въ палату. На этотъ разъ, какъ и всегда, легко было убѣдиться въ томъ громадномъ вліяніи, которое правительство, каково-бы оно ни было, оказываетъ на характеръ рѣшеній народнаго голосованія. Народъ вовсе не склоненъ къ революціи, какъ о томъ завѣряютъ хитрецы, а простоки повторяютъ за ними. Онъ существенно консервативенъ и вообще предпочитаетъ избирать депутатовъ, которые угодны правительству. Радикальное министерство производило нѣкоторое давленіе на «избирателей» (отъ чего, разумѣется, отперлось, но фактъ несомнѣненъ), впрочемъ, непереходившее за предѣлы приличія. Правительство получило за себя подавляющее большинство, — отъ 270 до 300 голосовъ, — число, равное тому, которое было получено и министерствомъ Сагасты за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, но получено съ помощью подкупа, обмановъ и даже преступленій. Кабинетъ весьма

разумно выразилъ сожалѣніе, что число примкнувшихъ къ его знамени было слишкомъ значительно. И въ самомъ дѣлѣ черезчуръ сильное большинство становится скоро мятежнымъ, оно желаетъ руководить своимъ министеромъ, а не подчиняться ему.

Король доказалъ свое уваженіе къ закону и конституціи, пригласивъ войска воздержаться отъ подавнiя голосовъ; онъ не желалъ, чтобы его могли упрекнуть въ личномъ вліяніи на выборы. Сверхъ того, онъ отдалъ приказъ всѣмъ служащимъ въ вѣдомствѣ королевскихъ имуществъ не вмѣшиваться въ избирательную пропаганду какого-бы то ни было оттѣнка, подъ страхомъ лишенія мѣста. Его много хвалили за это и, конечно, справедливо,—но слѣдуетъ прибавить, что это безпристрастіе Амедея происходило отчасти отъ ненависти, которую онъ чувствовалъ къ своимъ министрамъ того и другого лагеря,—къ Рюису-Зорильѣ столько-же, какъ и къ дону Матео-Прахедесъ Сагастѣ.

Что намѣревалось теперь совершить министерство, обладая такимъ громаднымъ большинствомъ? Ничего, или почти ничего. Когда палата была не за него, оно еще могло извинять свое бездѣйствіе тѣмъ, что не имѣло возможности принимать какія либо важныя рѣшенія безъ согласія страны. Но теперь для него уже не было извиненія. Однакожъ, министерство избѣгало или, по крайней мѣрѣ, откладывало осуществленіе этихъ страстно ожидаемыхъ народомъ реформъ. Самой важной изъ нихъ, отдѣленія церкви отъ государства, коснулись робко, ощупывали ее то съ той, то съ другой стороны и порѣшили, наконецъ, іезуитскою тонкостью, то есть, не порѣшили ничѣмъ: Зорилья могъ одинаково хвалиться и тѣмъ, что совершенно отдѣлилъ церковь отъ государства, и тѣмъ, что сохранилъ всѣ узы, соединявшія церковь съ государствомъ. Вотъ какъ онъ устроилъ это дѣло: онъ заявилъ, что государство не должно вмѣшиваться въ церковныя дѣла, равно какъ церкви не слѣдовало совѣтаться въ дѣла государства, и перенесъ главный предметъ, церковный бюджетъ, со счетовъ центрального управленія на счетъ муниципалитетовъ. При такой неудобной системѣ остались всѣ недостатки разьединенія безъ его выгодъ. Лишь только министерство внесло этотъ проектъ закона, между духовенствомъ не осталось ни одного амедеиста: оно все перешло на сторону противниковъ конституціонной монархіи. Объяснить это легко. Обремененные уже и безъ того многочисленными налогами и лишеныя всякихъ опредѣленныхъ доходовъ, муниципалитеты не имѣютъ возможности, если даже и желаютъ, платить акуратво всѣмъ аббатамъ, викарнымъ и проч., содержаніе которыхъ отнесено на счетъ ихъ дохо-

довъ, такъ какъ прочіе налоги не уменьшены, а новыхъ доходовъ взять не откуда. Такимъ образомъ, воображаемая реформа сводится къ тому, что жалованье духовенству выдается еще неаккуратнѣе прежняго, а сумма, собираемая на содержаніе духовенства, увеличилась вдвое для плательщиковъ въ тѣхъ муниципалитетахъ, которые нашлись вынужденными обложить ихъ ею, потому что правительство, скинувъ съ своихъ счетовъ расходъ, не произвело соответствующаго сокращенія въ приходѣ. Конечно, было-бы лучше остаться при statu-quo, но прежде данныя обѣщанія заставляли радикальное министерство совершить что нибудь, а съ другой стороны вліяніе двора не допускало совершить чего нибудь серьезнаго. Король Амедей, въ качествѣ сына отца, «отлученнаго отъ церкви», не желалъ болѣе ссориться съ церковью, а королева, родная племянница монсеньора Мерода, находится совершенно въ рукахъ своего духовника—іезуита. Въ сущности, главнымъ основаніемъ ея ненависти къ радикальному министерству была антипатія, искони существовавшая между клерикалами, либералами и радикалами. Когда проектъ новаго закона былъ принятъ палатой, королева Марія-Викторія буквально растерялась. Въ довершеніе горя, радикальное министерство упрямо воспротивилось тому, чтобы часть іезуитовъ, прогнанныхъ изъ Германіи, поселилась въ Испаніи,—гдѣ, по мнѣнію королевы, присутствіе ихъ вызывалось общей потребностью!.. Все это, къ несчастію, заставляло обливаться кровью сердце бѣдной королевы, которая не переставала проклинать неблагодарную націю, такъ тупоумно не признававшую «то, что только и есть великаго въ этомъ грязномъ болотѣ, гдѣ мы проживаемъ теперь», говорила королева.

Понятно, послѣ этого, что, при всей своей ничтожности, реформы, вносимыя радикальнымъ министерствомъ, нуждались еще, для своего осуществленія, въ громадномъ парламентскомъ большинствѣ, готовомъ провести ихъ во что-бы то ни стало.

Проектъ о переорганизациіи арміи также встрѣчалъ сопротивленіе со стороны короля, который, чувствуя себя не въ безопасности среди обезоруженной націи, рассчитывалъ на несравненно меньшее спокойствіе въ томъ случаѣ, если у каждаго гражданина появится ружье. Связанный своими прежними обѣщаніями, ловкій министръ представилъ проектъ закона, которымъ военныя издержки опредѣлялись въ 358 мил. реаловъ (на 80 мил. превосходящіе издержки по этой статьѣ послѣдняго бюджета въ царствованіе Изабеллы),—и отвергалась въ принципѣ и въ общемъ положеніи система жеребьевая; ее сохраняли, однако, для настоящей минуты, призывая къ ружью тѣмъ-

же путемъ вынужденія жеребьевъ, контингентъ въ сорокъ тысячъ чело-
вѣкъ,—вдвое противъ обыкновеннаго. Далѣе, въ виду того, что
жеребьевая система уничтожалась на будущее время, проектъ увели-
чивалъ срокъ службы, определяя его въ семь лѣтъ для всѣхъ здо-
ровыхъ гражданъ. Съ самаго 1868 г., всѣ министры, достигавшіе
власти, давали честнѣйшее слово въ томъ, что производимый ими
призывъ контингента будетъ послѣднимъ. Маршалъ Примъ, за нимъ
маршалъ Серрано, послѣ нихъ маршалъ Завалья говорили то-же самое,
что сказалъ теперь Зорилья. Къ такимъ заявленіямъ испанскій на-
родъ потерялъ уже всякое довѣріе, но все-таки онъ вѣрилъ еще,
что радикальный кабинетъ уничтожитъ рекрутчину. И что-же? Чи-
сто-радикальный кабинетъ достигаетъ власти, — и усиливаетъ налогъ.
Такой образъ дѣйствія въ пору и самому Сагастѣ.

Подобно этому и налогъ на соль не только не былъ уничтоженъ,
но еще увеличился... Что же прикажете дѣлать, когда мятежъ подъ
носомъ, когда слабые казенные доходы заложены, такъ что прихо-
дится пріобрѣтать деньги на необходимые расходы у банкировъ по
ужаснымъ цѣнамъ,—отъ 20 до 37 процентовъ на 100, когда учи-
теля ждуть по году и по два своего скуднаго содержанія, — невоз-
можно стоячески уменьшать налога и съ тѣхъ статей, по которымъ
ихъ всего легче получать!..

«Но почему вы не уменьшаете своихъ расходовъ, твердятъ ми-
нистрамъ люди благоразумные,—почему не сокращаете безчисленные
пенсіоны, получаемые цѣлой арміей полковниковъ и генераловъ, един-
ственные заслуги которыхъ состоятъ въ измѣнѣ всѣмъ правительствамъ
по очереди?.. Зачѣмъ эти пенсіоны экс-министрамъ милліонерамъ и
чиновникамъ, разбогатѣвшимъ на службѣ въ Кубѣ и Порторико? За-
чѣмъ даете вы пенсіоны этимъ бюджетоднымъ паразитамъ, киш-
ащимъ на тѣлѣ націи и сосущимъ ея чистѣйшую кровь? Сколько разъ
объщали вы уничтожить ихъ!.. У васъ большинство, слѣпо пови-
нующееся вамъ; нація утомлена, до-нельзя утомлена проволочками,
пышными програмами, клятвами, всегда нарушаемыми, и требуетъ,
наконецъ, настоящаго дѣла.

— Что вы, что вы! отвѣчаютъ министры,—эти отставленные ге-
нералы и полковники тотчасъ-же перебѣгутъ въ войска донъ-Кар-
лоса; эта изгнанная изъ службы стая чиновниковъ наймется немед-
ленно къ Монпансье. Юная савойская династія не укрѣпилась еще
настолько, чтобы могла вынести потрясеніе, неминуемое при осуще-
ствленіи радикальныхъ реформъ... Закрывая глаза на злоупотребле-
нія и нечѣстности, лада съ глупостями и безобразіями, мы бредемъ

себѣ изо дня въ день, между тѣмъ какъ насъ закружили бы сразу наши собственныя реформы. Плывъ безъ руля, мы, конечно, попадемъ когда нибудь въ омутъ, но это еще когда будетъ, и будетъ-ли, а стараясь поступать умно, мы погвбнемъ тотчасъ-же!»

Но если радикальное министерство встрѣчало затрудненія при осуществленіи практическихъ и матеріальныхъ реформъ, выражающихся приходомъ и расходомъ, то, можетъ быть, ему легче было провести реформы нравственныя, напримѣръ, судебную реформу.

Безъ вѣдома главы партіи, радикалъ Бесерра выхватилъ изъ старой программы своей партіи предложеніе объ уничтоженіи смертной казни въ дѣлахъ политическихъ и представилъ его палатѣ, которая приняла его къ свѣденію. Глава кабинета съ гнѣвомъ объявилъ, что если это предложеніе будетъ принято, онъ тотчасъ-же подастъ въ отставку! Вотъ до чего дошло, наконецъ, вліяніе и нерѣшительность радикаловъ! Для окончательнаго ихъ паденія недоставало только, чтобы они изъ удержанія смертной казни сдѣлали кабинетный вопросъ, и они, не задумываясь, это сдѣлали.

Общественное мнѣніе настоятельно требовало преданія суду Сагасты за извѣстную растрату денегъ. Одинъ молодой республиканскій депутатъ внесъ въ палату предложеніе о преданіи суду всего министерства Сагасты. Радикальное большинство палаты выражало желаніе поддержать предложеніе. Защитники и друзья министерства Сагасты принимали уже заносчивый видъ, подобающій обстоятельствамъ. Всѣ ждали горячихъ преній, какъ вдругъ, къ общему изумленію, правительство въ этомъ вопросѣ заняло положеніе, вполне благопріятное для его бывшихъ противниковъ. Зорилья и Мартосъ стали изъ кожи лѣзть, доказывая, что принятіе предложенія почтеннаго депутата повлечетъ за собою плачевный скандалъ, и что, во всякомъ случаѣ, Сагаста въ былое время оказалъ большія услуги дѣлу свободы. Чтобы увлечь большинство, на этотъ разъ ему не сочувствующее, Зорилья патетически обратился къ воспоминаніямъ своей юности. Онъ заявилъ, что втеченіи многихъ лѣтъ былъ школьнымъ товарищемъ Сагасты.

Что побудило Зорилью выказывать такое великодушіе въ отношеніи клеветника, обвинявшаго его въ припрятываніи петроля для поджога каталонскихъ заводовъ? Эта тайна еще не выяснена, но, естественнымъ образомъ, публика вывела заключеніе, что министръ Зорилья боится отплаты со стороны консерваторовъ, боится грустныхъ разоблаченій въ отношеніи нѣкоторыхъ своихъ товарищей, напримѣръ,

Флгверолы, экс-министра финансовъ перваго радикальнаго кабинета, а теперъ президента сената...

Далѣе, реформистское министерство постаралось удушить въ самомъ зародышѣ проектъ закона объ учрежденіи суда присяжныхъ, равно какъ проектъ секуляризаціи кладбищъ, который былъ самымъ скромнымъ поскребышемъ первоначальнаго грандіознаго проекта объ отдѣленіи церкви отъ государства.

Однако, въ одномъ пунктѣ, — въ одномъ только! — министерство сдержало свое обѣщаніе: президентъ кабинета представилъ кортесамъ проектъ закона о полной и немедленной отиѣнѣ рабства на островѣ Порторико, съ непремѣннымъ условіемъ распространить эту справедливую мѣру и на островъ Кубу, послѣ подавленія на немъ возстанія. Замѣтите, что на островѣ Кубѣ мятежъ свирѣпствуетъ уже четыре года и направленъ противъ рабовладѣльцевъ; невольники, освободившіе себя сами, занимаютъ всю внутренность острова и такъ укрѣпились въ своихъ позиціяхъ, что ихъ не могутъ выбить оттуда значительными силами регулярнаго войска: невольники готовы лучше погибнуть, чѣмъ снова склонить свою голову подъ рабское ярмо. И Зорилья, признающій рабство за гнусность въ Порторико, желаетъ удержать его въ Кубѣ до поры, до времени! Онъ принимаетъ на себя трудъ бѣгать по лѣсамъ, лазить по горамъ съ цѣлю заолонить невольниковъ, сдѣлавшихся свободными людьми, привязать ихъ снова на цѣпь, побичевать хорошенько, и все это для того, чтобы сбросить потомъ съ нихъ оковы и сказать имъ: «никто не имѣлъ права сковывать васъ, никто не имѣлъ права васъ бичевать!..» Такова логика либераловъ, таковъ способъ мышленія испанскихъ радикаловъ!

Кабинету Зорильи суждено было пасть, не совершивъ ничего, кромѣ этого заявленія о половинѣ добраго намѣренія... И рабство не уничтожено еще въ испанскихъ колоніяхъ; сама республика, которая должна бы послѣдовать примѣру французской республики 1848 г., не помыслила о томъ, что гражданамъ ея невозможно быть, въ одно и то же время, свободными людьми и рабовладѣльцами!

Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не поставить въ заслугу радикаламъ ихъ намѣренія уничтожить невольничество, хотя бы и на одномъ Порторико. Едва въ публикѣ узнали объ этомъ проектѣ, реакціонеры всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ закричали: «уничтожить рабство, — значитъ посягнуть на собственность! Развѣ хорошій негръ, вышколенный какъ слѣдуетъ, не стоитъ тысячи рублей? Уничтожить рабство, — значитъ разорить плантаторовъ, приготовить истребленіе бѣлыхъ, стать за одно съ разбойниками, вступитъ въ заговоръ съ под-

жигателями! Эти усердные заступники рабовладѣнія учредили союзъ, который назвали «Національною лигой». По остатку стыда, не смѣя ратовать открыто въ пользу поддержанія рабства, они выдаютъ себя за сторонниковъ постепеннаго освобожденія,—подъ условіемъ не приступать къ нему никогда.

Кастелярь, быть можетъ, величайшій изъ ораторовъ въ мірѣ, такъ отвѣтилъ этимъ защитникамъ рабства:

«Господа, будемъ имѣть мужество повторить слова, сказанныя мудрыми, добродѣтельными, бессмертными Линкольномъ въ виду окровавленнаго Потомака, когда люди падали на его глазахъ сраженные картечью, когда его кавалерія безъ усталы преслѣдовала побѣжденную армію рабовладѣльцевъ, когда его артиллерія придвигалась къ Ричмонду, этому Вавилону рабства, и когда самъ онъ, вторично избранный народомъ, переступилъ уже снова порогъ Капитолія. Смотря тогда на все это разрушеніе, на дымъ пожаращъ, слушая вопли матерей и стоны жертвъ, онъ говорилъ: «О, если-бы даже богатства, скопленныя втеченіи двухсотъ пятидесяти лѣтъ невольничества, должны были безслѣдно погибнуть; если-бы даже за каждую каплю крови, восторгнутую изъ спины негра бичомъ его владѣльца, мы должны были пролить цѣлый ручей крови, всякій честный и религіозный человѣкъ долженъ видѣть въ этомъ только дѣло вѣчнаго правосудія!».. И если Испанія, гг. депутаты,—Испанія, столь любимая нами, за которую мы всѣ готовы пожертвовать своею жизнію,—если Испанія, какъ того желаютъ нѣкоторые генералы, нѣкоторые бюрократы и нѣкоторые таможенники, должна остаться берлогою рабовладѣльцевъ, невольничьимъ рынкомъ... о, тогда возстаньте всѣ и воскликните со мною: «Да будетъ проклятъ геній нашей страны!»

Экс-регентъ не постыдился стать во главѣ защитниковъ рабства. Мы читаемъ въ одной изъ лучшихъ испанскихъ газетъ: «Г. Сerrano, герцогъ де-ла-Торре, отвѣчалъ сегодня письмомъ на примирительный шагъ, сдѣланный его величествомъ, приглашавшимъ его быть воспріемникомъ ожидаемаго королевскаго дитяти. Экс-регентъ заявляетъ, что герцогиня де-ла-Торре не можетъ присутствовать при обрядѣ крещенія, и самъ онъ согласится быть воспріемникомъ будущаго ребенка и возобновить свои прежнія сношенія съ дворомъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ взятъ назадъ проектъ закона объ уничтоженія невольничества на островѣ Порторико».

Такой отвѣтъ почитается оскорбленіемъ въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою; то какъ-же слѣдуетъ разсматривать его въ письмѣ подданнаго къ государю? И если такой отвѣтъ, нарушающій самыя

простыя правила приличія, самыя основныя приемы общественной вѣжливости, могъ быть сдѣланъ королю и королевѣ, то слѣдовало заключить, что бѣдный король Амедей упалъ весьма низко въ общественномъ мнѣніи. Падо было слишкомъ вѣрить въ свою безнаказанность, чтобы осмѣлиться нанести своему государю подобную смертельную обиду!

VII.

Событія съ каждымъ днемъ приближали катастрофу. Они складывались такъ, что вопросъ объ отреченіи короля становился вопросомъ дня.

Карлистское возстаніе снова усилилось. Достигнувъ нѣкотораго успѣха послѣ выборной агитаціи Сагасты, погнавшей въ ряды карлистовъ многихъ, которые до сихъ поръ не раздѣляли ихъ убѣжденій, карлистское возстаніе уменьшилось-было на время, когда король назначилъ радикальное министерство, потому что народъ многого ожидалъ отъ этого министерства; но возстаніе снова усилилось, когда пришлось убѣдиться, что ожиданія напрасны, что ни реформистское министерство, ни конституціонная монархія не намѣрены вводить никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Нѣсколько разъ молодой король, обладающій личною отвагой, хотѣлъ принять начальство надъ войсками экспедиціоннаго отряда, сражавшагося противъ карлистовъ. Но, разумно или неразумно, министры останавливали его, убѣждая, что если го иностранное происхожденіе вредитъ ему въ глазахъ большинства націи, то еще менѣе простать ему стрѣльбу изъ его доброй винтовки по испанскимъ горцамъ. Король убѣдился только на половину, но оставался поневолѣ въ своемъ дворцѣ, ворча на систематическія промедленія своихъ генераловъ, весьма походившія на предательство. Чѣмъ болѣе людей онъ отправлялъ на мѣсто борьбы, тѣмъ неповоротливѣе распоряжались его генералы. Ни одинъ изъ нихъ, повидимому, не считалъ серьезнымъ дѣломъ того возмущенія, усмирить которое его посылали, и принималъ начальство надъ своимъ отрядомъ съ затаенною надеждою повернуть фронтомъ противъ Мадрида и начать работать для своихъ собственныхъ выгодъ. Карлистское возстаніе, во главѣ котораго стоятъ преимущественно патеры и контрабандисты, которому сочувствуютъ многіе именитые гидальго, отличается отъ продѣлокъ Картушей, Мандреновъ и Шиндерганнесовъ одною только грозностью своихъ грабежей и истребленій. Оно чистый сколокъ съ

тѣхъ разбойническихъ нападеній на мирныхъ гражданъ и войска, которыя совершаются въ неаполитанской провинціи во имя истинной католической религіи и единственнаго законнаго короля, Франциска II. Можно будетъ описать это возстаніе, когда его прихлопнуть окончательно, теперь же оно находится въ своемъ романическомъ періодѣ, и весьма трудно разобрать, что правда, что ложь въ кучѣ извѣстій, которыя распускались съ обѣихъ сторонъ, амедеистами и карлистами.

Бывшіе въ октябрѣ мѣсяцѣ, по поводу рекрутскаго набора, мятежи въ Бейяръ, Линаресѣ, Мурсіи, Малагѣ, Амурадильѣ, Мадридѣ, Валенсіи, Аликанте, Алменьѣ, Албацетѣ, Аркосѣ и въ другихъ мѣстахъ, произвели менѣе шума, чѣмъ карлистское возстаніе, но были, въ сущности, гораздо важнѣе, потому что произошли совершенно непосредственно и служили доказательствомъ народнаго ожесточенія противъ конскрипціи, весьма своеобразно совершающейся въ Испаніи, уничтожить которую было обѣщано нѣсколько разъ. И если населеніе до сихъ поръ только на половину довѣряетъ республикѣ, провозглашенной въ Мадридѣ, то это потому, что конскрипція еще не уничтожена. Во многихъ изъ названныхъ мѣстностей была пролита кровь, сооружались барикады, взяты войсками, которымъ не пришлось, однако, захватить ихъ защитниковъ, успѣвшихъ скрыться въ горы, которыми покрыта Испанія. Не смотря на отвращеніе испанцевъ къ военной службѣ, знатоки военнаго дѣла находятъ въ нихъ всѣ качества, необходимыя для образованія первѣйшихъ солдатъ въ мірѣ, передъ которыми спасуютъ даже прусскіе солдаты, созданные по идеалу, начертанному Мольтке. Испанецъ понятливъ, храбръ, терпѣливъ и настойчивъ, способенъ къ дисциплинѣ и къ крайнему одушевленію; умѣренность его обратилась въ пословицу, а желѣзные мускулы его не знаютъ усталости. Можетъ быть, эти самыя качества и отвращаютъ его отъ казарменной жизни.

Въ Ферролѣ возмутились моряки и рабочіе въ докахъ. Эта исторія, какъ и многія другія въ Испаніи, не выяснена вполне. Общественное мнѣніе приписываетъ ее проискамъ карлистовъ. Вожаки этой партіи подкупили нѣсколькихъ матросовъ произвести возмущеніе во имя республики, знамя которой было-бы не трудно подмѣнить въ случаѣ успѣха. Надо отдать справедливость испанскимъ республиканцамъ, что изъ всѣхъ существующихъ здѣсь партій, они менѣе всѣхъ безпокоили правительство бѣднаго Амедея, почему, можетъ быть, и приняли его наслѣдство. Комитетъ республиканской партіи безпрестанно твердилъ своимъ единомышленникамъ: «Тотъ, кто желаетъ направить васъ на путь насилій, совершенно не понимаетъ вашего по-

ложения, или же намѣренно желаетъ погубить республиканское дѣло. Остерегайтесь насильственныхъ дѣйствій! Не далеко то время, когда восторжествуютъ наши принципы, единственно способные спасти Испанію отъ хаоса и анархіи, пожирающихъ нашу родину. Мы нуждаемся для этого въ вашемъ содѣйствіи и вашемъ благоразуміи. Вы не отказывали намъ въ нихъ никогда и мы рассчитываемъ на васъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо. Итъ въ нашей партіи человека, который не предчувствовалъ-бы скорого водворенія республики въ Испаніи. Не будемъ-же подкапываться подъ самихъ себя!

Почти въ то же самое время, именно, во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на королевское посланіе, нѣсколько депутатовъ республиканцевъ представили дополненіе, въ которомъ просили короля отречься отъ престола въ пользу республики. Такое небывалое предложеніе было выслушано палатой спокойно, также, какъ и рѣчь Фернандо Гарридо, защищавшаго его.

«Король, нравственные качества котораго возбуждаютъ глубокое уваженіе даже со стороны враговъ монархіи, говорилъ Гарридо, — великимъ актомъ своего отреченія отъ престола заслужить величайшую признательность отъ настоящей генерациіи и удивленіе и вѣчныя похвалы въ исторіи.»

Эта поправка была, конечно, отринута, но не вызвала бури въ палатѣ, что, навѣрное, случилось бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Это обстоятельство служило яснымъ доказательствомъ, что на отреченіе короля уже смотрѣли, какъ на фактъ возможный и что весь вопросъ заключался только во времени, когда оно должно послѣдовать.

Въ Мадридѣ, на глазахъ самого короля, мелкіе буржуа, на которыхъ всегда смотрятъ, какъ на самую солидную podporу порядка произвели «мирную манифестацію» противъ налога на окна и двери магазиновъ. Собравшись въ довольно значительномъ числѣ, со значками, на которыхъ было написано: «долой налогъ!» они прошли улицамъ Мадрида. Манифестація окончилась бросаніемъ камней, есколькими ударами ножа и нѣсколькими штыковыми ранами.

Возмущенія, на чемъ нибудь основанныя, сами по себѣ пределяютъ серьезное явленіе, возмущенія же безъ опредѣленнаго имъ показываютъ шаткое положеніе правительства и возбужденное соеніе общества. Въ концѣ декабря въ разныхъ пунктахъ Мадридъ брались толпы народа, произошелъ шумъ; многихъ побили, за что почему—никто не зналъ. Такъ какъ въ это время правительство говоривалось о займѣ, то эту странную манифестацію приписали фонсистамъ и моншансьеристамъ, на этотъ разъ соединившимъ

стѣ съ цѣлю если не помѣшать заключенію займа, то, по крайней мѣрѣ, затруднить его насколько возможно. Полиція, впрочемъ, приписала эти безпорядки неудовольствію народа на представленіе палатѣ проекта закона объ уничтоженіи рабства. Такому объясненію, конечно, никто не повѣрилъ: какое дѣло мадридскому населенію низшихъ классовъ до того, что за нѣсколько тысячъ верстъ отъ столицы негры станутъ свободными! Освобожденіе ихъ затрогивало интересы однихъ богачей плантаторовъ.

Разбои и грабежи процвѣтали не въ однѣхъ только баскскихъ провинціяхъ, гдѣ они производилась во имя дон-Карлоса. Постоянная порча желѣзныхъ дорогъ и безпрестанныя нападенія на желѣзно-дорожныхъ агентовъ, которыхъ били и убивали въ особенности машинистовъ), заставили этихъ послѣднихъ отказаться отъ опасной службы. Общества желѣзныхъ дорогъ нашлись вынужденными принимать на должность машиниста всякаго, кто изъявлялъ на то желаніе; можно судить, съ какою правильностію стали ходить поѣзды. Почтовые чиновники, изъ опасенія, что ихъ могутъ посылать съ письмами по желѣзнымъ дорогамъ, также выходили въ отставку; правительство стало посылать съ письмами полицейскихъ. Нечего и говорить, что импровизированные почтовые чиновники не замѣнили собой настоящихъ.

Вообще положеніе Испаніи въ это время представлялось въ самомъ безотрадномъ видѣ. Вездѣ замѣчалось всеобщее недовольство; всѣ желали чего-то, и каждый благомыслящій человекъ видѣлъ, что такъ жить долѣе невозможно. Король держался того же мѣтвія. Откинувъ въ сторону сомнѣніе, онъ рѣшился снова обратиться къ Серрано, чтобы попытаться вмѣстѣ съ нимъ улучшить положеніе страны. Онъ послалъ къ маршалу довѣреннаго человека Морено Бенитеса, съ такимъ заявленіемъ, что если онъ, маршалъ, дастъ слово составить министерство, то король тотчасъ-же подпишетъ отставку радикаламъ. Но герцогъ де-ла-Торре отказался и тотчасъ-же отправился на охоту. Король вскорѣ послѣ этого пригласилъ маршала на балъ, но Серрано не захотѣлъ ѣхать даже и на балъ. Многіе изъ приглашенныхъ послѣдовали примѣру знаменитаго маршала и балъ вышелъ скучнѣйшимъ изъ скучнѣйшихъ. Одна сатирическая газета, сообщая о ничтожномъ количествѣ гостей, съѣхавшихся на балъ, давала совѣтъ церемоніймейстеру, чтобы онъ нанималъ приличныхъ на видъ и солидныхъ галегосовъ, которые охотно станутъ истреблять королевскіе ужины.

Королева Марія-Викторія попыталась было, съ своей стороны, уго-

ворить маршала Серрано. Онъ пріѣхалъ на ея приглашеніе, но остался непоколебимъ, какъ сказа.

Какія побужденія могли заставить нецеремоннаго и легкомысленнаго Серрано на этотъ разъ выказать такую силу характера? Теперь уже извѣстно, что онъ рассчитывалъ послѣ отреченія короля Амедея сдѣлаться снова регентомъ королевства; завладѣвъ властью и склонивъ армію на свою сторону, онъ намѣревался учредить диктатуру отъ имени принца Альфонса, сына Изабеллы, котораго обязали-бы жечься на инфантинѣ Мерседесъ, дочери герцога Монпансье.

Монпансье работалъ и работаетъ въ свою пользу съ изумительнымъ рвеніемъ. Его имя было замѣшано во многихъ мадридскихъ беспорядкахъ, не смотря на то, что онъ умѣетъ чрезвычайно тщательно скрывать свое вліяніе. Но еще болѣе энергія въ послѣднее время проявляла партія альфонсистовъ. За недѣлю передъ отреченіемъ Амедея, весь Мадридъ пришелъ въ волненіе, узнавъ, что въ казармѣ, посвященной имени св. Изабеллы, произошла демонстрація въ пользу Альфонса XII. Это извѣстіе въ самой палатѣ произвело сильный переполохъ. Оказалось, что какой-то отставленный отъ службы полковникъ пришелъ въ казарму и сталъ мутить солдатъ, предлагая имъ возстать за право принца Альфонса. Впрочемъ солдаты задержали его и представили куда слѣдуетъ.

10 февраля, наканунѣ отреченія Амедея, нѣсколько генераловъ собралось въ домѣ Розаса, руководителя заговора, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о днѣ возстанія. Маршалъ Конча отвѣчалъ за армію, Топете за флотъ, Малькампо за администрацію. Но военный министръ узналъ объ этомъ планѣ и принялъ надлежащія мѣры. „Nación“, органъ самого Зорилья, не называя фамилій заговорщиковъ, говоритъ, что они предполагали начать возстаніе пожаромъ въ замкѣ экс-королевы Изабеллы, лежащемъ подлѣ Мадрида (на что она, конечно, согласилась), и что они имѣли въ виду, въ случаѣ неудачи возстанія, приписать его черни, которую, будто-бы, подняли агенты международного общества рабочихъ.

Эти факты показываютъ, что близость катастрофы всеми ощущалась. Ее ускорило извѣстное дѣло Гидальго.

Генералъ Гидальго въ 1866 году былъ поручикомъ артиллеріи и либераломъ. 22 іюня этого года онъ дрался на баррикадахъ, командуя артиллеристами, которые взбунтовались, поддерживая Прима противъ правительства. Нѣсколько офицеровъ, отказавшихся принять участіе въ бунтѣ, были разстрѣляны по приказанію Гидальго, какъ утверждаютъ его обвинители; онъ, правда, опровергъ это обвиненіе,

но не могъ доказать, что препятствовалъ этой мѣрѣ, хотя могъ это сдѣлать. Въ 1868 году, когда Примъ побѣдилъ, онъ вспомнилъ о Гидальго и сдѣлалъ его генераломъ. Но товарищи не хотѣли съ нимъ знаться и ему приходилось безирерывно драться на дуэли.

Радикальное министерство, зная Гидальго за человѣка рѣшительнаго, назначило его генераль-капитаномъ баскскихъ провинцій. Когда онъ пріѣхалъ въ Витторію, всѣ артиллерійскіе офицеры, находившіеся въ этомъ городѣ, сказались больными, чтобы избѣжать необходимости сдѣлать визитъ генералу. Гидальго распорядился, чтобы всѣхъ ихъ положили въ госпиталь, а самъ отправился въ Мадридъ донести правительству объ этомъ казусѣ. Министерство взяло сторону генерала, король — офицеровъ. Побуждаемое общественнымъ мнѣніемъ, которое высказалось за генерала, министерство объявило, что Гидальго остается на своемъ мѣстѣ, въ Витторіи. Всѣ офицеры выписались изъ госпиталю и подали въ отставку. Ихъ примѣру последовали прочіе артиллерійскіе офицеры, и въ военное министерство поступило 800 просьбъ объ отставкѣ. Тогда и Гидальго, въ свою очередь, потребовалъ отставки. Министерство думало уладить дѣло тѣмъ, что, не принимая отставки Гидальго, пошлетъ его управлять таррагонской провинціей и дастъ знать подъ рукою артиллерійскимъ офицерамъ, что въ таррагонской провинціи не будетъ квартировать ни одна артиллерійская батарея. Но офицеры, желавшіе полной побѣды, отвѣчали, что они по-прежнему хотятъ получить отставку; король выразилъ имъ свою симпатію и объявилъ, что не согласится, чтобы противъ нихъ были приняты крайнія мѣры. Тогда министерство рѣшилось уволить въ отставку всѣхъ артиллерійскихъ офицеровъ и на мѣсто ихъ произвести въ офицеры фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ. Офицеры другихъ родовъ оружія, — въ Испаніи вообще живущіе не въ ладахъ съ артиллеристами, — оправдывали министерство; за него-же стояло общественное мнѣніе страны. Министерство повергло этотъ случай на обсужденіе палаты, и она, большинствомъ 192 голосовъ противъ 2, одобрила предположеніе министерства. Это было ударомъ для короля, которому приходилось или подписать отставку всѣмъ артиллерійскимъ офицерамъ, или распустить палату, и уволить министерство Зорильи. Но кѣмъ замѣнить его? Когда Зорилья поднесъ ему декретъ объ отставкѣ офицеровъ, король подписалъ его безъ всякаго замѣчанія и потомъ тихимъ голосомъ сказалъ: «мнѣ нужно съ вами переговорить». Зорилья последовалъ за нимъ въ кабинетъ. «Я намѣренъ отречься отъ престола», сказалъ король пораженному министру. Зорилья просилъ его, умолялъ отказаться отъ

такого рѣшенія; наконецъ, король согласился на 48 часовъ отсрочки. Это было въ субботу; въ воскресенье официально тайна еще сохранялась, но въ понедѣльникъ о ней уже зналъ весь городъ. Король остался при своемъ желаніи и актъ объ его отреченіи былъ прочтенъ въ палатѣ, которая отвѣтила королю письмомъ, благодаря его за его честное управленіе страной.

VIII.

На другой день экс-король оставилъ Мадридъ и отправился въ Лиссабонъ къ своей сестрѣ, португальской королевѣ. О жизни его тамъ и о немъ самомъ мы находимъ чрезвычайно интересныя подробности въ лиссабонской корреспонденціи газеты «Daily-News».

«Донъ Амедей ведетъ здѣсь жизнь члена англійскаго парламента во время парламентскихъ вакацій, пишутъ въ этой газетѣ.—Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Мадридъ, онъ непрерывно охотится. По-видимому, онъ не желаетъ пользоваться развлеченіями, которыя могъ-бы имѣть въ Лиссабонѣ. Онъ избѣгаетъ парадныхъ обѣдовъ; онъ ни разу не былъ въ театрѣ. Впрочемъ, онъ охотно принимаетъ у себя лиссабонскую знать, которая снѣшитъ выразить ему свое уваженіе. Иностранные послы, его посѣщавшіе, выслушали отъ него искренній рассказъ о причинахъ, которыя побудили его отречься отъ престола. Нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣсколько шокировали отзывы его о французскихъ и испанскихъ легитимистахъ и о разныхъ претендентахъ. Въ его портфель хранятся копія съ донесеній полиціи, разъясняющія многія грязныя и скандальныя событія, которыя до сихъ поръ считаются темными и загадочными. Издатель, которому онъ передалъ-бы эти бумаги, могъ-бы составить себѣ на нихъ большое состояніе. Донъ Амедей, или герцогъ аостскій, какъ онъ самъ себя называетъ, отвергаетъ предположеніе, что на рѣшимость его отречься отъ престола повлияли совѣты его отца или князя Бисмарка. Уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ рѣшился на отреченіе, но никому не сообщалъ о своемъ планѣ. Содержаніе ему выдавалось крайне неакуратно; къ тому-же оно было недостаточно при тѣхъ расходахъ, какіе онъ вынужденъ былъ дѣлать. Ему приходилось не разъ прибѣгать къ подкупамъ карлистовъ и другихъ интригановъ, и на эти расходы шли личные доходы королевы, получившей огромное приданое при выходѣ замужъ. Путешествіе въ баскскія провинціи стоило ему очень дорого и эти расходы опять-таки

покрывались личными доходами королевы. Съ меланхолической улыбкой донъ Амедей замѣтилъ, что еслибъ дѣла и дальше шли такимъ образомъ, ему пришлось-бы истратить все женино приданое, такъ какъ, по его словамъ, онъ не обладалъ такимъ финансовымъ гениемъ, благодаря которому Марія-Христина, Изабелла и герцогъ Монпансье, оставляя Испанію, увозили съ собою весьма значительныя состоянія. Донъ Амедей сильно негодовалъ на фанатичное испанское духовенство и на многихъ фанатиковъ-сеньеровъ, которыя на каждомъ шагу старались оскорбить его. Онъ отстѣлъ имъ за это, отрекшись отъ престола. Напротивъ, онъ очень хорошо отзывался объ извѣстныхъ ему республиканцахъ. Въ отношеніи его, они вели себя прилично. Надо помнить, что дѣти Виктора-Эмануила не питаютъ никакого нерасположенія вообще къ республиканцамъ; извѣстно, что они всегда принадлежали и принадлежатъ къ числу горячихъ почитателей Мадзини и Гарибальди. Поэтому неудивительно, что, ставъ испанскимъ королемъ, Амедей приглашалъ къ себѣ на обѣды и балы извѣстныхъ республиканцевъ, несмотря на нежеланіе королевы видѣть ихъ у себя. Когда онъ задумалъ отречься отъ престола, онъ пригласилъ къ себѣ предводителей республиканской партіи и долго бесѣдовалъ съ ними на счетъ будущности Испаніи. Онъ откровенно высказалъ имъ свои взгляды и потомъ далъ совѣтъ Зорильѣ, чтобы онъ уговорилъ свою партію не противиться провозглашенію республики и тѣмъ спасти Испанію отъ новой междуусобной войны.

«Когда былъ рѣшенъ день его выѣзда, король приказалъ, чтобы его вещи укладывали подъ наблюденіемъ чиновника, назначеннаго отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Король запретилъ брать картины и другія дорогія вещи, купленныя имъ въ Мадридѣ. Онъ желалъ взять съ собою только то, что онъ привезъ съ собою изъ Италіи и что несомнѣнно принадлежало лично ему и его супругѣ. Все остальное онъ считалъ государственнымъ имуществомъ. Онъ велѣлъ уплотить все до послѣдней копейки, съ прибавкой впередъ за треть, всѣмъ, кто служилъ ему или при его дворцѣ.

«Король говоритъ о своемъ двухлѣтнемъ царствованіи, какъ о случайномъ приключеніи, о которомъ онъ, конечно, никогда не забудетъ, но объ окончаніи нисколько не жалѣеть.

«Что касается королевы Маріи-Викторіи, несравненно болѣе честолюбивой, чѣмъ ея мужъ, то, судя по ея словамъ, можно заключить, что она пожертвовала-бы своимъ состояніемъ и даже готова была-бы рисковать своей жизнью, чтобы только удержаться на испанскомъ престолѣ. Она очень чувствительно относится къ нѣкоторой стран-

ности своего теперешняго положенія. Одинъ извѣстный дипломатъ мнѣ рассказывалъ, что Марія-Викторія съ самыхъ юныхъ лѣтъ уже мечтала сдѣлаться королевой. Когда она была совѣтъ еще маленькой дѣвочкой, ей пришлось увидѣть, какъ императрица Евгенія съ большою пышностью отправлялась на открытіе палатъ. Будущая испанская королева въ то время воспитывалась въ монастырѣ. Она описала монахинямъ великолѣпіе, которому она только-что удивлялась, и монахини сообщили ей, что дѣвица Монтихо въ дѣтствѣ была посвящена Богоматери, которой она постоянно усердно молилась, за что и получила самую высокую награду, о которой можетъ мечтать свѣтская женщина. Въ первое послѣ этого воскресенье маленькая принцесса Чистерна обѣдала у дипломата, который передалъ мнѣ объ этомъ событіи.—Что за медаль у васъ на шеѣ? спросилъ онъ ребенка.—Вѣроятно, это какая-нибудь награда, которую дали вамъ монахини за прилежаніе и хорошее поведеніе.—«Это не награда; это знакъ посвященія меня Богоматери побѣдъ. Она теперь моя патронесса. Знаете-ли вы, о чемъ я ее просила?»—Я полагаю, вы просили у нея куклу.—«Что вы?.. развѣ мало у меня куколъ? Я просила у нея половины ея короны или цѣлую королевскую корону. Если она дала императрицѣ, бывшей прежде простой испанской графиней, лучшую корону въ мірѣ, то она можетъ дать королевскую корону принцессѣ Чистерна!»

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Безъ исхода. Романъ. (Гл. XV—XXIV)	<i>К. М. Станюковича.</i>
Подъ одной кровлей. Стихотвореніе.	<i>П. Бякова.</i>
Первоначальное образованіе въ Пруссіи. (Окончаніе)	<i>А. Михайлова.</i>
Отецъ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коше).	<i>О. Охтенской.</i>
Надъ пропастью. Романъ. (Гл. I—VIII)	<i>Е. Вернера.</i>
Новый годъ—новый другъ. Стихотвореніе	<i>А. Ш.</i>
Очеркъ саратовской губерніи	<i>Е. Раевского.</i>
Къ брату. Стихотвореніе	<i>Иваничкаго.</i>
Съ того свѣта. Замогильныя записки (Окон- чаніе)	<i>Д. Свѣжскаго.</i>
Крестьянская женщина. (Этнографическій этюдъ.) (Окончаніе)	<i>А. Ефименко.</i>
Погоня за наживой. Романъ. (Гл. V—VIII).	<i>Н. Н. Каразина.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Больные люди	<i>П. Н.</i>
Стэнлей и Ливингстонъ. (Окончаніе).	
Новыя книги	
Политическая и общественная хроника.	

ЛИПЕЦКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Тамбовской губерніи, при грязе-орловской
желѣзной дорогѣ.

СЕЗОНЪ СЪ 20-го МАЯ ПО 1-е СЕНТЯБРЯ.

Ключи щелочно-железистые, сходные, по анализу профессора Траппа, въ отношеніи состава и силы, съ ключами Либенштейна и Пирмонта. Вода липецкихъ источниковъ, употребляемая внутрь и въ видѣ ваннъ, излечиваетъ малокровіе, блѣднокровіе, нервныя страданія, ослабленіе и катарральныя состоянія дыхательныхъ, пищеварительныхъ, мочевыхъ и половыхъ органовъ, болѣзни маточныя, ревматизмъ, болѣзни спинного мозга, дрожанія и параличи разнаго рода, а также ломоту, цыngu и золотуху. Въ заведеніи имѣются всѣ искусственныя и натуральныя привозныя минеральныя воды, искусственныя ванны; также лечение холодною водою, молочное, сывороточное и **КУМЫСЪ**, котораго каждое лѣто отпускается болѣе 10,000 бутылокъ.

Рѣдкое мѣстоположеніе, сады, заведеніе минеральныхъ ваннъ, которыя согрѣваются парами, вокзалъ, гостиницы и проч. Воды расположены въ центрѣ города. Директоръ - врачъ водъ Ф. Я. Новицкій.

Свѣденія о цѣнахъ, квартирахъ и проч. можно получить чрезъ контору минеральныхъ водъ въ Липецкѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСАНДРА БОРТНЕВСКАГО

Въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго
переулковъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

СОДЕРЖАНІЕ: Т. I, отд. 1. Собраніе стихотвореній, стр. 1—86. Отд. 2. Переводы и подражанія, стр. 87 — 139. Отд. 3. На мотивы Александра Петёфи-Зандора, стр. 147 — 214. Проза: Жолчь (рассказъ).—Vanitas vanitatum et omnia vanitas (рассказъ).—Сила, слабость и неразуміе (рассказъ).— Съ квартиръ на квартиру (повѣсть).—Двѣ семьи (рассказъ).—Моя тетушка.

Т. II. Гнилыя болота (романъ). — Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ (романъ).

Т. III. Господа Обносковы (романъ). — Засоренныя дороги (рассказъ).—Подъ гнетомъ окружающаго (повѣсть).

Т. IV. Въ разбродъ (романъ).

Т. V. Лѣсъ рубать—щепки летятъ (романъ).

С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 р.; въсо-
выхъ за 20 ф. по разстоянію.

—ЗАНЕВЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 39)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ

ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биографическяя очеркомъ и портретомъ автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТЬ

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Около 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) отъ конторы Липецкихъ минеральныхъ водъ; 2) объ издаваніи журнала Дѣло въ 1878 году; 3) объ издаваніяхъ редакціи журнала Дѣло; и 4) отъ книгопродавца А. Боршевскаго.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (и
Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа,
на Невскомъ проспектѣ, по Гостин-
ному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ
Книжномъ Магазинѣ для Иногород-
ныхъ, на Невскомъ, противъ Думы,
въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соло-
ева, на Страстномъ бульварѣ, въ д.
Алексѣева; а также въ книжномъ ма-
газинѣ М. М. Черевина, на Раз-
дественѣ, въ д. Торледаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княж-
ства — 19 р. 50 к.; Франція и Данія — 20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія,
Португалія, Турція и Греція — 21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія —
23 р. 50 к.

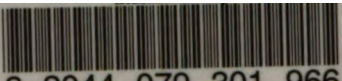
Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручитель-
ствомъ гг. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

3 2044 079 301 966